

Санкт-Петербургский институт истории  
Российской академии наук

---

# **ПЕТЕРБУРГСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ**

исследования по российской и всеобщей истории

№ 2 (06) 2015

# Петербургский Исторический Журнал

исследования по российской  
и всеобщей истории

---

## Учредитель

Санкт-Петербургский  
институт истории РАН  
197110, Санкт-Петербург,  
Петрозаводская ул., д. 7  
Тел. (812)235-41-98  
E-mail: SPbHistoryStudies@mail.ru

## Адрес редакции

«Нестор-История»  
197110, Санкт-Петербург,  
Петрозаводская ул., д. 7  
Тел. (812)235-41-98

## Издатель

Издательство «Нестор-История»  
197110, Санкт-Петербург,  
Петрозаводская ул., д. 7  
Тел. (812)235-15-86  
E-mail: nestor\_historia@list.ru  
www.nestorbook.ru

## Типография

«Нестор-История»  
191119, Санкт-Петербург,  
ул. Правды, д. 15  
Тел. (812)622-01-23

Издается с 2014 г.  
Выходит 4 раза в год  
ISSN 2311-603X

## Редакционный совет:

академик РАН, д.и.н. *Б. В. Ананьич* (Санкт-Петербургский институт истории РАН)  
д-р *Я. Валге* (университеты Тарту и Таллина)  
профессор *Т. Вихавайнен* (Хельсинкский университет)

д.и.н., профессор *А. К. Гаврилов* (Санкт-Петербургский институт истории РАН)

д.и.н., профессор *А. Х. Даудов* (директор Института истории Санкт-Петербургского государственного университета)

д-р, профессор *И. Коэн* (Высшая школа социальных наук, Париж)

член-корр. РАН, д.и.н. *И. П. Медведев* (Санкт-Петербургский институт истории РАН)

д.и.н. *И. И. Муллонен* (доктор филологических наук, профессор Петрозаводского госуниверситета, директор Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, Петрозаводск)

профессор *А. Рабинович* (Индианский университет)

профессор *У. Г. Розенберг* (университет Мичигана, Европейский университет в Санкт-Петербурге)

д.и.н., профессор *Н. Н. Смирнов* (Санкт-Петербургский институт истории РАН, Санкт-Петербургский государственный университет)

д.и.н. *А. Н. Чистиков* (Санкт-Петербургский институт истории РАН)

д.и.н., профессор *М. В. Ходяков* (Санкт-Петербургский государственный университет)

к.и.н. *С. Е. Эрлих* (Генеральный директор издательства «Нестор-История»)

№ 2 (06) 2015

---

## Редакционная коллегия:

Ответственный редактор – д.и.н. А. И. Рупасов  
(Санкт-Петербургский институт истории РАН)

## Секретариат

Ответственный секретарь – *К. А. Тарасов*  
(Санкт-Петербургский институт истории  
РАН)

*А. А. Ефимов*  
(Санкт-Петербургский институт истории  
РАН)

Дата подписания в печать: 18.06.2015

Перепечатка материалов  
допускается только с письменного  
разрешения редакции журнала.

Тираж 500 экз.

Заказ № 69

© Санкт-Петербургский институт истории  
Российской академии наук, 2015

© Издательство «Нестор-История», 2015

## Члены редколлегии:

к.филол.н. *Д. В. Кейер* (Санкт-Петербургский  
институт истории РАН)

к.и.н. *В. Ю. Черняев* (Санкт-Петербургский  
институт истории РАН)

к.и.н. *В. И. Мажуга* (Санкт-Петербургский  
институт истории РАН)

д.и.н., профессор *М. Б. Свердлов*  
(Санкт-Петербургский институт истории  
РАН; Российский государственный  
педагогический университет  
им. А. И. Герцена)

д.и.н., профессор *В. В. Носков* (Санкт-  
Петербургский институт истории РАН)

д.и.н. *Т. В. Андреева* (Санкт-Петербургский  
институт истории РАН)

д.и.н. *С. Н. Исколь* (Санкт-Петербургский  
институт истории РАН)

# Содержание

## История России

- *А. П. Павлов*  
Из истории родового княжеского землевладения в XVII в.  
(судьба родовых вотчин князей Ростовских) ..... 6
- *А. А. Андреев*  
Российско-хивинские отношения в конце XVII — начале XVIII в.  
Декларативная «шерть» или реальное подданство? ..... 16
- *Е. А. Андреева*  
Хендрик Крюйс, магазин «Ява» и голландские плитки  
во дворце Меншикова ..... 31
- *Т. В. Андреева*  
Николай I и финляндский вопрос. 1830–1831 гг. .... 52
- *И. Е. Барыкина*  
Из записок графа Д. Н. Толстого:  
особенности государственного управления 1820-х — 1860-х гг. .... 79
- *В. А. Веремко*  
Религиозное воспитание детей в дворянских семьях России  
во второй половине XIX — начале XX в. .... 100
- *И. С. Ратьковский*  
Белые репрессии в Оренбуржье  
в период Гражданской войны в России в 1917–1919 гг. .... 116
- *А. А. Непомнящий*  
Академик Крачковский и крымоведение 20-х гг. XX в.:  
две малоизвестные командировки ..... 130
- *Н. М. Корнева, М. Ю. Крапивин*  
Следственное дело сотрудников Ленинградского центрального  
исторического архива (март–август 1929 г.) ..... 141
- *М. В. Шкаровский*  
Русский Свято-Пантелеимоновский монастырь на Афоне  
в первые годы после окончания Первой мировой войны (1919–1924) ..... 151
- *А. И. Рупасов*  
«В кругах германского правительства статья вызвала переполох».  
Дело Кайсарова–Шварсалона, 1932 г. .... 170

## **Всеобщая история**

- *А. Е. Карначёв*  
РНБ греч. 113: перевод сочинений Арнальдо де Вилланова на греческий язык, выполненный на латинском востоке в XIV столетии ..... 185
- *Д. В. Веденеев*  
Инспириатор церковных расколов 1920-х — начала 1930-х гг. на Украине (страницы биографии чекиста Сергея Карина-Даниленко) ..... 208

## **Историография**

- *Б. Б. Дубенцов*  
Основные законы Российской империи 1906 г. как трансфер западного конституционализма: Оценки тренда тогда и теперь ..... 221
- *Ю. Н. Беспятовых*  
О терминах «дворяне» и «шляхта» в России при Петре I (К полемике по поводу грамотности и происхождения А.Д. Меншикова) ..... 263

## **Публикации**

- *Лайла Нордквист*  
Несколько челобитных из Новгородского оккупационного архива ..... 285
- *А. В. Ганин*  
«Старый Генштаб... по-прежнему крайне отрицательно относится к нам». Новые документы о борьбе выпускников ускоренных курсов Николаевской военной академии за свои права в Красной армии ..... 304
- *А. Н. Чистиков*  
ЛОИИ и Великая Отечественная война ..... 316

## **Сообщения**

- *И. В. Савицкий*  
К биографии Сергея Николаевича Казнакова ..... 330

## **Письмо в редакцию**

- *В. В. Носков*  
Невеликая Французская революция: По поводу статьи Д.Ю. Бовыкина «Французская революция XVIII в. в школьных учебниках России» ..... 340

**Аннотации**..... 345

**Abstracts**..... 358

**Сведения об авторах** ..... 370

**Contacts of authors** ..... 372

**Требования к публикации статей и материалов**..... 374

## А. П. Павлов

### Из истории родового княжеского землевладения в XVII в. (судьба родовых вотчин князей Ростовских)<sup>1</sup>

В годы опричнины родовому княжескому землевладению, в том числе землевладению князей Ростовских был нанесен серьезный урон<sup>2</sup>. Из князей Ростовского рода к концу XVI в. вотчины в родовом гнезде сохранили лишь кн. Гвоздевы-Приимковы, служившие в опричнине.

В 1572 г. вдова опричника кн. Ивана Федоровича Гвоздева княгиня Авдотья сделала вклад в Богоявленский монастырь мельничными угодьями в Ростовском уезде<sup>3</sup>. В конце XVI — начале XVII в. родовая вотчина Гвоздевых — село Гвоздево-Дехтерево в Сотемском стане Ростовского уезда — принадлежала кн. Михаилу Федоровичу Гвоздеву, который был последним представителем рода (умер в 1603/04 г.<sup>4</sup>). В 1607/08 г. его вдова кнг Ирина Васильевна заложила эту вотчину (усадыбище Дехтерево-Гвоздево с деревнями) в 300 руб. в Ростовский Белогостицкий монастырь<sup>5</sup>. Позднее, еще при царе Василии, вотчина перешла к сородичам Гвоздевых — кн. Бахтеяровым-Ростовским (также происходившим

<sup>1</sup> Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 14–01–00283.

<sup>2</sup> Павлов А. П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605 гг.). СПб., 1992. С. 154–155, 171–173.

<sup>3</sup> РГАДА. Ф. 1209. кн. 10750. Л. 932.

<sup>4</sup> В 1603/04 (7112) г. он упоминается как воевода в Свияжске (Разрядные книги 1598–1638 гг. М., 1974. С. 175), а в росписи русского войска 1604 г. упоминается уже его вдова — княгиня Орина (Боярские списки последней четверти XVI — начала XVII в. и роспись русского войска 1604 г. М., 1979. Ч. 2. С. 76).

<sup>5</sup> Стрельников С. В. Землевладение в Ростовском крае в XIV — первой трети XVII века. М.; СПб., 2009. С. 43, 118.

из рода Приимковых), которые, очевидно, выкупили ее у монастыря<sup>6</sup>. В дозорной книге Ростовского уезда 1614/15 (7123) г. сельцо Гвоздево с деревнями значилось за кн. Владимиром Ивановичем Бахтеяровым-Ростовским (305 четвертей земли)<sup>7</sup>. Часть этой вотчины, дер. Левково (65 четвертей), Вл. И. Бахтеяров с сыном Петром дали вкладом в Ростовский Белогостицкий монастырь<sup>8</sup>. После смерти В. И. Бахтеярова (в конце 1616 г.) с. Гвоздево перешло к его сыну Петру. В своем завещании Петр Владимирович Приимков-Ростовский (был последним представителем рода, ум. 5 сентября 1618 г.) «отказывал купленную (выкупленную его отцом из Белогостицкого монастыря бывшую вотчину Гвоздевых-Ростовских. — А. П.) свою вотчину» село Гвоздево с деревнями своей жене, княгине Авдотье Васильевне (урожденной Прозоровской); завещание предусматривало при этом возможность отдачи этой вотчины на выкуп сородичам, «кому та ево вотчина понадобится из родителей ево» за 500 руб., которые следовало отдать княгине Авдотье Васильевне Бахтеяровой<sup>9</sup>. В августе 1620 г. о выкупе этой вотчины били челом князья Приимковы-Ростовские, и их челобитная была удовлетворена. По государеву указу кн. Приимковы выкупили с. Гвоздево с деревнями у княгини Авдотьи Бахтеяровой, а дер. Левково выкупили из Белогостицкого монастыря<sup>10</sup>. Выкупленную кн. Приимковыми родовую вотчину предполагалось разделить на четыре доли (между потомками князей Бориса и Григория Андреевичей Приимковых) — часть ее должны были получить сын кн. Никиты Борисовича Приимкова — Иван Никитич с сыном Иваном, а также сыновья Бориса Никитича — Василий и Федор Борисовичи; часть — сын Данилы Борисовича Приимкова — кн. Александр Данилович; часть — сын Василия Григорьевича кн. Алексей Васильевич и, наконец, часть вотчины должна была достаться сыновьям Наума (Богдана) Ивановича (сына Ивана Григорьевича) — кн. Ивану, Василию и Семену Богдановичам Приимковым-Ростовским. Однако при покупке вотчины возникли сложности. Кн. И. Н. Приимков с сыном Иваном не могли

<sup>6</sup> В своей изустной памяти кн. Петр Владимирович Бахтеяров-Ростовский отказывал жене, кнг Авдотье Васильевне, «*купленную свою* (курсив мой. — А. П.) вотчину... сельцо Гвоздево с дерр.» (Федотов-Чеховский А. А. Акты, относящиеся до гражданской расправы древней России. Киев, 1860. Т. I. С. 282). Правда, согласно челобитной кн. Приимковых 1620/21 г., их «дядя», кн. Владимир Иванович Бахтеяров, «взял» из Белогостицкого монастыря «родственную вотчину» село Гвоздево с деревнями «безденежно», не дав за эту вотчину в монастырь «ни единые денги», а «родители» их, князья М. Ф. и В. И. Гвоздевы-Ростовские, «лежат в монастыре без помину» (Федотов-Чеховский А. А. Акты. Т. I. С. 284).

<sup>7</sup> Федотов-Чеховский А. А. Акты. Т. I. С. 281.

<sup>8</sup> Там же.

<sup>9</sup> Там же. С. 282. В другом судебном деле (о наследовании после кн. П. Вл. Бахтеярова-Ростовского вотчинных сел Никольское и Приимково) говорится о том, что с князей Приимковых было взято за вотчину с. Гвоздево с деревнями и отдано княгине Авдотье Бахтеяровой 300 рублей (Лихачев Н. П. Судное вотчинное дело стольника князя Юрия Андреевича Сицкого о наследстве после князя Петра Владимировича Бахтеярова-Ростовского // Известия Русского генеалогического общества. СПб., 1909. Вып. 3. С. 285–286).

<sup>10</sup> Федотов-Чеховский А. А. Акты. Т. I. С. 282; Записные вотчинные книги Поместного приказа 1626–1657 гг. М., 2010. С. 675.

внести в нужный срок необходимую сумму в 100 руб., и по государеву указу и боярскому приговору им было отказано в праве на выкуп их доли родовой вотчины<sup>11</sup>. Племянники И. Н. Приимкова, кн. Василий и Федор<sup>12</sup> Борисовичи Приимковы, также испытывали затруднения при поиске причитавшейся с них суммы; эту сумму они получили от тестя В. Б. Приимкова Ивана Васильевича Биркина, благодаря чему сумели выкупить свою долю родовой вотчины<sup>13</sup>. Очевидно, не получили (возможно, не смогли выкупить в 1620 г.) своей доли родовой вотчины представители младшей ветви Приимковых — князя Иван, Василий и Семен Богдановичи, люди тогда достаточно молодые, службы которых прослеживаются только с 1621/22 г. В результате вотчину в 1620/21 г. выкупили (с. Гвоздево — у княгини Авдотьи Васильевны Бахтеяровой, а дер. Левково — из Белогостицкого монастыря) лишь князя Александр Данилович, Алексей Васильевич и их племянники Василий и Федор Борисовичи Приимковы-Ростовские<sup>14</sup>. В ноябре 1629 г. умер кн. Алексей Васильевич Приимков, а его доля вотчины (половина с. Гвоздева) перешла к его бездетной вдове княгине Аграфене, которая в 1631 г. отдала ее на выкуп князьям Юрию Андреевичу Сицкому и Тимофею Васильевичу Долгорукому, зятям бывшего владельца вотчины кн. Владимира Ивановича Бахтеярова-Ростовского<sup>15</sup>. Этой вотчины, бывшей за Алексеем Васильевичем Приимковым, безуспешно добивались племянница А. В. Приимкова Мария Иванова жена Рудина, а также его двоюродные племянники князя Иван и Василий Богдановичи (Наумовичи) Приимковы-Ростовские<sup>16</sup>. После смерти бездетного кн. Александра Даниловича Приимкова в 1630/31 г. его вдова княгиня Наталья Федоровна дала его долю вотчины с. Гвоздева на выкуп своим двоюродным племянникам кн. Ивану Ивановичу (сыну Ивана Никитича Приимкова, к тому времени умершего) и Василию Борисовичу Приимковым<sup>17</sup>. После смерти бездетного кн. Василия Борисовича Приимкова 25 мая 1641 г. его доля родовой вотчины отошла к вдове кнг Акулине Ивановне. Попытка князей Ивана и Василия Богдановичей Приимковых добиться раздела бывшей вотчины Василия

<sup>11</sup> Федотов-Чеховский А. А. Акты. Т. I. С. 283.

<sup>12</sup> Не раз упоминающийся в судебном деле кн. Федор Борисович Приимков не значится в родословцах и на службах при дворе. Вероятно, он умер вскоре после 1620 г., не успев проявить себя на службе.

<sup>13</sup> Федотов-Чеховский А. А. Акты. Т. I. С. 283; Записные вотчинные книги Поместного приказа 1626–1657 гг. С. 674, 675.

<sup>14</sup> Записные вотчинные книги Поместного приказа 1626–1657 гг. С. 675. За ними эта вотчина значится и в ростовских писцовых книгах 1629–1631 гг. (РГАДА. Ф. 1209. кн. 10752. Л. 142 об., 148, 154 об.). Эти же князья в 1620/21 г. дали в Белогостицкий монастырь «по родителям своим» земли и угодья дер. Левково, приписанной к с. Гвоздево (РГАДА. Ф. 1209. Кн. 10750. Л. 305–306; Стрельников С. В. Землевладение в Ростовском крае. С. 118).

<sup>15</sup> Записные вотчинные книги Поместного приказа 1626–1657 гг. С. 186, 676; РГАДА. Ф. 1209. кн. 10752. Л. 142 об., 148, 154 об. Впоследствии доля Т. В. Долгорукова перешла к кн. Ю. А. Сицкому.

<sup>16</sup> Записные вотчинные книги Поместного приказа 1626–1657 гг. С. 676–677.

<sup>17</sup> Там же. С. 164, 675.



Борисовича Приимкова между родственниками закончилась безрезультатно<sup>18</sup>. В 1643 г. бездетные кн. Иван Иванович Приимков и вдова Василия Борисовича Приимкова княгиня Акулина Ивановна дали на выкуп кн. Ю.А. Сицкому оставшиеся жеребьи родового с. Гвоздева, о которых он бил челом государю<sup>19</sup>. Кн. Приимковым, таким образом, не удалось удержать за собой родовые владения в Ростовском уезде. кн. Иван и Василий Богдановичи (Наумовичи) Приимковы, от которых дальше пошел род, так и не получили своей доли родовой вотчины села Гвоздева.

В первый год царствования Михаила Федоровича (в 1613 (7121) г.) кн. Владимир Иванович и его сын Петр Бахтеяровы-Ростовские были пожалованы родовой вотчиной в Сотемском стане Ростовского уезда — с. Приимково и Никольское (всего 526 четвертей земли). В жалованных грамотах от 17 мая и 7 июля (июня?), выданных Вл. И. и П. Вл. Бахтеяровым на эту вотчину на основании их челобитной, указывалось, что вотчина прежде принадлежала деду и отцу Вл. И. Бахтеярова — кн. Федору Бахтеяру Приимкову-Ростовскому и кн. Ивану Федоровичу Бахтеярову, которые при царе Иване IV подверглись опале и ссылке в «Казанские города», а их вотчина была конфискована и взята «во Дворец»<sup>20</sup>. Из Дворца с. Приимково и Никольское наряду с некоторыми другими бывшими вотчинами Ростовских князей были даны (очевидно, в начале царствования Федора Ивановича) в поместье боярину кн. Федору Дмитриевичу Шестунову (из рода Ярославских князей), у которого, однако, в 1588/98 (7097) г. это владение было взято и вновь передано в дворцовые земли. При царе Василии Шуйском, в 1609/10 г., с. Приимково и Никольское были даны в поместья Сильвестру Толстому и Ивану Козлову, у которых в 1613 г. они были взяты и отданы кн. В. И. и П. В. Бахтеяровым<sup>21</sup>. Известно, что отец кн. Вл. И. Бахтеярова, кн. Иван Федорович Бахтеяров-Ростовский, действительно попал в опалу и был сослан в Казанские пригороды. В 1564/65 (7073) г. он упоминается на воеводстве в Чебоксарах, оставался в ссылке в Казани (на воеводстве в Чебоксарах) и после отмены опалы казанским ссыльным 1 мая 1566 г., когда часть ссыльных была возвращена в Москву<sup>22</sup>. В 1570/71 г. кн. И. Ф. Бахтеяров находился на воеводстве в Васильгороде, где его настигла новая опала; на опального был наложен арест, а его имущество конфисковано<sup>23</sup>. Со времени опалы И. Ф. Бахтеярова

<sup>18</sup> Там же. С. 674–675.

<sup>19</sup> Там же. С. 674–677.

<sup>20</sup> Лихачев Н. П. Судное вотчинное дело. С. 243, 244, 298, 302, 303, 345. В земляном списке 1613 г. как вотчины «прадеда и деда» значилась принадлежавшая кн. П. Вл. Бахтеярову его половина в с. Приимково и Никольском с деревнями в земляном списке 1613 г. (Чтения ОИДР. 1895. кн. I. Отд. I. С. 7–8).

<sup>21</sup> Лихачев Н. П. Судное вотчинное дело. С. 225, 226, 234, 274, 304.

<sup>22</sup> Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1981. Т. II. Ч. I. С. 176, 178, 197; Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 213, 214; Скрынников Р. Г. Царство террора. СПб., 1992. С. 260.

<sup>23</sup> Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 241; Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1982. Т. II. Ч. II. С. 274; Назаров В. Д. Из истории государственного аппарата России в конце XVI —

и конфискации его вотчины до ее возвращения его сыну и внуку прошло более 40 лет, и получить родовую вотчину отца и деда кн. Вл. И. и П. Вл. Бахтеяровы смогли лишь в качестве особого государева пожалования. В своей челобитной царю Михаилу Федоровичу 1613 г. Вл. И. и П. В. Бахтеяровы добивались, чтобы государь их «пожаловал за их кровь и работу тое их родовую вотчину велел им дать»<sup>24</sup>. Оспаривая права сородичей и других претендентов на владение селами Приимково и Никольское, вдова кн. П. В. Бахтеярова кнг Авдотья неизменно подчеркивала жалованный, выслуженный характер вотчины своего свекра и мужа (по ее словам, вотчина была дана им «за службу и за кровь», «вотчина... выслуженная кровавая мужа моего», «выслуга мужа моего кровная вотчина», «свекра ее за полонное терпение и за мужа ее службы и за кровь», «мужа ее выслуга» и т. д.)<sup>25</sup>. После смерти в 1618 г. Петра Владимировича Бахтеярова-Ростовского (последнего представителя рода) вотчинные села Приимково и Никольское перешли во владение к его вдове кнг Авдотье Васильевне, однако особым распоряжением царя и патриарха она могла владеть мужниной вотчиной «до тех мест, покаместа она замуж выйдет или пострижетца»<sup>26</sup>. На право владения селами Приимковым и Никольским претендовали родственники Бахтеяровых — кн. Приимковы-Ростовские и кн. Темкины-Ростовские, принадлежавшие к другой ветви рода (и тем, и другим было отказано во владении на том основании, что если их предки и владели когда-то этими селами, то это было слишком давно<sup>27</sup>), а также разные помещики. В конце концов единственным «вотчичем» была признана дочь Вл. И. Бахтеярова и сестра П. Вл. Бахтеярова Фотинья Владимировна, бывшая замужем за кн. Юрием Андреевичем Сицким, которому государевой жалованной грамотой от 11 июля 1627 г. и было предоставлено право выкупить у княгини Авдотьи Бахтеяровой за 350 руб. и 20 алтын вотчинные села Приимково и Никольское<sup>28</sup>.

Сохранилось весьма интересное судное дело 1628 г., свидетельствующее о попытках князей Темкиных-Ростовских в первой трети XVII в. правдами

начале XVII в. // Советские архивы. 1969. № 2. С. 96, 101; *Скрынников Р. Г.* Царство террора. С. 260.

<sup>24</sup> *Лихачев Н. П.* Судное вотчинное дело. С. 302.

<sup>25</sup> *Лихачев Н. П.* Судное вотчинное дело. С. 233, 236, 258, 339, 345. кн. Вл. И. Бахтеяров, посланный в 1604 г. царем Борисом Годуновым воевать Кумыцкую землю, в бою под Тарками был ранен и попал в плен; вернулся из плена уже в годы царствования Василия Шуйского (*Гюменцев И. О.* Смутное время в России начала XVII столетия: Движение Лжедмитрия II. М., 2008. С. 354, 355, 361). Немаловажную роль при пожаловании кн. Бахтеяровым их старинной вотчины сыграло, очевидно, то обстоятельство, что Владимир Иванович Бахтеяров в 1613 г. входил в состав делегации от земского собора на Кострому к избранному собором на царство Михаилу Федоровичу (Дворцовые разряды. СПб., 1850. Т. I. Стлб. 17, 24, 30 и др.).

<sup>26</sup> *Лихачев Н. П.* Судное вотчинное дело. С. 339. Вторым ее мужем был кн. Михаил Петрович Пронский.

<sup>27</sup> *Лихачев Н. П.* Судное вотчинное дело. С. 226, 238, 325, 327, 339.

<sup>28</sup> Там же. С. 231, 340–349.

и неправдами вернуть «застарелые» родовые вотчины в Ростовском уезде — с. Сулость и Никольское-Погост (Никольское Большое) на р. Устье<sup>29</sup>. До опричнины эти села входили в состав комплекса родовых владений кн. Темкиных-Ростовских и принадлежали братьям кн. Юрию и Григорию Ивановичам Темкиным<sup>30</sup>. При царе Иване IV кн. Темкины попали в опалу, а их ростовские родовые вотчины были отписаны во Дворец и приписаны к дворцовому селу Великому. Впоследствии эти села, как и другие владения кн. Ростовских, были даны в поместье кн. Ф. Д. Шестунову, от которого затем снова отошли «во Дворец». При царе Василии Шуйском с. Никольское (104 четвертей) было дано в поместье стрелецкому голове Ивану Козлову.

25 июля 1611 г. кн. Михаил Григорьевич Темкин-Ростовский добился от правительства Подмосковного ополчения выдачи ему ввозной грамоты на поместье в Ростовском уезде — с. Сулости с деревнями (100 четвертей земли), бывшей родовой вотчины его дяди, кн. Ю. И. Темкина-Ростовского, находившейся в дворцовых землях; это поместье было дано ему в качестве компенсации за его разоренное «от литовских людей» поместье в Вяземском уезде. В мае 1612 г. кн. М. Г. Темкин получил подтверждение прав на свое поместье — село Сулость — от руководства II Ополчения<sup>31</sup>. Согласно показаниям сына кн. М. Г. Темкина кн. Михаила Михайловича Темкина-Ростовского, его отцу «при боярех» было пожаловано в вотчину родовое владение кн. Темкиных с. Никольское-Погост, бывшее в поместье за стрелецким головой Иваном Васильевичем Козловым<sup>32</sup>. Однако этот факт был не без оснований оспорен противниками кн. Темкиных, добивавшихся получения спорных с. Никольского и Сулости себе в поместья<sup>33</sup>. Самой «боярской» грамоты 1611 г. о пожаловании М. Г. Темкину с. Никольского в вотчину князя Темкины во время судебного разбирательства 1628 г. предъявить не смогли. По утверждению кн. М. М. Темкина, вотчинная грамота, данная его отцу на с. Никольское, сгорела вместе с другими «крепостями» во время московского пожара 1626 г. на дворе у его сестры, княгини Ирины (Домникеи)

<sup>29</sup> Это дело опубликовано С. В. Стрельниковым (*Стрельников С. В.* Землевладение в Ростовском крае. Приложение I. С. 169–233).

<sup>30</sup> *Стрельников С. В.* Землевладение в Ростовском крае. С. 116–117.

<sup>31</sup> *Стрельников С. В.* Землевладение в Ростовском крае. Приложение I. С. 205–206; см. также: Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII века. М., 1998. Т. 2. № 415–416. С. 355–357.

<sup>32</sup> *Стрельников С. В.* Землевладение в Ростовском крае. Приложение I. С. 204 и др.

<sup>33</sup> Так, челобитчики Петр и Иван Братцевы и Герасим Дурной утверждали, что кн. М. Г. Темкин вовсе не владел с. Никольским, которое находилось в поместье за И. В. Козловым и при царе Василии, и «при боярех», и «при государе (в царствование Михаила Федоровича. — А. П.)» и лишь впоследствии было «вылгано» у И. Козлова сыном М. Г. Темкина Михаилом (*Стрельников С. В.* Землевладение в Ростовском крае. Приложение I. С. 210). Согласно показаниям других челобитчиков (Бориса Вельяминова и др.), село Никольское Большое было взято у Ивана Козлова и отдано кн. М. Г. Темкину-Ростовскому, но не в вотчину, а в поместье (там же. С. 175).

Михайловны, вдовы боярина кн. Ф. И. Мстиславского<sup>34</sup>. Усомниться в факте пожалования кн. М. Г. Темкину-Ростовскому в вотчину с. Никольского заставляют данные земельного списка 1613 г., в котором за ним значилось только поместье в Ростове, «что ему дано при боярех из дворцовых сел, 100 чети» (т. е., по всей видимости, поместное село Сулость); сведения же о его вотчинном владении (с. Никольском-Погосте) здесь отсутствуют<sup>35</sup>. Остается неясным, удалось ли кн. М. Г. Темкину утвердить за собой поместное владение с. Сулость и «унаследовал» ли после него это поместье его сын Михаил. Противники кн. Темкиных намекали на то, что полученное М. Г. Темкиным «при боярех» в поместное владение с. Сулость не было утверждено после воцарения Михаила Федоровича, поскольку «в те поры по твоему государеву указу и по боярскому приговору боярские дачи отговорены (т. е. отменены, отставлены. — А. П.)»<sup>36</sup>. В 1613/14–1614/15 гг. кн. М. Г. Темкин находился на воеводстве в Вологде, где он и умер, а после него остался шестилетний сын Михаил<sup>37</sup>. Челобитчики, претендовавшие на с. Сулость, утверждали, что кн. М. М. Темкин не получил после смерти отца это его поместное владение и «ввозные грамоты он на то село Сулость не имывал»<sup>38</sup>. Сторона М. М. Темкина-Ростовского не могла даже сообщить времени выдачи М. М. Темкину ввозной грамоты, поскольку «промышлял де тою ввозною грамотою... ево, князь Михайлов, дядя боярин князь Офонасей Васильевич Лобанов-Ростовской, <...> а в котором году тое ввозную грамоту боярин князь Офонасей Васильевич имал и у печати та грамота записана ль, и князь Михайло (Михайлович Темкин. — А. П.) того не ведает, потому что он после отца своего остался мал, 6 лет»<sup>39</sup>. Сведения о ввозной грамоте, выданной М. М. Темкину на поместное с. Сулость, как выяснилось в ходе судебного процесса 1628 г., вовсе отсутствовали в книгах Печатного приказа, т. е. грамота эта (если она вообще существовала) не была официально зарегистрирована. Но несмотря на это кн. М. М. Темкин не только сумел получить и закрепить за собой отцовское поместье, но и пытался обратить с. Сулость из поместного владения в вотчинное. Очевидно, не случайно с. Сулость в дозорных книгах 1619/20 (7128) г. и приходо-расходных книгах Ямского и др. приказов оказалось записанным не как поместное, а как вотчинное владение М. М. Темкина, хотя сам кн. Темкин вынужден был отрицать на суде во время очных ставок свою причастность к этим метаморфозам<sup>40</sup>. Косвенным подтверждением стремления М. М. Темкина утвердить за собой село Сулость

<sup>34</sup> Стрельников С. В. Землевладение в Ростовском крае. Приложение I. С. 204.

<sup>35</sup> Чтения ОИДР. 1895. кн. I. Отд. I. С. 14.

<sup>36</sup> Стрельников С. В. Землевладение в Ростовском крае. Приложение I. С. 194, 197.

<sup>37</sup> Разрядные книги 1598–1638 гг. С. 295; Дворцовые разряды. Т. I. Стлб. 134, 150, 189; Стрельников С. В. Землевладение в Ростовском крае. Приложение I. С. 205.

<sup>38</sup> Стрельников С. В. Землевладение в Ростовском крае. Приложение I. С. 208.

<sup>39</sup> Там же.

<sup>40</sup> Там же. С. 208, 211, 213–215.

как родовую вотчину могут служить его показания о том, что его отец якобы первоначально бил челом «боярам под Москвой» о пожаловании ему с. Сулости в вотчину, но «бояре, не поверяя отца моего челобитью, дали отцу моему в поместье, потому что книги были в Москве, а Москва была в осаде, сыскать было про тое вотчину нечем...»<sup>41</sup>

Еще более энергично действовала сторона кн. М. М. Темкина-Ростовского в отношении упомянутого выше с. Никольское-Погост на р. Устье. 17 июля 1616 г. на это село кн. М. М. Темкину была дана жалованная вотчинная грамота за приписью дьяка Герасима Мартемьянова. Ее текст был представлен в ходе судебного разбирательства кн. М. М. Темкиным-Ростовским и полностью воспроизведен в судебном деле 1628 г.<sup>42</sup> Грамота сохранилась в подлиннике до наших дней<sup>43</sup>. В грамоте указывалось, что эта старинная вотчина Темкиных-Ростовских была дана его отцу «при боярех» в вотчину «со всеми угоды», а также были приведены сведения из книг письма и дозора кн. Василия Туренина 1588/89 г. о крестьянских дворах и угодьях в селе Никольском. Противники кн. Темкина справедливо указывали на сомнительный, «вылганный» характер этой грамоты, в которой отсутствовали четкие указания на владельческие «крепости» (это обстоятельство впоследствии признали и сами судьи, вынесшие приговор по рассматриваемому делу)<sup>44</sup>. Кроме того, жалованная вотчинная грамота 1616 г. на село Никольское, как указывается в судебном деле, не была зарегистрирована в книгах Печатного приказа<sup>45</sup>. Тем не менее кн. М. М. Темкину удалось закрепить за собой эту вотчину — село Никольское на р. Устье было записано за ним как вотчинное владение в ростовских дозорных книгах письма и дозору Семена Бартенева 1619/20 г.; как бывшая вотчина М. М. Темкина это село упоминается в писцовой книге Ростовского уезда 1629–1631 гг.<sup>46</sup>

Получение кн. М. М. Темкиным-Ростовским владений в родовом Ростовском уезде (с. Никольского в качестве вотчины, а с. Сулость в качестве поместья, которое М. М. Темкин намеревался со временем обратить в вотчину<sup>47</sup>) без должных на то оснований стало возможным благодаря покровительству со стороны его влиятельного родственника, боярина кн. Аф. В. Лобанова-Ростовского,

<sup>41</sup> Там же. С. 205; Акты служилых землевладельцев. Т. II. С. 436.

<sup>42</sup> *Стрельников С. В.* Землевладение в Ростовском крае. Приложение I. С. 206–207.

<sup>43</sup> РГИА. Ф. 1088 (Шереметевы). Оп. 7. Д. 4. Эта грамота из собрания Шереметевых (подлинник) опубликована С. Д. Шереметевым: Пять актов XVII-го века (сообщены гр. С. Д. Шереметевым) // Памятники древней письменности. М., 1880. № 4. С. 131–132.

<sup>44</sup> *Стрельников С. В.* Землевладение в Ростовском крае. Приложение I. С. 193, 197, 207, 217, 226, 229, 231, 232.

<sup>45</sup> Там же. С. 226, 227, 229.

<sup>46</sup> Там же. С. 185; РГАДА. Ф. 1209. кн. 10752. Л. 5.

<sup>47</sup> Известно, что кн. М. М. Темкин выдвигал претензии также на бывшую вотчину своего двоюродного деда, кн. Ю. И. Темкина, с. Полянки с деревнями (*Лихачев Н. П.* Судное вотчинное дело. С. 239; *Стрельников С. В.* Землевладение в Ростовском крае. С. 115).

бывшего одним из влиятельнейших людей в правительстве первых лет царствования Михаила Романова (до своей опалы в 1622 г.). Прямые указания на это содержатся в рассматриваемом нами судебном деле 1628 г.: «А те, государь, села Никольское да село Сулость выгнал он, князь Михайла (Темкин), по своему времени, что ему, князь Михайлу, был боярин князь Офонасей Васильевич Лобанов-Ростовской свой, и те села даны ему, князю Михайлу, по его ложному челобитью и по промыслу боярина князя Офонася Васильевича Лобанова»<sup>48</sup>.

1 апреля 1628 г. судьи боярин кн. Д. М. Черкасский и дьяк Никифор Шипулин докладывали результаты судебного разбирательства царя Михаила Федоровича и патриарха Филарета, которые, «сего дела слушав», указали у кн. М. М. Темкина ростовскую его вотчину погост с. Никольское, что на Устье на перевозе, и ростовское поместье с. Сулость отобрать и отдать в поместье челобитчику В. И. Стрешневу. Суд признал незаконность владения кн. М. М. Темкиным его вотчиной (с. Никольским) и поместьем (с. Сулостью) на том основании, что им не была предъявлена в должном объеме владельческая документация, что предъявленные документы (грамота 1615/16 (7124) г. на вотчинное село Никольское) имели сомнительное свойство, а также потому, что с момента опалы на князей Темкиных при Иване IV до времени, когда князья М. Г. и М. М. Темкины стали добиваться получения бывших родовых владений в Ростовском уезде, прошло более 40 лет, по прошествии которых, согласно действовавшему законодательству, потомки утрачивали права на возвращение родовых вотчин<sup>49</sup>.

К середине XVII в. после неудачной попытки кн. Темкиных-Ростовских вернуть себе часть бывших родовых владений и перехода родовых вотчин кн. Бахтеяровых и Приимковых в руки кн. Ю. А. Сицкого-Ярославского родовое землевладение князей Ростовского дома в Ростовском уезде полностью прекращает свое существование.

#### References

- Akty sluzhilykh zemleladel'tsev XV — nachala XVII veka. M., 1998. T. 2. S. 415–416.  
 Boyarskie spiski poslednej chetverti XVI — nachala XVII v. i rospis' russkogo vojska 1604 g. M., 1979. Ch. 2.  
 Dvortsove razryady. SPb., 1850. T. I. Stlb. 17, 24, 30 i dr.  
 Zapisnye votchinnye knigi Pomestnogo prikaza 1626–1657 gg. M., 2010.  
 Zemlyanoj boyarskij spisok 1613 g. // Chteniya OADR. 1895. Kn. I. Otd. I.  
 Likhachev N. P. Sudnoe votchinnoe delo stol'nika knyazya Yuriya Andreevicha Sitskogo o nasledstve posle knyazya Petra Vladimirovicha Bakhteyarova-Rostovskogo // Izvestiya Russkogo genealogicheskogo obshhestva. SPb., 1909. Vyp. 3. S. 285–286.  
 Nazarov V. D. Iz istorii gosudarstvennogo apparata Rossii v kontse XVI — nachale XVII v. // Sovetskie arkhivy. 1969. № 2. S. 96–102.  
 Pavlov A. P. Gosudarev dvor i politicheskaya bor'ba pri Borise Godunove (1584–1605 gg.). SPb., 1992. S. 154–155, 171–173.  
 Pyat' aktov XVII-go veka (soobshheny gr. S. D. Sheremetevym) // Pamyatniki drevnej pis'mennosti. M., 1880. № 4. S. 131–132.

<sup>48</sup> Стрельников С. В. Землевладение в Ростовском крае. Приложение I. С. 209.

<sup>49</sup> Там же. С. 228–233.

Razryadnaya kniga 1475–1598 gg. M., 1966.

Razryadnaya kniga 1475–1605 gg. M., 1981. T. II. Ch. I.

Razryadnaya kniga 1475–1605 gg. M., 1982. T. II. Ch. II.

Razryadnye knigi 1598–1638 gg. M., 1974.

*Skrynnikov R. G.* Tsarstvo terrora. SPb., 1992.

*Strel'nikov S. V.* Zemlevladienie v Rostovskom krae v XIV — pervoj treti XVII veka. M.; SPb., 2009.

*Tyumentsev I. O.* Smutnoe vremya v Rossii nachala XVII stoletiya: Dvizhenie Lzhedmitriya II. M., 2008.

*Fedotov-Chekhovskij A. A.* Akty, odnosyashiesya do grazhdanskoj raspravyy drevnej Rossii. Kiev, 1860. T. I.

### Список литературы

Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII века. М.: Памятники исторической мысли, 1998. Т. 2.

Боярские списки последней четверти XVI — начала XVII в. и роспись русского войска 1604 г. М., 1979. Ч. 2.

Дворцовые разряды. СПб., 1850. Т. I.

Записные вотчинные книги Поместного приказа 1626–1657 гг. М.: Древлехранилище, 2010.

Земляной боярский список 1613 г. // Чтения ОИДР. 1895. кн. I. Отд. I.

*Лихачев Н. П.* Судное вотчинное дело стольника князя Юрия Андреевича Сицкого о наследстве после князя Петра Владимировича Бахтеярова-Ростовского // Известия Русского генеалогического общества. СПб., 1909. Вып. 3. С. 285–286.

*Назаров В. Д.* Из истории государственного аппарата России в конце XVI — начале XVII в. // Советские архивы. 1969. № 2. С. 96–102.

*Павлов А. П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605 гг.). СПб.: Наука, 1992.

Пять актов XVII-го века (сообщены гр. С. Д. Шереметевым) // Памятники древней письменности. М., 1880. № 4. С. 131–132.

Разрядная книга 1475–1598 гг. М.: Наука, 1966.

Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1981. Т. II. Ч. I.

Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1982. Т. II. Ч. II.

Разрядные книги 1598–1638 гг. М., 1974.

*Скрынников Р. Г.* Царство террора. СПб.: Наука, 1992. С. 260.

*Стрельников С. В.* Землевладение в Ростовском крае в XIV — первой трети XVII века. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2009.

*Томенцев И. О.* Смутное время в России начала XVII столетия: Движение Лжедмитрия II. М.: Наука, 2008.

*Федотов-Чеховский А. А.* Акты, относящиеся до гражданской расправы древней России. Киев, 1860. Т. I.

**А. А. Андреев**

## Российско-хивинские отношения в конце XVII — начале XVIII в. Декларативная «шерть» или реальное подданство?

Дипломатические отношения российского государства со среднеазиатскими ханствами во время правления Петра Великого в отечественной историографии в целом изучены достаточно подробно. Значительное количество исследований, представленных в ней, позволяет составить условную периодизацию. Первый этап охватывает целиком XVIII и первую половину XIX в., вышедшие в это время труды представляют особую ценность. Посвящены они были в основном истории освоения Каспийского моря и берут начало от первых записок исследователей и деятелей петровского времени, таких как Ф. И. Соймонов, Г. Ф. Миллер и В. Могутов и др., а также зарубежных авторов Питера Генри Брюса и Филиппа Иоганна фон Сталленберга<sup>1</sup>.

<sup>1</sup> Описание Каспийского моря и чиненных на оном Российских завоеваний, яко часть истории государя императора Петра Великого, трудами Тайного Советника, Губернатора Сибири и Ордена святого Александра Кавалера Федора Ивановича Соймонова, выбранное из журнала Его Превосходительства, в бытность его службы морским Офицером, и с внесенными, где потребно было, дополнениями Академии Наук Конференц-Секретаря, Профессора Истории и Историографии, Г. Ф. Миллера. СПб.: Императорская академия наук, 1763; *Могутов В.* Редкое и достопамятное известие о бывшей из России в великую Татарию экспедиции под именем посольства. СПб., 1777; *Ханьков Н.* Описание Бухарского ханства. СПб., 1843; *Bruce P. H.* Military Officer, in the Services of Prussia, Russia and Great Britain. London, 1782; *Strahlenberg P. J. von.* Vorbericht eines zum Druck gefertigten Werckes von der grossen Tartarey und dem Koenigreiche Siberien: mit einem Anhang von Gross-Russland, worinnen von dem Autore die Einrichtung und vornehmsten Contenta desselben, vorgetragen werden. 1726.



Следующий этап условно можно ограничить второй половиной XIX и началом XX в. В это время особенно ярко был обозначен повышенный интерес в России к региону Средней Азии, поскольку в этот период происходило его активное освоение и интеграция в пространство Российской империи. В этот период обращаются и к проблеме первых исследователей Средней Азии. Появляется значительное количество работ, посвященных миссиям князя Александра Бековича Черкасского в Хиву, в меньшей степени Флорио Беневени в Бухару<sup>2</sup>. При этом, на наш взгляд, отечественным исследователям, прежде всего XIX в., не всегда были доступны источники хивинского и бухарского происхождения, тем самым проявлялся недостаток комплексного характера исследований. Всё же нельзя не отметить, что в то же время им были доступны уникальные источники, такие как хивинские и бухарские ханские и посольские грамоты и челобитные, хранившиеся в российских архивах.

Третий этап: конец XIX — начало XX в. Он был ознаменован появлением в отечественной историографии плеяды фундаментальных работ российских историков — востоковедов. После первых десяти лет российского контроля над Средней Азией стали во многом доступны рукописи хивинского и бухарского происхождения, что позволило по-новому взглянуть на многие аспекты российско-хивинских и российско-бухарских отношений.

Из ряда авторов этого периода можно выделить знаменитого историка-востоковеда Василия Владимировича Бартольда, который работал с переписями одного из самых известных рукописных источников по истории Хивинского ханства — «Фирдаус аль Икбал»<sup>3</sup>. Данные хроники хивинского ханства были составлены на чагатайском языке Шир-Мухаммадом бен Эмиром Авазбий-мирабом и его племянником Агахи-Мухаммедом Реза-мирабом бен Эр-Нийазбеком в конце XVIII — начале XIX в. «Фирдаус аль Икбал» (в переводе — «Райский сад счастья»). Рукопись опирается на большой свод материалов других историков, в частности Абу-л-Гази-бахадур-хана, и посвящена преимущественно XVIII столетию. Именно поэтому «Райский сад счастья» является оригинальным и уникальным источником, позволяющим нам посмотреть на события, происходившие в Средней Азии в это время, именно с Хивинской стороны. К сожалению, нет перевода на русский язык, существует только полный перевод на английский, выполненный бывшим советским востоковедом,

<sup>2</sup> *Бэр К. М.* Заслуги Петра Великого по части распространения географических познаний о России и пограничных с ней землях в Азии // Записки Императорского Русского Географического Общества. СПб., 1850. Т. 4. С. 267; *Потов А. Н.* Сношения России с Хивью и Бухарью при Петре Великом. СПб., 1853; *Галкин Н. М.* О туркменах восточного побережья Каспийского моря // Этнографические и исторические материалы по Средней Азии и Оренбургскому краю. СПб., 1868; *Желябужский Е.* Очерки о завоевании Хивы. М., 1875; *Терентьев А. М.* Россия и Англия в Средней Азии. СПб., 1875; *Костенко Л.* Исторический очерк распространения русского владычества // Военный Сборник. СПб., 1886. Т. CLXXVI.

<sup>3</sup> *Бартольд В. В.* История изучения Востока в Европе и России. Лекции. 2-е изд. Л., 1925.

Ю. Э. Брегелем<sup>4</sup>. Данная летопись хивинского ханства на сегодняшний день является единственным среднеазиатским источником, где упоминается Александр Бекович Черкасский.

Помимо фундаментальных трудов В. В. Бартольда следует упомянуть еще одну из самых ярких работ начала XX в., в которой содержится справочная информация о практически всех обменах визитами России с Хивинским и Бухарским ханствами, — исследование С. В. Жуковского «Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие»<sup>5</sup>.

В четвертый условный, уже советский период, в годы, когда на «руинах» Хивинского ханства и Бухарского эмирата шел процесс создания национальных республик, сопровождавшийся попыткой коренного перелома сложившегося здесь в течение нескольких тысячелетий традиционного уклада, во многом в силу неприятия имперского прошлого, история завоевания Туркестанского края была не самой популярной темой для исследования. На первый план стали выходить малоизученные аспекты, связанные прежде всего с историей внешнеэкономических контактов и просто историей народов Средней Азии. В 1933 г. был опубликован уникальный сборник документов с научными комментариями, касающихся истории торговли России с Хивой, Бухарой и даже Балхом в XVI–XVII вв.<sup>6</sup>

Во второй половине XX в. появляется ряд работ, свидетельствующих о вновь растущем интересе историков к вопросам российских посольств в Хиву и Бухару<sup>7</sup>. Здесь особое значение для отечественной историографии представляют работы Екатерины Андреевны Княжецкой, в которых подробно была разобрана история экспедиции Александра Бековича Черкасского в Хиву и дана должная оценка вкладу в российскую и мировую науку героя петровского времени и первого составителя подробной карты Каспийского моря<sup>8</sup>.

Помимо Александра Черкасского исследователи обращают внимание на следовавшего по его стопам малоизвестного первого российского ориенталиста Флорио Беневени. В 1986 г. выходит работа, представляющая значительный интерес для историографии российско-бухарских отношений в первую

<sup>4</sup> Shir Muhammad Mirab: Firdaws al-iqbāl: history of Khorezm / By Shir Muhammad Mirab and Muhammad Riza Mirab Agahi; transl. and annotated by Y. Bregel. Boston, 1999.

<sup>5</sup> Жуковский С. В. Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие. Труды общества российских ориенталистов. СПб., 1915. № 2.

<sup>6</sup> Торговля с Московским государством и международное положение Средней Азии в XV–XVII вв. Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР / Под ред. А. Н. Самойловича. Л., 1932.

<sup>7</sup> Вилинбахов В. Б. Александр Черкасский — сподвижник Петра. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1966; Опрышко О. Л. Через века и судьбы. Нальчик: Эльбрус, 1982; Аннанпесов М. Укрепление русско-туркменских связей в XVIII–XIX вв. Ашхабад: Ылым, 1982.

<sup>8</sup> Шафрановский К. И., Княжецкая Е. А. Карты Каспийского и Аральского морей, составленные в результате экспедиции Александра Бековича Черкасского 1715 г. // Известия ВГО. 1952. № 6; Княжецкая Е. А. Судьба одной карты. М.: Мысль, 1964.

очередь. По сути, это была публикация дипломатических писем российского посланника, в которых помимо самой истории миссии Флорио к бухарскому правителю Абулфейз-хану можно почерпнуть огромное количество сведений о политическом, социально-экономическом строе этого государственного образования, а также о народах тюркского и иранского происхождения, населявших его в тот период.

В середине XX в. под руководством выдающегося востоковеда — создателя школы среднеазиатской ориенталистики А. А. Семенова были переведены и опубликованы уникальные источники именно бухарского происхождения, хранившиеся изначально в архиве Бухарского эмира, а после революции и создания Узбекской ССР — в архиве в Ташкенте. В 1957 г. был переведен и опубликован труд знаменитого бухарского историка, творившего в конце XVII — начале XVIII в. — Мир Мухаммеда Амин-и Бухари. Его рукопись была посвящена правлению Убайдуллы-хана, правившего до 1711 г., и носила название — «Убайдалла-наме»<sup>9</sup>. Через два года там же, в Ташкенте, была переведена, обработана и опубликована вторая придворная летопись, посвященная унаследовавшему в 1711 г. престол Бухары Абулфейз-хану<sup>10</sup>. Авторство рукописного источника принадлежит бухарскому историку Абдуррахман-и Тали. Данные летописи, несомненно, крайне важны при изучении особенностей сложившейся системы отношений между государствами в Средней Азии в конце XVII — начале XVIII в.

В конце XX — начале XXI в. интерес ко многим проблемам и вопросам истории государств Средней Азии не иссякает. Наблюдается значительное количество работ, посвященное прежде всего современным государствам — наследникам Хивы, Бухары и Коканда. Однако при этом ряд авторов, как российских, так и зарубежных, вновь возвращается к периоду, когда стали определяться основные линии политики Российской империи в отношении Хивинского, Кокандского и Бухарского ханств, то есть к XVII и началу XVIII в., времени относительной активизации внешнеполитических и торговых контактов, выражавшихся прежде всего в большом количестве взаимных обменов посольствами<sup>11</sup>.

В настоящее время по-прежнему существует необходимость дальнейшего тщательного исследования истории внешнеполитических и торговых контактов России с ханствами Средней Азии. Остаются дискуссионными вопросы,

<sup>9</sup> *Мир Мухаммед Амин-и Бухари. Убайдалла-наме.* Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1957.

<sup>10</sup> *Абдуррахман-и Тали'. История Абулфейз-хана.* Ташкент: Изд. АН УзССР, 1959.

<sup>11</sup> *Allworth E. A. The modern Uzbeks: from the 14 century to the present. A cultural history.* Hoover press publicaton, 1990; *Агзамова Г. А. Волжско-Каспийский путь в XVI — первой половине XIX в. // Тюркологический сборник. М., 2003; Кадиров Ш. «Нация» племен. Этнические истоки, трансформация, перспективы государственности в Туркменистане. М., 2003; Исмаилова Б. История Бухарского эмирата. Худжанд; Нури маърифат, 2005; Центральная Азия в составе Российской Империи. М.: Новое литературное обозрение, 2008; Ниязमतов М. Поиск консенсуса: Российско-хивинские геополитические отношения в XVI — начале XX в. СПб., 2010; Россия — Средняя Азия: Политика и ислам в конце XVIII — начале XXI в.: в 2-х т. / Под ред. С. Н. Абашина, Д. Ю. Арапова. М., 2011.*

связанные с государственным устройством Хивы и Бухары того времени, вопросы дипломатических контактов и влияния на регион со стороны Персидской державы династии Сефевидов и империи Великих моголов. При этом крайне важно продолжать поиск новых источников бухарского и хивинского происхождения. И не менее важно повторно изучить уже имеющиеся источники, такие как ханские и посольские грамоты и челобитные среднеазиатских купцов.

Наша статья представляет собой, во-первых, скромную попытку комплексно подойти к проблеме отношений России с Хивинским ханством, одним из крупных государственных образований в Средней Азии в данный период, имевшим серьезное влияние на кочевников узбекского и казахского происхождения, кочевавших к югу от Аральского моря, и на туркмен племен Теке и йомудов, представлявших серьезную угрозу для соседней Бухары. Во-вторых, обозначить проблему реальности краткого российского подданства Хивы в 1700 г., инициировавшего впоследствии значительный интерес Петра Великого к Средней Азии.

Хивинское ханство в конце XVII в., по всей видимости, нуждаясь в поддержке в борьбе против Бухарских ханов, начинает активизацию внешнеполитических контактов, в том числе и с Россией. В 1689 г. к Петру и «соцарствующему» с ним Ивану V прибывает посол из Хивы, упоминаемый по документам как Абреим Ажизов (вероятно, Ибрагим Азиз). В ярлыке, который он предоставил, говорилось, что правитель Хивы Мухаммед Эренк-хан желает «бытию в соседственной дружбе и любви по-прежнему», что «изстари из древних лет по нынешнее время между блаженные памяти великими государями цари прадедами и отца вашего и ханами прадедов моих (хана Хивы. — А. А.) дружба и любовь была исконно крепкая»<sup>12</sup>.

В подкрепление своих слов хан прислал в подарок две бобровые шкуры, одного гнедого аргамака, четырех иноходцев и девять русских пленников. О значимости подарка в виде возвращения подданных российских государей говорится в ответной грамоте Петра и Ивана Алексеевичей, где содержалась следующая просьба: «...тесненных Российского нашего государства людей, буде у тебя по владении ныне отсюда есть и впредь буду велеть всех в наше государство отпустить»<sup>13</sup>. Говорилось, что в ответ «наше Царское Величество за то умеем воздать за то нашего царского величества дружбой»<sup>14</sup>. В качестве ответного подарка было выслано с «вышеименованным послом сорок соболей добрых за печатью»<sup>15</sup>.

<sup>12</sup> Торговля с Московским государством и международное положение Средней Азии в XV–XVII вв.: Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР / Под ред. А. Н. Самойловича. Л., 1932. С. 256.

<sup>13</sup> Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. 134. Сношения с Хивой. Оп. 2. 1691. Л. 44.

<sup>14</sup> Там же.

<sup>15</sup> Там же.

Абреим Ажизов и глава Посольского приказа думный дьяк Емельян Игнатьевич Украинцев провели переговоры, в ходе которых были обозначены основные пункты или, как тогда говорилось, статьи, которые приехали обсудить хивинцы. В частности, были озвучены жалобы на яицких казаков и предложения совместного похода на калмыков хана Аюки. Третьей статьёй стал, по всей видимости, главный вопрос посольства — строительство города у «Трухменской пристани». Хивинцы в целях улучшения безопасности торговли с Россией предложили построить пристань и крепость на местечке Тюк Каран (ныне это г. Шевченко, Республика Казахстан). Переговоры прошли безуспешно для хивинской стороны, и Абреиму Ажизову пришлось довольствоваться лишь обещанием, что о строительстве укрепленного пункта на Каспийском море «их Великих государей указ впредь будет»<sup>16</sup>. По всей видимости, сомневаясь в перспективе дальнейшего развития контактов с Хивинским ханством, глава Посольского приказа прежде заботился о возвращении пленных, что и было обозначено в ответной грамоте Петра и Ивана Алексеичей.

Через десять лет происходят перемены в самом Хивинском ханстве. Известно, что с конца XVII в. Хива находилось в феодальной зависимости от Бухары. Знаменитый Бухарский придворный историк начала XVIII в. Мухаммед Юсуф Мунши в своем труде «Муким-ханская история» красочно описывает подробности принятия Хивой Бухарского подданства. «Пришло (в Бухару. — А.А.) известие, что когда разбитый (бухарцами. — А.А.) Ирнак-хан (хивинский правитель. — А.А.) вернулся (в Хорезм. — А.А.), он опять вознегодовал на своих эмиров, а они вошли в соглашение с его махрамами (родственницами хана. — А.А.) и положили яд в его кушанье, заменив [тем самым] сладость его жизни горечью смерти. Вместе с тем поступили доклады ургенчского народа, что они провозгласили хутбу (проповедь. — А.А.) и выбили монету со славным именем и драгоценными титулами (Субхан-кули-хана — бухарского правителя. — А.А.) и просят прислать одного из его рабов для управления [их] страной. Высокодостойный хан, назначив [к ним] правителем Нияз ишик-ака-баши катагана, послал его в Хорезм»<sup>17</sup>.

Новый правитель Хивы — бухарский ставленник, довольно скоро отправляет к российскому царю своего посла Достека Бехадур. В отечественной историографии до сих пор нет единой точки зрения относительно данного поступка. По какой причине племянник Бухарского правителя предпринимает попытку выйти из подданства своего дяди и сюзерена одновременно? В. Н. Веселовский совершенно справедливо заметил, что ввиду скудости источников мы не в состоянии однозначно утверждать, «был ли хан Шанияз одно лицо с наместником Шаниязом, поставленным Субхан-Кули ханом» правителем Бухары<sup>18</sup>.

<sup>16</sup> Торговля с Московским государством и международное положение Средней Азии в XV–XVII вв. С. 258.

<sup>17</sup> Мухаммед Юсуф Мунши. Муким-ханская история / Пер. А.А. Семенова. Ташкент: АН УзССР, 1956. С. 152–153.

<sup>18</sup> Веселовский Н.И. Очерк историко-географических сведений о хивинском ханстве

Причиной, побудившей правителя Хивы искать российского подданства, было признано его стремление укрепить свое положение среди хивинской знати, в большинстве своем оппозиционно настроенной к Бухарскому правителю<sup>19</sup>.

Вероятно, действительно заметно тяготясь зависимым от Бухары положением, хивинский хан Исхак-Ага-Шах-Нияз (Нияз Ишик ага Баши Катагхан) в 1698 г. посылает посольство в Россию, причем интересно, что первоначально оно было направлено к главе Приказа Казанского дворца князю Борису Алексеевичу Голицыну. По всей видимости, это было обусловлено тем, что хан стремился улучшить положение своих купцов в Астрахани, а астраханские власти были подотчетны администрации в Казани. В целом следует отметить, что этот момент нуждается в дополнительном исследовании.

По прибытии посольства в Москву оно было поселено не на территории Посольского приказа, а на постоялом дворе у Б. А. Голицына, главы Приказа Казанского дворца<sup>20</sup>. Таким образом, мы можем предполагать, что к приезду посольства в Москву в приказе уже могли знать о главном пункте переговоров — хивинском подданстве, либо, как следует прежде всего из хивинских документов, хотели самостоятельно обозначить тему подданства. Примечательно также то, что было приказано еще до приема посла передать в Приказ Казанского дворца все «договора Хивинского, Юргенского и Шемахинского и иных тамошних земель владетелей»<sup>21</sup>. Таким образом, Приказ Казанского дворца начинает вести дипломатические переговоры со среднеазиатскими государствами вместо Посольского приказа.

Из опубликованных в сборнике А. Н. Самойловича документов, касавшихся посольства Достек-бека, мы располагаем следующими: ярлык ближнему боярину и судье Приказа Казанского дворца князю Борису Алексеевичу Голицыну об установлении правильных торговых сношений между обеими странами и с просьбой оказать содействие в этом отношении послу Достеку Бехадуру, датированное 1698 г.; письмо хивинского посла Достека Бехадура князю Борису Алексеевичу Голицыну с сообщением проекта договорных статей соглашения с Московским государством, выдвинутых хивинским ханом, и с просьбой довести о них до сведения царя Петра Алексеевича, датированное 1700 г.; посольское письмо хивинского посла Достека Бехадура кн. Борису Алексеевичу Голицыну с сообщением проекта договорных статей соглашения с Московским государством, выдвинутых хивинским ханом, и с просьбой довести о них до сведения царя Петра Алексеевича, датированное 1703 г.

Первый документ мы предлагаем обойти вниманием, поскольку там кроме приветственных речей и просьбы принять Достека Бехадура и пожелания

от древнейших времен до настоящего. СПб., 1877; *Веселовский Н. И.* Прием в России и отпуск средне-азиатских послов в XVII и XVIII столетиях // Журнал Министерства Народного Просвещения. СПб., 1884. № 7. С. 158.

<sup>19</sup> Там же. С. 159.

<sup>20</sup> РГАДА. Ф. 134. Сношения России с Хивой. Оп. 1. 1699. Л. 66.

<sup>21</sup> РГАДА. Ф. 134. Оп. 1. 1700. Д. 1. Л. 1.

укрепить торговые связи ничего принципиально нового по сравнению с предыдущими письмами от хивинцев не содержится. Во втором документе было обозначено шесть пунктов, по которым велись переговоры.

- Первым шел пункт относительно прошения хана «быть в подданстве у великого государя»<sup>22</sup>.
- Вторым значилось прошение: «з другом быть дружен, а с неприятелем бы неприятелем»<sup>23</sup>. Вероятно, именно эта формулировка позволила впоследствии определить прошение о подданстве как главную цель посольства.
- Третьим было прошение, чтобы великий государь указал с тех купеческих людей, которые приезжают из Хивы и из Бухары в Астрахань с товарами, брать вместо денег пошлины по счету со всех тканей, какие они привозят, с 20-ти тканей (парчей) по одной парче в казну великому государю.
- Четвертый пункт был с просьбой разрешить провозить в Хиву запрещенные к продаже железо, свинец, «винтовальные пищали», в ответ хан обещал разрешить привозить в Астрахань луки, шелк-сырец, лазурит, бадахшанские рубины и другие драгоценные камни.
- Пятым пунктом была просьба о присылке в Бухару и Хиву посланца из России.
- И, наконец, шестой пункт был с пожеланием, чтобы «всяким купеческим и торговым людям для всяких товаров и торговых промыслов в их землю, в Хиву и в Бухары, также и их купеческим и торговым людям в свою государскую землю для торговых же промыслов со всякими товары ездить можно было свободно»<sup>24</sup>.

И в подтверждение своих слов посол предлагал, если нет веры ему, то от Хивы до Астрахани «путь недалней» и можно «про то проведать»<sup>25</sup>.

Итак, здесь мы уже видим просьбу о подданстве, и она обозначена в самом начале. С третьим документом остается много неясного. Он был переведен и опубликован в 1932 г. в упомянутом нами сборнике. В нем были обозначены уже только 3 пункта переговоров.

Для большей объективности мы предлагаем обратиться к оригиналу письма, написанного, по всей видимости, одним из участников посольства и подписанного Достеком Бехадуром. Письмо посла к Б. А. Голицыну было написано на классическом персидском, при этом там содержатся заимствования из тюркских языков. Например, в письме Достек Бехадур обозначает себя как «Йэлчи»<sup>26</sup>, в переводе с тюрки — посол. В конце послания он обращается

<sup>22</sup> Торговля с Московским государством и международное положение Средней Азии в XV–XVII вв.: Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР / Под ред. А. Н. Самойловича. Л., 1932. С. 269.

<sup>23</sup> Там же.

<sup>24</sup> Там же.

<sup>25</sup> Там же.

<sup>26</sup> РГАДА. Ф. 134. Оп. 3. 1700. Д 4. Л. 1.

непосредственно к главе Приказа Казанского дворца с просьбой довести устные речи своего хана до великого государя.

«Мультамас анке ин эрзе дошт хон-е мо ро бе джехат-е подшох володжох хуршид-е куллох эрзе намуде хер че джавоб оли бошад магрор доранд ке джавобаш ро бе джехат-е хан-е мо беневисанд ке банде чи джавоб натованам»<sup>27</sup>. Мы постарались привести дословный перевод: «Просьба такова, чтобы это послание хана нашего падишаху высокому с солнечным убором (венцом. — А. А.) дали (имеется в виду Петр I. — А. А.), каждые ответы высокие, какие определены будут, к хану нашему напишите, так как слуга (Достек Бехадур. — А. А.) ответить не могу».

Текст послания был составлен в более чем деликатной манере. Посланник хивинского хана, с большим уважением обращаясь к князю Борису Алексеевичу Голицыну, чаще всего именуется себя «банде» (раб, слуга). Главу Приказа Казанского дворца он называет «Алиджох» (самый высокопоставленный, высочайший) и «шариф» (благородный, знатный) «Кенос» (транскрибирование русского слова «князь» буквами персидского алфавита).

В письме с «устными речами» хана содержатся три темы, которые приехал обсудить посол. В данном случае можно использовать термин «предмет разговора», поскольку посол использует слово «мутляб», которое именно так мы и можем перевести на русский язык.

Первой значится просьба о присылке из Москвы посла. «Мутляб-е авволь хон-е мо аз джехат-е дусте ва ашеной ва омад ва шуд аз подшох-е бозорг йэлчи хосте аст»<sup>28</sup>: «Тема первая: наш хан для дружбы от большого падишаха посла спрашивает».

Второй пункт касался двухсторонних торговых сношений, причем здесь хан Шах-Нияз старается улучшить положение не только хивинских, но и бухарских купцов. Что, вероятно, свидетельствует о том, что Хива сохраняла в тот период свой зависимый статус от Бухары и сам хан, вероятно, все-таки был родственником своего бухарского сюзерена. Вновь обратимся к оригиналу: «Мутляб-е девум ан ке теджор-е бухоро ва хивэ ке дохеле хастархон мишаванд темоно ро нагирянд джехат ан ке моль ро зияд-е кеймате кярде темоно ро зияд мигирянд ченонче дех йек мишавад бе фекро шонам шоде бад дуои хоселе мишавад омидам эноят подшохи шоде мекрор доранд ке хер дженс-е моль ке оворде бошад аз бист-у йек бегирянд зияд нагирянд ке дуои хейр хоселе шуд амр аз шумо аст»<sup>29</sup>. «Тема вторая, бухарские и хивинские купцы, которые в Астрахань приезжают, чтобы тамгу (пошлину. — А. А.) ту [у них] не забирали, так как те товары, что высоко оценивают, пошлиной высокой облагают, они (купцы. — А. А.) 1/10 платят и разоряются, и молитва плохая выходит (получается. — А. А.), надежда [моя],

<sup>27</sup> Там же.

<sup>28</sup> Там же.

<sup>29</sup> Там же.



что падишахова воля будет определить, чтобы с каждого товара, привозимого нами, 1/20 взимали, чтобы молитва хорошая была. [Ждем] от вас приказ».

Третьим был поднят давний вопрос относительно снятия запрета на провоз из России в государства Средней Азии огнестрельного оружия и сопутствующих товаров. «Мутляб-е севум ан ке аз мутуэ хастархон аз хер дженс бе бухоро ва хиве мибуранд алла сарб фаволод ахан ва дурондор аз бейне ту ке гейдогон аст намимонанд остодоо ан ке эният ва мерхамат подшохи бошад хер мекрор доранд ке бийор хаштархон монъе бурдан нашуд ва аз бухоро ва хиве низ аз хер мутуэ ке бахм мирасад ке ном-е беном невисанд туль микешад бе хастархон миояд ало кемон ва аришам хом ва лол-е бадахшон ва санг-е лоджури гейнегон аст инша-Аллах тэоли дусту то абд боги бошад хон-е мо бар тараф кярд амр-е аз шумо аст»<sup>30</sup>. «Тема третья, те товары астраханские в Хиву и Бухару везут, но свинец, железо, сталь и дальнострелы (ружья. — А. А.) запрещены, не оставляют, прошу, чтобы на то милость и благодать падишахова была определить так, чтобы таможня (сборщики или бояре. — А. А.) астраханская разрешила [провоз], тогда из Бухары и Хивы какие товары привозят, их перечислять письменно потребуетса долго, в Астрахань привозят, но лук и шелк-сырец и бадахшанский рубин и камень лазурит запрещены [шахом], будет на то воля Аллаха дружба будет такой всегда, хан наш отменил, приказ [ждем] от вас».

Смысл послания в следующем: хивинский хан снял запрет на вывоз и провоз из Хивы в Россию запрещенных ранее и представлявших значительную ценность товаров, теперь хивинцы ожидали подобных действий со стороны российского государства. Данная проблема является последней, третьей темой переговоров, далее никаких предложений посол не делает.

Таким образом, мы можем констатировать, что, во-первых, в послании от хивинского хана не содержалось никакой информации о подданстве Хивы, которое, согласно российским источникам и переводам, существует еще с 1700 г. Но не всё так однозначно. Во-первых, в тексте грамоты хивинский хан упоминается только лишь как «шах», в то время как к Петру I применяется титул «Падишах-е Бозорг» (Великий падишах). Во-вторых, в послании фигурирует знаменитая формулировка династий Джучидов — «бе дуст-е подшо-е бозорг дуст шудан ва бе душманаш душман шудан». Она означает, что хивинский хан выражает желание «с друзьями большого падишаха в дружбе быть, с врагами во вражде». Считается, что это знаменитая формулировка так называемой «шерти», варианта признания вассальной зависимости, принятого еще ранее среди представителей династии Джучидов. В качестве подобного примера вассальной зависимости можно привести подданство Крымских ханов в Османской империи. Отечественный исследователь И. В. Зайцев, опираясь на османские источники и ссылаясь на турецких историков, приводит пример подобного соглашения «союза и шерти» между Османской империей

<sup>30</sup> Там же.

и Крымским ханством. Дополнительно им приводятся примеры использования данной формулировки при заключении временных союзов крымских ханов с Московским государством<sup>31</sup>. При этом следует заметить, что в случае вассальной зависимости, или, лучше будет сказать, договора «шерти» крымских ханов с Османской империей его приходилось подтверждать каждый раз при назначении нового хана. Общеизвестно, что крымские ханы обязаны были прибывать ко двору султанов за назначением, таким образом, это действительно полноценная вассальная зависимость.

В нашем случае, исходя из содержания грамоты, мы имеем основания как подтвердить стремление к установлению отношений подданства, так и опровергнуть. В самом тексте достаточно трудно определить, предлагал ли хан признать вассальную зависимость в обмен на уступки, изложенные в «мутлябхо». Для большей ясности вопроса с подданством Хивинского хана необходим официальный документ на персидском или тюркском, где выражалась бы такая просьба, либо источник хивинского или бухарского происхождения, где было бы обозначено, что Шах-Нияз стал подданным «великого падишаха».

30 июня 1700 г. по итогам аудиенции Петр Алексеевич в ответной грамоте хивинскому хану Исхак-Ага-Шах-Ниязу сообщил, что «поминки (подарки) твои приняты», и «тебе б Шанияс хану по своему обещанию у нас великого государя нашего царского величества будучи в подданстве служить нам великому государю, верно, а мы великий государь наше царское величество за твое твою верную службу будем держать тебя в нашей царского величества милости»<sup>32</sup>. Новый статус, как оказалось впоследствии, лишь номинальной зависимости от Москвы, которую приобрела Хива, предполагал присылки не только подарков, но и положенного жалования. Как было сказано в ответной грамоте, «послано к тебе от нас великого государя нашего царского величества жалованья 2 пары, да 2 сорока соболей добрых за нашу царского величества печатью»<sup>33</sup>.

В июне 1700 г. к Шах-Ниязу было отправлено две грамоты: одна от Петра Алексеевича, другая — от князя Бориса Голицына. Желая оказать дополнительные знаки внимания хивинскому правителю и демонстрируя собственную значимость, Борис Алексеевич Голицын посылает от себя подарки к Шах-Ниязу, которого называет «превозлюбленным своим другом» «кречета доброго да две пары соболей»<sup>34</sup>.

Спустя два года Достек-Бек возвращается в Россию с известием о «новом хане Хивы». В этот раз он уже является посланником от Арап-Мамет-хана. Ему передали жалование — «тысячу золотых червонцев» для хана и подарки —

<sup>31</sup> Зайцев И. В. Крымская историографическая традиция XV–XIX вв. Пути развития. Рукописи, тексты и источники. М., 2009. С. 146.

<sup>32</sup> Торговля с Московским государством и международное положение Средней Азии в XV–XVII вв. Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. С. 272.

<sup>33</sup> Там же.

<sup>34</sup> РГАДА. Ф. 134. Сношения России с Хивой. Оп. 1. 1699. Л. 126 об.

«сорок соболей да три кречета»<sup>35</sup>. И практически на десятилетие снижается интенсивность контактов России с Хивой.

Воцарившись в Хиве в 1712 г., следующий правитель Саид-Йедигер-Мухаммад-хан отправил посольство во главе с Ашурбеком. К сожалению, нам оказались недоступны документы посольства Ашурбека и потому трудно сказать, какие «мутлябхо» обсуждались во время его визита, была ли подтверждена повторно вассальная зависимость Хивинского ханства или нет. Есть сведения, что после небольших приключений он был вскоре отправлен домой не только с ответной грамотой и подарками, но и с поручением «ехать в Индию для покупки попугаев и барсов»<sup>36</sup>. 14 февраля 1715 г. Петр I повелевает посла в Астрахани задержать и грамоту отобрать.

В опубликованной челобитной Ашурбека к обер-коменданту в Астрахани Чирикову от 3 июня 1715 г. содержится частичная информация о подарках в Хиву: «В знак милости мне пожалованы Белым Царем 6 пушек с порохом, ядрами и пенькой, также 8 пар соболей и 5 драгоценных занавесей. Пожалованное Царем назад не берется, так как вода из моря назад не обращается; но Вы отобрали у меня пушки. Скажите, по указу Государеву Вы их взяли или сами собой?»<sup>37</sup>. Помимо нарушения основных норм гостеприимства при изъятии подаренного нарушается правило, заведенное еще царем Алексеем Михайловичем: не присылать в Хиву огнестрельного оружия. Согласно грамоте 1673 г. астраханскому воеводе, железо, олово, пищали, гвозди, топоры, равно как и люди (ясырь), принадлежали к разряду так называемых заповедных товаров, их можно было приобретать только по грамотам от московских государей<sup>38</sup>.

Ашурбека задержали, поскольку в это же время Петр начинает разрабатывать планы освоения Каспийского моря и поиска пути в Индию. Началась подготовка к печально знаменитой экспедиции Александра Бековича Черкасского. При этом, что весьма интересно, в грамоте, посылаемой с князем А. Б. Черкасским, о подданстве Хивы не упоминается. Вероятно, и в первом варианте грамоты, которую отдали Ашурбеку, не было сказано о вассальной зависимости Хивы.

Мы не будем описывать подробности, связанные с миссией в Хиву. Остановимся лишь на нескольких важных для нашей темы эпизодах. Как известно из «Истории Свейской войны», князю А. Б. Черкасскому помимо исследования Каспийского моря и строительства крепостей на его побережье и множества

<sup>35</sup> *Броневский С. М.* Историческая выписки о сношениях России с Персией, Грузией и вообще с горскими народами, в Кавказе обитающими, со времен Ивана Васильевича донныне. СПб.: Институт востоковедения РАН, 1996. С. 87.

<sup>36</sup> *Жуковский С. В.* Сношения России с Хивой и Бухарой за последнее трехсотлетие. СПб., 1915. С. 58.

<sup>37</sup> *Безгин И. Г.* Экспедиция в Хиву и посольства флота поручика Кожина и мурзы Тевкелева в Индию к великому моголу (1714–1717): Библиографическая монография. СПб., 1891. С. 84.

<sup>38</sup> Торговля с Московским государством и международное положение Средней Азии в XV–XVII вв. Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. С. 219.

других пунктов было поручено «склонить хана хивинского к верности и подданству, обещая наследственное владение оному, для чего предоставлять ему гвардию к его службе, и чтоб он за то радел в наших интересах». При этом в целях экономии было предусмотрено, чтобы гвардейцы в случае успеха содержались за счет ханской казны, также было дано задание «проведать о бухарском хане, не мочно ли его в подданство»<sup>39</sup>. Уникальность плана была в том числе и в том, что, способствуя укреплению власти ханов над подданными, одновременно увеличивали зависимость их от России<sup>40</sup>. Следует также заметить, что желание российского государя склонить к подданству свидетельствует о полной независимости Хивинского ханства на тот период.

Хивинский хан крайне негативно отреагировал на продвижение отряда и на факт появления у своих границ российских крепостей. Есть также сведения, что данные об экспедиции были переданы хану калмыцким ханом Аюкой, который во всей этой истории вел двойную игру. Разгром миссии А. Б. Черкасского стал громким событием не только в России и европейских странах. Данный трагический эпизод — одно из крайне немногих известий о российских деятелях, отраженных в среднеазиатских источниках. Как свидетельствуют хивинские хроники, Шир-Гази-хан «назначил с бесчисленным войском конграта Кул Мухаммед-аталыка и наймана Эмира Аваз Инака [вести переговоры]. Они заключили с Даулат Гиреем перемирие и под предлогом угощения отправили врагов святой веры в пекло преисподней»<sup>41</sup>. Целью отряда «Даулата Гирея»<sup>42</sup> «с тридцатью тысячами русских», согласно «Фирдаус аль Икбал», было не посольство к Шир-Гази, а стремление «овладеть Хорезмом», «для чего они и прибыли к “горам Шейх-Джалил-таги”, в которых находятся золотые и серебряные рудники, и с этими помыслами остановились на границе Арала»<sup>43</sup>.

Гибель экспедиции и жестокая казнь А. Б. Черкасского и остальных руководителей экспедиции на достаточно долгий срок осложнили взаимоотношения Хивы с Россией, несмотря на последующие попытки Флорио Беневени поправить сложившееся положение.

В итоге, на наш взгляд, хивинское ханство в 1700 г. не состояло в подданстве России. По всей видимости, формулировка «шерти», несомненно, имевшая место в тексте, имела сугубо декларативное значение без каких-либо последствий для

<sup>39</sup> История Свейской войны (Поденная записка Петра Великого). Вып. 1. М., 2004. С. 585.

<sup>40</sup> Бартольд В. В. История изучения Востока в Европе и России. Лекции. Изд. 2. Л., 1925. С. 204.

<sup>41</sup> Firdaws al-iqbal: history of Khorezm / Shir Muhammad Mirab Munis and Muhammad Riza Mirab Agahi: edited by Yuri Bregel. Leiden, 1998. P. 100.

<sup>42</sup> Девлет Гирей — имя Александра Бековича до принятия им крещения. По всей видимости, во время посольства в Хиву он представлялся как Девлет Гирей.

<sup>43</sup> Материалы по истории Казахских ханств 15–18 веков (извлечения из персидских и тюркских сочинений). / Сост.: С. К. Ибрагимов, Н. Н. Манулов, К. А. Пищулин, В. П. Юдин. Алма-Ата, 1969. С. 433.

двух государств. Пример «союза и шерти» между Османской империей и Крымским ханством свидетельствует, что в рамках реализации подобного соглашения хивинские ханы должны были бы прибывать ко двору российских правителей, подобное трудно представить, исходя из сложившейся в Средней Азии политической ситуации. Причины неверного перевода грамоты и превращения трех «мутлябхо» переговоров в пять остаются неясными. Вряд ли здесь присутствует попытка выдать желаемое за действительное. Для большей ясности требуется сравнительный перевод остальных грамот не только из Хивы и Бухары, но и из Персии и Крымского ханства, датируемых данным периодом, для определения стиля перевода.

### References

- Agzamova G.A.* Volžsko-Kaspijskij put' v XVI — pervoj polovine XIX v. // *Türkologičeskij sbornik*. M., 2003.
- Allworth E.A.* The modern Uzbeks: from the 14 century to the present. A cultural history. Hoover press publication, 1990.
- Annanepesov M.* Ukreplenie russko-turkmenskikh svâzej v XVIII–XIX vv. Ašhabad: Ylym., 1982.
- Bartol'd V.V.* Istoriiâ izučeniâ Vostoka v Evrope i Rossii: Lekcii. 2-e izd. L., 1925.
- Bër K.M.* Zaslugi Petra Velikogo po časti rasprostraneniâ geografičeskikh poznanij o Rossii i pograničnyh s nej zemlâh v Azii // *Zapiski Imperatorskogo Russkogo Geografičeskogo Obščestva*. SPb., 1850. T. 4.
- Bezgin I.G.* Èkspediciâ v Hivu i posol'stva flota poručika Kožina i murzy Tevkeleva v Indii k Velikomu mogolu (1714–1717): Bibliografičeskââ monografiâ. SPb., 1891.
- Bronevskij S.M.* Istoričeskiiâ vypiski o snošeniâh Rossii s Persiëu, Gruzieu i voobše s gorskimi narodami, v Kavkaze obitaûšimi, so vremen Ivana Vasil'eviča donyne. SPb.: Institut vostokovedeniâ RAN, 1996.
- Galkin N.M.* O turkmenah vostočnogo poberež'â Kaspijskogo morâ // *Ètnografičeskije i istoričeskije materialy po Srednej Azii i Orenburgskomu kraû*. SPb., 1868.
- Hanykov N.* Opisanie Buharskogo hanstva. SPb., 1843.
- Ismailova B.* Istoriiâ Buharskogo èmirata. Hudžand: Nuri ma'rifat, 2005.
- Ismailova B.* Central'naâ Aziâ v sostave Rossijskoj Imperii. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2008.
- Kadyrov Š.* «Naciâ» plemen. Ètničeskije istoki, transformaciâ, perspektivy gosudarstvennosti v Turkmenistane. M., 2003.
- Knâžeckaâ E.A.* Sud'ba odnoj karty. M.: Mysl', 1964.
- Kostenko L.* Istoričeskij očerk rasprostraneniâ russkogo vladychestva // *Voennyj Sbornik*. SPb., 1886. T. CLXXVI.
- Mogutov V.* Redkoe i dostopamâtnoe izvestie o byvszej iz Rossii v velikuû Tatariu êkspedicii pod imenom posol'stva. SPb., 1777.
- Niâzmatov M.* Poisk konsensusa. Rossijsko-hivinskije geopolitičeskije otnošeniâ v XVI — načale XX v. SPb., 2010.
- Opryško O.L.* Čerez veka i sud'by. Načik: Èl'brus, 1982.
- Popov A.N.* Snošeniâ Rossii s Hivoû i Buharoû pri Petre Velikom. SPb., 1853.
- Rossiâ — Srednââ Aziâ: Politika i islam v konce XVIII — načale XXI v.: V 2-h t. / Pod red. S.N. Abašina, D.Ū. Arapova. M., 2011.
- Šafranovskij K.I., Knâžeckaâ E.A.* Karty Kaspijskogo i Aral'skogo morej, sostavlennye v rezul'tate êkspedicii Aleksandra Bekoviča Čerkasskogo 1715 g. // *Izvestiâ VGO*. 1952. № 6.
- Terent'ev A.M.* Rossiâ i Angliâ v Srednej Azii. SPb., 1875.
- Veselovskij N.I.* Očerk istoriko-geografičeskikh svedenij o hivinskom hanstve ot drevnejših vremen do nastoâšego. SPb., 1877.
- Veselovskij N.I.* Priem v Rossii i otpusk sredne-aziatskikh poslov v XVII i XVIII stoletiiâh // *Žurnal Ministerstva Narodnogo Prosvešeniâ*. SPb., 1884. № 7.
- Vilinhahov V.B.* Aleksandr Čerkasskij — spodvižnik Petra. Načik: Kabardino-Balkarskoe knižnoe izdatel'stvo, 1966.
- Zajcev I.V.* Krymskaâ istoriografičeskââ tradiciâ XV–XIX vv. Puti razvitiâ. Rukopisi, teksty i istočniki. M., 2009.
- Želâbužskij E.* Očerki o zavoevanii Hivy. M., 1875.
- Žukovskij S.V.* Snošeniâ Rossii s Buharaj i Hivoj za poslednee trehsotletie // *Trudy obščestva rossijskikh orientalistov*. SPb., 1915. № 2.

**Список литературы**

*Азамова Г. А.* Волжско-Каспийский путь в XVI — первой половине XIX в. // Тюркологический сборник. М., 2003.

*Аннанпесов М.* Укрепление русско-туркменских связей в XVIII–XIX вв. Ашхабад: Ылым, 1982.

*Бартольд В. В.* История изучения Востока в Европе и России. Лекции. 2-е изд. Л., 1925.

*Безгин И. Г.* Экспедиция в Хиву и посольства флота поручика Кожина и мурзы Тевкелева в Индию к великому моголу (1714–1717): Библиографическая монография. СПб., 1891.

*Броневский С. М.* Исторические выписки о сношениях России с Персией, Грузией и вообще с горскими народами, в Кавказе обитающими, со времен Ивана Васильевича донныне. СПб.: Институт востоковедения РАН, 1996.

*Бэр К. М.* Заслуги Петра Великого по части распространения географических познаний о России и пограничных с ней землях в Азии // Записки Императорского Русского Географического Общества. СПб., 1850. Т. 4.

*Веселовский Н. И.* Очерк историко-географических сведений о хивинском ханстве от древнейших времен до настоящего. СПб., 1877.

*Веселовский Н. И.* Прием в России и отпуск среднеазиатских послов в XVII и XVIII столетиях // Журнал Министерства Народного Просвещения. СПб., 1884. № 7.

*Вилинбахов В. Б.* Александр Черкасский — сподвижник Петра. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1966.

*Галкин Н. М.* О туркменах восточного побережья Каспийского моря // Этнографические и исторические материалы по Средней Азии и Оренбургскому краю. СПб., 1868.

*Желябужский Е.* Очерки о завоевании Хивы. М., 1875.

*Жуковский С. В.* Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие // Труды общества российских ориенталистов. СПб., 1915. № 2.

*Зайцев И. В.* Крымская историографическая традиция XV–XIX вв. Пути развития. Рукописи, тексты и источники. М., 2009.

*Исмаилова Б.* История Бухарского эмирата. Худжанд: Нури маърифат, 2005.

*Исмаилова Б.* Центральная Азия в составе Российской Империи. М.: Новое литературное обозрение, 2008.

*Кадыров Ш.* «Нация» племен. Этнические истоки, трансформация, перспективы государственности в Туркменистане. М., 2003.

*Княжецкая Е. А.* Судьба одной карты. М.: Мысль, 1964.

*Костенко Л.* Исторический очерк распространения русского владычества // Военный Сборник. СПб., 1886. Т. CLXXVI.

*Могутов В.* Редкое и достопамятное известие о бывшей из России в великую Татарию экспедиции под именем посольства. СПб., 1777.

*Ниязатов М.* Поиск консенсуса. Российско-хивинские геополитические отношения в XVI — начале XX в. СПб., 2010.

Описание Каспийского моря и чиненных на оном Российских завоеваний, яко часть истории государя императора Петра Великого, трудами Тайного Советника, Губернатора Сибири и Ордена святого Александра Кавалера Федора Ивановича Соимонова, избранное из журнала Его Превосходительства, в бытность его службы морским Офицером, и с внесенными, где потребно было, дополнениями Академии Наук Конференц-Секретаря, Профессора Истории и Историографии, Г. Ф. Миллера. СПб.: Императорская академия наук, 1763.

*Опрышко О. Л.* Через века и судьбы. Нальчик: Эльбрус, 1982.

*Попов А. Н.* Сношения России с Хивой и Бухарою при Петре Великом. СПб., 1853.

Россия — Средняя Азия: Политика и ислам в конце XVIII — начале XXI в.: В 2-х т. / Под ред. С. Н. Абашина, Д. Ю. Арапова. М., 2011.

*Терентьев А. М.* Россия и Англия в Средней Азии. СПб., 1875.

*Ханьков Н.* Описание Бухарского ханства. СПб., 1843.

*Шафрановский К. И., Княжецкая Е. А.* Карты Каспийского и Аральского морей, составленные в результате экспедиции Александра Бековича Черкасского 1715 г. // Известия ВГО. 1952. № 6.

*Alkwoth E. A.* The modern Uzbeks: from the 14 century to the present. A cultural history. Hoover press publicaton, 1990.

**Е. А. Андреева**

## Хендрик Крюйс, магазин «Ява» и голландские плитки во дворце Меншикова<sup>1</sup>

В фонде Первого кадетского корпуса Военно-исторического архива хранится ассигнация от 19 октября 1893 г., из которой следует, что Кадетский корпус заплатил представителю фирмы «Ява», «временно санкт-петербургскому купцу 2 гильдии Гендрику Крейсу» 1830 рублей 30 копеек «за доставленные им в Корпус для реставрации комнат князя Меншикова (согласно данной подписки) 6101 штук изразцов по 30 коп. за штуку»<sup>2</sup>.

О чем же идет речь в этом документе? Название фирмы «Ява» происходит, по всей видимости, от острова Ост-Индии, до 1942 г. являвшегося колонией Нидерландов. Имя купца говорит о его голландском происхождении. С этой европейской страной связан и предмет договора, поскольку то, что в ассигнации названо изразцами, — не что иное, как голландская расписная фаянсовая плитка, моду на которую завез в Россию Петр Великий.

### **Хендрик Крюйс, фирма «Ява» и голландские «русаки» в Петербурге**

Впервые (по крайней мере, в русской литературе) Хендрик Крюйс упоминается в каталоге совместной выставки «Голландцы и русские. 1600–1917»,

<sup>1</sup> Статья написана при поддержке гранта РГНФ. Проект № 14–04–00148.

<sup>2</sup> Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 314 (Первый кадетский корпус). Оп. 1. Ед. хр. 6629. Л. 140.



*Ян Крюйс (1834–1872), сводный брат  
Хендрика Крюйса*

*(Historisch Museum Vriezenveen.*

*Печатается по: Голландцы*

*и их церковь в Санкт-Петербурге,*

*1704–1927 = De Nederlanders en hun kerk in  
Sint Petersburg,*

*1704–1927. СПб., 2002. P. 39)*

организованной в 1989 г. Рейксмузеумом г. Амстердама и ГМИИ им. А. С. Пушкина (Москва)<sup>3</sup>.

Основные сведения о Хендрике Крюйсе, роде Крюйсов и фирме «Ява» удалось найти на генеалогическом сайте Исторического музея Фризенвейна<sup>4</sup>, а также в книге голландского режиссера-документалиста Карины Мейусе, изданной в 1996 г. и опубликованной на русском языке в 1998 г.<sup>5</sup> Эти историко-биографические очерки не сопровождаются научно-справочным аппаратом, но во введении говорится о том, что они писаны на основании документов, хранящихся в архиве Исторического музея Фризенвейна и представляющих собой корреспонденцию, путевые заметки, дневники и официальные документы (свидетельства о браке, о смерти и т. д.).

Относительно деятельности фирмы «Ява» настоящее исследование опирается на изданный в 2003 г. авторским коллективом под руководством М. Н. Барышникова труд «Иностранные предприниматели в Петербурге»<sup>6</sup>. Кроме того, в 2007 г. в Гронингском университете была защищена диссертация «От ассимиляции к сегрегации: Голландская колония в Санкт-Петербурге. 1856–1917»<sup>7</sup>.

<sup>3</sup> Фризенвейнцы в Петербурге // Голландцы и русские. 1600–1917: Из истории отношений между Россией и Голландией. Каталог. М., 1989. С. 145; № 280. С. 145; № 281. С. 146. В тексте неверно указаны даты поездок Хендрика Крюйса по России в качестве представителя фирмы «Блоокер-какао» — 1868–1906 гг.

<sup>4</sup> Vriezenveners.nl (Фризенвейнцы): <http://www.vriezenveners.nl/genealogie/> (дата обращения 18.03.2015).

<sup>5</sup> Мейусе К. Русские голландцы. Начало и конец фризенфейнской колонии в Санкт-Петербурге, 1720–1920 гг.: Ист.-биограф. очерк. СПб., 1998.

<sup>6</sup> Петербург. История торговли. Т. 3: Иностранные предприниматели в Петербурге = Foreign Entrepreneurs in Saint-Petersburg / Под ред. Н. Н. Смирнова. СПб., 2003.

<sup>7</sup> Wijngaarden-Xiounina J.S.V. Van assimilatie tot segregatie: de Nederlandse kolonie in Sint-Petersburg, 1856–1917. Gronningen, 2007: [https://www.rug.nl/research/portal/publications/pub\(888b20e6-fbf1-4af2-9260-4fc7f315c2bc\).html](https://www.rug.nl/research/portal/publications/pub(888b20e6-fbf1-4af2-9260-4fc7f315c2bc).html) (дата обращения 18.03.2015).



Однако следует сразу оговориться, что во всех перечисленных трудах нет ни слова о привозе Хендриком Крюйсом в Петербург голландских плиток. Единственный раз имя Хендрика Крюйса упоминается в связи с покупкой голландских плиток в статьях Л. П. Дорофеевой, посвященных истории плитковых интерьеров во дворце Меншикова в Петербурге<sup>8</sup>.

Хендрик Крюйс (Hendrik Kruijs, 1851–24 мая 1907) родился и умер в небольшой голландской деревушке Фризенвейн. Казалось бы, ничего интересного, если бы не одно обстоятельство: большую часть жизни он провел вдали от родных мест — в России. Он известен прежде всего тем, что вел ежедневные записи, к чему его, вероятно, приучил отец, который также всё записывал в дневник. В Историческом музее Фризенвейна сохранилось большое наследие Хендрика Крюйса — дневники, кассовые книги, путевые записки, обширная переписка с семьей. Кроме того, Хендрик был первым голландцем, который объездил всю Российскую империю, и последним из рода Крюйсов, кто сохранил тесные связи с родным Фризенвейном. И еще один момент: именно Хендрику Крюйсу мы обязаны знакомством с напитком какао<sup>9</sup>.

Фризенвейн (Vriezenveen) расположен в центрально-восточной части Нидерландов в провинции Овериссел (Overijssel) в 7 верстах от города Алмело (Almelo). Сейчас это деревня с населением около 13 тыс. человек<sup>10</sup>. В первой половине XVII в. жители Фризенвейна помимо сельского хозяйства занимались торговлей, главным образом льняным полотном и различными семенами.



*Сыновья Яна Крюйса:  
Иван, Владимир и Николай,  
племянники Хендрика Крюйса.  
Фотография сделана в Утрехте,  
после смерти Яна Крюйса и переезда  
детей во Фризенвейн  
(Historisch Museum Vriezenveen.  
Печатается по: Голландцы  
и их церковь в Санкт-Петербурге,  
1704–1927 = De Nederlanders en hun  
kerk in Sint Petersburg,  
1704–1927. СПб., 2002. P. 39)*

<sup>8</sup> *Дорофеева Л. П.* 1) К истории реставрации в интерьерах, отделанных голландскими плитками, в XIX и XX веках во дворце Меншикова // Проблемы русской культуры XVIII в. СПб., 2001. С. 29; 2) «Музей голландских плиток» во дворце А. Д. Меншикова в Санкт-Петербурге // Сообщения Российско-Нидерландского научного общества / Под ред. Г. В. Вилинбахова, Н. П. Копаневой. СПб., 2003. Вып. 1. С. 126–127.

<sup>9</sup> Hendrik Kruijs // Vriezenveners.nl: <http://www.vriezenveners.nl/genealogie/getperson.php?personID=I11029&tree=vv> (дата обращения 26.02.2015); *Мейусе К.* Русские голландцы... С. 125–127.

<sup>10</sup> Vriezenveen // Wikipedia: <http://nl.wikipedia.org/wiki/Vriezenveen> (дата обращения 05.04.2015).

1890

«Какао-книга» Хендрика Крюйса за март 1890 г.

«Какао-книга» Хендрика Крюйса  
за март 1890 г.

(Historisch Museum Vriezenveen. № А. 35.

Печатается по: Голландцы и русские.

1600–1917: Из истории отношений между  
Россией и Голландией:

Каталог. М., 1989. № 280. С. 145)

KINDEREN UIT DIT HUWELIJK GEBOREN.

VOORNAAM	GEBOREN		ONNAEMER
	DA	JAAR	
Johanna	27	1890	A. Boom
Anna	6	1892	
Johanna	20	1895	
Gerhard Olis	28	1897	
A. Boom			
A. Boom			

Свидетельство о браке Хендрика Крюйса  
и Алиды Боом. 28 августа 1890 г.  
(Historisch Museum Vriezenveen. № А.131/52.

Печатается по:

Голландцы и русские.

1600–1917: Из истории отношений между  
Россией и Голландией:

Каталог. М., 1989. № 281. С. 146)

Они наладили торговые связи не только с разными нидерландскими провинциями, но и с западными и южными немецкими землями, с Норвегией, Данией, Швейцарией, Испанией, Португалией, Курляндией и даже с Западной Индией. Их купцы проникли и в Московское государство: в Архангельск, Москву, Великий Новгород, Ярославль и Вологду.

Когда Петр I основал Петербург, голландцы были одними из первых иностранцев, поселившихся там. Официальной датой основания Голландской общины считается 1717 г., но это были в основном амстердамские купцы, переехавшие на берега Невы из Москвы. Жители Фризенвейна, вероятно, появились здесь в 1740-х гг. Самая ранняя запись в церковной книге Голландской реформаторской церкви датируется 1743 г.: в Петербурге скончался некий житель Фризенвейна Херрит Оттен. Процент жителей этой деревни к концу XVIII в. среди представителей голландской общины в Петербурге стал настолько большим, что всю общину называли фризенвейнцами. На родине же людей, торговавших и долго живших в России, называли «русаками» («Rusluie»). Они были связаны с Россией 200 лет — до 1917 г. Основными предметами торговли были табак, кофе, шоколад, сливочное масло, сыр, знаменитая голландская селедка,



*Петербург. Невский пр., д. 20. Вывеска магазина «Ява». Фотография 1900-х гг.  
(Государственный Эрмитаж. Коллекция документальных материалов. ДМНвф)*

треска, цикорий, вино, масло, можжевельник, листья бамбука, луковицы цветов, фрукты и изделия из фаянса<sup>11</sup>.

Одна из самых известных фирм, «Harmsen & С<sup>o</sup>», торговавшая текстилем, располагалась на нынешней Думской линии Гостиного двора. Там же, а также в здании Голландской церкви находились и другие фирмы «русаков»<sup>12</sup>.

Во Фризенвейне Крюйсы были местной аристократией. Они не раз занимали должность старосты. Первым «русаком» из этого рода был прадед Хендрика Клаес (Claes, 1731–1802), фермер, отправившийся в Россию торговать льном и тканями. Он стал соучредителем фирмы «Схолл, Янсен, Крюйс и К<sup>o</sup>» (Scholl, Jansen, Kruijs & С<sup>o</sup>), которую возглавил в 1774 г. (по другим сведениям, в 1778 г.). В 1780 г. фирма была переименована в «Крюйс, Энгбертс и К<sup>o</sup>» (Kruijs, Engberts & С<sup>o</sup>). Представительства фирмы находились в Петербурге

<sup>11</sup> *Meijuse K.* Русские голландцы... С. 9, 14–16, 21, 23; *Wijngaarden-Xiounina J. S. V.* Van assimilatie tot segregatie... Р. 17–18, 23–24.

<sup>12</sup> *Wijngaarden-Xiounina J. S. V.* Van assimilatie tot segregatie... С. 24–26; Голландцы и их церковь в Санкт-Петербурге, 1704–1927 = *De Nederlanders en hun kerk in Sint Petersburg, 1704–1927.* СПб., 2002. С. 37.

и в Москве. Фирма торговала льном, цветочными луковицами, плевательницами, сырами, курительными трубками и маслом из Харлема<sup>13</sup>.

Интересно, что Крюйсы-«русак», как, впрочем, и другие фризенвейнцы, не прерывали связи со своей родиной. Они все родились и умерли в родной деревне, женились на односельчанках и почти все их дети также родились во Фризенвейне.

Дед нашего героя Герхард Крюйс (Gerhardus Kruijs, 1771–1839) торговал в Петербурге в фирме отца и стал его партнером<sup>14</sup>.

Отец Хендрика Клаас Крюйс (Claas Kruijs, 1802–1877), учившийся на проповедника, но бросивший учебу и приехавший в Петербург вслед за своими братьями в возрасте 16 лет, был сначала простым торговцем, затем приказчиком и, наконец, партнером фирмы «Янсен, Йост и К°» (Jansen, Joost & Co). В 1832 г. он женился на своей двоюродной сестре, 22-летней Жезине Юлиане Крюйс (Jesina Juliana, 1810–1847), с которой у него родилось семеро детей. Где-то до 1846 г. (вероятно, из-за болезни жены) он вернулся в свою родную деревню, обзавелся поместьем и 18 лет был мэром Фризенвейна (1852–1870). В 1847 г. супруга умирает, и в 1851 г. он женится на односельчанке, крестьянской дочери Фредрике Брамер, которая была моложе его на 22 года (Fredrika Braamer, 1824–1899). У них родилось двое детей — наш герой и двумя годами позднее девочка, названная в честь первой жены Жезина<sup>15</sup>.

Все девять детей Клааса Крюйса родились во Фризенвейне. Сын Герхард (Gerhardus, 1838–1902) сделал карьеру по морской части и в 1891 г. возглавил Морское министерство<sup>16</sup>. А трое других сыновей пошли по стопам отца и связали свою жизнь с далекой Россией.

Самый известный из них, старший сын Ян (Jan, 1834–1872) вначале работал в знаменитой табачной фирме «Тен Кате и К°», потом открыл свою табачную лавку на Невском проспекте напротив Казанского собора. Он первый в роду стал не просто «русак», а «обрусел», пустил корни в России. В 1865 г. в Петербурге он женился на русской. В обширной семейной переписке никто не упоминает ни об этом браке, ни об этой женщине. В генеалогической таблице Исторического музея Фризенвейна есть только ее даты жизни (1834–1869)<sup>17</sup>. У них родилось трое сыновей: Иван (Йохан), Владимир и Николай. Итак, впервые в роду Крюй-

<sup>13</sup> Claes Kruijs // Vriezenveners: <http://www.vriezenveners.nl/genealogie/getperson.php?personID=I10082&tree=vv> (дата обращения 19.03.2015); Голландцы и их церковь в Санкт-Петербурге... С. 38; *Мейусе К.* Русские голландцы... С. 29.

<sup>14</sup> Gerhardus Kruijs // Vriezenveners: <http://www.vriezenveners.nl/genealogie/getperson.php?personID=I9756&tree=vv> (дата обращения 22.03.2015).

<sup>15</sup> Claas Kruijs // Vriezenveners: <http://www.vriezenveners.nl/genealogie/getperson.php?personID=I10098&tree=vv> (дата обращения 22.03.2015); *Мейусе К.* Русские голландцы... С. 58–59.

<sup>16</sup> Gerhardus Kruijs // Vriezenveners: <http://www.vriezenveners.nl/genealogie/getperson.php?personID=I11026&tree=vv> (дата обращения 19.03.2015)

<sup>17</sup> (Имя неизвестно) // Vriezenveners: <http://www.vriezenveners.nl/genealogie/getperson.php?personID=I11024&tree=vv> (дата обращения 22.03.2015).

сов появляются русские имена. 1869 г. становится роковым для Яна Крюйса: табачная лавка не приносит дохода и продается всего за 650 рублей. В тот же год умирает его первая жена. В 1870 г. Ян женится на родившейся на русской Аляске 17-летней Александре Петровне Овчинниковой (1851–1925)<sup>18</sup>.

Интересная подробность, которую отмечает в своих очерках Карина Мейусе: голландцы имели свои дачи, куда семьи выезжали на летний сезон. У Яна Крюйса была дача в деревне Лесное. Мейусе также отмечает многочисленные болезни и эпидемии, свирепствовавшие в Петербурге в то время. Действительно, О. Ю. Малинова-Тзиафета говорит о том, что в 1870-х гг., по статистическим данным, если в Лондоне 1 смертельный случай приходился на 41,6 человека, то в Петербурге — на 23,6 человека. В Петербурге во второй половине XIX в. свирепствовали оспа, туберкулез, холера, скарлатина и другие недуги. Всех этих болезней в то время в Нидерландах, как отмечает К. Мейусе, уже практически не было<sup>19</sup>.

Эпидемии холеры свирепствовали из-за загрязнения питьевой воды. Жертвой такой эпидемии в 1872 г. стала семья Крюйсов. В июле на своей даче заболевает холерой и умирает Ян, через несколько дней — его годовалая дочь Юлия. Их хоронят в Петербурге на Волковском кладбище (могилы не сохранились). Это первые Крюйсы, похороненные в Петербурге.

В том же 1872 г. Александра Крюйс, или Саша, как ее звали в семье, рождает сына Петра. Клаас Крюйс просит Хендрика присмотреть за делами брата. Оказывается, что дела обстоят плохо, фирма продается, полученными деньгами покрываются долги. Саше с тремя пасынками и новорожденным малышом жить не на что. Семья Крюйсов не поддерживает их, помогает только Хендрик. Он просит отца принять Сашу с детьми в Голландии, отец отвечает, что ей лучше остаться в своем отечестве. Тогда Хендрик постепенно перевозит детей Яна от первого брака к отцу. Все они заканчивают школу в Бюссюме. За детьми, особенно после смерти отца в 1877 г., присматривает сводная сестра Хендрика Мария Йоханна, не вышедшая замуж и живущая в отчем доме. Хендрик изда-лека также присматривает за детьми<sup>20</sup>.

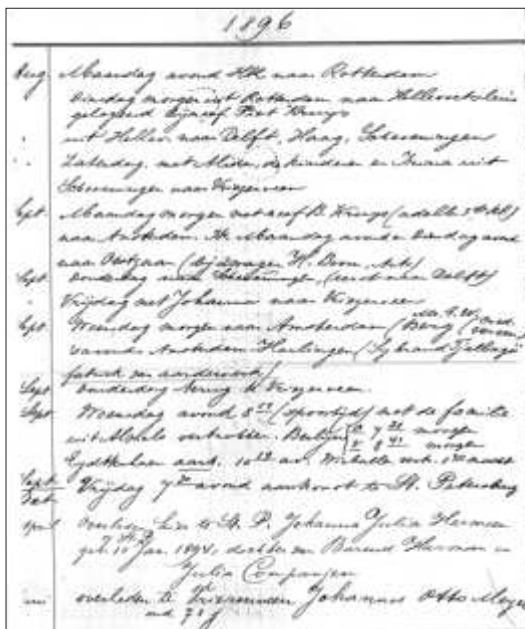
Александра Петровна остается одна в бедственном положении. В 1876 г., потеряв своего единственного сына, она вынуждена уехать в Рыльск (Курская губ.), где работает экономкой. Ее выручает опять Хендрик. К. Мейусе нашла запись 1895 г. о том, что у дочери Хендрика, Йоханны есть няня, которую зовут А. П. Крюйс. После революции Александра Петровна бежит в Нидерланды, к старшему пасынку Йохану<sup>21</sup>.

<sup>18</sup> Мейусе К. Русские голландцы... С. 128–129.

<sup>19</sup> Мейусе К. Русские голландцы... С. 130; Малинова-Тзиафета О. Ю. Из города на дачу: социокультурные факторы освоения дачного пространства вокруг Петербурге (1860–1914). СПб., 2013. С. 75, 78.

<sup>20</sup> <http://www.vriezenveners.nl/genealogie/getperson.php?personID=I25927&tree=vv> (дата обращения 19.03.2015); Мейусе К. Русские голландцы... С. 134.

<sup>21</sup> Вывод о том, что А. П. Крюйс уехала в Нидерланды к старшему сыну мужа Йохану, сделан нами на том основании, что по голландским документам местом смерти



Дневник Хендрика Крюйса. Сентябрь 1896 г.  
(Historisch Museum Vriezenveen. № А. 35)

Йохан (1867–1940) вначале был представителем торговой фирмы в Голландской Ост-Индии, потом уехал в Нидерланды и работал торговым агентом недалеко от Фризенвейна. Владимир (род. 1868), приехал к дяде в Петербург, по каким-то причинам не эмигрировал с мачехой после революции и умер в Петрограде в марте 1920 г. Николай (1869–1935) работал на железной дороге в Южной Африке, потом был чиновником в разных фирмах в Голландской Ост-Индии и скончался в Сурабае на острове Ява<sup>22</sup>.

Еще один брат Хендрика, уехавший в Петербург — Бернард (Bernardus, 1840, Фризенвейн — 1911, Петербург) был военно-морским архитектором и стал вице-консулом Нидерландов в Петербурге. В 1872 г. он, так же как и брат, женился на русской:

на Екатерине Ивановне Авдеевой (род. 1854), которая в октябре 1871 г., перейдя в протестантство, стала Катариной. Хендрик увидел невесту брата в доме Яна. Вот запись в его дневнике: «15 января 1872 года. Первый раз увидел Катю». Бернард с супругой вскоре после свадьбы уехал в Индонезию, в Сурабай, где проработал 6 лет, а в 1878 г. вернулся обратно в Петербург. Интересная подробность: Бернард, так и не вернувшийся в Голландию, был яростным патриотом своей страны, писал стихи на голландском языке и создал «Хронику голландской реформаторской общины в Петербурге», опубликованную в 1900 г. Бернард и Катя не смогли завести своих детей и усыновили русского сироту, который умер, не прожив и года. Екатерина Ивановна скончалась в Петербурге (т. е. в Петрограде) в 1921 г.<sup>23</sup>

В 1868 г. к старшим сводным братьям Яну и Бернарду приезжает в Петербург 17-летний Хендрик. Вначале он становится учеником в текстильной фир-

обоих назван Диепенвейн (Diepenveen), небольшой городок недалеко от Фризенвейна (Jan Kruijs // Vriezenveners: <http://www.vriezenveners.nl/genealogie/getperson.php?personID=I11023&tree=vv> (дата обращения 22.03.2015)).

<sup>22</sup> Meijuse K. Русские голландцы... С. 131; Nikolai Kruijs // Vriezenveners: <http://www.vriezenveners.nl/genealogie/getperson.php?personID=I11036&tree=vv> (дата обращения 22.03.2015).

<sup>23</sup> Bernardus Kruijs // Vriezenveners: <http://www.vriezenveners.nl/genealogie/getperson.php?personID=I11028&tree=vv> (дата обращения 22.03.2015); Meijuse K. Русские голландцы... С. 131–132.

ме «Энгбертс и К<sup>о</sup>» (Engberts & Co), принадлежавшей также фризенвейнцам, имевшим многолетние торговые и родственные связи с семьей Крюйсов<sup>24</sup>. В феврале 1884 г. он уходит из фирмы с желанием стать коммивояжером, о чем и помещает объявление в газете «Берлинер Тагеблатт»: «Россия. Молодой человек (голландец), многие годы работавший продавцом шерстяных и полотняных изделий в одном из лучших торговых домов Санкт-Петербурга, предлагает свои услуги в качестве агента крупных торговых фирм, специализирующихся в различных областях. Готов также выезжать в другие города России. Располагает прекрасными рекомендациями»<sup>25</sup>.

По всей видимости, интересных предложений не поступило, и в апреле–мае 1884 г. Хендрик пытается в Амстердаме установить контакты. И это ему удается. У фирмы «Блоокер» он получает эксклюзивное право на торговлю какао на европейской территории России. Кроме того, он получает представительские полномочия фирм «Ван Хаутен» и «Бенсдорп»<sup>26</sup>.

Хендрик возвращается в Петербург и в том же 1884 г. основывает компанию Ява (Java). На Большой Морской ул. в доме 38 он открывает свой первый магазин по продаже кофе, чая и, что для настоящего исследования особенно важно, изделий из фаянса. Сохранилось свидетельство Дерка Герхардуса Хармсена о том, как выглядел магазин: «Магазин, в который с улицы нужно спуститься по нескольким ступенькам, обустроен совершенно в голландском стиле, очень уютный, обшит темным деревом, наполнен голубым делфтским фаянсом и другой посудой, медными чашками весов, старинными банками для хранения табака и прочим в таком же духе»<sup>27</sup>.

Следует подчеркнуть тесные связи Хендрика с семьей брата Бернарда. Он был частым гостем в их доме, ему нравилась сестра Кати Наташа, за которой он ухаживал. Неизвестно, с самого начала или нет, но Бернард вложил средства в фирму брата, а его жена и ее сестра работали в магазине, наливая всем входящим чашечку ароматного кофе с острова Ява. Дела быстро шли в гору и в октябре того же года в магазине появляется первый ученик. Хендрик все предыдущие годы жил в общем доме фирмы «Энгбертс и К<sup>о</sup>». В 1885 г. он снимает шестикомнатную квартиру с кухней и помещениями для прислуги по адресу Апраксин пер., 24<sup>28</sup>.

Ухаживания Хендрика за Натальей Авдеевой не имели результата, и Хендрик обращается к сестре Марии (растившей сыновей Яна) с просьбой подобрать ему подходящую кандидатуру для брака. В августе 1889 г. он приезжает

<sup>24</sup> Кузина Хендрика Мария Крюйс в 1866 г. прибыла в Петербург и вышла замуж за Энгберта Энгбертса (Maria Kruijs //Vriezenveners: <http://www.vriezenveners.nl/genealogie/getperson.php?personID=I14426&tree=vv> (дата обращения 22.03.2015)).

<sup>25</sup> Цит. по: *Мейусе К.* Русские голландцы... С. 133.

<sup>26</sup> *Мейусе К.* Русские голландцы... С. 133.

<sup>27</sup> Цит. по: *Мейусе К.* Русские голландцы... С. 133–134.

<sup>28</sup> *Мейусе К.* Русские голландцы... С. 134.

во Фризенвейн, где обручается с дочерью врача Алидой Боом, которая моложе его на 10 лет. Его запись в дневнике об этом событии более чем лаконична. 11 сентября: «Чаепитие», 14 сентября: «Улажено». Через год он возвращается в родную деревню для бракосочетания.

Семья переезжает на Малую Морскую ул., 6, кв. 15. Квартира пятикомнатная, с кухней, комнатой для прислуги, двумя лестницами, двумя туалетами, подвалом для дров, погребом и чердаком. Семья нанимает кухарок и няню. Примечательно, что одна из них, из украинской деревни Квиток, в 1896 г. пять месяцев провела с Крюйсами в Голландии. В музее Фризенвейна сохранилась ее фотография в национальной одежде<sup>29</sup>.

Средний сын Яна Владимир возвращается в Петербург, чтобы работать в фирме дяди<sup>30</sup>. Вскоре фирма «Ява» становится российским агентом многих голландских компаний: сигар «Rhener», ликеро-водочных изделий, текстильных. В качестве представителя «Блокер-какао» Хендрик Крюйс ездит по всей стране, знакомя россиян с этим новым продуктом и ведет дневник, который называет «Путешествие какао» (Сасаобоек)<sup>31</sup>. Так, в 1890 г. он побывал во Львове, Рязани, Козлове, Воронеже, Новочеркасске, Ростове-на-Дону, Владикавказе, Тифлисе, Баку, Кутаиси, Батуми, Новороссийске, Керчи, Ялте, Феодосии, Симферополе<sup>32</sup>.

Новый напиток пришелся по вкусу столичным жителям и вскоре в Петербурге открылось еще пять фирменных магазинов компании «Ява»: в традиционном для голландцев здании на Невском пр., 20, на Офицерской (ныне ул. Декабристов, д. 17), Семеновской пл., 9, 1-й линии Васильевского острова, д. 36, Загородном пр., д. 34, Большом пр. П. С., д. 74<sup>33</sup>.

У четы Крюйсов рождается четверо детей. В 1898 г. из-за опасения заразиться холерой или тифом Алида с детьми возвращается во Фризенвейн, где Хендрик к тому времени построил дом. Он приезжал к семье 1–2 раза в год, в Петербурге продолжал жить в своей старой квартире. В 1905 г. Хендрик заболел и в мае 1907 г. приехал в Фризенвейн, где и умер. По свидетельству К. Мейусе, могила, хоть и в заброшенном состоянии, но сохранилась. Существует и его дом, называющийся «вилла Крюйса», он полностью перестроен, от прежнего хозяина осталось только витражное окно над входной дверью<sup>34</sup>.

После смерти Хендрика открывается очень неприятное для Алиды и детей обстоятельство — фирма записана на его брата Бернарда. В завещании указано, что фирма достается тому из братьев, кто проживет дольше. Завещание

<sup>29</sup> Мейусе К. Русские голландцы... С. 135–138.

<sup>30</sup> Hendrik Kruijs // Vriezenveners: <http://www.vriezenveners.nl/genealogie/getperson.php?personID=I11029&tree=vv> (дата обращения 07.02.2015).

<sup>31</sup> Исторический музей Фризенвейна (Historisch Museum Vriezenveen). № А.35 (благодарю Яна Плэйса (Jan Pluis), любезно предоставившего сведения об этой рукописи).

<sup>32</sup> Голландцы и русские... № 280. С. 145.

<sup>33</sup> Петербург. История торговли. Т. 3. С. 80–81; *Wijngaarden-Xiounina J. S. V. Van assimilatie tot segregatie...* Р. 36–37.

<sup>34</sup> Мейусе К. Русские голландцы... С. 143.



было составлено с выгодой для Хендрика, который на 12 лет был моложе брата, но судьба распорядилась иначе. Был еще пункт о том, что дети Хендрика по достижении 23-летнего возраста становятся совладельцами, но этого не произошло. После смерти Хендрика фирма была преобразована в торговый дом со стартовым капиталом в 4 тыс. рублей. После смерти Бернарда в 1911 г. фирму наследовали не дети Хендрика, а брат Кати С. И. Авдеев<sup>35</sup>.

Младший сын Хендрика Герхард Отто мечтал работать в фирме отца: «Жаль, что не получилось. Я уже совсем было настроился. Когда в 1917 году началась революция, я еще годик выжидал, смотрел, что будет. Но вскоре стало ясно: надеяться не на что»<sup>36</sup>.

После смерти мужа Алида с детьми переезжает в Гаагу. Здесь старшая дочь Йоханна в 1918 г. вышла замуж за Георга Оллера (Georg Ohler, 1890–1973), с которым уехала в Батавию, поскольку он работал главным бухгалтером Голландской Ост-Индской фирмы «Эскомпто». Сын Фредрик (1895–1969) стал главным инженером одной из фирм в Гааге. Герхард Отто (Gerhard Otto, 1897–1971) работал в провинции Риау на острове Суматра в Индонезии. И еще один сын, Клаас (1893–1913) умер в 20-летнем возрасте, будучи студентом технологического университета Делфта<sup>37</sup>.

Такова была судьба купца Хендрика Крюйса, поставившего плитки Первому Кадетскому корпусу для «комнат князя Меншикова».

## Реставрация «комнат князя Меншикова» в 1889–1997 гг.

Документы об этих реставрационных работах и о заказе плиток из Нидерландов обнаружил в 1950-х гг. сотрудник ГИОП г. Ленинграда, составлявший исторические справки по разным зданиям города, А. Н. Петров<sup>38</sup>. Его рукописью, которая так и не была опубликована, активно пользовались последующие исследователи. Ю. В. Трубинов, принимавший непосредственное участие в реставрации дворца Меншикова в 1970-х гг., опубликовал монографию по дворцу, в которой рассказывается и история, связанная с реставрацией «плитковых» комнат в конце XIX в.<sup>39</sup> Вместе с тем исследователи, изучавшие дворец, оставили за рамками вопросы о том, кто, как и откуда доставил плитки.

<sup>35</sup> *Wijngaarden-Xiounina J. S. V. Van assimilatie tot segregatie...* 2007. P. 37; Голландцы и русские... № 281. С. 146.

<sup>36</sup> Цит. по: *Meÿuse K.* Русские голландцы... С. 145.

<sup>37</sup> Johanna Kruijs // Vriezenveners: <http://www.vriezenveners.nl/genealogie/getperson.php?personID=I49975&tree=vv> (дата обращения 20.02.2015); Frederik Kruijs // Vriezenveners: <http://www.vriezenveners.nl/genealogie/getperson.php?personID=I49977&tree=vv> (дата обращения 20.02.2015); Claas Kruijs // Vriezenveners: <http://www.vriezenveners.nl/genealogie/getperson.php?personID=I49976&tree=vv> (дата обращения 20.02.2015).

<sup>38</sup> *Петров А. Н.* Материалы к научному обоснованию реставрационных работ по Меншиковскому дворцу. [Рукопись]. Л., 1962. С. 25–34.

<sup>39</sup> *Трубинов Ю. В.* Палаты светлейшего князя Меншикова. СПб., 2003. С. 128–129.



*«Кабинет из прихожей». Дворец Меншикова на Васильевском острове в Петербурге. Стены отделаны голландской плиткой, которую поставила фирма «Ява» в 1893 г.*

В августе 1710 г. в Петербурге на Васильевском острове ближайший сподвижник Петра I Александр Данилович Меншиков заложил свой великолепный дворец, до сих пор являющийся одной из жемчужин северной столицы. Светлейший князь постоянно достраивал и перестраивал свой дворец, непрестанно велась переделка внутренних интерьеров.

8 сентября 1727 г. по указу императора Петра II А. Д. Меншиков был арестован. 11 сентября семья Меншиковых покинула дворец, чтобы никогда уже не вернуться. В феврале 1732 г. во дворце разместился вновь учрежденный императрицей Анной Иоанновной Шляхетский кадетский корпус, просуществовавший там до 1918 г. Здание было переделано под нужды учебного заведения и на протяжении XVIII–XIX вв. неоднократно реставрировалось и перестраивалось. Вместе с тем пять так называемых «мемориальных меншиковских» помещений оставались на протяжении веков практически нетронутыми. Это четыре «плитковых» комнаты, в которых все стены и потолки еще при Меншикове были облицованы голландской плиткой, и знаменитый Ореховый кабинет.

В 1888 г. принимается решение произвести ремонтные работы в этих мемориальных комнатах, с тем чтобы потом создать в них музей<sup>40</sup>. Поручается это архитектору М. А. Иванову, который уже январе 1889 г. объявляет тендер

<sup>40</sup> РГВИА. Ф. 314. Оп. 1. Ед. хр. 6629. Л. 1.



*Голландская расписная фаянсовая плитка,  
сделанная в Утрехте в 1717–1720-х гг.  
Дворец Меншикова на Васильевском  
острове в Петербурге.  
«Кабинет из прихожей»*



*Голландская расписная фаянсовая плитка  
из заказа фирмы «Ява» 1893 г.  
Дворец Меншикова на Васильевском  
острове в Петербурге.  
«Кабинет из прихожей»*

на различные работы, в том числе и по реставрации плиток на стенах и потолках<sup>41</sup>. Тендер выигрывает печной мастер Иванов, предложивший наиболее низкую цену за работы — 506 рублей, причем «со своим материалом и приборами». Кроме того, он был лично известен архитектору «добросовестностью работ»<sup>42</sup>. В 1891 г. были произведены следующие работы: со стен, с потолков и с двух арочных проемов между помещениями снимались плитки, которые держались слабо, если они были расколоты, их склеивали столярным клеем и крепили обратно. Но не всегда на прежнее место, поскольку была произведена работа по подбору плиток по рисункам. Таким образом, некоторые плитки перемещали в другие помещения. Кроме того, иногда снимались и хорошо держащиеся на стене и не расколотые плитки, которые тоже казались «не на месте», их снимали со стены, проверяли слой алебастра, на котором они крепились — подлинный он или позднейший, но даже если реставраторы видели, что слой подлинный, но рисунок плитки им казался неподходящим для этого места, плитки меняли местами. Больше всего таких перестановок было произведено в «Варваринном покое», менее всего были затронуты плафоны<sup>43</sup>.

Несмотря на все перестановки и склейки плиток, на стенах имеются существенные пробелы. Кадетский корпус обращался на несколько гончарных заводов, которые из-за небольшого объема заказа отказывались делать копии

<sup>41</sup> Там же. Л. 20.

<sup>42</sup> Там же. Л. 11 об.

<sup>43</sup> Там же. Л. 165–165 об.

плиток. Тогда было принято решение заказать простые белые плитки без росписи, которые, возможно, будут потом расписаны масляной краской. Такие плитки были изготовлены на заводе М. В. Харламова<sup>44</sup>.

Все плитки крепились на алебастр, потолочные плитки помимо этого держались на гвоздях, головки которых, из сплава олова и свинца, были выполнены в форме розеток и отделаны под бронзу. Старые гвозди проржавели, были сделаны новые по образцу старых<sup>45</sup>.

В 1892 г. Кадетский корпус посетил император Александр III, осмотревший в том числе и мемориальные комнаты. Он указал на то, что деревянные перегородки в арках двух помещений, отделанных плиткой, более позднего времени, и повелел их снести<sup>46</sup>. На реставрационные работы по указу Александра III из кредита Военного министерства было выделено 8200 рублей<sup>47</sup>. Приказание было принято к исполнению, но возникала серьезная проблема: в одном из этих помещений за альковом сохранилось всего несколько плиток, в другом — вся отделка утрачена. Вставал вопрос: что же делать?<sup>48</sup>

Архитектор М. А. Иванов показал образцы плиток на нескольких петербургских гончарных заводах, только завод Харламова согласился выполнить заказ, но запросил 60 копеек за штуку. Тогда и обратились к Хендрику Крюйсу, который называет стоимость одной плитки, в которую входило не только ее производство, но и доставка из Нидерландов до самого Кадетского корпуса — 30 копеек за штуку<sup>49</sup>.

9 октября 1892 г. М. А. Иванов получает 2 образца плитки, присланные из Нидерландов через магазин «Ява», которые, по распоряжению директора I Кадетского корпуса генерал-майора Верховского, представляются на рассмотрение в Главное управление военно-учебными заведениями<sup>50</sup>. Образцы были одобрены, Крюйс и его фирма получают весь заказ, причем без предварительного аванса. Хендрик полностью приобретает и доставляет плитки за счет своей фирмы. В сентябре 1893 г. уже вся партия доставлена в Петербург. Была создана комиссия для осмотра всей партии плиток. И только после этого Х. Крюйс выписывается та самая ассигнация<sup>51</sup>.

К 10 мая 1894 г. мастер печного дела Павел Добрецов облицевал плитками оба помещения за альковами. Причем плитками были отделаны все стены и потолки. Кроме того, он сложил в одном из мемориальных помещений печь. И за все эти работы получил 150 рублей<sup>52</sup>.

<sup>44</sup> Там же. Л. 165 об. — 166.

<sup>45</sup> Там же. Л. 166 об.

<sup>46</sup> Там же. Л. 126 — 126 об.

<sup>47</sup> Там же. Л. 221 об.

<sup>48</sup> Там же. Л. 166 об. — 167.

<sup>49</sup> Там же. Л. 167

<sup>50</sup> Там же. Л. 126.

<sup>51</sup> Там же. Л. 135, 140.

<sup>52</sup> Там же. Л. 145.

Всего по отчету архитектора М. А. Иванова из выделенной суммы — 8200 рублей — на покупку плиток в Голландии, облицовку ими помещений и устройство в помещениях печей было израсходовано 3528 рублей 21 копейка<sup>53</sup>.

Что же собой представляет голландская расписная фаянсовая плитка, и когда она попала в Россию и во дворец Меншикова?

## Голландская расписная фаянсовая плитка во дворце Меншикова

Сегодня керамические изделия из фаянса являются визитной карточкой Нидерландов. Примерно в 1890-х гг. изготовление керамических изделий было признано национальным ремеслом и стало частью голландской идентичности<sup>54</sup>.

Еще раньше появился особый термин для обозначения этого продукта «*delftware*» — делфтская керамика, названная по самому известному центру ее производства. Классическая цветовая гамма — бело-голубая, когда по белой оловянной глазури делалась роспись кобальтом, поэтому эти изделия имеют еще название «делфтский голубой». Отдельной категорией *delftware* идет плитка, которой отделывались стены и камины. Вначале они имели только функциональное значение, но постепенно уровень исполнения превратил их в произведения искусства.

Роспись фаянсовых изделий пришла в Европу из арабской Северной Африки, первоначально в Испанию и Италию. От названия итальянского города Фаенза (*Faenza*) и произошел термин фаянс («*faïence*»).

Как же фаянс попал в Нидерланды? История сохранила имя родоначальника голландской плитки. Это был итальянский гончар Гвидо ди Савино (*Guido di Savino*) из Кастель Дуранте (*Castel Durante*), который в начале XVI в. приехал в Антверпен, сменил имя на более фламандское Гвидо Андриес (*Guido Andries*), в 1512 г. женился на местной девушке и наладил производство майолики. Это были глиняные горшки, тарелки, и главное — плитки, тогда еще напольные, покрытые белой глазурью и расписанные в желтый, синий, оранжевый и зеленый цвета. Гвидо вместе со своими сыновьями создал целый концерн. Здесь появились и другие мастера. И все они в 1560-х гг. покинули ставшую испанской Фландрию и переселились в независимые Нидерланды. Вначале в Амстердам и Харлем, потом продвинулись дальше в Мидделбург (провинция Зеланд) и в северную провинцию Фрисландия. Несколько антверпенских гончаров и в том числе один из сыновей Гвидо Яспер Андриес создали мануфактуру в английском Норвиче.

В то время керамические мануфактуры производили напольные разноцветные плиты. Знаменитый «делфтский голубой» появился в 1620-х гг. Связано это было с тем, что после создания в 1602 г. Ост-Индской компании начался

<sup>53</sup> Там же. Л. 167.

<sup>54</sup> *Dam J. D. van. Delfse Porceleyne: Delfts aardewerk 1620–1850. Amsterdam, 2004. P. 205.*

массовый импорт сине-белого китайского фарфора династии Мин. Появилась мода на «бело-синее». Чтобы удержаться на рынке, голландские гончары начали подражать китайскому фарфору. Велись опыты с керамической массой, в результате которых фаянс стал более тонким, прочным и менее пористым. Плитка постепенно с пола стала переходить на стены, вначале только одним рядом плитуса, потом все выше и выше, ею стали облицовывать плафоны<sup>55</sup>.

В 1580–1610-х гг. плиточное производство открылось в Роттердаме (основной центр), Дельфте и Гауде. Вначале интерьеры своих домов стали отделывать плитками горожане, затем — зажиточные фермеры<sup>56</sup>. Со второй половины XVII в. мода на подобное отделочное решение распространилась из Нидерландов в Германию, Англию, Францию, Испанию, Португалию, Швецию, Польшу и т. д., причем голландскими плитками украшались не только дома обывателей, но и королевские дворцы и дворцы знати. Например, Фарфоровый Трианон (выполненный для Людовика XIV Франсуа Д’Обреем по проекту Луи Лево в 1670–1672 гг.), где плитками облицованы наружные стены и крыша; «дельфтский кабинет» в Хемптон-Корте (для Вильгельма Оранского по проекту Даниэля Маро, 1695 г.); плитковая столовая во дворце «Фаворит» в Раштате (1714 г.). В 1710-х — 1720-х гг. для Макса Эммануэля Баварского были отделаны плитками: в Пагоденбурге восьмиугольный чайный интерьер; в Баденбурге — дно и стены бассейна<sup>57</sup>. Плитками, сделанными в Харлингене в начале XVIII в., выложена Парадная лестница дворца Радзивиллов в Неборове (80 км от Варшавы), созданная М. К. Огинским в 1766–1768 гг.<sup>58</sup> Кроме того, 1725–1750 гг. датируется плитковый интерьер дворца Виланов (Варшава)<sup>59</sup>.

В России мода на подобный декор была введена Петром I, увидевшим это отделочное решение в нидерландских домах во время Великого посольства. Известно, что голландскими плитками были облицованы: в Летнем дворце — четыре помещения (Кабинет Петра I, Приемная, Нижняя и Верхняя поварни); в Зимнем дворце<sup>60</sup> — 11 (шесть помещений в так называемых «Малых палатках»<sup>61</sup> и пять дворцовых помещений); в Петергофе во дворце Монплеизир — три помещения (Секретарская, Морской кабинет и Поварня),

<sup>55</sup> *Lemmen H. van. Delftware tiles.* Oxford, 2010. P. 4–5, 10–17; *Traditional Dutch tile designs.* Amsterdam, 2001. P. 11.

<sup>56</sup> *Дам ван Я. Д.* Голландские изразцы // Пинакотекa: Журнал для знатоков и любителей искусства. М., 2007. № 24–25. С. 80.

<sup>57</sup> *Дорофеева Л. П.* «Музей голландских плиток»... С. 115–116.

<sup>58</sup> История дворца в Неборове: <http://www.nieborow.art.pl/article.php?id=93> (дата обращения 25.01.2015).

<sup>59</sup> *Dam van J. D., Tichelaar P. J.* Dutch tiles in the Philadelphia museum of art. Philadelphia Museum of Art, 1984. P. 30. Fig. 9.

<sup>60</sup> Речь идет о Третьем Зимнем дворце, построенном в 1716–1723 гг. по проекту архитектора Г. И. Маттарнови.

<sup>61</sup> «Малые палатки» — флигель, построенный вдоль Зимней канавки, в котором находились личные покои Петра I.

в павильоне Марли — Поварня. В другом меншиковском дворце — Ораниенбаумском, подобным образом были декорированы восемь интерьеров: восточная передняя, четыре палаты, кухня «малая» и два помещения, предназначавшихся для царя, — спальня и «передняя палата» перед спальней<sup>62</sup>. Из этих дворцов подлинное плитковое убранство сохранилось фрагментарно: в Летнем дворце, в Монплезире (где из примерно 5 тыс. плиток сохранилось около двух десятков) и Марли (в котором осталось пять плиток из двух тысяч)<sup>63</sup>; и полностью утрачено в Зимнем и Большом Ораниенбаумском дворцах<sup>64</sup>. Помимо дворцов царя и А. Д. Меншикова известно, что плитки были в петербургских домах Ф. М. Апраксина, Я. В. Брюса, П. П. Шафирова, но эти дома утрачены<sup>65</sup>.

Для своих дворцов А. Д. Меншиков заказывал плитки через нидерландского купца К. Брантса или через русского посланника в Амстердаме князя Б. И. Куракина<sup>66</sup>. Согласно документам Домовой канцелярии А. Д. Меншикова, интерьеры Василеостровского дворца отделялись плитками с 1717 г., но основной массив работ был выполнен в 1719–1720 гг.<sup>67</sup>

<sup>62</sup> *Мицкевич Б. А.* Воссоздание художественной архитектурной керамики для реставрации памятников архитектуры начала XVIII века в Петербурге // Сообщения Российско-Нидерландского научного общества. Вып. 1. С. 323; *Баженова Е. М.* Изразцы в интерьерах первых Зимних дворцов // Музей-2. Художественные собрания СССР. М., 1981. С. 67; *Михайлов Г. В.* Зимние дворцы Петра I: Исследования и научные реконструкции // Музей: Сб. статей и публикаций. М., 1988. Вып. 9. С. 237, 240; *Опись Большого Ораниенбаумского дворца 1728 года* // Павлова М. А. Интерьеры Большого Ораниенбаумского дворца XVIII — середины XIX века // Ораниенбаумские чтения. СПб., 2006. Вып. VI. С. 29. Приложение № 2. С. 190, 194; *Тарасова Н. И.* Зимний дворец Петра I. СПб., 2006. С. 21–22.

<sup>63</sup> В Летнем дворце плитковые панели Кабинета Петра I были частично восполнены переданными из Эрмитажа в 1957 г. 150 голландскими плитками первой четверти XVIII в. В 1964–1981 гг. в Летнем дворце, Монплезире и Марли недостающее плитковое убранство было восполнено плитками, выполненными реставраторами под руководством Б. А. Мицкевича (*Мицкевич Б. А.* Воссоздание художественной архитектурной керамики... С. 322–324, 333–334; *Дорофеева Л. П.* К публикации статьи Б. А. Мицкевича (1925–1993) // Там же. С. 343). В последние годы в Петергофских дворцах сделанные реставраторами плитки были заменены приобретенными в Нидерландах плитками первой четверти XVIII в. (консультация В. В. Знаменова).

<sup>64</sup> Голландские плитки, а в большинстве случаев их фрагменты найдены при археологических работах на объектах (*Баженова Е. М.* Изразцы в интерьерах первых Зимних дворцов. С. 66, 70).

<sup>65</sup> *Дорофеева Л. П.* 1) «Музей голландских плиток»... С. 117–118; 2) Голландские плитки в интерьерах дворца А. Д. Меншикова в Санкт-Петербурге // Пинакотекa. М., 2007. № 24–25. С. 70, 72.

<sup>66</sup> *Дорофеева Л. П.* 1) Расписные голландские плитки в петербургских дворцах в петровское время // Первоначальные строения Санкт-Петербурга (Итоги, исследования, открытия) / Тезисы докладов Второй научн. конф. Летнего сада и Дворца-музея Петра I. СПб., 1999. С. 21; 2) «Музей голландских плиток»... С. 117; 3) Голландские плитки в интерьерах дворца А. Д. Меншикова... С. 70.

<sup>67</sup> *Дорофеева Л. П.* 1) «Музей голландских плиток»... С. 117; 2) Голландские плитки в интерьерах дворца А. Д. Меншикова... С. 72.

Всего во дворце Меншикова насчитывалось 13 помещений, в отделке которых использовалась плитка. Все они находились на втором этаже, в восточной части дворца. Четыре из них относились к личным покоем светлейшего князя («Парадная приемная» (не сохранилась), «Спальня Меншикова», «Предспальня», «Кабинет из прихожей» (сохранились)). Плитками была выложена также спальня свояченицы светлейшего князя В.М. Арсеньевой (сохранилась под историческим названием «Варварин покой»). Еще в четырех были детские (утрачены). Нидерландские плитки также использовались в отделке кухни, располагавшейся между покоем В.М. Арсеньевой и детскими (утрачена). Назначение еще трех не сохранившихся помещений не определено: одна «плитковая» находилась между спальней В.М. Арсеньевой, кухней и детскими, еще две — на детской половине за детским залом<sup>68</sup>. В шести из 13 «плитковых» плитками были отделаны и все стены, и плафон (в их число входят и все дошедшие до нашего времени помещения). В остальных — плитками были облицованы только стены. В трех помещениях отделка стен плитками сочеталась с лифтом. Еще в одной плитковой (вероятно, это утраченная парадная приемная князя) отделка плитками сочеталась с панелями, а потолок украшала живопись по холсту (подобное отделочное решение потолка присутствует в еще одном сохранившемся подлинном интерьере меншиковского дворца — знаменитой Ореховой)<sup>69</sup>.

Анализ плиток, сохранившихся на стенах и в плафонах, показал, что здесь использовалась квадратная плитка со стороной 5 дюймов (128–130 мм) толщиной 7–8 мм. Это были самый распространенный размер и форма плитки со второй половины XVII в. до 1830-х гг.<sup>70</sup> Сохранившиеся во дворце А.Д. Меншикова плитки выполнены в технике подглазурной росписи, которая наносилась вручную оксидом кобальта (оттенки синего цвета), реже — оксидом марганца (пурпурные оттенки) по необожженной оловянной глазури. Затем плитка проходила обжиг при температуре около 1000 °С, в результате которого краска полностью соединялась с глазурью, а глазурь стекленела и становилась прочным, не пропускающим влагу материалом<sup>71</sup>.

Изучение плиткового убранства дворца Меншикова показало, что большинство плиток первой четверти XVIII в. было сделано в Утрехте, часть во Фрисландии (Харлингене и Маккумах), а также в Роттердаме и небольшое количество в Амстердаме.

<sup>68</sup> См. об этом: *Андреева Е.А.* Голландская расписная фаянсовая плитка в интерьерах дворца Меншикова в Санкт-Петербурге // Петровские реликвии в собраниях России и Европы: Материалы III Международного конгресса петровских городов. СПб., 2012. С. 125–135.

<sup>69</sup> *Андреева Е.А.* Голландская расписная фаянсовая плитка... С. 127–131.

<sup>70</sup> *Pluis J.* De Nederlandse tegel decors en benamingen 1570–1930 // *Pluis J.* The Dutch Tile Designs and Names 1570–1930. Leiden: Nederlands Tegelmuseum, 1998. P. 57, 73–74; *Broeke ten J., Sabben van A., Woudenberg R.* Antieke tegels = Antique tiles = Carreaux anciens. Ooststraat, 2000. P. 36.

<sup>71</sup> *Leemmen H. van.* Delftware tiles. Oxford, 2010. P. 9.



Возможно ли узнать, какая мануфактура в 1892–1893 гг. выполнила заказ для Кадетского корпуса? С середины XVIII в. интерес к плитковому убранству и в Голландии и за ее пределами начал угасать. Несколько мануфактур существовали в XIX в., но к 60-м гг. закрылись. Производство сохранялось в провинции Фрисландия. Здесь было два центра. В Маккумах это мануфактура Tichelaag, уникальная тем, что со дня своего основания в 1695 г. не прекращала своего производства. Эта мануфактура производит изделия из фаянса и сегодня. В Харлингене оставалось две мануфактуры: 1) Van Hulst, закрывшаяся в 1933 г., и 2) Tjallingii, существовавшая с 1781 по 1910 г. Эта мануфактура экспортировала плитки в Германию, Данию и Британию. Несколько мануфактур работало в то время в Утрехте. Одна из них, в 1884 г. переименованная в «Holland», была закрыта в конце Первой мировой войны. Другая — Ravesteijn, закрылась только в 1994 г.<sup>72</sup>

Итак, всего 3 города и 5 мануфактур. На какой из них Хендрик Крюйс заказал плитки? В документах Первого кадетского корпуса по реставрационным работам отсутствуют упоминания о голландском городе или мануфактуре<sup>73</sup>. Главный специалист по голландской плитке Ян Плэйс в архиве Исторического музея Фризенвейна обнаружил запись в дневнике Хендрика Крюйса о том, что он посетил мануфактуру Tjallingii в Харлингене. На этом основании он пришел к выводу, что плитки в Петербург заказывались на этой мануфактуре. В 1997 г., при посещении дворца Меншикова Ян Плэйс сообщил эту информацию Л. П. Дорофеевой, которая, со ссылкой на голландского специалиста, писала о том, на какой мануфактуре был выполнен заказ<sup>74</sup>. Вместе с тем Хендрик Крюйс посетил мануфактуру в Харлингене в сентябре 1896 г., а заказ плиток для Петербурга был выполнен тремя годами ранее. В дневниках Хендрика Крюйса за 1892–1893 гг. нет упоминаний о посещении этой или других голландских мануфактур по производству плиток<sup>75</sup>. Возможно, этим заказом занимался не сам Хендрик, а кто-то из его помощников.

Таким образом, вопрос о том, на какой мануфактуре были сделаны прибывшие в Петербург плитки, остается открытым.

#### References

Andreeva E.A. Gollandskaâ raspisnaâ faânsovaâ plitka v inter'erah dvorca Menšikova v Sankt-Peterburge // Petrovskie relikvii v sobraniâh Rossii i Evropy: Materialy III Meždunarodnogo kongressa petrovskih gorodov. SPb., 2012. S. 125–135.

Baženova E.M. Izrazcy v inter'erah pervyh Zimnih dvorcov // Muzej-2. Hudožestvennye sobraniâ SSSR. M., 1981. S. 65–68.

<sup>72</sup> Lemmen H. van. Delftware tiles. P. 31–39.

<sup>73</sup> РГВИА. Ф. 314. Оп. 1. Ед. хр. 6629.

<sup>74</sup> Вероятно, из-за проблем с переводом Л. П. Дорофеева ошибочно написала, что Ян Плэйс в архиве Харлингена нашел заказ плиток для Кадетского корпуса, выполненных на мануфактуре Tjallingii. (Дорофеева Л. П. 1) К истории реставрации в интерьерах... С. 29; 2) «Музей голландских плиток»... С. 126–127).

<sup>75</sup> Автор выражает глубокую благодарность господину Яну Плэйсу за консультации.

- Broeke ten J., Sabben van A., Woudenberg R.* Antieke tegels = Antique tiles = Carreaux anciens. Ooststraat, 2000.
- Dam J. D. van.* Delfse Porceleyne: Delfts aardewerk 1620–1850. Amsterdam, 2004.
- Dam van A. D.* Gollandskie izrazcy // Pinakoteka: Žurnal dlâ znatokov i lûbitelej iskusstva. M., 2007. № 24–25. S. 78–83.
- Dam van J. D., Tichelaar P. J.* Dutch tiles in the Philadelphia museum of art. Philadelphia: Museum of Art, 1984.
- Dorofeeva L. P.* «Музей голландских плиток» во дворце А. Д. Меншикова в Санкт-Петербурге // Сообщения Российско-Нидерландского научного общества / Под ред. G. V. Viliabahova, N. P. Kopanevoj. SPb., 2003. Вып. 1. S. 115–130.
- Dorofeeva L. P.* Gollandskie plitki v inter'erah dvorca A. D. Menšikova v Sankt-Peterburge // Pinakoteka. M., 2007. № 24–25. S. 70–77.
- Dorofeeva L. P.* K istorii restavracii v inter'erah, otdelannyh gollandskimi plitkami, v XIX i XX vekah vo dvorce Menšikova // Problemy russkoj kul'tury XVIII v. SPb., 2001. S. 28–29.
- Dorofeeva L. P.* K publikacii stat'i B. A. Mickeviča (1925–1993) // Soobšeniâ Rossijsko-Niderlandskogo naučnogo obšestva. SPb., 2003. Вып. 1. S. 342–344.
- Dorofeeva L. P.* Raspisnye gollandskie plitki v peterburgskih dvorcach v petrovskoe vremâ // Pervonačal'nye stroeniâ Sankt-Peterburga (Itogi, issledovaniâ, otkrytiâ) / Tezisy dokladov Vtoroj naučn. konf. Letnego sada i Dvorca-muzeâ Petra I. SPb., 1999. S. 20–22.
- Gollandcy i ih cerkov' v Sankt-Peterburge, 1704–1927 = De Nederlanders en hun kerk in Sint Petersburg, 1704–1927. SPb., 2002. S. 37.
- Gollandcy i russkie. 1600–1917: Iz istorii otnošenij meždu Rossiej i Gollandiej: Katalog. M., 1989.
- Lemmen H. van.* Delftware tiles. Oxford, 2010.
- Malinova-Tziafeta O. Ū.* Iz goroda na daču: sociokul'turnye faktory osvoeniâ dačnogo prostranstva vokrug Peterburga (1860–1914). SPb., 2013.
- Mejuse K.* Russkie gollandcy. Načalo i konec frizenfejnskoj kolonii v Sankt-Peterburge, 1720–1920 gg.: Ist.-biogr. očerk. SPb., 1998.
- Mickevič B. A.* Vossozdanie hudožestvennoj arhitekturnoj keramiki dlâ restavracii pamâtnikov arhitektury načala XVIII veka v Peterburge // Soobšeniâ Rossijsko-Niderlandskogo naučnogo obšestva. Вып. 1. S. 320–341.
- Mihajlov G. V.* Zimnie dvorcy Petra I: Issledovaniâ i naučnye rekonstrukcii // Muzej: Sb. statej i publikacij. M., 1988. Вып. 9. S. 235–247.
- Pavlova M. A.* Inter'ery Bol'sogo Oranienbaumskogo dvorca XVIII — serediny XIX veka // Oranienbaumskie čteniâ. SPb., 2006. Вып. VI.
- Peterburg. Istoriâ trgovli. T. 3: Inostrannye predprinimateli v Peterburge = Foreign Entrepreneurs in Saint-Petersburg / Pod red. N. N. Smirnova. SPb., 2003.
- Petrov A. N.* Materialy k naučnomu obosnovaniû restavracionnyh rabot po Menšikovskomu dvorcu. [Rukopis']. L., 1962.
- Phuis J.* The Dutch Tile Designs and Names 1570–1930. Leiden: Nederlands Tegelmuseum, 1998.
- Tarasova N. I.* Zimnij dvorec Petra I. SPb., 2006.
- Traditional Dutch tile designs. Amsterdam, 2001.
- Trubinov Ū. V.* Palaty svetlejšego knâzâ Menšikova. SPb., 2003.
- Wijngaarden-Xiounina J. S. V.* Van assimilatie tot segregatie: de Nederlandse kolonie in Sint-Petersburg, 1856–1917. 2007.

### Список литературы

- Андреева Е. А.* Голландская расписная фаянсовая плитка в интерьерах дворца Меншикова в Санкт-Петербурге // Петровские реликвии в собраниях России и Европы: Материалы III Международного конгресса петровских городов. СПб., 2012. С. 125–135.
- Баженова Е. М.* Изразцы в интерьерах первых Зимних дворцов // Музей-2. Художественные собрания СССР. М., 1981. С. 65–68.
- Голландцы и их церковь в Санкт-Петербурге, 1704–1927 = De Nederlanders en hun kerk in Sint Petersburg, 1704–1927. СПб., 2002. С. 37.
- Голландцы и русские. 1600–1917: Из истории отношений между Россией и Голландией: Каталог. М., 1989.

- Дам ван Я.Д.* Голландские изразцы // Пинакотекa: Журнал для знатоков и любителей искусства. М., 2007. № 24–25. С. 78–83.
- Дорофеева Л.П.* «Музей голландских плиток» во дворце А.Д. Меншикова в Санкт-Петербурге // Сообщения Российско-Нидерландского научного общества / Под ред. Г.В. Вилинбахова, Н.П. Копаневой. СПб., 2003. Вып. 1. С. 115–130.
- Дорофеева Л.П.* Голландские плитки в интерьерах дворца А.Д. Меншикова в Санкт-Петербурге // Пинакотекa. М., 2007. № 24–25. С. 70–77.
- Дорофеева Л.П.* К истории реставрации в интерьерах, отделанных голландскими плитками, в XIX и XX веках во дворце Меншикова // Проблемы русской культуры XVIII в. СПб., 2001. С. 28–29.
- Дорофеева Л.П.* К публикации статьи Б.А. Мицкевича (1925–1993) // Сообщения Российско-Нидерландского научного общества. СПб., 2003. Вып. 1. С. 342–344.
- Дорофеева Л.П.* Расписные голландские плитки в петербургских дворцах в петровское время // Первоначальные строения Санкт-Петербурга (Итоги, исследования, открытия) / Тезисы докладов Второй научн. конф. Летнего сада и Дворца-музея Петра I. СПб., 1999. С. 20–22.
- Малинова-Тзиафета О.Ю.* Из города на дачу: социокультурные факторы освоения дачного пространства вокруг Петербурге (1860–1914). СПб., 2013.
- Мейусе К.* Русские голландцы. Начало и конец фризенфейнской колонии в Санкт-Петербурге, 1720–1920 гг.: Ист.-биограф. очерк. СПб., 1998.
- Михайлов Г.В.* Зимние дворцы Петра I: Исследования и научные реконструкции // Музей: Сб. статей и публикаций. М., 1988. Вып. 9. С. 235–247.
- Мицкевич Б.А.* Воссоздание художественной архитектурной керамики для реставрации памятников архитектуры начала XVIII века в Петербурге // Сообщения Российско-Нидерландского научного общества. Вып. 1. С. 320–341.
- Павлова М.А.* Интерьеры Большого Ораниенбаумского дворца XVIII – середины XIX века // Ораниенбаумские чтения. СПб., 2006. Вып. VI.
- Петербург. История торговли. Т. 3: Иностранцы предприниматели в Петербурге = Foreign Entrepreneurs in Saint-Petersburg / Под ред. Н.Н. Смирнова. СПб., 2003.
- Петров А.Н.* Материалы к научному обоснованию реставрационных работ по Меншиковскому дворцу. [Рукопись]. Л., 1962.
- Тарасова Н.И.* Зимний дворец Петра I. СПб., 2006.
- Трубинов Ю.В.* Палаты светлейшего князя Меншикова. СПб., 2003.
- Broeke ten J., Sabben van A., Woudenberg R.* Antieke tegels = Antique tiles = Carreaux anciens. Ooststraat, 2000.
- Dam J.D. van.* Delfse Porceleyne: Delfts aardewerk 1620–1850. Amsterdam, 2004.
- Dam van J. D., Tichelaar P.J.* Dutch tiles in the Philadelphia museum of art. Philadelphia: Museum of Art, 1984.
- Lemmen H. van.* Delftware tiles. Oxford, 2010.
- Pluis J.* The Dutch Tile Designs and Names 1570–1930. Leiden: Nederlands Tegelmuseum, 1998.
- Traditional Dutch tile designs. Amsterdam, 2001.
- Wijngaarden-Xiounina J. S. V.* Van assimilatie tot segregatie: de Nederlandse kolonie in Sint-Petersburg. 1856–1917. 2007.

**Т. В. Андреева**

## Николай I и финляндский вопрос. 1830–1831 гг.

Положение Великого княжества Финляндского на протяжении более чем векового его вхождения в состав многонациональной Российской империи не было одинаковым. Николаевское царствование занимает особое место в «русском периоде» истории Финляндии: оно стало «мостом» между «дней Александровых прекрасным началом» и утверждением либерального курса в эпоху Александра II, проявив и сфокусировав многочисленные проблемы и противоречия, вытекавшие из уникального юридического, политического и экономического статуса княжества.

Польская кампания 1830–1831 гг. и развернувшаяся в связи с ней «информационная война» России с либерально-конституционной Европой актуализировали финляндский вопрос в имперской политике Николая I. К 1831 г. относится «Статья о Финляндии» со следами работы над ней императора, отражающая начальный этап этого процесса. Сохранившаяся в копии в личном фонде Н. К. Шильдера в Рукописном отделе Российской национальной библиотеки<sup>1</sup>, она приведена с небольшими изменениями в фундаментальном труде М. М. Бородкина по истории Финляндии в царствование Николая I<sup>2</sup>. По мнению историка, статья, «удостоившаяся особого внимания монарха», была «приготовлена для опровержения польской лжи»<sup>3</sup>. Действительно, публицистический характер статьи, предназначенной для публикации прежде всего в европейских газетах, не вызывает сомнения. Однако помимо внешнеполитических контр-

<sup>1</sup> Статья о Финляндии 1831 г. с поправками императора Николая I. Копия // ОР РНБ. Ф. 859 (Н. К. Шильдер). К. 42. № 15. Л. 1–5.

<sup>2</sup> Бородкин М. М. История Финляндии. Время императора Николая I. М., 1915. С. 89–93.

<sup>3</sup> Там же. С. 89.

пропагандистских целей она предназначалась для реализации важных внутриполитических задач. Неудивительно, что инициатива создания документа исходила от самого Николая I, о чем свидетельствует правка императора и его помета на полях — «исправить по отметкам»<sup>4</sup>. После высочайшей цензуры статья, скорее всего, была отправлена на доработку. Но даже если она осталась неопубликованной, ее текст представляет несомненный научный интерес, поскольку демонстрирует особенности финляндской политики самодержавия 1830-х гг. Цель моего исследования — проследить, как и под влиянием каких факторов ставился финляндский вопрос в имперской политике начала царствования Николая I в контексте определения исторического значения данного документа.

Советская и современная историография совершенно справедливо включает политическую историю Финляндии эпохи Николая I в полувековой этап «замороженного конституционализма» 1809–1863 гг.<sup>5</sup>, когда шло развитие финской государственности, становление национального самосознания финнов<sup>6</sup>, была заложена основа для расширения автономии и проведения ускоренной индустриализации края в царствование Александра II.

Между тем оптимизация финляндской политики в 1860–1870-х гг. была в какой-то мере вынужденной, обусловленной как объективными, так и субъективными факторами. Особое внимание верховной власти к Финляндии в эти годы определялось сложным состоянием международных позиций России после Крымской войны, кризисными ситуациями (польское восстание 1863–1864 гг., русско-турецкая война 1877–1878 гг.), а главное — необходимостью проведения модернизации края как составной части российского реформаторского процесса<sup>7</sup>. Немаловажным было и стремление Александра II отблагодарить «честный и верный народ финляндский»<sup>8</sup>, который, в отличие от поляков,

<sup>4</sup> Статья о Финляндии 1831 г. с поправками императора Николая I. Л. 1.

<sup>5</sup> *Суни Л. В.* 1) Очерк общественно-политического развития Финляндии. 50–70-е годы XIX в. Л., 1979. С. 59, 63; 2) Очерк общественно-политического развития Финляндии в 50–70-е гг. XIX в.: Автореферат дис. ... д. и. н. Таллин, 1980. С. 24; *Правилова Е. А.* Финансы империи. Деньги и власть в политике России на национальных окраинах. 1801–1917. М., 2006. С. 81.

<sup>6</sup> *Выскочков Л. В.* 1) «Оставьте финнов в покое»: Император Николай I и Великое княжество Финляндское // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы Четвертой ежегодной международной научной конференции (25–26 апреля 2002 г.). СПб., 2003. С. 62–74; 2) Император Николай I и Великое княжество Финляндское // Памяти академика А. И. Шёгрена (1794–1855): Сборник докладов. СПб., 2007. С. 40; 3) Император Николай I о Финляндии и финнах // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы Восьмой ежегодной международной научной конференции (13–14 апреля 2006 г.) / Под ред. В. Н. Барышникова и П. А. Кротова. СПб.: Б.и., 2007. С. 412–428.

<sup>7</sup> *Суни Л. В.* Очерк общественно-политического развития Финляндии в 50–70-е гг. XIX в. С. 45; *Витухновская-Кауттала М.* «Он снова с нами!»: Александр II в исторической памяти финнов в начале XX в. // Александр II. Трагедия реформатора: люди в судьбах реформ, реформы в судьбах людей: Сборник статей. СПб., 2012. С. 262–281.

<sup>8</sup> Речь Александра II на Финляндском сейме 6 сентября 1863 г. Цит. по: Воспоминания

демонстрировал лояльную прорусскую позицию и внес свой вклад в морские победы 1854 г.<sup>9</sup> И хотя во многом целью созыва Сейма 6 (18) сентября 1863 г., официальной декларации о расширении его прав, провозглашения манифеста об эмансипации финского языка стало выведение Финляндии из того «общественного брожения», в котором она находилась, это не умаляет исторического значения «национальной мобилизации» и экономического развития края в либеральный период его сосуществования с Россией. Однако данные процессы, связанные с именами И. В. Снельмана, З. Топелиуса, А. И. Шёгрена, Л. Г. фон Гартмана и др., были бы невозможны без сохранения в царствование Николая I особого государственно-правового статуса Финляндии.

Следует подчеркнуть, что вхождение Финляндии, а затем Царства Польского в состав Российской империи качественно изменило политическую и идеологическую составляющие в имперской политике самодержавия. Присоединение территорий, имевших устоявшиеся традиции государственного существования с представительным правлением, развитую систему местного управления и населенных народами с высокой национальной культурой и уровнем просвещенности, поставило перед имперской властью две важнейшие проблемы: во-первых, определения их государственно-правового статуса в составе империи, во-вторых, формирования государственной идеологии по отношению к ним.

При этом исторический опыт вхождения земель, отошедших к России в результате разделов Речи Посполитой, — когда формально они были включены в административно-финансовую систему страны, но реальной экономической инкорпорации не произошло<sup>10</sup>, а политика насильственной ассимиляции в форме обращения в православие привела к ожесточению — в определенной мере предопределил веротерпимость при Екатерине II и иную модель Царства Польского при Александре I. И всё же в большей степени государственно-правовая и финансовая автономность территорий бывшего герцогства Варшавского, в 1815 г. вошедших в состав Российской империи под этим названием, обуславливалась новыми историческими реалиями послереволюционной эпохи, геополитическими итогами наполеоновских войн, а главное — конституционно-либеральной идеологией. После великой победы над Наполеоном Александр I, желая сохранить гегемонию России в Европе и понимая, что это возможно только при использовании (конечно, разумном, взвешенном и непреувеличенном) конституционных принципов как на международной арене, так и «дома», поста-

генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1863–1864 / Под ред. Л. Г. Захаровой. М., 2003. С. 275.

<sup>9</sup> Об этом см.: *Бородкин М. М.* Война 1854–1855 гг. на Финском побережье. Пг., 1904; *Кауттала П.* Александр II и подъем финляндской автономии: отзвуки Крымской войны // Александр II. Трагедия реформатора: люди в судьбах реформ, реформы в судьбах людей. С. 195–213; *Витхюновская-Кауттала М.* «Он снова с нами!»: Александр II в исторической памяти финнов в начале XX в. // Там же. С. 264.

<sup>10</sup> *Правилова Е. А.* Финансы империи. Деньги и власть в политике России на национальных окраинах. 1801–1917. С. 41–43.

вил вопрос о создании единой, конституционной, христианской Европы. Если Венский конгресс, начавшийся 13 (25) сентября 1814 г., подвел военные итоги наполеоновских войн, то идеологической составляющей победы стало подписание 14 (26) сентября 1815 г. монархами союзных государств акта Священного союза. В основе данного документа лежали следующие идеи: необратимость эволюционного процесса и невозможность возврата к феодально-абсолютистским порядкам до 1789 г.; сохранение политической стабильности в Европе путем приспособления либерально-конституционных принципов к существующим социально-политическим институтам; борьба с любыми революционно-освободительными движениями на континенте, приводящими к дестабилизации и социальным потрясениям; объединение народов Европы на основе христианской веры, т. е. формирование «единого народа христианского; утверждение приоритета общехристианских, общеевропейских ценностей над национальными»<sup>11</sup>.

Для Александра I, который, по словам австрийского дипломата Ф. Гентца, смотрел на себя «как на основателя Европейской федерации и хотел бы, чтобы на него смотрели как на ее вождя»<sup>12</sup>, политическая философия Священного союза прежде всего ставила вопрос о конституционной дипломатии в Европе, в том числе в Царстве Польском<sup>13</sup>. Еще на Венском конгрессе был поставлен польский вопрос, поскольку приобретение территорий Польши, с точки зрения российского императора, делало Россию «державой европейской»<sup>14</sup>. 15 (27) ноября 1815 г. обнародована «Конституционная хартия Царства Польского», впервые напечатанная на русском языке в 1906 г.<sup>15</sup> Между тем в бумагах

<sup>11</sup> Внешняя политика России XIX и начала XX века: Документы Российского Министерства иностранных дел. Сер. 1: В 8 т. М., 1972. Т. 8: Май 1814 г. — ноябрь 1815 г. С. 504–505, 518. Об основных идеях Священного союза см.: *Надлер В. К.* Император Александр I и идея Священного союза. Т. 1–5. Рига, 1886; *Бутенко В. А.* Священный союз и международная политика эпохи реставрации // Книга для чтения по истории Нового времени: В 4 т. М., 1914. Т. 4. Ч. 1: История Западной Европы. С. 105–127; *Корнилов А. А.* Русская политика в Польше со времени разделов до начала XX века. Пг., 1915; *Пресняков А. Е.* Идеология Священного Союза // *Анналы. Журнал всеобщей истории.* 1923. № 3. С. 72–82.; *Шебунин А. Н.* 1) Европейская контрреволюция первой четверти XIX века. Л., 1925; 2) Вокруг Священного союза // ОР РНБ. Ф. 849 (А. Н. Шебунин). Оп. 1. Д. 110, 111; *Орлик О. В.* «Европейская идея» Александра I // Новая и новейшая история. 1997. № 4. С. 44–68; *Парсамов В. С.* Жозеф де Местр и Александр Стурдза: Из истории религиозных идей Александровской эпохи. Саратов, 2004. С. 60–69; *Андреева Т. В.* Тайные общества в России в первой трети XIX в.: правительственная политика и общественное мнение. СПб., 2009. С. 494–503.

<sup>12</sup> Цит. по: *Николай Михайлович, вел. кн.* Император Александр I: Опыт исторического исследования: В 2 т. СПб., 1912. Т. 1. С. 219–220.

<sup>13</sup> *Жуковская Т. Н.* Правительство и общество при Александре I. Петрозаводск, 2002. С. 74–113.

<sup>14</sup> *Николай Михайлович, вел. кн.* Император Александр I на Венском конгрессе. 1814–1815: По донесениям агентов Венской тайной полиции // *Русская старина.* 1914. Т. 157. Кн. 1. С. 135–145.

<sup>15</sup> Конституционная хартия Царства Польского // *Международные трактаты и законодательные акты, касающиеся вопроса о государственно-правовом отношении Царства Польского и Российской империи.* СПб., 1906. С. 1–11; Конституционная хартия Царства Польского // Конституционная хартия 1815 года и некоторые другие акты бывшего Царства Польского

Комиссии составления законов сохранился ее русскоязычный перевод, выполненный еще в 1816 г.<sup>16</sup> Согласно хартии, Царство Польское входило в состав Российской империи в качестве особого государственного образования, имеющего свой законосовещательный орган — Сейм, и правительство, состоявшее из наместника, министров и высших чиновников, назначаемых императором. Польские территории имели свою бюджетную автономию, денежную единицу, казну и ответственность перед европейскими кредиторами<sup>17</sup>.

### Финляндия. 1809–1830 гг.

Также в рамках либерально-конституционной идеологии и так же как особое государственное образование по условиям Фридрихсгамского мира 5 (17) сентября 1809 г. и на основании «персональной унии» с Россией о союзнических отношениях была присоединена Финляндия. Теория унии в понятиях международного права была сформулирована лишь в 1889 г. Лео Мехелином<sup>18</sup>; но еще до окончания русско-шведской войны концепция вхождения края в состав Российской империи разрабатывалась М. М. Сперанским. В 1808 и 1809 гг. он сопровождал Александра I в Финляндию, где был назначен канцлером университета в Або, а в 1810–1811 гг. председательствовал в Комиссии финляндских дел в Петербурге<sup>19</sup>. Вероятно, асимметрия социального развития и административно-правовая неоднородность, с одной стороны, коренных русских земель, а с другой — территории, присоединяемой к России, определили основные идеи реформатора. В отчете о своей деятельности по управлению Комиссией за 1810 г. М. М. Сперанский писал: «Финляндия есть государство, а не губерния»<sup>20</sup>. В письме же от 16 марта 1811 г. министру народного просвещения гр. А. К. Разумовскому он подчеркивал, что Финляндское княжество, имеющее «особенную Государственную Конституцию» и «правовую

(1814–1881). СПб., 1907. С. 41–63; Польша и Россия в первой трети XIX века. Из истории автономного Королевства Польского. 1815–1830. М., 2010. С. 527–540.

<sup>16</sup> *Любезников О. А.* О переводе на русский язык конституции Царства Польского в 1816 г. // Петербургский исторический журнал. 2014. № 4. С. 291–303.

<sup>17</sup> *Пресняков А. Е.* Экономика и политика в польском вопросе начала XIX в. // Борьба классов. Исторический журнал. 1924. Т. 1/2. С. 29–50; *Правилова Е. А.* «Польский долг» Российской империи: К истории российской финансовой политики в Польше конца XVIII — начала XIX в. // Страницы российской истории. Проблемы, события, люди: Сборник статей в честь Бориса Васильевича Ананьича. СПб., 2003. С. 130–139.

<sup>18</sup> *Mechelin L.* Das Staatsrecht des Grossfürstentums Finland. Freiburg, 1889; *Кауппала П.* Александр II и подъем финляндской автономии: отзвуки Крымской войны. С. 210; *Витухновская-Кауппала М.* «Он снова с нами!»: Александр II в исторической памяти финнов в начале XX в. С. 266.

<sup>19</sup> *Шилов Д. Н.* Государственные деятели Российской империи. 1802–1917: Биобиблиографический справочник. СПб., 2001. С. 601.

<sup>20</sup> *Сперанский М. М.* Отчет о делах 1810 г., представленный императору Александру I // Сперанский М. М. Избранное. М., 2010. С. 395.



автономию», «не входит в число российских губерний»<sup>21</sup>. Княжество обладало отличительными особенностями и в социальной структуре, связанными с отсутствием крепостного права и существованием особого дворянского сословия, отделенного от дворянства как Швеции, так и России<sup>22</sup>.

Немаловажную роль в формировании концепции особого статуса Финляндии сыграл и внешнеполитический фактор. В условиях неминуемой новой войны с Францией<sup>23</sup> Александр I, стремясь удержать присоединенную страну за Россией, укрепить лояльность финнов, особенно элиты края — шведов, пошел на введение этого статуса. Законодательная сфера базировалась на шведском государственном праве с его принципом ограничения власти монарха сословно-представительными учреждениями. Впервые в истории Финляндии была создана собственная верховная администрация — коллегиальный Правительственный совет, в 1816 г. переименованный в Сенат. Шведский язык сохранялся в делопроизводстве и обучении, а шведская денежная единица оставалась в обращении вплоть до 1840 г., когда ее заменил русский рубль. Для предупреждения же тяготения Финляндии к Швеции имперская власть развивала финский «национальный идентитет», чему в огромной мере способствовала инкорпорация финнов в государственную жизнь, находившая отражение в деятельности высшей финляндской бюрократии. Членами Сената, назначаемыми монархом, могли быть только уроженцы Финляндии, а председателями Комиссии финляндских дел<sup>24</sup> и статс-секретарями (с 1834 г. министрами-статс-секретарями) с правом непосредственного доклада императору чаще всего были финны (Р. Х. Ребиндер, А. Г. Армфельт)<sup>25</sup>.

При этом сохранение в неприкосновенности «финской Конституции» — т. е. Основных законов Шведского королевства, изданных в правление Густава III (Форма Правления 1772 г. и Акт Соединения и Безопасности 1789 г.)<sup>26</sup>

<sup>21</sup> Корф С. А. Отношение М. Сперанского к Финляндии // Архив СПб ИИ РАН. Ф. 276 (Издательский фонд). Оп. 1. Д. 198/1. Л. 1–3.

<sup>22</sup> Vuorinen M. Finnish nobility between nation and empire (The Swedish legacy and the Diet of Porvoo in 1809) // Петербургский исторический журнал. 2014. № 4. С. 99–111; Snellman A. The nobility of Finland 1809–1919: From imperial loyalism to nationalist conflict // Там же. С. 112–129.

<sup>23</sup> Сперанский М. М. О вероятностях войны с Францией после Тильзитского мира // Сперанский М. М. Избранное. С. 403–410.

<sup>24</sup> После М. М. Сперанского, с 20 октября 1811 г. председателем Комиссии финляндских дел был Г. М. Армфельт (1757–1814) (Шилов Д. Н. Члены Государственного совета Российской империи. 1801–1906: Библиографический справочник. СПб., 2007. С. 38–40). По манифесту от 17 марта 1826 г. Комиссия была упразднена, и создана Канцелярия финляндских дел, которую возглавлял статс-секретарь.

<sup>25</sup> Р. Х. Ребиндер, с 1811 по 1841 г., А. Г. Армфельт, с 1841 по 1875 г. — статс-секретари, с 1834 г. министры-статс-секретари по делам Великого княжества Финляндского (Там же. С. 36–37; 665–666).

<sup>26</sup> Юссила О. Великое княжество Финляндское, 1809–1917. Хельсинки, 2009. С. 280; Дусаев Р. Н., Дусаева М. Р. Александр I и принципы финляндской автономии // К 400-летию дома Романовых. Монархии и династии в истории Европы и России: Сборник материалов Международной научной конференции. СПб., 2013. Ч. 2. С. 223–230.

и закреплявших прежде всего прерогативы сословного представительства, — отражало лояльность имперской власти по отношению к традициям управления краем и ее приверженность к конституционно-представительному правлению. Ведь почти одновременно с решением финляндского вопроса — с октября 1808 по октябрь 1809 г. — Александр I и М. М. Сперанский готовили общую конституционную реформу в виде «Плана всеобщего Государственного образования». Конституция, понимаемая в эту эпоху как целостная система законодательных норм, установленных монархом и закрепляющих единые правовые принципы регламентации общественной жизни и деятельности органов государственного управления, представлялась важнейшим инструментом укрепления имперской государственности. Однако, сравнивая западную модель развития с российским историческим процессом, авторы «Плана» осознали, что еще не созрели социально-экономические и политические условия для превращения Российской империи в «истинное монархическое конституционное государство» с таким его классическим атрибутом, как реальное ограничение законодательной и исполнительной власти монарха. На данном историческом этапе, считали они, следовало адаптировать либерально-конституционные принципы, приспособить их к существующим институтам, т. е. «составить образ управления, основанный на настоящей самодержавной конституции государства», «облечь правление самодержавное, всеми, так сказать внешними формами закона, оставив в существе его ту же силу и то же пространство самодержавия»<sup>27</sup>.

«Самодержавная конституция» в большей степени была направлена на обеспечение устойчивости при необходимой модернизации абсолютистской государственности, чем на внутреннее развитие, но ее введение предполагало реформирование и приспособление системы высшего управления к новым историческим условиям послереволюционной эпохи. Это достигалось как формированием новых конституционных учреждений — законосовещательных и сословно-представительных (в определенной мере законодательных), так и унификацией и усовершенствованием вертикали власти. Согласно «Плану», предполагалось создание «законосовещательного сословия» (Государственного совета) и «законодательного сословия» с сословным представительством, но ограниченными правами (Государственной думы), а также реформирование Сената (приданием ему функций высшего выборного судебного органа империи) и министерской системы. По порядку преобразований Государственный совет должен был открыться 1 января 1810 г. Учрежденный в намеченный срок Совет действовал почти до конца имперской эпохи. Открытие Государственной думы намечалось на 1 сентября того же года; начать ее работу предполагалось с рассмотрения «Государственного уложения», т. е. конституции<sup>28</sup>. Однако этого не произошло.

<sup>27</sup> Сперанский М. М. 1) Записка об устройстве судебных и правительственных учреждений в России // Сперанский М. М. Избранное. С. 278; 2) Введение к уложению государственных законов // Там же. С. 321.

<sup>28</sup> Сперанский М. М. Избранное. С. 323–375; Андреева Т. В. Александр I и М. М. Сперанский: еще раз о «Плане всеобщего Государственного образования» 1809 года // Английская на-

В этой ситуации «Государственная Конституция» Финляндии, под которой понимались упомянутые шведские законы, становилась единственным правовым механизмом, формально ограничивающим власть императора законом. Причем именно это ограничение заставляло имперскую власть особое внимание обратить на управление краем. М. М. Сперанский в упоминаемом отчете за 1810 г. указывал: «Власть державная, быв ограничена в сей стране законом, должна была искать усилить себя подробностями управления»<sup>29</sup>.

Таким образом, рождение концепции Финляндии как государства, а не провинции<sup>30</sup> стало, с одной стороны, результатом развития правительственного либерализма, а с другой — отражением особенностей формирования российской имперской системы. Предполагавшая автономию княжества, она демпфировала идею «единой и неделимой России». Поэтому финляндская политика конца царствования Александра I и правления Николая I уже осуществлялась в рамках идеи многонационального централизованного государства в форме абсолютной монархии или «многонациональной династической унии»<sup>31</sup>, была ориентирована на реальную инкорпорацию северной окраины в состав Российской империи. Постепенное сближение Финляндии и России намечалось путем усиления экономических и общественных связей, включения финской государственности в административную систему страны.

Однако масштабного унификационного сближения так и не произошло. Во многом это обуславливалось культурно-традиционалистским и вероисповедным различием финского и российского общества, а главное — отсутствием единой законодательной базы. Вопрос о включении финляндского законодательства в общеимперское был напрямую связан с проблемой кодификации финского права, но введение подготавливаемого в 1835–1846 гг. «Свода законов Великого княжества Финляндского» не состоялось<sup>32</sup>.

Практическая реализация автономии Великого княжества Финляндского, как продемонстрировал в своей фундаментальной работе Осмо Юссила, также

---

бережная, 4. Ежегодник С.-Петербургского научного общества историков и архивистов. СПб., 2001. С. 41–74.

<sup>29</sup> Сперанский М. М. Отчет о делах 1810 г., представленный императору Александру I. С. 395.

<sup>30</sup> Новикова И. Н. Особое государство или провинция империи: проблема государственно-правового статуса Финляндии в российско-финляндских отношениях XIX века // Пространство власти: Исторический опыт России и вызовы современности. М., 2001. С. 372–390.

<sup>31</sup> Юссила О., Хенттиля С., Невакиви Ю. Политическая история Финляндии. 1809–1995. М., 1999. С. 49; Высокочков Л. В. 1) «Оставьте финнов в покое»: Император Николай I и Великое княжество Финляндское. С. 62; 2) Император Николай I и Великое княжество Финляндское. С. 31.

<sup>32</sup> Бородин М. М. История Финляндии. Время императора Николая I. С. 331–345; Пальмен Э. Г. Кодификационные замыслы в 1830 и 1840 годах // О кодификации финляндских законов. Пг., 1914. С. 5–17; Юссила О., Хенттиля С., Невакиви Ю. Политическая история Финляндии. 1809–1995. С. 36; Высокочков Л. В. 1) «Оставьте финнов в покое»: Император Николай I и Великое княжество Финляндское. С. 64; 2) Император Николай I и Великое княжество Финляндское. С. 37.

оказалась ограниченной<sup>33</sup>. Верховную власть представлял российский император, которому непосредственно была подчинена вся система внутреннего управления Финляндией, минуя механизм центрального аппарата России. Главой гражданской администрации, председателем финского Сената, командующим финскими войсками оставался генерал-губернатор, назначаемый императором. Только монарх обладал единоличным правом созыва Сейма (как и предполагаемой всероссийской Государственной Думы). Причем ни Александр I после 1809 г., ни Николай I, принявшие монаршие прерогативы по унаследованной от Швеции «финской Конституции» и признававшие в неопределенных выражениях представительские преимущества Финляндии, ни разу его не созывали. Здесь не было нарушения Конституции (согласно ст. 38 Формы Правления 1772 г., монарх имел право созывать высший представительный орган когда ему заблагорассудится)<sup>34</sup>. И всё же использование политики «замороженного конституционализма» обуславливалось прежде всего тем, что Сейм входил в диссонанс с автократическими тенденциями в управленческой практике российских императоров.

Тем не менее имперская власть в первой половине XIX в. не проводила прямолинейную политику русификации. В данном контексте я присоединяюсь к точке зрения, высказанной еще Н. Х. Бунге в его «Загробных заметках»<sup>35</sup> и нашедшей отражение в трудах В. С. Дякина<sup>36</sup> и Л. В. Выскочкова<sup>37</sup>: тенденция к русификации и православизации малых народов и наступлению на самобытность крупных лишь наметилась в царствование Николая I и стала особенно отчетливой уже в правление Александра II. По справедливому мнению В. С. Дякина, причиной тому прежде всего были внутривосточные кризисные явления — реакция мусульманского населения районов внутренней России и Закавказья на Крымскую войну и колонизацию Средней Азии, а также восстание в Польше<sup>38</sup>. Действительно, в беседе 31 августа 1863 г. с членом Совета по делам Царства Польского Н. А. Милотиным Александр II указывал на «сделанные попытки успокоения края посредством целого ряда мер в либеральном смысле, на безуспешность всех уступок, убедивших окончательно в невозможности

<sup>33</sup> Юссила О. Великое княжество Финляндское, 1809–1917. С. 173–254.

<sup>34</sup> Дусаев Р. Н., Дусаева М. Р. Александр I и принципы финляндской автономии. С. 226.

<sup>35</sup> Бунге Н. Х. Загробные заметки // Судьбы России. Доклады и записки государственных деятелей императорам о проблемах экономического развития страны (вторая половина XIX в.) / Подг. Л. Е. Шепелев. СПб., 1999. С. 225–226.

<sup>36</sup> Дякин В. С. 1) Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX в.) // Вопросы истории. 1995. № 9. С. 130–142; 2) Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX — начало XX в.) / Подг. И. В. Лукьянов, В. Г. Савельева, С. Н. Патутина. СПб., 1998. С. 19; 3) Национальный вопрос во внутренней политике царизма XIX — начала XX в. (К постановке проблемы) // Дякин В. С. Был ли шанс у Столыпина? Сборник статей. СПб., 2002. С. 53–94.

<sup>37</sup> Выскочков Л. В. Император Николай I и Великое княжество Финляндское. С. 32.

<sup>38</sup> Дякин В. С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма XIX — начало XX в. (К постановке проблемы). С. 58.

достижения этим путем прочного утверждения порядка и спокойствия». В силу этого было принято «иное направление», имеющее целью «упрочение русской власти в Польше», «вопреки требованиям поляков и Европы, теснее связать Царство Польское с Россией, опираясь уже не на шляхту, как прежде, а на массу народа, на сельское население»<sup>39</sup>.

Возвращаясь к Финляндии, следует подчеркнуть, что даже «автократическая уловка» Александра I и Николая I, которые, формально не нарушая «финскую Конституцию», не созывали Сейм, не стала препятствием на пути сохранения «персональной унии» о союзнических отношениях. Само существование Сейма, как пронципально указывают финские исследователи (Матти Клинге, Пекка Кауппала, Марина Витухновская-Кауппала), «давало народу национальное самосознание»<sup>40</sup>. Но именно развитие финской государственности и национального самосознания финнов создавало условия для оформления и постепенного расширения конфликта между Россией и Финляндией, усиления стремлений последней к свободному экономическому и политическому развитию, а в перспективе — к суверенитету.

С моей точки зрения, «Статья о Финляндии 1831 г. с поправками императора Николая I», о которой идет речь в начале статьи, отражает начальный этап формирования данного конфликта и стремление носителя верховной власти приостановить этот процесс. Но почему именно в 1830–1831 гг. в имперской политике самодержавия актуализировался финляндский вопрос? Представляется, что помимо Польши существовал целый комплекс причин внешне- и внутривосточного свойства.

## Внутриполитический срез

Впервые великий князь Николай Павлович<sup>41</sup>, будучи канцлером университета в Або (с 1816 г.) и генерал-инспектором по инженерной части, познакомился с Финляндией, возможно, летом 1819 г. во время маневров в Гельсингфорсе. Но скорее всего, это произошло в июне 1820 г., когда он провел инспекцию Свеаборгской крепости и совершил поездки в Турку и на Аландские острова<sup>42</sup>. Неофициальное известие о смерти Александра I генерал-губернатор Финляндии А. А. Закревский<sup>43</sup> получил в Гельсингфорсе в 12 часов утра 29 ноября

<sup>39</sup> Милотин Д. А. Воспоминания. 1863–1864. С. 267–268.

<sup>40</sup> Клинге М. Имперская Финляндия. СПб., 2005. С. 261; Кауппала П. Александр II и подъем финляндской автономии. С. 196; Витухновская-Кауппала М. «Он снова с нами!»: Александр II в исторической памяти финнов в начале XX в. С. 265.

<sup>41</sup> В 1811 г. к великому князю Николаю Павловичу едва не был определен гувернером финляндец Одерт Грипенберг по протекции Г. М. Армфельта. См.: Бородкин М. М. История Финляндии. Время императора Николая I. С. 3–4.

<sup>42</sup> Высокочков Л. В. Император Николай I и Великое княжество Финляндское. С. 30.

<sup>43</sup> Арсений Андреевич Закревский (1786–1865), с 30 августа 1823 по 19 ноября 1831 г. —

1825 г. В тот же день из Петербурга прибыли три курьера с официальными уведомлениями — от статс-секретаря Р. Х. Ребиндера, военного министра А. И. Татищева и дежурного генерала Главного штаба А. Н. Потапова, который писал, что великий князь Николай Павлович «желает, чтобы вся Финляндия приведена была сколь возможно скоро к присяге» императору Константину Павловичу. В этой ситуации А. А. Закревский немедленно предписал финляндскому Сенату присягнуть «по форме, изданной от Правительствующего Сената», т. е. по общероссийской форме (публично с личным подписанием присяжных листов). Когда же вице-президент Сената К. Р. Маннергейм попросил дать возможность сенаторам принести присягу по обычной для Финляндии форме, генерал-губернатор отказал ему, мотивируя свою позицию необходимостью скорейшего действия. 30 ноября 1825 г. был собран Сенат и проведена присяга по общероссийской форме, затем присягнули все должностные лица, войска, а также население финской столицы<sup>44</sup>.

По мнению биографа А. А. Закревского Д. В. Друцкого-Соколинского, генерал-губернатор, приведя финляндцев к присяге Константину Павловичу по общероссийской форме, полагал, что таким образом с обособленным положением Финляндии будет покончено<sup>45</sup>. Сам же Николай Павлович, осознавая важность принципа легитимизма, уже в Манифесте о восшествии на престол от 12 декабря 1825 г., составленном им самим 9–10 декабря и отредактированном М. М. Сперанским<sup>46</sup>, подтверждал «коренные законы, права и преимущества жителей Финляндского княжества, которыми они по Конституции доселе пользовались»<sup>47</sup>. Для Николая I законность его прихода к власти была «больным» вопросом,

---

генерал-губернатор Великого княжества Финляндского и командующий Отдельного финляндского корпуса (*Шилов Д. Н.* Государственные деятели Российской империи. 1802–1917: Биобиблиографический справочник. С. 248–249). Имея сложный и неуживчивый характер, А. А. Закревский постоянно конфликтовал с Р. Х. Ребиндером, который в своем письме прокурору финляндского Сената К. И. Валлену писал в 1826 г.: «У престола у нас нет защиты ни в ком, кроме самих себя. Наши внутренние споры, зависть, интриги и несчастья являются здесь страшным оружием против Финляндии» (*Бородкин М. М.* История Финляндии. Время императора Николая I. С. 64). Об А. А. Закревском см.: *Высочков Л. В.* Финляндский генерал-губернатор Арсений Андреевич Закревский (1823–1831 гг.) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы Пятой ежегодной международной конференции (23–25 апреля 2003 г.) / Русский Христианский гуманитарный институт; Институт Финляндии в Санкт-Петербурге; под ред. В. Н. Барышникова и С. Ю. Трохачева. СПб.: Би., 2004. С. 18–31.

<sup>44</sup> *Бородкин М. М.* История Финляндии. Время императора Николая I. С. 13–16.

<sup>45</sup> *Друцкий-Соколинский Д. В.* Биографическая заметка о жизни графа Арсения Андреевича Закревского // Сборник РИО. Т. 73. СПб., 1890. С. IX; *Высочков Л. В.* Император Николай I и Великое княжество Финляндское. С. 31.

<sup>46</sup> *Николай I.* Записка [о событиях 12–14 декабря 1825 г.] // Николай I: Личность и эпоха. Новые материалы / Отв. сост. Т. В. Андреева. СПб., 2007. С. 161; Записки очевидцев 14 декабря 1825 года. Из архива М. А. Корфа: Записка графа Д. Н. Блудова / Подг. Т. В. Андреевой и Т. Н. Жуковской // 14 декабря 1825 года. Источники. Исследования. Историография. Библиография. Вып. 3. СПб., 2000. С. 55.

<sup>47</sup> ПСЗ-II. Т. 1. № 1. С. 1.

тем более что существовали многочисленные случаи отказа от присяги ему в разных регионах страны и со стороны лиц различных сословий<sup>48</sup>. Наибольшее число «уклонений от присяги» относилось к северо-западным и остзейским губерниям. Поэтому столь приятно было услышать императору, что в Финляндии присяга, состоявшаяся 21 декабря 1825 г., прошла спокойно<sup>49</sup>.

Это было тем более важно, что еще 12 декабря 1825 г. Николай Павлович получил письмо от члена декабристского «Тайного общества» подпоручика Я. И. Ростовцева и имел с ним беседу в Зимнем дворце. Хотя вопрос о сущности и целях этой акции до сих остается предметом жарких научных дискуссий<sup>50</sup>, в данном контексте важно само упоминание Финляндии. Я. И. Ростовцев, стремясь убедить Николая не вступать на престол («погодите царствовать»), мотивировал это тем, что при новой присяге будут междоусобия, «пользуясь которыми Финляндия, Грузия, Польша, а может быть Литва, от нас отделятся». Великий князь в разговоре с подпоручиком пытался несколько раз выяснить, кто стоит за ним, но безуспешно. Ростовцев же, вероятно, имея в виду нарратив некоторых национальных окраин (борьба за сохранение автономии, а в перспективе и при возможности — установление суверенитета) и надеясь, что Николай Павлович скорее откажется от власти, чем подвергнет страну столь серьезной опасности, надеялся избежать «антигосударственного мятежа»<sup>51</sup>. Как известно, его надежды были напрасными, а день присяги Николаю I 14 декабря 1825 г. ознаменовался военным выступлением.

Сам же Николай Павлович стремился вывести династическую составляющую за пределы «бунта» и отделить его от европейской модели «военной революции». При этом, так же как и Александр I, он использовал мифологему «всеевропейского заговора революционеров», запущенную аббатом А. де Баррюэлем в европейское политическое пространство еще в конце XVIII в.<sup>52</sup>

<sup>48</sup> Андреева Т. В. Тайные общества в России в первой трети XIX в.: правительственная политика и общественное мнение. С. 608–611.

<sup>49</sup> О присяге Николаю I. Всеподданнейшие донесения А. Д. Балашова // РГИА. Ф. 1409 (СЕЙВК). Оп. 1. Д. 4566. Л. 1–26.

<sup>50</sup> Об этом см.: Гордин Я. А. Мятеж реформаторов. Кн. 2: Трагедия мятежа: 14 декабря 1825 года. СПб., 2006. С. 8, 20–21; Ильин П. В. 1) Между заговором и престолом: Я. И. Ростовцев в событиях междоусобия 1825 года. СПб., 2008; 2) Встреча члена тайного общества Я. И. Ростовцева с претендентом на престол великим князем Николаем Павловичем. Достоверное и предполагаемое // Декабристы. Актуальные проблемы и новые подходы. М., 2008. С. 367–449; Севастьянов Ф. Л. «Поступок» Я. И. Ростовцева 12 декабря 1825 г. Попытка реконструкции политических взглядов исторического деятеля // Там же. С. 348–366.

<sup>51</sup> Андреева Т. В. Тайные общества в России в первой трети XIX в.: правительственная политика и общественное мнение. С. 602–608.

<sup>52</sup> Barruel A. Mémoires pour servir à l'Histoire du Jacobinisme. Londres, 1797–1798. Т. 1–4. Анализ механизма внедрения теории заговора в европейское политическое пространство конца XVIII — начала XIX в. посвящены сюжеты в следующих работах: Гордин Я. А. Мистики и охранители: Дело о масонском заговоре. СПб., 1999. С. 42–78; Зорин А. Л.

весьма прагматично и применительно только к внешнеполитическим делам. Но если Александр Павлович в условиях усиления оппозиционных тенденций в русской армии и радикального «перерождения» «Тайного общества» декабристов только не применял к российской конспирации репрессивных мер<sup>53</sup>, то Николай Павлович в обстоятельствах политических кризисов 1825 и 1830 гг. стремился утвердить идею национальной самобытности России, представление о ней как стране, благоденствующей под самодержавным скипетром и не имеющей почвы для революционных выступлений<sup>54</sup>. В силу чего император не принял версию консерваторов, нашедшую отражение в доносах 1831 г. М. Л. Магницкого и А. Б. Голицына, о существовании в империи «тайного общества иллюминатов», которое будто бы подчинялось европейскому центру в Париже<sup>55</sup>. Более того, необходимость укрепления международного авторитета Российской империи внутри страны и в мире требовала дезавуирования мифологема применительно к внутривнутриполитическим делам.

Поэтому когда в 1826 г. вопрос о связях «злоумышленных тайных обществ» декабристов с европейскими странами рассматривался в Следственной комиссии, и подозрение падало на Австрию, Англию и Швецию в связи с Финляндией, то, по повелению Николая I, следственные мероприятия были свернуты. И хотя Николай I не забыл о декабрьском предупреждении Я. И. Ростовцева, что Финляндия может отделиться, а в показаниях других декабристов были сведения, будто в княжестве «есть тайное общество, имевшее целью его присоединение к Швеции», прагматика государственных интересов требовала сворачивания расследования по иностранному следу. Да и следствие, к удовлетворению императора, выявило, что «финляндское общество — выдумка заговорщиков, подобная многим другим, коими они старались ободраить друг друга»<sup>56</sup>. И всё же, согласно Высочайшему рескрипту от 21 апреля 1826 г.

Кормя двуглавого орла... Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII — первой трети XIX века. М., 2001. С. 201–237; *Жуковская Т. Н.* Правительство и общество при Александре I. С. 176–181.

<sup>53</sup> *Андреева Т. В.* 1) Тайные общества в России в первой трети XIX в.: правительственная политика и общественное мнение. С. 487–514; 2) Александр I и «Тайное общество» декабристов. 1818–1825 гг.: политическая толерантность или прагматические задачи? // *Власть, общество, армия: От Павла I к Александру I.* СПб., 2013. С. 203–220.

<sup>54</sup> *Андреева Т. В.* 1) Николай и мифологема «всевропейского заговора революционеров» // *Исторические записки.* 2009. Т. 12 (130). С. 105–139; 2) Тайные общества в России в первой трети XIX в.: правительственная политика и общественное мнение. С. 618–653.

<sup>55</sup> Письма на Высочайшее имя и записки Михаила Магницкого об иллюминатах. 3–28 февраля 1831 года // *Архив СПб ИИ РАН. Ф. 115 (Коллекция рукописных книг).* Оп. 1. Д. 219. Л. 3–120; *Шильдер Н. К.* Два доноса в 1831 году // *Русская старина.* 1898. Т. 96. С. 524–531; *Гордиц Я. А.* Мистики и охранители: Дело о масонском заговоре. С. 48–51, 68–71, 94, 114–123, 147–150, 189–191, 232–233, 251–256; *Андреева Т. В.* Николай и мифологема «всевропейского заговора революционеров». С. 108–125.

<sup>56</sup> Приложение к Докладу Следственной комиссии о тайных обществах, открытых в 1825 году // *Русский архив.* 1875. Кн. 3. № 12. С. 434–435.



на имя А. А. Закревского, у всех чиновников и дворян княжества была взята подписка, что они «впредь ни к каким тайным обществам принадлежать не будут». 11 мая того же года в Финляндии были закрыты все масонские ложи, а 30 марта 1827 г. А. А. Закревский представил Всеподданнейший рапорт с приложением поименного списка в 100 человек бывших членов лож, среди которых были чиновники финляндского Сената<sup>57</sup>.

Особое же внимание Николая I в 1830–1831 гг. к Финляндии было связано в определенной мере и с событиями в самом княжестве: во-первых, с антирусскими «шалостями» студентов Гельсингфорсского университета, которые, узнав о восстании в Польше, восторгались поляками, а позже бросали камни во время богослужения в униатскую церковь; и во-вторых, с недовольством финских крестьян Положением 1826 г. и массовыми жестокими холерными бунтами, когда крестьяне нападали на карантинные заведения, убивали и сжигали ленсманов<sup>58</sup>. К августу 1831 г. относится Всеподданнейшая записка А. А. Закревского «О расположении умов в Княжестве Финляндском», которая была написана, скорее всего, по повелению Николая I. Генерал-губернатор, вероятно, специально совершил путешествие по краю, чтобы удостовериться, что «в Княжестве Финляндском тишина и спокойствие вообще сохраняются столько, сколько того всегда желать должно». Недовольство правительством, если и существует, то только со стороны, как «неблагонамеренных» «профессоров и студентов здешнего университета... так и от молодых людей среднего класса, напитанных беспокойным духом вольнодумства, разлившимся ныне по всей Европе. Но высший и низший класс финляндского народа искренне преданы правительству, постигая более свои выгоды, каковыми они не могли пользоваться при шведском владении»<sup>59</sup>.

## Внешнеполитический срез

Однако во внешнеполитической сфере военные «бунты» в столице и на юге Российской империи заставили Николая I на первый план выдвинуть задачи сохранения основ существующего монархического порядка в Европе и плодотворно использовать мифологему «всеевропейского заговора революционеров». Так же как и Александр I в конце жизни, он видел в Священном союзе коллективный общемонархический инструмент борьбы против революции. Как известно, революционные события в Испании, Португалии, Неаполе, Пьемонте, освободительное восстание в Греции не только подорвали веру Александра I в позитивные возможности конституционной дипломатии, направленной на создание «Европейской федерации», но и способствовали целевому «перереформатированию» Священного союза<sup>60</sup>.

<sup>57</sup> Бородкин М. М. История Финляндии. Время императора Николая I. С. 67.

<sup>58</sup> Там же. С. 138–143.

<sup>59</sup> Там же. С. 150.

<sup>60</sup> Андреева Т. В. Александр I и мифологема «всеевропейского заговора революционеров» // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2008. Сер. 2: История. Вып. 4. С. 25–34.

В начале царствования Николая I антиреволюционная направленность Союза оставалась в силе. Лондонский договор 6 июня 1827 г. трех держав — России, Англии и Франции — и секретный протокол к нему предусматривал возможность коллективного вмешательства во внутренние дела любого субъекта Союза в случае вспышки революционной активности. Революции во Франции и Бельгии 1830 г. и Польское восстание еще более актуализировали мифологему «всеевропейского заговора революционеров» во внешнеполитической доктрине России. Но помимо этого, европейские события 1830 г. ослабили традиционные связи империи с ведущими странами Европы и подрывали консервативную солидарность трех династических монархий — России, Австрии и Пруссии. Когда с началом Июльской революции Николай I поставил вопрос о прямой интервенции Франции союзными войсками, а в сентябре 1830 г., после призыва короля Нидерландов Вильгельма I о помощи, хотел отправить в Бельгию российский корпус, его не поддержали — ни его тесть, прусский король Фридрих-Вильгельм III, ни австрийский император Франц I, ни «канцлер Европы» К. В. Меттерних<sup>61</sup>.

Сам же российский самодержец, который еще в марте–апреле 1830 г. призывал французского короля Карла X соблюдать Хартию 1814 г. и выражал опасения насчет шаткого положения французского правительства, считая тому виной «сумасшествие короля»<sup>62</sup>, теперь считал все революционные события в Европе реализацией «всеевропейского заговора революционеров». Более того, после того как шляхтич Смагловский попытался организовать покушение на него во время коронации в Варшаве в 1829 г.<sup>63</sup>, Николай Павлович всё время опасался за свою жизнь, считал, что «его хотят зарезать», верил в инсургентов-террористов, «подсланных из Франции», окружал себя верными молодцами отца-командира И. Ф. Паскевича<sup>64</sup>. Признание же союзниками новой нелегитимной, с точки зрения императора, власти во Франции и независимости Бельгии от Голландии нарушило систему равновесия Священного союза и привело к изоляции России в европейском мире. Это прекрасно осознавал сам Николай I. Ретроспективно анализируя ситуацию в Европе 1830-х гг., он подчеркивал: «С этого печального момента от нашего тесного единения остались только одни внешние признаки, во все наши взаимоотношения вкралось недоверие, так как наши принципы, очевидно, перестали быть одинаковыми»<sup>65</sup>. Николай I всё больше отходил от доминирования общеевропейских интересов

<sup>61</sup> *Андреева Т. В.* 1) Николай и мифологема «всеевропейского заговора революционеров». С. 103–105; 2) Тайные общества в России в первой трети XIX в.: правительственная политика и общественное мнение. С. 618–624.

<sup>62</sup> *Шильдер Н. К.* Император Николай I. Его жизнь и царствование. Кн. 2. М., 1996. С. 267.

<sup>63</sup> *Хартанович М. Ф.* К истории коронации в Варшаве. 1829 г. (Дело Смагловского) // Новый часовой. 1999. № 8–9. С. 374–378.

<sup>64</sup> Император Николай Павлович в его письмах к князю Паскевичу. 1831–1847 гг. // Русский архив. 1887. Кн. 1. С. 11, 12–13, 16–17.

<sup>65</sup> Записка Николая I о положении дел в Европе. 1848 г. // Красный архив. 1938. Т. 4/5. С. 161.

во внешней политике, характерного для Александра I, и утверждал чисто «русскую» внешнеполитическую доктрину, направленную на соблюдение прежде всего национальных интересов.

В этой ситуации нужно было укрепить «персональную унию» с Финляндией, т. е. союзнические отношения с княжеством, установить контроль над настроениями местного населения, укрепить его лояльность, усилить геополитически важный сегмент западной границы Российской империи. С решением данной стратегической задачи были связаны все путешествия Николая I в Финляндию в 1830, 1833 и 1854 гг., имевшие также ознакомительные и пропагандистские цели. Уже первая с момента воцарения поездка российского императора в княжество, проходившая с 31 июля по 11 августа 1830 г., включала главным образом осмотр укреплений, крепостей, войск, госпиталей. По словам А. Х. Бенкендорфа, сопровождавшего Николая I, он был доволен, поскольку «сердечный прием, сделанный государю всеми классами населения, быстрое возрастание столицы, наконец, общий вид довольства не оставляли сомнения в выгодах благого и отеческого устройства, данного этому краю... Материальные интересы и управление, столь же либеральное, сколько и национальное, уже производили свое действие, и всё обещало России в финляндцах самых верных и усердных подданных»<sup>66</sup>.

Действительно, с самого вступления на престол и до конца царствования Николай I особое внимание обращал на сохранение и укрепление внешних атрибутов автономии Финляндии, утверждение благосостояния ее жителей и совершенствование системы управления краем. Как-то в разговоре с тайным советником, чиновником Петербургской канцелярии финляндского генерал-губернатора К. И. Фишером император, касаясь положения в княжестве, сказал: «Финляндия благоденствует, если меня не обманывают»<sup>67</sup>. Немного позже, в 1846 г., в приватном разговоре с начальником канцелярии кавказского наместника С. В. Сафоновым Николай I подчеркнул важнейший принцип своей имперской политики: «Мы не ищем завоеваний, но прочного устройства там, где владем, и благосостояния присоединенных к России народов»<sup>68</sup>. И даже если это было лишь декларативное заявление, важен сам факт его озвучивания. Являясь противником конституционной формы правления для России, он вынужден был мириться с конституционной обособленностью Финляндского княжества. Когда финляндский генерал-губернатор и одновременно с 1854 г. главнокомандующий

<sup>66</sup> Цит. по: Шильдер Н. К. Император Николай I. Его жизнь и царствование. М., 1996. Кн. 2. С. 270. См. также: Бородкин М. М. История Финляндии. Время императора Николая I. С. 137.

<sup>67</sup> Фишер К. И. Записки сенатора // Исторический вестник. 1908. Т. 113. № 9. С. 795; Выскочков Л. В. Император Николай I и Великое княжество Финляндское. С. 36.

<sup>68</sup> Разговор С. В. Сафонова (начальника канцелярии Кавказского наместника) с императором Николаем. 28 сентября 1846 г. // Архив князя Воронцова. М., 1892. Кн. 38. С. 274; Выскочков Л. В. 1) «Оставьте финнов в покое»: Император Николай I и Великое княжество Финляндское. С. 62; 2) Император Николай I и Великое княжество Финляндское. С. 31.

сухопутными и морскими силами в Крыму адмирал А. С. Меншиков<sup>69</sup> в связи с Восточной (Крымской) войной поставил вопрос о введении в Финляндии рекрутского набора, Николай I не пошел на этот шаг. А во время посещения Гельсингфорса в марте 1854 г. сказал руководителю финляндского Сената Л. Г. фон Гартману: «Об этом и речи быть не может, после того, как Я утвердил права края. Кажется, должно быть известно, что раз мною сказано, то не отменяется и в этом отношении финский народ может быть спокоен»<sup>70</sup>.

## Польша

И всё же кульминационным моментом в актуализации финляндского вопроса в имперской политике самодержавия 1830-х гг. стало восстание в Польше, начавшееся 17 (29) ноября 1830 г. и воспринятое Николаем I в тех же рамках мифологемы «всевропейского заговора революционеров». В собственноручной записке о Польше император сокрушенно констатировал: «Раз удар был нанесен, пример дан, трудно предположить, чтобы во времена смуты и всеобщего брожения эти превратные представления не будут и далее давать ростки, несмотря на имеющийся опыт заблуждений и их губительные последствия»<sup>71</sup>. Во многом подобное восприятие было «подогрето» упоминаемыми доносами М. Л. Магницкого и А. Б. Голицына об иллюминатах в России, которые император получил 28 февраля — 3 марта 1831 г., т. е. в самый разгар Польской кампании. В доносах доказывалось, что все революционные события в Европе от Французской революции до Польского «мятежа» — реализация «всевропейского заговора революционеров». По мнению доносителей, те самые силы, которые произвели революцию 1789–1794 гг. «ныне, почти через полвека, управляют разумом Европейского мятежа»<sup>72</sup>.

Между тем сложившаяся к 1831 г. в международной политике крайне невыгодная для России конъюнктура, связанная с негативной реакцией правительств ряда западных стран и просвещенного общественного мнения Европы на Польскую кампанию, была отягощена пропагандистским «бумом» либеральной европейской печати. После династического и политического кризисов конца 1825 — начала 1826 г. и «мятежа» в Польше политическая и интеллектуальная элита Европы стремилась продемонстрировать ослабление державного могущества России, найти «брешь» в ее имперской системе, которой многие

<sup>69</sup> Шилов Д. Н. Государственные деятели российской империи. С. 409.

<sup>70</sup> Цит. по: Бородкин М. М. История Финляндии. Время императора Николая I. С. 78.

<sup>71</sup> Цит. по: Собственноручная записка Императора Николая I о Польше. Копия / Пер. с фр. // ОР РНБ. Ф. 380. (М. А. Корф). Оп. 1. Д. 53. Л. 1 об. См. также: Шильдер Н. К. Император Николай I. Его жизнь и царствование. Кн. 2. С. 321.

<sup>72</sup> Письма на Высочайшее имя и записки Михаила Магницкого об иллюминатах. 3–28 февраля 1831 года. Л. 17 — 27 об.

сочли Финляндию. Всё более усиливавшиеся русофобские настроения и раскачивание фундамента национальных отношений в стране требовали усиления идеологической работы, формирования у европейцев позитивного образа Российской империи с благоденствующим многонациональным населением, у которого нет оснований для мятежа. Применительно к Финляндии имперская власть, осознавая возможность развития ростков конфликта с Россией и стремясь приостановить этот процесс, избрала орудием этой работы контрпропаганду, рассчитанную не только на европейское, но и на финляндское общественное мнение.

## Контрпропаганда

Чаще всего контрпропагандистские акции в поддержку российской политики проводило III Отделение СЕИВК, которое использовало для этого не только своих зарубежных тайных агентов (Я. Н. Толстого, Луиса Шнейдера и др.), путешествующих за границу россиян и приезжающих в Россию иностранцев, но и подкупленных редакторов европейских газет<sup>73</sup>. Одной из составных частей этой контрпропаганды и стала упоминаемая уже не раз «Статья о Финляндии», оформленная, скорее всего, между 13 февраля и 14 мая 1831 г., т. е. между сражениями под Гроховым и Остроленкой, когда Польская война становилась более серьезной и ожесточенной.

На провокационные заявления либеральной европейской печати, что будто бы «жители княжества одобряют возникший в Польше мятеж... что они и сами уже возмутились, чтобы действовать заодно с поляками и даже, что правительство в Финляндии нашлось принужденным принять против таковых преступных намерений предупредительные меры, и для того отобрало оружие у всей нации, и сменило чиновников»<sup>74</sup>, необходимо было ответить. В силу чего «Статья о Финляндии», инициированная самим Николаем I, созданная, надо думать, в лоне политической полиции и прошедшая Высочайшую цензуру, имела главной целью продемонстрировать различие между бунтующей Польшей и спокойной Финляндией, политическим радикализмом поляков и политической индифферентностью финнов, ненавистью одних и лояльностью других к России.

Прежде всего, следовало представить европейцам, мало знавшим о ситуации в Финляндии, истинное положение дел в княжестве и продемонстрировать не только лживость, но и истинный смысл европейских инсинуаций. Как подчеркивалось в «Статье», они являются «обыкновенной тактикой партии демагогов, которая на короткое время приобрела пагубное влияние во многих

<sup>73</sup> *Абакумов О. Ю.* «...Чтоб нравственная зараза не проникла в наши пределы». Из истории борьбы III Отделения с европейским влиянием в России (1830-е — начало 1860-х гг.). Саратов, 2008. С. 7, 9–15, 33–76, 77–96, 97–147, 148–200.

<sup>74</sup> Статья о Финляндии 1831 г. с поправками императора Николая I. Копия. Л. 1.

государствах Европы и приверженцев между журналистами. Они выдумывают и распускают ложные известия в намерении поддержать неправо дело»<sup>75</sup>.

Поэтому неудивительно, что в «Статье» утверждалось: «Когда известие о происшествии в Польше в ноябре прошлого года получено было в Финляндии, во всем княжестве было одно мнение об оных — все изъявляли отвращение и негодование к ненавистному предприятию зачинщиков бунта». Причем весь этот текст подчеркнут Николаем I под строкой красным карандашом. Однако «сие единодушное мнение», говорилось в документе, основывалось не столько «на образе мыслей жителей Финляндии», сколько на их «истинном благоденствии» в составе земель, управляемых российским монархом: «Со времени присоединения к России Великое Княжество было осыпано благодеяниями правительства и всегда предметом отеческих его попечений. Сохранив свои законы и преимущества, оно не только продолжало наслаждаться своими прежними выгодами, но и приобрело еще и другие важнейшие. Тягости налогов в Княжестве уменьшены, и доходы его употребляемы только на собственные его потребности и к действительной пользе. Внутреннее управление по возможности улучшено, и благосостояние жителей упрочено и умножено разными новыми учреждениями»<sup>76</sup>.

Можно предположить, что авторы «Статьи» лакировали реальность, имея в виду Высочайшую цензуру и осознавая, что восстание в Польше и связанное с ним негативное отношение Европы к России для Финляндии являются «моментом истины», выявляющим лояльность финского народа к Российской империи в час беды. Между тем о позитивном значении присоединения Финляндии к России пишут как финские, так и российские историки. С их точки зрения, это «не противоречило созданию основ финской государственности», более того, у финского народа «оказалось несравненно больше привилегий, чем во времена шведского великодержавия». Для Николая I Финляндия не была «инородческой окраиной», а являлась страной, в которой «жил один из народов, доверенных его отеческой власти... Достаточно было лояльности, и финны были лояльными»<sup>77</sup>.

Не вызывает сомнений, что как Финляндия, так и Польша претендовали на расширение и подъем своей автономии, а в перспективе — суверенитет. Однако эволюция государственно-правового статуса обеих национальных окраин

<sup>75</sup> Там же.

<sup>76</sup> Там же. Л. 1 об. — 2.

<sup>77</sup> Юттикала Э. История Финляндии с древности до стабилизации самостоятельности в 1939 г. // Прибалтийско-финские народы. История и судьбы родственных народов. Ювяскюля, 1995. С. 55–56; Новикова И. Н. Великое княжество Финляндское в имперской политике России // Имперский строй России в региональном измерении (XIX — начало XX века): Сборник научных статей / Отв. ред. П. И. Савелов. М., 1997. С. 130–131; Юс-сила О., Хенттиля С., Невакиви Ю. Политическая история Финляндии. 1809–1995. С. 32; Выскочков Л. В. 1) Император Николай I и Великое княжество Финляндское. С. 29–31; 2) Николай I. М., 2003. С. 278.

в царствование Николая I были не идентичны. Польша, имея территориальные притязания и стремясь восстановить национальную независимость, использовала нелегальные и «мятежные средства». Как писал Николай I в упоминаемой собственноручной записке о Польше: «Польша постоянно была соперница и самый непримиримый враг России... Император Александр полагал, что он обеспечит интересы России, воссоздав Польшу, как составную часть империи, но с титулом королевства, особой администрацией и собственной армией. Он даровал ей Конституцию, установившую ее будущее устройство, и заплатил таким образом добровольным благодеянием за все зло, которое Польша не переставала причинять России... То, что ложно в основании, не могло продержаться долго. При первом же толчке здание рухнуло... Русский интерес несовместим с существованием Польского Королевства в том виде, как оно было создано в 1815 году, и при условии сохранения им своей Конституции»<sup>78</sup>.

Тогда как Финляндское княжество, в котором на упрочение российской государственности всегда обращалось менее внимания, чем в других окраинах, прежде всего в Польше, обособленное положение которого продолжалось вплоть до 1886 г.<sup>79</sup>, стремилось сохранить status quo в территориальном и политическом аспектах и легальным, мирным путем пыталось формировать законодательные основы своей обособленности. При этом сами финляндцы высоко ценили свои преимущества и автономию, которые позволяли жить самостоятельной жизнью, не испытывая тягостей и невзгод, приходившихся на долю всей России. Поэтому неудивительно, что в «Статье» ставился риторический вопрос: «Признавая сии выгоды, как могли жители Финляндии желать какой-либо перемены, столь же противоречащей и признательности и собственной их пользе?»<sup>80</sup>.

При этом дело было не только в том, что Финляндия имела устоявшуюся гражданственность и внутреннюю благоустроенность, грамотное, твердое в религиозных убеждениях население, но и в политическом характере «финляндской нации». В «Статье» указывалось, что «собственная революция в Финляндии даже не возможна»: «флегматический характер народа причиною, что его нелегко ввести в заблуждение обманчивыми внушениями. Финляндцы трудолюбивые, честные, преданные своей вере, неоспоримо имеют великие преимущества в нравственном отношении... Такой народ трудно довести до возмущения... Взгляд на различные классы народа в Финляндии подтверждает это. Дворянство в Финляндии не богато, не блистательно великими историческими воспоминаниями, но оно от предков своих наследовало любовь к отечеству и правительству... Оно никогда не обнажало меча иначе, как по гласу долга и никогда не обращало оружия против правительства. Такие же чувства одушевляют и граждан и крестьян. Довольные своим жребием и от всей души

<sup>78</sup> Цит. по: Шильдер Н. К. Император Николай I. Его жизнь и царствование. Т. 2. С. 319–323.

<sup>79</sup> Бунге Н. Х. Загробные заметки. С. 223.

<sup>80</sup> Статья о Финляндии 1831 г. с поправками императора Николая I. Копия. Л. 2 об.

преданные отеческому правительству, они никогда не водрузят знамя бунта»<sup>81</sup>. Сам же Николай I как-то заметил своим приближенным, которые в условиях усиления финского национально-патриотического движения хотели урезать автономию Финляндии: «Оставьте финнов в покое. Это — единственная провинция моей державы, которая за всё время моего царствования ни на минуту не доставляла мне забот или разочарования»<sup>82</sup>.

Необходимость контрпропаганды касалась также вопроса о финляндском войске. Военная реформа в княжестве, когда 19 ноября 1830 г. были расформированы войсковые стрелковые батальоны, интерпретировалась в европейской либеральной прессе как «обезоруживание нации». Поэтому «Статья», возвращающая читателей к истории финляндского войска в рамках Российской империи, указывала, что «еще в 1812 году вскоре по присоединении к России Финляндия выставила три стрелковых полка, и многие финляндцы участвовали в достославных походах» против Наполеона, затем в войне с Персией и Турцией, а также «в борьбе против польских мятежников многие из сынов Финляндии жертвовали кровью и жизнью за Государя...»<sup>83</sup>.

Расформирование же финляндского войска обуславливалось тем, как отмечалось в «Статье», что его организация в виде земского ополчения, созданного для «защиты края и владений Российской империи по берегам Балтийского моря», «была несовершенна» и не отвечала новым задачам. Тогда как «учреждение Финляндской морской силы казалось гораздо полезнее»<sup>84</sup>. Действительно, еще до Польского восстания, 12 апреля 1830 г. был учрежден Морской Финский корпус, получивший название 1-го Финского морского экипажа. К 1849 г. Финляндия имела: Гвардейский стрелковый батальон (1000 чел.), Гренадерский стрелковый батальон (1000 чел.) и Морской экипаж (1000 чел.)<sup>85</sup>.

Но еще в 1829 г. был сформирован Лейб-гвардии Финский стрелковый батальон, который входил в состав Петербургского военного округа и участвовал в смотрах и маневрах. На первом же смотре 15 июля 1829 г. в Красном Селе Николай I присутствовал в новом, ранее неизвестном окружающим мундире этого батальона. Довольный выправкой финнов, он, поздравив батальон «молодой гвардии» и указывая им на свой мундир, сказал: «Вот ваша новая форма!»<sup>86</sup>. Через два года батальон во главе с командиром, полковником А. Рамзаем участвовал в подавлении Польского восстания.

Повеление Николая I, переданное через военного министра А. И. Чернышева, о немедленном выступлении батальона форсированным маршем к западной

<sup>81</sup> Там же.

<sup>82</sup> Цит. по: Юссила О. Великое княжество Финляндское. 1809–1917. С. 173.

<sup>83</sup> Статья о Финляндии 1831 г. с поправками императора Николая I. Копия. Л. 4.

<sup>84</sup> Там же. Л. 3 об.

<sup>85</sup> Бородкин М. М. История Финляндии. Время императора Николая I. С. 79.

<sup>86</sup> Там же. С. 81–82.



границе империи прибыло в Гельсингфорс с эстафетой 2 декабря 1830 г. Эта новость была объявлена офицерам и солдатам, и вызвала их восторг и гордость. Однако мобилизационная подготовка затянулась, и батальон выступил только 25 декабря 1830 г. Форсированный марш оказался очень тяжелым: по пути следования в Польшу через Выборг и Петербург было потеряно 86 человек больными и обмороженными. Польская кампания затягивалась, только в марте 1831 г. батальон, переправившись через Неман, расположился на берегу Буга и охранял его берега до апреля. Затем вместе с главной армией наступал на Пултуск, а во время штурма Варшавы 25–26 августа 1831 г. находился в ее окрестностях. На полях сражений батальон потерял одного офицера и девять нижних чинов, а в целом во время похода выбыло из строя, умерло и пропало без вести 400 человек.

Николай I, правя текст «Статьи», написал на полях: «По восстании бунта в Польше, когда решено было гвардии идти в поход, призван был участвовать в оном и л.-гв. Финляндский Стрелковый батальон, за два года пред сим сформированный. Усердие и восторг, с коим сей призыв принят был, неизъясним; батальон следовал по целой Финляндии на подводах по собственному вызову жителей. Уже во многих делах успел сей прекрасный батальон доказать свою храбрость и отличное искусство в меткой стрельбе, и во всех последних делах гвардейским батальоном командовал достойный полковник Рамзай и получил рану»<sup>87</sup>.

Действительно, А. Рамзай по ранению ушел в отставку и вскоре был назначен Выборгским губернатором, а во главе батальона встал полковник Лагерборг. В марте 1832 г. батальон высадился в Гельсингфорсе и с радостью был встречен толпой горожан. Николай I особо отличил участие Финского стрелкового батальона в подавлении Польского «мятежа» императорским рескриптом и пожалованием георгиевского знамени. В николаевское царствование батальон еще дважды в составе русских войск присутствовал на смотре войск под Калишем в 1835 г. и участвовал в Венгерском походе в 1849 г.<sup>88</sup>

## Заключение

1. В 1830–1831 гг. в имперской политике России актуализировался финляндский вопрос. Это было обусловлено комплексом внешне- и внутривосточных причин, важнейшей из которых стало Польское восстание.

2. В данной ситуации приоритетными задачами имперской власти становились укрепление союзнических отношений с Финляндией и усиление лояльности финляндцев путем развития экономики, повышения благосостояния населения края и проведения пропагандистской и контрпропагандистской работы.

<sup>87</sup> Статья о Финляндии 1831 г. с поправками императора Николая I. Копия. Л. 4 об.

<sup>88</sup> *Бородкин М. М.* История Финляндии. Время императора Николая I. С. 85–89, 94.

3. Оптимизация финляндской политики в начале 1830-х гг. обусловливалась, как и в 1860-е гг., объективными и субъективными факторами — сложным состоянием международных позиций России после Польской кампании и стремлением Николая I, как позже Александра II, отблагодарить финляндский народ за его лояльность, прорусскую позицию и участие в подавлении восстания.

4. Особое внимание Николая I к Великому княжеству Финляндскому основывалось не столько на симпатии и доверии императора к финляндцам, сколько на прагматике государственных интересов, связанных с геополитическими целями обеспечения безопасности северо-западного пограничья России, стратегическими задачами укрепления российской имперской государственности и идеологической необходимостью формирования новой генерации иноплеменных верноподданных.

#### References

- Abakumov O. Ū.* «...Čtob нравstvennaâ zaraza ne pronikla v naši predely». Iz istorii bor'by III Otdeleniâ s evropejskim vliâniem v Rossii (1830-e — načalo 1860-h gg.). Saratov, 2008.
- Andreeva T. V.* Aleksandr I i «Tajnoe obšestvo» dekabristov. 1818–1825 gg.: političeskaâ tolerantnost' ili pragmatičeskie zadači? // *Vlast', obšestvo, armiiâ: Ot Pavla I k Aleksandru I.* SPb., 2013. S. 203–220.
- Andreeva T. V.* Aleksandr I i M. M. Speranskij: Eše raz o «Plane Vseobšego gosudarstvennogo obrazovaniâ» 1809 goda // *Anglijskaâ naberežnaâ, 4. Ežegodnik S.-Peterburgskogo naučnogo obšestva istorikov i arhivistov.* SPb., 2001. S. 41–74.
- Andreeva T. V.* Aleksandr I i mifologema «vseevropskogo zagovora revolúcionerov» // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta.* 2008. Ser. 2: Istoriiâ. Vyp. 4. S. 25–34.
- Andreeva T. V.* Nikolaj i mifologema «vseevropskogo zagovora revolúcionerov» // *Istoričeskie zapiski.* 2009. T. 12 (130). S. 105–139.
- Andreeva T. V.* Tajnye obšestva v Rossii v pervoj treti XIX v.: pravitel'stvennaâ politika i obšestvennoe mnenie. SPb., 2009.
- Barruel A.* Mémoires pour servir à l'Histoire du Jacobinisme. Londres, 1797–1798. T. 1–4.
- Borodkin M. M.* Istoriiâ Finlândii. Vremâ imperatora Nikolaâ I. M., 1915.
- Borodkin M. M.* Vojna 1854–1855 gg. na Finskom poberež'e. Pg., 1904.
- Borodkin M. M.* Istoriiâ Finlândii. Vremâ imperatora Nikolaâ I. M., 1915.
- Bunge N. H.* Zagrobnye zametki // *Sud'by Rossii. Doklady i zapiski gosudarstvennyh deâtelej imperatoram o problemah èkonomičeskogo razvitiâ strany (vtoraâ polovina XIX v.) / Podg. L. E. Šepeleva* SPb., 1999. S. 225–226.
- Butenko V. A.* Svâšennij soûz i meždunarodnaâ politika èpohi restavracij // *Kniga dlâ čteniiâ po istorii Novogo vremeni: V 4 t. M., 1914. T. 4. Č. 1: Istoriiâ Zapadnoj Evropy.*
- Dâkin V. S.* Nacional'nyj vopros vo vnutrennej politike carizma XIX — načala XX v. (K postanovke problemy) // *Dâkin V. S. Byl li šans u Stolypina? Sbornik statej.* SPb., 2002. S. 53–94.
- Dâkin V. S.* Natsional'nyj vopros vo vnutrennej politike tsarizma (XIX — načalo XX v.). SPb., 1998.
- Druckij-Sokolinskij D. V.* Biografičeskaâ zametka o žizni grafa Arseniâ Andreeviča Zakrevskogo // *Sbornik RIO.* T. 73. SPb., 1890.
- Gordin Â. A.* Mâtež reformatorov. SPb., 2006. Kn. 2: Tragediiâ mâteža: 14 dekabrâ 1825 goda.
- Gordin Â. A.* Mistiki i ohraniteli: Delo o masonskom zagovore. SPb., 1999.
- Hartanovič M. F.* K istorii koronacij v Varšave. 1829 g. (Delo Smaglovskogo) // *Novyj časovoj.* 1999. № 8–9. S. 374–378.
- Il'in P. V.* Meždú zagovorom i prestolom. Â. I. Rostovcev v sobytiâh mežducarstviâ 1825 goda. SPb., 2008.
- Il'in P. V.* Vstreča člena tajnogo obšestva Â. I. Rostovceva s pretendentom na prestol velikim knâzem Nikolaem Pavlovičem. Dostovernoe i predpolagaemoe // *Dekabristy. Aktual'nye problemy i novye podhody.* M., 2008. S. 367–449.
- Kaupala P.* Aleksandr II i pod'em finlândskoj avtonomii: otzvuki Krymskoj vojny // *Aleksandr II. Tragediiâ reformatora: lûdi v sud'bah reform, reformy v sud'bah lûdej.* S. 195–213.

- Klinge M.* Imperskaâ Finlândiâ. SPb., 2005.
- Kornilov A.A.* Russkaâ politika v Pol'she so vremeni razdelov do načala XX veka. Pg., 1915.
- Lûbeznicov O.A.* O perevode na russkij âzyk konstitucii Carstva Pol'skogo v 1816 g. // Peterburgskij istoričeskij žurnal. 2014. № 4. S. 291–303.
- Mechelin L.* Das Staatsrecht des Grossfürstentums Finland. Freiburg, 1889.
- Nadler V.K.* Imperator Aleksandr I i ideâ Svâšenного soûza. T. 1–5. Riga, 1886.
- Nikolaj I: Ličnosť i êpoha. Novye materialy / Otv. sost. T.V. Andreeva. SPb., 2007.
- Nikolaj Mihajlovič, vel. kn.* Imperator Aleksandr I na Venskom kongresse. 1814–1815: Po donesenîam agentov Venskoj tajnoj policii // Russkaâ starina. 1914. T. 157. Kn. 1. S. 135–145.
- Novikova I.N.* Osoboe gosudarstvo ili provincîa imperii: problema gosudarstvenno-pravovogo statusa Finlândii v rossijsko-finlândskih otnošeníah XIX veka // Prostranstvo vlasti: Istoričeskij opyt Rossii i vyzovy sovremennosti. M., 2001. S. 372–390.
- Novikova I.N.* Velikoe knâžestvo Finlândskoe v imperskoj politike Rossii // Imperskij stroj Rossii v regional'nom izmerenii (XIX – načalo XX veka): Sbornik naučnyh statej / Otv. red. P.I. Savelov. M., 1997. S. 130–131.
- Orlik O.V.* «Evropejskaâ ideâ» Aleksandra I // Novaâ i novejšââ istoriâ. 1997. № 4. S. 44–68.
- Pal'men È.G.* Kodifikacionnye zamysly v 1830 i 1840 godah // O kodifikacii finlândskih zakonov. Pg., 1914.
- Parsamov V.S.* Žozef de Mestr i Aleksandr Sturdza: Iz istorii religioznyh idej Aleksandrovskoj êpohi. Saratov, 2004.
- Pol'sha i Rossia v pervoj treti XIX veka. Iz istorii avtonomnogo Korolevstva Pol'skogo. 1815–1830. M., 2010.
- Pravilova E.A.* Finansy imperii. Den'gi i vlast' v politike Rossii na nacional'nyh okrainah. 1801–1917. M., 2006.
- Presnâkov A.E.* Èkonomika i politika v pol'skom voprose načala XIX v. // Bor'ba klassov. Istoričeskij žurnal. 1924. T. 1/2. S. 29–50.
- Presnâkov A.E.* Ideologiâ Svâšenного Soûza // Annaly. Žurnal vseobšej istorii. 1923. № 3. S. 72–82.
- Šebunin A.N.* Evropejskaâ kontrrevolûciâ pervoj četverti XIX veka. L., 1925.
- Sevast'ânov F.L.* «Postupok» Â.I. Rostovceva 12 dekabrà 1825 g. Popytka rekonstrukcii političeskikh vzglâdov istoričeskogo deâtelâ // Dekabristy. Aktual'nye problemy i novye podhody. M., 2008. S. 348–366.
- Šil'der N.K.* Imperator Nikolaj I. Ego žizn' i tsarstvovanie. M., 1996. Kn. 2.
- Šilov D.N.* Gosudarstvennye deâтели Rossijskoj imperii. 1802–1917: Biobibliografičeskij spravočnik. SPb., 2011. S. 601.
- Snellman A.* The nobility of Finland 1809–1919: From imperial loyalism to nationalist conflict // Peterburgskij istoričeskij žurnal. 2014. № 4. S. 112–129.
- Speranskij M.M.* Izbrannoe. M., 2010.
- Stat'â o Finlândii 1831 g. s popravkami imperatora Nikolaâ I // OR RNB. F. 859 (N.K. Šil'der). K. 42. № 15. L. 1–5.
- Suni L.V.* Očerk obšestvenno-političeskogo razvitiâ Finlândii v 50–70-e gg. XIX v.: Avtoreferat dis. ... d. i. n. Tallin, 1980.
- Suni L.V.* Očerk obšestvenno-političeskogo razvitiâ Finlândii. 50–70-e gody XIX v. L., 1979.
- Ûssila O.* Velikoe knâžestvo Finlândskoe. 1809–1917. Helsinki, 2009.
- Ûssila O., Hentilâ S., Nevakivi Û.* Političeskaâ istoriâ Finlândii. 1809–1995. M., 1999.
- Ûtikkala È.* Istorîa Finlândii s drevnosti do stabilizacii samostoâtel'nosti v 1939 g. // Pribaltijsko-finskie narody. Istorîa i sud'by rodstvennyh narodov. Ûvâskûlâ, 1995. S. 55–56.
- Vituhnovskaâ-Kaupala M.* «On snova s nami!»: Aleksandr II v istoričeskoj pamâti finnov v načale XX v. // Aleksandr II. Tragediâ reformatora: lûdi v sud'bah reform, reformy v sud'bah lûdej: Sbornik statej. SPb., 2012. S. 262–281.
- Vnešnââ politika Rossii XIX i načala XX veka: Dokumenty Rossijskogo Ministerstva inostrannyh del. Ser. 1: v 8 t. M., 1972. T. 8: Maj 1814 g. – noâbr' 1815 g.
- Vuorinen M.* Finnish nobility between nation and empire (The Swedish legacy and the Diet of Porvoo in 1809) // Peterburgskij istoričeskij žurnal. 2014. № 4. S. 99–111.
- Vyskočkov L.V.* «Ostav'te finnov v pokoe»: Imperator Nikolaj I i Velikoe knâžestvo Finlândskoe // Sankt-Peterburg i strany Severnoj Evropy: Materialy Četvertoj ežegodnoj Meždunarodnoj naučnoj konferencii (25–26 aprilâ 2002 g.). SPb., 2003.
- Vyskočkov L.V.* Imperator Nikolaj I i Velikoe knâžestvo Finlândskoe. // Pamâti akademika A.I. Šëgrena (1794–1855): Sbornik dokladov. SPb., 2007.

*Vyskočkov L. V.* Imperator Nikolaj I o Finlândii i finnah // Sankt-Peterburg i strany Severnoj Evropy: Materialy Vos'moj ežegodnoj meždunarodnoj naučnoj konferencii (13–14 aprelâ 2006 g.). SPb.: Bi., 2007. S. 412–428.

*Vyskočkov L. V.* «Ostav'te finnov v pokoe»: Imperator Nikolaj I i Velikoe knâžestvo Finlândskoe // Sankt-Peterburg i strany Severnoi Evropy: Materialy Četvertoj ežegodnoj meždunarodnoj konferentsii (25–26 aprelâ 2002 g.). SPb., 2003. S. 62–74.

*Vyskočkov L. V.* Imperator Nikolaj I i Velikoe knâžestvo Finlândskoe // Pamâti akademika A. I. Šegrena (1794–1855): Sbornik statej. SPb., 2007. S. 27–42.

Zapiski očevidcev 14 dekabrà 1825 goda. Iz arhiva M. A. Korfa: Zapiska grafa D. N. Bludova / Podg. T. V. Andreevoj i T. N. Žukovskoj // 14 dekabrà 1825 goda. Istočniki. Issledovaniâ. Istoriografiâ. Bibliografiâ. Vyp. 3. SPb., 2000.

*Zorin A. L.* Kormâ dvuglavogo orla...: Literatura i gosudarstvennaâ ideologiâ v Rossii v poslednej treti XVIII – pervoj treti XIX veka. M., 2001.

*Žukovskaâ T. N.* Pravitel'stvo i obšestvo pri Aleksandre I. Petrozavodsk, 2002.

### Список литературы

*Barruel A.* Mémoires pour servir à l'Histoire du Jacobinisme. Londres, 1797–1798. T. 1–4.

*Mechelin L.* Das Staatsrecht des Grossfürstentums Finland. Freiburg, 1889.

*Snellman A.* The nobility of Finland 1809–1919: From imperial loyalism to nationalist conflict // Петербургский исторический журнал. 2014. № 4. С. 112–129.

*Vuorinen M.* Finnish nobility between nation and empire (The Swedish legacy and the Diet of Porvoo in 1809) // Петербургский исторический журнал. 2014. № 4. С. 99–111.

*Абакумов О. Ю.* «...Чтоб нравственная зараза не проникла в наши пределы». Из истории борьбы III Отделения с европейским влиянием в России (1830-е – начало 1860-х гг.). Саратов, 2008.

*Андреева Т. В.* Александр I и «Тайное общество» декабристов. 1818–1825 гг.: политическая толерантность или прагматические задачи? // Власть, общество, армия: От Павла I к Александру I. СПб., 2013. С. 203–220.

*Андреева Т. В.* Александр I и М. М. Сперанский: Еще раз о «Плане Всеобщего государственного образования» 1809 года // Английская набережная, 4. Ежегодник С.-Петербургского научного общества историков и архивистов. СПб., 2001. С. 41–74.

*Андреева Т. В.* Александр I и мифологема «всеевропейского заговора революционеров» // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2008. Сер. 2: История. Вып. 4. С. 25–34.

*Андреева Т. В.* Николай и мифологема «всеевропейского заговора революционеров» // Исторические записки. 2009. Т. 12 (130). С. 105–139.

*Андреева Т. В.* Тайные общества в России в первой трети XIX в.: правительственная политика и общественное мнение. СПб., 2009.

*Бородкин М. М.* Война 1854–1855 гг. на Финском побережье. Пг., 1904.

*Бородкин М. М.* История Финляндии. Время императора Николая I. М., 1915.

*Бунге Н. Х.* Загробные заметки // Судьбы России. Доклады и записки государственных деятелей императорам о проблемах экономического развития страны (вторая половина XIX в.) / Подг. Л. Е. Шепелева. СПб., 1999. С. 225–226.

*Бутенко В. А.* Священный союз и международная политика эпохи реставрации // Книга для чтения по истории Нового времени: В 4 т. М., 1914. Т. 4. Ч. 1: История Западной Европы.

*Витухновская-Кауттала М.* «Он снова с нами!»: Александр II в исторической памяти финнов в начале XX в. // Александр II. Трагедия реформатора: люди в судьбах реформ, реформы в судьбах людей: Сборник статей. СПб., 2012. С. 262–281.

Внешняя политика России XIX и начала XX века: Документы Российского Министерства иностранных дел. Сер. 1: В 8 т. М., 1972. Т. 8: Май 1814 г. – ноябрь 1815 г.

*Выскочков Л. В.* Император Николай I и Великое княжество Финляндское. // Памяти академика А. И. Шегрена (1794–1855): Сборник докладов. СПб., 2007.

*Выскочков Л. В.* «Оставьте финнов в покое»: Император Николай I и Великое княжество Финляндское // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы Четвертой ежегодной Международной научной конференции (25–26 апреля 2002 г.). СПб., 2003.

*Выскочков Л. В.* Император Николай I о Финляндии и финнах // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы Восьмой ежегодной международной научной конференции (13–14 апреля 2006 г.). СПб.: Б.и., 2007. С. 412–428.

- Гордин Я. А. Мистики и охранители: Дело о мasonicком заговоре. СПб., 1999.
- Гордин Я. А. Мятеж реформаторов. СПб., 2006. Кн. 2: Трагедия мятежа: 14 декабря 1825 года.
- Друцкий-Соколинский Д. В. Биографическая заметка о жизни графа Арсения Андреевича Закревского // Сборник РИО. Т. 73. СПб., 1890.
- Дякин В. С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX в.) // Вопросы истории. 1995. № 9. С. 130–142.
- Дякин В. С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма XIX — начала XX в. (К постановке проблемы) // Дякин В. С. Был ли шанс у Столыпина? Сборник статей. СПб., 2002. С. 53–94.
- Жуковская Т. Н. Правительство и общество при Александре I. Петрозаводск, 2002.
- Записки очевидцев 14 декабря 1825 года. Из архива М. А. Корфа: Записка графа Д. Н. Блудова / Подг. Т. В. Андреевой и Т. Н. Жуковской // 14 декабря 1825 года. Источники. Исследования. Историография. Библиография. Вып. 3. СПб., 2000.
- Зорин А. Л. Кормя двуглавого орла...: Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII — первой трети XIX века. М., 2001.
- Ильин П. В. Встреча члена тайного общества Я. И. Ростовцева с претендентом на престол великим князем Николаем Павловичем. Достоверное и предполагаемое // Декабристы. Актуальные проблемы и новые подходы. М., 2008. С. 367–449.
- Ильин П. В. Между заговором и престолом. Я. И. Ростовцев в событиях междуцарствия 1825 года. СПб., 2008.
- Кауттала П. Александр II и подъем финляндской автономии: отзвуки Крымской войны // Александр II. Трагедия реформатора: люди в судьбах реформ, реформы в судьбах людей. С. 195–213.
- Клинге М. Имперская Финляндия. СПб., 2005.
- Корнилов А. А. Русская политика в Польше со времени разделов до начала XX века. Пг., 1915.
- Любезников О. А. О переводе на русский язык конституции Царства Польского в 1816 г. // Петербургский исторический журнал. 2014. № 4. С. 291–303.
- Надлер В. К. Император Александр I и идея Священного союза. Рига, 1886. Т. 1–5.
- Николай I: Личность и эпоха. Новые материалы / Отв. сост. Т. В. Андреева. СПб., 2007.
- Николай Михайлович, вел. кн. Император Александр I на Венском конгрессе. 1814–1815: По донесениям агентов Венской тайной полиции // Русская старина. 1914. Т. 157. Кн. 1. С. 135–145.
- Новикова И. Н. Великое княжество Финляндское в имперской политике России // Имперский строй России в региональном измерении (XIX — начало XX века): Сборник научных статей / Отв. ред. П. И. Савелов. М., 1997. С. 130–131.
- Новикова И. Н. Особое государство или провинция империи: проблема государственно-правового статуса Финляндии в российско-финляндских отношениях XIX века // Пространство власти: Исторический опыт России и вызовы современности. М., 2001. С. 372–390.
- Орлик О. В. «Европейская идея» Александра I // Новая и новейшая история. 1997. № 4. С. 44–68.
- Парсамов В. С. Жозеф де Местр и Александр Стурдза: Из истории религиозных идей Александровской эпохи. Саратов, 2004.
- Польша и Россия в первой трети XIX века. Из истории автономного Королевства Польского. 1815–1830. М., 2010.
- Правилова Е. А. Финансы империи. Деньги и власть в политике России на национальных окраинах. 1801–1917. М., 2006.
- Пресняков А. Е. Идеология Священного Союза // Анналы. Журнал всеобщей истории. 1923. № 3. С. 72–82.
- Пресняков А. Е. Экономика и политика в польском вопросе начала XIX в. // Борьба классов. Исторический журнал. 1924. Т. 1/2. С. 29–50.
- Севастьянов Ф. Л. «Поступок» Я. И. Ростовцева 12 декабря 1825 г. Попытка реконструкции политических взглядов исторического деятеля // Декабристы. Актуальные проблемы и новые подходы. М., 2008. С. 348–366.
- Сперанский М. М. Избранное. М., 2010.
- Суни Л. В. Очерк общественно-политического развития Финляндии в 50–70-е гг. XIX в.: Автореферат дис. ... д. и. н. Таллин, 1980.
- Суни Л. В. Очерк общественно-политического развития Финляндии. 50–70-е годы XIX в. Л., 1979.
- Хартанович М. Ф. К истории коронации в Варшаве. 1829 г. (Дело Смагловского) // Новый часовой. 1999. № 8–9. С. 374–378.

*Шебунин А. Н.* Европейская контрреволюция первой четверти XIX века. Л., 1925.

*Шилов Д. Н.* Государственные деятели Российской империи. 1802–1917: Библиографический справочник. СПб., 2011. С. 601.

*Юссила О., Хентила С., Невакиви Ю.* Политическая история Финляндии. 1809–1995. М., 1999. С. 49.

*Пальмен Э. Г.* Кодификационные замыслы в 1830 и 1840 годах // О кодификации финляндских законов. Пг., 1914.

*Ютиккала Э.* История Финляндии с древности до стабилизации самостоятельности в 1939 г. // Прибалтийско-финские народы. История и судьбы родственных народов. Ювяскюля, 1995. С. 55–56.

## И. Е. Барыкина

### Из записок графа Д. Н. Толстого: особенности государственного управления 1820-х — 1860-х гг.

Словосочетание «петербургский чиновник» прочно вошло в российский лексикон в XIX в., со второй четверти столетия этот слой столичного общества существенно увеличился, его ряды пополнились за счет представителей дворянства, с течением времени всё больше отдававших предпочтение гражданской службе перед военной. Подобный выбор сделали знаменитые представители графского рода Толстых — Дмитрий Николаевич и Дмитрий Андреевич, дядя и племянник. Оба происходили из знатного, но обедневшего рода, вошли в ряды бюрократической элиты и оставили свой след в истории внутренней политики XIX столетия. Они принадлежали к разным поколениям петербургского чиновничества, и их служебные карьеры отражают изменения, происходившие в системе государственного управления во второй и третьей четверти XIX столетия.

Д. А. Толстой, в течение двадцати лет находившийся на политическом олимпе Российской империи (1865–1880 гг. — обер-прокурор Св. Синода, 1866–1880 гг. — министр народного просвещения, 1882–1889 гг. — министр внутренних дел и президент Императорской Академии наук) не оставил мемуаров. Делопроизводственные документы и официальная переписка хранятся в Российском государственном историческом архиве (РГИА, фонд 1664 — Д. А. Толстого). Разрозненные источники личного происхождения находятся в Центральном историческом государственном архиве Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб, фонд 1 — Александровского лицея), Петербургском филиале архива РАН

(ПФА РАН, фонд 35 — В. И. Ламанского), Рукописном отделе Института русской литературы и искусства (РО ИРЛИ: фонд 157 — Музей Александровского лицея; архив А. В. Никитенко; собрания П. Я. Дашкова (фонд 548) и В. И. Яковлева (фонд 357)); Государственном архиве Рязанской области (ГАРО, фонд 1448 — личный фонд графов Толстых)<sup>1</sup>.

Д. Н. Толстой, в отличие от своего племянника, оставил автобиографические заметки, неоднократно публиковавшиеся на страницах «Русского архива». Он вспоминал: «Не раз пытался я в течение моей жизни писать мои Записки <...> Между тем скольким событиям был я очевидным свидетелем! У меня сохранились детские воспоминания о войне 1812 года; я участвовал в войне 1831 года; наконец я был участником в славных реформах настоящего царствования...»<sup>2</sup> Еще в середине своей служебной карьеры Д. Н. Толстой опубликовал воспоминания о детских годах<sup>3</sup>, а выйдя в отставку, принялся за мемуары, но не систематизировал их в хронологической последовательности, а написал несколько очерков, рукописи которых хранились в его домашнем архиве, впоследствии утраченном (в 1845–1846 гг. он вел дневник о службе в Прибалтике; к 1864 г. относится фрагмент «Из записок» о службе в Министерстве внутренних дел под началом П. А. Валуева, в 1872 г. — начало «Записок» о детских годах; в январе 1881 г., «оглянувшись» назад, Дмитрий Николаевич вернулся к воспоминаниям об отмене крепостного права). Время от времени отставной чиновник помещал свои заметки в «Русском архиве»<sup>4</sup>, а после его кончины издатель журнала П. И. Бартенев продолжил публикацию записок<sup>5</sup>. Таким образом, этот ценный, но несистематизированный источниковый материал оказался в распоряжении историков.

Записки Д. Н. Толстого повествуют не только о жизни в отцовском имении и помещичьем быте («Автобиография» и «Из записок»), но и о начале чиновничьей карьеры в Комиссии прошений, совпавшем с воцарением Николая I («Из записок»), службе в канцелярии генерал-губернатора Остзейского края Е. А. Головнина в 1845–1846 гг. («Прибалтийский край»), подготовке и ходе крестьянской реформы («Дай оглянуться»), руководстве Департаментом полиции исполнительной в 1861–1863 гг. («Из записок»).

<sup>1</sup> Подробнее см.: *Барыкина И. Е.* 1) Неизвестные бумаги Д. А. Толстого // Пушкинский музей. СПб., 2014. Вып. 6. С. 219–230; 2) Граф Д. А. Толстой как хозяин и помещик: по материалам Рязанского архива // Власть, общество и реформы в России: история, источники, историография. Материалы Всероссийской научной конференции 6–7 декабря 2006 года. СПб., 2007. С. 483–494.

<sup>2</sup> *Толстой-Знаменский Д. Н.* Дай оглянуться // Русский архив. 1881. Кн. 2. № 3–4. С. 163.

<sup>3</sup> *Толстой Д. Н.* Автобиография обыкновенного человека // Иллюстрация. 1848. № 33. (Т. VII. № 163). С. 130–134.

<sup>4</sup> *Толстой-Знаменский Д. Н.* 1) Дай оглянуться // Русский архив. 1881. Кн. 2. № 3–4. С. 163–176; 2) Прибалтийский край. Из дневника русского чиновника (1845–1846) // Русский архив. 1881. Кн. 3. С. 84–112.

<sup>5</sup> Из записок графа Д. Н. Толстого // Русский архив. 1885. Кн. 2. № 5. С. 5–70; *Толстой Д. Н.* Автобиография обыкновенного человека // Русский архив. 1912. Т. I. С. 332–352.



Внимание исследователей привлекли в первую очередь воспоминания Д. Н. Толстого о службе в Министерстве внутренних дел. Именно «Записки» Д. Н. Толстого вошли в широкий научный оборот как источник для изучения внутренней политики второй половины XIX в. Составители справочника по истории России включили их в перечень документов той эпохи, дав краткую характеристику<sup>6</sup>.

Мемуары Д. Н. Толстого оказались в поле зрения В. Г. Чернухи, занимавшейся подготовкой исследования о внутренней политике 1850–1880-х гг. Историк обратила внимание на фрагмент, иллюстрирующий оппозиционные настроения дворянства в первый период проведения крестьянской реформы, когда правительство было озабочено масштабной адресной кампанией дворянских собраний. Министр внутренних дел П. А. Валуев опасался, что высшее сословие открыто выразит недовольство отменой крепостного права во время празднования 1000-летия России осенью 1862 г., и в целях предотвращения возможных инцидентов командировал в Новгород Д. Н. Толстого, директора Департамента полиции исполнительной<sup>7</sup>. Этот сюжет «Из записок» Дмитрия Николаевича В. Г. Чернуха позднее поместила в сборнике документов, посвященном Александру II, сопроводив их ярким комментарием<sup>8</sup>.

Источниковедческий анализ «Записок» В. Г. Чернуха дала в статье «Мемуары столичного чиновничества второй половины XIX в.»<sup>9</sup>. В «пестрой картине» воспоминаний представителей профессиональной бюрократии историк выделила несколько групп источников: автобиографии, очерки «об отдельных случаях или периодах служебной деятельности», «портретные зарисовки правительственных деятелей или чиновников высокого ранга», «воспоминания-некрологи»<sup>10</sup>. Ученый отметила важность изучения мемуарной литературы при реконструкции внутривластного процесса: «Если официальный документ позволяет установить, что было, то документы мемуаристики дают возможность объяснить, как было», «порой содержат весьма ценные сведения»<sup>11</sup>.

В. Г. Чернуха отметила небрежность издания воспоминаний в XIX в. В качестве примера она привела публикацию записок Д. Н. Толстого в «Русском архиве» в 1885 г. Текст, состоявший из двух частей, был предварен коротким предисловием П. И. Бартенева, излагавшим общие сведения об авторе мемуаров. Читатель мог узнать, что мемуарист, скончавшийся за год до публикации, «принадлежал к числу достопамятных людей русской земли», был религиозен

<sup>6</sup> История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях. М., 1977. Т. 2. Ч. I. С. 42–43.

<sup>7</sup> Чернуха В. Г. Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-х гг. XIX в. Л., 1978. С. 27.

<sup>8</sup> Александр Второй: Воспоминания. Дневники. СПб., 1995. С. 232–233.

<sup>9</sup> Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1983. Т. 14. С. 195–216.

<sup>10</sup> Там же. С. 209–213.

<sup>11</sup> Там же. С. 215–216.

и «многосторонне образован», оставил богословские, политические и исторические сочинения. Он неоднократно принимался за автобиографию, но так и не окончил работу. Рукопись, состоящую из двух фрагментов, передала журналу вдова<sup>12</sup>. П. И. Бартенев дал характеристику личностных качеств и служебной карьеры чиновника, при этом не пояснив, что представляет собой опубликованный документ: всю незаконченную рукопись или ее фрагменты<sup>13</sup>.

Среди «побудительных мотивов», которыми руководствовались мемуаристы, В. Г. Чернуха выделила несколько факторов. С одной стороны, это психологические мотивы: стремление осмыслить свое время, передать потомкам жизненный опыт. С другой — политические цели: осмыслить свое участие в политических событиях, сохранить и передать факты, известные только непосредственному участнику. И наконец, еще один фактор, который В. Г. Чернуха назвала «инерцией профессионального бытия»<sup>14</sup>. По мнению историка, именно эта причина побудила Д. Н. Толстого оставить записки о своей службе в Департаменте полиции исполнительной. Дмитрий Николаевич был отправлен в отставку на взлете карьеры, полагал, что мог принести еще много пользы на этом поприще, однако его намерения оказались «неоцененными». Первая часть, посвященная детству и юности автора, датирована 28 марта 1872 г., вторая (о службе под началом П. А. Валуева в Министерстве внутренних дел) — 12 марта 1864 г. Вторую часть записок сопровождает комментарий издателя: «Этот второй отрывок писан графом Толстым в селе Знаменском, когда он находился в полной отставке»<sup>15</sup>. Дмитрий Николаевич оставил службу в 1863 г., так что писал записки по горячим следам.

Историк определила два подхода исследователя к отбору мемуаров: «узкий», сконцентрированный на «малом» круге воспоминаний, отражающих службу их авторов в центральной администрации. Этот принцип был выбран самой В. Г. Чернухой и обусловлен ее интересом к проблемам «истории высших и центральных государственных учреждений, внутренней политики»<sup>16</sup>. При ином подходе — «широком» — в центре внимания исследователя оказываются мемуары чиновников, относящиеся не только к периоду столичной службы, но и отражавшие другие этапы их жизни. Можно добавить, что мемуары Д. Н. Толстого, повествующие также об отцовском имении, московском периоде и жизни в отставке в своем поместье, представляют интерес и с этой точки зрения. Очевидно, описывая сюжеты детства и юности, петербургский чиновник вновь переживал то время, когда находился в кругу семьи и был счастлив. Он хотел сохранить эти воспоминания для сына, о котором нежно заботился,

<sup>12</sup> Из записок графа Д. Н. Толстого // Русский архив. 1885. Кн. 2. № 5. С. 33.

<sup>13</sup> Вспомогательные исторические дисциплины. Т. 14. С. 201–202.

<sup>14</sup> Там же. С. 206–209.

<sup>15</sup> Из записок графа Д. Н. Толстого // Русский архив. 1885. Кн. 2. № 5. С. 33.

<sup>16</sup> Вспомогательные исторические дисциплины. Т. 14. С. 196.

и передать ему свой жизненный опыт. Так политические мотивы создания мемуаров тесно переплелись с психологическими.

Избранный В. Г. Чернухой подход к отбору чиновничьих мемуаров оставил за рамками ее исследований другие записки Д. Н. Толстого, в том числе «Автобиографию обыкновенного человека». Можно с уверенностью утверждать, что «Автобиография» является одним из недостающих фрагментов воспоминаний Д. Н. Толстого, помещенных в «Русском архиве» в 1885 г. Об этом свидетельствует разрыв в тексте публикации 1885 г.: повествование обрывается на рассказе о домашнем обучении Дмитрия Николаевича и продолжается словами «приезд к нам московских гостей и сближение с ними произвели огромный переворот в нашей жизни: они уговорили отца переехать в Москву»<sup>17</sup>. Возникает вопрос, кого мемуарист называет «московскими гостями», и каким образом они изменили жизнь обитателей скромного поместья? Всё становится на свои места после изучения «Автобиографии» Д. Н. Толстого:

«...приехали к нам из Москвы двое из наших двоюродных братьев. <...> Один только что вышедший в отставку из военной службы, а другой недавно женившийся и бывший тогда камер-юнкером. Оба они были красивой наружности и носили щегольское платье, какого мы до того времени не видывали. На одном был светло-голубого цвета фрак, с перламутровыми, украшенными бронзою, пуговицами, планшеты панталоны в сапоги à l'écuyer, а другой, при зеленом с искорками фраке, носил белые панталоны и цветной галстук. Я полюбил их от всей души, и они были чрезвычайно ласковы; но меня крайне конфузили их французские фразы. Приезд их к нам произвел важную перемену в нашей жизни. Они уговорили оставить деревню и поселиться в Москве»<sup>18</sup>.

Отставной военный — Андрей Степанович Толстой (отец Д. А. Толстого); вместе с ним визиты родственникам наносил его младший брат Петр Степанович, женившийся в 1819 г. и получивший перед свадьбой звание камер-юнкера<sup>19</sup>. Этот визит, затеянный ради знакомства, нарушил привычный уклад жизни провинциального семейства и повлиял на судьбу Дмитрия Николаевича Толстого, став важной вехой в его биографии.

Остается неясной причина, по которой фрагмент не вошел в публикацию 1885 г. Возможно, П. И. Баргнев счел необходимым показать путь, пройденный Д. Н. Толстым от дворянского недоросля до директора департамента, и выбрал для этого самые яркие, по его мнению, сюжеты биографии чиновника. Тем не менее детские воспоминания были очень дороги Дмитрию Николаевичу, приступая к запискам, он долго не мог освободиться от картин жизни в отцовском имении и сетовал на то, что «воспоминаниями, уже положенными на бумагу, никогда не выходил из родительского дома и не переступал за пределы

<sup>17</sup> Русский архив. 1885. Кн. 2. С. 12.

<sup>18</sup> Русский архив. 1912. Кн. 1. С. 332–352.

<sup>19</sup> Подробнее см.: Барыкина И. Е. Родственное окружение гр. Д. А. Толстого. Материалы для биографии // КЛИО. 2006. № 3 (34). С. 228–236.

16-летнего возраста»<sup>20</sup>. Эти воспоминания представляют особую ценность, так как позволяют восполнить недостающие сведения о детстве и родственном окружении будущего «столпа реакции» — Д. А. Толстого, племянника Дмитрия Николаевича.

Между тем Д. Н. Толстому было что рассказать и о своей государственной деятельности. Он принадлежал к поколению непрофессиональных бюрократов николаевского царствования, получивших домашнее образование и постигавших премудрости государственной службы эмпирическим путем. В середине XIX столетия на смену им стали приходиться чиновники-профессионалы, пошедшие обучение в Училище правоведения и Царскосельском лицее (среди последних — Д. А. Толстой).

Д. Н. Толстой родился в деревне Знаменка Рязанской губернии 12 марта 1806 г. На службу попал по протекции С. А. Маслова, получив должность библиотекаря недавно основанного (в 1820 г.) Императорского московского общества сельского хозяйства. Это давало юноше возможность участвовать в заседаниях общества, завязывая полезные знакомства и получая в девятнадцать лет первые навыки бюрократической работы. Он приступил к работе, не имея никакого понятия о правилах делопроизводства, компетенции государственных учреждений, многочисленных законах, регулировавших жизнь государства, и приобретал необходимые знания уже в процессе службы. Последовав уговорам наставника, Толстой отказался от военной карьеры и поступил на гражданскую службу, т. е. вышел за рамки сословных предписаний и норм.

Продвижение вверх по служебной лестнице, заключавшееся в получении следующего по Табели о рангах гражданского чина, зависело от выслуги лет, образования и протекции. Д. Н. Толстой, не имея высшего образования (как и многие чиновники первой половины XIX в.), должен был начать службу в канцелярии какого-либо государственного учреждения. Такая возможность появилась у него летом 1826 г. во время коронации Николая I, когда в Москве был учрежден временный комитет по принятию прошений под председательством кн. А. А. Голицына.

Служба оказалась несложной, молодые чиновники в основном проводили время за разговорами и чтением новых стихов А. С. Пушкина. Комитет работал до осени, а затем был распущен, при этом все работавшие в нем получили награды и чины. Производство Д. Н. Толстого в чин XIX класса было дополнено повелением определить его на службу. По ходатайству С. А. Маслова юношу принял в свое ведомство статс-секретарь Комиссии по принятию прошений Н. М. Лонгинов, ставший новым покровителем молодого человека. Стационарное государственное учреждение — Комиссия по принятию прошений — находилось в Петербурге, и Д. Н. Толстому пришлось переехать в северную столицу. Он поселился в том же доме на Моховой улице, что и Н. М. Лонгинов (это было

<sup>20</sup> Толстой-Знаменский Д. Н. Дай оглянусь // Русский архив. 1881. Кн. 2. № 3–4. С. 163.

очень удобно, так как на первом этаже располагалась канцелярия Комиссии), сделавшись «как бы членом его семейства»<sup>21</sup>.

Петербургский период ознаменовал продвижение Д. Н. Толстого по карьерной лестнице. В своих записках Д. Н. Толстой указал, что был делопроизводителем 1-й экспедиции, и у него в производстве были дела 1-го и 4-го департаментов Сената. Занимаясь ими, он прошел настоящую школу управления, по собственному признанию, «рано и одновременно» познакомившись «с администрацией и судом»<sup>22</sup>. Эти два направления — административное и судебное — стали ведущими в дальнейшей деятельности Дмитрия Николаевича. В 1831 г. он получил повышение и был назначен правителем Канцелярии по временному управлению Царством Польским. В сложное для центральной власти время борьбы с польским восстанием 1830–1831 гг. Д. Н. Толстой вел дела по военно-гражданскому управлению этого края. Об этом периоде своей жизни чиновник упоминал очень кратко: «участвовал в войне 1831 года»<sup>23</sup>, «был правителем канцелярии при графе Строганове»<sup>24</sup>. Дмитрий Николаевич не распространялся в записках также и о службе в только что начавшем свою деятельность Министерстве государственных имуществ, куда поступил в 1838 г., но этот пробел позволяют восполнить архивные документы.

По поручению министра Д. Н. Толстой совершил поездку по Западной Европе, посетив Австрию, Германию и Францию. Чиновнику были даны указания оценить действенность западноевропейской административной системы, в первую очередь крестьянского самоуправления. Перед поездкой его напутствовал сам П. Д. Киселев, готовивший реформу государственной деревни. Он обратил внимание на Австрию, где еще в середине XVIII в. была проведена реформа сельского управления. Однако Д. Н. Толстой не разделял реформаторских взглядов своего начальника. В письме к академику Петру Ивановичу Кеппену 30 июля 1838 г. он отчетливо изложил собственный взгляд на проблему. По его мнению, наделение крестьян землей разрушает общинный уклад, способствует развитию крестьянского индивидуализма и тем самым пагубно сказывается на патриотических чувствах населения. В этом Толстого убедило наблюдение за австрийскими крестьянами, любящими свой дом, свое хозяйство, но в то же время «равнодушными ко всему, что составляет отечество»<sup>25</sup>.

Расхождения во взглядах с министром государственных имуществ привели к тому, что Дмитрий Николаевич покинул ведомство. Тем не менее карьерный рост способного администратора не остановился. В 1843 г. он был назначен директором незадолго до того начавшей официально действовать Нижегородской ярмарки.

<sup>21</sup> Из записок графа Д. Н. Толстого // Русский архив. 1885. Кн. 2. С. 29.

<sup>22</sup> Там же. С. 33.

<sup>23</sup> Толстой-Знаменский Д. Н. Дай оглянуться // Русский архив. 1881. Кн. 2. № 3–4. С. 163.

<sup>24</sup> Из записок графа Д. Н. Толстого // Русский архив. 1885. Кн. 2. С. 33.

<sup>25</sup> ПФА РАН. Ф. 30. Оп. 3. Д. 293. Л. 3 об.

Через два года Д. Н. Толстой перешел в Министерство внутренних дел и в ноябре 1845 г. был командирован министром Л. А. Перовским в Ригу в канцелярию генерал-губернатора Е. А. Головина в качестве чиновника по особым поручениям. В его обязанности входила деловая переписка с Петербургом. По отзывам сослуживцев, он был «одним из самых почтенных и энергических русских деятелей в Прибалтике»<sup>26</sup>.

С ноября 1845 по июль 1846 г. Толстой вел дневник, который в 1881 г. был опубликован в «Русском архиве». В предисловии П. И. Бартенева отмечалось, что продолжение дневника «затеряно»<sup>27</sup>. Возможно, сам Дмитрий Николаевич не придавал большого значения двум следующим годам службы в Прибалтике, вложив всю свою энергию в первый приступ к делам.

Одним из важных направлений усиления своей позиции в Прибалтийском крае российское правительство считало русификацию местного латышского населения, поощряя в этих целях его переход в православие. В дневниковых записях Д. Н. Толстой, занимавшийся этим вопросом и поддерживавший позицию российских властей, не только описал ход событий, но и предварил их размышлениями о положении дел, изложив свои мысли о причинах столь активного перехода местного населения в православие (ненависть к немецкому дворянству, надежды на улучшение своего «жалко-бедственного положения»). Он придерживался распространенной в сфере чиновников точки зрения о необходимости подчинения католических священников гражданским российским властям и оказания экономической поддержки перешедшим в православие крестьянам-латышам в противовес помещикам-католикам<sup>28</sup>.

Занимаясь делами Секретной канцелярии, Д. Н. Толстой обратил внимание на донесения камер-юнкера Валуева. С этого времени начинается их сближение. П. А. Валуев также с 1845 г. состоял чиновником особых поручений при рижском генерал-губернаторе. Валуев был моложе Толстого на 11 лет, их мнения не всегда совпадали, но оба показали себя государственниками, во главу угла ставившими правительственные интересы. Неудивительно, что они увидели друг в друге единомышленников. Д. Н. Толстой в дневнике характеризовал сослуживца как «умного, образованного и благородного человека»<sup>29</sup>.

Очевидно, к этому периоду относится стихотворение, сочиненное П. А. Валуевым и опубликованное в «Русском архиве» в 1897 г.:

Днесь, сбросив ярмо канцелярских забот,  
Забыв, что чернила и перья есть в мире,

<sup>26</sup> Рязанская ученая архивная комиссия. 1884–1887 // Русская старина. 1887. Т. 54. № 4. С. 206.

<sup>27</sup> Толстой-Знаменский Д. Н. Прибалтийский край в 1845–1846 гг. // Русский архив. 1881. Кн. 3. № 1. С. 111.

<sup>28</sup> Там же. С. 85–112.

<sup>29</sup> Там же. С. 100.

Я вечером дома, без дел, без хлопот,  
С собою и с немцами в мире.  
Трескучее пламя в камине играет,  
Китайский настой на столе закипает;  
И был бы вполне я доволен судьбой,  
Когда б посетил меня комит Толстой.

Из комментариев библиофила И. С. Листовского следует, что стихи были найдены при разборе бумаг П. А. Валуева, среди его обширной переписки с Д. Н. Толстым. «Выражение “комит”, т. е. товарищ, повторяется и в переписке»<sup>30</sup>.

Постепенно служебное рвение Д. Н. Толстого стало утихать, нежелание сослуживцев и начальства разбираться в сложных проблемах управления Прибалтикой раздражало, и он всё чаще упоминал о желании выйти в отставку. Но вместо этого получил повышение, осенью 1848 г. став управляющим делами Остзейского комитета, занимавшегося вопросами землевладения в Прибалтике. В 1849 г. Комитет разработал Временные правила, согласно которым права прибалтийских помещиков были ограничены пользованием землей. По окончании работ над Временными правилами, в начале 1850-х гг. Толстой был назначен вице-директором Департамента полиции исполнительной. К этому времени он получил известность как специалист в области конфессиональной политики, поэтому надеялся получить должность директора Департамента духовных дел иностранных исповеданий в 1855 г., после выхода в отставку В. В. Скрипицына. Они были близко знакомы, переписывались, по многим конфессиональным вопросам их взгляды совпадали. После кончины Скрипицына Толстой опубликовал его некролог<sup>31</sup>. Однако репутация чересчур ревностного защитника православия помешала Толстому стать директором Департамента духовных дел иностранных исповеданий.

В таких случаях существовала практика временного удаления из Петербурга чиновника, претендующего на руководящую должность, — пока в столице не появится подходящая вакансия. В 1856 г. Дмитрия Николаевича отправили исполнять обязанности рязанского губернатора на время полугодового отсутствия П. П. Новосильцева, возглавлявшего эту губернию. Свою роль сыграло и то, что Д. Н. Толстой был рязанским помещиком и ежегодно навещал свое имение. Не имея большого достатка, он не мог позволить себе отпуск для устройства семейных дел, поэтому использовал каждый удобный случай, чтобы получить служебную командировку в Рязань. Толстому приходилось ревизовать рязанское губернское правление и полицию, так что он был в курсе дела<sup>32</sup>. Тем не менее положение его было двойственным, он признавался, что чувствует

<sup>30</sup> Листовский И. С. Послание графа П. А. Валуева к графу Д. Н. Толстому // Русский архив. 1897. Кн. 2. № 5. С. 285–286.

<sup>31</sup> Толстой Д. Н. В память В. В. Скрипицына // Русский архив. 1876. Т. II. С. 384–392.

<sup>32</sup> Записки М. Д. Бутурлина. М., 2006. Т. II. С. 289.

себя «халифом на час». Поэтому решительных перемен Дмитрий Николаевич предпринимать не стал, однако «кое-что почистил и кое-что подтянул»<sup>33</sup>.

По истечении шести месяцев освободилось место калужского губернатора, и Д. Н. Толстой получил эту должность, передав Рязанскую губернию возвратившемуся из отпуска П. П. Новосильцеву. Дмитрий Николаевич не забыл своих рязанских сослуживцев и впоследствии при удобном случае составлял им протекцию в других ведомствах. По замечанию М. Д. Бутурлина, одного из протеже Толстого, «граф умел отыскивать дельных чиновников»<sup>34</sup>.

Калужской губернией Д. Н. Толстой управлял с 6 июля 1856 до 27 июля 1858 г.<sup>35</sup> В записках М. Д. Бутурлина, чиновника особых поручений при калужском губернаторе, можно найти множество деталей, воссоздающих управленческий стиль Дмитрия Николаевича. Губернатор был холост и небогат, поэтому балов не устраивал, проводил время за бумагами или беседами, иногда устраивая «карточные мужские съезды»<sup>36</sup>. Он был в меру либерален и поддерживал дружеские отношения с декабристами, проживавшими в Калуге — князем Е. П. Оболенским, Г. С. Батенковым<sup>37</sup>. В то же время Толстой не ударил в грязь лицом, когда весной 1858 г. принимал императорскую чету, следовавшую по Брест-Литовскому шоссе<sup>38</sup>.

М. Д. Бутурлин отзывается о калужском губернаторе как о требовательном, но снисходительном начальнике, остроумном, находчивом, предпочитавшем «насмешкой исправлять нравственность»<sup>39</sup>. Он честно исполнял свои обязанности, однако не был одержим служебным рвением. Шутки ради Толстой рассчитал, сколько времени губернатор должен посвящать своим занятиям, и получилось, что «из 24 часов оставалось бы ему не более как три часа для сна, еды и приема посетителей, а для моциона не осталось бы ни минуты»<sup>40</sup>. Подобное отношение к службе было типично для чиновника николаевского царствования, между тем Д. Н. Толстому выпало руководить губернией в то время, когда стремительно набирала ход подготовка крестьянской реформы, и правительству требовались ее энергичные проводники.

Летом 1858 г. Толстой получил предписание организовать губернский комитет об улучшении быта крестьян. Толстой выполнил это распоряжение, но отнесся к нему без энтузиазма, поскольку полагал отмену крепостного права несвоевременной. Очевидно, этим обстоятельством можно объяснить не-

<sup>33</sup> Там же. С. 292.

<sup>34</sup> Там же. С. 188.

<sup>35</sup> Калужские губернаторы. Из воспоминаний Н. В. Сахарова // Русский архив. 1916. Кн. 1. С. 228.

<sup>36</sup> Записки М. Д. Бутурлина. Т. II. С. 317.

<sup>37</sup> Там же. С. 321.

<sup>38</sup> Там же. С. 331.

<sup>39</sup> Там же. С. 320.

<sup>40</sup> Там же. С. 321.



лестную характеристику, которую дал Дмитрию Николаевичу канцелярский чиновник Н. В. Сахаров в очерке «Калужские губернаторы»<sup>41</sup>. Ни один начальник губернии дореформенного времени не избежал критики со стороны подчиненного. Но если предшественники Д. Н. Толстого уличены в злоупотреблениях служебным положением, то Дмитрий Николаевич предстает в очерке как «человек хотя приличный, корректный, но, как администратор, личность бесцветная, бледная, не оставившая по себе никаких ярких воспоминаний»<sup>42</sup>. Эпоха же требовала деятелей иного склада. Таким энергичным губернатором Н. В. Сахаров считал преемника Д. Н. Толстого — В. А. Арцимовича, который занялся активным проведением в Калужской губернии крестьянской реформы. Публицист был недалек от истины, когда писал, что сознание «бессилия перед надвигавшейся исторической бурей падения крепостного права» привело Д. Н. Толстого к решению об отставке.

Толстой неоднократно возвращался к оценке крестьянской реформы в своих записках, отчетливо обрисовывая собственную позицию — консервативную — типичную для представителя родовитого (хоть и небогатого) помещичьего дворянства. По его мнению, подготовку реформы взяла на себя «чиновничья петербургская партия», состоявшая «исключительно из чиновников, литераторов и журналистов» и действовавшая вопреки интересам помещиков и государства. Следствием стала необдуманность преобразований 1860-х гг., которые вызвали разочарование и недовольство как помещиков, так и крестьян<sup>43</sup>.

Российский консерватизм и либерализм XIX в. представляют сложное и многофакторное явление. «Парадокс правительственного «конституционализма» — сочетание консервативных целей и либеральных мер, выбранных в качестве средства их достижения, был отмечен В. Г. Чернухой в ее монографии о внутренней политике 1850-х — 1880-х гг.<sup>44</sup> Д. Н. Толстого можно назвать «чистым» консерватором. Он не был ярким крепостником, ответственно выполнял все правительственные распоряжения, но либеральные преобразования 1860-х гг. не приветствовал. Очевидно, он обсуждал негативные последствия реформ со своим племянником, будущим министром. Опубликованное в «Русском архиве» письмо гр. Д. А. Толстого к его дяде гр. Д. Н. Толстому от 30 апреля 1861 г. свидетельствует об общности их взглядов. Д. А. Толстой резко отзывался о последствиях проведения крестьянской реформы, считая, что она разорит помещиков, лишив их доходов, и разрушит экономику России, оставив страну без хлеба<sup>45</sup>. Высказывая свое негодование действиями правительства,

<sup>41</sup> Калужские губернаторы. Из воспоминаний Н. В. Сахарова // Русский архив. 1916. Кн. 1. С. 213–234.

<sup>42</sup> Там же. С. 228.

<sup>43</sup> Из записок графа Д. Н. Толстого // Русский архив. 1885. Кн. 2. С. 35.

<sup>44</sup> Чернуха В. Г. Внутренняя политика царизма... С. 74.

<sup>45</sup> Письмо гр. Д. А. Толстого к дяде его гр. Д. Н. Толстому // Русский архив. 1905. Кн. 1. С. 688.

он рассчитывал на понимание со стороны близкого ему человека, разделявшего недовольство преобразованиями. При этом племянник был более активен и пытался донести свою точку зрения до властей, несколько раз составляя записки по поводу эмансипации крестьян<sup>46</sup>.

Дмитрий Николаевич был менее напорист, он полагал, что если возложенные на него служебные обязанности приходят в противоречие с его внутренними убеждениями, следует подавать в отставку. Повод к отставке дали беспорядки в губернии. Об этом происшествии Толстой спустя много лет подробно рассказал в письме к М. Д. Бутурлину 8 марта 1872 г.

В августе 1858 г. калужский помещик Полтев, приехавший из Москвы в свое имение, приказал перенести крестьянские дворы на другое место. Крестьяне, ожидавшие с минуты на минуту объявление «воли», отказались исполнить это требование, несмотря на присутствие земской полиции. Губернатор, хоть и не поддерживал решение землевладельца, всё же прибег к телесным наказаниям крестьян, рассматривая инцидент как неповиновение правительству<sup>47</sup>. В ход были пущены розги, а Дмитрий Николаевич принял решение подать в отставку, поскольку «роль палача слишком противна его натуре». Официальным же поводом стало прошение об «увольнении по болезни»<sup>48</sup>.

После выхода в отставку Д. Н. Толстой отправился в путешествие, посетив сначала свое рязанское имение, а затем Париж и Прагу. Возвратившись в октябре 1859 г., он принял предложение министра внутренних дел С. С. Ланского и стал воронежским губернатором. Д. Н. Толстому пришлось снова заняться организацией губернского комитета по крестьянским делам, что привело к разногласиям с министерством. Он предложил от правительства кандидатуру помещика — «ревнителя помещичьих интересов и непримиримого врага эмансипации». Однако С. С. Ланской резко отверг предложение губернатора. Заботясь о том, чтобы довести реформу до конца, правительство увидело в действиях Толстого нежелательное препятствие. Позднее в записках Дмитрий Николаевич оправдывал свои действия тем, что специально выбрал такого кандидата, надеясь, что правительство заменит его в административном порядке. Тем не менее помещик все-таки стал членом Комитета — как избранный дворянством. Резкую критику МВД вызвала и решимость губернатора применить силу против крестьян в Бобровском уезде в апреле 1861 г.

Однако выбили почву из-под ног губернатора не эти факты, а то, что его действия стали широко известны благодаря герценовскому «Колоколу». Толстой в записках упоминает о том, что и конфиденциальное письмо к министру,

<sup>46</sup> Материалы для истории упразднения крепостного состояния помещичьих крестьян в России в царствование императора Александра II. Берлин, 1862. Вып. V. С. 141–143; Письмо Д. А. Толстого М. П. Погодину от 28 сентября 1861 г. // РО ИРЛИ. Д. 4960.

<sup>47</sup> Письма графа Д. Н. Толстого к графу М. Д. Бутурлину // Русский архив. 1912. Кн. 1. № 1. С. 356–358.

<sup>48</sup> Записки М. Д. Бутурлина. Т. II. С. 350.

и распоряжение от 8 апреля 1861 г. сразу же были опубликованы «вольной печатью»<sup>49</sup>.

9 апреля 1861 г. Д. Н. Толстой вышел в отставку, но бездействие тяготило его. Из письма племянника он узнал о назначении П. А. Валуева управляющим Министерством внутренних дел<sup>50</sup>. Дмитрий Николаевич написал Валуеву о своем желании сотрудничать с ним и получил предложение занять пост директора Департамента полиции исполнительной<sup>51</sup>. Он ответил согласием и возглавлял департамент с 1861 по 1863 г. Эти годы можно по праву назвать пиком служебной карьеры Дмитрия Николаевича и временем его максимального сближения с П. А. Валуевым. Именно этому периоду посвящена большая часть записок<sup>52</sup>.

31 августа 1861 г. Валуев отметил в дневнике: «Гр. Толстой приехал и явился»<sup>53</sup>. Валуев был занят разработкой программы действий, которую должен был предложить императору как глава ведомства. Между министром и директором Департамента существовали доверительные отношения, они обменивались мыслями в конфиденциальной переписке и частных беседах. П. А. Валуев неоднократно обсуждал с Д. Н. Толстым «свои виды и стремления»<sup>54</sup>.

В этот период МВД активно разрабатывало вопросы модернизации государственного управления: полицейскую, судебную, цензурную и церковную реформы. Усовершенствование государственного управления Д. Н. Толстой связывал с более четкой административной регламентацией. Очевидно, Валуев учел эту особенность своего сотрудника, поручив ему руководство Департаментом полиции исполнительной. Управляющий Министерством рассчитывал найти в Толстом способного администратора, ранее уже исполнявшего обязанности вице-директора.

Общее учреждение министерств 1811 г. определяло деятельность Департамента как административную: составление полицейских штатов, учреждение городской стражи и пожарных команд, составление сводных ведомостей на основании отчетов губернаторов (сведения о рождаемости и смертности, ведомости о происшествиях, надзор за системой мер и весов), устройство тюрем, наблюдение за игорными заведениями, надзор за уголовным следствием и передвижением населения (поймка беглых и беспаспортных, пресечение бродяжничества), дела о раскольниках, надзор за исполнением земских повинностей<sup>55</sup>.

<sup>49</sup> Толстой-Знаменский Д. Н. Дай оглянись // Русский архив. 1881. Кн. 2. № 3–4. С. 168; Из записок графа Д. Н. Толстого // Русский архив. 1885. Кн. 2. С. 35.

<sup>50</sup> Письмо гр. Д. А. Толстого к дяде его гр. Д. Н. Толстому // Русский архив. 1905. Кн. 1. С. 688.

<sup>51</sup> Из записок графа Д. Н. Толстого // Русский архив. 1885. Кн. 2. С. 36.

<sup>52</sup> Там же. С. 33–70.

<sup>53</sup> [Валуев П. А.] Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел: В 2 т. М., 1961. Т. 1. С. 111.

<sup>54</sup> Из записок графа Д. Н. Толстого // Русский архив. 1885. Кн. 2. С. 39.

<sup>55</sup> ПСЗ. Собрание первое (1649–1825). Т. 31. С. 720–721.

Приступив к исполнению своих обязанностей, Д. Н. Толстой испытал разочарование: чиновники департамента занимались в основном делопроизводством, канцелярской перепиской. Деятельность ведомства стояла в стороне от законодательных вопросов и не касалась разрабатывавшихся реформ, расследованием политических дел занималась канцелярия министра. Однако Толстой не стал мириться с таким положением дел и решил выяснить у Валуева, какое место департамент занимает в его программе. Ответ не удовлетворил Дмитрия Николаевича, создав впечатление, что Валуев не имеет отчетливой программы действий, его рассуждения «были скорее *desideria* (пожелания. — *И. Б.*), чем твердо предположенный путь».<sup>56</sup> В отсутствие программы Валуева неоднократно упрекали современники. В. Г. Чернуха в небольшом биографическом очерке, посвященном этому государственному деятелю, приводит высказывания С. А. Венгерова и В. Мустафина. Однако тщательное изучение архивных документов и дневников министра позволило историку опровергнуть «бытующее (разумеется, не общее) мнение о том, что Валуев не имел программы»<sup>57</sup>.

В. Г. Чернуха доказала, что П. А. Валуев изложил основные программные идеи во всеподданнейшей записке от 22 сентября 1861 г. «Общий взгляд на положение дел в империи с точки зрения охранения внутренней безопасности государства». Этот документ был подвергнут В. Г. Чернухой научному анализу в двух статьях, опубликованных в сборниках ВИД<sup>58</sup>, а ее основные положения резюмированы в монографии<sup>59</sup>. В. Г. Чернуха подробно описала историю создания документа и его обнаружения, рассмотрев содержание в цепи других программных записок министра. Записка от 22 сентября 1861 г. была обнаружена ею в личном архиве П. Е. Щеголева (РГИА. Ф. 1093. Д. 339. Л. 3–13). Наиболее яркие маргиналии Александра II, внимательно прочитавшего документ, процитировал В. Я. Лаврычев в монографии «Крупная буржуазия в пореформенной России (1861–1917 гг.)» (М., 1974), но в широкий научный оборот источник был введен В. Г. Чернухой. В записке, хоть и в завуалированной (но прекрасно понятой императором) форме, Валуев поднимал вопрос о создании представительных учреждений. Положения записки, касавшиеся децентрализации управления и создания объединенного правительства, Чернуха рассмотрела в статье, посвященной конституированию Совета министров<sup>60</sup>. Другие положения документа касались децентрализации центральной власти, расширения прав Комитета министров и особого положения его председателя, укрепления

<sup>56</sup> Из записок графа Д. Н. Толстого // Русский архив. 1885. Кн. 2. С. 39.

<sup>57</sup> Чернуха В. Г. Государственный деятель 1860-х: Петр Александрович Валуев (1814–1890 гг.) // Из глубины времен. СПб., 1994. № 3. С. 97–106.

<sup>58</sup> Чернуха В. Г. Программная записка министра внутренних дел П. А. Валуева от 22 сентября 1861 г. // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1976. Вып. 7. С. 210–220.

<sup>59</sup> Чернуха В. Г. Внутренняя политика царизма... С. 22–27.

<sup>60</sup> Чернуха В. Г. Конституирование Совета министров (1861 г.) // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1976. Вып. 8. С. 164–184.

полицей. В маргиналиях Александр II резко отозвался о возможности ущемления его власти, настаивая на сохранении «коренных основ монархического и самодержавного правительства» и указывая на недопустимость «учреждения 1-го министра». Однако другие идеи П. А. Валуева были им одобрены, в том числе и «коренное преобразование» столичной полиции, что было продиктовано нарастанием внутренней нестабильности. В. Г. Чернуха пришла к выводу, что предложенная программа «упрочила “доверие” императора к управляющему Министерством внутренних дел», о чем свидетельствовало утверждение Валуева в должности министра<sup>61</sup>.

Очевидно, Д. Н. Толстой был излишне строг к своему бывшему сослуживцу, критикуя его за отсутствие продуманного плана действий. В то же время он не разделял уверенности Валуева в необходимости создания объединенного правительства и созыва представительных учреждений.

Вместе с этой запиской управляющий МВД представил императору еще одну — о преобразовании духовного ведомства. Толстой упоминает в «Записках», что в конце 1861 г. Валуев дал ему «для прочтения собственноручную свою всеподданнейшую записку о современном положении нашего духовенства, удостоенную многими отметками государя»<sup>62</sup>. История этого документа изложена министром в дневнике. 18 августа 1861 г. он «испросил разрешения» Александра II «представить ему новую записку по вопросу о преобразовании (или улучшении, как обыкновенно говорится), быта духовенства». Валуев отметил, что поводом стало «плачевное положение православной церкви в Западном крае и существование особого Комитета для обеспечения тамошнего сельского духовенства»<sup>63</sup>. Очевидно, Валуев обратил внимание на проблему в период службы в Прибалтийском крае в середине 1840-х гг. (он пишет, что эта мысль давно его «занимает»). Не случайно своими мыслями он поделился с Д. Н. Толстым, сослуживцем по канцелярии генерал-губернатора. 4 сентября Валуев получил разрешение императора «представить записку о мерах к преобразованию быта нашего духовенства»<sup>64</sup>. 22 сентября он оставил дневниковую запись об отправке двух записок Александру II<sup>65</sup>. В. Г. Чернуха установила, что записка об улучшении быта православного духовенства хранится в РГИА<sup>66</sup>. 7 октября обе записки были возвращены с монаршими маргиналиями. «С содержанием последней (о духовенстве. — И. Б.) государь вполне согласился»<sup>67</sup>. В результате

<sup>61</sup> Чернуха В. Г. Программная записка министра внутренних дел П. А. Валуева от 22 сентября 1861 г. // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. 7. Л., 1976. С. 219.

<sup>62</sup> Из записок графа Д. Н. Толстого // Русский архив. 1885. Кн. 2. С. 46.

<sup>63</sup> [Валуев П. А.] Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел: В 2 т. Т. 1. С. 107–108.

<sup>64</sup> Там же. С. 112.

<sup>65</sup> Там же. С. 117.

<sup>66</sup> РГИА. Ф. 1284. Оп. 241. Д. 30. Л. 66 – 80 об.

<sup>67</sup> Валуев П. А. Указ. соч. С. 118.

28 июня 1862 г. последовало учреждение Особого присутствия по делам духовенства, положившее начало осуществлению церковной реформы<sup>68</sup>.

П. А. Валуев предполагал усилить в духовном ведомстве светские начала, Д. Н. Толстой не одобрял подобный подход, однако вернул записку министру без замечаний. Он надеялся получить место управляющего делами Особого присутствия, и даже приступил (как это было принято при создании нового ведомства) к составлению исторической справки об эволюции церковной администрации в России<sup>69</sup>. Валуев, предполагая назначение Толстого, поручил ему подготовить проект деятельности Присутствия, но при его обсуждении между ними возникли разногласия. Толстой настаивал на созыве местных съездов духовенства, Валуев же не мог с этим согласиться в период внутривластной нестабильности, последовавшей за отменой крепостного права.

Министр также привлекал Д. Н. Толстого к обсуждению цензурной и судебной реформ. Толстой был не согласен с разделением цензуры на карательную и предупредительную, он видел в передаче предупредительной цензуры Министерству народного просвещения возможность усиления влияния министра А. В. Головнина. В судебной реформе он подверг критике положение о независимости судей, полагая, что эта мера приведет к ослаблению административной власти.

За год с небольшим Толстой проделал в Департаменте полиции исполнительную значительную работу: составил отчет о численности полицейских чинов и их процентном соотношении к населению, собрал сведения о состоянии мест заключения и разработал программу действий по управлению киргизами в Оренбургском уезде. Но главным его занятием стала работа над проектом полицейского устава и составление новых полицейских штатов. Д. Н. Толстой остался в истории разработчиком полицейской реформы 1862 г. 25 декабря 1862 г. были опубликованы Временные правила об устройстве полиции в городах и уездах губерний, по общему учреждению управляемых<sup>70</sup>. Было увеличено содержание полицейских чинов, разграничены функции полиции и местных органов самоуправления. Однако Толстой остался недоволен окончательной редакцией документа.

Д. Н. Толстой нередко выступал в качестве оппонента министра, и постепенно постоянная критика стала раздражать П. А. Валуева. «С чего же вы взяли, что я этого не вижу и что я поступаю не так, как вы думаете?», «согласитесь, что нужно и мне хотя когда-нибудь слышать голос одобрения», — отвечал министр на замечания Толстого. Охлаждение в их отношениях наступило спустя полгода после приезда Дмитрия Николаевича в Петербург, когда стала накаляться обстановка в Царстве Польском: Толстой был сторонником

<sup>68</sup> Подробнее см. *Шкурин М.* Эквивалентность церковных преобразований контексту великих реформ // *Церковь и время.* 2011. № 54. (<https://mospat.ru/church-and-time/649>)

<sup>69</sup> Из записок графа Д. Н. Толстого // *Русский архив.* 1885. Кн. 2. С. 46–47.

<sup>70</sup> ПСЗ. Собрание второе (1825–1881). Т. 37. № 39087.

жестких мер, в то время как его министр «предпочитал политику лавирования и уступок»<sup>71</sup>.

Тем не менее Валуев по-прежнему ценил административные способности директора Департамента и в сентябре 1862 г. отправил его в Новгород на открытие памятника Тысячелетия России, которое Толстой описал в «Записках»<sup>72</sup>. Поводом для окончательного разрыва стало назначение на пост товарища министра тайного советника А. Г. Тройницкого. Д. Н. Толстой с горечью пишет о том, что министр сделал неправильный выбор. Скорее всего, Дмитрий Николаевич претендовал на эту должность, и чувствовал себя несправедливо обойденным.

В конце 1862 г. Валуев предложил Толстому почетную отставку — по состоянию здоровья. Обсуждалась и возможность его назначения в Сенат, но в итоге Валуев добился пожалования Толстому земельного владения в Самарской губернии, что существенно поправило расстроены финансовые дела Дмитрия Николаевича. 23 мая 1863 г. П. А. Валуев записал в дневнике: «Гр. Толстой прощался. Много грубого эгоизма и немало неблагодарности при некоторой теплоте чувств и немалом добродушии. Сочетание этих свойств у нас не редкость»<sup>73</sup>.

В 1861–1863 гг., в период активного правительственного законодательства, Д. Н. Толстой входил в число сотрудников П. А. Валуева, однако в отличие от своего министра, «либерал-консерватора» (по замечанию В. Г. Чернухи)<sup>74</sup>, занимал непримиримо консервативную позицию. В то же время Земский отдел МВД возглавлял А. Я. Соловьев, отстаивавший идеи Н. А. Милютина. Толстой и Соловьев представляли в Министерстве два разных идейных полюса, в «Записках» Д. Н. Толстой резко критиковал своего сослуживца. Они ушли из ведомства почти одновременно — в 1863 г. Их «сосуществование» было возможно в то время, когда министр занимался подбором сотрудников. Валуеву постоянно приходилось лавировать, проводя свою программу, и сотрудники, придерживавшиеся крайних взглядов, его не устраивали. П. Д. Стремоухов в воспоминаниях о П. А. Валуеве приводит отзыв о нем Д. Н. Толстого: «При всем своем уме и при всех выдающихся талантах, Валуев не сумел (?) (вопросительный знак поставлен публикатором. — И. Б.) сгруппировать вокруг себя силы, необходимые для успешного выполнения какой бы то ни было своей политической задачи и борьбы с враждебными ему течениями; взяв на себя колоссальную массу труда, он стоял одиноко, и в этой его изолированности — одна из причин неустойчивого его положения и всех его колебаний»<sup>75</sup>. Дмитрий Николаевич тонко подметил

<sup>71</sup> Чернуха В. Г. Государственный деятель 1860-х: Петр Александрович Валуев (1814–1890 гг.) // Из глубины времен. С. 104.

<sup>72</sup> Из записок графа Д. Н. Толстого // Русский архив. 1885. Кн. 2. С. 56–58.

<sup>73</sup> [Валуев П. А.] Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел. В 2 т. Т. 1. С. 224.

<sup>74</sup> Чернуха В. Г. Государственный деятель 1860-х: Петр Александрович Валуев (1814–1890 гг.) // Из глубины времен. С. 104–105.

<sup>75</sup> Стремоухов П. Д. Из воспоминаний о гр. П. А. Валуеве // Русская старина. 1906. Т. 128. С. 292.

обособленное положение П. А. Валуева, державшегося «особняком» среди министров Александра II<sup>76</sup>. Объяснение этой «изолированности» дал А. Г. Тройницкий в письме к своему брату 17 июля 1864 г.: «Не ручаюсь и за своего министра; он должен постоянно маневрировать между двух вод: с одной стороны ультра-православная (модификация славянофильской) партия, требует чуть не истребления всего, не только польского, но вообще иноверческого в России, с другой — ультра-либеральная (т. е. самая деспотическая) добивается власти, чтобы всё унивелировать, т. е. стереть дворянство и выдвинуть владычество масс, которыми она могла бы ворочать и экспериментировать по произволу. Валуев чуть не один борется с этими партиями, стремящимися к власти: долго ли он устоит, хотя до сих пор государь его очень жалует, отгадать нельзя»<sup>77</sup>. Судя по этому замечанию, А. Г. Тройницкий лучше понимал сложность положения министра внутренних дел и стоявших перед ним задач, чем Д. Н. Толстой. Возможно, это сыграло свою роль в выборе Валуевым товарища министра.

В 1896 г. в «Русском архиве» была опубликована записка, обнаруженная И. С. Листовским среди бумаг П. А. Валуева и адресованная Д. Н. Толстому:

«Мы с Вами расстаемся. На прощанье черкните несколько строк. Вы *одни* в министерстве имеете к тому горизонт...

Тема следующая:

1. Что и кто теперь Россия?
2. Все сословия разьединены. Все законы в переделке. Все основы в движении.
3. Полцарства в исключительном положении. Меры строгости преобладают. Оппозиция и недоверие везде, где есть способность их высказывать. Трехсотголовое земство колеблется и готово прежде всего порицать правительство, а потом ему противодействовать.
4. Один Государь теперь Россия. Ему предстоит быть *нравственным собирателем* земли Русския, как Калита был ее материальным собирателем.
5. Солнце царское тепло озарило доли 19 февраля. Теперь нужно осветить и пригреть вершины и окраины.

29 октября (1863)»<sup>78</sup>.

Ответная записка Д. Н. Толстого была обнаружена И. Е. Дроновым в ГАРФ (Ф. 652 — вел. кн. Владимира Александровича. Оп. 1. Д. 296. Л. 1 — 1 об.)<sup>79</sup>. Тезисы, открывающие записку, дословно совпадают с записью в дневнике министра 29 октября 1865 г.: «Кто и что теперь Россия? Все сословия разъединены.

<sup>76</sup> Чернуха В. Г. Государственный деятель 1860-х: Петр Александрович Валуев (1814–1890 гг.) // Из глубины времен. С. 105.

<sup>77</sup> Письма П. А. Валуева А. Г. Тройницкому // Русская старина. 1899. Т. 99. Кн. III. Июль. С. 235.

<sup>78</sup> П. А. Валуев — графу Д. Н. Толстому // Русский архив. 1896. Кн. 3. № 9–12. С. 640.

<sup>79</sup> «Кто и что теперь Россия?» // Вопросы истории. 2012. № 8. С. 75–82.



<...> Все законы в переделке. Все основы в движении...»<sup>80</sup>. Судя по сопроводительному письму историка С. А. Панчулидзева<sup>81</sup>, записка была составлена как ответ на тему, заданную во время игры в секретер в 1865 г. на одном из вечеров у министра внутренних дел П. А. Валуева. Возможно, Д. Н. Толстой не сразу ответил своему бывшему начальнику (П. Д. Стремоухов вспоминал, что и после отставки Толстой находился с Валуевым «в постоянной и интимной переписке»<sup>82</sup>), или Валуев познакомил с его ответом участников игры в секретер в 1865 г., предложив им эту же тему.

И. Е. Дронов отнес записку к авторству гр. Д. А. Толстого. Однако ни стиль, ни высказанные в записке положения не могли принадлежать обер-прокурору Св. Синода<sup>83</sup>. Кроме того, он не входил в число близких знакомых Валуева, который лишь вскользь упоминает о нем в дневниковых записях первой половины 1860-х гг. В этом документе отчетливо выражены консервативные устремления типичного представителя небогатого поместного дворянства, полагавшего, что главные задачи правительства состоят в наведении порядка и поддержке высшего сословия.

Выйдя в отставку, Дмитрий Николаевич поселился в родовом имении Знаменка, занимаясь в 1864–1865 гг. просветительской деятельностью, а с конца 1860-х гг. воспитанием сына Сергея. Образование мальчика было решено продолжить в стенах Троице-Сергиевой лавры, и Толстые перебрались в Сергиев Посад. В ноябре 1873 г. Сергиев Посад посетил Александр II, и Д. Н. Толстой решил воспользоваться случаем, чтобы напомнить о себе императору, полагая, что августейшее покровительство будет нелишним для сына. Выяснилось, что император не забыл способного чиновника, о чем Дмитрий Николаевич с гордостью сообщил М. Д. Бутурлину<sup>84</sup>.

Умер Дмитрий Николаевич Толстой 14 марта 1884 г.

Записки Д. Н. Толстого представляют взгляд родовитого, но небогатого помещика, опытного администратора, но отнюдь не реформатора, на преобразования 1860-х гг. Вместе с воспоминаниями и перепиской других сотрудников П. А. Валуева эти записки воссоздают взаимоотношения внутри МВД в период активного законотворчества, вносят существенные детали в исторический портрет министра.

В научной литературе фигура Д. Н. Толстого оказалась в тени государственной деятельности племянника, Д. А. Толстого. Тем не менее Д. Н. Толстой

<sup>80</sup> [Валуев П. А.] Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел: В 2 т. М., 1961. Т. II. С. 74–75.

<sup>81</sup> Там же. С. 75.

<sup>82</sup> Стремоухов П. Д. Из воспоминаний о гр. П. А. Валуеве // Русская старина. С. 283.

<sup>83</sup> Подробнее см.: Барыкина И. Е. Об авторстве записки о внутреннем положении России в 1865 г. // Вопросы истории. 2013. № 9. С. 169–175.

<sup>84</sup> Письма графа Д. Н. Толстого к графу М. Д. Бутурлину // Русский архив. 1912. Кн. 1. № 1. С. 363–364.

занимает особое место в истории внутренней политики XIX столетия. Чиновник николаевского царствования, он был поставлен перед необходимостью решать задачи нового времени, однако оказался не готов к кардинальным переменам в государственном управлении. Толстой вынужден был выйти в отставку не столько из-за неудовлетворенных амбиций, сколько потому, что не смог найти свое место в реформаторской деятельности МВД и в рядах нового поколения чиновников — профессиональных бюрократов. К этому поколению принадлежал Д. А. Толстой, политическое кредо которого во многом сформировалось под влиянием дяди.

### References

- «Kto i chto teper' Rossija?» // *Voprosy istorii*. 2012. № 8. S. 75–82.
- Aleksandr Vtoroj: *Vospominanija*. Dnevnik. SPb., 1995.
- Barykina I.E.* Graf D. A. Tolstoj kak hozjain i pomeshhik: po materialam Rjazanskogo arhiva // *Vlast', obshhestvo i reformy v Rossii: istorija, istochniki, istoriografija*. Materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii 6–7 dekabrja 2006 goda. SPb., 2007. S. 483–494.
- Barykina I.E.* Neizvestnye bumagi D. A. Tolstogo // *Pushkinskij muzeum*. SPb., 2014. Vyp. 6. S. 219–230.
- Barykina I.E.* Ob avtorstve zapiski o vnutrennem polozhenii Rossii v 1865 g. // *Voprosy istorii*. 2013. № 9. S. 169–175.
- Barykina I.E.* Rodstvennoe okruzenie gr. D. A. Tolstogo. Materialy dlja biografii // *KLIO*. 2006. № 3 (34). S. 228–236.
- Chernuha V.G.* Gosudarstvennyj dejatel' 1860-h: Petr Aleksandrovich Valuev (1814–1890 gg.) // *Iz glubiny vremen*. SPb., 1994. № 3. S. 97–106.
- Chernuha V.G.* Konstituirovanie Soveta ministrov (1861 g.) // *Vspomogatel'nye istoricheskie discipliny*. L., 1976. Vyp. 8. S. 164–184.
- Chernuha V.G.* Memuary stolichnogo chinovnichestva vtoroj poloviny XIX v. // *Vspomogatel'nye istoricheskie discipliny*. L., 1983. T. 14. S. 195–216.
- Chernuha V.G.* Programmaja zapiska ministra vnutrennih del P. A. Valueva ot 22 sentjabrja 1861 g. // *Vspomogatel'nye istoricheskie discipliny*. L., 1976. Vyp. 7. S. 210–220.
- Chernuha V.G.* Vnutrennjaja politika carizma s serediny 50-h do nachala 80-h gg. XIX v. L., 1978.
- Istorija dorevoljucionnoj Rossii v dnevnikah i vospominanijah*. M., 1977. T. 2. Ch. I. S. 42–43.
- Iz zapisok grafa D. N. Tolstogo* // *Russkij arhiv*. 1885. Kn. 2. № 5. S. 5–70.
- Kaluzhske gubernatory*. Iz vospominanij N. V. Saharova // *Russkij arhiv*. 1916. Kn. 1. S. 213–234.
- Listovskij I.S.* Poslanie grafa P. A. Valueva k grafu D. N. Tolstomu // *Russkij arhiv*. 1897. Kn. 2. № 5. S. 285–286.
- Materialy dlja istorii uprazhdenija krepostnogo sostojanija pomeshhich'ih krest'jan v Rossii v carstvovanie imperatora Aleksandra II*. Berlin, 1862. Vyp. V. S. 141–143.
- P. A. Valuev — grafu D. N. Tolstomu // *Russkij arhiv*. 1896. Kn. 3. № 9–12. S. 640.
- Pis'ma grafa D. N. Tolstogo k grafu M. D. Buturlinu // *Russkij arhiv*. 1912. Kn. 1. № 1. S. 356–358, 363–364.
- Pis'ma P. A. Valueva A. G. Trojnickomu // *Russkaja starina*. 1899. T. 99. Kn. III. Ijul'. S. 225–240.
- Pis'mo D. A. Tolstogo M. P. Pogodinu ot 28 sentjabrja 1861 g. // *RO IRLI*. D. 4960.
- Pis'mo gr. D. A. Tolstogo k djade ego gr. D. N. Tolstomu // *Russkij arhiv*. 1905. Kn. 1. S. 688.
- Rjazanskaja uchenaja arhivnaja komissija*. 1884–1887 // *Russkaja starina*. 1887. T. 54. № 4. S. 206.
- Shkurin M.* Jekvivalentnost' cerkovnyh preobrazovanij kontekstu velikih reform // *Cerkov' i vremja*. 2011. № 54 (<https://mospat.ru/church-and-time/649/>) (дата обращения — 20.02.2015)).
- Stremouhov P.D.* Iz vospominanij o gr. P. A. Valueve // *Russkaja starina*. 1906. T. 128. S. 273–293.
- Tolstoj D.N.* Avtobiografija obyknovenного cheloveka // *Russkij arhiv*. 1912. Kn. 1. S. 332–352.
- Tolstoj D.N.* V pamjat' V. V. Skripicyna // *Russkij arhiv*. 1876. T. II. S. 384–392.
- Tolstoj-Znamenskij D.N.* Daj ogljanus' // *Russkij arhiv*. 1881. Kn. 2. № 3–4. S. 163–176.
- Tolstoj-Znamenskij D.N.* Pribaltijskij kraj. Iz dnevnika russkogo chinovnika (1845–1846) // *Russkij arhiv*. 1881. Kn. 3. S. 84–112.
- [*Valuev P. A.*] *Dnevnik P. A. Valueva, ministra vnutrennih del: V 2 t.* M., 1961. T. 1.
- Zapiski M. D. Buturlina*. M., 2006. T. II. S. 289.

**Список литературы**

- Александр Второй: Воспоминания. Дневники. СПб., 1995.
- Барыкина И.Е.* Граф Д. А. Толстой как хозяин и помещик: по материалам Рязанского архива // Власть, общество и реформы в России: история, источники, историография. Материалы Всероссийской научной конференции 6–7 декабря 2006 года. СПб., 2007. С. 483–494.
- Барыкина И.Е.* Неизвестные бумаги Д. А. Толстого // Пушкинский музей. СПб., 2014. Вып. 6. С. 219–230.
- Барыкина И.Е.* Об авторстве записки о внутреннем положении России в 1865 г. // Вопросы истории. 2013. № 9. С. 169–175.
- Барыкина И.Е.* Родственное окружение гр. Д. А. Толстого. Материалы для биографии // Клио. 2006. № 3 (34). С. 228–236.
- [*Валуев П. А.*] Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел. В 2 т. М., 1961. Т. 1.  
Из записок графа Д. Н. Толстого // Русский архив. 1885. Кн. 2. № 5. С. 5–70.  
История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях. М., 1977. Т. 2. Ч. I.  
Калужские губернаторы. Из воспоминаний Н. В. Сахарова // Русский архив. 1916. Кн. 1. С. 213–234.  
*Листовский И. С.* Послание графа П. А. Валуева к графу Д. Н. Толстому // Русский архив. 1897. Кн. 2. № 5. С. 285.  
Материалы для истории упразднения крепостного состояния помещичьих крестьян в России в царствование императора Александра II. Берлин, 1862. Вып. V.  
*Толстой Д. Н.* Автобиография обыкновенного человека // Иллюстрация. 1848. № 33. (Т. VII. № 163). С. 130–134.  
*Толстой Д. Н.* Автобиография обыкновенного человека // Русский архив. 1912. Т. I. С. 332–352.  
*Толстой Д. Н.* В память В. В. Скрипицына // Русский архив. 1876. Т. II. С. 384–392.  
*Толстой-Знаменский Д. Н.* Дай оглянуться // Русский архив. 1881. Кн. 2. № 3–4.  
*Толстой-Знаменский Д. Н.* Прибалтийский край. Из дневника русского чиновника (1845–1846) // Русский архив. 1881. Кн. 3. С. 84–112.
- Чернуха В. Г.* Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-х гг. XIX в. Л., 1978.
- Чернуха В. Г.* Государственный деятель 1860-х: Петр Александрович Валуев (1814–1890 гг.) // Из глубины времен. СПб., 1994. № 3. С. 97–106.
- Чернуха В. Г.* Конституирование Совета министров (1861 г.) // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1976. Вып. 8. С. 164–184.
- Чернуха В. Г.* Программная записка министра внутренних дел П. А. Валуева от 22 сентября 1861 г. // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1976. Вып. 7. С. 210–220.

## В. А. Веретенко

### Религиозное воспитание детей в дворянских семьях России во второй половине XIX — начале XX в.

Начало нынешнего столетия отмечено всплеском научного интереса к семье и к положению ребенка в ней. Семью исследуют как особый, исторически обусловленный феномен, как пространство, в котором «перекрещиваются и воздействуют друг на друга приватная и публичная сферы жизни», как центр «координации и взаимного регулирования репродуктивной и других форм человеческой деятельности»<sup>1</sup>. Наряду с этим появляются труды, в которых предметом исследования являются различные аспекты истории детства дворян: организация ухода за младенцами<sup>2</sup>, роль гувернанток в воспитании юного дворянства<sup>3</sup>, правовые взаимоотношения родителей и детей<sup>4</sup>, проблемы

<sup>1</sup> *Репина Л. П.* От «домашних дел» к «делам государства»: гендер и власть в историческом контексте // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 19. Специальный выпуск: Индивид, Общество, власть в контексте гендерной истории. М., 2007. С. 11.

<sup>2</sup> *Веретенко В. А.* Организация питания младенцев в дворянских семьях России во второй половине XIX — начале XX в. // Придніпровські соціально-гуманітарні читання: Матеріали Бердянської сесії I Всеукраїнської науково-практичн. конф. з міжнародною участю (м. Бердянськ, 22 вересня 2012 р.): у 5 частинах. Дніпропетровськ, 2012. Ч. 3. С. 31–34.

<sup>3</sup> *Солодянкина О. Ю.* Иностранная гувернантка в системе семейных отношений: воспитанники, другие члены семьи, родственники, соседи, учителя, слуги // Гендер и общество в России / Под ред. Л. П. Репиной, А. В. Стоговой, А. Г. Суприянович. СПб., 2007. С. 123–161.

<sup>4</sup> *Веретенко В. А.* Наследственные права детей в родовом имуществе дворян в России во второй половине XIX — начале XX в. // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. Сер. 4: История. 2008. № 2. С. 57–74.

насилия в семье<sup>5</sup>, вопросы детской преступности<sup>6</sup>, социального сопровождения («призрения») детей, в том числе оказавшихся в трудных или даже кризисных ситуациях<sup>7</sup> и др.

Вопросы собственно семейного воспитания дворянских детей, в том числе религиозного, крайне редко привлекают внимание исследователей, да и рассматриваются они лишь в контексте более общих проблем семейного уклада и семейных практик дворян<sup>8</sup>. Между тем воспитание ребенка является, очевидно, одной из важнейших областей жизнедеятельности семьи, исследование которой позволяет более глубоко понять как особенности дворянской культуры, так и основные тенденции и противоречия в ее трансформации на протяжении второй половины XIX — начала XX в.

Религиозное воспитание (речь пойдет о семьях дворян христианского исповедания) предполагало два взаимосвязанных направления воздействия на ребенка — освоение им церковной догматики и обрядов.

Обрядовая сторона религиозного воспитания включала в себя: приучение ребенка к посещению храма и к соблюдению правил поведения в его стенах, запоминание основных молитв, знание церковного календаря, соблюдение постов и праздников. В дошкольный период реализация значительной части этих задач оказывалась напрямую связанной с религиозностью старших членов семьи, прежде всего родителей, хотя, несомненно, определенную роль играли гувернантки и (или) гувернеры, а также прислуга. Влияние это было, безусловно, различным. В одних семьях родители или приглашенные наставники относились к исполнению религиозных обрядов «как к необходимому подчинению правилам», порой пренебрегая посещением церкви и молитвами, тем самым

<sup>5</sup> Синова И. В. Наказание детей во второй половине XIX — начале XX века в контексте повседневной жизни // Под сенью Чесменского дворца: Россия в XVIII — начале XXI в.: материалы Всерос. науч. конф. СПб., 27–29 ноября 2012 г. / Отв. ред. И. А. Тропов. СПб., 2012. С. 116–122.

<sup>6</sup> Мишина Е. В. Правонарушения, совершаемые несовершеннолетними в дореволюционной России и государственно-правовая деятельность по их предупреждению и пресечению (историко-правовой аспект): Автореф. дис. ... к. ю. н. СПб., 2002.

<sup>7</sup> Зайцева С. В. Деятельность государства и общества в области организации призрения незаконнорожденных детей в России во второй половине XIX — начале XX в. (на примере Санкт-Петербургской губернии). Автореф. дис. ... к. и. н. СПб., 2014; Фролова И. В. Особенности призрения девочек католического вероисповедания в России во второй половине XIX — начале XX в. // Пол. Политика. Поликультурность: гендерные отношения и гендерные системы в прошлом и настоящем: Материалы Седьмой междунар. науч. конф. РАИЖИ и ИЭА РАН, 9–12 октября 2014 г., г. Рязань / Отв. ред. Н. Л. Пушкарева, О. Д. Попова. М., 2014. Т. 1. С. 475–478; Шевнина Л. В. Патронат над преступными детьми в России в конце XIX — начале XX вв. // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. Сер. 4: История. 2010. № 2. С. 152–162.

<sup>8</sup> См. например: Мартианова И. Ю. Повседневная жизнь детей российских дворян по мемуарам современников XVIII — начала XX в. Автореф. дис. ... к. и. н. Краснодар, 2010.

формируя у своих воспитанников «отрицательное отношение если не к вере в Бога, то к внешним проявлениям ее в религиозных обрядах»<sup>9</sup>. Другие наставники, напротив, стремились как можно раньше и полнее приобщить дворянского отпрыска к вопросам веры, включая и обрядовую ее сторону. Результаты их усилий поражали родителей. Например, в тот день, когда 14-летний дворянин Николай Гаевский, находившийся при двух иностранных гувернантках (его мать рано умерла), решил отметить успешно сданные вступительные экзамены в школу просьбой отвезти его в церковь, «где поставил три свечи и усердно молился», его отец, В. П. Гаевский с удивлением записал в своем дневнике: «Откуда эта набожность? У меня менее всего он мог ее заимствовать». Придерживавшийся атеистических взглядов отец не стремился разубеждать сына: «...я не поощряю его набожности, но и не препятствую ее развитию...»<sup>10</sup>.

Во второй половине XIX в. родители могли водить ребенка в храм сами, а могли направлять его туда с гувернанткой/гувернером или даже няней/бонной<sup>11</sup>. В большинстве своем даже те из них, кто не отличался особой религиозностью, все-таки стремились приобщить детей к церковной традиции.

Посещение храма могло практиковаться с младенчества, а к трем годам этому акту пытались придать «сознательный» характер<sup>12</sup>. Интересные воспоминания о подобных походах оставил А. Луговой:

«...меня разбудили в ночь на вербное воскресенье, чтобы снести в церковь к заутрене. А было мне тогда едва ли три года.

Чем уняли мой плач, как меня утешили и чем разогнали одолевший меня сон, не знаю; помню, что я постепенно успокоился; и когда мать, предоставив меня няньке, ушла вниз, я беспрекословно дал себя одеть, был смирен и молчалив и уже с некоторым любопытством ждал, что будет дальше.

Нянька несколько раз повторила: “Вот, мы сейчас пойдем к Боженьке, молиться”. И каждый раз я хотел спросить ее: “Зачем же ночью, няня?” — но так и промолчал.

Я знал, что “идти к Боженьке, молиться” — это значило, что мне дадут “там” из золотой чаши на золотой ложечке немного вина с небольшим кусочком просвирки. Я помню, что многие из детей, которых угощали таким образом одновременно со мной, отчаянно плакали; но мне это угощение всегда нравилось, и если я тоже иногда плакал при этом, так, кажется, потому только, что

<sup>9</sup> Луговой А. Как росла моя вера // Вестник Европы. 1909. Кн. 4. С. 583–584.

<sup>10</sup> Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 171. Д. 1. Л. 35, 47 об.

<sup>11</sup> См. например, ИРЛИ РАН (Пушкинский дом). Ф. 15. Д. 1. Л. 1 об.

<sup>12</sup> Согласно господствовавшим, берущим свое начало еще от Яна Амоса Коменского взглядам, религиозное воспитание детей должно было начинаться с третьего года путем приучения к «внешним молитвенным знакам и заучивания молитв». Лозинский Е. Новые проблемы воспитания. Т. 1: Религия. Нравственность. Сексуальное воспитание. СПб., 1912. С. 45.

давали слишком мало: просвирками ведь нянька баловала меня иногда и дома, и я очень любил делать из них тюрю с чаем, а тепловатое вино в золотой чаше казалось мне еще вкуснее и чая с молоком»<sup>13</sup>.

Дети разноверных родителей часто посещали церкви каждого из вероисповеданий<sup>14</sup>. Например, воспитывавшиеся вместе Анатолий Половцов (православный) и его двоюродный брат, протестант Карл Вайе, посещали как православную, так и лютеранскую церкви, в первую их водил отец Анатолия, во вторую — его мать. В каждой из них дети отстаивали службы, слушали проповеди и участвовали в детских праздниках. Если же даты церковных праздников совпадали, то походы на службы чередовались (в один год «ходили на православие», а в другой были «в немецкой церкви»)<sup>15</sup>.

В конце XIX — начале XX в. ситуация стала постепенно изменяться: среди родителей, редко или вовсе не посещавших церкви, ширилось число тех, кто не считал необходимым отправлять туда и своих детей. Демонстративный отказ от обрядности стал в эти годы в дворянской среде своего рода веянием времени. «Религия заметно слабеет, — записывала в своем дневнике Е. А. Кравченко. — ...Фразеров, щелкунов много, веры в Бога, религии никакой, обряды церковные вызывают как бы насмешку... Что будет дальше, страшно подумать, если теперешнее поколение религии не хочет иметь, то что будут за экземпляры их дети?» Но порицание представителей своего сословия за отход от веры не мешало Е. А. Кравченко заявлять: «Обрядов я не держусь и не буду держаться; хождение по службам, постная пища это есть только дело привычки и нужно для напоминания человеку об его обязанностях»<sup>16</sup>.

Обрядовость, конечно, не уходила вовсе, но она значительно меньше, чем в предыдущие десятилетия, была связана с посещением церкви, оставаясь, порой в довольно-таки отрывочном виде, в «домашнем обиходе». Так, Т. Г. Морозова, которая, по ее собственному признанию, росла в «традиционно-религиозной семье», начала посещать храм только в институте, дома же «детей в церковь не водили», не бывали там и родители. Характерно, что церковь располагалась на соседней улице и ежедневно раздававшийся звон колоколов, причину которого ребенку никто не посчитал нужным объяснить («Ну зачем они звонят, зачем они звонят?!»), вызывал у девочки страх и слезы. Иконы в комнатах всё же висели. До поступления в школу девочку даже «выучили класть крестное

<sup>13</sup> Луговой А. Указ. соч. Кн. 3. С. 155.

<sup>14</sup> Выросшие в такой атмосфере своеобразной «свободы совести» дети, очевидно, переставали «считать другие вероисповедания вредными заблуждениями», что, в свою очередь способствовало «раздвоению религиозного чувства христианина», понижало «степень уважения к православию» и внушало «некоторое доверие к заблуждению». См. об этом: Кузнецов В. Д. Деятельность русской православной церкви по религиозному воспитанию учащихся классических гимназий и военно-учебных заведений накануне первой русской революции // Клио. 2011. № 5. С. 69.

<sup>15</sup> ОР РНБ. Ф. 601. Д. 46. Л. 1–337.

<sup>16</sup> ОР РНБ. Ф. 601. Д. 1195. Л. 73 об. — 75 об.

знамение (креститься). Но молиться <...> не учили»<sup>17</sup>. Наряду с подобными «религиозными» семьями современники отмечали в данный период и значительное количество «атеистов 10–12 лет, так же как и детей, растущих в вольнодумных семьях и до школы ничего не слышавших о Боге»<sup>18</sup>.

Из церковного календаря практически повсеместно в дворянских семьях соблюдались праздники и очень выборочно — посты<sup>19</sup>. Так как детей (по крайней мере, старше 3-х лет) обычно на обед кормили тем же, что и взрослых, то и они соблюдали или, наоборот, не соблюдали, церковные ограничения вместе со всей семьей<sup>20</sup>. Изредка родители практиковали приготовление во время больших постов двух видов обедов — постных и скоромных. Разумеется, такой вариант требовал значительно больших затрат как продуктов и дров, так и усилий прислуги. Важно, что эти два вида готовились не отдельно для детей, отдельно для взрослых, а соответствовали разнообразным требованиям старших членов семьи. Например, на страстной неделе 1883 г. в дворянской семье Гудковых подавали для старших женщин «треску на постном масле, и компот и мармелад», а для отца семейства и 12-летней младшей дочери — «куриный суп, вареную курицу, компот и мармелад». При этом на Вербное Воскресенье вся семья получила одинаковые «суп с перловой крупой и жаркбё»<sup>21</sup>.

Во второй половине XIX — начале XX в. уже практически никто в дворянской среде не ограничивал потребление мяса в среду и в пятницу<sup>22</sup>. То, что такая возможность не предусматривалась даже теоретически, видно из так называемых «меню примерных обедов» («карт блюд на неделю»), которые активно

<sup>17</sup> Морозова Т. Г. В институте благородных девиц // Институтки: Воспоминания воспитанниц институтов благородных девиц / Сост., подг. текста и комм. В. М. Боковой и Л. Г. Сахаровой, вступ. ст. А. Ф. Белоусова. М., 2001. С. 462–464.

<sup>18</sup> Лозинский Е. Указ. соч. Т. 1. С. 42.

<sup>19</sup> Церковные иерархи постоянно напоминали своей пастве о важности соблюдения постов: «Без поста нет истинной молитвы у человека: где нет поста, там не живет дух ее. А где нет молитвы, там нет Божией благодати, — там нет ничего истинно доброго, истинной, духовной, добродетельной жизни». См.: Михайловский В. Пост, его происхождение, необходимость, польза и возражения против него. СПб., 1884. С. 8, 13.

<sup>20</sup> В начале XX в. традиционный стакан молока считалось необходимым давать детям утром и/или вечером вне зависимости от наличия или отсутствия поста. За полвека до этого наиболее религиозные семьи лишали ребенка и молока: «Я не мог понять, <...> почему пить в постные дни молоко за обедом — грех, а шипучий клюквенный квас, от которого у меня всегда бурлило в животе, не грех». Луговой А. Указ. соч. Кн. 3. С. 160–161; РГИА. Ф. 1412. Оп. 226. Д. 142. Л. 150 об.; ИРЛИ РАН (Пушкинский дом). Ф. 445. Д. 1. Л. 1; Голицына И. Д. Воспоминания о России (1900–1932) / Пер. с англ. Т. И. Голицыной, О. А. Несмеяновой. М., 2009. С. 26.

<sup>21</sup> ИРЛИ РАН. (Пушкинский дом). Ф. 15. Д. 1. Л. 1 об. — 2. Жаркбё — горячее блюдо из мяса.

<sup>22</sup> Иерархи церкви продолжали настаивать на соблюдении этих постов: «Матерь наша Святая Церковь установила посты определенные, относительно времени и рода пищи... Дневные — это среды и пятки в неделях года» (Михайловский В. Указ. соч. С. 14).



публиковались в данный период как в специализированных изданиях<sup>23</sup>, так и в книгах, рассчитанных на широкую (но образованную) аудиторию<sup>24</sup>. Такие меню представляли собой помесячный вариант обедов на неделю — с воскресенья по субботу. Эти варианты всегда учитывали сезонный фактор, предлагая использовать те продукты, которые в то или иное время года были наиболее доступными и дешевыми; принимался в них во внимание и период Великого Поста — в марте и апреле рекомендовалось чаще (но не исключительно) есть рыбу и овощи. Характер питания в среду и пятницу ничем не отличался от прочих дней. На прочие посты и вовсе не обращалось никакого внимания<sup>25</sup>.

Полностью все посты соблюдала очень небольшая часть дворянских семейств — одни не постились совсем, другие ограничивали период воздержания несколькими днями: в сам канун Рождества<sup>26</sup>, в страстные пятницу и субботу, в отдельные дни, но в течение всего поста (например по средам и пятницам<sup>27</sup>) или неделями — как правило, это были первая и последняя недели Великого поста.

Даже вполне религиозные семьи, частично соблюдавшие посты, в большинстве своем, не видели смысла в полном отказе от пищи накануне крупных религиозных праздников<sup>28</sup>. Они считали вполне допустимым ограничиться постным обедом с ритуальным набором блюд. Строгие требования церкви могли стать даже предметом шуток, нередко обращенных на детей: Вот, например, какие «испытания» пришлось пережить детям сенатора С. И. Зарудного 24 декабря 1876 г.: «Сегодня сочельник! <...> Я утром хотела с Сережей ничего не есть до первой звезды, папа нам сказал, что кто будет есть до звезды, того черти в аду будут бить кочергами, но мы согрешили и завтракали со всеми вместе. Обед

<sup>23</sup> В кулинарных книгах, рассчитанных на подростковую аудиторию (автор обращается к своей «юной читательнице» на «ты»), в среду и пятницу упорно предлагали готовить скоромную пищу, оставляя наставления священнослужителей, по сути, без внимания. «Пятничное» меню в одной из таких «учебных» книг включало в себя «1. Суп с клецками. 2. Мясо с петрушечным соусом. 3. Шпинат с яйцами. 4. Бисквитный пудинг». См.: Приготовление кушаний без кухарки. Необходимая книжка для каждой начинающей хозяйки. СПб., 1874. С. 34–35.

<sup>24</sup> См. например: Дамский календарь на... (1898–1904). М.: Изд. И. В. Бартошевича, 1898–1903.

<sup>25</sup> Вот, например, какие обеды предлагал готовить «Дамский календарь» в августе, большая часть которого приходилась на время Успенского поста: «Среда: Суп пюре из курицы. Котлеты рубленные из говядины. Земляная груша с сабаионом. Компот из дыни. Четверг: Кислые щи из свежей капусты. Котлеты из свинины. Рыба жаренная с салатом. Бланманже шоколадное. Пятница: Суп пюре из артишоков. Жаркое — телятина. Капуста красная. Сливочное мороженное» и т. д. См.: Дамский календарь на 1898 год. 1-й год издания. М.: Изд. И. В. Бартошевича, 1898. С. 123.

<sup>26</sup> «В канун Рождества <...> обязательным был торжественный постный ужин с традиционными на Украине кутьей (рис с изюмом) и узваром (компот из сухофруктов)». *Морозова Т. Г.* Указ. соч. С. 462.

<sup>27</sup> «Теперь пост, но мы постимся только в среду и пятницу», — пишет в своем дневнике за 1 марта 1875 г. 12-летняя Катя Зарудная (ИРЛИ РАН (Пушкинский дом). Ф. 445. Д. 1. Л. 1).

<sup>28</sup> В особо религиозных семьях дети в такие дни могли получать чай с постной булкой и постную картофельную похлебку с перловой крупой. См.: *Луговой А.* Указ. соч. Кн. 3. С. 167–168.

у нас был такой, какой папа всегда устраивает на сочельник — в одном углу столовой на столе в соломе стояли: 3 свечи, кутья, узварь, рис и т. д., на другом закуска и пироги с рыбой, рисом, маком... капустой и т. д.»<sup>29</sup>.

Хотя бы одну неделю в год (как правило, в период Великого поста) полагалось «говеть» — поститься и посещать богослужения<sup>30</sup>, готовясь к таинству исповеди и причастия<sup>31</sup>. Участие в этом обряде даже вполне взрослых детей определялось вниманием к нему родителей и других старших родственников. Так, например, в семье Яфа-Второвых традиционно говели неделю перед Пасхой, но с болезнью бабушки уже никто за этим не следил. В результате, как писала 20-летняя Е. Яфа, «я впервые не говела перед Пасхой и чувствовала себя на этот раз как-то не по себе»<sup>32</sup>.

Особо религиозные семьи (встречавшиеся в конце XIX — начале XX столетий в дворянской среде крайне редко) говели в течение всего Великого Поста. Красочное описание подобной процедуры находим в автобиографических записках А. Лугового: «...на седьмом году <...> меня стали готовить к первой исповеди. Мне объяснили, что я уже настолько большой, что теперь для получения причастия должен подготавливаться к этому говеньем и покаянием, объяснили, в чем и как я могу быть грешен, и как я должен каяться. Весь Великий пост я ел постное наравне с моими родителями, а на Страстной, кроме усиленного поста, началось и наше семейное хождение ко всем церковным службам. Мы приходили в церковь одними из первых и уходили едва ли не последними, еще молясь и по окончании богослужения понемногу перед всеми главнейшими иконами»<sup>33</sup>.

В отдельных случаях даже совершенно не религиозные родители вынуждены были осуществлять процедуру говения/причастия в отношении детей — предоставление свидетельства об исповеди и причастии было обязательным для поступления в государственную школу<sup>34</sup>.

<sup>29</sup> Интересно, что автор этого же дневника — Катя Зарудная, — упоминая празднование Пасхи, не забыла написать об обеде, состоявшемся в 5 вечера в субботу, после которого они подготовили дом к празднику и отправились в церковь, а «возвратясь домой <...> сели за стол чтобы *разговляться* (курсив мой. — В. В.)» (ИРЛИ РАН (Пушкинский дом). Ф. 445. Д. 1. Л. 10–11, 15).

<sup>30</sup> Обязательность данной процедуры объяснялась невозможностью «неприготовленными, непредочищенными вступить в великие, священные дни Страстной седмицы, стать духом на Голгофе у подножия самого Креста Христова, а видимо у плащаницы Его... Вовсе не предочищенные постом, мы и среди этого моря радости не нашли бы радости истинно праздничной, духовной» (Михайловский В. Указ. соч. С. 18).

<sup>31</sup> «На страстной неделе говела, — отмечала в своем дневнике за 18 марта 1885 г. Е. Зарудная, — исповедовалась и причащалась вместе с Наташей, Аней и Ниной в Инженерной церкви...» (ИРЛИ РАН (Пушкинский дом). Ф. 445. Д. 4. Л. 193 об.).

<sup>32</sup> ОР РНБ. Ф. 163. Д. 323. Л. 124 об.; Д. 324. Л. 159.

<sup>33</sup> Луговой А. Указ. соч. Кн. 3. С. 162–163.

<sup>34</sup> В начале XX в. многие дворяне, пользуясь тем, что из церковных канонов не следовало обязательного соблюдения поста перед причастием (правда, требовалось участие в регулярных постах, но на это можно было и не обращать внимания), считали возможным ходить (и водить детей) на причастие для получения свидетельства без выполнения какой-либо предварительной процедуры. См.: Морозова Т. Г. Указ. соч. С. 394.

На самой исповеди священник мог обратиться к детям с самыми разными вопросами, подчас совершенно не соответствовавшими возрасту. Вот какую историю прохождения в 10-летнем возрасте «первой в жизни исповеди» приводит в своих воспоминаниях Т. Г. Морозова:

«Мы пришли с мамой в полковую церковь. Священник увел меня за небольшую перегородку:

- Табак куришь?
- Нет.
- Водку пьешь?
- Нет.
- Родителей слушаешься?
- Слушаюсь.

Он накрыл мне голову епитрахилью и отпустил мои грехи. Мама меня спросила: “О чем с тобой говорил батюшка?” Я пересказала маме наш диалог. Мама подошла со мной к отцу церкви. “Батюшка, — сказала она, — ну о чем вы спрашиваете маленькую девочку? Разве она солдат?”.

Священник засмеялся и сказал: “А о чем ее спрашивать? И то она неправду сказала, что родителей слушается... Наверное, не слушается...”<sup>35</sup>

Помимо ограничения пищи в период постов полагалось отказываться от различных увеселений. Однако и тут дворяне редко выполняли предписания церкви. Вот, например, как начиналась заметка, посвященная рекомендациям по пошиву светских туалетов, опубликованная в журнале «Семья» в период Великого поста 1893 г.: «Несмотря на пост, сезон в полном разгаре: балы, вечера следуют один за другим, и вопрос о нарядных вечерних туалетах заставляет призадуматься не одну хорошенькую головку»<sup>36</sup>.

Редко и выборочно соблюдая посты<sup>37</sup>, дворянские семьи (и рождавшиеся в них дети) торжественно отмечали религиозные праздники, особенно

<sup>35</sup> Морозова Т. Г. Указ. соч. С. 394.

<sup>36</sup> Новости моды // Семья. 1893. № 15. С. 17.

<sup>37</sup> Интересно, что отказ от поста как религиозного обряда сопровождался ростом популярности в дворянской среде различных диет и вегетарианства. Любопытный опыт детского вегетарианства находим в записках одной из матерей: «Я всегда увлекалась этой гуманной идеей, и вот мы вместе с Борей принялись мечтать о том, как было бы хорошо привести ее в исполнение. В один несчастный день мы совершенно отказались от мясной пищи. Но то, что для меня в силу болезненности организма не составило никакого лишения, то для здорового и привыкшего главным образом к мясной пище мальчика, было громадным лишением, тем более, что он прямо не любит, не ест ни мучной пищи, ни овощей... Прошло недели две, он похудел, побледнел <...> и вот тут-то я увидела, как опрометчиво поступила, допустив такой опыт... И когда он, наконец, уступил моим просьбам и приказаниям и стал есть, то слезы показались у него на глазах... Покончили мы на том, что когда он вырастет, то устроит себе хорошую, питательную вегетарианскую кухню, а при условиях нашей жизни это очень трудно; пропадет же с голоду — неразумно» (А-ская. Из записок матери // Свободное воспитание. 1907–1908. № 10. С. 62); см. также: Засосов Д. А., Пызин В. Н. Из жизни Петербурга. СПб., 1991. С. 105; Гигиеническая поваренная книга д-ра М. Я. Брейтмана / Под ред. проф. С. И. Залеского. М., 1902.

Рождество и Пасху, правда, «скорее не как религиозно-памятные дни, а просто как большие праздники»<sup>38</sup>.

Главным детским праздником считалось Рождество. Дневники и воспоминания, особенно детские, переполнены красочными описаниями этого торжества. Обязательным атрибутом праздника была рождественская елка, причем дети знали, что елка ставилась для них<sup>39</sup> и обычно называли ее своей («Целый день Зоя, Маша и я готовили нашу елку...»)<sup>40</sup>. Украшали елку чаще всего сами старшие дети (иногда под руководством родителей)<sup>41</sup>, обязательно используя для этого свечи и сладости<sup>42</sup>, а с последней трети XIX в. еще и специальные игрушки<sup>43</sup>.

Яркие описания таких елок содержатся в обязательном атрибуте праздника — рождественских сказках и рассказах, печатавшихся в журналах и газетах, и выходивших отдельными изданиями: «По елке было рассыпано много золотых блесков: орехи и коробки, оклеенные золотой бумагой, сияли как звезды в безлунную ночь. Были и настоящие звезды, которые смотрелись более красивыми, чем те, далекие звезды неба. И кроме того, они были полны конфет; где же небесным звездам было равняться с ними? Орехи и звезды чередовались с картонажами, изображавшими прекрасные вещи: барабаны, шкатулки, бочонки, ведерцы, баульчики, саквояжи и сундуки. И везде лежали конфеты: вместо белья в саквояжах, вместо записок, крючков и вязания — в баульчиках, вместо денег и золотых вещей — в шкатулках... И кроме всего этого, на елке гордо кахались самые главные и интересные вещи: игрушки...»

На ней висели куклы, чуть-чуть не живые, отлично воспитанные и знавшие чересчур много для кукол <...> Чтобы куклам не было скучно, возле них были развешены кухонные принадлежности: кастрюли, ухваты, решетка и кочерги... Недалеко от кухонных принадлежностей бродило стадо... Коровы с добрыми, но глупыми мордами могли их передавить и смять... на них же сломя голову

<sup>38</sup> Морозова Т.Г. Указ. соч. С. 462.

<sup>39</sup> Елка как обязательный элемент детского праздника появлялась в домах, где были даже самые маленькие дети. Для родившегося 8 марта 1889 г. первенца Сережи в семье Кавосов «сделали елку» с гостями уже 24 декабря того же года (ИРЛИ РАН (Пушкинский дом). Ф. 445. Д. 9. Л. 148 об.).

<sup>40</sup> ИРЛИ РАН (Пушкинский дом). Ф. 445. Д. 1. Л. 15 об.

<sup>41</sup> «В канун Рождества мы, дети, под маминым руководством и с ее участием украшали большую елку». Морозова Т.Г. В институте благородных девиц // Институтки... С. 462.

<sup>42</sup> «Елку мне сделали и убрали очень хорошо: тут были: золоченные орешки грецкие и американские, мармелад и <...> много прекрасных вещей... мы с Лидой одни зажгли елку и впустили всех» (ИРЛИ РАН. (Пушкинский дом). Ф. 15. Д. 1. Л. 43 об. — 44).

<sup>43</sup> Реклама предлагала покупать «картонажи, свечи и нитки для елки... розетки, шары, тюльпаны...». Можно было приобрести и весь необходимый комплект для украшения целиком. Такие комплекты, собираемые в столице, пересылались и в другие города: «Украшения для елок, для Гг. иногородних составлены коллекции: в 5 р., 10 р., 15 р., 25 р., 50 р. и 100 р. и каждая коллекция, даже 5 р., так составлена, что она содержит всё необходимое для украшения елок. Коллекции в 25, 50 и 100 р. особенно пригодны для больших семейств, школ, приютов, базаров, собраний, благотворительных целей, пансионов и пр.» (см. например: Кронштадтский вестник. 1875. 31 дек. № 148; Семья. 1893. № 51).

мчалась большая тройка... Вслед за тройкой по зеленой хвое шагали солдатики. А возле солдатиков висело прекрасное рыцарское оружие: панцирь, шлем и меч... Грише можно было позавидовать от души»<sup>44</sup>.

В некоторых семьях было принято делать праздничные украшения из бумаги, тканей и других подручных материалов своими руками. Для этого несколько предшествующих празднику недель дети совместно с воспитателями, а иногда даже с родителями изготавливали ангелов, золотые орешки и др. украшения, часть из которых раздавалась бедным<sup>45</sup>. В гости («на елку») приходили семьи родственников и друзей, просто соседские дети, подчас даже приглашали местную бедноту и детей прислуги. Члены семьи и участвовавшие в празднике обменивались подарками. Дети получали сладости, игрушки, вещи. Подросткам предпочитали дарить деньги. Дети, в свою очередь, преподносили родителям поделки и нарисованные самостоятельно открытки<sup>46</sup>.

В один из дней Рождественской недели посещались «официальные елки» — в Офицерском (Морском, Дворянском, Коммерческом и т. д.) собрании, где «в огромном зале стояла большая елка, играл оркестр, были танцы и скромные рождественские подарки»<sup>47</sup>. Танцевать на детских вечерах разрешалось, как правило, только детям, впрочем, к ним относились и те, кто еще не достиг совершеннолетнего возраста (21 года)<sup>48</sup>.

Подготовка к Пасхе также происходила заранее. В большинстве дворянских семей дети принимали в ней участие. Приготовления начинались еще до Страстной недели. Подписывались и рассылались родным и знакомым открытки с поздравлением «Христос Воскресе!», вышивались формы для пасхи и куличей, выращивался овес, куда полагалось класть крашеные яйца, готовились подарки<sup>49</sup>. В организации же самого праздничного стола дети, как правило, принимали опосредованное участие. В лучшем случае они красили яйца, а в приготовлении других ритуальных блюд — пасхи и куличей — их не задействовали, нередко (в городах) ограничиваясь покупными<sup>50</sup>. Освящением же

<sup>44</sup> *Грузинский А.* Елка (история разбитого сердца) // *Семья*. 1893. № 7. С. 6–7.

<sup>45</sup> См. например воспоминания Е. В. Яфа: ОР РНБ. Ф. 163. Д. 313. Л. 41–46.

<sup>46</sup> Двенадцатилетняя Оля писала в дневнике: «...мне подарили — папаша — бонбоньерку с елки и новые лайковые перчатки. Они мне были малы, серого цвета и мы с мамашей пошли и переменили их на светло-желтые, которые были мне впору. Мамаша — маленькую на туалет корзиночку, сделанную из проволоки и в ней 7 пятачков...» (ИРЛИ РАН (Пушкинский дом). Ф. 15. Д. 1. Л. 43 об. — 44).

<sup>47</sup> *Морозова Т. Г.* Указ. соч. С. 462.

<sup>48</sup> *Мельникова А. Ю.* Светские традиции в праздновании Рождества и Святков в Кронштадте во второй половине XIX в. // *Патриотизм и гражданственность в повседневной жизни российского общества (XVIII–XXI вв.): Матер. междунар. науч. конф. 14–16 марта 2013 г. / Под общ. ред. В. Н. Скворцова, отв. ред. В. А. Веремко.* СПб., 2013. С. 115–116.

<sup>49</sup> ИРЛИ РАН (Пушкинский дом). Ф. 15. Д. 1. Л. 72; Пасхальные истории. Нарцисс (рассказ) // *Новое время*. Иллюстрированное приложение к газете. 1914. 5 апреля.

<sup>50</sup> Редкий случай участия ребенка в оформлении ритуальных продуктов описан в воспоминаниях А. Лугового: «Мне и самому иногда позволяли принимать участие в кухонном

пасхального изобилия занималась прислуга<sup>51</sup>. Зато дети с удовольствием накрывали праздничный стол: «После обеда столы удлинители, накрыли белой скатертью и начали мы расставлять на столе еще заранее купленные куличи, пасхи, бабы, куропатку с начинкой, поросенка холодного, красную и белую редиску, крашенные нами яйца, масло...»<sup>52</sup>. Многие, хотя, конечно, далеко не все, семьи отправлялись на пасхальную службу, вернувшись с которой и садились за праздничный стол<sup>53</sup>.

Итак, постоянно возраставшее в дворянской среде России на протяжении второй половины XIX — начала XX в. равнодушие к обрядовой стороне религиозной жизни не могло не отразиться на детях, которые, как и взрослые, с удовольствием отмечали церковные праздники, но мало обращали внимание на их религиозный смысл и предшествующий им этап «воздержания».

По каноническим нормам задачей религиозного воспитания являлись: во-первых, «подготовка человека к вечной жизни и земной жизни как ступени в вечность», и, во-вторых — подготовка «к свободе во Христе», т. е. приобщение к «Истине через христианскую жизнь». В этом плане во второй половине XIX в. серьезные дискуссии вызывал вопрос о сути понятия свободы. При этом основная масса религиозных авторов продолжала солидаризироваться с Амвросием Оптинским, который рекомендовал «разумную строгость в воспитании», подчеркивая, что «подлинная свобода заключается в смирении и послушании»<sup>54</sup>. Данный подход вступал во всё большее противоречие с идеями «свободного воспитания», широко распространившимися в интеллигентно-дворянской среде на рубеже XIX–XX вв.<sup>55</sup> В то же время в образованном российском обществе становилось всё более популярным «новое религиозное сознание», представленное концепциями Л. Н. Толстого, Д. С. Мережковского,

---

производстве, позволяли украшать куличи и бабы разными узорами, выводимыми глазурью из яичного белка и сахара. Я помню, в каком художественном экстазе я выжимал из бумажных трубочек эту глазурь — белую, красную, желтую, и с восторгом писал на поверхности куличей: «Христос воскрес». Случалось, не досмотрят за мною, и сладкий червячок из бумажки начинает извиваться, вместо своего прямого назначения, прямо мне в рот» (*Луговой А.* Указ. соч. Кн. 3. С. 166).

<sup>51</sup> *Морозова Т. Г.* Указ. соч. С. 463.

<sup>52</sup> ИРЛИ РАН (Пушкинский дом). Ф. 445. Д. 1. Л. 10 об.

<sup>53</sup> «...Первая Пасха не сохранилась у меня в памяти, заслоненная более яркими впечатлениями многих других пасхальных богослужений из последующих лет моей жизни. Я знаю только одно, что с пятилетнего возраста я уже принимал участие во всех молитвенных стояниях, в церкви и на дому, наравне с моими глубоко религиозными родителями» (*Луговой А.* Указ. соч. Кн. 3. С. 159).

<sup>54</sup> *Колпацев В. В., Жураховская Т. Г.* Развитие гуманистических основ воспитания в трудах Отцов Русской Православной церкви // Новое в психолого-педагогических исследованиях. 2011. № 2. С. 184–194.

<sup>55</sup> *Веремько В. А.* Исторический опыт воспитания «человека» и «гражданина» в дворянских семьях России (XIX — начало XX в.) // XVII Царскосельские чтения: Материалы междунар. науч. конф., 23–24 апр. 2013 г. / Под общ. ред. В. Н. Скворцова. СПб., 2013. Т. 1. С. 21–30.

В. В. Розанова, Н. А. Бердяева и др., в которых содержалась критика официальной церкви и стремление поставить в центр исследований человеческую личность, пытающуюся раскрыть тайну своей религиозной судьбы<sup>56</sup>.

Став, таким образом, объектом широких общественно-политических и философских дискуссий, религиозные представления оказывались крайне сложны для донесения их в упрощенном виде детям. В этой ситуации многие родители предпочитали откладывать серьезные разговоры о Боге до взросления детей<sup>57</sup>. Сама же сложная и обширная религиозная тема сворачивалась на своего рода «предметное» изучение текста Св. Писания и церковной истории, а духовно-нравственная составляющая отдавалась на откуп прислуге<sup>58</sup> или, в лучшем случае, учителям и гувернанткам.

Вместе с тем формирование первых религиозных представлений, по мнению и церкви и большей части педагогов<sup>59</sup>, должно было начинаться в самом раннем детстве. Причем именно родители, особенно матери, должны были стать первыми руководителями и наставниками своих детей в этой области, «внушать им с малых лет правила христианской религии и нравственной жизни»<sup>60</sup>. На деле же родителей больше беспокоили задачи умственного и эстетического воспитания. В результате у очень многих дворянских детей религиозные взгляды укладывались в следующую фразу: «С раннего детства я знала, что на небе живет Бог, который сотворил мир, вокруг него множество Ангелов с белыми крыльями, что у меня есть свой Ангел-Хранитель»<sup>61</sup>.

<sup>56</sup> См.: *Элбакян Е. С.* Религия в сознании российской интеллигенции XIX — начала XX в. М., 1996.

<sup>57</sup> Типичные рассуждения на данный счет находим в «Записках матери»: «В самом начале, т. е. лет до 6–7, религия как основа нравственности почти отсутствовала: он (сын. — В. В.) был и слишком мал, чтобы понять ее, и мне всё хотелось дождаться того момента, когда я смогу <...> “на деле” показать ребенку, что человек должен заботиться о своих близких. Говорить ему о любви к людям, о братстве всех в нашей эгоистичной жизни я решительно не могла, изменить эту жизнь я тоже не могла и ждала, пока он подрастет, чтобы понять меня, и пока я буду иметь в руках хоть что-нибудь для подтверждения моих слов...» (*А-ская*. Из записок матери. С. 70–71).

<sup>58</sup> Например, княгиня И. Д. Голицына (урожденная Татищева) вспоминала: «Я очень любила свою няню, потому что она всегда была рядом, в любое время дня и ночи. Я всегда думала, что именно она заложила основы моей духовной жизни. Я наблюдала, как она молится, <...> и мое доверие к ней было безгранично» (*Голицына И. Д.* Указ. соч. С. 21).

<sup>59</sup> См. например популярную в конце XIX — начале XX в. концепцию Ф. Фребеля (*Фребель Ф.* Воспитание человека / Пер. И. Д. Городецкого. М., 1904. Т. 1). Вместе с тем так считали не все педагоги. Например, С. И. Ладыженская отрицала необходимость преподавания Закона Божия в дошкольном возрасте: «Религиозная область еще чужда ребенку. Если жизнь его поставлена нормально, то у него и не явится таких вопросов — откуда всё окружающее? Почему он существует? Мы сами наталкиваем детей на эти вопросы. Гораздо лучше сказать ребенку “не знаю”, чем говорить то, что он не может понять, и что только искажает его представления о действительности» (Труды Первого всероссийского съезда по семейному воспитанию. Петербург, 30.12.1912–6.01.1913. Т. 2. СПб., 1914. С. 81).

<sup>60</sup> *Кузнецов В. Д.* Указ. соч. С. 67.

<sup>61</sup> *Морозова Т. Г.* Указ. соч. С. 463.

Предполагалось, что к моменту поступления в школу родители уже поставят «детей в отношении религии на твердую почву», т. е. обучат их основным молитвам, приучат соблюдать религиозные обряды и ежедневно читать Библию<sup>62</sup>. В некоторых семьях действительно практиковалось совместное чтение священных книг, прежде всего Евангелия<sup>63</sup>, но чаще речь шла о выучивании нескольких молитв и основных религиозных текстов<sup>64</sup> в объеме, необходимом для поступления (прохождения собеседования по Закону Божьему) в среднюю школу<sup>65</sup>. В результате данные знания (именно знания, а не духовные представления и чувства) имели для родителей и для ребенка такой же статус, как и знания по другим предметам (чтению, письму, арифметике и т. д.), по которым его также готовили к школе<sup>66</sup>.

<sup>62</sup> Филонов А. Речь о единении между семьей и школой // Циркуляр по управлению Санкт-Петербургским учебным округом. 1872. № 3. Приложение. С. 9.

<sup>63</sup> «...Теперь спешу оставить всё; папа зовет читать Евангелие» (ИРЛИ РАН (Пушкинский дом). Ф. 445. Д. 1. Л. 9).

<sup>64</sup> Иногда даже этот необходимый минимум дети изучали не дома, а в специализированных учебных заведениях — детских садах и подготовительных классах. Например, Т. Г. Морозова с 6-ти лет училась в частной подготовительной школе, где ее готовили к поступлению в институт. Именно там (а не дома!) она узнала «библейские легенды о сотворении мира, об Адаме и Еве, о Всемирном потопе, о Благовещении — явлении Архангела Гавриила деве Марии, возвестившем ей о предстоящем рождении ею Сына Божия, об Ироде, умертвившем тысячи младенцев, надеясь погубить среди них недавно рожденного Мессию, о распятии Иисуса на кресте и о его чудесном Воскресении». Именно в школе она выучила и важнейшие молитвы, а также заповеди (*Морозова Т. Г. Указ. соч. С. 463–464*).

<sup>65</sup> Уровень требований по Закону Божию во все средние учебные заведения был приблизительно одинаковым и включал: для детей православного вероисповедания: знания основных обрядовых сторон, как то: знание молитв, умение правильно креститься, знание славянской азбуки. Для детей евангелическо-лютеранского вероисповедания необходимо было знать молитву «Отче наш», а также «несколько песен, уместных для утренних и вечерних молитв, а также для молитв перед едой». Описание вступительного испытания находим в воспоминаниях О. Яфа: «Мама однажды утром повезла меня в гимназию на приемный экзамен <...> Марья Николаевна Стоюнина, обласкав, самолично проэкзаменовала меня по русскому языку, арифметике и Закону Божию (письменно — в классе, устно — в учительской)...». Иногда, значительно реже, к приемным испытаниям привлекались священники: «Последний экзамен был по Закону Божьему. Священник почему-то сидел не за столиком, а у окна. Он хитро и насмешливо щурился и поглаживал большую седоватую бороду. Я встала перед ним. Он о чем-то спросил меня, а потом велел прочитать “Отче наш”. Я прекрасно знала молитву, но почему-то в одном месте приостановилась. “Вот и сбилась”, — насмешливо произнес священник и подсказал мне нужные слова. Я дочитала молитву до конца, но вместо того, чтобы отвесить поясной поклон, как полагалось, сделала реверанс. Священник опять посмотрел мне в лицо с легкой усмешкой и отпустил меня» (*Морозова Т. Г. Указ. соч. С. 395; ОР РНБ. Ф. 163. Д. 314. Л. 90; Подготовка к училищу св. Анны. СПб., 1894; Школа Е. С. Левицкой в Царском Селе. СПб., 1903. С. 3*).

<sup>66</sup> Перед нами листы из дневника Е. С. Кавос (апрель 1903 г.), в котором мать характеризует степень подготовки своих детей к школе, ставя Закон Божий далеко не на первые места: «...Натasha может поступить во II кл.

Русский яз. приготовлена хорошо.

Арифметика. Летом надо упражняться в изустном счете (познакомить с упрощенным способом умнож[ения] и деления) <...> Немножко познакомиться с дробями.



Оценивая сложившееся положение, современники были вынуждены признать, что «даже те воспитатели, которые с особенной добросовестностью относятся к своему призванию и чутко относятся к развивающимся запросам детей, меньше всего обращают внимание на их первые религиозные искания или же грубо, бестактно обрывают их в самом зародыше»<sup>67</sup>.

Таким образом, религиозное воспитание в семьях российских дворян в пореформенный период либо вообще не занимало воспитателей, будучи лишь одним из компонентов общей подготовки к школе, либо носило формальный, внешний характер. Причем значительно большую роль в эмоционально-нравственной стороне веры играли прислуга и наставники, а не родители.

Накануне поступления в школу большинство детей российских дворян были своего рода «стихийно верующими». Речь идет о следующих присущих им характеристиках — наличие веры в сверхъестественное; опыт (в большинстве случаев) посещения церкви и участия, или хотя бы наблюдения, за молитвенной практикой; знание, но при очень выборочном соблюдении, религиозного календаря; высокая информированность о содержании Библии, но при отношении к этому содержанию как к учебному предмету. Превращение (или непревращение) таких «стихийных верующих» в истинных представителей своей конфессии зависело от совместной деятельности семьи и школы в период обучения подростков в средних учебных заведениях.

#### References

- Albakian E. S.* Religia v soznanii rossiyskojy intelligentsia XIX — nachala XX v. M., 1996.
- Frebel' F.* Vospitanie cheloveka / Per. I. D. Gorodetsko. M., 1904. T. 1.
- Frolova I. V.* Osobennosti prizrenia devochek katolicheskogo veroispovedania v Rossii vo vtoroyi polovine XIX — nachale XX v. // Pol. Politika. Polikul'turnost': gendernie otnoshenia i gendernie sistemi v proshlom i nastoiashem: Materiali Sed'moiy mejdunar. nauch. konf. RAJi i IEA RAN, 9–12 oktyabria 2014 g., g. Riazan' / Otv. red. N. L. Pushkareva, O. D. Popova. M., 2014. T. 1. S. 475–478.
- Golitsina I. D.* Vospominania o Rossii (1900–1932) / Per. s angl. T. I. Golitsinojy, O. A. Nesmeianovojy. M., 2009.
- Kolpachev V. V., Jurahovskaia T. G.* Razvitie gumanisticheskikh osnov vospitania v trudah Ottsov Russkojy Pravoslavnoj tserkvi // Novoe v psihologo-pedagogicheskikh issledovaniyah. 2011. № 2. S. 184–194.

Немецкий — повторить всё.

Естествен[ная] истор[ия] подготовлена хорошо.

Закон Божий очень хорошо.

летом осталось французский.

Маруся.

Русский читает и рассказывает хорошо — пишет посредственно.

Летом следует упражняться в письме.

Немецкий — может поступить в III кл. только повторить все.

Закон Божий — подготовлена очень хорошо.

Естество[ви]е[нная] история. Может поступить во II кл. Курс анатомии знает осмысленно и хорошо.

Ботанику нужно осенью держать.

География. Курс II кл. знает очень хорошо.

Французский осенью» (ИРЛИ РАН (Пушкинский дом). Ф. 445. Д. 16. Л. 10–11).

<sup>67</sup> *Лозинский Е.* Указ. соч. Т. 1. С. 10.

*Kuznetsov V.D.* Deiatelnost' russkoïy pravoslavnoïy tserkvi po religioznomu vospitanii uchashtsih klassicheskikh gimnaziy i voenno-uchebnich zavedeniy nakanune Pervoy russkoïy revolutsii // *Klio*. 2011. № 5. S. 67–72.

*Lozinskiy E.* Novie problemi vospitania. T. 1. Religiy. Nравstvennost'. Seksual'noe vospitanie. SPb., 1912.

*Martianova I.U.* Povsednevnaia jizn' detey rossiyskikh dvorian po memuarам sovremennikov XVIII – nachala XX v.: Avtoref. dis. ... k. i. n. Krasnodar, 2010.

*Mel'nikova A.U.* Svetskie traditsii v prasnovanii Rojdestva i Sviatok v Kronshtadte vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v. // Patriotizm i grajdanstvennost' v povsednevnoy jizni rossiyskogo obshchestva (XVIII–XXI vv.): materiali mejdunar. nauch. konf. 14–16 marta 2013 r. / Pod. obsh. red. V.N. Skvortsova, otv. red. V.A. Veremenko. SPb., 2013.

*Mishina E.V.* Pravonarusheniya, sovershaemie nesovershennoletnimi, v dorevolutsionnoy Rossii i gosudarstvennaia deiatelnost' po ih preduprezhdeniu i prescheniu (istoriko-pravovoy aspekt): Avtoref. dis. ... k. u. n. SPb., 2002.

*Morozova T.G.* V institute blagorodnih devits / Sost., podg. teksta i comm. V.M. Bokovoy i L.G. Saharovoy, vstup. st. A.F. Belousova. M., 2001.

*Repina L.P.* Ot «domashnih del» k «delam gosudarstva»: gender i vlast' v istoricheskom kontekste // Dialog so vremenem. Al'manah intellektual'noy istorii. 19. Spezial'nyy vyipusk: Individ, Obshchestvo, vlast' v kontekste gendernoy istorii. M., 2007.

*Shevnina L.V.* Patronat nad prestupnimi det'mi v Rossii v kontse XIX – nachale XX v. // Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina. Ser. 4: Istorica. 2010. № 2. S. 152–162.

*Sinova I.V.* Nakazaniya detey vo vtoroy polovine XIX – nachale XX veka v kontekste povsednevnoy jizni // Pod sen'u Chesmenskogo dvorza: Rossia v XVIII – nachale XXI v.: Materiali Vseros. nauch. konf. SPb., 27–29 noiabry 2012 g. / Otv. red. I.A. Tropov. SPb., 2012. S. 116–122.

*Soldiankina O.U.* Inostrannie guvernantki v sisteme semeinykh otnosheniy: vospitanniki, drugie chleni sem'i, rodstvenniki, sosedi, uchitelia, slugi // Gender i obshchestvo / Pod red. L.P. Repinoïy, A.V. Strogovoy, A.G. SupriyNovich. SPb., 2007. S. 123–161.

*Veremenko V.A.* Nasledstvennie prava detey v rodovom imushchestve dvorian v Rossii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v. // Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina. Ser. 4: Istorica. 2008. № 2. S. 57–74.

*Veremenko V.A.* Organizatsiy pitaniy mladenziyv v dvorianskikh sem'yah Rossii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v. // Pridniprov'ski sotzial'no-gumanitarni chitanny: Materiali Berdiyans'koï cecii I Vseukraïns'koï naukovopraktichn. konf. z mighnarodnou uchastu (m. Berdyans'k, 22 verestny 2012 r.): u 5 ch. Dnipropetrov'k, 2012. Ch. 3. S. 31–34.

*Veremenko V.A.* Istoricheskiy opit vospitania «cheloveka» i «grajdanina» v dvorianskikh sem'yah Rossii (XIX – nachalo XX v.) // XVII Tsarkoselskie chteniya: materiali mejdunar. nauch. konf., 23–24 apr. 2013 g. / Pod. obsh. red. V.N. Skvortsova. SPb., 2013. T. 1. S. 21–30.

*Zaiytseva S.V.* Deiatelnost' gosudarstva i obshchestva v oblasti organizatsii prizreniya nezakonorojdenich detey v Rossii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v. (na primere Sankt-Peterburgskoy gubernii): Avtoref. dis. ... k. i. n. SPb., 2014.

*Zasosov D.A., Pizin V.N.* Iz jizni Peterburga. SPb., 1991.

### Список литературы

*А-ская.* Из записок матери // Свободное воспитание. 1907–1908. № 10.

*Веремченко В.А.* Исторический опыт воспитания «человека» и «гражданина» в дворянских семьях России (XIX – начало XX в.) // XVII Царкосельские чтения: материалы междунар. науч. конф., 23–24 апреля 2013 г. / Под общ. ред. В.Н. Скворцова. СПб., 2013. Т. 1. С. 21–30.

*Веремченко В.А.* Наследственные права детей в родовом имуществе дворян в России во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. Сер. 4: История. 2008. № 2. С. 57–74.

*Веремченко В.А.* Организация питания младенцев в дворянских семьях России во второй половине XIX – начале XX в. // Придніпровські соціально-гуманітарні читання: Матеріали Бердянської сесії I Всеукраїнської науково-практичної конф. з міжнародною участю (м. Бердянськ, 22 вересня 2012 р.): у 5 ч. Дніпропетровськ, 2012. Ч. 3. С. 31–34.

Гигиеническая поваренная книга д-ра М.Я. Брейтмана / Под ред. проф. С.И. Залеского. М., 1902.

*Голицына И.Д.* Воспоминания о России (1900–1932) / Пер. с англ. Т.И. Голицыной, О.А. Несмеяновой. М., 2009.

- Грузинский А.* Елка (история разбитого сердца) // *Семья*. 1893. № 7. С. 6–7.
- Зайцева С. В.* Деятельность государства и общества в области организации призерия незаконно-рожденных детей в России во второй половине XIX — начале XX в. (на примере Санкт-Петербургской губернии): Автореф. дис. ... к. и. н. СПб., 2014.
- Засосов Д. А., Пызин В. Н.* Из жизни Петербурга. СПб., 1991.
- Колтачев В. В., Жураховская Т. Г.* Развитие гуманистических основ воспитания в трудах Отцов Русской Православной церкви // *Новое в психолого-педагогических исследованиях*. 2011. № 2. С. 184–194.
- Кузнецов В. Д.* Деятельность русской православной церкви по религиозному воспитанию учащихся классических гимназий и военно-учебных заведений накануне первой русской революции // *Клио*. 2011. № 5.
- Лозинский Е.* Новые проблемы воспитания. Т. 1. Религия. Нравственность. Сексуальное воспитание. СПб., 1912.
- Луговой А.* Как росла моя вера // *Вестник Европы*. 1909. Кн. 4.
- Мартианова И. Ю.* Повседневная жизнь детей российских дворян по мемуарам современников XVIII — начала XX в.: Автореф. дис. ... к. и. н. Краснодар, 2010.
- Мельникова А. Ю.* Светские традиции в праздновании Рождества и Святков в Кронштадте во второй половине XIX в. // *Патриотизм и гражданственность в повседневной жизни российского общества (XVIII–XXI вв.): Матер. междунар. науч. конф. 14–16 марта 2013 г.* / Под общ. ред. В. Н. Скворцова, отв. ред. В. А. Веремко. СПб., 2013. С. 115–116.
- Михайловский В.* Пост, его происхождение, необходимость, польза и возражения против него. СПб., 1884.
- Мишина Е. В.* Правонарушения, совершаемые несовершеннолетними, в дореволюционной России и государственно-правовая деятельность по их предупреждению и пресечению (историко-правовой аспект): Автореф. дис. ... к. ю. н. СПб., 2002.
- Морозова Т. Г.* В институте благородных девиц // *Институтки: Воспоминания воспитанниц институтов благородных девиц / Сост., подг. текста и комм. В. М. Боковой и Л. Г. Сахаровой, вступ. ст. А. Ф. Белоусова*. М., 2001. С. 462–464.
- Репина Л. П.* От «домашних дел» к «делам государства»: гендер и власть в историческом контексте // *Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории*. 19. Специальный выпуск: Индивид, Общество, власть в контексте гендерной истории. М., 2007.
- Ситова И. В.* Наказание детей во второй половине XIX — начале XX века в контексте повседневной жизни // *Под сенью Чесменского дворца: Россия в XVIII — начале XXI в.: Материалы Всерос. науч. конф.* СПб., 27–29 ноября 2012 г. / Отв. ред. И. А. Тропов. СПб., 2012. С. 116–122.
- Солодянкина О. Ю.* Иностранная гувернантка в системе семейных отношений: воспитанники, другие члены семьи, родственники, соседи, учителя, слуги // *Гендер и общество в России / Под ред. Л. П. Репиной, А. В. Стоговой, А. Г. Суприянович*. СПб., 2007. С. 123–161.
- Труды Первого всероссийского съезда по семейному воспитанию*. Петербург, 30.12.1912–6.01.1913. СПб., 1914. Т. 2.
- Филонов А.* Речь о единении между семьей и школой // *Циркуляр по управлению Санкт-Петербургским учебным округом*. 1872. № 3. Приложение. С. 9.
- Фребель Ф.* Воспитание человека / Пер. И. Д. Городецкого. Т. 1. М., 1904.
- Фролова И. В.* Особенности призерия девочек католического вероисповедания в России во второй половине XIX — начале XX в. // *Пол. Политика. Поликультурность: гендерные отношения и гендерные системы в прошлом и настоящем: материалы Седьмой междунар. науч. конф. РАИЖИ и ИЭА РАН*, 9–12 октября 2014 г., Рязань. М., 2014. Т. 1. С. 475–478.
- Шевина Л. В.* Патронат над преступными детьми в России в конце XIX — начале XX в. // *Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина*. Сер. 4: История. 2010. № 2. С. 152–162.
- Элбакян Е. С.* Религия в сознании российской интеллигенции XIX — начала XX в. М., 1996.

## И. С. Ратьковский

### Белые репрессии в Оренбуржье в период Гражданской войны в России в 1917–1919 гг.

Истории Оренбуржья в период Гражданской войны в России посвящено много исторических работ. При этом следует заметить, что в последние десятилетия акценты исторических исследований радикально поменялись<sup>1</sup>. Некоторые из ранее разрабатываемых проблем Гражданской войны в регионе постепенно ушли в тень. Так, тема «белого» террора в Оренбуржье практически стала полузабытым сюжетом, при том что тематика красных репрессий стала одной из доминант новых исследований. Тем самым создается не только упрощенный взгляд на насилие большевиков как на явление абсолютно самостоятельное и не связанное с белыми репрессиями, но и сами эти репрессии характеризуются как вынужденные ответные меры. К сожалению, подобный подход нашел отражение и в одной из самых значимых работ по истории Гражданской войны в регионе, в упомянутой выше биографии атамана А. И. Дутова, написанной А. В. Ганиным. Между тем и руководством оренбургских казаков, и рядовым казакам отнюдь не было свойственно всепрощение, и маятник взаимных репрессий в регионе также имел место.

Первоначально это были только провозглашаемые пожелания сильной руки и бравада победителей, но впоследствии ситуация изменилась. В ночь на 7 ноября 1917 г. оренбургский атаман генерал А. И. Дутов произвел в Оренбурге аресты членов местного совета. Утром этого же дня вместе с привезенными ею 120 офицерами и юнкерами в город приехала активная участница белого дви-

<sup>1</sup> *Чирухин Н. А.* Дутовщина. Антибольшевистское движение на Урале. 1917–1918 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1992; *Ганин А. В.* Атаман А. И. Дутов. М., 2006.

жения М. А. Нестерович-Берг. Согласно ее воспоминаниям, атаман А. И. Дутов в разговоре с ней рассказывал, что при взятии под контроль города казачьими войсками он не только произвел арест заложников, но и расстрелял зачинщиков. Приходивших впоследствии членов делегаций, просивших за арестованных, он после нескольких приемов уже не принимал и передавал в полном составе казакам: «Что с ней потом делают — меня мало интересует. Сейчас Россия в таком состоянии, что разговаривать не время»<sup>2</sup>. Безусловно, нужно оценивать данные высказывания атамана А. И. Дутова достаточно критически. Возможно, это было лишь генеральское бахвальство, стремление атамана предстать в образе человека сильной воли, а не основанное на реальных событиях свидетельство расстрелов. Атаману А. И. Дутову и в дальнейшем будет свойственно не только преувеличивать свою роль в политических и военных событиях, но и подчеркивать свою решительность, даже жестокость в обращении с противником. Однако эти октябрьские высказывания атамана Дутова хорошо определяют его личное отношение к проблеме возможного применения насилия. Очевидно приятие им насилия. Представляет интерес и реакция других лидеров Белого движения на чуть более поздний пересказ разговора с Дутовым М. А. Берг-Нестерович. На Юге России это было воспринято на ура. Так, генерал от кавалерии, выпускник Генштаба И. Г. Эрдели, выслушав в пересказе М. А. Берг-Нестерович этот разговор, откровенно заявил, что «сам сторонник крутых мер, что Дутов в этом отношении полная противоположность Каледину». Отметим, что генерал Эрдели не ограничится только этим, в дальнейшем принимая непосредственное участие в белых репрессиях. Так, 28 июля 1918 г., во время Второго Кубанского похода войска под командованием генерала И. Г. Эрдели взяли под контроль станицы Переяславскую и Новокорсунскую. В станице Новокорсунской белоказаки повесили четверых членов местного Революционного комитета, в том числе и двух казаков, а затем еще шесть активистов. Около 20 заложников, взятых в станице, расстреляли позднее в станице Елизаветинской<sup>3</sup>. Впрочем, решительность И. Г. Эрдели не стоит преувеличивать, ранее весной 1918 г. он отстаивал идею незамедлительного оставления Екатеринодара, не дожидаясь скорого подхода войск Л. Г. Корнилова<sup>4</sup>. Позднее генерал Эрдели будет вновь решительно подписывать многочисленные приказы о смертной казни. Одним из таких «подписантов» станет руководитель пятигорских большевиков Г. Г. Анджиевский (Андржиевский). Со схожих позиций после разговора с М. А. Берг-Нестерович высказался и генерал М. В. Алексеев, отметивший, что его обрадовали «крутые меры атамана Дутова»<sup>5</sup>. Характерно, что в 1917 г. он

<sup>2</sup> *Нестерович-Берг М. А.* В борьбе с большевиками. Воспоминания. Париж, 1931. С. 48–51.

<sup>3</sup> *Sivkov S. V.* Terror and Terrorism in the North Caucasus during the Civil War // *History and Historians in the Context of the Time*. 2013. Vol. 10; N 1. С. 20.

<sup>4</sup> *Пученков А. С.* Антибольшевистское движение на Кубани в начале Гражданской войны (ноябрь 1917 г. — март 1918 г.): к истории отряда В. Л. Покровского // *Новейшая история России*. 2013. № 3. С. 103.

<sup>5</sup> Там же. С. 55, 59.

поддерживал все «дисциплинарные инициативы», считая необходимым самыми решительными мерами навести порядок в армии и стране в целом<sup>6</sup>.

Сами эти оренбургские октябрьские аресты не стали отправной точкой практики смертных приговоров, однако так обстояло в казачьей столице, в станицах ситуация могла быть и иной. Так, 28 декабря 1917 г., согласно свидетельству председателя Троицкого земельного комитета Голощапова, он был арестован в станице недалеко от ст. Сырт. В селении он увидел массу человеческих трупов. Оренбургскими казаками при нем был избит до смерти солдат и брошен в эту кучу, а затем туда же было брошено тело мальчика, у которого в процессе избияния был снесен череп. Голощапова опознал сотник Орлов, и предземкома также избили и, посчитав мертвым, бросили туда же. Очнувшись после потери сознания, он выполз из-под кучи тел, но его заметили и хотели завершить работу. Однако офицер первого запасного казачьего полка И. П. Велин сдержал толпу, указав на возможные ответные действия советских властей. В дальнейшем Голощапову удалось сбежать при содействии сочувствующего ему другого местного казака<sup>7</sup>.

Есть и другие свидетельства насилия тех дней. Наказание шомполами в области Оренбургского казачьего войска в указанный период было рядовым явлением. Часто это приводило к смертельному исходу. Так, одной из жертв этой экзекуции стал отец знаменитого советского военачальника, дважды Героя Советского Союза, генерал-лейтенанта А. И. Родимцева (1905–1977), батрак из села Шарлык И. Родимцев. Эти свидетельства антибольшевистского насилия в регионе в современной историографии опущены, в частности в упомянутой монографии д. и. н. А. В. Ганина.

Вместе с тем следует заметить, что количество жертв белых репрессий в регионе зимой 1917/1918 г всё же уступало числу жертв красного насилия. Ситуация стала резко меняться весной 1918 г. как в связи с разворачивающимся противостоянием станичного и городского населения на территории Оренбургского казачьего войска, так и в условиях раскола казачества и роста влияния внешних сил, в том числе (позднее) Чехословацкого корпуса.

Рубежом стали события конца марта — начала апреля 1918 г. 28 марта 1918 г. в станице Ветлянская Оренбуржья казаки расправились со сдавшимся в плен отрядом красноармейцев. После того как красноармейцы сложили винтовки, казачий отряд полковника А. П. Донецкова ворвался во двор и начал рубить безоружных людей. Погибли председатель Соль-Илецкого совета П. А. Персиянов, С. Якименок, И. Жилинский, А. Кутут, А. Корнюшенко и еще 10 человек (всего 15 человек). Из отряда спаслось только двое, сообщившие позднее о гибели своих товарищей в Илецк. 2 апреля 1918 г. у станицы Изобильной

<sup>6</sup> *Гребёнкин И. Н.* Разложение российской армии в 1917 г.: факторы и акторы процесса // Новейшая история России. 2014. № 3. С. 153.

<sup>7</sup> *Голубых М.* Уральские партизаны. Поход партизан Блюхера-Каширина в 1918 году. Екатеринбург, 1924. С. 4–5.

Соль-Илецкого района оренбургскими казаками во главе с войсковым старшиной С. В. Бартевым был уничтожен в засаде большевистский отряд численностью в 300 человек во главе с председателем Оренбургского исполкома С. М. Цвиллингом. При этом все сдавшиеся в плен были порублены казаками<sup>8</sup>. Следует отметить, что в отряде Цвиллинга (задействованного ранее в красных репрессиях) наряду с другими его членами числились медсестры и подростки-обозники. Тем не менее различий по возрасту и полу сделано не было — порублены были все. Впоследствии у белых оренбургских казаков даже появится специальное образное выражение, обозначающее вынесение смертного приговора — «отправить к Цвиллингу». 4 апреля 1918 г. казаки уже станицы Нежинской во главе с войсковым старшиной Н. В. Лукиным и полковником Корчаковым совершили ночной набег на оренбургский горсовет, находившийся в бывшем юнкерском училище, где предприняли попытку полностью вырезать весь горсовет. Казаки рубили спящих, не успевших подняться с постели людей, не оказывавших сопротивления. Рубили всех подряд, вместе с женщинами и детьми (семьи работников горсовета) — всего погибло 129 человек. Среди погибших было 6 детей и несколько женщин. Детские трупы были изрублены пополам, убитые женщины лежали с вырезанными грудями и вспоротыми животами<sup>9</sup>. Характерно, что за день на набега, 3 апреля 1918 г., в селе Сакмарском ими же были расстреляны казаки Правдин и Свинцов, отказавшиеся участвовать в нападении на красный Оренбург. 9 апреля 1918 г. оренбургские казаки под горой Магнитной зарубили 12 человек, в том числе первого председателя совета станицы Магнитной Д. П. Чумлякова, красноармейцев и казаков из станицы (Матвея Казанка, Семена Голышева, Михаила Жаринова). Таким образом, только за эти две недели оренбургскими казаками было уничтожено около 500 человек, в том числе дети, подростки, женщины. При этом не только цифры, а сам характер расправ уже свидетельствует о новой фазе противостояния сторон в регионе.

Белые репрессии продолжались и впоследствии. Например, в двадцатых числах мая 1918 г. от оренбургских казаков пострадал поселок Красноярский Оренбургского края. Белыми под командованием сотника Васильченко был совершен расстрел 19 казаков, еще 17 казаков подвергли показательной порке<sup>10</sup>. В станице Никольской было заporото 35 человек. В станице Сакмарской пороли всех членов станичного совета<sup>11</sup>. Вскоре размах «белых» репрессий на территории Оренбургского казачьего войска был усилен фактором Чехословацкого корпуса.

<sup>8</sup> Гражданская война в Оренбуржье (1917–1919) Документы и материалы. Оренбург, 1958. С. 116–117; Гражданская война в Оренбургском крае. Чкалов, 1939. С. 129–138.

<sup>9</sup> См. более подробно: Гражданская война в Оренбургском крае... С. 140; Попов Ф. Дутовщина. Куйбышев, 1937. С. 61; Уральский рабочий. 1918. 26 апреля.

<sup>10</sup> Попов Ф. Дутовщина. Куйбышев, 1937. С. 112; *Стирин Л. М.* Классы и партии в Гражданской войне в России. М., 1968. С. 237.

<sup>11</sup> Попов Ф. Дутовщина. Куйбышев, 1937. С. 112.

26 мая 1918 г. войсками Чехословацкого корпуса захвачен Челябинск. Местное большевистское руководство было казнено оренбургскими казаками через порубание пашками, в том числе члены городского совета. Характерно, что, по сохранившимся в архивах свидетельствам очевидца событий, «казаки подходили и просили у охраны, чтобы им дали хотя бы одного большевика, затем чтобы с ним расправиться»<sup>12</sup>. Схожие события фиксировались и в других городах, которые были заняты войсками Чехословацкого корпуса в этот период, в том числе на территории Оренбургского казачьего войска<sup>13</sup>.

Наступление Чехословацкого корпуса активизировало и оренбургских повстанцев. 31 мая 1918 г. оренбургский казачий съезд принял решение «немедленно разоружить станицу Верхне-Краснохолмскую Оренбургского казачьего войска за сочувствие большевикам». 3 июня 1918 г. станица была захвачена, и в ней расстреляно свыше 20 человек<sup>14</sup>. Расстрел 22 участников сопротивления со стороны казаков-фронтовиков насильственной мобилизации в повстанческую армию был одним из примеров террора казаков по отношению к своим же казакам. В Верхне-Павловской станице за отказ бороться с большевиками съезд решил арестовать зачинщика выступления. Был предан полемому суду казак Рычковской станицы Русимов, призывавший бросить борьбу с красными.

11 июня 1918 г. в город Карабаш, в 90 км от Челябинска, вошли белые войска под командованием поручика Глинского. Вскоре был издан приказ об аресте всех активных сторонников советской власти. В 20-х числах июня в Карабаш прибыл карательный отряд, арестовавший 96 человек: заместителя председателя Карабашского совета В. М. Тетерина, членов городского совета, советских активистов, красногвардейцев и ряд рабочих, хранивших оружие. После допросов и применения пыток арестованным было объявлено, что их через Миасс отправят в Челябинск. Арестантов, построенных в колонны, в окружении казаков повели на станцию. Тех, кто не мог идти, волочили по земле, привязав к седлам, остальных подгоняли плетками. Арестованных провели 35 километров до законсервированного рудника вблизи от озера Тургояк. В расположенных здесь бараках заключенные провели двое суток, после чего их стали уводить группами к заброшенным шахтам. Казаки подводили арестованных к краю шахты по два-три человека и рубили их саблями, сбрасывая затем тела в рудник. Некоторые обреченные на смерть сами бросались живыми в шахты. После уничтожения всей партии заключенных казаки забросали шахты камнями. Согласно свидетельству сторожа барачников, стоны из шахт были слышны еще несколько дней. После освобождения Карабаша в 1919 г. останки репрессированных были перезахоронены, а позднее на месте их гибели установлен гранитный обелиск.

<sup>12</sup> *Санин А. В.* О предпосылках и особенностях красного террора на Урале в Гражданскую войну: некоторые размышления // Известия Алтайского государственного университета. 2009. № 4. С. 224.

<sup>13</sup> *Ратковский И. С.* Лето—осень 1918: хроника чехословацкого террора // Мир экономики и права. 2013. № 11–12.

<sup>14</sup> *Попов Ф.* Дутовщина. Куйбышев, 1937. С. 71.



18 июня 1918 г. чехословацкими войсками совместно с оренбургскими казаками был взят Троицк. В городе, по сообщению «Правды», в первые недели после его захвата было расстреляно 700 человек<sup>15</sup>. Следует отметить, что особенно пострадали от репрессий железнодорожники города. Незадолго до захвата Троицка они пустили пустой паровоз навстречу чехословацкому бронепоезду, в результате чего было много убитых и раненых. Желание отомстить предопределило расстрел 80 железнодорожников<sup>16</sup>. Большие цифры погибших в городе зафиксированы в воспоминаниях С. Моравского. Со ссылкой на данные штабс-капитана Москвичёва он указывал не менее чем на тысячу жертв в Троицке. Данные цифры можно считать близкими к истине. В уже указанном советском издании фигурировала и бóльшая цифра: около 3 тыс. человек<sup>17</sup>.

20 июня 1918 г. в станицу Бердскую в Оренбуржье, после боя на р. Сакмаре оставленную красными войсками, вступил казачий карательный отряд. На ночном заседании стариков станицы с представителями отряда был составлен список 36 местных жителей, поддерживавших большевиков. На следующий день была сформирована Чрезвычайная следственная комиссия, которая в течение одного дня, рассмотрев дела арестованных, приговорила 13 из них к расстрелу.

28 июня 1918 г. частями Чехословацкого корпуса совместно с оренбургскими казаками захвачен Сорочинск. Было арестовано более 20 человек. Затем через несколько дней по приговору полевого суда в штабе карательного отряда в селе Лабазы Новосергиевского района их зверски казнили. Среди прочих казненных были портной Черкасов, первый организатор советов в Сорочинском, члены совета А. и Г. Зверевы, комиссар дружины Ташков, А. Пантеровский, Улеев, Г. Байдин, Горшков, Колесов и др. Каждого из них заставили рыть себе могилу, кололи штыком в спину и рубили шашками<sup>18</sup>. Останки 7 членов Сорочинского волостного совета (в том числе председателя местного Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Ф. Ф. Черкасова и двух красных бойцов: В. Барановского — командира и Улеева — комиссара 213-го Крестьянского полка 24-й Железной дивизии) перезахоронили в ноябре 1918 г. в городе Сорочинске. В селе Пьяновке (12 верст от Сорочинского) карательный отряд прапорщика Левина казнил 8 бывших красногвардейцев, затоптав их лошадьми в яме и зарыв полуживыми в землю<sup>19</sup>. В селе Исаево-Дедово было расстреляно 18 активных советских работников.

<sup>15</sup> Правда. 1918. 27 сентября.

<sup>16</sup> Голубых М. Уральские партизаны. Поход партизан Блюхера-Каширина в 1918 году. Екатеринбург, 1924. С. 15–16.

<sup>17</sup> Там же. С. 17.

<sup>18</sup> Троицкий В. Революция 1917–1918 г. в Самарской губернии. Хроника событий. Самара, 1929. Т. 2: 1918. С. 129; Попов П. Г. Они не покорились // Поезд смерти. Куйбышев, 1966. С. 8.

<sup>19</sup> Троицкий В. Революция 1917–1918 г. в Самарской губернии. Хроника событий. Самара, 1929. Т. 2: 1918. С. 129; Попов П. Г. Они не покорились // Поезд смерти. Куйбышев, 1966. С. 8.

3 июля 1918 г. в Оренбург вошли войска оренбургского казачества. Город был объявлен на военном положении. 4 июля приказом № 2 временно занимающего должность войскового атамана К. Л. Каргина и уполномоченного Комуча по Оренбургской губернии П. В. Богдановича в городе была введена смертная казнь за нападение на членов войска и других должностных лиц и за сопротивление им, умышленные убийства, грабежи, поджоги, разбои, участие в «шайке, именующей себя большевиками», укрывательство комиссаров, красноармейцев, красногвардейцев, возбуждение вражды между классами, призывы к стачке, за святотатство без различия вероисповедания, хранение огнестрельного и холодного оружия без разрешения<sup>20</sup>. Заняв Оренбург летом 1918 г., оренбургские казаки арестовали коммунистов и красногвардейцев, не успевших уйти из города с частями Красной Армии. 3 июля в Бердах была расстреляна большая группа коммунистов и сочувствующих советской власти.

Спустя неделю, 11 июля, на Оренбург атаманом А. И. Дутовым была наложена контрибуция в 200 тыс. рублей<sup>21</sup>. Через месяц приказ Каргина расширил приказ № 2 приказом № 21 (от 4 августа) за подписью войскового атамана А. И. Дутова. В новом приказе говорилось, что в дополнение к приказу № 2 к смертной казни и лишению всего имущества приговариваются за бунт и подстрекательство к нему, а равно за всякое сопротивление власти, за истребление складов, за приведение в негодность средств телеграфной и телефонной связи, за участие в скоплении народа, противодействие вооруженной силе, за уклонение от воинской службы или временное уклонение от нее<sup>22</sup>. Согласно следующему приказу атамана А. И. Дутова, за № 22, расстреливались на месте преступления все мешочники с последующим докладом о таких случаях атаману. Следует отметить, что впоследствии приказы № 2 и № 21 в середине августа 1918 г. (после почти полуторамесячного выполнения) будут отменены Комучем. Однако это было сделано задним числом и за период действия приказов их жертвами стали десятки, а скорее даже сотни людей.

Количество расстрелянных атаманом Дутовым и его подчиненными в Оренбурге в этот и последующие месяцы после занятия города до сих пор является предметом дискуссий. Связано это с тем, что полной судебной документации за весь семимесячный период пребывания в городе дутовской администрации не сохранилось. Особенно важные месяцы после занятия города (июль–август) и последние месяцы пребывания в ней отсутствуют. Известно только, что сам Дутов отмечал, что в июле 1918 г. он только за отказ выступить против большевиков расстрелял 200 казаков и за неисполнение приказа — еще одного офицера. Позднее по поводу этого случая атаман Дутов заявлял в интервью омской

<sup>20</sup> *Чирухин Н. А.* Дутовщина. Антибольшевистское движение на Урале. 1917–1918 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1992. С. 162; Гражданская война в Оренбуржье 1917–1919: Док. и мат. Оренбург, 1958. С. 149–150.

<sup>21</sup> *Попов Ф.* Дутовщина. Куйбышев, 1937. С. 78.

<sup>22</sup> Гражданская война в Оренбуржье. С. 153–154.

газете: «Мне дорогá Россия, и патриоты, какой бы партии они ни принадлежали, меня поймут, равно как и я их. Но должен сказать прямо: я сторонник порядка, дисциплины, твердой власти, а в такое время, как теперь, когда на карту ставится существование целого огромного государства, я не остановлюсь и пред расстрелами. Эти расстрелы не месть, а лишь крайнее средство воздействия, и тут для меня все равны, большевики и не большевики, солдаты и офицеры, свои и чужие. Недавно по моему приказу было расстреляно двести наших казаков за отказ выступить активно против большевиков. Расстрелял я и одного из своих офицеров за неисполнение приказа. Это очень тяжело, но в создавшихся условиях неизбежно»<sup>23</sup>.

При этом очевидно, что уровень репрессий против неказачьего населения Оренбурга и окрестностей во время действия вышеуказанных приказов и самосудных расправ в момент установления режима априори должен был быть большим.

Перенос расстрельной практики «первых дней» на всё дутовское правление, безусловно, неправомерно. Однако и обратные попытки переноса практики репрессий наиболее стабильного периода на весь период правления Дутова представляются исторически маловероятными. Подобный подход, к сожалению, характеризует фундаментальную во многих других отношениях монографию А. В. Ганина. Согласно выявленной им в архивах сохранившейся статистики деятельности военно-полевого суда при штабе Оренбургского казачьего войска в период с сентября по 12 декабря 1918 г. при рассмотрении 202 дел (по ним проходило 306 человек) к смертной казни было приговорено 116 человек<sup>24</sup>. Приведенные цифры, с точки зрения А. В. Ганина, с учетом, что «вряд ли в те месяцы, за которые статистика отсутствует, количество смертных приговоров было существенно бóльшим», позволяют ему говорить об отсутствии массового террора в городе. Также эти цифры, по мнению Ганина, опровергают заявление оренбургского исследователя Л. И. Фурорьянского о расстреле каждого сотого жителя (при населении города примерно в 155 тыс. человек)<sup>25</sup>.

Между тем данные Ганина, на наш взгляд, неправомерно распространяют уровень выявленных им осенних репрессий на лето 1918 г. и зиму 1918/1919 г., т. е. на месяцы утверждения дутовского режима и на время последних недель его пребывания на оренбургской земле. На наш взгляд, вся практика белых репрессий в период Гражданской войны неизменно показывает больший уровень репрессий именно в подобные периоды, причем кратный. Также Ганин не учитывает погибших в оренбургской тюрьме в результате пыток, побоев, болезней и т. д., которые в статистику военно-полевого штаба не вошли. Так, согласно

<sup>23</sup> Там же. С. 196.

<sup>24</sup> Там же. С. 370.

<sup>25</sup> Ганин А. В. Атаман А. И. Дутов. М., 2006. С. 366; Фурорьянский А. И. Белый и Красный террор в период Октября и Гражданской войны на Южном Урале // Иван Иванович Неплюев и Южно-Уральский край: Материалы научной конференции. Челябинск, 1993. С. 120.

данным советского издания, «только в Оренбургской тюрьме в августе 1918 г. томилось свыше 6 тыс. коммунистов и беспартийных, из которых 500 человек было замучено при допросах. В Челябинске дутовцы расстреляли, увезли в тюрьмы Сибири 9 тыс. человек»<sup>26</sup>. Даже учитывая возможную «политизацию цифр» в сторону увеличения белых репрессий советскими историками, все-таки следует признать их неединичный характер. Кроме того, при определении уровня репрессий следует учитывать имеющиеся указания об иных местах заключения, помимо оренбургской тюрьмы<sup>27</sup>. Можно также указать на имевшиеся случаи расстрелов при сопровождении арестованных лиц. Отметим, что у самого исследователя такие случаи зафиксированы.

Помимо указанных моментов, если даже учесть общую практику смертных приговоров, выявленную Ганиным (116 расстрелов на 306 человек: т. е. около 38% смертных приговоров), то при общем числе арестованных в городе в несколько тысяч человек показатели жертв в Оренбурге будут явно выше<sup>28</sup>.

Репрессии имели место в регионе и помимо Оренбурга, касаясь в основном «советского» элемента. 12 июля 1918 г. в окрестностях Орска казачьим разъездом было схвачено и расстреляно 3 человека, в том числе первый председатель Орского городского совета А. З. Яковлев<sup>29</sup>. Упоминается в краеведческих материалах и Преображенская волость, захваченная войсками Дутова. В одноименном центре волости был казнен первый состав ревкома, а красноармеец И. А. Кулаков был сожжен в дёгтекурной яме (позднее это событие было положено в основу картины художника П. К. Севастьянова «На казнь»). 14 июля 1918 г. на рассвете состоялся набег оренбургских казаков на Кувандык. Как писал через два дня в приказе сам атаман Дутов: «Только что вернулся с ночного набега на ст. Кувандык; телеграф и путь на ней разрушены, совет выдан жителями и расстрелян»<sup>30</sup>. В июле 1918 г. белогвардейцами в селе Репьевка схвачен и самосудно казнен С. А. Кичигин, член Оренбургского совета, руководитель созданного вскоре после падения Оренбурга подполья<sup>31</sup>. 4 августа 1918 г., после нескольких дней допросов и пыток белоказаками в селе Хабарное под Новотроицком Оренбургской губернии расстреляна 22-летняя красная разведчица М. П. Корецкая. 11 августа 1918 г. после ожесточенного сражения под Орском отряд красноармейцев попал в плен к оренбургским казакам. Все члены отряда были публично расстреляны или зарублены шашками. 16 августа 1918 г. по дороге из Оренбурга в Актюбинск казаками был схвачен М. Н. Бурзянцев и его беременная жена. Бывший комиссар юстиции Оренбурга был зарублен сразу. Родители подали прошение о помиловании его жены (своей дочери и ее

<sup>26</sup> Разгром дутовщины. 1917–1919. М., 1964. С. 91–92.

<sup>27</sup> *Хадька П. М.* Записки солдата. Минск, 1971. С. 39–40.

<sup>28</sup> *Ганин А. В.* Атаман А. И. Дутов. М., 2006. С. 370.

<sup>29</sup> За счастье народное. Челябинск. 1969. С. 58.

<sup>30</sup> *Ганин А. В.* Атаман А. И. Дутов. М., 2006. С. 171.

<sup>31</sup> Там же. С. 372.

будущего ребенка), но атаман Дутов распорядился лишь об отсрочке казни до рождения ребенка. После рождения ребенка мать была казнена. Эта трагедия послужила основой известного рассказа писательницы Л. Сейфуллиной «Милость атамана Дутова»<sup>32</sup>.

Уточнялись в этот период и юридические аспекты репрессий. Так, 4 августа 1918 г. оренбургский атаман Дутов установил смертную казнь за сопротивление власти и уклонение от воинской службы<sup>33</sup>. Позднее, уже осенью, 26 октября 1918 г. на территории Оренбургского казачьего войска была официально введена практика расстрелов без суда и следствия после доклада обстоятельств дела атаману Дутову<sup>34</sup>.

В целом же осень 1918 г. в условиях установившегося «белого» контроля над территориями дает меньшие показатели в первую очередь фронтовых репрессий. Исключение составили события под Орском. 25 сентября 1918 г. был выдвинут ультиматум оренбургского атамана А. И. Дутова большевистскому руководству города Орск Оренбургской губернии (второму по величине городу губернии, который уже три месяца оборонялся от казачьих войск): сдать или город будет полностью уничтожен<sup>35</sup>. Срок действия ультиматума истек в ночь на 27 сентября. В случае сдачи Дутов обещал всех пленных, включая большевиков, оставить в живых и направить в Тоцкий лагерь, где их судьбу решит центральное правительство. В случае отказа Дутов сообщил, что не сможет гарантировать жизнь ни одному человеку<sup>36</sup>. Через три дня, 28 сентября 1918 г. город Орск взят войсками Дутова. На центральной площади у собора было расстреляно 10 красногвардейцев, которые прикрывали отход частей на Актюбинск и не имели возможности присоединиться к ним. В большинстве это были тяжелораненные бойцы. Многие красногвардейцы были зарублены шашками. Всё это происходило на глазах женщин и детей, насильно согнанных на Соборную площадь. Порубленные тела несколько дней лежали на площади, после чего их погрузили на телеги и вывезли на Белый остров, где закопали. Атаман Дутов, лично руководивший взятием Орска, отправил незамедлительно в Оренбург телеграмму: «Орск взят, на земле оренбургских казаков не осталось ни одного большевика». Позднее, уже в самом Оренбурге, свой отчет перед Войсковым кругом он начал со слов «Орск у ног хозяина». За эту победу атаман А. И. Дутов был произведен Войсковым кругом незамедлительно в генерал-лейтенанты<sup>37</sup>.

<sup>32</sup> Сейфуллина Л. Милость атамана Дутова // Прозрение слепых. Рассказы советских писателей о Гражданской войне. Ростов-на-Дону, 1987. С. 24–27.

<sup>33</sup> Литвин А. Л. Красный и белый террор в России. 1918–1922 гг. М., 2004. С. 175.

<sup>34</sup> Ганин А. В. Атаман А. И. Дутов. М., 2006. С. 273.

<sup>35</sup> Попов Ф. Дутовщина. Куйбышев, 1937. С. 104–105.

<sup>36</sup> Национально-государственное устройство Башкортостана (1917–1925 гг.): Документы и материалы: В 4 т. Уфа, 2002. Т. 2. Ч. 1. С. 468; Ганин А. В. Атаман А. И. Дутов. М., 2006. С. 242.

<sup>37</sup> Ганин А. В. Атаман А. И. Дутов. М., 2006. С. 241, 244.

Репрессии в массовом порядке вновь фиксируются в кризисный период накануне падения белого Оренбурга. В начале января 1919 г. за отказ служить в белоказачьих войсках в Оренбурге было расстреляно 250 казаков<sup>38</sup>. Скорее всего, имеется в виду январский приказ по армии атамана А. И. Дутова, согласно которому за отказ казаков Пластунского дивизиона из состава I Оренбургского казачьего корпуса идти в бой весь его личный состав был предан военно-полевому суду с требованием расстрелять виновных немедленно<sup>39</sup>.

Репрессии в регионе распространялись не только на казаков, но и на остальное местное население. В этот период в Оренбуржье была уничтожена вместе с 65 жителями небольшая деревня Меглиус<sup>40</sup>. В Покровке Романовской волости председателя волисполкома Слоновского и других членов совета облили бензином и сожгли живыми<sup>41</sup>. Всего же в январе 1919 г. оренбургскими казаками (без учета расстрелов собственных казаков) только в Уральской области было убито 1050 человек<sup>42</sup>.

Опять, как и год назад, пиком зимне-весенних репрессий станет апрель 1919 г. 1 апреля 1919 г. военно-полевой суд при штабе I Оренбургского казачьего корпуса рассмотрел дело о 74 крестьянах, захваченных с оружием в руках при оказании сопротивления правительственным войскам. Из числа задержанных расстреляно было 11 человек. 24 человека получили различные сроки (от 12 до 20 лет) ссылки в каторжные работы. Остальные 39 человек были оправданы<sup>43</sup>. 3 апреля 1919 г. датируется приказ оренбургского атамана Дутова о взятии заложников в неблагонадежных в политическом смысле населенных пунктах. «По всей видимости, перед своим отъездом в Омск атаман закручивал гайки. Предписывалось брать заложников “из кандидатов в будущие комитеты бедноты и [в] комиссары”, в числе от десяти до пятидесяти человек, в зависимости от величины поселка. Заложников этих под конвоем направлять в г. Троицк, в распоряжение начальника штаба Оренбургского военного округа, предупредив население поселка, в которых взяты заложники, что последние немедленно ответят головой в случае малейшего признака неблагонадежности и попыток к беспорядкам в поселках, в которых они взяты»<sup>44</sup>.

Характерно, что, издавая этот приказ, А. И. Дутов еще ранее навел порядок в самом Троицке. В письме А. В. Колчаку от 9 марта 1919 г. он вскользь упоми-

<sup>38</sup> Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. М., 1987. С. 421; *Бобров В. Д.* Террор и казачество // Революция и террор (материалы «круглого стола»). СПб., 1995. С. 25.

<sup>39</sup> *Ганин А. В.* Атаман А. И. Дутов. М., 2006. С. 232.

<sup>40</sup> *Попов Ф.* Дутовщина. Куйбышев, 1937. С. 113; *Медведев Е. И.* Гражданская война в Среднем Поволжье. (1918–1919). Саратов, 1974. С. 288; Коммунар. 1919. 20 февраля.

<sup>41</sup> *Попов Ф.* Дутовщина. Куйбышев, 1937. С. 112.

<sup>42</sup> *Гимпельсон Е. Г.* Формирование советской политической системы (1917–1923). М., 1995. С. 134.

<sup>43</sup> *Ганин А. В.* Атаман А. И. Дутов. М., 2006. С. 371.

<sup>44</sup> Цит. по: *Ганин А. В.* Атаман А. И. Дутов. М., 2006. С. 333.

нал об этом: «Сейчас весь Троицк наводнен агентами большевиков и была даже одна попытка к восстанию, мною в корне и жестоко подавленная»<sup>45</sup>. Позднее, уже в письме тому же адресату от 22 марта, он высказывал сожаление о необходимости расстрела своих же казаков, еще два месяца назад храбро сражавшихся против большевиков<sup>46</sup>.

Следует отметить, что генерал А. И. Дутов лично распоряжался о расправе с любыми подозреваемыми в большевизме рабочими. Интересное в этом плане воспоминание оставил французский генерал Морис Жанен (с 24 августа 1918 г. — командующий войсками Антанты в России, а с ноября 1918 г. — начальник французской военной миссии при Российском правительстве адмирала А. В. Колчака, главнокомандующий чехословацкими войсками в России) о встрече с Дутовым: «Он рассказывает нам, между прочим, о своих расправах с железнодорожниками, более или менее сочувствующими большевикам. Он не колебался в таких случаях. Когда саботажник-кочегар заморозил паровоз, то он приказал привязать кочегара к паровозу и тот замерз тут же. За подобный же проступок машинист был повешен на трубе паровоза» (запись в дневнике от 10 апреля)<sup>47</sup>. 29 апреля 1919 г. съезд 15 станиц Оренбургского казачьего войска создал свой военно-полевой суд, члены которого в своих решениях должны были «руководствоваться своею совестью» и выносить только два решения: смерть или оправдание. Утверждения приговора иными органами власти или лицами съездом не предусматривалось<sup>48</sup>.

Продолжались репрессии и в дальнейшем, порой принимая самые чудовищные формы. В один из воскресных дней в первой половине мая 1919 г. в плен к белым под Оренбургом попал повар 218-го полка 49-й Оренбургской дивизии, рабочий местного кожевенного завода Корень. Ночью в походной кухне он вез ужин на передовую и заблудился. «Белые схватили его. Вылив пищу, они разрубили Кореня на куски, сложили в котел, залили водой, подожгли топку и лошадь направили к нашей передовой. Это дикое зверство возбудило в нас еще большую ненависть к белым. Мы упорнее стали защищать Оренбург»<sup>49</sup>. Известен еще ряд примеров ожесточения в период военного кризиса и отступления казачьих войск. В июле 1919 г. у села Ташла Оренбуржья произошло ожесточенное сражение. Было много убитых и раненых с обеих сторон. Взятых в плен красноармейцев казаки зарубили шашками недалеко от Ташлы. В общей братской могиле впоследствии было похоронено 75 красноармейцев, в том числе 12 захваченных в плен красноармейцев из 25-й Чапаевской дивизии. 12 августа 1919 г., согласно сообщению советских газет, на Оренбургском фронте

<sup>45</sup> Ганин А. В. Атаман А. И. Дутов. М., 2006. С. 332.

<sup>46</sup> Там же. С. 333.

<sup>47</sup> Жанен, ген. Отрывки из моего сибирского дневника // Сибирские огни. Новосибирск. 127. № 4. С. 143.

<sup>48</sup> Звягин С. П. Правоохранительная политика А. В. Колчака. Кемерово, 2001. С. 109.

<sup>49</sup> Хадька П. М. Записки солдата. Минск, 1971. С. 48.

на Узянском заводе белоказаками было вырезано 30 стариков. Резня сопровождалась изнасилованием женщин и грабежом. Награбленное добро было вывезено на 200 подводах, также было угнано 1500 голов рогатого скота<sup>50</sup>.

Данные репрессии уже являлись самосудными проявлениями белого террора. Ухудшившаяся военная обстановка, отчаяние от осознания близкого поражения, отсутствие контроля со стороны начальства — всё это способствовало последним всплескам «белого» насилия. При этом поиски виновных велись не только среди неказачьего элемента, но и среди своих. Все сомневающиеся становились жертвой поиска врагов. Итогом этих процессов стали кровавые мартовские расправы 1920 г. атамана Анненкова над остатками войск оренбуржцев, жертвой которых стали несколько тысяч человек<sup>51</sup>.

### References

- Bobrov V. D.* Terror i kazachestvo // Revoljucija i terror (materialy «kruglogo stola»). SPb., 1995.
- Chiruhin N. A.* Dutovshchina. Antibol'shevistskoe dvizhenie na Urale. 1917–1918 gg.: Dis. ... kand. ist. nauk. M., 1992.
- Futorjanskij A. I.* Belyj i Krasnyj terror v period Oktjabrja i Grazhdanskoj vojny na Juzhnom Urale // Ivan Ivanovich Nepljuev i Juzhno-Ural'skij kraj: Materialy nauchnoj konferencii. Cheljabinsk, 1993.
- Ganin A. V.* Ataman A. I. Dutov. M., 2006.
- Gimpel'son E. G.* Formirovanie sovetskoj politicheskoj sistemy (1917–1923). M., 1995.
- Golinkov D. L.* Tajnye operacii VChK. M., 2008.
- Golubyh M.* Ural'skie partizany. Pohod partizan Bljuhera-Kashirina v 1918 godu. Ekaterinburg, 1924.
- Grazhdanskaja vojna i voennaja intervencija v SSSR: Jenciklopedija. M., 1987.
- Grazhdanskaja vojna v Orenburgskom krae. Chkalov, 1939.
- Grazhdanskaja vojna v Orenburzh'e (1917–1919). Dokumenty i materialy. Orenburg, 1958.
- Grebjonkin I. N.* Razložhenie rossijskoj armii v 1917 g.: factory i aktory processa // Novejšaja istorija Rossii. 2014. № 3. P. 149–159.
- Hadyka P. M.* Zapiski soldata. Minsk, 1971.
- Litvin A. L.* Krasnyj i belyj terror v Rossii. 1918–1922 gg. M., 2004.
- Medvedev E. I.* Grazhdanskaja vojna v Srednem Povolzh'e (1918–1919). Saratov, 1974.
- Nacional'no-gosudarstvennoe ustrojstvo Bashkortostana (1917–1925 gg.): Dokumenty i materialy: V 4 t. Ufa, 2002. T. 2. Ch. 1.
- Nesterovich-Berg M. A.* V bor'be s bol'shevikami. Vospominanija. Parizh, 1931.
- Popov F.* Dutovshchina. Kujbyshev, 1937.
- Popov P. G.* Oni ne pokorilis' // Poezd smerti. Kujbyshev, 1966.
- Puchenkov A. S.* Antibol'shevistskoe dvizhenie na Kubani v nachale Grazhdanskoj vojny (noyabr 1917 g. — mart 1918 g.): k istorii otryada V. L. Pokrovskogo // Novejšaya istoriya Rossii. 2013. № 3. P. 98–11.
- Rat'kovskij I. S.* Leto—osen' 1918: hronika chechoslovackogo terrora // Mir jekonomiki i prava. 2013. № 11–12. P. 102–107.
- Razгром dutovshhiny. 1917–1919. M., 1964.
- Sanin A. V.* O predposylkah i osobennostjah krasnogo terrora na Urale v Grazhdanskuju vojnu: nekotorye razmyshlenija // Izvestija Altajskogo gosudarstvennogo universiteta. 2009. № 4. P. 221–224.
- Sejfullina L.* Milost' atamana Dutova // Prozrenie slepyh. Rasskazy sovetskikh pisatelej o Grazhdanskoj vojne. Rostov-na-Donu, 1987.
- Sivkov S. V.* Terror and Terrorism in the North Caucasus during the Civil War // History and Historians in the Context of the Time. 2013. Vol. 10. N 1. P. 15–23.
- Spirin L. M.* Klassy i partii v Grazhdanskoj vojne v Rossii. M., 1968.

<sup>50</sup> Известия Петроградского совета рабочих и красноармейских депутатов. 1919. 14 августа.

<sup>51</sup> Военно-исторический журнал. 1991. № 3. С. 76–77; *Ганин А. В.* Атаман А. И. Дутов. М., 2006. С. 447; *Голинков Д. Л.* Тайные операции ВЧК. М., 2008. С. 217.



*Trockij V.* Revoljucija 1917–1918 g. v Samarskoj gubernii. Hronika sobytij. Samara, 1929. T. 2: 1918.

*Za schast'e narodnoe.* Cheljabinsk, 1969.

*Zhanen, gen.* Otryvki iz moego sibirskogo dnevnika // Sibirskie ogni. Novosibirsk. 127. № 4. P. 133–161.

*Zvjagin S.P.* Pravoohranitel'naja politika A.V. Kolchaka. Kemerovo, 2001. S. 109.

### Список литературы

*Sivkov S. V.* Terror and Terrorism in the North Caucasus during the Civil War // History and Historians in the Context of the Time. 2013. Vol. 10. N 1. P. 15–23.

*Бобров В.Д.* Террор и казачество // Революция и террор (материалы «круглого стола»). СПб., 1995. P. 25–28.

*Ганин А.В.* Атаман А.И. Дутов. М., 2006.

*Гимпельсон Е.Г.* Формирование советской политической системы (1917–1923). М., 1995.

*Голинков Д.Л.* Тайные операции ВЧК. М., 2008.

*Голубых М.* Уральские партизаны. Поход партизан Блюхера-Каширина в 1918 году. Екатеринбург, 1924.

*Гребёнкин И.Н.* Разложение российской армии в 1917 г.: факторы и акторы процесса // Новейшая история России. 2014. № 3. P. 145–158.

*Звягин С.П.* Правоохранительная политика А.В. Колчака. Кемерово, 2001.

*Медведев Е.И.* Гражданская война в Среднем Поволжье (1918–1919). Саратов, 1974.

Национально-государственное устройство Башкортостана (1917–1925 гг.): Документы и материалы: В 4 т. Уфа, 2002. Т. 2. Ч. 1.

*Нестерович-Берг М.А.* В борьбе с большевиками. Воспоминания. Париж, 1931.

*Попов Ф.* Дутовщина. Куйбышев, 1937.

*Пученков А.С.* Антибольшевистское движение на Кубани в начале Гражданской войны (ноябрь 1917 г. – март 1918 г.): к истории отряда В.Л. Покровского // Новейшая история России. 2013. № 3. P. 98–111.

Разгром дутовщины. 1917–1919. М., 1964.

*Ратьковский И.С.* Лето–осень 1918: хроника чехословацкого террора // Мир экономики и права. 2013. № 11–12. P. 102–107.

*Санин А.В.* О предпосылках и особенностях красного террора на Урале в Гражданскую войну: некоторые размышления // Известия Алтайского государственного университета. 2009. № 4. С. 224.

*Сейфуллина Л.* Милость атамана Дутова // Прозрение слепых. Рассказы советских писателей о Гражданской войне. Ростов-на-Дону, 1987.

*Спирин Л.М.* Классы и партии в Гражданской войне в России. М., 1968.

*Троцкий В.* Революция 1917–1918 г. в Самарской губернии. Хроника событий. Самара, 1929. Т. 2: 1918.

*Попов П.Г.* Они не покорились // Поезд смерти. Куйбышев, 1966.

*Футорянский А.И.* Белый и Красный террор в период Октября и Гражданской войны на Южном Урале // Иван Иванович Неплюев и Южно-Уральский край: Материалы научной конференции. Челябинск, 1993. *Хадыка П.М.* Записки солдата. Минск, 1971.

*Чирухин Н.А.* Дутовщина. Антибольшевистское движение на Урале. 1917–1918 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1992.

## А. А. Непомнящий

### Академик Крачковский и кримоведение 20-х гг. XX в.: две малоизвестные командировки

Восстановление научных контактов ученых из академических центров и их крымских коллег, активно развивавшееся как в досоветское время, так и в довоенный период, только в последние годы становится объектом отдельных научных штудий<sup>1</sup>. До последнего времени неизвестным оставалось существовавшее в 20-х гг. прошлого столетия прочное научное сотрудничество академика-востоковеда Игнатия Юлиановича Крачковского с крымскими историками О.-Н.А. Акчокраклы, У.А. Боданинским, С.Б. Ефетовым, И.Н. Лемановым, А.И. Маркевичем, В.И. Филоненко, П.Я. Чепуриной, Б.В. Чобанзаде, Н.Л. Эрнстом. Для истории кримоведения несомненный интерес представляют материалы переписки академика с выдающимися краоведами Крыма первой половины XX в. — организаторами науки, историками У.А. Боданинским и А.И. Маркевичем, ученым-востоковедом В.И. Филоненко. Эпистолярный обнаружен нами в личном архивном фонде И.Ю. Крачковского в Санкт-Петербургском филиале Архива Российской академии наук. Эти материалы дополнены впечатлениями самого академика о деятелях кримоведения. Они содержатся в дневниковых записях, сделанных И.Ю. Крачковским во время его посещения Крыма в 1924 и 1929 гг.<sup>2</sup>

<sup>1</sup> *Непомнящий А.А.* Академік Г.Ю. Крачковський і кримські орієнталісти: За матеріалами епістолярію // Східний світ. 2008. № 1. С. 194–209; № 2. С. 148–157.

<sup>2</sup> Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (ПФАРАН). Ф. 1026. Оп. 2. Д. 6. Л. 40–47, 331–335.

Письма профессора Крымского университета, а в прошлом — студенческого друга и соседа по общежитию И. Ю. Крачковского — Виктора Иосифовича Филоненко из Симферополя в Ленинград предоставляют интересную информацию о предыстории первой научной поездки Игнатия Юлиановича Крачковского в Крым в 1924 г. 28 марта 1924 г. В. И. Филоненко сообщал: «Вы приглашаетесь читать лекции по свободной кафедре арабского языка»<sup>3</sup>. При этом Крымский университет выделял академику-ориенталисту деньги на дорогу и вознаграждение за трехмесячное чтение лекций (апрель–июнь) в размере 11 червонцев. В. И. Филоненко предлагал своему другу после окончания курса лекций продолжить пребывание в Крыму в санатории в Гаспре. Однако организационные нестыковки разрушили эти планы. 24 апреля Филоненко сообщал: «Сейчас побегу в Университет и попрошу, чтобы к Вашему приезду все-таки Вам выписали бы деньги. Деньги на проезд сейчас же будут Вам выписаны. Только что говорил с бухгалтерией»<sup>4</sup>.

Игнатий Юлианович, безусловно, хотел съездить в Крым, и приглашение местного университета в этой связи было как нельзя кстати. Однако его как ученого больше, чем чтение лекций на восточном отделении провинциального вуза, интересовали арабские рукописи, сохранившиеся в местных книжных, музейных и частных собраниях. Получив приглашение из Симферополя, он сейчас же написал директору Государственного дворца-музея тюрко-татарской культуры в Бахчисарае Усеину Абдуредиевичу Боданинскому, прося помочь в организации посещения Бахчисарая.

Летом 1924 г. И. Ю. Крачковский по приглашению Крымского университета им. товарища М. В. Фрунзе был командирован Академией наук в Крым для прочтения курса лекций по арабистике на восточном отделении педагогического факультета. Наравне с этой, основной целью поездки академик считал необходимым «предварительное ознакомление с собранием мусульманских рукописей» и «изучение состава и состояния арабских эпиграфических памятников для выяснения хода дальнейших работ»<sup>5</sup>.

30 апреля 1924 г. И. Ю. Крачковский отметил в дневнике: «9:30 веч[ера] отбыл на скором поезде из Ленинграда»<sup>6</sup>. В субботу 3 мая в половине пятого утра академик с женой Верой Александровной<sup>7</sup> добрались до Симферополя. Игнатий

<sup>3</sup> Там же. Оп. 3. Д. 922. Л. 94.

<sup>4</sup> Там же. Л. 97, 98 об.

<sup>5</sup> *Крачковский И.* Отчет о командировке в Крым летом 1924 года // Известия Российской Академии наук: Сер. 6. 1924. Т. 18; № 12/18, ч. 2. С. 662.

<sup>6</sup> ПФАРАН. Ф. 1026. Оп. 2. Д. 6. Л. 40.

<sup>7</sup> Вера Александровна Крачковская (1884–1974) (в первом браке — Фармаковская, 1906–1911) — востоковед, эпиграфист, доктор исторических наук. В составе личного архивного фонда И. Ю. Крачковского отдельным блоком (опись 9) отложились документы В. А. Крачковской, в том числе ее многочисленные пейзажи, рисунки крымских городов, собрания фотографий. См.: ПФАРАН. Ф. 1026. Оп. 9. Д. 37. Л. 1–23; Д. 47. Л. 1–33; Д. 65. Л. 1–46.

Юлианович отметил: «Филоненко встретил, но в университете <...> комната не отведена, о столе информации никакой и еще вопрос, в каком виде это будет. 8 веч[ера]. Устраиваемся. <...> Комнату дали в старом Университете около Ботанического кабинета, с обедом сговорились, посмотрим, что будет дальше»<sup>8</sup>.

На следующий день, в воскресенье, Крачковские отправились в Центральный музей Тавриды. Интерес вызвал «Восточно-татарский отдел с коврами и вышивками». Подытоживая экскурсию, академик записал в дневник о музее: «В общем, производит упорядоченное впечатление. Хранитель некий Н. Л. Эрнст, субъект по-видимому знающий»<sup>9</sup>.

В понедельник состоялся визит И. Ю. Крачковского к Арсению Ивановичу Маркевичу, «у которого получил приглашение завтра на обед». 6 мая «обедали у Маркевича. Немного копался для завтрашней лекции...»<sup>10</sup>

В Крымском университете И. Ю. Крачковский прочел два спецкурса «Арабский язык в прошлом и настоящем» (8 часов) и «Арабская литература XIX–XX вв.» (18 часов). В отчете о поездке он отметил: «Немногочисленная, но внимательная и аккуратная аудитория, помимо студентов университета, состояла из некоторых профессоров и преподавателей, а также представителей местного населения, преимущественно из среды татарского учительства»<sup>11</sup>.

7 мая 1924 г. академик записал в дневнике: «Читал первую лекцию по литературе. Народу было порядочно: профессора педагогического факультета и <...> 50 студентов. Познакомился с Деревницким, “арабистами” Лемановым и Йефетовым. Первый — татарин, обычного типа, достаточно самоуверенный, второй — караим, довольно скромный, кончил наш факультет вместе с Шапшалом»<sup>12</sup>. Уже наслышанный о достаточно невысоком уровне местных преподавателей-востоковедов благодаря регулярным письмам В. И. Филоненко в Ленинград, И. Ю. Крачковский теперь имел возможность лично оценить местных ориенталистов. В первый день сложившееся заранее негативное впечатление преобладало. Не случайно и слово «арабисты» Игнатий Юлианович написал в кавычках.

Созданные В. И. Филоненко стереотипы таки были сломаны в ходе поездки. Прежде всего это проявилось на примере Бекира Вагаповича Чобан-заде: «9 мая, пятница. Было сегодня заседание Восточной предметной комиссии, на котором познакомился, между прочим, и с Чобан-заде, который оказался значительно симпатичнее, чем я думал»<sup>13</sup>.

7 мая 1924 г. У. А. Боданинский сообщил И. Ю. Крачковскому, что в Бахчисарае имеют «возможность отвести Вам и Вашей супруге помещение во дворце, но только

<sup>8</sup> ПФАРАН. Ф. 1026. Оп. 2. Д. 6. Л. 40 об.

<sup>9</sup> Там же. Л. 41.

<sup>10</sup> Там же. Л. 41 об.

<sup>11</sup> Крачковский И. Отчет о командировке в Крым летом 1924 года. С. 662.

<sup>12</sup> ПФАРАН. Ф. 1026. Оп. 2. Д. 6. Л. 41 об. — 42. Речь идет об И. Н. Леманове и С. Б. Ефетове.

<sup>13</sup> Там же. Л. 42 — 42 об.

с незначительной оплатой за уборку, за свет и белье; со столом тоже устроим так, что обойдется дешево. Поэтому в любое время милости просим приехать»<sup>14</sup>.

Не задерживаясь надолго в Симферополе, Крачковские выехали в Бахчисарай и Евпаторию для знакомства с древними рукописями. В отчете о своей научной командировке ориенталист заметил, что «рукописи до сих пор не признавались за памятник равноценной важности», поэтому в Крыму «правильно оборудованных рукописных собраний не имеется»<sup>15</sup>. Высоко отзываясь об археографической деятельности в досоветские годы Таврической ученой архивной комиссии, И. Ю. Крачковский отметил, что изучение рукописных собраний библиотек, тем более частных коллекций, осталось за сферой ее деятельности<sup>16</sup>. В этой связи академику хотелось лично ознакомиться с уникальными книжными и рукописными коллекциями, сохранившимися в бывшем Ханском дворце и Карай-Битиклиги.

14 мая ученый записал в дневнике: «Завтра думаем на три дня проехать в Бахчисарай. Сегодня познакомились с хранителем Бахчисарайского дворца Боданинским»<sup>17</sup>. Очевидно, У. А. Боданинский специально приезжал в Симферополь для приглашения именитых гостей. А вот первое впечатление И. Ю. Крачковского в Бахчисарае 15 мая 1924 г.: «Дворец действительно оставляет впечатление. <...> Довольно много рукописей, главным образом в последнее время из закрытого медресе»<sup>18</sup>. Вместе с Ягьей Наджи Байбуртлы и Усеином Абдуредиевичем Боданинским ленинградские ученые в пятницу 16 мая совершили пешеходную экскурсию по городу<sup>19</sup>.

Некоторые подробности пребывания Игнатия Юлиановича и его супруги Веры Александровны в Бахчисарае содержит «Дневник» директора Государственного дворца-музея тюрко-татарской культуры У. А. Боданинского. 17 мая 1924 г. он записал: «Приехавший в Бахчисарай академик (арабист) Игнатий Юлианович Крачковский прочел в Музее лекцию “Арабская культура и ее влияние на европейскую культуру”. Присутствовало 20 чел[овек] будущих руководителей массовыми экскурсиями»<sup>20</sup>. На следующий день вместе с уже знакомыми ему по лекции экскурсоводами И. Ю. Крачковский с супругой совершили экскурсию на Тепе-Кермен и на Чуфут-Кале. Разъяснения ленинградским гостям кроме У. А. Боданинского давал и профессор Крымского университета Евгений Владимирович Вульф, который присоединился к экскурсантам вместе с семьей<sup>21</sup>.

<sup>14</sup> Там же. Оп. 3. Д. 144. Л. 1.

<sup>15</sup> Крачковский И. Отчет о командировке в Крым летом 1924 года. С. 663.

<sup>16</sup> Там же.

<sup>17</sup> ПФАРАН. Ф. 1026. Оп. 2. Д. 6. Л. 42 об.

<sup>18</sup> Там же. Л. 43.

<sup>19</sup> Там же.

<sup>20</sup> Бахчисарайский гос. историко-культурный заповедник (БГИКЗ). Кп. 9569. Д. 386. Л. 45.

<sup>21</sup> Там же. Л. 46.

19 мая семья Крачковских вернулась в Симферополь. Игнатий Юлианович отметил: «После вчерашнего похода в Чуфут-Кале и Тепе-Кермен — сегодня совершенно без ног. Придется читать лекцию с трудом»<sup>22</sup>. В Симферополе И. Ю. Крачковский и его супруга находились в постоянном общении с местными историками. И прежде всего — с А.И. Маркевичем. Запись в дневнике И. Ю. Крачковского от 22 мая сообщает: «Вчера попали к Маркевичу, было много всякого, преимущественно родственного народа: не обошлось без речей и солидного возлияния»<sup>23</sup>.

Лекции в местном университете, как свидетельствует дневник, чередовались с поездками в Бахчисарай. Так, 22 мая: «...опять едем в Бахчисарай», а 25-го: «...сейчас возвращаемся в Симферополь»<sup>24</sup>.

25 мая уже Вера Александровна Крачковская прочитала перед сотрудниками экскурсионных баз Бахчисарая две лекции по истории мусульманской архитектуры. Присутствовало двадцать слушателей<sup>25</sup>.

27 мая к находившемуся в Бахчисарае И. Ю. Крачковскому приехал профессор Крымского университета Бекир Вагапович Чобан-заде<sup>26</sup>. Он пожертвовал музею купленную за собственные деньги на симферопольском рынке арабскую рукопись Бурхана ад-Дин ибн Маза, которая отсутствовала в европейских собраниях. Игнатий Юлианович выделил это в опубликованном отчете о поездке<sup>27</sup>.

29 мая И. Ю. Крачковский записал, находясь в крымской столице:

«С приездом сюда существуем мирно, но преимущественно слоняясь по разным достопримечательностям. В здешнем (симферопольском. — А. Н.) музее пицци для арабистики мало. Набрал сегодня конспекты для предполагаемого доклада “Задачи арабистики в Крыму”. В субботу, может быть, проедемся в Евпаторию»<sup>28</sup>.

Субботу и воскресенье 31 мая и 1 июня 1924 г. Крачковские провели в Евпатории, «куда ездили вместе с Филоненкой. Остановились там в самом музее у заведующей Чепуриной и было достаточно неудобно. Из-за перемены поездов уехать пришлось не в понедельник, а в воскресенье утром»<sup>29</sup>. Ленинградские востоковеды посетили караимские кенасы<sup>30</sup>. В.И. Филоненко и П.Я. Чепу-

<sup>22</sup> ПФАРАН. Ф. 1026. Оп. 2. Д. 6. Л. 44 об.

<sup>23</sup> Там же.

<sup>24</sup> Там же.

<sup>25</sup> БГИКЗ. Кп. 9569. Д. 386. Л. 47.

<sup>26</sup> Там же.

<sup>27</sup> Урсу Д. П. Бекир Чобан-заде: Жизнь. Судьба. Эпоха. Симферополь: Крымчупедгиз, 2004. С. 103. Первым об этом сообщил профессор Кильского университета (Германия) Теодор Менцель: *Menzel T. Über die werke des russischen arabisten Kračkovskij // Archiv orientální [Praha]. 1930. Vol. 2. N 1. S. 54–86.*

<sup>28</sup> ПФАРАН. Ф. 1026. Оп. 2. Д. 6. Л. 44 об. — 45.

<sup>29</sup> Там же. Л. 45.

<sup>30</sup> Имеется в виду храмовый комплекс крымских караимов в Евпатории (состоит из здания Большой и Малой кенасы (молитвенных домов), здания религиозной школы (мидраш),

рина показали гостям и книжные сокровища караимской библиотеки Карай-Битиклиги, где И. Ю. Крачковский увидел и множество рукописных свитков. Не тогда ли, в последний майский день 1924 г., у крупнейшего советского востоковеда зародилась мысль о перемещении этого бесценного собрания книг и документов в Ленинград? По крайней мере, дневник академика не содержит никаких эмоций по этому поводу.

По беглому заключению ученого, сделанному по итогам поездки, по своему составу Карай-Битиклиги «напоминает собрание Фирковича в Публичной библиотеке, но уступает в качественном отношении»<sup>31</sup>. Историк выделил находящиеся там на хранении интереснейшие рукописи религиозного содержания.

Полина Яковлевна провела отдельную экскурсию по старому городу. Игнатий Юлианович заметил в дневнике, что она «принадлежит к числу слишком многоречивых»<sup>32</sup>.

8 июня И. Ю. Крачковский записал:

«Сегодня думаем еще раз, напоследок, съездить в Бахчисарай, и через неделю двинуться в Питер. Были на этих днях на представлении татарской драмы из Чора Батыр»<sup>33</sup>.

В Бахчисарае академик продолжал работу в фондах Дворца-музея.

А вот 10 июня произошел конфуз. У. А. Боданинский в «Дневнике» отметил: «Назначенная по инициативе музея публичная лекция академика-арабиста Игн[атия] Юлиан[овича] Крачковского на тему “Задачи арабистики в Крыму” не состоялась вследствие отсутствия слушателей, несмотря на полное и своевременное извещение граждан. Условились совместно с Правлением Союза Всеработпрос, чтобы перенесли лекцию на 11-е число в помещение музея»<sup>34</sup>. 11 июня У. А. Боданинский записал: «Лекция на ту же тему была прочитана в коллективе школьных работников в Бахчисарае, в музейном садике под открытым небом академиком Игн[атием] Юлианов[ичем] Крачковским из Росс[ийской] Академии наук в Ленинграде (Петроград)»<sup>35</sup>. Находясь в Государственном дворце-музее тюрко-татарской культуры в Бахчисарае, академик исследовал и впоследствии поместил в отчете о командировке описания ярлыков, дефтерей и трех десятков рукописей. При этом он отметил помощь, оказанную ему руководителем музея «Хусейном-Эфенди Боданинским»<sup>36</sup>.

---

благотворительной столовой, хозяйственного подворья и нескольких внутренних двори-ков). С 1837 г. — духовный центр караимов России (*Прим. ред.*)

<sup>31</sup> Крачковский И. Ю. Отчет о командировке... С. 666.

<sup>32</sup> ПФАРАН. Ф. 1026. Оп. 2. Д. 6. Л. 45 об.

<sup>33</sup> Там же.

<sup>34</sup> БГИКЗ. Кп. 9569. Д. 386. Л. 48–49.

<sup>35</sup> Там же. Л. 49.

<sup>36</sup> Крачковский И. Ю. Отчет о командировке... С. 664–666.

С остатками некогда богатой археологической коллекции И. Ю. Крачковский ознакомился у И. Е. Свицова (сына известного краеведа, педагога Евгения Ивановича Свицова (1874–1922)). Здесь ленинградскому ориенталисту посчастливилось увидеть четыре ярлыка крымских ханов<sup>37</sup>.

13 июня И. Ю. Крачковский, возвратившись в Симферополь, «занимался преимущественно прощальными визитами. Билеты сам не взял, ибо на станции труба и не знаю, устроят ли мне из Университета»<sup>38</sup>. Билеты для академика нашлись лишь к воскресенью 15 июня: «...если ничто не помешает, отбудем сегодня в половине первого ночи. Напоследок три раза ели чебуреки: у Филоненко, Леманова и Чобан-заде!»<sup>39</sup>

Подводя итог своей научной командировки в Крым летом 1924 г., И. Ю. Крачковский отметил, что «Крымский университет должен подготовить переводчиков, работников» в области ориентального книговедения, «арабистов для кримоведной работы». При этом академик указал на «громадный объем работы, предстоящей будущему поколению» в области крымской ориенталистики<sup>40</sup>.

Важнейшим результатом пребывания И. Ю. Крачковского на полуострове стало его знакомство, переросшее с годами в крепкую научную дружбу с крупнейшим кримоведом эпохи Арсением Ивановичем Маркевичем. Ленинградский ориенталист уже имел представление о многогранной деятельности симферопольского ученого на благо науки благодаря корреспонденциям В. И. Филоненко. В мае–июне 1924 г. А. И. Маркевич консультировал столичного гостя по вопросам библиографии, состояния рукописных фондов и памятников культуры.

Немаловажным итогом пребывания академика в Крыму стало то, что на заседании Таврического общества истории, археологии и этнографии 25 мая 1924 г. он был «единодушно избран действительным членом» этой ведущей краеведческой организации Крыма. Об этом ему было отправлено письмо, датированное 6 июня, подписанное А. И. Маркевичем и Н. Л. Эрнстом: «...во внимание к Вашей энергичной и плодотворной научной деятельности и в надежде на Ваше участие в его скромной работе по изданию истории Тавриды»<sup>41</sup>.

Сразу по возвращении И. Ю. Крачковского в Ленинград в адрес А. И. Маркевича пришло благодарственное письмо от Академии наук «за содействие академику И. Ю. Крачковскому в его работах по Крыму»<sup>42</sup>. Арсений Иванович, скрупулезно обязательный в переписке, 23 августа 1924 г. ответил:

<sup>37</sup> Там же. С. 666–669. См. также: Karaimska Biblijoteka Narodowa (Karaj Bitikligi) // Mysl karaimska. Wilno, 1928. Т. 1, з. 4/5. S. 82.

<sup>38</sup> ПФАРАН. Ф. 1026. Оп. 2. Д. 6. Л. 46 об.

<sup>39</sup> Там же. Л. 47.

<sup>40</sup> Крачковский И. Отчет о командировке... С. 670.

<sup>41</sup> ПФАРАН. Ф. 1026. Оп. 2. Д. 211. Л. 1.

<sup>42</sup> Там же. Оп. 3. Д. 592. Л. 1.



«Я очень сконфужен, так как по своим старческим немощам не мог быть Вам полезен в такой мере, в какой желал. Но могу сказать одно, что Ваш приезд в Симферополь был светлым праздником для меня, хоть маленького научного работника, но горячо любящего Крым. <...>

Для Крымского университета Ваш приезд сюда был особенно важным событием, озарившим этот печальный период его существования»<sup>43</sup>.

После посещения И.Ю. и В. А. Крачковскими Дворца-музея в Бахчисарае укрепились их научные контакты с У. А. Боданинским. Так, директор музея спустя год после описываемых событий, в июне 1925 г., писал в Ленинград:

«Глубокоуважаемые Вера Александровна и Игнатий Юлианович.

Спасибо Вам за память. Всё, что Вы прислали мне из печатного, я получил. К сожалению, мы бедны изданиями и поэтому посылаю Вам только путеводитель наш, изд[ания] 1925 года. Из новостей, я пришлю Вам тексты арабских надписей, найденных тамг на мусульманских памятниках при археологических разведках на территории Эски-Юрт. По-моему, весьма любопытно. С начала июля в Крыму предположена научная экспедиция по собиранию, изучению памятников татарской культуры в Крыму. Экспедиция будет разделена на 2 группы (этнографич[еская] и археологическая группы).

В Бахчисарае сейчас очень хорошо. С конца мая до 5-х чисел июня были здесь сильные дожди, земля получила много влаги, так что растительность и посевы имеют хороший вид. Виды на урожай довольно хорошие. Было бы хорошо, если бы Вы приехали в Крым. Милости просим к нам. Помещение во дворце есть.

Мы с Ольгой Александр[овной]<sup>44</sup> были с конца апреля по конец мая в Москве. Предполагал я съездить в Ленинград, но это мне не удалось, несмотря на то, что меня туда усиленно звал И. А. Орбели, с которым я увиделся на съезде при Главнауке. Будущей зимой я возьму туда специальную командировку для изучения материалов по тат[арским] памятникам.

Ягья Эфенди Байбуртлы, Ольга Ал[ександровна] и вся наша молодежь шлют Вам сердечный привет»<sup>45</sup>.

Уже после посещения Крыма, имея общее представление о составе рукописных и книжных ориентальных фондов в местных собраниях, И. Ю. Крачковский мог планировать свою дальнейшую деятельность. Осенью 1925 г. он стал готовиться к годичной командировке в арабские страны — Египет, Сирию, Палестину — с целью пополнения книжных фондов Азиатского музея новейшей литературой.

С 1924 г. В. И. Филоненко подробно знакомил Игнатия Юлиановича с результатами раскопок Николая Львовича Эрнста, которые тот проводил в 1924 г.

<sup>43</sup> Там же. Говоря о «печальном периоде» истории университета, А. И. Маркевич имел в виду перевод вуза в разряд педагогического института.

<sup>44</sup> Супруга У. А. Боданинского, дочка архитектора Ивана Александровича Фомина.

<sup>45</sup> ПФАРАН. Ф. 1026. Оп. 3. Д. 144. Л. 3 — 3 об.

совместно с московским историком и археологом Алексеем Степановичем Башкировым в Старом Крыму (древнем Солхате)<sup>46</sup>. Интересно, что на важность изучения памятников Старого Крыма внимание И. Ю. Крачковского впервые обратил А. И. Маркевич. Так, 25 марта 1925 г. руководитель крымских краеведов писал в Ленинград:

«Я бесконечно рад, что обратил Ваше внимание на Эски-Крым, который дождался, наконец, научного обследования, к сожалению, так запоздавшего»<sup>47</sup>. А. И. Маркевич подробно познакомил своего коллегу с результатами раскопок 1924 г., проведенных под руководством А. С. Башкирова, И. Н. Бороздина и Н. Л. Эрнста. При этом он заметил:

«Я не теряю надежды и уверенности, что Вы, Игнатий Юлианович, не отложите в долгий ящик мысли о поездке в Старый Крым, куда тоже влечет Вас. Не приедете ли в этом году? Кстати, в мае текущего года будет у нас Всекрымский краеведческий съезд (приблизительно 10–17 мая), в котором Ваше участие было бы так дорого для нас, а в будущем году предполагается устроить в Крыму археологический съезд по случаю 100-летия со времени открытия в Керчи музея древностей. Кроме всего другого имейте в виду, что Старый Крым редчайшее место для отдыха, а близость Судака, Отуз, Феодосии и Керчи делают его еще более интересным местом летнего пребывания, т. е. вообще вакационного»<sup>48</sup>.

В этом же письме Виктор Иосифович сообщал о результатах крупной научной экспедиции, проводившейся Государственным дворцом-музеем тюрко-татарской культуры в Бахчисарае при участии Всесоюзной научной ассоциации востоковедения: «Боданинский “со товарищи” вернулся из экспедиции по Перекопскому уезду и тоже, говорят, привез много ценного материала. Причем с ним ездил Акчокраклы, который сосредоточил всё свое внимание на тамгах татарских. До 500 знаков привез»<sup>49</sup>.

В 1929 г. И. Ю. Крачковский вновь посетил Крым для непосредственного ознакомления с эпиграфическими памятниками арабской письменности, сохранившимися на полуострове. В воссоздании подробностей этой поездки академика нам вновь способствует его дорожный дневник. Ученый отбыл из Ленинграда 21 июля<sup>50</sup>. Если в 1924 г. И. Ю. Крачковский ознакомился с рукописными и книжными собраниями Бахчисарая, Евпатории и Симферополя, то на сей раз его основное внимание привлекли надписи, выявленные в результате раскопок 20-х гг. XX в. в Старом Крыму. Найденные там памятники поместили в специально созданное «Древлехранилище», где было собрано более сотни «доступных

<sup>46</sup> Там же. Д. 922. Л. 106 – 106 об.

<sup>47</sup> Там же. Д. 592. Л. 4.

<sup>48</sup> Там же. Л. 4 об. – 5.

<sup>49</sup> Там же. Д. 922. Л. 145.

<sup>50</sup> Там же. Оп. 2. Д. 6. Л. 331.

транспортировке» экспонатов<sup>51</sup>. 23 июля ученый записал: «11 часов дня. Приехали в Старый Крым. Нас доставили на дачу Туманова, где в отсутствие хозяев всё достаточно примитивно. Но с неделю просуществовать будет можно»<sup>52</sup>. Во время экспедиции академик И. Ю. Крачковский особое внимание уделил исследованию надгробий и надписей на мечети Узбека. В своем отчете, составленном для Академии наук, ученый отметил, что местными научными силами проведена уже определенная работа по изучению и сохранению этнографических памятников: «Они вплотную занимают большую комнату и два крытых сарая во дворе». При этом академик подчеркнул роль в проведении памятникоохранных работ Османа Нури-Асановича Акчокраклы<sup>53</sup>. Запись дневника от 27 июля, суббота: «Пребываем на даче Туманова, из которой выбираемся во вторник. Существовать можно, не считая всяких хозяйственных неудобств»<sup>54</sup>.

Узнав о приезде на полуостров И. Ю. Крачковского, У. А. Боданинский писал ему 1 августа 1929 г. в Старый Крым: «Очень рад, что Вы в Ст[аром] Крыму. Думаю, что Вы будете там чувствовать себя хорошо. Во 2-ю половину августа мы думаем ехать туда заканчивать раскопки медресе рядом с мечетью Узбека. Одновременно пишу Эдуард[у] Яковл[евичу] Бэру, чтобы он оказал Вам всяческое содействие по осмотру ст[аро]крымских древностей и армянского монастыря XIV в. “Сурб-Хач”, расположенного в лесу в 4–5 километрах от города»<sup>55</sup>.

С Арсением Ивановичем Маркевичем И. Ю. Крачковский, как свидетельствует дневник, встретился в сентябре, после экспедиционных разысканий в Старом Крыму. 5 сентября Крачковские «прибыли в Феодосию на автомобиле. Завтра в Симферополь. Остановлюсь в отеле Астория. Осмотрели галерею Айвазовского»<sup>56</sup>. Приехав в Симферополь, в субботу 7 сентября «пробыли у Маркевича и бродили в городе за всякими покупками»<sup>57</sup>.

Имея возможность оперировать крымскими материалами, И. Ю. Крачковский, вернувшись в Ленинград, занялся разработкой программы для подготовки свода арабских источников для Восточной Европы, Кавказа и Средней Азии. Спустя год, 27 ноября 1930 г., он выступил с докладом о своем проекте в отделении общественных наук АН СССР. Предполагалось: 1) составить критико-библиографическую сводку всей научной литературы (русской и иностранной) с привлечением арабских источников, которые имеют отношение к Восточной Европе; 2) составить

<sup>51</sup> Отчет о деятельности Академии наук Союза Советских Социалистических Республик за 1929 год: В 2-х ч. Л.: Изд-во АН СССР, 1930. Ч. 2: Отчет о научных командировках и экспедициях. С. 189.

<sup>52</sup> ПФАРАН. Ф. 1026. Оп. 2. Д. 6. Л. 331.

<sup>53</sup> Отчет о деятельности Академии наук Союза Советских Социалистических Республик за 1929 год. С. 189.

<sup>54</sup> ПФАРАН. Ф. 1026. Оп. 2. Д. 6. Л. 332.

<sup>55</sup> Там же. Оп. 3. Д. 144. Л. 5. Эдуард Яковлевич Бэр (1891–?) — представитель Крым-ОХРИСа в Старом Крыму, смотритель памятников старины города Старый Крым.

<sup>56</sup> ПФАРАН. Ф. 1026. Оп. 2. Д. 6. Л. 334 об.

<sup>57</sup> Там же. Л. 335.

именную картотеку тех арабских писателей, сведения которых полностью или частично подвергались анализу или переводу в предшествующей литературе; по окончании этой работы, отчасти в ходе ее можно будет: 3) установить фиксированный список тех авторов, которые должны войти в издание, по возможности с точным определением материала в каждом отдельном случае и 4) выработать детальные принципы перевода и техники издания. К сожалению, предполагавшийся И. Ю. Крачковским свод не был подготовлен. Слишком грандиозным оказалось запланированное мероприятие. Лишь над отдельными, наиболее интересными памятниками, в том числе и крымского происхождения, велась работа.

Дружба И. Ю. Крачковского и А. И. Маркевича продолжалась до последних дней жизни последнего. Тем более что Арсений Иванович всё чаще и чаще в суровые 30-е гг. наведывался к дочери в Ленинград, а перед войной и вовсе переселился туда. В личном архивном фонде А. И. Маркевича, который оформился в рукописном отделе Научного архива Института истории материальной культуры РАН, сохранился неопубликованный отзыв Игнатия Юлиановича о научно-общественной жизни А. И. Маркевича<sup>58</sup>, написанный после войны, очевидно, по просьбе руководства Института, когда образовывался личный архивный фонд научного лидера крымоведения.

Между тем приезд столь крупной научной фигуры, каким был академик И. Ю. Крачковский, в Крым и чтение им курса в Крымском университете были знаковыми для развития крымской ориенталистики 20-х гг. XX в. Сложившиеся в ходе поездок научные и личные контакты оказали заметное влияние на дальнейшее развитие крымоведения.

#### References

- Karaimska Biblioteka Narodowa (Karaj Bitikligi) // Mysl karaimska. Wilno, 1928. T. 1, z. 4/5.  
*Krachkovskij I.* Otchet o komandirovke v Krym letom 1924 goda // Izvestija Rossijskoj Akademii nauk. Ser. 6. 1924. T. 18; № 12/18, ch. 2.  
*Menzel T.* Über die werke des russischen arabisten Kračkovskij // Archiv orientální [Prah]. 1930. Vol. 2; № 1. S. 54–86.  
*Nepomnjashhij A. A.* Akademik G. Ju. Krachkovsk'kij i krims'ki orientalisti: Za materialami epistoljariju // Shidnij svit. 2008. № 1. S. 194–209; № 2. S. 148–157.  
 Otchet o dejatel'nosti Akademii nauk Sojuza Sovetskikh Socialisticheskikh Respublik za 1929 god: v 2 ch. L.: Izd-vo AN SSSR, 1930. Ch. 2: Otchet o nauchnyh komandirovках i jekspediciyah.  
*Ursu D. P.* Bekir Choban-zade: Zhizn'. Sud'ba. Jepoha. Simferopol': Krymchpedgiz, 2004. S. 103.

#### Список литературы

- Непомнящий А. А.* Академик Г. Ю. Крачковский і кримські орієнталісти: За матеріалами епістолярію // Східний світ. 2008. № 1. С. 194–209; № 2. С. 148–157.  
*Крачковский И.* Отчет о командировке в Крым летом 1924 года // Известия Российской Академии наук. Сер. 6. 1924. Т. 18. № 12/18, ч. 2.  
*Урсу Д. П.* Бекир Чобан-заде: Жизнь. Судьба. Эпоха. Симферополь: Крымчпедгиз, 2004.  
*Menzel T.* Über die werke des russischen arabisten Kračkovskij // Archiv orientální. Praha, 1930. Vol. 2, № 1. S. 54–86.  
 Karaimska Biblioteka Narodowa (Karaj Bitikligi) // Mysl karaimska. Wilno, 1928. T. 1, z. 4/5.

<sup>58</sup> Научный архив Института истории материальной культуры Российской академии наук. Ф. 32. Оп. 1. Д. 64. Л. 1–3.

**Н. М. Корнева, М. Ю. Крапивин**

## Следственное дело сотрудников Ленинградского центрального исторического архива (март–август 1929 г.)

Архив Св. Синода был выделен в отдельную структурную единицу в 1738 г. В 1839 г. он получил статус самостоятельного учреждения при Св. Синоде.

Декретом от 1 июня 1918 г. архивы высших и центральных учреждений и ведомств, упраздненных революцией, образовали Единый государственный архивный фонд (ЕГАФ). Фонд был разделен по тематическому принципу на секции, а секции, в свою очередь, на отделения, что означало их административное подчинение (но без топографического объединения хранилищ). Архив бывшего Св. Синода вошел в состав 2-го Петроградского отделения IV секции (с 1923 г. — Историко-культурной секции) ЕГАФ. Управляющим 2-го отделения был назначен К. Я. Здравомыслов<sup>1</sup>, его помощником (в качестве зав. отделом 2-го отделения) — Н. В. Туберозов<sup>2</sup>.

<sup>1</sup> Здравомыслов Константин Яковлевич (1863–1933(?)). Сын священника. Дворянин, действительный статский советник (1911 г.). В 1887 г. окончил (со степенью кандидата богословия) СПб Духовную академию (далее — СПбДА), в 1891 г. — Археологический ин-т в СПб. Начиная с 1889 г. служил в архиве Св. Синода (с января 1896 г. — в качестве архивариуса). 14 сентября 1903 г. был назначен начальником Архива и Библиотеки Св. Синода (Российский государственный исторический архив — РГИА. Ф. 797. Оп. 73. Стол 1. 1-е отд. Д. 133а; Ф. 814. Оп. 1. Д. 112. Л. 9, 149–171; Ф. 6900. Оп. 1. Д. 693; Оп. 10. Д. 13. Л. 103 об.; Оп. 22. Д. 91. Л. 6).

<sup>2</sup> Туберозов Николай Васильевич (1872–?). Сын священника. Коллежский советник. Окончил СПбДА (со степенью кандидата богословия), несколько курсов СПб Императорского ин-та (по юридическому фак-ту), в 1897 г. — Археологический ин-т в СПб. С января 1896 г.

В структуру 1-го Петроградского отделения IV Секции ЕГАФ был включен (на правах V отдела) архив бывшего Департамента духовных дел иностранных исповеданий (ДДДИИ) Министерства внутренних дел<sup>3</sup>. Заведование им с августа 1918 г. было поручено С. А. Аннинскому<sup>4</sup>.

Ликвидация секционного строения ЕГАФ произошла в 1925 г. Согласно положению о ЕГАФ, утвержденному Коллегией Центрархива<sup>5</sup> 3 февраля 1925 г., отныне весь архивный фонд РСФСР был разделен на документы дореволюционного периода, которые должны были храниться в исторических архивах (центральных, в Москве и Ленинграде, и местных), и документы пореволюционного–советского периодов (с 1 марта 1917 г.), которые подлежали хранению в архивах Октябрьской революции (опять-таки центральных и местных).

В мае 1925 г. на базе местных отделений секций ЕГАФ был образован ЛЦИА – Ленинградский центральный исторический архив<sup>6</sup> (с 23 марта 1929 г. – Ленинградское отделение Центрального исторического архива РСФСР<sup>7</sup>).

---

служил в Архиве и Библиотеке Св. Синода, сначала в качестве помощника архивариуса, затем, с января 1908 г., на должности архивариуса. По сведениям на 5 марта 1924 г. – заведующий отделом 2-го Отделения Историко-культурной секции ЕГАФ (Ленинградского отделения Центрархива). Был уволен 1 июня 1926 г. с должности старшего архивиста «по сокращению штата». С 1926 г. – архивариус Областкома Союза химиков (РГИА. Ф. 814. Оп. 1. Д. 111. Л. 8–10, 18, 34 – 35 об., 39; Д. 124. Л. 181; Ф. 6900. Оп. 1. Д. 869. Л. 2–3; Архив Управления ФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области (АУФСБ РФ по СПб и ЛО). Д. П-29558: в 1 т. [Следственное дело № 736 по обвинению гр.гр. Здравомыслова К. Я. и Туберозова Н. В. в совершении ими преступлений, предусмотренных ст.ст. 58 п. 11 и 78 ч. II У.К. (13 марта 1929 г. – 17 августа 1929 г.). 212 л.]. Л. 116 – 116 об.).

<sup>3</sup> РГИА. Ф. Архив архива. Оп. 3. Д. 29. Л. 3.

<sup>4</sup> Аннинский Сергей Александрович (1891–1942/1943). В 1913 г. окончил СПб Историко-Филологический ин-т (впоследствии – Ленинградский ин-т философии, литературы и лингвистики). С 15 июля 1918 г. – помощник архивиста (с октября 1918 г. – архивист) 1-го Пг. отделения IV Секции ЕГАФ. С 15 августа 1918 г. – и. о. зав. б. Архивом ДДДИИ МВД. С сентября 1919 г. – заведующий V отделом 1-го отделения IV секции. По сведениям на 4 марта 1924 г. – зав. отделом 1-го отделения Историко-культурной секции ЕГАФ (Ленинградского отделения Центрархива). С 1925 г. – ст. архивист 1-го отделения Историко-культурной секции. С января 1926 г. – старший инспектор ЛЦИА (состоял в должности инспектора до 1 января 1930 г.) (РГИА. Ф. 6900. Оп. 1. Д. 621. Л. 18, 73; Д. 625; Оп. 21. Д. 71. Л. 12 – 12 об.; Ф. Архив архива. Оп. 3. Д. 29. Л. 1 – 4 об., 5–6, 9, 11 – 11 об., 16, 19).

<sup>5</sup> Первый общероссийский орган управления архивной отраслью, Главное управление архивным делом (ГУАД; Главархив), начал функционировать 15 июня 1918 г. в ведении Наркомпроса РСФСР в Петрограде. Тогда же было создано Московское областное управление УАД, на базе которого 13 ноября 1918 г., после переезда Советского правительства в Москву, сформировалась коллегия ГУАД Наркомпроса РСФСР. В северной столице 19 июля 1918 г. было образовано Петроградское отделение ГУАД. 26 ноября 1921 г. Президиум ВЦИК принял постановление о переводе Главархива из Наркомпроса в ведение ВЦИК и переименовании его в Центральный архив (Центрархив) РСФСР.

<sup>6</sup> Петроградские / Ленинградские отделения секций ЕГАФ в конечном итоге трансформировались в отделы ЛЦИА.

<sup>7</sup> В январе 1929 г. Центрархив был преобразован в Центральное архивное управление (ЦАУ) РСФСР, состоявшее, как и ранее, при ВЦИК и непосредственно подчинявшееся Президиуму ВЦИК. Согласно утвержденному в январе 1929 г. «Положению об Архивном

В 1925–1927 гг. в северной столице была осуществлена концентрация архивных материалов (первоначально размещавшихся более чем в 30 хранилищах, разбросанных по всему городу)<sup>8</sup>. В результате документы по истории «народного хозяйства, культуры, быта и права» были в основном размещены в зданиях Сената и Синода. Сюда же «переехали» и материалы бывшего ДДДИИ МВД, переданные (в июне–июле 1925 г.) в ведение К. Я. Здравомыслова<sup>9</sup>.

\* \* \*

Как известно, в среде петроградских архивистов после октября 1917 г. не раз проводились чистки по политическим мотивам. Так, весной 1921 г. на места было разослано обязательное постановление Коллегии Главархива от 26 февраля 1921 г. (делопроизводственный № 891/23 за подписью помощника зав. Главархивом В. Н. Сторожева), в котором, в частности, говорилось: «Ввиду того, что декрет от 21 января определенно воспрещает служителям культа занимать должности в Наробразах, признать недопустимым оставление на службе служителей каких-либо культов. В случае действительной незаменимости сотрудников, подлежащих увольнению согласно декрета от 21 января, заведующие Губархивами обязаны представить в Коллегию подробные мотивированные сведения об этих сотрудниках с указанием их образовательного ценза, научного архивного стажа, характера работ, выполняемых ими в архиве и т. д.»<sup>10</sup> В результате в середине 1921 г. во 2-м Петроградском отделении IV секции ЕГАФ лишились работы: помощник редактора (бывший проф. СПб Духовной академии<sup>11</sup>, магистр богословия, протоиерей) Василий Максимович Верюжский;

Управления РСФСР», совокупность центральных архивохранилищ, в которых были сосредоточены материалы дореволюционного периода, образовывали Центральный исторический архив РСФСР с двумя отделениями, Московским (МОЦИА) и Ленинградским (ЛОЦИА — переименование состоялось 23 марта 1929 г.). Впрочем, превращение Ленинградского архива из самостоятельного учреждения в филиал не повлекло никаких существенных изменений ни в составе фондов, ни в структуре архивохранилищ и отделов.

<sup>8</sup> Весной 1924 г. произошло перераспределение и размежевание фондов между Ленинградским губернским архивным бюро и Ленинградским отделением Центрархива (бывшим Петроградским отделением Главархива). Согласно постановлению объединенного заседания представителей Ленгубисполкома, ЛГАБ и ЛО Центрархива от 5 марта 1924 г., к ведению Ленинградского отделения отошли все дореволюционные фонды центральных государственных учреждений Российской империи (а первое время также и сбор документов действующих советских организаций республиканского и союзного подчинения), а к губернскому бюро — весь комплекс документов учреждений губернского уровня как дореволюционного, так и советского периодов. Среди прочих архивных дел в Губархив были переданы и делопроизводственные материалы СПб-Пг Духовной консистории, находившиеся со времени ее закрытия (1919 г.) во 2-м отделении IV секции ЕГАФ.

<sup>9</sup> С осени 1925 г. К. Я. Здравомыслов — старший архивист.

<sup>10</sup> РГИА. Ф. 6900. Оп. 1. Д. 446 (О служителях религиозных культов сотрудников ПО (Петроградского отделения) Главархива. Январь–июль 1921 г.). Л. 16 — 16 об.

<sup>11</sup> В 1919–1922 гг. во 2-м отделении работали многие профессора Пг Духовной академии (после ее закрытия): И. Г. Айвазов, А. И. Бриллиантов, А. А. Бронзов, В. М. Верюжский, Н. Н. Глубоковский, И. А. Карабинов, Б. В. Титлинов и др.

старший архивист (бывший проф. СПб Духовной академии, магистр богословия, протоиерей) Петр Иванович Лепорский; старший архивист (протоиерей) Ксенофонт Павлович Виноградов; старший архивист (священник) Афанасий Федорович Образский; старший архивист (протоиерей) Николай Васильевич Миловидов; старший архивист (возможно, протоиерей) Федор Дмитриевич Филоненко; архивист (возможно, протоиерей) Дорофей Филофеевич Ярушевич; архивариус 2-го разряда (возможно, протоиерей) Николай Федорович Платонов<sup>12</sup>.

Однако Туберозова и Здравомыслова в силу их высокой квалификации заменить в архиве бывшего Св. Синода, судя по всему, было нечем, и они продолжали оставаться на своих местах: первый — до июня 1926 г. (был уволен по сокращению штатов), второй — до октября 1929 г. (за год до этого, в октябре 1928 г., Здравомыслова отстранили от руководства архивом бывшего Св. Синода<sup>13</sup>, после того как 1-й и 2-й Историко-культурный отделы ЛЦИА, бывшие в свое время 1-м и 2-м Отделениями Историко-культурной секции ЕГАФ, были объединены в один отдел<sup>14</sup>, переподчиненный А. С. Николаеву<sup>15</sup>).

Зимой 1928/1929 г. в ленинградской печати появилось сообщение о неожиданном обнаружении в помещениях Ленинградского губернского архивного бюро нескольких «папских булл» из состава фонда ДДДИИ МВД, которые с лета 1925 г. должны были находиться (вместе с фондом) в архивохранилище ЛЦИА в историческом здании Синода. При сверке наличия булл было зафиксировано отсутствие 73 документов из 99, что было поставлено руководством ЛЦИА в вину Здравомыслову лично («оставление на месте или пропажа»)<sup>16</sup>.

В начале 1929 г. в органы ОГПУ поступает информация, что «бывший Синодальный Архив разворовывается и расхищаемые материалы распродаются»<sup>17</sup>.

<sup>12</sup> РГИА. Ф. 6900. Оп. 1. Д. 446. Л. 17 — 18 об., 21 — 21 об.

<sup>13</sup> По сведениям на 13 марта 1929 г., Здравомыслов — «архивист» Историко-культурного отдела ЛЦИА (ЛОЦИА).

<sup>14</sup> РГИА. Ф. 6900. Оп. 21. Д. 71 [Ленинградское отделение Центрального исторического архива. Злоупотребления с архивными материалами (20 ноября 1928 г. — 13 марта 1929 г.). 26 л.]. Л. 1а, 2 — 2 об.

<sup>15</sup> Николаев Александр Сергеевич (1877 — после 1934). Выпускник СПб Императорского ун-та. С 1902 г. сотрудник, с 1916 г. — нач. Архива М-ва народного просвещения. С 1 июня 1918 г. — Управляющий 1-м Пг отделением IV секции ЕГАФ, председатель совещания управляющих петроградскими отделениями секций ЕГАФ. С октября 1928 г. Николаеву был переподчинен и бывший Синодальный архив. По сведениям на февраль–март 1929 г. — архивист ЛЦИА (ЛОЦИА), позднее — старший архивист. Уволился из штата ЛОЦИА с 12 января 1931 г. по собственному желанию (РГИА. Ф. 6900. Оп. 1. Д. 789. Оп. 11. Д. 3. Л. 3).

<sup>16</sup> РГИА. Ф. 6900. Оп. 21. Д. 71. Л. 12 — 13 об.; АУФСБ РФ по СПб и ЛО. Д. П-29558. Л. 4 — 4 об.

<sup>17</sup> 5 мая 1925 г. «Комиссия по проведению Отделения Церкви от Государства при ЦК РКП(б)» (АРК) поручила ОГПУ (прот. № 66, п. 3) «командировать в Ленинград соответствующих товарищей для просмотра» Синодального архива «и извлечения из него нужных материалов». 27 июня 1925 г. АРК дала указание (прот. б/ № , п. 3) Агитпропу



Среди прочего, становится известно, что бывший сотрудник 2-го отделения М. Ф. Паозерский<sup>18</sup> обратился в Центральный совет союза безбожников (ЦССБ) с предложением купить у него документальные материалы по истории Русской церкви на сумму 800 руб. В ходе обыска у него на квартире, проведенного чекистами 5 марта 1929 г., были обнаружены копии писем архиеп. Антония (Храповицкого) к митр. Флавиану (Городецкому)<sup>19</sup>, подлинники которых Паозерским уже были проданы ЦССБ за 80 руб.<sup>20</sup>

В этих условиях коллегия Центрархива поручила своим сотрудникам «произвестить негласное наблюдение» за архивом бывшего Св. Синода. В результате проверяющие пришли к выводу, что Здравомыслов, получив «секретный фонд Синода» «в полное безконтрольное владение», использовал свое служебное положение, «дабы принести ущерб Советской Власти в деле борьбы <...> с контрреволюционной церковью». Для этого он «всячески утаивал»

---

ЦК, ВЦИК, ОГПУ ввести своих сотрудников в состав специально сформированной Центрархивом РСФСР Комиссии, призванной осуществить «силами партийцев» разборку материалов архива Синода (Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 112. Д. 775. Л. 36, 38). Осознавая «значение этого архива, являющегося фактически ценнейшим политическим архивом — архивом религиозной контрреволюции», и открывавшего «Советской власти широкие возможности в деле борьбы за духовное раскрепощение трудящихся», органы ОГПУ отдали распоряжение Ленинградскому отделению Центрархива опечатать «секретный фонд» бывшего Св. Синода, что, однако, сделано (по неизвестным нам причинам) не было (АУФСБ РФ по СПб и ЛО. Д. П-29558. Л. 206).

<sup>18</sup> Паозерский Михаил Федорович (1866 — после 12 декабря 1930 г.). Происходил из семьи сельского священника. Окончил СПб Духовную семинарию (1887 г. (?)). Обучался в СПбДА, но был исключен из числа студентов. В 1907 (по другим сведениям, в 1908) г. «отказался от священства». После этого зарабатывал на жизнь в качестве журналиста ряда повременных печатных изданий, в частности заведовал отделом хроники в газете «Вечернее время». В первые годы советской власти служил в Отделе снабжения Союза коммун Северной области, а также «в Центральном Жил[ищном] Отд[еле]». С 1 сентября по 11 ноября 1920 г. — зав. «церковным» («ликвидационным») отделением Петроградского губотдела юстиции. По рекомендации Президиума Ленгубисполкома 11 августа 1924 г. поступил на работу в Ленинградское отделение Центрархива в качестве «научного сотрудника» (позднее был переведен на должность старшего архивариуса 2-го отделения Историко-культурной секции ЕГАФ). Однако уже в 1925 г. был уволен по сокращению штатов (Центральный государственный архив Московской области. Ф. 4776. Оп. 1. Д. 77. Л. 23, 25а — 26, 28 — 28 об., 40 — 40 об., 42, 48; АУФСБ РФ по СПб и ЛО. Д. П-17871: в 1 т. Л. 32 — 32 об.; Д. П-29558. Л. 21–22, 30 — 31 об., 56 — 65 об., 121–126, 205–211; Научно-исторический архив Государственного музея истории религии. Ф. 4. Оп. 2. Д. 83. Л. 6, 10 — 10 об.; РГИА. Ф. 6900. Оп. 1. Д. 797; Государственный архив Российской Федерации. Ф. А-353. Оп. 2. Д. 714. Л. 60 — 61 об.).

<sup>19</sup> РГИА. Ф. 796. Оп. 205. Д. 697. — Письма Антония, ректора Казанской духовной академии, затем епископа Волынского, митрополиту Флавиану по разным вопросам духовного ведомства, с соображениями и отзывами о современных политических событиях (о забастовках и демонстрациях, манифесте 17 окт. 1905 г. и др.). 1898–1907 гг. 123 л. Первая заверка относится к 1956 г. (в деле — 69 писем).

<sup>20</sup> Документальных подтверждений «коммерческих начинаний» Паозерского в деле нет (АУФСБ РФ по СПб и ЛО. Д. П-29558. Л. 205).

от заинтересованных советских органов важные для ведения антирелигиозной агитации архивные документы (бумаги бывшего иеромонаха Илиодора (Труфанова), часть дел о канонизации и обретении мощей), ограничивал к ним доступ, ссылаясь на гриф «секретности», отказывался их предоставлять под предлогом, что «нужных материалов или совсем нет, или они не разобраны», возможно, даже уничтожал некоторые из документов. «Московские товарищи обнаружили отсутствие комплектов “знаменитых Почаевских известий”»<sup>21</sup>, которые числились в описях, и произведений «Восторговского Изд-ва “Верность”»<sup>22</sup>, каковые резко компрометировали церковь и потому представляли известную ценность»<sup>23</sup>. 9 марта 1929 г. Центрархив РСФСР дал указание ЛЦИА установить связь с Полномочным представительством ОГПУ в Ленинградском военном округе (ПП ОГПУ в ЛВО) «по вопросу о расследовании факта исчезновения архивных материалов»<sup>24</sup>.

7–14 марта 1929 г. силами сотрудников ЛЦИА «была организована неожиданная ревизия секретного фонда Синодального архива» (Канцелярия Синода. Секретные дела)<sup>25</sup>. Поверочная комиссия установила, что: 1) часть документов, значившихся в описях, отсутствует, в том числе 109 из 178 писем архиеп. Антония и 73 из 99 «папских булл», входивших в собрание ДДДИИ МВД; 2) часть материалов, напротив, не занесена в опись, в том числе упомянутый в систематическом указателе дневник бывшего начальника архива Св. Синода Аполлинария Николаевича Львова (1848–1901)<sup>26</sup>; 3) кроме того, в систематическом указателе наличествовали отсылки «на секретный архив Канцелярии Обер-Прокурора Синода, о котором до сих пор не было сведений ни у уполномоченного Центрархива, ни у зав. отделом, ни у Комиссии»<sup>27</sup>.

<sup>21</sup> Почаевские известия. Почаев (Волынск. губ.). 1906–1909. Ежедн. печатный орган Почаевского отдела Союза Русского народа. Печаталось это издание в типографии Лавры. Редактировали одновременно: архимандрит Виталий (Максименко); иеромонах Илиодор (Труфанов). Взамен «Почаевских известий» выход. прибавление к «Почаевскому листку».

<sup>22</sup> «Верность»: книгоиздательство (Москва, 1906–1913(?)).

<sup>23</sup> АУФСБ РФ по СПб. и ЛО. Л. 205–206.

<sup>24</sup> РГИА. Ф. 6900. Оп. 21. Д. 71. Л. 26.

<sup>25</sup> Там же. Ф. 796. Оп. 205. Канцелярия Синода. Секретные дела. 944 ед. хр.

<sup>26</sup> Дневник Львова был частично опубликован (опущено 160 рукописных страниц) в историческом журнале «Красный архив» («Князья церкви») (Из дневника А. Н. Львова) / Подг. А. К. Дрезена, прим. А. С. Николаева и З. И. Гурской // Красный архив. 1930. Т. 2 (39). С. 108–148; Т. 3 (40). С. 97–124). В РГИА ныне хранится только дневник А. Н. Львова за 1891–1894 гг. (включительно) (РГИА. Ф. 796. Оп. 205. Д. 778. Л. 1 – 149 об.). Опубликовано: *Львов Аполлинарий Николаевич*. Дневник // Нестор [СПб.], 2000. № 1. С. 9–164. В публикации же «Красного архива» есть записи и за 1895, 1896 и 1898 гг.

<sup>27</sup> «Две описи секретного архива канцелярии обер-прокурора Синода; при них записка с характеристикой этого архива» 19–21 марта 1929 г. были обнаружены Николаевым в ящиках письменного стола Здравомыслова (РГИА. Ф. 6900. Оп. 21. Д. 71. Л. 16–19). Топографическое расположение дел этого фонда указал сам Здравомыслов на допросе 27 марта

Из объяснений, данных Здравомысловым членам Комиссии, явствовало, что над так называемым «секретным архивом» в 1903–1929 гг. «вообще не производилось работ в смысле его упорядочения», он «ни разу за этот период не подвергался ревизии, и состава его К.Я. Здравомыслов в точности не знал <...>. Хранился этот архив в запертых, но не опечатанных шкафах, ключ от которых лежал в ящике стола Зав. Архивом Синода <...>. На памяти К.Я. Здравомыслева посторонние исследователи не имели доступа к архиву, но что касается сотрудников архива, дело не вполне ясно: с одной стороны — принципиально архив был недоступен и им, но на практике пользование им было возможно, так как, по словам К.Я. Здравомыслева, во время его отсутствия ключ мог быть взят из стола». Всё вышесказанное свидетельствовало, по мнению членов Комиссии, «в лучшем случае о безответственно халатном отношении Здравомыслева к своим обязанностям <...>. Отнести такое состояние столь важного секретного фонда Синода к неопытности Здравомыслева ни в коем случае нельзя»<sup>28</sup>.

Параллельно с архивной «ревизией» чекисты в ночь с 13 на 14 марта арестовали Здравомыслева<sup>29</sup> и Туберозова. При этом на квартире у Здравомыслева был изъят дневник А. Н. Львова, вынесенный им из ЛЦИА.

В ходе продолжавшегося с марта по август 1929 г. следствия сотрудники ОГПУ сосредоточились на двух сюжетных линиях:

1) Положение дел во вверенном Здравомыслову архиве

Сознательное приведение его в «хаотичное» состояние создавало, по мнению чекистов, благоприятные условия для хищений. К.Я. Здравомыслов на допросах в ОГПУ (23, 27 марта и 29 июля 1929 г.) заявил, что «беспорядок» в системе хранения архивных материалов объясняется тем, что «секр. фонд, как не представляющий особого секрета, подлежал распределению по другим фондам». Причины «недостачи» ряда архивных документов Здравомыслов видел в том, что «они были приобщены к другим фондам, но отметки в описях, по видимому, случайно не были проведены»<sup>30</sup>. «Лично сам ни одного из <...> документов я не брал<sup>31</sup>, — говорил он, — за исключением дневника Львова, который <...> передан мне в личное пользование сестрою Львова, ныне умершей»<sup>32</sup>.

---

1929 г.: «Секретный архив обер-прокурора находится во 2-м этаже здания, в конце фонда Канц. обер-прокурора. Имеет опись. Разбору после перевозки не подвергался» (АУФСБ РФ по СПб и ЛО Д. П-29558. Л. 93).

<sup>28</sup> РГИА. Ф. 6900. Оп. 21. Д. 71. Л. 10 — 11 об, 14–15; АУФСБ РФ по СПб и ЛО. Д. П-29558. Л. 2 — 3 об.

<sup>29</sup> 14 октября 1929 г. К.Я. Здравомыслов был уволен из ЛОЦИА как находившийся под арестом более 2-х месяцев.

<sup>30</sup> АУФСБ РФ по СПб и ЛО. Д. П-29558. Л. 106–108.

<sup>31</sup> В последующие годы выяснится, что Здравомыслов говорил правду. Все документы, числившиеся пропавшими, будут найдены (кроме писем архиеп. Антония).

<sup>32</sup> АУФСБ РФ по СПб и ЛО. Д. П-29558. Л. 88 — 89 об.

Что касается писем архиеп. Антония, то выяснилось, что еще в 1926 г. они были взяты из «секретного фонда Синода» Туберозовым и переданы Паозерскому с целью подготовки совместной научной публикации, «дабы на этом заработать некоторую сумму денег». Паозерский обещал Туберозову вернуть письма, однако обещание не выполнил, продав эти документы ЦССБ за 80 рублей<sup>33</sup>.

История с «папскими буллами» оказалась более запутанной и не была прояснена следствием в полной мере. Как явствует из показаний С. А. Аннинского, «буллы и другие документы папской канцелярии» были найдены им в сентябре 1918 г. в кабинете директора ДДДИИ «в связках с иным материалом». В 1919–1920 гг. он составил три небольшие описи соответственно трем архивным фондам. В июне–июле месяце 1925 г. «в связи с планом массовой концентрации фондов» архив ДДДИИ был вывезен из дома № 49 по Екатеринбургскому проспекту в здание Синода. В условиях спешки архив передавался Аннинским и принимался Здравомысловым без поверки и составления акта. Руководивший перевозкой Туберозов в ходе следствия настаивал на том, что «в числе перевозимых материалов была только одна папка с буллами, количества не знаю, не просчитывал». В 1926 г. хранилище бывшего ДДДИИ заполнилось материалами Губархива. При оставлении дома Губархивом в 1928 г. («при полной его очистке») была найдена часть булл. «Тотчас же были предприняты поиски булл во 2-м Историко-Культурном Отделе (б[ывшее] 2-е Отделение ИК Секции)», но «не только ничего не удалось найти, а даже и описи оказались отсутствующими». Только в феврале 1929 г. Здравомыслов случайно, по его словам, обнаружил описи, по которым дважды (в феврале и марте) была проведена поверка материалов и установлен факт отсутствия 73 документов (из 99). Т[ак] к[ак] «при перевозке ни одного упакованного места утеряно не было», то «можно думать, что часть материала была где-то забыта в Екатеринбургском доме», затем могла попасть «в смесь материалов Губархива», или в макулатуру. «Другое предположение, конечно, не исключаящее первого: материал мог

<sup>33</sup> По версии Паозерского (на допросе 13 марта 1929 г.): «В период своей службы в Центральном архиве, я, до сокращения, работал над перепиской архиепископа Антония Храповицкого и после своего ухода продолжал эту работу при помощи Туберозова, который приносил мне недостающие письма митр. Антония. После отработки этих писем я вернул их Туберозову, который, насколько мне известно, этих писем не успел вернуть на место, т[ак] к[ак] был сокращен сам» (АУФСБ РФ по СПб и ЛО. Д. П-29558. Л. 30 – 31 об.). По свидетельству Туберозова (на допросе 27 марта 1929 г.): «Письма Антония Храповицкого <...> действительно были взяты мною без ведома администрации и в частности Здравомыслова самовольно. Они были заперты в секретном шкафу, ключ от коего находился в письменном столе Здравомыслова. Письменный стол Здравомыслова не закрывался, и я, пользуясь этим, взял оттуда ключ, отпер шкаф и извлек эти документы. Эти документы мною были переданы Паозерскому, каковой в то время уже не служил в архиве, для напечатания в Гос. издательстве. Извлек я эти письма, имея обещание Паозерского вместе издать их и, следовательно, разделить заработок. Обратившись к нему, я эти документы мне не возвратил, а когда я после моего увольнения зашел к нему, то он обещал вернуть их в архив самостоятельно. Брал я эти документы в 1926 г.» (АУФСБ РФ по СПб и ЛО. Д. П-29558. Л. 121 – 125 об.).

быть увезен в смеси с какими-либо делами и книгами ДДДИИ [и] затерялся в Синоде»<sup>34</sup>. Хотя вина Здравомыслова и Туберозова в случае с буллами доказана не была, следствие возложило персональную ответственность за пропажу части ценнейших материалов архива ДДДИИ МВД именно на них<sup>35</sup>.

## 2) «Политическое лицо» обвиняемых

Из всех сотрудников, привлеченных ОГПУ в качестве свидетелей, более или менее объективную характеристику руководителям архива бывшего Св. Синода дал (12 июля 1929 г.) только старший архивариус ЛЦИА (состоявший в нем на службе до мая 1926 г.) Б. Н. Жукович<sup>36</sup>: «О К. Я. Здравомыслове и Н. В. Туберозове. <...> Отношение к архивному делу: Хорошо знают это дело и теоретически и практически, как специалисты с многолетним опытом. Отношение к делу было не формальное; относились к нему с интересом, преданностью, любовью»<sup>37</sup>.

Опрошенный в ходе следственных действий старший инспектор ЛЦИА С. А. Аннинский аттестовал обвиняемых как «чуждых Советской власти лиц». Особых оснований для подобного оценок у него, впрочем, не было, так как «близкого соприкосновения в процессе работы с ними не имел и поэтому обнаружить внешние признаки открытой контрреволюционной деятельности не мог». Свои выводы он основывал «на прошлом указанных лиц» и их отношении к порученному им делу: «молодых сослуживцев», «выдвинутых Советской Властью», они должны были бы «обучать и приучать к делу, а Здравомыслов в противовес этому старался сознательно не раскрывать перед ними методов работы»<sup>38</sup>.

<sup>34</sup> РГИА. Ф. Архив архива. Оп. 3. Д. 29. Л. 41–42; Ф. 6900. Оп. 21. Д. 71. Л. 12 – 13 об.; АУФСБ РФ по СПб и ЛО. Д. П-29558. Л. 4 – 4 об., 5 – 6 об., 93 об. – 94, 121 – 125 об.

<sup>35</sup> При очередных проверках наличия «папских булл» в апреле 1940 и июле 1945 г. отсутствующим оказался только 1 (из 99) документ (РГИА. Ф. 821. Оп. 141. Д. 17. Недействующая опись. Л. 2 об. – 3; Оп. 142. Д. 21. Недействующая опись. Л. 2 об. – 4; Оп. 143. Д. 64. Недействующая опись. Л. 7 об. – 9).

<sup>36</sup> Жукович Борис Николаевич (1874–?). Сын священника. Надворный советник (1910 г.). Окончил (со степенью кандидата богословия) СПбДА (1899 г.), СПб Императорский ун-т (в качестве вольнослушателя по Историко-Филологическому ф-ту) и Археологический ин-т в СПб. Начиная с января 1904 г. служил в Архиве и Библиотеке Св. Синода (сначала – сверх штата, а с ноября 1908 г. – в должности помощника архивариуса). С 1918 г. работал (сначала в качестве архивариуса, затем – старшего архивариуса) во 2-м Пг отделении IV секции ЕГАФ. По сведениям на 5 марта 1924 г. – зав. отделом 2-го Отделения Историко-культурной секции ЕГАФ (Ленинградского отделения Централхива). В мае 1926 г. должность одного из старших архивистов была упразднена, после чего Жукович вынужден был перейти на работу в Губархив (на положении вольнонаемного сотрудника). С ноября 1926 г. был принят в Рукописное отделение БАН (в качестве «временного сотрудника», продолжал состоять в той же должности на момент снятия допроса летом 1929 г.) (РГИА. Ф. 814. Оп. 1. Д. 110. Л. 12 – 13 об.; Д. 124. Л. 181; Ф. 6900. Оп. 1. Д. 688).

<sup>37</sup> АУФСБ РФ по СПб и ЛО. Д. П-29558. Л. 188–192.

<sup>38</sup> Там же. Л. 208.

Руководство ЛЦИА (ЛОЦИА) рассматривало работу Здравомыслова как «сознательный саботаж и вредительство» («злостное укрывательство» политически злободневного документального материала и «сокрытие» важнейших составных частей научно-справочного аппарата архива — картотек, описей и пр.)<sup>39</sup>.

Однако главным источником негативной информации о руководителях бывшего архива Св. Синода стали показания Паозерского (на допросе 26 июня 1929 г.): «Отношение Здравомыслова к распоряжениям Соввласти было таково, чтобы не только не оказать ей помощи своей многолетней опытностью, а как-нибудь спихнуть дело с рук, если уж нельзя его испортить. <...> Мне сначала казалось странным, почему Здравомыслов <...> так цепко держится за советскую службу, хотя она видимо и не по душе ему. Но скоро я понял из отрывков разговоров его с сослуживцами и посетителями архива <...> что [он] имеет от кого-то поручение охранять архив “до лучших времен”, и особенно скрывать тщательно то, что набрасывает тень на духовенство»<sup>40</sup>.

В тексте Обвинительного заключения (от 17 августа 1929 г.), подготовленного сотрудниками Секретного отдела ПП ОГПУ в ЛВО, также акцент делался на политической стороне дела: следствие сочло доказанным, что Здравомыслов и Туберозов использовали доверие, оказанное им советской властью, «во вред таковой», всемерно препятствуя усилению борьбы государства «с духовенством за раскрепощение трудящихся от религиозного дурмана»<sup>41</sup>.

20 ноября 1929 г. Особое совещание при Коллегии ОГПУ, руководствуясь статьей УК 58–10, лишило Здравомыслова и Туберозова права проживания в пяти крупнейших городах СССР (Москве, Ленинграде, Киеве, Харькове, Одессе) сроком на три года<sup>42</sup>. Паозерский от наказания (предусмотренного статьей 78 ч. II УК) был освобожден по медицинским показаниям (левосторонний паралич). Здравомыслов вернулся в Ленинград в декабре 1932 г., но в силу введения единой паспортной системы вновь вынужден был покинуть северную столицу и выехать на родину, в Боровичи Новгородской области, где и умер в 1933 (?) г. Дальнейшую судьбу Туберозова нам пока проследить не удалось.

#### References

- «Knjaz'ja cerkvi» (Iz dnevnika A. N. L'vova) / Podg. A. K. Drezena, prim. A. S. Nikolaeva, Z. I. Gurskoj // Krasnyj arhiv. 1930. T. 2 (39). S. 108–148; T. 3 (40). S. 97–124.  
L'vov Apollinarij Nikolaevich. Dnevnik // Nestor [SPb.]. 2000. № 1. S. 9–164.

#### Список литературы

- «Князь церкви» (Из дневника А. Н. Львова) / Подг. А. К. Дрезена, прим. А. С. Николаева, З. И. Гурской // Красный архив. 1930. Т. 2 (39). С. 108–148; Т. 3 (40). С. 97–124.  
Львов Аполлинарий Николаевич. Дневник // Нестор [СПб.]. 2000. № 1. С. 9–164.

<sup>39</sup> РГИА. Ф. 6900. Оп. 21. Д. 71. Л. 1а.

<sup>40</sup> АУФСБ РФ по СПб и ЛО. Д. П-29558. Л. 56 — 65 об.

<sup>41</sup> Там же. Л. 205–211.

<sup>42</sup> Там же. Л. 212.

**М. В. Шкаровский**

## Русский Свято-Пантелеимоновский монастырь на Афоне в первые годы после окончания Первой мировой войны (1919–1924)

В 2016 г. будет отмечаться Тысячелетие русского присутствия на Афоне. В этой связи интерес историков и широкой общественности привлекают разные периоды его истории. Одним из наименее изученных является период 1919–1924 гг. Исследовать его позволяют лишь недавно систематизированные для научного изучения документы русского Свято-Пантелеимоновского монастыря (Руссика) — одной из 20 главных обителей Святой Горы.

После Октябрьской революции и Гражданской войны в России русское афонское монашество оказалось окончательно отрезано от родины. Хотя некоторые сведения о происходивших в России трагических событиях доходили до Афона, монахи русских обителей, порицая большевизм и устроенные антицерковные гонения, первоначально воздерживались от прямых политических выступлений. В ответ на призыв пребывавшего тогда в Константинополе архиепископа Кишиневского и Хотинского Анастасия (Грибановского) «подать свой голос в защиту угнетенного большевизмом народа» настоятели Свято-Пантелеимоновского монастыря, Свято-Андреевского и Свято-Ильинского скитов 9 августа 1919 г. ответили: «Едва ли в данном случае найдемся в состоянии произнести влиятельное слово к вразумлению наших соотечественников»<sup>1</sup>.

<sup>1</sup> Троицкий П. Свято-Андреевский скит и русские кельи на Афоне. М., 2005. С. 68–69.

Однако в 1920 г. многие русские святогорцы заняли ярко выраженную антибольшевистскую позицию, выпустив несколько обращений к людям в России («Без Бога нельзя жить человеку», «Христианство — есть единственная божественная истинная вера» и др.), а также «Святогорский народный листок». В них говорилось о преследовании Церкви в России, и содержался призыв не верить большевикам и устраняться от них<sup>2</sup>.

В свою очередь несколько десятков афонских монахов, застигнутых в России Первой мировой войной и революцией, оказались заключены в лагеря, тюрьмы или были расстреляны. Застрелен был насельник Ильинского подворья в Таганроге иеромонах Николай 13 сентября 1921 г. во время конфискации церковного имущества. В страшном Соловецком лагере умер в июне 1930 г. насельник Руссика монах Александр (Носков). Старца келлии Живоносного источника иеромонаха Евгения при его попытке бежать на Афон через Румынию разрубили на части 1 августа 1930 г. на берегу Днестра. Умерли в ссылке 15 октября 1932 г. под Вологдой иеромонах Митрофан, 8 ноября 1932 г. в Нарымском крае насельник Московского подворья Свято-Пантелеимоновского монастыря иеромонах Феофан (Сердбинцев) и т. д.<sup>3</sup>

В 1937–1938 гг. были расстреляны и похоронены на подмосковном полигоне Бутово, а в начале 2000-х гг. прославлены Русской Православной Церковью (РПЦ) в лике преподобномучеников пять бывших иноков Руссика: иеромонахи Иона (Санков), Донакт (Калашников), Иларион (Громов), Антипа (Кириллов) и Гавриил (Гур)<sup>4</sup>. Всего же в базе данных пострадавших за веру священнослужителей и мирян Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета есть 12 святых новомучеников афонских, из них 10 насельников Свято-Пантелеимоновского монастыря (больше, чем новомучеников Киево-Печерской или Троице-Сергиевой Лавр)<sup>5</sup>. Некоторые из этих новомучеников были прославлены на юбилейном Архиерейском соборе РПЦ в 2000 г., в частности расстрелянные в 1937 г. вблизи Чимкента (Южно-Казахстанской обл.) бывшие иноки Руссика схииеромонах Иоанн (Лаба) и схимонах Иларион (Цуриков), а также бывший насельник Ставроникитского монастыря схииеромонах Гавриил (Владимиров)<sup>6</sup>.

<sup>2</sup> Архив Русского Пантелеимонова монастыря на Афоне (АРПМА). Оп. 10. Д. 190. Док. № 166. Л. 37 – 37 об., 40.

<sup>3</sup> Там же. Д. 219. Док. № 4056. Л. 1–3.

<sup>4</sup> *Игумен Дамаскин (Орловский)*. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Российской Православной Церкви XX столетия. Тверь, 2002. Кн. V. С. 302; Кн. VII. С. 97; Русский афонский отечник XIX–XX веков. М., 2010. С. 400–406, 410–411.

<sup>5</sup> *Емельянов Н. Е.* Представители русского зарубежья. За Христа пострадавшие // XVIII Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета: Материалы. М., 2008. Т. 1. С. 236.

<sup>6</sup> Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Санкт-Петербургу и Ленинградской области (АУФСБ по СПб и ЛО). Ф. архивно-следственных дел. Д. П-78806; Православная энциклопедия. М., 2009. Т. 22. С. 155; Русский афонский отечник XIX–XX веков. С. 407–409, 719–720.



К концу 1918 г. советские власти реквизировали в российских банках все капиталы афонских обитателей и национализировали их недвижимое имущество: здания, лавки и т. п. В частности, большая часть капитала Свято-Ильинского скита размещалась в банках Одессы. В 1917 г. настоятель трижды напрасно отправлял телеграммы в Одессу с просьбой перевести в скит 30 тыс. рублей. Не последовал ответ и на запрос, направленный в марте 1919 г., перевести на Афон 50 тыс. рублей из Романовского кредитного фонда. Лишь в апреле 1920 г. в скит неожиданно прибыла почта из России с небольшой суммой денег от благотворителей<sup>7</sup>. Так же нерегулярно и случайно поступала почта и отдельные небольшие пожертвования из России и в Свято-Пантелеимоновский монастырь.

В начале января 1919 г., под Рождество, в Руссик приехал один из самых известных афонских исповедников, настоятель подворья Свято-Андреевского скита в Одессе архимандрит Питирим, будущий схиепископ Петр (в миру Потайий Федорович Ладыгин, 1866–1957). Летом 1918 г. он получил поручение Святейшего Патриарха Московского и всея России Тихона вручить Вселенской Патриархии уведомление об избрании в России Патриарха. На выезд из Москвы потребовалось разрешение В. И. Ленина, и, по некоторым сведениям, отец Питирим добился встречи с ним. Ленин расспросил его о положении на Украине и распорядился выдать необходимые документы. Архимандрит сумел добраться до Константинополя и вручить послание, затем посетил Афон<sup>8</sup>.

Отец Питирим также входил в состав Украинской комиссии по делам военнопленных. В конце 1918 г. он сумел добиться от турецких властей возвращения русским афонским обителям зданий их подворий в Константинополе, включая подворье Свято-Пантелеимоновского монастыря. В Руссике архимандрит много рассказал братии о жизни в России и о гонениях большевиков на Церковь<sup>9</sup>.

Судьба отца Питирима была очень сложной. Ответное послание Вселенского Патриарха он доставил лично Патриарху Тихону. После закрытия летом 1923 г. возглавляемого им подворья архимандрит Питирим оказался выслан из Одессы, в 1925 г. он был тайно хиротонисан в Средней Азии во епископа Уфимского, в 1927 г. принял схиму с именем Петр и стал окормлять множество тайных общин. Владыка подвергался арестам в 1926, 1928, 1937, 1945, 1951 гг., нелегально жил в разных местах, в том числе на Тянь-Шане, и скончался 19 февраля 1957 г. в Глазове<sup>10</sup>.

В дни посещения о. Питиримом Руссика в него вернулось с Салоникского фронта 10 отбывших службу в армии послушников. В это время монастырь

<sup>7</sup> Феннел Н., Троицкий П., Талалай М. Ильинский скит на Афоне. М., 2011. С. 59.

<sup>8</sup> Ильинская А. Подвиг схиепископа Петра // Вятский епархиальный вестник. 1998. № 1. С. 5; Троицкий П. История русских обитателей Афона в XIX–XX веках. М., 2009. С. 93, 107–108.

<sup>9</sup> АРПМА. Оп. 10. Д. 170. Док. № 154. Л. 27.

<sup>10</sup> Ильинская А. Указ. соч. С. 5–6; Троицкий П. История русских обитателей Афона. С. 107–108.

пережил эпидемию тяжелой формы гриппа («испанки»), занесенной из Македонии. Эпидемия началась в декабре, и вскоре в Руссике умерли 17 человек. Особое опустошение «испанка» произвела среди русских бедных пустынноиков (сиромасов), так как они страдали от хронического голода и отсутствия медицинской помощи<sup>11</sup>.

13 января 1919 г. покинули Руссик и вообще Афон последние французские солдаты, занимавшиеся лесозаготовками. Насельники провожали их с колокольным звоном и подарками, а французы в свою очередь салютовали из пушки. Около двух лет пробыли они на Афоне, постоянно оказывая братии помощь и поддержку. Так, по их указанию болгарские военнопленные дважды резали монастырскую капусту, когда в обители многие болели гриппом. От продажи в 1917–1918 гг. леса французам Руссик выручил более 300 тыс. драхм, на которые во многом и существовал в это время. Французские пароходы поддерживали регулярное сообщение монастыря с его Салоникским подворьем и Каламарийским метохом, которое позднее сильно осложнилось. При отъезде французы оставили братии безвозмездно 80 мешков ячменя и отрубей<sup>12</sup>.

4 июля 1919 в Руссик прибыл на английском крейсере верховный комиссар Великобритании в Константинополе адмирал Кольторп. Насельники встретили его с колокольным звоном, подарили икону Божией Матери. На просьбу игумена освободить Константинопольское подворье монастыря от постоя солдат и беженцев адмирал обещал свое содействие. 19 октября Афон посетил французский генерал, командовавший Салоникским фронтом, но в русских обителях он не был<sup>13</sup>.

Гонения на РПЦ не позволяли ее священноначалию уделять должное внимание зарубежным обителям, однако уже на Всероссийском поместном соборе 1917–1918 гг. звучала тревога за судьбу русских святогорцев. Вопрос их будущего вновь стал актуален после начала мирной конференции в Париже. В ходе нее была образована Комиссия по афонским делам.

4 марта 1919 г. афонский корреспондент российского консульства в Салониках А. А. Павловский писал игумену Мисаилу: «Считая, что нынешний Европейский конгресс, г. Шебунин занимается на нем в Комиссии по афонским делам, специально образовавшаяся в Одессе Комиссия по афоно-палестинским делам, от которой поедет митрополит Платон, и недавно прибывшая в Солунь специальная от объединенной России комиссия, могут принести русской колонии на Афоне большую пользу, прилагаю Вам на Ваше благоусмотрение свою мысль, касательно Симоно-Кананитского Вашего монастыря и Петроградского подворья»<sup>14</sup>.

<sup>11</sup> АРПМА. Оп. 10. Д. 170. Док. № 154. Л. 24–25, 28.

<sup>12</sup> Там же. Л. 28.

<sup>13</sup> Там же. Л. 36–37, 45.

<sup>14</sup> Там же. Оп. 49. Д. 2. Док. № 4020. Л. 654.

А. А. Павловский составил проект доклада Свято-Пантелеимоновского монастыря в Комиссию по афонским делам на Парижской конференции. В докладе говорилось: «Вследствие того, что в настоящее время неизвестна дальнейшая судьба нашего русского иночества на Афоне, в случае если будут, как предложено греческим правительством, секвестрированы наши метохи, в данный момент служащие нам единственным средством для жизни, равно как и для помощи многочисленным русским пустынноикам — монахам и для приема постоянно посещающих обитель нашу иноков и светских лиц, то нам снова придется искать себе нового места, в особенности же если установится ныне проводимый режим монастырского, с помощью Протата, в котором из 20-ти монастырей 17 греческих на 3 русско-славянских, самоуправление»<sup>15</sup>.

В докладе указывалось, что на 1 января 1919 г. численность братии обители составляла 646 человек (без подворий и метохов). Причем всего на иждивении монастыря вместе с трудниками и пустынноиками тогда находилось свыше 1 тыс. человек. Между тем по количеству земли на Афоне он занимал среди святогорских монастырей последнее место. Отделение Руссика на Кавказе (Ново-Афонский монастырь) имело 1376 десятин земли. Поэтому монастырь просил комиссию решить вопрос «о старом первоначальном единении с нашей отраслью на Кавказе Симоно-Кананитской обителью, и нашим подворьем в Петрограде, как в духовном, так и в экономическо-материальном отношении». К докладу был приложен акт об устройстве Ново-Афонского монастыря от 8 декабря 1879 г. с современными добавлениями, в котором в отредактированном варианте воспроизводилась прежняя формула: «В случае смутных обстоятельств на Востоке и невозможности дальнейшего пребывания на Афоне братство Пантелеимоновского монастыря получает убежище в новой обители... и в таком случае настоятель (игумен) Пантелеимонова монастыря вступает с разрешения Св. Синода (с уведомлением о сем во Всероссийскую Патриархию) в управление этой обителью»<sup>16</sup>.

В заключение А. А. Павловский отмечал: «Конечно, если монастырь захочет восстановить свои прежние права и пошлет согласно сего свой доклад, то примечания к акту должны быть отдельно. К сему же нужно упомянуть о потерянных монастырем владениях, как на Афоне, так и вне его, вроде монастыря в Румынии (имеется в виду Ново-Нямецкий монастырь. — *М. III.*), церкви в Константинополе, на острове Лимносе (Лемносе. — *М. III.*) и т. д. Мне, конечно, будет интересно знать, как монастырь отнесется к высказанной моей мысли»<sup>17</sup>. Игумен Мисаил в целом ответил согласием, отметив, правда, что вопрос о кавказской обители может разрешиться и помимо мирной конференции. Впрочем, эти предложения уже не имели смысла, так как Ново-Афонский монастырь и Петроградское подворье были утрачены из-за установления в России советской власти.

<sup>15</sup> Там же. Л. 655.

<sup>16</sup> Там же. Л. 655 об., 657.

<sup>17</sup> Там же. Л. 657 об.

С согласия Верховного главнокомандующего Белым движением на Юге России генерал-лейтенанта А. И. Деникина в мае 1919 г. на Афон прибыл направленный Собором южнорусских епископов (сформировавшим Комиссию по афоно-палестинским делам) член Всероссийского поместного собора, доктор церковной истории, профессор Киевской духовной академии протоиерей Феодор Иванович Титов. Он входил в состав русской церковной делегации из четырех человек, которую решили направить на мирную конференцию в Париже (три других делегата — епископ Павел, Трубецкой и Ковалевский, на Афон не поехали). Отец Феодор должен был изучить положение русских святогорцев и их нужды и подготовить документы для доклада на Парижской конференции.

19 мая о. Ф. Титов посетил Руссик, представив настоятелю рекомендательное письмо от митрополита Херсонского и Одесского Платона (Рождественского). По предложению о. Ф. Титова игумен собрал Собор старцев, которые выслушали рассказ о бедственном положении РПЦ, аресте Патриарха Тихона; о. Феодор предложил стать на Парижской конференции защитником прав русского монашества Афона, если его уполномочат русские обители и снабдят необходимыми документами и материалами. В тот же день о. Феодор в Покровском соборе произнес речь перед всей братией о гонениях в России на РПЦ. 20–24 мая он в сопровождении антипросопа Руссика иеромонаха Панкратия и монаха Виктора посетил Новую Фиваиду, 2 и 9 июня служил в Покровском соборе Свято-Пантелеимоновского монастыря.

9–10 июня, в дни памяти прп Антония Киево-Печерского, о. Феодор совершил богослужения в храме Богородичного скита (Ксилургу) Руссика, населенного в основном болгарами. 14 июля состоялось общее совещание о. Ф. Титова с представителями русских обителей, в том числе келлий. В престольный праздник св. Пантелеимона 27 июля протоиерей возглавлял богослужение в Покровском соборе. 29 июля он в присутствии пребывавшего тогда на Афоне архиепископа Кишиневского и Хотинского Анастасия (Грибановского) и игуменов Свято-Пантелеимоновского монастыря и двух русских скитов прочитал проект своего доклада международной конференции о состоянии афонского монашества, причем владыка Анастасий тоже высказал свои соображения<sup>18</sup>.

20 мая о. Ф. Титов впервые встретился в Свято-Андреевском скиту с представителями Братства русских келлий. 14 июля они подали ему докладную записку о своих нуждах, а 5 августа — еще одну записку с данными о благотворительной деятельности братства начиная с 1896 г. Кроме того, 3 августа старец Иоанно-Златоустовской келлии Иверского монастыря иеромонах Серафим передал докладную записку со своим личным мнением по вопросу улучшения келлиотского правового положения на Афоне<sup>19</sup>.

В конце июля — начале августа о. Ф. Титову предоставил для использования ряд составленных им документов консульский корреспондент

<sup>18</sup> Там же. Оп. 10. Д. 170. Док. № 154. Л. 31–35, 40–41.

<sup>19</sup> Там же. Д. 180. Док. 163. Л. 182–191.

А. А. Павловский: доклад об Афоне для Парижской конференции, записку со статистическими сведениями о греческих и русских монашеских учреждениях, несколько брошюр о русских келлиях, доклад с общими сведениями о святогорском монашестве — «Святая Гора Афон в прошлом и настоящем», «Проект формы желательной для келлий омологии». В них Павловский писал, что Свято-Пантелеимоновский монастырь для поднятия престижа в России следует наименовать лаврой, прекратить прием в него греков, оставить за ним Ново-Афонский монастырь на Кавказе. Консульский корреспондент также считал необходимым защитить Руссик от реквизиции его метохов греческими властями, сократить увеличенные вдвое налоги, передать скит Ксилургу «непосредственно в русские руки», и устроить в нем монастырскую школу для послушников. Свято-Андреевскому и Свято-Ильинскому скитам он полагал необходимым предоставить права самостоятельных монастырей, желательным также было официальное признание Русской Православной Церковью и Вселенской Патриархией Братства русских келлий<sup>20</sup>.

Алексей Алексеевич Павловский, горячий сторонник объединения всех выходцев из России на Святой Горе, полагал правильным после окончания войны «признать русское иночество официально и взять его под дальнейшее покровительство Русского правительства, как отдельную русскую общину». К докладу он приложил проект устава русской общины Афона (предусматривавший выборы благочиннического комитета), который мог бы быть утвержден правительственной властью для обязательного исполнения. А. А. Павловский доказывал необходимость спешного проведения с участием представителей пяти православных государств реформ «на началах равноправия и справедливости», нейтральности Святой Горы и вынесения постановления об Афоне на Лондонской конференции 1913 г. В частности, предлагалось создать на Афоне под контролем представителей православных государств светские учреждения для руководства полицией, судебными и таможенными делами. Святая Гора должна была остаться в верховном ведении Константинопольского Патриарха с учреждением на Афоне особой кафедры для разбора духовных дел и рукоположений с назначением на нее лиц, избранных самими святогорцами. Для русской общины предусматривалось создать собственную пристань со складами вблизи Свято-Пантелеимоновского монастыря. Наконец, А. А. Павловский считал желательным иметь на Афоне российский консульского агента, даже составил для него проект инструкции<sup>21</sup>.

В середине октября 1919 г. о. Ф. Титов в Руссике написал отчетный доклад А. И. Деникину о «важнейших современных нуждах русского монашества Афона», в котором отмечал, что по поручению священноначалия Русской Православной Церкви с мая по октябрь 1919 г. посетил все 20 монастырей, основные скиты и многие русские келлии, причем во все праздничные и воскресные дни совершал богослужения с братией обителей и проводил беседы и поучения. Он сообщил,

<sup>20</sup> Там же. Л. 1, 172–178.

<sup>21</sup> Там же. Л. 137–138, 148, 152–153.

что на Афоне имеется около 5 тыс. монахов, в том числе 2567 греческих и 2155 русских: в Свято-Пантелеимоновском монастыре — 880 (с подворьями и метохами), Свято-Андреевском скиту — 350, Свято-Ильинском скиту — 250, в 32 келлиях и 68 каливах с храмами (на правах келлий) — 600 и в 68 каливах без храмов — 75<sup>22</sup>.

Со стороны российского правительства, считал о. Ф. Титов, следует принять меры для сохранения и укрепления юридических прав Свято-Пантелеимоновского монастыря: 1. Подтвердить на международной конференции права русского монашества на вечное беспрепятственное владение Руссиком; 2. Подтвердить право владения земельной собственностью на Афоне и вне его, а также пользование почтовым и торгово-промышленным сношением с Россией и другими странами; 3. Сохранить все права на владение имуществом в России; 4. Сохранить в целом весь капитал Руссика в Государственном банке России (здания и церковные ценности монастыря оценивались в 35 млн руб.). По мнению о. Ф. Титова, обитель вполне заслуживала присвоения ей наименования «русской святогорской Лавры», причем это могло быть сделано властью Всероссийского церковного собора<sup>23</sup>.

В докладе поддерживалось стремление Свято-Андреевского и Свято-Ильинского скитов получить статус монастырей. О. Феодор писал, что русские келлиоты переживают тяжелый кризис и лишения вследствие прекращения поддержки из России. Притом он считал их «воинственную политику» по отношению к греческим монастырям «совершенно несвоевременной и вредной», как и не соглашался с важнейшим требованием келлиотов — с принудительным и бесплатным отчуждением от монастырей участков земли, на которых есть келлии. Протоиерей считал, что эти участки надо передать во владение келлий, но по соглашению с монастырями и за плату. Он полагал, что келлии остро нуждаются в урегулировании отношений с греческими монастырями в форме омологии, причем некоторые келлии должны быть преобразованы в скиты. По плану о. Ф. Титова русские церковные власти с согласия Вселенского Патриарха и Протата должны были послать комиссию из трех лиц (архиерея, опытного старца-пустынника и светского чиновника) для всестороннего изучения вопроса о русских келлиотах на Афоне. Если такой вариант невозможен, то, по мысли о. Феодора, решить вопрос следовало постоянной межцерковной комиссией при Константинопольском Патриархе, которую специально учредить для проведения в жизнь нового устройства Афона. Особенно тяжелым было положение каливатов и кавиотов-пустынников, значительная часть их умерла от болезней и голода<sup>24</sup>.

В своем докладе о. Ф. Титов также отмечал: «Русское монашеское население на Афоне и теперь надеется, что правительство новой восстановленной единой великой России будет относиться к нему с таким же расположением

<sup>22</sup> Там же. Д. 183. Док. № 161. Л. 1–2, 76 об.

<sup>23</sup> Там же. Л. 30 об. — 31.

<sup>24</sup> Там же. Л. 42 об. — 44.

и вниманием. Об этом оно почтительнейше ходатайствует перед Вашим Высокопревосходительством через меня, как представителя Русской Православной Церкви, уполномоченного на это Собором южно-русских епископов, под председательством Высокопреосвященнейшего Херсонско-Одесского митрополита Платона»<sup>25</sup>.

Протоиерей негативно оценивал подготовку нового устава (канонизма) комиссией из восьми антипросопов греческих монастырей, думая, что он может привести «к совершенному уничтожению русского монашества и к гибели многоценного достояния русского народа». Отец Феодор считал, что для выработки принципов существования и устройства русского монашества на Афоне при мирной конференции должна быть образована особая межцерковная православная комиссия из представителей России, Греции, Сербии, Чехословакии, Болгарии и Румынии, которая составит окончательный проект решения вопроса. Он полагал необходимым, чтобы мирная конференция признала Афон находящимся под международным покровительством и защитой данных государств (в другом варианте Лиги наций). Для осуществления нового положения об устройстве Афона о. Ф. Титов предлагал учредить две постоянно пребывавшие в Константинополе международные комиссии из церковных и политических представителей шести указанных государств: церковную под председательством Вселенского Патриарха и политическую под председательством российского верховного комиссара. Копия этого доклада была направлена митрополиту Херсонскому и Одесскому Платону (Рождественскому)<sup>26</sup>.

19 октября о. Ф. Титов после сердечных проводов уехал из Руссика на его пароходе в Салоники в сопровождении представителя Свято-Пантелеимоновского монастыря иеромонаха Симеона и представителя Свято-Андреевского скита иеромонаха Антипы. Эта делегация отправилась в Белград — столицу Королевства сербов, хорватов и словенцев, где ее принял наследник престола принц Александр Карагеоргиевич. Она попросила у него помощи и покровительства русским святогорцам. После аудиенции о. Феодора наградили орденом Св. Саввы 2-й ст.<sup>27</sup> Позднее он стал профессором Богословского факультета Белградского университета, неоднократно помогал русским святогорцам. Правда, обращение к участникам Парижской конференции оказалось безрезультатным. В январе 1920 г. русские обители Святой Горы выделили деньги протоиерею Ф. Титову для поездки на мирную конференцию в Лондоне для ходатайства там о русском монашестве на Афоне, но и это не принесло успеха<sup>28</sup>.

Подобная деятельность вызывала раздражение Протата. Как раз во время пребывания о. Феодора на Афоне произошел неприятный инцидент. 10 августа

<sup>25</sup> Там же. Л. 76.

<sup>26</sup> Там же. Л. 76 об. — 81 об.

<sup>27</sup> Там же. Д. 170. Док. № 154. Л. 45, 47.

<sup>28</sup> Феннел Н., Троицкий П., Талалай М. Указ. соч. С. 243, 247, 253–254.

1919 г. в Свято-Пантелеимоновский монастырь приехал настоятель русской Свято-Троицкой церкви в Афинах архимандрит Сергей (Дибич). В сопровождении А. А. Павловского он около полутора недель объезжал русские скиты и келлии Святой Горы, выясняя их положение и проблемы. Однако 21 августа о. Сергия и Павловского арестовали и на следующий день принудительно выслали с Афона. Причиной якобы послужило нарушение архимандритом постановления Протата о неперменной явке всех приезжих на Святую Гору в Кинот. Арестованных на мулах под охраной солдат доставили в Дафну, где держали до прибытия парохода под караулом в комнате конака Руссика. Больше А. А. Павловского, несмотря на официальный статус консульского корреспондента, не допускали на Афон<sup>29</sup>. В результате его высылки прекратилась деятельность общей Продовольственной комиссии русских святогорцев.

Из-за серьезных материальных трудностей 1919 г. оказался тяжелым для насельников Руссика. Они сами раскапывали виноградники, рубили лес, работали на метохах, где многие заболели лихорадкой и некоторые умерли. Обычную пищу составляли щи и каша из ячменя, большая нужда была в белье, одежде и обуви; никто не получал для освещения келий керосина. К тому же был совершен неудачный обмен леса на масло, имевшее неприятный запах и горький вкус. В течение 1919 г. умер 41 насельник, в том числе 4 декабря духовник старец иеромонах Вероник, когда-то активно боровшийся с имяславцами<sup>30</sup>.

В письме корреспонденту российского консульства в Салониках А. А. Павловскому от 16 марта 1919 настоятель Свято-Пантелеимоновского монастыря архимандрит Мисаил писал, что братия обители уже сделала и прожила большие займы, по которым надо платить высокие проценты, но обитель всё же кормит 250 бедных пустынных (сиромых) и приютила много престарелых и убогих иноков, в частности 19 русских монахов, изгнанных одним греческим монастырем из благоустроенной ими келлии<sup>31</sup>.

12 июня 1919 г. игумен Руссика о. Мисаил поставил настоятелем Богородичного скита (Ксилургу) иеросхимонаха Михаила, выбранного братией вместо давно скончавшегося иеросхимонаха Стефана. 24 января 1920 г. Собор старцев монастыря назначил заведующим скитом Новая Фиваида исполнявшего послушание библиотекаря иеромонаха Иосифа, но тот отказался, и вместо него заведующим скитом стал монах Ивкирион. 23–25 июля выгорел значительный участок монастырского леса у ближней Георгиевской келлии, братия с большим трудом потушила пожар, отстояв строения келлии<sup>32</sup>.

В конце июля 1920 г. освящен Свято-Пантелеимоновский храм в Старом Нагорном Руссике. 20 июля живший тогда на Афоне митрополит Киевский

<sup>29</sup> АРПМА. Оп. 10. Д. 170. Док. № 154. Л. 44.

<sup>30</sup> Там же. Л. 47, 51.

<sup>31</sup> Там же. Д. 180. Док. № 163. Л. 207 – 207 об.

<sup>32</sup> Там же. Д. 170. Док. № 154. Л. 35, 52, 62.



и Галицкий Антоний (Храповицкий) с игуменом Мисаилом прибыли в Нагорный Руссик. На торжества также приехали игумен Свято-Андреевского скита архимандрит Митрофан, представитель Свято-Ильинского скита иеромонах Августин и много других иноков русских обителей. Свято-Пантелеимоновский храм был заложен еще 3 июня 1871 г. игуменом Макарием, но в 1874 г. его строительство приостановили и возобновили только в 1911 г. на пожертвования купца Смирнова при посредничестве настоятеля подворья Свято-Пантелеимоновского монастыря в Москве иеросхимонаха Аристоклия (13 марта 1911 г. наместник о. Иоакимф совершил водосвятный молебен перед возобновлением работ). В 1914 г. строительство собора, стоившее более 200 тыс. руб., закончили, но освящение отложили до окончания Первой мировой войны. После приезда митрополита Антония Собор старцев решил, что храм должен освятить русский архиерей. Собор возвели большой и высокий, украсили замечательным позолоченным иконостасом работы московских мастеров (стоил 16 тыс. руб.) и внутренними колоннами из афонского мрамора с резными капителями<sup>33</sup>.

Утром 21 июля все священнослужители собрались в храме Почаевской иконы Божией Матери, и во главе с митрополитом отправились в новый собор, где Владыка Антоний освятил престол, а затем жертвенник. Затем состоялся крестный ход вокруг храма, и митрополит сказал слово на тему освящения Свято-Пантелеимоновского собора. В литургии вместе с Владыкой участвовали 28 иеромонахов и 17 иеродиаконов в присутствии почти 450 иноков<sup>34</sup>.

27 июля в монастырском престольном празднике св. вмч Пантелеимона участвовали митрополит Антоний (Храповицкий), греческий епископ Иоаким, игумен Свято-Ильинского скита архимандрит Иоанн, представители Свято-Андреевского скита и других русских обителей. 7 декабря в Свято-Пантелеимоновский монастырь из Африки вернулись пять последних иноков, служивших в русской армии на Салоникском фронте, позднее вывезенные англичанами вместе с другими русскими солдатами в Египет<sup>35</sup>.

В 1920 г. материальные затруднения братии Руссика усилились, а работы прибавилось. Довольно много монастырского леса гибло от пожаров. Единственными средствами к существованию по-прежнему остались продажа древесины и урожай на метохах обители. В частности, впервые за семь лет выдался хороший урожай маслин, иноки до января добывали из них масло прессами на маслобойне. Из-за скудости во всем и частых болезней смертность в монастыре оставалась значительной, численность братии сокращалась. За 1920 г. умерли 37 монахов, некоторые от каламарийской лихорадки<sup>36</sup>. 17 ноября 1920 г. скончался главный духовник монастыря иеросхимонах Агафодор (в миру

<sup>33</sup> Там же. Л. 61.

<sup>34</sup> Там же. Л. 59–60; Преподобный Силуан Афонский. Святая Гора Афон, 2005. С. 48–49.

<sup>35</sup> АРПМА. Оп. 10. Д. 170. Док. № 154. Л. 68.

<sup>36</sup> Там же.

Александр Иванович Буданов, 1845–1920), и с того времени до своей смерти 6 ноября 1933 послушание главного духовника исполнял иеросхимонах Феодорит (в миру Федор Семенович Константинов, 1856–1933)<sup>37</sup>. 7 декабря 1920 г. умер иеромонах Симеон, много лет бывший закупщиком продуктов для Руссика в Греции и др.

Испытывая значительные материальные затруднения, обитель была вынуждена продавать церковную утварь, облачения, иконы, хозяйственный инвентарь. Пришли в упадок монастырские мастерские и промыслы, созданные для обслуживания паломников. В 1920 г. из-за отсутствия средств прекратилась типографская деятельность. Были проданы часть греческого собрания рукописей монастырской библиотеки и некоторые суда Свято-Пантелеимоновской обители<sup>38</sup>.

Небольшую материальную поддержку братия монастыря получила 4 января 1921 г., когда благодаря содействию российской дипломатической миссии в Афинах греческое правительство вернуло незаконно взятую в октябре 1918 г. пошлину на продукты в размере 8424 драхм. 18 февраля была закончена перепись иноков, проводимая по приказу правительства с 19 декабря 1920 г. Согласно ее результатам, на Афоне проживали 4736 монахов.<sup>39</sup>

25 января 1921 г. Комиссия по оценке и определению убытков от войны на море при Министерстве иностранных дел Греции определила убыток Руссика за потопленное 15 августа 1917 г. немецкой подводной лодкой судно «Святой Николай» и его груз в размере 75 530 драхм, в том числе за само судно — 29,5 тыс. и за груз пшеницы — 39 тыс. В ответ на запрос братии от 12 июля о выплате компенсации комиссия 6 августа ответила, что пока произведена лишь оценка. Но во второй половине года компенсацию всё же получили<sup>40</sup>.

20 февраля Кинот переслал игумену Мисаилу для ответа письмо великого просинкела Константинопольской Патриархии с сообщением о том, что бывший насельник Руссика монах Симон (Ванюшкин) в прошении в Патриархию от 25 января пожаловался на несправедливое удаление из монастыря за якобы «большевистские убеждения»<sup>41</sup>.

14 марта 1921 г., по предписанию Протата в связи с засухой и появлениями на метохах мышей состоялся крестный ход вокруг монастыря с молебном о ниспослании дождя. 15 мая освятили новую лесопилку при мельнице, сооруженную монахом Феофилом. 24 мая прошло молебенствие по случаю закладки

<sup>37</sup> Русский афонский отечник XIX–XX веков. С. 222–225, 426.

<sup>38</sup> Якимчук И. З. Русские иноки на Афоне в XX в. // Православная энциклопедия. М., 2002. Т. IV. С. 161.

<sup>39</sup> АРПМА. Оп. 10. Д. 170. Док. № 154. Л. 69; Милонакос Н. Святая Гора Афон и славянство. Афины, 1960. С. 11 // Архив Отдела внешних церковных связей Московской Патриархии. Папка «Афон». Справочные материалы.

<sup>40</sup> АРПМА. Оп. 10. Д. 135. Док. № 5419. Л. 1 — 4 об.

<sup>41</sup> Там же. Д. 194. Док. № 168. Л. 3.

нового монастырского парусника водоизмещением 90 т, инициатор постройки наместник иеромонах Иоаким. Строили судно 15 нанятых рабочих-греков. 10 сентября парусник спустили на воду. 28 сентября он под командованием о. Симеона отправился в первый рейс в Салоники и 1 ноября впервые доставил из Каламарийского метоха пшеницу, ячмень, кукурузу. Постройка судна стоила около 100 тыс. драм. Однако 12 ноября ночью во время бури его выбросило на берег, был поврежден киль, сбит руль. Всю зиму судно, на которое возлагали большие надежды, простояло без ремонта. От той же бури погибли и три монастырских баркаса. За две недели до этого, 28 октября, большие волны смыли с берега запас леса, ожидавший отправки в Салоники<sup>42</sup>.

В 1921 г. был хороший урожай винограда и средний — пшеницы, но маслин уродилось мало. В результате взятых в Первую мировую войну долгов приходилось выплатить кредиторам в виде процентов до 30 тыс. драм. В счет уплаты процентов иногда отдавали церковное облачение. Из монастырских церквей также продали много икон, включая фамильные и редкие. По свидетельству монастырской летописи, «братия была раздета, разута и голодна», керосин для освещения в келлии по-прежнему не выдавали. За 1921 г. умерли еще 30 иноков<sup>43</sup>.

В начале 1920-х гг. Свято-Пантелеимоновский монастырь лишился всех своих подворий и другой недвижимости в России. Московское, одесское, ростовское, таганрогское, петроградское (Ново-Афонское) подворья были фактически утрачены в 1922–1923 гг. из-за их закрытия или захвата обновленцами. Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь в 1924 г. закрыт, а братия подворий и Нового Афона разогнана и в большинстве своем не смогла вернуться на Святую Гору. Новоафонская братия поселилась в основном в долине реки Псху, где подверглась массовым арестам в 1930 г.<sup>44</sup>

Испытывая трудности и лишения, насельники Свято-Пантелеимоновского монастыря переживали за своих страдающих соотечественников. Так, в октябре — начале ноября 1921 г. братия Руссика собрала пожертвования в пользу голодающих России. Сразу после возвания Патриарха Московского и всея Руси свт. Тихона ко всем народам о помощи голодающим игумен Мисаил обратился в Кинот за разрешением провести по всему Афону сбор «в пользу страждущей родины». Кинот разрешил и выдал специальную книжечку для регистрации взносов, с которой отправились по святогорским монастырям, скитам и келлиям иноки Руссика иеромонахи Пинуфрий и Гавриил. Всего собрали более 10 тыс. драм, доставленных в Кинот для передачи Патриарху Тихону<sup>45</sup>.

Боль за многострадальную Отчизну отразилась в письме от 13 марта 1924 г. от трех главных русских обителей Афона американскому епископу Джеймсу

<sup>42</sup> Там же. Д. 170. Док. № 154. Л. 69–71.

<sup>43</sup> Там же. Л. 72.

<sup>44</sup> О закрытии Ново-Афонского Симоно-Кананитского монастыря // Православная Абхазия. 1996. № 21. С. 6.

<sup>45</sup> АРПМА. Оп. 10. Д. 170. Док. № 154. Л. 71.

Генри Дарлингтону: «Наша благодетельница, великая Россия, разбита на части, Русская Православная Церковь распята, и от этого очень страдаем мы, русские монахи на Афоне»<sup>46</sup>.

В греческой истории одним из самых трагических стал 1922 г. Неудачная война с Турцией закончилась «малоазиатской катастрофой», убийством сотен тысяч греков и вынужденной массовой эмиграцией уцелевших. Послевоенное положение Греции было тяжелым. Ситуация осложнялась заботой о 1½ млн греческих беженцев из Турции. В те годы посильный вклад в решение проблем внесла братия монастыря св. вмч Пантелеимона. Проблема беженцев напрямую затронула Афон в конце 1922 г.

17 апреля в связи с засухой состоялся крестный ход вокруг монастыря с молебном о ниспослании дождей, и 25–26 апреля они начались. С 7 по 26 мая в Руссике пребывал российский консул в Салониках Владимир Степанович Щербина, приехавший вместе с русским эмигрантом генералом М. Ф. Апаньевым, поступившим на службу греческому правительству. 23 июня обитель посетил чехословацкий консул К. Грегор, 8 июля — салоникский губернатор Георгий Параскевопулос, 9 июля — английский адмирал Р. Вебб в сопровождении офицеров и матросов, а 11 августа — греческий митрополит Илиондопольский Христофор и англиканский священник<sup>47</sup>.

Из-за засухи был плохой урожай зерновых, маслины и виноград дали средний урожай. Некоторые убытки были понесены из-за несвоевременной закупки заметно дорожавших хлеба и масла, сказалось и связанное с войной сильное падение курса драхмы. Для покрытия выросших расходов пришлось усиленно продавать лес греческим купцам. В этой связи приобрели для лесопилки за 26 тыс. драхм подержанный локомотив (мощностью 6–7 лошадиных сил)<sup>48</sup>.

В сентябре архимандрит Мисаил через антипросопа обители о. Пимена переслал в Кинот ответы на вопросы о якобы неравноправии в монастыре греков с русскими. Игумен опроверг обвинения и указал, что в том году, как и в прошлом, в Руссик приняты 4 грека, все они наравне с русскими иноками имеют послушание и материальное обеспечение. Из-за нужды большая часть братии рубит лес, заготавливает дрова, обрабатывает виноградники и поля, перевозит тяжести на мулах и быках, поэтому ее кормят лучше. Греки от этих тяжелых работ освобождены. Нанимать же греков-певчих для бдений со стороны прекратили из-за нехватки средств, но богослужения на греческом языке проводятся регулярно<sup>49</sup>.

В ноябре братия по указанию греческого правительства и Кинота освободила несколько корпусов обители для размещения детей-сирот, вывезенных

<sup>46</sup> *Троцкий П.* Свято-Андреевский скит и русские кельи на Афоне. С. 58.

<sup>47</sup> АРПМА. Оп. 10. Д. 170. Док. № 154. Л. 73, 76.

<sup>48</sup> Там же. Л. 77–78.

<sup>49</sup> Там же. Д. 194. Док. № 168. Л. 1–2.

из Малой Азии, но поселение их на Афоне не состоялось. В конце декабря в монастырях Афона для греческой армии реквизировали мулов и лошадей, причем Руссик пострадал больше других<sup>50</sup>.

В целом 1922 г. сопровождался еще большим оскудением монастыря, умерли 37 иноков, увеличилась доля больных и неспособных к труду насельников. К 1 января 1923 г. общая численность братии Руссика на Афоне составила 543 человека (из них 364 — в стенах монастыря). 26 иноков находились на мөтохах, 137 — в России<sup>51</sup>.

В апреле 1923 в реквизированном Преображенском корпусе Свято-Пантелеимоновского монастыря был размещен военный санаторий, где до сентября лечились почти 1200 греческих солдат. Позднее Преображенский корпус до полутора лет пустовал под охраной военного караула, но в 1925 г., после дипломатического вмешательства Королевства сербов, хорватов и словенцев его вернули монастырю<sup>52</sup>. Весной 1923 г. братия Руссика также просила греческое правительство разрешить приезд нескольких сотен русских насельников, которые накануне Первой мировой войны находились в России и хотели вернуться на Святую Гору<sup>53</sup>. Однако советское правительство воспрепятствовало их выезде из РСФСР.

В 1923 г. Свято-Пантелеимоновский монастырь посетило значительно больше паломников, чем в 1922 г. В частности, 24 апреля в монастырь приплыл румынский пароход с учащимися Морской военной школы, а вскоре приехала большая группа студентов и преподавателей Богословского факультета Белградского университета. Входивший в нее будущий архиепископ Серафим (Иванов) вспоминал: «Помню, в 1923 году, будучи студентами, приехали мы на Пасху на Святую Гору Афонскую. Как в рай попали. Как будто и революции никогда не было. Весь величавый быт большого старорусского монастыря сохранился во всей своей благолепной красе: громадные храмы с чудесной росписью, иконы в тяжелых серебряных ризах, сияющие паникадила. И всё это поддерживается в удивительном порядке и чистоте семидесятилетними ексклезиархами (монахами-пономарями. — М. Ш.), желающими ни в чем не отстать от своего патриарха — игумена. Обошли мы все громадные монастырские строения. Долго оставались в приемном зале “царского архондарика” (гостиница для почетных гостей). Это прямо музей духовной красоты старой великой России. Все стены украшены живописными фотографическими изображениями интереснейших событий русской духовной жизни последнего времени. Портреты государей, выдающихся архипастырей, изображения монастырей, храмов и т. д. — всё это погружает вас в бывший еще так недавно, а теперь, может

<sup>50</sup> Там же. Д. 170. Док. № 154. Л. 77.

<sup>51</sup> Там же. Л. 78.

<sup>52</sup> Архив Југославије, Београд, 69–142–221.

<sup>53</sup> Там же.

быть, навсегда потерянный русский церковный мир... Наконец попали мы в книжно-иконную лавку монастыря. Боже, сколько прекрасных книг, свято-отеческих творений!»<sup>54</sup>.

С 3 по 15 июня на Афоне пребывал российский консул в Салониках В. С. Щербина. Он посетил Свято-Пантелеимоновский монастырь, Свято-Андреевский, Свято-Ильинский скиты и некоторые русские келлии. 14 июня в Руссике побывал сербский консул в Салониках Ф. А. Стоянович. 4 июля монастырь посетил приплывший на госпитальном судне главнокомандующий греческой армией П. Мавромихалисис, торжественно встреченный братией. На другой день он присутствовал на богослужении Константинопольского Патриарха Мелетия в Великой Лавре св. Афанасия. 27 июля, в престольный праздник св. вмч Пантелеимона литургию в Руссике служил греческий епископ Фотий. 30 июля Свято-Пантелеимоновский монастырь посетил Салоникский митрополит Геннадий, 3 августа — английский полковник, 19 августа приплыл на своей яхте русский генерал Турбин, который взял с собой в Константинополь насельника Руссика — монаха Кронида<sup>55</sup>.

В середине ноября 1923 г. в монастырь приехала комиссия Протата для переговоров об оплате долгов Кинота, который достиг огромной суммы в 344 тыс. драхм. Значительных расходов потребовали оплата юристов для подготовки Нового канонизма, содержание афонской жандармерии и т. п. В октябре большинство членов Протата приняли решение распределить сумму долга между 20 монастырями пропорционально численности братии. Так как Руссик имел больше всего насельников, на его долю пришлось пятая с лишним часть всего долга — 73 тыс. драхм. Когда игумен Мисаил выразил несогласие, предлагая разделить долг Кинота поровну между монастырями, в крайнем случае между крупнейшими из них, ему указали, что в случае отказа от выплаты положенной суммы примут меры вплоть до отобрания печати монастыря. После этого братия Руссика обратилась с письмом протеста ко всем афонским монастырям, получив некоторую поддержку. В результате в обитель и приехала комиссия Протата, с нею была достигнута договоренность снизить сумму выплаты почти вдвое — до 40 тыс. драхм<sup>56</sup>.

И без того тяжелое финансовое положение монастыря еще более ухудшилось. В 1923 г. умер 31 насельник обители, много ценных церковных предметов было продано, порой за бесценок. Ситуацию усугубили убытки от злоупотреблений эконома Кассандры монаха Протогена. В 1924 г. положение оставалось прежним. 23 января в уплату долга пришлось продать монастырю Ксиропотам лучшие церковные облачения из двух ризниц за 400 лир золотом, 28 января монастырю св. Павла продали колокола из церкви св. Аристоклия и с башни

<sup>54</sup> *Верин С.* Архимандрит Мисаил, игумен Русского Пантелеимонова Монастыря на Афоне // Православный русский календарь на 1931 год. Владимирова, 1930. С. 66–69.

<sup>55</sup> АРПМА. Оп. 10. Д. 170. Док. № 154. Л. 82–83.

<sup>56</sup> Там же. Л. 85–86.

Покровского храма за 20 тыс. драхм, 1 июля продан греческому купцу за 75 тыс. драхм монастырский пароход «Святой Пантелеимон»<sup>57</sup>.

Весной 1924 г. на Пасху в Руссик приехал Первоиерарх РПЦ за границей митрополит Антоний (Храповицкий). Празднование в том году Пасхи в Свято-Пантелеимоновском монастыре очень выразительно описал сопровождавший Владыку Антония на Афон его келейник архимандрит Феодосий (Мельник): «Наступает Пасхальная ночь... Кругом темно, на всех паникадилах висят быстровоспламеняющиеся нитки и в подсвечниках вставлены огромные чистого воска свечи, лампадки тихо мерцают. Темные фигуры во мраке тихо спускаются по лестнице к собору — это братия спешит в собор. Кончилась полунощница в Покровской церкви, унесли плащаницу в алтарь, всё убрали, стало в церкви тихо, пусто и напряженно торжественно.

Ровно в 12 часов ночи раздался колокольный звон, и после него послышалось пение в нижнем соборе на славянском языке: “Воскресение Твое Христе Спасе”, а затем то же самое на греческом. Все монахи с возженными свечами в руках выходили чинно из собора, а за ними вышло больше сотни священнослужителей в чудных, богатой парчи ризах, во главе с игуменом о. Мисаилом, и как только они вышли и стали стройно перед собором, могучий голос архиерея Киприана провозгласил: “И осподобитися нам слышания св. Евангелия Господа Бога молим”, прекрасным баритональным тенором отец игумен прочел Евангелие Воскресное от Матфея, зачало 116, глава 28, 16. Каждая фраза прерывалась чудесным могучим колокольным трезвонном (почти стопудовый главный колокол).

С балкона наблюдать этот священный лик с морем свечей так умирительно, что мы стояли с затаенным дыханием, как бы не на балконе, а на небе, и эта Пасхальная ночь неизгладимо врезалась в мою душу. Владыка молился и слезы умиления, которые он быстро смахивал платком, тихо катились по его лицу. Затем внизу обошли крестным ходом вокруг собора и только тогда, вернувшись, провозгласил о. игумен “Слава Святей” и прочел стих “Да воскреснет Бог”. Хоры пели то по-гречески, то по-славянски и этим еще больше переносилась душа в ту даль времен, от которой нас отделяют около 2000 лет...

Затем о. игумен с назначенным для служения священством вошел в собор, а остальные с пением “Христос Воскресе” пошли по своим церквам. В Покровской церкви служил наместник о. Иоаким и с ним 18 иеромонахов и 8 иеродиаконов и архиерей Киприан, краса Афона, ныне преставившийся ко Господу 83-летним старцем. С воскресением Христовым всё как бы воскресло: братия воспрянула духом, на лицах радость сияет, голоса свежие, молодые, хотя это поют пожилые старцы. Служба идет быстро без задержек, по многажды повторяется Пасхальный канон, впечатление таковое: как жаждущий долго не видел воды и дорвался до источника, и его никак не оторвешь от него. Так и тут с клироса на клирос перекачивается одна и та же песнь, и кажется

<sup>57</sup> Там же. Л. 87–89.

никогда они не напоятся и не нарадуются этими священными песнопениями. Священнослужители по 2 иеромонаха и по 2 иеродиакона совершают каждения на каждой песни, как положено по уставу, чинно говорятся ектении после каждой песни. Весь храм пылает в освещении свечей и драгоценных лампад. Одним словом, ликует земля, вместе с небом радуясь о Воскресшем Спасителе»<sup>58</sup>.

С 31 мая по 6 июня в Русике пребывал греческий митрополит Ириней, но Кинот не позволил ему совершать богослужения без разрешения Константинопольского Патриарха Григория. 27 июля, в престольный праздник св. вмч Пантелеимона литургию в Русике служил греческий епископ Фотий. В этот день в обители было много гостей, в том числе консул Великобритании в Салониках Ф. Кроов и итальянский художник Ф. Перилло. 1 августа в Свято-Пантелеимоновский монастырь приплыл на миноносце американский адмирал М. Бристоль. Он также посетил и Свято-Андреевский скит, откуда вывез много церковных ценностей<sup>59</sup>.

Своеобразным рубежом в истории русских обителей Афона была выработка 10 мая 1924 г. пятичленной комиссией чрезвычайного Двойного собрания Святой Горы «Уставной хартии Святой Горы Афонской» (известна как «Новый канонизм»). Отказ его подписать ухудшил положение братии Руссика. 4 декабря в Киноте даже обсуждался вопрос о дополнительном вселении в Свято-Пантелеимоновский монастырь новых греческих насельников, выделив для этого по два монаха из каждого греческого монастыря Афона. Однако до этого дело не дошло. В конце 1924 — начале 1925 г. Свято-Андреевский скит остался без своего кавалского метоха Нузлы, а Свято-Пантелеимоновский монастырь — без метохов Каламария, Кассандра и Сики, реквизированных греческим правительством для размещения беженцев из Малой Азии. Некоторое время существовала угроза реквизиции и метоха Крумица, но не осуществилась. За 1924 г. в результате материальных лишений и болезней умерли 29 насельников Свято-Пантелеимоновского монастыря<sup>60</sup>. Так завершился один из самых сложных периодов в истории русских обителей Афона.

#### References

- Arhimandrit Feodosij (Mel'nik)*. S mitropolitom Antoniem na Sv. Afone // Pravoslavnaâ Rus'. 1937. № 20–21.  
*Emel'ânov N. E.* Predstaviteli russkogo zarubež'â. Za Hrista postradavšie // XVIII Ežegodnaâ bogoslovskââ konferenciâ Pravoslavnogo Svâto-Tihonovskogo gumanitarnogo universiteta: Materialy. T. 1. M., 2008.  
*Igumen Damaskin (Orlovskij)*. Mučeniki, ispovedniki i podvižniki blagočestiâ Rossijskoj Pravoslavnoj Cerkvi XX stoletia. Tver', 2002. Kn. V; kn. VII.  
*Il'inskaâ A.* Podvig shiepiskopa Petra // Vâtskij eparhial'nyj vestnik. 1998. № 1.  
*Milonakos N.* Svâtaâ Gora Afon i slavânstvo. Afiny, 1960.  
 O zakrytii Novo-Afonского Simono-Kananitskogo monastyrà // Pravoslavnaâ Abhazia. 1996. № 21.  
*Verin S.* Arhimandrit Misail, igumen Russkogo Panteleimonova Monastyrà na Afone // Pravoslavnyj russkij kalendar' na 1931 god. Vladimirova, 1930.

<sup>58</sup> См.: *Архимандрит Феодосий (Мельник)*. С митрополитом Антонием на Св. Афоне // Православная Русь. 1937. № 20–21.

<sup>59</sup> АРПМА. Оп. 10. Д. 170. Док. № 154. Л. 89.

<sup>60</sup> Там же. Л. 91–92.



**Список литературы**

- Архимандрит Феодосий (Мельник)*. С митрополитом Антонием на Св. Афоне // Православная Русь. 1937. № 20–21.
- Верин С.* Архимандрит Мисаил, игумен Русского Пантелеимонова Монастыря на Афоне // Православный русский календарь на 1931 год. Владимирова, 1930.
- Емельянов Н. Е.* Представители русского зарубежья. За Христа пострадавшие // XVIII Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета: Материалы. Т. 1. М., 2008.
- Игумен Дамаскин (Орловский)*. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Российской Православной Церкви XX столетия. Тверь, 2002. Кн. V; кн. VII.
- Ильинская А.* Подвиг схиепископа Петра // Вятский епархиальный вестник. 1998. № 1.
- Милонакос Н.* Святая Гора Афон и славянство. Афины, 1960.
- О закрытии Ново-Афонского Симоно-Кананитского монастыря // Православная Абхазия. 1996. № 21.
- Преподобный Сидуан Афонский. Святая Гора Афон, 2005.
- Русский афонский отечник XIX–XX веков. М., 2010.
- Троицкий П.* История русских обителей Афона в XIX–XX веках. М., 2009.
- Троицкий П.* Свято-Андреевский скит и русские кельи на Афоне. М., 2005.
- Феннел Н., Троицкий П., Талалай М.* Ильинский скит на Афоне. М., 2011.
- Якимчук И. З.* Русские иноки на Афоне в XX в. // Православная энциклопедия. М., 2002. Т. IV.

## А. И. Рупасов

### «В кругах германского правительства статья вызвала переполох». Дело Кайсарова – Шварсалона, 1932 г.

В начале 1932 г. в отношениях СССР с Германией наметилась явная тенденция к охлаждению. В Москве стремились избежать ухудшения двусторонних контактов, но подписание советско-польского пакта о ненападении, несмотря на заявление Сталина, что этот договор не означает гарантий границ Польши, оценивался в МИД Германии как крайне негативный факт. В Аусвертиге Амт обращали внимание советских дипломатов на то, что пактом не предусмотрено автоматического прекращения обязательств СССР в случае нападения Польши на Германию и, кроме того, документ фактически обеспечивает нейтралитет Москвы в случае объявления Германии нападающей стороной. Тем самым, с точки зрения Берлина, Советский Союз отказывался от прежнего взаимопонимания с Германией, лишался свободы маневра, и Германия теперь не могла полагаться на его поддержку в защите своих жизненных интересов<sup>1</sup>. Несмотря на довольно изощренные усилия советской дипломатии противодействовать прозападной ориентации возглавившего летом 1932 г. правительство Германии Франца фон Папена, едва ли стоит рассматривать вызвавшую предельное недовольство политического руководства СССР публикацию в одной ленинградской газете как неудачно спланированный НКВД элемент антипапеновской кампании. Руководству НКВД не удалось

<sup>1</sup> Кен О.Н., Рупасов А.И. Западное приграничье. Политбюро ЦК ВКП(б) и отношения СССР с западными соседними государствами. 1928–1934. М.: Алгоритм, 2014. С. 99–100.

осуществлять контроль даже над публикациями в центральной прессе, в том числе в официальном органе ЦИК СССР «Известиях». Региональная пресса вообще оставалась вне сферы контроля Наркоминдела. Редакторы отделов иностранной информации региональных изданий должны были довольствоваться либо перепечатками материалов центральной прессы, либо полагаться на собственное политическое чутье и те сведения и оценки внешнеполитической ситуации, которые им доводилось получать из аппарата местных партийных органов. На публикацию в ленинградской «Вечерней красной газете» такой топорно сработанной статьи, как «Военная мощь Германии», в НКВД не рискнули бы пойти. Реакция же на эту статью в Европе оказалась настолько сильной, что стала предметом обсуждения высшего политического руководства СССР, и то, как оно отреагировало на сложившуюся ситуацию, свидетельствовало о том, что статья появилась без его санкции.

12 августа 1932 г. член политбюро ЦК ВКП(б) Л. М. Каганович направил шифровку отдыхавшему на Кавказе Сталину. Первоначальный текст этого документа включал два абзаца, адресату не направленных: Сталину подоплека дела уже была известна и дублировать информацию не стоило. Однако в данном случае следует привести этот первоначальный текст полностью: *«В ленинградской “Красной газете” была помещена статья некоего Кайсарова, в которой германское правительство обвиняется в тайных вооружениях. Статья основана на материалах французской военной печати. Статья эта комментируется в польской и французской печати как доказательство полного изменения советской политики по отношению к Германии.*

*В кругах германского правительства статья вызвала переполох. После нескольких дней молчания статья Кайсарова опубликована в Германии телеграфным агентством “Телунион”, которое считает очень важным узнать действительное значение этой статьи, указывая, что “Красная газета” является официальным органом Ленинградского совета<sup>2</sup>.*

Мы послали Стецкого<sup>3</sup> в Ленинград расследовать обстоятельства помещения статьи Кайсарова в “Красной газете”. Известно, что Кайсаров беспартийный, бывший офицер, ныне инженер отделения Союзтранса<sup>4</sup>. После расследования определим меры наказания виновных в опубликовании такой статьи.

<sup>2</sup> Выделенное курсивом в тексте документа зачеркнуто. В публикации «Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг.» (М.: РОССПЭН, 2001. С. 287–288) отсутствует упоминание об этом.

<sup>3</sup> Алексей Иванович Стецкий (1896–1938) — в 1929–1936 гг. заведующий Отделом агитации и пропаганды ЦК ВКП(б).

<sup>4</sup> Всесоюзное объединение складского и транспортно-экспедиционного дела Народного комиссариата путей сообщения («Союзтранс») было создано в 1928 г.

*Ваше предложение сегодня же реализуем*<sup>5</sup>. Не целесообразно ли дать в “Известиях” статью о разоружении, в которой изложить без упоминания о “Красной газете” положение с вооружениями в Германии в духе нашей обычной трактовки, фактически опровергнув установки статьи в “Красной газете”, *не беря в то же время чересчур под защиту Германию, чтобы не дразнить поляков*<sup>6</sup>.

Просим сообщить Ваше мнение»<sup>7</sup>.

Направление в Ленинград именно Алексея Ивановича Стецкого определено было обусловлено тем, что за время своей прежней работы на посту заведующего отделом Северо-Западного бюро ЦК ВКП(б) и Ленинградского губкома партии он был хорошо знаком как со всеми редакторами ленинградских периодических изданий, так и с руководящими кадрами ленинградского ГПУ, губкома и горкома партии. Кроме того, ему также не могли не быть известны более ранние факты проявления излишней, с точки зрения центральных властей, самостоятельности местных органов власти в инициировании в прессе отдельных публикаций.

Неделю спустя после вышеупомянутой шифровки — 20 августа 1932 г. — Каганович направил Сталину и Молотову новую, свидетельствовавшую о неугасающем у генерального секретаря интересе к этому делу: «Расследование Стецкого в Ленинграде выявило безобразнейшее положение в иностранном отделе “Красной газеты”. Всеми делами Иноотдела заправлял некий Шварсолон — беспартийный 50 лет, обрусевший француз, бывш[ий] гвардейский офицер, во время гражданской войны сидел в концентрационном лагере за фабрикации удостоверений для перехода границы, будучи секретарем тогдашней “Экономической жизни”; после окончания гражданской войны попал в число сотрудников НКВД, был в нашем посольстве в Китае, в качестве переводчика у Карахана, был выставлен оттуда за подозрительные связи с иностранцами, работал затем некоторое время по линии ТАСС, затем в газете “Смена”, затем в “Вечерней Красной газете”; живет широко. *Его дочь работала до последнего времени телеграфисткой на наших пароходах, поддерживающих связь с заграничными портами*<sup>8</sup>.

Шварсолон арестован, и ОГПУ начало следствие по его делу. Кайсаров тоже арестован<sup>9</sup>. Мы приняли такое решение:

<sup>5</sup> Вписано от руки над зачеркнутым: «Мы думаем, что необходимо в “Правде”».

<sup>6</sup> Выделенное курсивом зачеркнуто, адресату не передавалось. Каганович в данном случае определенно помнил о том, как разворачивалась осенью 1931 г. дискуссия между членами Политбюро и отдохавшим на Кавказе Сталиным по поводу пакта ненападения с Польшей, в ходе которой генсек обвинил коллег в полонофобии. Сохранение достигнутого улучшения отношений с Варшавой оставалось ключом к решению многих региональных проблем, что в Москве учитывали.

<sup>7</sup> Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 558. Оп. 11. Д. 44. Л. 75–77.

<sup>8</sup> Выделенное курсивом зачеркнуто. В публикации «Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг.» (с. 291) об этом не упомянуто.

<sup>9</sup> В действительности Кайсаров и Шварсолон были арестованы 21 августа.

а) объявить выговор редактору редакции “Вечерней Красной газеты” Сыркину за небрежное отношение к своим обязанностям и за плохой подбор сотрудников.

б) объявить выговор секретарю редакции “Вечерней Красной газеты” Анисимову за помещение статьи Кайсарова; снять Анисимова с газетной работы<sup>10</sup>.

в) упразднить иностранные отделы в “Красной газете” (утренней и вечерней) и “Вечерней Москве”, обязав редакторов лично просматривать помещаемые в газетах инотелеграммы.

г) поручить Культпропу ЦК в срочном порядке проверить работу и состав сотрудников иностранных отделов других газет с тем, чтобы свести число газет с иностранными отделами до минимума.

д) предложить Ленинградскому обкому в двухдневный срок назначить редактора “Вечерней Красной газеты” и выделить вполне квалифицированного члена партии на заведование иностранным отделом “Ленинградской правды”, а также срочно проверить состав иностранного отдела “Ленинградской правды”.

е) предложить Ленинградскому обкому очистить “Красную газету” от примазавшихся к ней жуликов прежней бульварной прессы — прежней “Биржевки”<sup>11</sup> и др.

ж) предложить ОГПУ в срочном порядке закончить следствие по делу *о помещении неправильной статьи в “Красной газете”*<sup>12</sup>.

Последующие события показали, что генеральный секретарь ЦК ВКП(б) не был готов довольствоваться «перетряской» кадров в Ленинграде. В принципе, еще в июне 1928 г. Политбюро ЦК ВКП(б) обязало периодические издания, являющиеся официальными органами местных властей и издаваемые в приграничных районах (Ленинград относился к числу таких районов), согласовывать свои публикации с местными представителями НКВД и местной администрацией (в данном случае речь, конечно, шла не о Ленгорисполкоме, а об обкоме партии)<sup>13</sup>. В Ленинграде представительство НКВД имелось. Статья Кайсарова явно не была согласована ни с представительством НКВД, ни с местными властями, хотя за три месяца до ее появления — 8 мая — Политбюро в очередной раз озаботилось усилением контроля над работой иностранных отделов газет и журналов<sup>14</sup>.

Чем была вызвана исключительно нервная реакция членов Политбюро и кем были упомянутые Кагановичем Кайсаров и Шварсалон?

7 августа в Москву поступила информация об одной публикации бюллетеня «*Russland und Asien*», издававшегося агентством «*Telegrafen Union*»<sup>15</sup>

<sup>10</sup> На полях помета: «Именно этот тип и дал заказ на напечатание статьи».

<sup>11</sup> Имеется в виду газета «Биржевые ведомости», издававшаяся в 1880–1917 гг.

<sup>12</sup> Выделенное курсивом зачеркнуто, вписано: «Шварсолон–Кайсарова».

<sup>13</sup> РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 693. Л. 7.

<sup>14</sup> Там же. Д. 883. Л. 2.

<sup>15</sup> Telegraphen-Union Internationale Nachrichten GmbH было основано Альфредом Гугенбергом

(«Телунион» — в шифровке Кагановича), в которой обсуждались вопросы советско-германских отношений. В рубрике «Что происходит в германо-советских отношениях?» была напечатана статья под интригующим названием: «Москва нападает». Фактически ниже следовал перевод статьи «Военные силы Германии», помещенной 3 августа 1932 г. в ленинградской «Вечерней Красной газете». Бюллетень сопроводил эту статью следующим комментарием: «Мы уже недавно имели возможность высказаться по поводу одного происшествия, которое создало угрозу германо-советским отношениям тем, что с одной советской организацией обошлись несправедливо. Совершенно очевидно, что эта необдуманно совершенная несправедливость причинила материальный ущерб советской организации, что автоматически должно отразиться на советских заказах в Германии и в свою очередь нанести убытки также и германскому хозяйству. Теми же соображениями мы руководствуемся, воспроизведя дословно вышеуказанные выводы одной официальной советской газеты. Эти выводы, которым ни один человек не может отказать в официальном характере, весьма способствуют омрачению германо-советских отношений. Важен не столько тот факт, что содержится в этих рассуждениях, т. е. насколько они соответствуют действительности, или эти факты искажены. Важно в первую очередь то обстоятельство, что в официальной печати страны, к которой мы относились до сих пор как к хорошему соседу, появились подобные рассуждения. До сих пор считалось обычным, что советское правительство и его органы печати проявляют понимание положения Германии, создавшегося после подписания Версальского договора. Кроме того, официальные советские круги неоднократно даже подчеркивали, что советское правительство является противником Версальского договора. Эти выводы, а также приведенные в предисловии рассуждения, обнаруживают тенденцию, которая должна в Германии породить мнение, что советское правительство избрало такое внешнеполитическое направление, которое отклоняется от внешней политики, проводившейся до сих пор... сделавшей возможными совместные действия Германии и Советского Союза». Выдержки из советской статьи были также опубликованы в французских «Le Matin» и социалистической «Le Populaire», а также в германской

---

в 1913 г. Подписку на получение информации от этого агентства в 1931 г. имели более 350 газет. Его отношения с германским правительством не были бесконфликтными, с приходом нацистов к власти оно прекратило свое существование, так же как и другое крупнейшее германское агентство — Телеграфное бюро Вольфа. Главным редактором, в обязанности которого входило предоставление германским изданиям переводов, публикуемых в зарубежной печати статей, был в 1928–1932 гг. Ханс Фритцше, причем, согласно его показаниям на Нюрнбергском трибунале, одной из основных тем, на которую ему неизменно приходилось обращать внимание, являлось освещение связанных с Версальской системой вопросов (Nazi Conspiracy and Aggression. Washington: United States Government Printing Office, 1946. Vol. VI. P. 175). Подробнее о «Телеграфен Унион» см.: *Neitemeier M. Die Telegraphen-Union // J. Wilke (Hrsg.). Telegraphenbüros und Nachrichtenagenturen in Deutschland. Untersuchungen zu ihrer Geschichte bis 1949. München; NY; London; Paris: K. G. Saur, 1991. S. 87–134.*

либеральной «Die Vossische Zeitung» и в органе Польской социалистической партии (Polska Partia Socjalistyczna) «Robotnik».

В статье, напечатанной в ленинградской газете, особенно подчеркивалось, что «скромная цифра Рейхсвера в 100 000 человек с сравнительно продолжительным сроком службы, превращает его в мощный аппарат по созданию высококвалифицированного и отлично тренированного унтер-офицерского (младшего командного) состава... Рейхсвер и новая армия выйдут в поле не с ограниченным числом пулеметов и полевых пушек, а вооруженные так же, как и их соседи, если не лучше... Гражданская авиация, сильно развитая в Германии, имеет столько общего с военной авиацией, что переключить самолетостроительные заводы на военное производство не представляет большого труда... Германской армией будут руководить хорошо подготовленный офицерский корпус и генштаб. Генштаб, запрещенный Версалем, практически существует, но под другим названием и очень много работает... Германская армия является решающей величиной и в военно-политических комбинациях капиталистической Западной Европы».

Автором статьи был Владимир Дмитриевич Кайсаров, человек далекий от политики. Он родился 28 марта 1878 г. в Киеве. Окончил инженерное училище и Николаевскую инженерную академию. С женой Анной Николаевной у него было две дочери — Ольга и Наталья. Его родной брат — Виктор Дмитриевич Кайсаров — с 1915 г. служил в Харбине, в русской части Правления КВЖД, т. е. эмигрантом не был. До русско-японской войны Владимир Дмитриевич служил в инженерных войсках, в корпусе военных инженеров. В ходе этой войны был контужен, в результате стал терять слух, которого полностью лишился в 1911 г. По этой причине ему пришлось искать новое поприще для своей деятельности. Довольно успешно стал работать в таких изданиях, как «Инженерный журнал»<sup>16</sup>, «Разведчик»<sup>17</sup>, «Военный вестник»<sup>18</sup>. После октябрьского переворота 1917 г. стал редактором литературного отдела Всеобуча<sup>19</sup>, позднее переформированного в Петроградское отделение Главного редакционного совета (военного). С 1918 г. работал в газетах «Красная армия», «Известия Петросовета», «Красной газете», «Красной газете Балтийского флота». С осени 1920 г., с ведома Ленина, как утверждал сам Кайсаров (и это было принято следователями по его делу как данность), он был приглашен сотрудником для работы по составлению нового географического атласа. В начале 1921 г. Кайсаров получил очередное назначение — председателем Особой военной исторической комиссии при штабе Петроградского военного округа, а весной того же года он стал председателем Особой географической научной комиссии по составлению

<sup>16</sup> Выходил в 1857–1918 гг.

<sup>17</sup> Выходил в 1889–1917 гг.

<sup>18</sup> «Военный вестник: Общевоинской журнал» выходил в 1921–1994 гг.

<sup>19</sup> Всеобуч — Всеобщее военное обучение трудящихся, декрет о введении которого был принят ВЦИК РСФСР 22 апреля 1918 г.

Нового большого всемирно-географического атласа. Работа была закончена в 1928 г. В 1929 г. написанную им книгу по истории Гражданской войны — результат работы Особой военно-исторической комиссии — взял для издания ОСОАВИАХИМ<sup>20</sup>. В популярной библиотеке журнала «Наука и техника» он к тому времени опубликовал несколько небольших сочинений («Мировой океан», «Происхождение земли», «Техника и война»).

С 1929 г. Кайсаров стал вновь заниматься инженерной деятельностью, работал старшим инженером в Ленинградском союзе потребительских обществ, инженером — руководителем группы в Ленинградском отделении Союзтранса. Однако контакты с некоторыми структурами штаба Ленинградского военного округа у него сохранились.

Кайсаров был арестован 21 августа, но на допросы в ГПУ его стали вызывать с 15 августа. Иными словами, особых причин для его задержания следователи на первых порах не находили, пока в Ленинград не приехал Стецкий и не поступило распоряжение из Москвы. Полностью утративший слух Кайсаров просил задавать ему вопросы в письменной форме. Характеризуя на допросе в ГПУ 15 августа свои политические взгляды, он сказал: «Считаю, что в политическом отношении СССР и Германии сейчас идти по пути. В своей статье я, правда, высказал мысль, что Германия сильнее, чем это хотят представить сами немцы, но, во-первых, нахожу, что советскому читателю полезно знать правду о том, с кем пойдешь в область внешней политики рука об руку и, во-вторых, кроме того, я высказал очень скромные предположения о военных перспективах Германии. Мысли, что я тем хочу принести пользу Франции и тем навредить СССР — у меня не было. Французы, конечно, прекрасно осведомлены об истинном положении в Германии. Приемлемость статьи для советской печати для меня перестала быть спорной после того, как статью просмотрел и обсудил со мной завед[ующий] ИНО “Красн[ой] газеты”. Он как постоянный сотрудник газеты должен был быть более в курсе директив и не нашел в ней ничего криминального... 14 августа меня по поводу статьи вызывали в Штаб РККА ЛВО в 4-й отдел. Там меня спросили: “Пользовался ли я для составления статьи материалами 4-го отдела штаба?”. На мой отрицательный ответ просили перечислить источники, которые, точнее говоря, сведения из которых послужили материалом для статьи. Перед уходом из Штаба беседовавший со мной сотрудник сказал: “Воздерживайтесь в будущем помещать статьи без согласования с Горлитом<sup>21</sup>”. И дал адрес Горлита».

Владимира Дмитриевича редко вызывали на допросы. Он твердо стоял на своем — статья была ему заказана и ее содержание в редакции газеты было

<sup>20</sup> Архив Управления ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области (АУФСБ по СПб и ЛО). Д. П-66718. Л. 70–71.

<sup>21</sup> Ранее — в марте 1932 г. — Горлит был упразднен, вместо него был образован Леноблгорлит (ул. Пролетарская, 1), подчинявшийся Главлиту (Управлению по охране государственных тайн в печати).



одобрено. Последний допрос состоялся 21 октября 1932 г. Тогда Кайсаров признал, что появление его статьи «с таким направлением», «естественно, является материалом для западных стран, враждебно относящихся к Германии... Моя плохая ориентация в политических вопросах ввиду моей глухоты и оторванности от текущей политической жизни, так как в настоящее время я работаю в области далекой от политики... Здесь я также хочу указать на то, что направление статьи было мне подсказано... Шварсаломом, который не мог не знать о позициях Советского Союза и Германии». В тот же день Кайсарову было объявлено об окончании следствия.

Не менее, если не более интересной личностью был «заказчик» статьи Сергей Константинович Шварсалон<sup>22</sup>. Он родился 25 сентября 1887 г. в Копорье (Петергофский уезд Петербургской губернии), в семье учителя. Женат был на Антонине Петровне Григорович (с ними проживали ее дочь и сын от первого брака). В 1898–1906 гг. жил с матерью в Швейцарии (Женева), Италии (Неаполь, Генуя), Франции (Париж), Англии (Лондон). После возвращения в Россию он поступил на юридический факультет Юрьевского университета, который и окончил в 1910 г. Военскую повинность Сергей Константинович отбывал в 145-м пехотном Новочеркасском полку в качестве вольноопределяющегося. В 1911 г. он был причислен как практикант-юрист к Сенату, параллельно работал в «Торгово-промышленной газете» как сотрудник, а позже — помощником редактора отдела. В царской армии служил с мобилизации в 1914 и до 1917 г., имел звание прапорщика. В 1914 г. был ранен, после излечения занял в 1915 г. должность военного цензора при Главном телеграфе, работал под началом генерал-майора Дмитрия Петровича Струкова, занимаясь цензурой иностранных военных телеграмм. В 1917–1919 гг. был военным цензором в РККА, после чего до 1920 г. включительно служил секретарем в Институте экономических исследований в Петрограде<sup>23</sup>. В 1919–1920 гг. он 7 месяцев находился под следствием по делу о выдаче фиктивных командировочных документов некоей Киселевой от вышеупомянутого института. Был приговорен к содержанию в концлагере до окончания Гражданской войны. Только

<sup>22</sup> В следственном деле присутствуют два варианта написания фамилии — «Шварсалон» и «Шварсалон», сам подследственный явно предпочитал первый вариант. Шварсалон, ссылаясь на рассказы матери, на одном из допросов сказал, что его отец — обрусевший француз, настоящая фамилия которого — *Шварц-Салон*. Мать — дочь помещика Зиновьева, была литератором и писала под псевдонимом Зиновева-Аннибал. В 1900 г. его мать развелась с мужем — статским советником Константином Семеновичем *Шварсаломом*.

<sup>23</sup> К тому времени, когда Шварсалон был арестован, в Ленинграде, да и он сам, уже не помнили точного названия организации. В данном случае речь идет об образованном постановлением СНК РСФСР от 15 марта 1919 г. Петроградском отделении института экономических исследований (с 7 августа 1919 по октябрь 1920 г. статус его распоряжением наркомата финансов был понижен до редакционно-издательской комиссии наркомата финансов, но затем был снова возвращен, а с 1926 по 1929 г. он был реорганизован в научно-исследовательскую часть Ленинградского отделения финансово-экономического бюро наркомата финансов СССР).

по ходатайству Максима Горького его освободили в апреле 1920 г. (к Горькому обращался с просьбой муж покойной матери Шварсалона, поэт-символист Вячеслав Иванов). В том же 1920 и до 1922 г. он, как заявил на допросе, занимал должности заместителя заведующего отделом информации Исполкома Коминтерна и «заведующего английской секцией в Смольном»<sup>24</sup>, после чего оказался на работе в советском полпредстве в Пекине — драгоманом. В 1923 г. вместе с полпредом А. А. Иоффе выезжал для переговоров в Токио. По собственному признанию, единственное дисциплинарное взыскание им было получено в Китае за пьянство. Правда, Шварсалон вспомнил еще об одном проступке — проиграл итальянцу, мужу гастролировавшей в Пекине певицы, крупную сумму денег, но до выплаты проигранного дело не дошло, так как якобы выяснилось, что играли в компании жуликов. Нежелание платить партийные взносы повлекло недовольство партийной ячейки в полпредстве и исключение из кандидатов в члены партии.

В 1925 г. Шварсалон, по его утверждению, вместе с полпредом Л. М. Караханом покинул Пекин<sup>25</sup>. Эта дата вызывает сомнения, так как Карахан оставался на посту полпреда в Китае до лета 1926 г. Можно предположить, что без поддержки Карахана или сохранившихся связей в Смольном он не смог бы устроиться работать в Ленинграде в редакции «Ленинградской правды» заместителем заведующего иностранным отделом. Заведующим этим отделом был Александр Юльевич Тивель, позже ставший сотрудником аппарата ЦК ВКП(б) и одним из ближайших сотрудников Карла Радека в Бюро международной информации при ЦК ВКП(б). Параллельно с работой в газете Шварсалон работал и в РОСТА (телеграфное агентство Российской Федерации), был заместителем заведующего иностранным отделом. Однако в том же 1926 г. в «Ленинградской правде» было проведено сокращение штатов, и Шварсалону пришлось поменять место работы. Тогда же он лишился и работы в РОСТА. С конца 1926 г. он уже проживал в Москве, работал преподавателем экономической географии в Университете для трудящихся Китая им. Сунь Ятсена, а в августе 1928 г. по собственному желанию вернулся в Ленинград. Причины данного поступка неизвестны. Возможно, это было связано с реорганизацией университета, завершившейся в сентябре 1928 г. В Ленинграде он проживал на ул. Чайковского, 13, кв. 5.

По возвращении в Ленинград Шварсалон устроился работать в редакцию ленинградской газеты «Смена» в должности заместителя заведующего иностранным отделом Бруно Изаксона<sup>26</sup>. Подрабатывал и в «Госиздате» — редактором,

<sup>24</sup> В действительности занимал должность заведующего английской секцией отдела информации Коминтерна (свободно владел английским) (ЦГАИПД. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 547059. Л. 1).

<sup>25</sup> Позже Шварсалон опубликовал в соавторстве с М. И. Барановским небольшое сочинение под названием «Что нужно знать о Китае», выдержавшее в 1927–1928 гг. три издания.

<sup>26</sup> Бруно Самуилович Изаксон позже работал в ТАСС. В 1938 г. расстрелян. В 1955 г. реабилитирован.

а с апреля 1932 г. в иностранном отделе «Красной газеты». С 25 июля 1932 г. он стал исполнять обязанности заведующего этого отдела. К так называемым «августовским антивоенным дням», регулярно проводившимся в СССР с конца 1920-х гг., Шварсалон заказал сотруднику «Красной газеты» Кайсарову, считавшемуся специалистом по военным вопросам, ряд статей. В конце июля Кайсаров пришел с предложениями написать статьи на следующие темы: возможна ли война на западных границах СССР, аванпост французского империализма на Висле (о Польше и Румынии), боевая мощь Германии. Первая тема была отклонена Шварсалоном, так как Кайсаров «делал в ней неправильный вывод» о невозможности в настоящее время войны, но две другие темы им были приняты. Что касается статьи о военной мощи Германии, то Кайсаров ссылался на сведения иностранной печати и информацию, полученную им от штаба округа. Главный редактор газеты сомневался в помещении этой статьи, но Шварсалон дал ему некие разъяснения, после которых редактор Сыркин дал свое согласие на публикацию.

Как и Кайсаров, Шварсалон был арестован 21 августа 1932 г. без предъявления обвинения. Спустя два дня в Тосно была арестована его падчерица Татьяна Михайловна Григорович, 1909 г. р. Судя по всему, основной причиной особого интереса к ней послужил тот факт, что она часто и подолгу бывала за границей — в Голландии, Англии, Италии, Алжире, Тунисе, Турции, Персидском заливе. Дело в том, что с 1929 по 1931 г. она работала радисткой в Совторгфлоте, а с 1931 г. на той же работе в СЗРТ. Компрометирующими материалами в отношении нее следствие не располагало (найденные при обыске 5 долларов веским доказательством какой-либо вины служить не могли). С работы на пароходе она была уволена в 1931 г., так как ей было отказано в выдаче выездной визы. Причина отказа в выдаче визы ей была неизвестна. Возбужденное против нее дело за недоказанностью вины было закрыто только в ноябре, но по подписку о невыезде она была освобождена уже 12 сентября.

В день ареста состоялся и первый допрос Шварсалона. Следствие, судя по всему, не особо интересовало его родственные связи, хотя Шварсалон не скрывал, что в первом браке его супруга была за офицером Михаилом Григоровичем, который с начала 1920-х гг. проживал в Польше.

В день своего ареста среди телеграмм ТАСС Шварсалон, по его словам, увидел сообщение, что глава французского правительства Эдуард Эррио собирается выступить с материалами, обличающими Германию в тайных вооружениях. Шварсалон тогда и убедился «во вредности статьи Кайсарова», так как понял, что Эррио может использовать и статью Кайсарова «в интересах против Германии».

Если верить протоколу одного из допросов, то, давая пояснения о своих политических убеждениях, Шварсалон 27 августа был предельно откровенен: «По своим политическим убеждениям, по своему мировоззрению — я сторонник буржуазно-демократического строя. Государственный строй Англии, Франции во всех отношениях импонирует моим убеждениям. А [в] социализм,

установленный насильственным свержением буржуазного строя при помощи диктатуры пролетариата, — я не верю. Я являюсь врагом таких методов установления социализма. Корни моего политического мировоззрения лежат, разумеется, в моей социальной природе, в моем воспитании, полученном в определенном разрезе. Моя мать — писательница Зиновьева-Аннибал — была яркой представительницей той части дворянской интеллигенции, которая, будучи настроена оппозиционно к самодержавию и ненавидя уродство помещичье-дворянского строя, не шла, однако, далее буржуазно-либеральной позиции. Мой отчим (отца я почти не знал) — Вячеслав Иванов, поэт-мистик, ныне, как мне передают, яркий сторонник воинствующего католицизма, уехал из СССР в 1922 г. и остался в Италии (Рим, Падуа). Такова домашняя среда, в которой я рос. Воспитание и образование я получил в Англии, в семье директора гимназии — члена английской либеральной партии. Я разделял политическую платформу либералов. Я выехал из Англии со взглядами буржуазного либерала. В российских условиях эти взгляды укладываются в программу партии кадетов... Я с радостью встретил февральскую революцию. Я думал, что Россия победоносно закончит войну и пойдет по пути развития Англии. Мое отношение к октябрьской революции было резко отрицательное, так как она шла вразрез с моим мировоззрением и со всей моей идеологией. Если же я и продолжал работать, то это объясняется тем, что нужны были средства для существования. Годы моей работы после октябрьской революции за границей, где я общался с социально близкой мне буржуазной средой дипломатических работников иностранных миссий — укрепляли мои политические убеждения. Даже последние годы, работая в иностранных отделах советских газет, я всё же имел возможность поддерживать в себе либерально-буржуазное мировоззрение... Я до сих пор продолжаю считать, что путь социалистического развития, минуя буржуазно-демократическое, неправилен, я думаю, что коллективизация деревни еще непригодна в данной стадии развития народного хозяйства СССР и что больше пользы для экономического развития страны принес бы путь буржуазно-демократического развития, который предоставлял бы свободу индивидуальным силам и индивидуальной конкуренции»<sup>27</sup>.

«В январе 1922 г. в Москве я встретился в библиотеке Воен[ного] штаба (ок[оло] Знаменки и Моховой) с Александром Ивановичем Григоровичем, братом первого мужа моей жены. А. И. Григорович перед этим письменно сообщил моей жене, что у него имеется для передачи моей жене мелкая продовольственная посылка, за которой я и зашел. При разговоре с Ал. Ив. я выразил некоторую зависть, что он скоро уезжает из СССР (как польский реэвакуант<sup>28</sup>). Ал. Ив. Григорович понял, что в моем лице он имеет “своего человека”, близкого по взглядам. Он сказал мне, что и оставаясь в СССР, я могу принести

<sup>27</sup> АУФСБ по СПб и ЛО. Д. П-66718. Л. 53, сл.

<sup>28</sup> Т. е. оптант.

некоторую пользу, будучи свидетелем того, что здесь в действительности происходит (антисоветские настроения, затруднения и т. д.). Он мне сказал, что я могу пользоваться совершенно безобидным и безопасным способом сообщать о том, что я продолжаю пребывать в своем настроении и что я свидетель всех здешних затруднений, — путем подчеркивания в ответных на посылки письмам моей жены ее мужу в Варшаве необходимости продолжать посылать посылки и подчеркивания нашего тяжелого материального положения в СССР, — вследствие чего и требуются продовольственные посылки. Я согласился... (в 1925 г.) В Москве я узнал от Пяста Владимира Александровича<sup>29</sup> (которого я знал еще до войны) о том, что он с Юрием Никандровичем Верховским<sup>30</sup> и др[угими] друзьями часто беседует на антисоветские темы и мысль о такой организации меня соблазняла; если я и не подошел к ней ближе, то потому, что фактически не успел, и Пяст, и я сам бывали то в Москве, то в Ленинграде. Работая постоянно в Ленинграде с августа 1928 г., я находился всё время на подчиненных должностях, что не давало мне возможности провести тенденции против советской политики и в пользу Польши в газетах. Я старался только не заострять насколько возможно своих статей против Польши. В начале августа сего года, когда я замещал зав[едующего] иностр[анным] отд[елом] “Кр[асной] Газ[еты]” Ляс<sup>31</sup>, сотрудник газеты Кайсаров предложил мне три темы...»<sup>32</sup>

Шварсалону не могло не быть известно об аресте Пяста в 1930 г. и последующей высылке на 3 года в Северный край. Можно предположить, что он упомянул о Пясте, не опасаясь усугубить его положение, по той причине, что именно в 1932 г. прошел слух о самоубийстве Владимира Алексеевича<sup>33</sup>. Обращает на себя внимание другое обстоятельство: протоколы допросов свидетельствуют, что следствие не проявило интереса к разработке этой выгодной, казалось бы, с политической точки зрения «линии»: «Пяст — Верховский — другие друзья», часто беседовавшие на антисоветские темы. На судьбе Верховского это заявление Шварсалона никак не отразилось. Быть может, следствие торопилось завершить дело?

4 сентября Шварсалон написал «дополнительное показание». По его словам, 1 марта 1921 г. коллективом Смольного он был принят в кандидаты ВКП(б)<sup>34</sup>.

<sup>29</sup> Имеется в виду Владимир Алексеевич Пестовский (псевдоним — Пяст) (1886–1940) — поэт-символист, прозаик, литературный критик, переводчик, один из биографов Александра Блока.

<sup>30</sup> Юрий Никандрович Верховский (1878–1956) — поэт, переводчик, историк литературы.

<sup>31</sup> Заведующий уехал в отпуск в Германию.

<sup>32</sup> АУФСБ по СПб и ЛО. Д. П-66718. Л. 59–60.

<sup>33</sup> *Тименчик Р.* Рыцарь-несчастье // Вл. Пяст. Встречи. М.: Новое литературное обозрение, 1997. С. 20.

<sup>34</sup> Членство Шварсалона в РКП(б) вызывает некоторые вопросы. В марте 1921 г., т. е. через несколько месяцев после занятия ответственной должности в структурах Коминтерна, он решил вступить в партию. Рекомендации ему предоставили некие П. А. Ливсовский и К. Н. Ставинг (судебный следователь 1-го отделения Петроградского района

«Заявление о вступлении в партию я подал под влиянием сложных чувств, вызванных смертью на моих руках сестры Веры в Москве в августе 1920 г. от скоротечной чахотки. Я, когда умерла сестра, чувствовал, что стою на перепутье: или ненавижу большевиков из-за голода, жертвой которого стала сестра, или должен бороться с Антантой, сковывавшей нас в кольце блокады. Я решил тогда на второй путь... Но когда я был за границей, очевидно сказалось мое более настоящее буржуазное настроение, и у меня произошел в 1923–1924 гг. ряд личных конфликтов с несколькими руководящими членами ячейки полпредства, которые мне заявляли откровенно, что я гожусь для работы на советской службе, но что для партии я чуждый элемент... В мае 1924 г. я был исключен из ячейки за неуплату членских взносов. Во время XVI съезда<sup>35</sup> я, в числе нескольких других беспартийных работников редакции “Кр[асной] газ[еты]” и “Смены” подал коллективное заявление о вступлении в партию. Вступить в партию я хотел для того, чтобы мне шире были открыты двери для карьеры, которую я мог делать благодаря моим знаниям языков, опыту в работе и т. д.»<sup>36</sup>. Судя по всему, в приеме в партию ему было отказано, так как в анкете, заполненной при его аресте, в графе о партийности записано — «б/п». На это следует обратить внимание, так как в 1930 г. чистки партийных рядов не проводилось, напротив, как позже констатировалось в постановлении ЦК и ЦКК ВКП(б) (28 апреля 1933 г.), с конца 1930 и по начало 1933 г., в партию вступило 1400 тыс. человек, большинство из которых были активными участниками социалистического строительства, но в ряде случаев прием в партию проводился огульно, без тщательной проверки, в результате чего в партии оказались чуждые элементы. Следовательно, даже в период «открытых дверей» Шварсалон в партию принят не был. «Коллективное заявление» не сыграло своей роли. Факт, который не мог не учитываться руководством газеты и ее партийной ячейкой. Тем не менее он оказался ответственным в газете за весьма опасный участок работы — зарубежную информацию. Знания и опыт оставались редким товаром, что, вероятно, и побуждало его начальство идти на риск.

На следующий день, 5 сентября, Шварсалон дал очередные «дополнительные показания», которым он придал весьма говорящий заголовок: «О моих антигерманских настроениях». «Вдумываясь в мои симпатии и антипатии к тому или иному государству, я вижу и знаю, что с давних пор у меня существуют антигерманские настроения. Эти настроения особенно обострились вследствие войны 1914 г., но они возникли еще раньше. Уже когда я совсем маленьким (10 лет) был в парижской гимназии (1 или 2 года, не помню), я помню, как французские мальчики приветствовали во мне “союзника” во время игр

Петрограда). Однако в учетной карточке нет упоминания об открытии ему кандидатского стажа в партии и вообще о рассмотрении этого вопроса на заседании «Бюро Смольнинского коллектива РКП(б)» (ЦГАИПД. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 547059. Л. 2 об., 3).

<sup>35</sup> Июль 1930 г.

<sup>36</sup> АУФСБ по СПб и ЛО. Д. П-66718. Л. 63 — 63 об.

в войну между Францией и Германией. В Лондоне, в семье Тэппер, где я жил до того, как стал жить у директора своей школы Пэтока, тоже были настроены против Германии...»

Это был своего рода подарок для следствия, тот штрих, который должен был украсить обвинительное заключение и дать исчерпывающее объяснение появлению статьи Кайсарова. «Заграничной прессой охарактеризованная выше статья “Красной Газеты” была оценена как инспирированный советским правительственными кругами акт, демонстрирующий антигерманский поворот внешней политики СССР и солидаризацию СССР с политикой государств — гарантов Версальского договора», — гласило подготовленное следователем заключение. Следствие пришло к однозначному выводу, что Шварсалон «использовал советскую прессу в контрреволюционных целях, пытаясь путем помещения политически неприемлемой статьи Кайсарова “Военная мощь Германии” подорвать нормальные дипломатические взаимоотношения между СССР и Германией»<sup>37</sup>.

9 декабря 1932 г. Выездная сессия Коллегии ОГПУ вынесла приговор: «ШВАРСАЛОН Сергея Константиновича заключить в к/лагерь сроком на 10 лет, считая срок с 31.8.1932»<sup>38</sup>. В этот же день была поставлена точка и в деле Кайсарова: «КАЙСАРОВА Владимира Дмитриевича — Освободить. Дело прекратить. Дело сдать в архив»<sup>39</sup>.

Заключение Шварсалон отбывал в лагерях Беломоро-Балтийского комбината. Некоторое время был редактором лагерной малотиражной газеты, работал в лагерных канцеляриях. На тяжелых физических работах не использовался, так как после ранения в ногу в Первой мировой войне сильно хромал и ходил с помощью палки. В начале 1937 г. был освобожден. Поселился в Калуге. По разным данным либо в 1939 г., либо в 1940 г. был снова арестован, и в 1941 г. приговорен к высшей мере наказания. Только в 1988 г. постановлением Президиума Ленинградского городского суда постановление Выездной сессии Коллегии ОГПУ было отменено и дело прекращено за отсутствием состава преступления в действиях Шварсалона.

Дело Шварсалона–Кайсарова послужило толчком для начала общесоюзной кампании по проверке отделов иностранной информации в средствах массовой информации. В результате во многих изданиях эти отделы были закрыты, а в других — резко сокращен штат сотрудников. Для интересующихся событиями в мире оставались центральные газеты и нечастые лекции лекторов-пропагандистов.

<sup>37</sup> Там же. Л. 99.

<sup>38</sup> Выписка из протокола Заседания Выездной Сессии Коллегии ОГПУ от 9.12.1932 // Там же. Л. 101.

<sup>39</sup> Там же. Л. 102.

**References**

- Baranovskij M. I., Švarsolon S. K.* Čto nužno znat' o Kitae. L., 1927–1928.  
*Ken O. N., Rupasov A. I.* Zapadnoe prigranič'e. Politbûro CK VKP(b) i otnošeníâ SSSR s zapadnymi sosednimi gosudarstvami. 1928–1934. M.: Algoritm, 2014.  
Nazi Conspiracy and Aggression. Washington: United States Government Printing Office, 1946. Vol. VI.  
*Neitemeier M.* Die Telegraphen-Union // J. Wilke (Hrsg.). Telegraphenbüros und Nachrichtenagenturen in Deutschland. Untersuchungen zu ihrer Geschichte bis 1949. München; NY; London; Paris: K. G. Saur, 1991. S. 87–134.  
Сталин и Кагановиç. Переписка. 1931–1936 гг. М.: ROSSPÈN, 2001.  
*Timenčik R.* Ryčar'-nesčast'e // VI. Pâst. Vstreči. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 1997.

**Список литературы**

- Барановский М. И., Шварсолом С. К.* Что нужно знать о Китае. Л., 1927–1928.  
*Кен О. Н., Рупасов А. И.* Западное приграничье. Политбюро ЦК ВКП(б) и отношения СССР с западными соседними государствами. 1928–1934. М.: Алгоритм, 2014.  
Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. М.: РОССПЭН, 2001.  
*Тименчик Р.* Рыцарь-несчастье // Вл. Пяст. Встречи. М.: Новое литературное обозрение, 1997.  
Nazi Conspiracy and Aggression. Washington: United States Government Printing Office, 1946. Vol. VI.  
*Neitemeier M.* Die Telegraphen-Union // J. Wilke (Hrsg.). Telegraphenbüros und Nachrichtenagenturen in Deutschland. Untersuchungen zu ihrer Geschichte bis 1949. München; NY; London; Paris: K. G. Saur, 1991. S. 87–134.



**А. Е. Карначёв**

*РНБ греч. 113*: перевод сочинений  
 Арнальдо де Вилланова  
 на греческий язык, выполненный  
 на латинском востоке в XIV столетии

Уникальная рукопись *РНБ греч. 113*, содержащая перевод католических религиозно-мистических трактатов и проповедей на греческий язык, стала известна ученым уже с начала XVIII в., когда ее описал Бернар де Монфокон в составе библиотеки Анри Коаленя, епископа Меца, — т. е. со времени выхода в свет самого первого в Европе научного описания греческих рукописей<sup>1</sup>. Кодекс из 223 пергаменных листов in 8<sup>o</sup> ныне заключен в картонный переплет XVII в. с золотым тиснением: на верхней крышке изображен фамильный герб канцлера Франции Пьера Сегье (1588–1672), на нижней — монограмма *PSq* («*Petrus Sequerius*»). По-видимому, это одна из 116 рукописей, конфискованных в августе 1655 г. у греческого иеромонаха Афанасия Ритора, поставлявшего в 1643–1653 гг. в Париж манускрипты с греческого Востока для кардинала Мазарини и канцлера Сегье, деда Коаленя<sup>2</sup>. Последний владелец коллекции, заказавший ее

<sup>1</sup> *Montfaucon B. de. Bibliotheca Coisliniana, olim Seguieriana. Paris, 1715. P. 585. № CCCLXXIX, olim XXXVI.*

<sup>2</sup> Bibliothèque nationale. Département des manuscrits. Catalogue de manuscrits grecs. II. Le fonds Coislin / Réd. par R. Devreese. Paris 1945. P. VII. — Впервые рукопись фигурирует под № 36 в описи имущества покойного канцлера, Ms. *BNFlat. 11878*, ff. 107–118v. Опись издана в 1686 г., но без номеров (*Ibid.*, p. X, n. 1). Афанасий, помимо родного для него Кипра, совершал путешествия за манускриптами на Афон, в Фессалоники и Метеорские монастыри (см.: *Omont H. Missions archéologiques françaises en Orient au XVII<sup>e</sup> et XVIII<sup>e</sup> siècles. I. Paris, 1902. P. 1–26.*)

подробное описание монаху-бenedиктинцу из парижской обители Сен-Жермен, между 1715 и 1720 гг. передал рукописи на хранение в этот монастырь<sup>3</sup>, а в 1731 г. завещал их аббатству в вечное пользование. Там собрание пребывало в относительной целостности до пожара 1791 г., а затем 7 греческих манускриптов из него, включая наш, попали в Россию<sup>4</sup>.

Свой нынешний номер «113» рукопись получила в описании греческих манускриптов Императорской Публичной библиотеки в Санкт-Петербурге, составленном Эдуардом де Муральтом в середине XIX в.<sup>5</sup> Отсюда сведения о ней попали в многотомную «Историю французской литературы» Виктора Ле Клерка, поскольку Э. де Муральт ошибочно посчитал необычное произведение переводом на греческий язык богословских сочинений провинциального прованского епископа, доминиканца Раймонда Медульонского (*лат.* Raymondus Mediolanensis), близкого к неаполитанскому королю Карлу II Анжуйскому, графу Прованса<sup>6</sup>. Название замка Медульон (*фр.* Meduillion), расположенного в округе Гап кантона Амбрён, действительно появляется в колофоне рукописи на л. 223, где указаны и точная дата составления *последней речи* сборника: «за три дня до праздника блаженной подруги (τῆς μακαρίας ἀγαθητέρας) Господа нашего, Марии Магдалины, в год от Его [пришествия] 1292»<sup>7</sup>. Таким образом, авторство сочинений было выведено аналитически из списка прелатов указанной области. Долгое время после Муральта и Ле Клерка считалось, что это и есть правильная атрибуция всей рукописи. Так думали арх. Амфилохий (П. И. Сергиевский-Казанцев), описавший «точно датированную» рукопись с приведением снимка из нее, а также А. И. Соболевский и Г. Ф. Церетели, включившие ее в свой альбом датированных греческих рукописей<sup>8</sup>. Того же

<sup>3</sup> В 1719 г. ее видели там историки доминиканского ордена Ж. Кетиф и Ж. Эшар (см.: *Quétif J., Echard J. Scriptores ordinis praedicatorum.* Paris, 1719. Т. I. P. 937–938).

<sup>4</sup> На 1-м листе рукописи читаем: «Ex Musaeo Petri Dubrowsky». Всего в коллекции русского дипломата П. П. Дубровского (1754–1816) числится 23 греческие рукописи (Петр Дубровский и его коллекция. / Сост. Н. А. Елагина, О. В. Васильева, И. В. Дацюк. СПб.: Российская Национальная библиотека, 2004. С. 17).

<sup>5</sup> *Muralt E. de. Catalogus codicum bibliothecae Imperialis publicae graecorum et latinorum.* Petropoli, 1840. P. 24–25; *Muralt E. de. Catalogue des manuscrits grecs de la Bibliothèque Impériale Publique.* SPb., 1864. P. 65–66.

<sup>6</sup> Raymond de Medullione dominicain, évêque de Gap, archévêque d'Embrun // *Le Clerc V. Histoire littéraire de la France.* Paris, 1842. Т. XX. P. 252–266.

<sup>7</sup> То есть 19 июля. Необычный «титул» Магдалины является переводом соответствующего латинского выражения: *beata amatrica*.

<sup>8</sup> *Амфилохий, архим.* Описание греческих рукописей XIII–XIV вв. определенных лет. М., 1879. Т. III. С. 18. Табл. 9; *Exempla Codicum Graecorum Litteris minusculis scriptorum annorumque notis instructorum* / Ed. G. Cereteli, S. Sobolevski. М., 1913. Vol. Alterum: *Codices Petropolitani. Supplementum.* Tab. XXXIX<sup>a</sup>. (Иллюстрация ошибочно подписана: PHILIPPI MONACHI DIOPTRA).

мнения придерживалась Е. Э. Гранстрем, составитель последнего на сегодня действующего каталога греческого фонда РНБ<sup>9</sup>.

Что собой представляет эта рукопись на самом деле, на Западе стало понятно в 1932 г., когда испанский медиевист Иоахим Каррерас Арто обратил внимание на дословное совпадение начала одного из греческих трактатов (№ 8 (9) в рукописи, л. 186–223) с латинским инципитом сочинения «*Allocutio super significatione nominis Tetragrammaton...*» знаменитого средневекового медика Арнольда из Виллановы (ок. 1240–1311, *фр.* Arnaud de Villeneuve, *катал.* Arnau de Vilanova), состоявшего придворным врачом сицилийских и арагонских королей и римских пап Бенедикта XI и Климента V<sup>10</sup>. Это открытие побудило Каррераса более пристально исследовать все существовавшие на тот момент описания ленинградского манускрипта. Ему удалось установить, что инципиты четырех трактатов *РНБ греч. 113* (№ 5, 7, 8, 9) соответствуют латинским вариантам сочинений Арно, содержащимся в авторизованной рукописи *Vat. lat. 3824*, а начала еще четырех трактатов (№ 1–4) совпадают с инципитами на каталонском языке, цитируемыми в обвинительном заключении суда инквизиции г. Таррагона над Арнольдом из Виллановы от 6 (9) ноября 1316 г.<sup>11</sup> К концу XIX в. были известны и опубликованы итальянские версии трактатов Виллановы, соответствующие № 2 и 3 петербургской рукописи<sup>12</sup>, а в 1925 г. был опубликован каталонский «оригинал» трактата № 3, сохранявшийся в единственном списке *Morella IV* (Испания), впоследствии погибшем<sup>13</sup>. Наконец, трактат № 6 из нашего кодекса не поддавался точной идентификации, но также определенно должен был принадлежать, по мнению Каррераса, Арнольду, поскольку затрагивал темы, поднимавшиеся в ходе его полемики с богословами Парижского университета в 1299–1300 гг.

<sup>9</sup> Гранстрем Е. Э. Каталог греческих рукописей ленинградских хранилищ. Вып. 5. Рукописи XIII века // Византийский временник. 1964. Т. XXIV. С. 176–178. № 450.

<sup>10</sup> Carreras A, J. Una versió grega de nou escrits d'Arnau de Vilanova // *Analecta Sacra Tarracoenensia*. 1932. Vol. 8. P. 1–8, 127–134.

<sup>11</sup> См.: Mendez y Pelayo M. *Historia de los heterodoxos españoles*. 2 ed. Madrid, 1918. Т. 3. P. CXXV–CXXVII (125–127). — Суд над Арнольдом, бывшим папским приближенным, стал возможен, когда в очередной раз сменилась власть в Авиньоне. Доктор-прозелит был посмертно проклят как еретик за неканонические взгляды, которые он отстаивал в спорах с последователями школы Фомы Аквинского в Париже в 1299–1300 гг. (см.: Hauréau B. *Arnauld de Villeneuve, médecin et chimiste* // *Histoire littéraire de la France*. Paris, 1881. Т. XXVIII. P. 26–126, 487–490; Haven M. *La vie et les oeuvres de maître Arnauld de Villeneuve*. Paris, 1896).

<sup>12</sup> Tocco F. *Due opuscoli inediti di Arnaldo da Vilanova* // *Archivio Storico Italiano*. 1886. Vol. 18. P. 459–460. Трактат № 2 известен также в переводе на неаполитанский диалект, составленном, вероятно, при дворе Роберта II Анжуйского (см.: Manselli R. *La religiosità d'Arnaldo da Vilanova* // *Bulletino dell'Istituto Storico per il Medioevo e Archivio Muratoriano*. 1951. Vol. 63. P. 60–76; Santi F. *Gli «scripta spiritualia» di Arnau de Vilanova* // *Studi Medievali*. 1985. Vol. III (26). P. 995–996, 1003. № 44–46, 78).

<sup>13</sup> Изд.: Betí M. *El text catala de la «Informatio Beguinorum vel Lectio Narbonae» d'A. de Vilanova* // *Festgabe zum 70<sup>sten</sup> Geburtstag H. Finke*. Münster, 1925. S. 189–199 (= *Batllori M. Arnau de Vilanova. Obres catalanes*. Barcelona, 1947. Vol. I. P. 141–166).

Преемник Каррераса кардинал Микель Батллори обнаружил итальянские версии трактатов № 1–3 в рукописи Национальной библиотеки Флоренции (BNCF) *G.III.368*, а латинские тексты трактатов № 5 и 7 нашел также в рукописи *Vat. Borgh. 205*<sup>14</sup>. В 1964 г. по микрофильму всей греческой рукописи, заказанному в ГПБ, М. Батллори осуществил «обратный» перевод трактата № 4 с греческого на каталонский язык<sup>15</sup>.

В СССР об этом археографическом открытии стало известно лишь в 1984 г., когда в «Византийском временнике» появилась статья И. П. Медведева с новыми данными о рукописи *РНБ греч. 113*<sup>16</sup>. Установлению научной истины, по признанию автора, содействовал сам падре Микель Батллори.

Наконец, в 2002 г. греческая рукопись была полностью издана в Барселоне с латинскими, итальянскими и каталонскими параллелями профессором университета Хуаном Надаль-и-Канельясом<sup>17</sup>. Ознакомившись летом 2012 г. в Национальной библиотеке Испании с замечательным *editio princeps* этого редкостного перевода на греческий язык — одного из немногих, появившихся до эпохи Ренессанса, автор настоящей статьи решается сделать несколько поправок и дополнений к нему, основанных на непосредственном обращении к рукописи<sup>18</sup>.

\* \* \*

По мнению издателя, критика рукописи, как внешняя (кодицилогическая), так и внутренняя (текстологическая), приводит к убеждению в южноитальянском происхождении списка. Перевод сочинений, содержащихся в *РНБ греч. 113*, обнаруживает влияние каталонского языка — родного языка Виллановы. Переводчиком следует считать грека, однако не духовное визан-

<sup>14</sup> *Batllori M.* Les versions italianes medievals d'obres religioses de Mestre Arnau de Vilanova // Archivio Italiano per la Storia della Pietà. 1951. Vol. 1. P. 395–462 (= *Idem.* Arnau de Vilanova i l'Arnaldisme. Obra completa. Barcelona, 1994. Vol. III (Biblioteca d'Estudis i Investigacions 20). P. 213–231).

<sup>15</sup> Поскольку именно на этом языке инципит сочинения фигурирует в акте инквизиции. См.: *Batllori M. S. J.* «Θύγατερ, μέλλετε εἰδέναι...». Opusculum Arnaldi de Villanova nundum editum // Miscellanea Melchor de Pobladora. Romae, 1964. Vol. I. P. 215–223.

<sup>16</sup> *Медведев И. П.* Две поправки к Каталогу греческих рукописей ленинградских хранилищ. I. ГПБ, греч. № 113 // Византийский временник. 1984. Т. 45. С. 211–215.

<sup>17</sup> Arnaldi de Villanova tractatus octo in Graecum sermonem versi (*Petropolitanus graecus 113*) nunc primum editi cura et studio *Ioannis Nadal et Cañellas*. Graecitatem textus recensente *Dionisio Benetos*, Universitas Atheniensis doctore. Barcinone: Institut d'Estudis Catalans, MMII, 2002. — Издатель говорит о *восьми* трактатах, ибо вслед за Б. де Монфоконом объединяет трактаты № 5 и 6 в один; Э. Мюральт и В. Ле Клерк разводили их и всего насчитывали в рукописи *девять* трактатов; Е. Э. Гранстрем также писала о *девяти* сочинениях, входящих в сборник.

<sup>18</sup> Издатель не держал оригинал рукописи в руках. Издание было осуществлено по микрофильму, изготовленному для Института каталонских исследований в 1960-х гг., с которым работал М. Батллори. — См. сн. 15.

тийское лицо, а образованного мирянина, жителя Калабрии или Сицилии. Наконец, заказчиком работы мог быть сам автор, а адресатом — константинопольский патриарх Афанасий I (1289–1293, 1303–1310)<sup>19</sup>.

Рукопись *РНБ греч. 113*, на наш взгляд, может считаться выдающимся образцом книжной продукции западной периферии греческой культуры. Помимо изящества инициалов и виньеток-реклам<sup>20</sup>, отмеченного издателем, мы можем указать и на отличное качество пергамена, а также на соблюдение правила составления тетрадей «мясо–мясо», «шерсть–шерсть», при котором две страницы любого разворота рукописи имеют одинаковый цвет и фактуру. Обе эти особенности в то же время не совсем укладываются в круг привычных представлений о южноитальянских *греческих* рукописях этого времени. Исследуя в апреле 2014 г. крупнейшее на сегодня греческое рукописное собрание Южной Италии — коллекцию монастыря св. Спасителя «Песчаной Косы» (*di lingua fari*) в Мессине, мы заметили, что ни один из калабро-сицилийских манускриптов XIII–XIV вв., хранящихся в библиотеке Мессинского университета, не сопоставим по белизне и мягкости листов с *РНБ греч. 113*, а последовательность сборки и формат тетрадей внутри кодексов могут быть различными. Рядовая рукопись местного производства той эпохи, как правило, представляет собой книгу, сшитую из желтых, коричневых или даже желто-зеленых плотных листов плохо обработанного пергамена, издающих при перелистывании характерный стреляющий звук<sup>21</sup>. На страницах рукописей нередко обширные лакуны (дыры), а края листов столь жестки и неровны, что могут при неосторожном обращении порезать кожу рук! Всё это весьма далеко от скромного и вместе с тем изящного оформления петербургского кодекса произведений Арнольда из Виллановы, написанного на достаточно тонких светлых листах выглаженного пемзой пергамена, составленных в том правильном «монохромном» порядке, который, заметим, одинаково строго соблюдался в скрипториях Константинополя и Западной Европы. Не говорит ли уже это высокое качество писчего материала вкупе с негреческими приемами оформления книги о происхождении ее из латинского скриптория?

Бернар де Монфоко, в обычай которого входило не только описывать рукописи, но и внимательно прочитывать их, коротко отметил в своем каталоге по поводу № 279 (36): *sermo Graecus olet Latinam phrasin*, «греческий язык отдает латынью»<sup>22</sup>. Позиция современного издателя, однако, сводится к тому, что

<sup>19</sup> Arnaldi de Villanova tractatus octo... P. 15–55. Introducció.

<sup>20</sup> Е. Э. Гранстрем отмечала в своем кратком описании кодекса, что это абсолютно первый по времени случай использования реклам — типично западного изобретения — в греческой традиции. Напомним, она считала рукопись датированной 1292 г.

<sup>21</sup> Приписать эти «негативные» свойства пергамена плохим условиям хранения в Мессинской библиотеке мы никак не можем: все просмотренные кодексы отлично переплетены (кроме, разумеется, фрагментов) и лабораторно очищены, а в читальном зале постоянно работает аэратор, поддерживающий необходимый уровень влажности.

<sup>22</sup> См. сн. 1.

«латынью», с которой был сделан перевод некоторых трактатов, был, весьма вероятно, какой-то средневековый народный романский язык, а конкретно — каталонский. Вступительная статья к изданию изобилует примерами речевых ошибок, касающихся характерного каталонского влияния на применение конъюнктива и опатива в греческом языке рукописи, некорректного употребления наречий и относительных местоимений «на каталонский манер», присутствия в тексте несвойственных греческому языку безличных конструкций, типа ἄνθρωπος εἶποι, соответствующих романским, и в частности каталонской *hom diria*. Аномалии отмечаются издателем и в многократном использовании одних греческих слов вместо других, и в варварском словотворчестве, и в приписывании лексемам несвойственных им значений<sup>23</sup>.

Вместе с тем Надаль-и-Канельяс отмечает буквалистскую верность греческого перевода<sup>24</sup>. Ученому удастся продемонстрировать это на основе текстологического анализа 3-го трактата, «Lliçó de Narbona» («Нарбонская лекция, или Наставление бегинок»), единственного, у которого известна каталонская версия, а также ее итальянское переложение<sup>25</sup>. Многочисленные отступления от норм греческого языка, обнаруженные в тексте профессором Афинского университета д-ром Дионисием Бенетосом (Dionisios Benetos), в основном касающиеся синтаксиса речи, для Х. Надаль-и-Канельяса явились положительным аргументом в цепи его доказательств: *a priori* считая переводы РНБ греч. 113 калькой сочинений на «вульгарных» языках, он пишет, что находится «в привилегированном положении для понимания текста, созданного греческим переводчиком. Даже крайнюю неправильность синтаксиса перевода мы понимаем как значимое обстоятельство, ибо эта версия стала точнейшей буквалистской передачей текстов, написанных или на испорченной средневековой латыни, или на каталонском, который... является для нас родным языком»<sup>26</sup>.

В случае с РНБ греч. 113 буквалистский метод переводчика доходит до крайности, замечает исследователь, ибо этот книжник заново переводит на греческий язык даже известные библейские цитаты, не пытаясь скопировать их с византийских «канонических» образцов. Отсюда нетрудно прийти к заключению об отсутствии у писавшего знания соответствующих текстов наизусть — чего, скорее всего, не наблюдалось бы, если бы переводчиком было греческое духовное лицо. Таким образом, у исследователей сложилось представление о мирском происхождении писца-переводчика. Х. Канельяс и Д. Бенетос уверены, что речь в любом случае должна идти о греке, и более конкретно, судя по некоторым чертам его греческого диалекта, о сицилийско-калабрийском жителе,

<sup>23</sup> См.: Arnaldi de Villanova tractatus octo... / Ed. Ioannis Nadal et Cañellas. P. 23, 33. Примеры № 29–35.

<sup>24</sup> Эта черта отличает и итальянские версии сочинений Арно, по замечанию их издателя, Мигеля Батллори, учителя Х. Надаль-и-Канельяса. — См. сн. 14.

<sup>25</sup> Arnaldi de Villanova tractatus octo... / Ed. Ioannis Nadal et Cañellas. P. 24–29. См. также сн. 13 и 14.

<sup>26</sup> Ibid. P. 33. — Перевод везде наш. — А. К.

«состоятельном византийском торговце» (*un comerciant bizantí benestant*), знавшем каталонский язык и латынь, — однако не в совершенстве, ибо в некоторых случаях он не понимал значения фраз оригинала или же давал неправильный перевод отдельных слов. По этой-то причине, заключают ученые, не будучи тверд в своем знании языков первоисточника, переводчик решил передать имеющийся у него текст слово в слово, и результат этого — тот (ино)странный греческий (*l'estrany grec*), который читается на листах *РНБ греч. 113*<sup>27</sup>.

Наряду с чисто филологическими доводами, обосновывающими национальность и место проживания переводчика, говоря о мирском происхождении этого книжника, Х. Надаль-и-Канельяс приводит и такое здравое соображение: если бы переводчик был византийским клириком, он по-другому вел бы себя, когда переводил текст последнего трактата в рукописи, № 8 (9), в котором Арно при интерпретации значения божественного имени-тетраграмматона, как добрый католик, старался доказать исхождение Святого духа «и от Сына» (*filioque*).

### Латинские пометы в рукописи

Описывая рукопись Коаленя в 1715 г., Бернар де Монфокон мог заподозрить в ней перевод с латыни в том числе и потому, что редакторские глоссы на полях сборника Виллановы — почти сплошь латинские. Доля слов, которые могут быть прочитаны на народных романских языках, ничтожна<sup>28</sup>. Во времена ученого мавриста истинный автор этих произведений и их оригиналы были неизвестны, однако сейчас, зная латинские, итальянские, испанскую и каталонскую версии богословских сочинений доктора, можно по-новому оценить качество греческого перевода и то, какую роль сыграла латинская редактура в истории рукописи.

Анализируя во «Ведении» к своему изданию лишь 3-й трактат из рукописи *РНБ греч. 113*, текст которого не сохранился (или никогда не существовал?) на латыни, Хуан Надаль-и-Канельяс определил функцию латинских глосс на полях как коррекционную:

«...латинские слова на полях не сводятся к простым переводам некоторых греческих терминов, которые могли бы показаться сложными читателю XIV века, но являются верным и точным исправлением тех греческих слов, которые, кажется, не удались переводчику. <...> редактор, как нам кажется, достаточно хорошо знал греческий язык, хотя тот и не был для него родным; будь это иначе,

<sup>27</sup> Ibid. P. 35. Вывод о состоятельности или благополучии создателя перевода следует, вероятно, из общей дороговизны предпринятой работы: рукопись, подобная *РНБ греч. 113*, могла обеспечить существование семьи переводчика и/или переписчика в течение многих месяцев, если не лет.

<sup>28</sup> В основном это обозначения реалий средневекового быта, например названия предметов одежды.

он мог бы просто приписывать рядом правильную [греческую] форму, вместо того чтобы отмечать с помощью латыни, что перевод неудовлетворителен»<sup>29</sup>.

Однако здесь же издатель замечает, что исправление, улучшение греческого текста «Нарбонской лекции» при помощи латинских глосс далеко не всегда очевидно. Переведенными на латынь зачастую оказываются не самые сложные места текста, греческий перевод которых, скорее всего, мог бы выйти неудачным; зато в других, более простых случаях на полях выписаны такие латинские слова, которые безусловно эквивалентны и греческой, и каталонской лексемам<sup>30</sup>. Можно заметить, что всё рассуждение о латинской коррекционной редакции построено на презумпции *плохого* качества греческого перевода. «Плохой» греческий язык рукописи, по этой версии, был улучшен при помощи латыни, т. е. отдельные слова были вторично *переведены* с греческого на латинский язык, и эти маргинальные переводы, как считает Х. Надаль-и-Канельяс, в ряде случаев оказались удачнее своих греческих соответствий и... разумеется, ближе к каталонскому оригиналу!

Достаточно, однако, обратиться к другим сочинениям сборника, для которых издатель сам же добросовестно представил латинские версии, чтобы заметить практически полное соответствие слов на полях *РНБ греч. 113* тексту сохранившихся *латинских* трактатов Виллановы<sup>31</sup>. Расхождения минимальны, и они, скорее всего, отражают лексические варианты конкретной латинской рукописи, имевшейся в распоряжении переводчика. Латинские глоссы присутствуют во всех без исключения сочинениях сборника *РНБ греч. 113*, в том числе и в неизвестном ранее трактате № 6 (л. 108 об. — 113 об.). Логично, следовательно, допустить, что некогда существовала такая латинская рукопись, которая заключала в себе оригиналы *всех* сочинений Виллановы, оказавшихся переведенными на греческий.

Таким образом, объясняя появление латинских маргиналий в петербургском *codex unicus*, следовало бы, на наш взгляд, говорить не об исправлении при помощи латыни «плохого» греческого перевода с каталонского языка, а, вслед за Монфоконом, повторить простой и ясный тезис о переводе соответствующего корпуса текстов на греческий язык *с латыни*. В таком случае нужно совершенно иначе оценить латинские пометы в греческом кодексе. Это не поправки к неудавшимся местам, а следы тщательной, скрупулезной выверки греческого перевода по латинскому образцу — поэтому-то эти пометы сохранились и в таких «банальных» пассажах, где у редактора, казалось бы, не должно было возникать никаких вопросов. Изучив предмет, мы даже можем утверждать, что везде в тех случаях, когда появление латинской глоссы на полях не сопровождалось изменениями в греческом тексте, редактор чувствовал (и отмечал) *удовлетво-*

<sup>29</sup> Arnaldi de Villanova tractatus octo... / Ed. Ioannis Nadal et Cañellas. P. 31–32.

<sup>30</sup> Например, на л. 103 корректор оставил латинские глоссы *fortiter* и *eficaciter* к греческим лексемам *σφοδρῶς* и *ἐνεργῶς*, которые обозначают в точности то же самое, что и латинские слова.

<sup>31</sup> Нами было проведено сравнение глосс трактатов № 5 и 8 (9) с имеющимися в издании 2002 г. латинскими текстами (см. Приложение 2 к нашему диссертационному сочинению «Греко-латинские глоссы в рукописях Санкт-Петербурга и Москвы». СПбИИ, 2015).



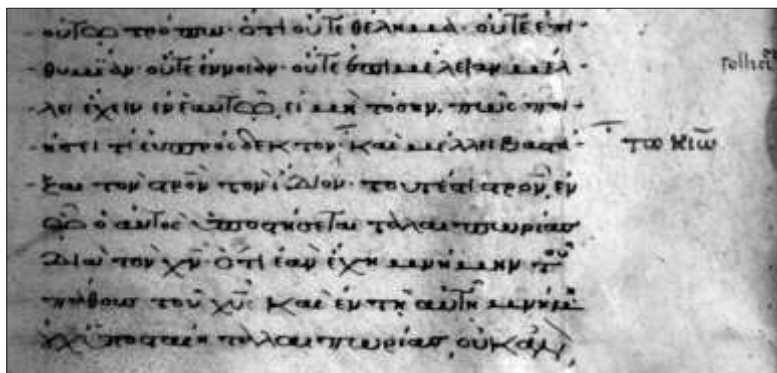


Рис. 1

рительность перевода, а отнюдь не его ущербность. В других местах появление латинской глоссы приводило к исправлению текста<sup>32</sup>.

Человек, перу которого принадлежат, как будет показано ниже, и все греческие вставки в нашей рукописи, сделал свою работу со всей «средневековой» тщательностью: сверил, насколько получившийся перевод близок к его латинской версии, исправил и/или дополнил, где нужно, греческий текст своей рукой — и выпустил в свет эту изящную рукопись в законченном виде. Мы уверены, что с его точки зрения конечный результат усилий всех тех, кто работал над книгой, был *хорош*. Буквализм перевода, который помог усмотреть каталонцу Х. Надаль-и-Канельясу свой собственный язык «под маской» греческого текста, во времена Арнольда из Виллановы должен был считаться еще хорошим стилем, более того, единственно возможным способом передачи точного содержания богословских, философских, естественнонаучных, медицинских и иных ученых текстов<sup>33</sup>. Однако антиграф петербургской рукописи был, несомненно, латинским<sup>34</sup>.

<sup>32</sup> Интересно, что греческие вставки или исправления в тексте далеко не всегда сопровождаются соответствующими выписками из латинского оригинала (см. например, рис. 2). Но некоторые места представляют собой образец редакторской работы над переводом, например, на л. 123 об.: *q(uod) duo s(un)t q(ui)b(us) (co)gnosci(tur)* (глосса) — *ὅτι δύο εἰσὶν οἱσ υἱοὶ ζῆται* (вставка; соблюдена орфография рукописи).

<sup>33</sup> Лишь в эпоху Возрождения стало считаться иначе. В пике грубым средневековым «подстрочникам» итальянские гуманисты даже изобрели новый термин для обозначения своих стилистически гладких и риторически организованных латинских переводов — *traducere*: «*Traducere* означает украшать, украшать и украшать, а кроме того, изменять, удалять и прибавлять» (*Sabbadini, R. Il metodo degli umanisti*. Firenze, 1920. P. 26). Гуманисты брались переделывать и переводы недавнего XIV в. Так, Колуччо Салютати (1331–1406), будучи не в силах самостоятельно создать новый перевод «*De cohibenda ira*» Плутарха, риторически «украсил» перевод Симона Агумануса (ок. 1372), который он издевательски называл *semigreca translatio* (см.: *Berschin W. Greek Letters and the Latin Middle Ages. From Jerome to Nicholas of Cusa. Revised and expanded edition / Transl. Jerold C. Frakes*. Washington D.C.: The Catholic University of America Press, 1988. P. 267).

<sup>34</sup> Перевод проповедей с каталонского языка на латынь, разумеется, также был возможен, и осуществлялся он наверняка по тому же принципу *verbum de verbo*. Так можно объяснить все «каталонские» элементы в языке рукописи.

## Греческие вставки

Наибольший интерес в петербургской рукописи представляют, на наш взгляд, греческие вставки и исправления, выполненные в отчетливо западной графической манере. Одни из них восполняют пропуски писца, присутствуя на поле; таковые снабжены редакторскими значками, повторяющимися в том месте текста, к которому относится корректура (см. рис. 1). Заметно, что в целом такие маргинальные вставки расположены ближе к центру листа, нежели латинские глоссы, которые зачастую фигурируют в сильно сокращенном виде у самого края страницы<sup>35</sup>.

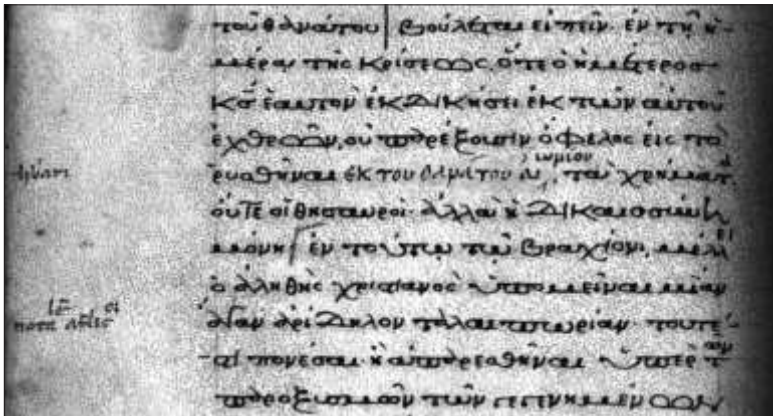


Рис. 2

Во множестве других случаев исправления в греческом тексте сделаны прямо по соскобленному (рис. 2). Издатель, кратко оговаривая наличие в рукописи этих инородных элементов, отмечает лишь, что все они принадлежат одной руке, отличной от почерка переписчика рукописи, и что вводимые таким образом греческие слова предстают в необычном «готизированном» виде<sup>36</sup>. Но поскольку, повторим, он не видел нашу рукопись в подлиннике, он, вероятно, и не пошел дальше в отождествлении латинского и греческого почерков редактора текста *РНБ греч. 113*. Между тем при визуальном обследовании рукописи очевидно не только тождество этих двух почерков, но и совпадение цвета чернил в пометах на обоих языках<sup>37</sup>, а также соблюдение косой заточки пера — столь обычной для латинской

<sup>35</sup> Это не всегда так, но верно в абсолютном большинстве случаев. Иногда, ради экономии места, латинские слова записаны на боковых полях «в столбик», с разбивкой на слоги, например на л. 39, справа, читаем: *ba-rb-ar-us*, с имеющейся тут же греческой вставкой βάρβαρος, написанной нормально, в строку, и стоящей ближе к тексту. При обрезании рукописи латинские маргиналии могли быть без ущерба для дела потеряны — что и произошло с частью записей на верхнем и нижнем полях манускрипта, от которых остались лишь по полстроке.

<sup>36</sup> Arnaldi de Villanova tractatus octo... P. 30.

<sup>37</sup> См., например, помету δευτερον — *secundum* на л. 137 об.

графики средних веков, но производящей особый, ни с чем не сравнимый «готический» эффект в греческом письме<sup>38</sup>. Более того, некоторые маргинальные латинские пометы этой рукописи на самом деле латинскими не являются, а оказываются транслитерацией на латыни пропущенных греческих слов; соответствующие им греческие лексемы в угловатой «готизированной» графике приписаны здесь же, на поле, но, как отмечалось, чуть ближе к основному тексту<sup>39</sup>. Данное обстоятельство, не учтенное издателем, противоречит, кстати, его версии о том, что греческий текст, появившийся в результате перевода с каталонского, «улучшался» при помощи латыни. В дублировании пропущенного греческого слова латинскими буквами нет никакого практического смысла с точки зрения исправления текста. Зато, как нам кажется, латинская транслитерация греческих слов говорит о некоей промежуточной стадии перевода с латыни. Вероятно, в работе участвовали два человека: один, условно — «заказчик» перевода, умел сам читать и как-то писать по-гречески, но без настоящего переводчика обойтись не мог; в латинской форме он мог записывать греческое слово тогда, когда ему его произносил переводчик-грек в ответ на его, заказчика, вопрос относительно подходящего греческого эквивалента<sup>40</sup>. Затем уже он записывал это слово рядом по-гречески. В большинстве же случаев он сразу писал по-гречески, поскольку, вероятно, помимо латинского текста, имел перед собой и черновик греческого перевода.

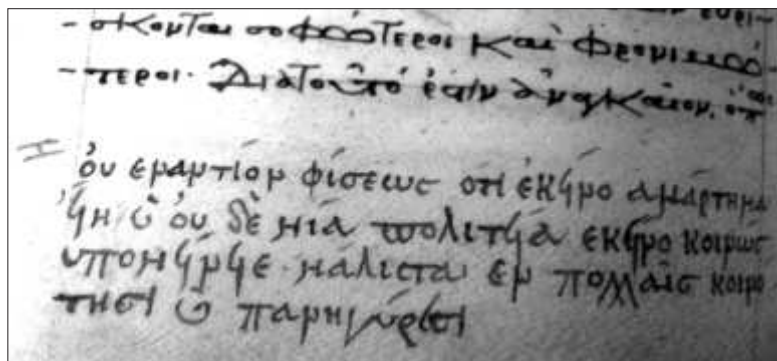


Рис. 3

<sup>38</sup> Для сравнения можно указать немногие греческие рукописи западного производства XI–XIII вв.: *Vat. Reg. gr. 13, Par. suppl. gr. 188, Vind. phil. gr. 100, Oxford, Bodl. Canonici gr. 97*, и еврейскую Псалтирь *Paris. hebr. 113*, тоже западноевропейского происхождения, дополненную греческим алфавитом и молитвой «Отче наш».

<sup>39</sup> Примеры: *écasto* (s) — *εκάστος* (л. 69 об., слева; над *e* в латинизированном варианте стоит знак придыхания); *ep-ii-sa(n)* — *εποίσαν* (л. 43, справа; латинская транскрипция отражает произношение редактора).

<sup>40</sup> Арнольд из Виллановы, насколько нам известно, не употреблял в своих сочинениях искусственных грецизмов на манер горе-«грамматиков» XIII в. Эдварда Бетюнского, Вильгельма Брита или Джона Гарланда (см. об этом: *Berschin W. Greek Letters and the Latin Middle Ages...* P. 253–254).

Итак, судя по палеографическим признакам, редактор рукописи *РНБ греч. 113* был двуязычным и диграфичным писцом латинской культуры. Анализируя грамматику его греческих помет, можно прийти к выводу, что он хорошо владел разговорным вариантом языка, но, очевидно, не получил правильного греческого образования, поскольку письмо его, в отличие от письма основного писца рукописи, пестрит итацизмами и ошибками долгот<sup>41</sup>. Стоит предположить, что этот латинянин учился греческому языку со слуха, на Западе или же на Востоке, у живых носителей речи, не знавших регулярной грамматики<sup>42</sup>. С формальной точки зрения его почерк — это искусственный греческий минускул с незначительным количеством унциальных букв (Г К Λ С Т) и характерными «западными» формами μ и ν. В нем практически отсутствуют лигатуры, за исключением ει εσ λλ σθ σι σϕ, образованных простым соприкосновением соседних букв (рис. 3).

Этот угловатый, неровный западный почерк представляет разительный контраст с округлым византийским минускулом основного писца, о котором также хочется сказать особо. И. П. Медведев полагал, что греческий текст мог быть записан самим переводчиком<sup>43</sup>. Помимо замечательной для XIV в. орфографической грамотности<sup>44</sup>, переписчик *РНБ греч. 113* владел весьма архаичной манерой письма: его почерк специалисты иногда принимают за минускул XII в. — однако не южноитальянского происхождения! Во время VIII Международного коллоквиума по греческой палеографии, проходившего осенью 2013 г. в Гамбурге, нам довелось из первых уст услышать мнение одного из тех исследователей, на чьи работы опирался Х. Надаль-и-Канельяс, доказывая сицилийско-калабрийское происхождение петербургской рукописи, а именно французского палеографа Поля Канара. Его замечание оказалось для нас весьма неожиданным: «Я не вижу

<sup>41</sup> Примеры:  $\chi\epsilon\rho\kappa\rho\alpha\tau\eta\gamma\alpha\nu$  (л. 93),  $\lambda\alpha\iota\sigma\iota\nu\ \sigma\iota\nu\phi\epsilon\rho\epsilon\iota$  (вм.  $\lambda\alpha\iota\sigma\iota\nu\ \sigma\iota\nu\phi\epsilon\rho\epsilon\iota$ , л. 108 об.),  $\phi\iota\sigma\eta\nu$  (вм.  $\phi\eta\sigma\iota\nu$ , л. 116),  $\phi\iota\sigma\epsilon\omega\sigma$  (л. 164 об.),  $\delta\iota\kappa\alpha\iota\sigma\theta\eta\eta$  (л. 185);  $\tau\omicron$   $\pi\rho\sigma\omega\lambda\omicron\nu$  (вм.  $\tau\omicron$   $\pi\rho\sigma\omega\lambda\omega\nu$ , л. 36).

<sup>42</sup> Таким же образом, очевидно, получал начальные познания в греческом языке Роджер Бэкон в XIII в. Вспоминая о своих тщетных поисках сведущего в грамматике наставника, он писал: «В среде латинян нередко встречаются те, кто умеет говорить по-гречески, по-арабски и по-еврейски, но чрезвычайно мало тех, кто знает саму суть грамматики и умеет преподавать ее — уж в этом-то я убедился!». (Fr. Rogeri Bacon opera quaedam hactenus inedita / Ed. J.S. Brewer. London, 1859. Op. tertium 10. P. 33. — Перевод наш. — А. К.). Бэкону, ученику Роберта Гроссетеста, переводчика корпуса сочинений Псевдо-Дионисия, удалось всё же выучить греческий язык настолько, что он смог составить его первую известную на Западе грамматику — *Oxford, Corpus Christi Coll. 148*. (Изд.: Nolan E.; Hirsch S.A. The Greek Grammar of Roger Bacon. Cambridge, 1902).

<sup>43</sup> *Медведев И. П.* Две поправки к КATALOGУ... С. 213.

<sup>44</sup> Итацизмы в рукописи крайне редки, системы склонения и спряжения выдержаны правильно, димотических форм очень мало (например,  $\kappa\alpha\iota\sigma\tau\omega$  вм.  $\kappa\alpha\iota\sigma\tau\eta\mu\iota$ ). Не соблюдается аттическое правило координации сказуемого в ед. числе с подлежащим среднего рода во множ. числе, однако со времен формирования эллинистического и новозаветного койне это согласование в числе стало общим местом всей греческой словесности. В рукописи систематически расставлены диакритические знаки. Вызывает, однако, удивление отсутствие «йоты» подписной в 3-м лице конъюнктива глаголов *всех* времен — очевидно, это также было «нормой» для той писцовой школы, откуда происходил копиист *РНБ греч. 113*.

в почерке этой рукописи ничего южноитальянского», — кратко заявил он после просмотра представленных аудитории образцов письма.

Еще более обескураживающим для нас было мнение, высказанное тогда же, в ходе дискуссии на заседании 27.09.2013, крупнейшим отечественным специалистом в области греческой палеографии, проф. Б. Л. Фонкичем: почерк *РНБ греч. 113*, по его мнению, можно датировать XII в., а местом происхождения манускрипта следует считать Константинополь. О том же говорили и другие знатоки византийского письма. Таким образом, даже несмотря на очевидный анахронизм подобной датировки, со стороны палеографии имеются веские основания считать происхождение писца этой рукописи не южноитальянским. Кодикология же говорит о большой доле латинских элементов в книге. Где находился этот «латинизированный» скрипторий?

Делая обзор переводов латинской духовной и «душеполезной» литературы на греческий язык в XIII–XIV вв., итальянский исследователь Антонио Риго заметил, что он не может согласиться с Х. Надаль-и-Канельясом относительно южноитальянского происхождения рукописи *РНБ греч. 113*, но думает, что она определенно была написана греком на европейском Западе или же в западной среде на греческом Востоке. Тот, кто организовал всю работу, был, по его мнению, человеком латинской культуры, он-то и отредактировал текст. А также, пишет Риго, есть основания думать, что этот латинянин был непосредственным автором «плохого» (*читай*: буквалистского) перевода на греческий язык. Задумываясь над основным тезисом каталонского издателя, А. Риго считает, что для того чтобы решить, с какого языка переводился текст — с каталонского или латыни, требуется тщательный анализ маргиналий для каждого трактата *РНБ греч. 113*<sup>45</sup>.

Проведенное нами сопоставление глосс этой рукописи с сохранившимися латинскими версиями сочинений Виллановы, а также анализ греческих вставок показывают, как кажется, с большой долей вероятности, что перевод был сделан с латыни, а затем, очевидно, был сличен с оригиналом грекоговорящим редактором-латинянином. Однако место создания перевода и его единственного списка по-прежнему остаются неизвестными. Многообразие профессиональных и личных связей Арнольда из Виллановы с представителями правящей и культурной элит Южной Италии и Сицилии заставляют нас всё же со вниманием отнестись к версии Х. Надаль-и-Канельяса и его предшественников о происхождении перевода (и, возможно, самой рукописи) из области западного Средиземноморья. Здесь, в Монпелье и Неаполе, Арнольд обучался медицине, здесь он служил придворным врачом, здесь же им были созданы основные сочинения, зачастую посвященные южноитальянским монархам, включая знаменитый стихотворный «Салернский кодекс здоровья», название которого говорит само за себя<sup>46</sup>. Кроме того,

<sup>45</sup> Rigo A. Textes spirituels occidentaux en grec: les oeuvres d'Arnaud de Villeneuve et quelques autres exemples // Greeks, Latins, and Intellectual History. 1204–1500 (*Bibliotheca* 11). Leuven–Paris–Walpole: MA, 2011. P. 219–242.

<sup>46</sup> В городе сохранился средневековый аптекарский «Сад Минервы», где был написан трактат.

известно, что Арнольд сочувственно относился к братьям-миноритам и представителям народно-еретических движений юга Европы и в частности пришедшей сюда из Нидерландов «ереси бегинок», а также исповедовал иоахимитские спиритуалистические взгляды, популярные среди монашества Италии, за которые был осуждаем богословами Парижского университета<sup>47</sup>. Очень многое говорит за то, что перевод «неофитских» сочинений доктора, исполненных неканонического религиозно-нравственного содержания, мог быть осуществлен в южноитальянской полупуцерковной книжной среде при поддержке и покровительстве кого-то из заинтересованных влиятельных лиц. По мысли Х. Надаль-и-Канельяса, работа могла протекать так: в Авиньоне, при папском дворе, где Вилланова в 1308 г. принимал посольство монахов афонской Великой лавры к королю Хайме II Арагонскому, у него созрел план перевести свои сочинения на греческий язык для отсылки на Восток, константинопольскому патриарху Афанасию<sup>48</sup>. В Южной Италии как в наиболее близком центре греческой книжной культуры им был найден подходящий переводчик-грек, который мог стать одновременно и основным писцом рукописи. Общий неудовлетворительный итог работы, отраженный в «исправлениях» на полях греческого текста, привел, однако, к тому, что рукопись осталась на Западе, скорее всего, в Италии<sup>49</sup>, где находилась по крайней мере до XVI в., когда на ней, на обороте 1-го листа расписался небрежным почерком полуграмотный (калабрийский?) грек<sup>50</sup>. Оттуда она каким-то образом попала к Сегье<sup>51</sup>.

<sup>47</sup> См.: Арнольд из Виллановы и его роль в развитии культуры и свободомыслия в Южной Франции (конец XIII — начало XIV в.) // Керов В.Л. Из истории Франции и Нидерландов в эпоху Средневековья и раннего Нового времени. М., 2000. С. 260–277.

<sup>48</sup> Встреча зафиксирована в исторических источниках: сохранилось письмо короля Хайме II к Арнольду, в котором сообщается, что рекомендованные им ко двору монахи прибыли и что монарх приказывает своим вассалам-каталонцам на Афоне не оскорблять, но, напротив, оказывать всяческое содействие насельникам греческой Лавры, «исходя из Ваших убеждений в том, что это будет приятно очам Всевышнего» (см.: *Rubió i Lluch A. Diplomatarium de l'Orient català (1301–1409)*. Barcelona, 1923. P. 50, doc. XL). — Имеется в виду агрессия каталонских наемников-альмугаваров Андроника II против мирных жителей Афонского полуострова. В 1311 г. каталонская «кампания» Рожера де Флора, вышедшая из повиновения императору, захватила французское герцогство Афинское.

<sup>49</sup> В начале сентября 1311 г. Арнольд из Виллановы, посланный сицилийским королем Федерико II Арагонским к большому папе Клименту V, внезапно умер на борту корабля. Тело его было торжественно захоронено в Генуе весной 1312 г. (Керов В.Л. Указ. соч. С. 274).

<sup>50</sup> Надпись на обороте 1-го листа гласит: «Сдается мне, сей толковник и дидаскал был византийцем, а после, к несчастью, облатинился». Помимо этой пометы, в рукописи присутствует несколько более ранних греческих записей, которые могут быть датированы концом XIV — XV в. На л. 81 об. кратко прокомментирован первый вопрос катехизического диалога «*Alphabetum catholicorum ad inclytum dominum regem Aragonum pro filiis erudiendis in elementis catholicae fidei*» (трактат № 5). Тем же почерком были когда-то подписаны рисунки средневековых музыкантов-скрипачей на л. 81 и 112 об., а затем эти надписи были стерты (на л. 81 вместе с рисунком). Греческие записи и «латинские» рисунки (рыцари, музыканты, звери, птицы, драконы) свидетельствуют, несомненно, о том, что рукопись довольно долго пребывала в какой-то смешанной двуязычной культурной среде (см. также сн. 60–64.)

<sup>51</sup> Arnaldi de Villanova tractatus octo... P. 35–55.

Разработанная историческая концепция «потянула», однако, за собой и все источниковедческие наблюдения испанского ученого. Почерки, похожие на основное письмо *РНБ греч. 113*, разыскивались Х. Надаль-и-Канельясом среди греческих рукописей южноитальянского производства, а автор латинских глосс «вычислялся» среди итальянских знатоков греческого языка XIV в. Первая посылка, как мы убедились, оказалась неверной, чего, однако, нельзя сказать о второй части предположения. В поисках немногочисленных грецистов — современников Арнольда из Виллановы внимание издателя остановилось на фигуре францисканского монаха-спиритуала Анджело Кларено (ок. 1247–1337), знаменитого дословными (!) переводами из греческой патристики, проведенного много лет в латинской Ахайе, а с 1305 г. проживавшего в Перудже, городе папской области, где с ним мог встречаться автор переведенных трактатов, также бывавший здесь в начале XIV столетия<sup>52</sup>. Выбор «редактора», впрочем, был сделан учеными чисто умозрительно, без обращения к автографам Кларено, лишь на основании анализа достаточно узкого круга лиц, к кому мог бы обратиться за помощью латиноязычный писатель, не знавший греческого языка<sup>53</sup>.

Весной 2014 г. автором этих строк была совершена поездка в монастырь св. Схоластики в г. Субиако под Римом, где с 1318 по 1334 г. проживал опальный минорит Ангел Кларенский и где им были созданы наиболее значительные произведения «*Expositio regulae fratrum minorum*» и «*Historia septem tribulationum ordinis minorum*», составившие вкуче с его переводами греческой патристики своеобразный литературный «канон» францисканского ордена<sup>54</sup>. В библиотеке монастыря под № 227 (ССXXIV) хранится черновой список переведенных Кларено монашеских «Правил» св. Василия Великого, избобилующий следами правки<sup>55</sup>. Первое беглое сличение латинских глосс *РНБ греч. 113* с письмом маргинальных глосс, а отчасти и с письмом основного текста *S. Schol. 227* дало интересные результаты<sup>56</sup>.

<sup>52</sup> 18 июля 1304 г. Арно закончил свое «*Protestatio facta Perusii coram domino camerario summi pontificis*» (см.: *Carreras Arto, J.* Les obres theologiques d'Arnau de Vilanova // *Analecta Sacra Tarraconensia*. 1936. Vol. 12. P. 1–15. № 23).

<sup>53</sup> Считается, что Арно, в зрелом возрасте сумевший выучить арабский язык, не имел больших познаний в языке греческом. В его библиотеке из 200 томов были Псалтырь и Четвероевангелие на греческом языке, *sine qua non*, но когда в одном из своих сочинений он касается комментирования греческого текста, то признается, что не понимает его: «*Si quis qu<a>ereret, quis serva<re>t melius proprietatem hominum, in hoc dicimus quod non scimus, cum sint vocabula graeca*» (см.: *Finke H.* Aus den Tagen Bonifaz VIII. Funde und Forschungen. Münster, 1902. P. 194).

<sup>54</sup> *Frugoni A.* Subiaco Franciscana // *Istituto storico Italiano per il Medio Evo*. 1953. Vol. 65. P. 115–119; *Carosi G. P.* I monasteri di Subiaco (notizie storiche). Subiaco, 1987. P. 102–103.

<sup>55</sup> Описание кодекса см.: *Leone Allodi D.* Inventario dei Manoscritti della Biblioteca di Subiaco. Forli, 1891. P. 47–48 (Collacazione VIII D 14, signatura CCXXIV, opera 227). Рукопись обнаружена П. О. Кристеллером (см.: *Musto R. G.* Angelo Clareno, O. F. M.: Fourteenth-Century Translator of the Greek Fathers. An Introduction and a Checklist of Manuscripts and Printings of his «*Scala Paradisi*» // *Archivum Franciscanum Historicum*. 1983. Vol. 76. P. 215–238, особенно p. 220. № 6).

<sup>56</sup> К сожалению, мы не располагаем фотокопиями рукописи, которые могли бы быть здесь опубликованы.

С одной стороны, мы заметили, что основной текст Кларено написан характерным итальянским почерком XIV в., имеющим мало общего с почерком латинских глосс *РНБ греч. 113*. Очевидно, это было обычное письмо (*scriptura communis*) переводчика или, скорее, его секретаря-переписчика, которому диктовался латинский текст<sup>57</sup>. С другой стороны, заметно и то, что пометы и вставки в *S. Schol. 227* сделаны несколько иным письмом, небрежным книжным минускулом, переходящим в полукурсив. Стиль работы, смелое вычеркивание и переписывание текста перевода говорит о том, что этот последний почерк вполне может быть автографом Ангела Кларенского. Латинские пометы на полях петербургской рукописи по сравнению с ними выглядят более стройными, но это, как мы считаем, может быть объяснено общим основательным подходом к делу в отношении белой копии переводов Виллановы<sup>58</sup>. Письмо помет и вставок в итальянской рукописи может быть по многим параметрам сопоставимо с латинскими пометами в петербургской рукописи. Греческие пометы в рукописи из Субиако, насколько мы успели заметить, отсутствуют. Заметно также общее сходство приемов редакторской работы в обеих рукописях. На полях и в тексте кодексов встречаются значки трех видов: 1) одна или две косые черты с точкой (/., //., или /./)<sup>59</sup>, сопровождающие вставку; 2) стрелка (^), направленная вверх, стоящая под строкой, указывая место вставки; 3) точки под неудачным словом, словосочетанием или предложением. Дальнейшие наблюдения над глоссами *Ms. S. Schol. 227*, мы уверены, могли бы стать источником новых данных для возможного определения авторства латинской редакции *РНБ греч. 113*.

## Маргинальные рисунки

Столь трудно локализуемый список *РНБ греч. 113* сохранил еще одно свидетельство своего «латинского прошлого». Здесь важной оказывается последняя любопытная особенность книги — находящиеся на ее свободных листах рисунки пером. Эти рисунки, никак не связанные с текстами богословских трактатов, изображают средневековых музыкантов-скрипачей, рыцарей и солдат в полном воинском облачении, а также поединок воина-христианина и монгола (предположительно), сцену змеборчества, фигурки львов, лошадей, птиц и т. п. — в отчетливо западноевропейском стиле. Часть рисунков имела подписи на греческом языке<sup>60</sup>.

<sup>57</sup> Подобный же почерк с элементами готики был родным почерком даже для «первого итальянского гуманиста» Франческо Петрарки (см.: *Ullman B. L. The Origin and Development of Humanistic Script. Roma, 1960. Pl. 1*).

<sup>58</sup> В отличие от Х. Надаль-и-Канельяса, мы считаем список *РНБ греч. 113* вполне законченной и совершенной рукописью.

<sup>59</sup> В рукописи *S. Schol. 227* на одной странице могут встречаться знаки и с большим количеством черт — их число означает порядковый «номер» замены.

<sup>60</sup> См. сн. 50.



Некоторые милитаристские «иллюстрации» *РНБ греч. 113* недавно получили атрибуцию и датировку в статье греческого историка Андреа Бабуина<sup>61</sup>. Форма доспехов и виды холодного оружия, в подробностях воспроизведенные кем-то из читателей или владельцев кодекса, характерны, считает ученый, для Западной Европы 1350–1425 гг. По своему готическому стилю и экспрессивной тематике все эти рисунки должны происходить из западной рыцарско-придворной среды. Однако не исключено, что рукопись могла быть иллюстрирована и в Греции. Если на стенах епископского дворца в Патрах ок. 1395 г. появились фрески со сценами троянского мифологического цикла, исполненные, судя по стилистике, совсем не греческим художником, то можно предположить, пишет А. Бабуин, что в католической среде латинской Греции (*Romanie*) изготавливались и книги в западном «готическом» вкусе<sup>62</sup>.

Ближайшую параллель к рисункам петербургского кодекса исследователи усматривают в рукописи *Par. gr. 135*, изготовленной в Мистре писцом Мануилом Цикандилисом ок. 1361/62 г. Этот список катены на Книгу Иова сохранил 198 миниатюр, иллюстрирующих текст, все они выполнены западным художником в готическом стиле, но с использованием мотивов византийской иконографии<sup>63</sup>. С точки зрения стилистической, изображения в петербургском и парижском манускриптах, а также, возможно, рисунки пером в рукописи *Lips. gr. 35* (а. 1354–1374), происходят из одной латинизированной среды, где западноевропейский стиль смешивался с азиатскими моделями<sup>64</sup>.

## Заключение

1. Рукопись, с которой был сделан перевод *РНБ греч. 113*, содержала латинскую версию трактатов Арнольда из Виллановы. Судя по тому, что в приговоре инквизиции над Арнольдом сохранились каталонские инципиты некоторых его трактатов, входящих в петербургский сборник, а также по тому, что известны итальянские переводы отдельных его сочинений, все эти тексты, датированные 1292–1309 гг., писались, вероятно, в двух вариантах: на латыни для публики просвещенной, и на народных языках — для всех остальных. Наибольшее распространение пророческие тексты каталонского доктора получили в нобожной среде спиритуалов и бегинок. Следует предположить, что именно сюда, в полумонашескую, полумирскую общину людей необразованных, ищущих

<sup>61</sup> *Babuin A. Les illustrations du Petropolitanius graecus 113 // Greeks, Latins, and Intellectual History. 1204–1500 (Bibliotheca 11). Leuven–Paris–Walpole: MA, 2011. P. 235–242 (Annexe).*

<sup>62</sup> *Ibid.* P. 239–240.

<sup>63</sup> См. также: *Velmans T. Le Parisinus grecus 135 et quelques autres peintures de style gothique dans manuscrits grecs à l'époque des Paléologues (Cahiers archéologiques 17). Paris, 1967. P. 209–236; Медведев И. П. Мистра. Очерки истории и культуры поздневизантийского города. Л.: Наука, 1973. С. 97.*

<sup>64</sup> *Babuin A. Op. cit.* P. 238.

особого благочестия, и были адресованы их версии на национальных языках<sup>65</sup>. Перевод «эсхатологических» сочинений Вилланова на греческий язык, на наш взгляд, следует рассматривать в этом же ключе. Адресата или заказчика рукописи следует искать где-то в пределах влияния латинских нищенствующих орденов на Востоке. Сам Арнольд имел зафиксированные в источниках связи с монахами греческого Афона.

А. Риго полагает, что существование греческого перевода трактатов Арнольда из Вилланова, пусть и в единственной рукописи второй половины XIV в.<sup>66</sup>, подтверждает живучесть его идей в определенных латинизированных, униатских кругах Востока. Вероятно, подобная инициатива, считает ученый, могла быть связана с намерением «учеников» Вилланова осуществить некоторые миссионерские проекты, намеченные в сочинениях «учителя»<sup>67</sup>. Однако такие западные «душеполезные» тексты имели весьма ограниченное, ничтожное хождение на Востоке. Влияние их не выходило за пределы круга лиц, для которых они создавались. Византийская мистика той эпохи шла другими путями<sup>68</sup>.

2. Почерк писца основного греческого текста *РНБ греч. 113* нельзя считать южноитальянским. Интересно, однако, что помимо петербургской рукописи Вилланова известен по крайней мере один греческий переводной алхимический трактат, содержащий выдержки из сочинений του μαγίστρου Ρενάλδου τῆν Βιτανόβα (sic!), происходящий из Южной Италии. Он создан ок. 1300 г. так называемым «анонимом Дзуретти», входившим в кружок калабрийских переводчиков, близких к неаполитанскому двору<sup>69</sup>. Кроме того, имя Арнольда

<sup>65</sup> Впрочем, среди последователей Арнольда был, например, и такой выдающийся мыслитель эпохи высокого средневековья, как Раймонд Луллий (ок. 1235–1315/16). После 1285 г. он переселяется вслед за доктором-прозелитом из Рима в Монпелье, где «учитель» провёл основную часть своей жизни (см.: Керов В.Л. Из истории Франции и Нидерландов... С. 265). Луллий был создателем языковой школы на Майорке, которая, в свете решений Вьеннского собора 1312 г., должна была готовить католических проповедников в среде иноверцев (см.: Berschin W. Greek Letters and the Latin Middle Ages... P. 261–262).

<sup>66</sup> Известный палеограф датирует почерк рукописи третьей четвертью XIV в. (Rigo A. Textes spirituels occidentaux en grec... P. 229). — Впрочем, насколько обманчивы могут быть подобные датировки, мы уже убедились.

<sup>67</sup> Ibid. P. 232.

<sup>68</sup> Ibid. P. 233–234. Риго приводит редчайший случай перевода на греческий язык католического «душеполезного» сочинения начала XIV в., получившего распространение на православном Востоке. В литературном сборнике *Escorial. gr. Ψ. IV. 22* (496), переписанном ок. 1500 г., помимо поздневизантийского романа о Дигенисе Акрите, переводов из Псевдо-Фомы Аквинского и некоторых латинских молитв, на л. 5 — 20 об. читается трактат Томазо Годзадини из Болоньи «Ἄνθος χαρίτων», переведенный с итальянского. Известны славянский и румынский переводы того же сочинения, выполненные в конце XV в., а также множество его новогреческих переработок XVI–XVIII вв. (Ibid. P. 224).

<sup>69</sup> Rigo A. Textes spirituels occidentaux en grec... P. 227, n. 35 (изд.: Coulinet A. L'anonyme de Zuretti, ou L'art sacré et divin de la chrysopée par un anonyme (*Les alchimistes grecs* 10). Paris, 2000. P. LXII, 167–170; *Fiaccadori B.* Umanesimo e Grecità d'Occidente // *I Greci in Occidente. La tradizione filosofica, scientifica e letteraria dalle collezioni della Biblioteca*

из Виллановы фигурирует в названии небольшого переводного сочинения «Ριναλδου τελα νόβε βίλα φησι περί τής χυμευτικῆς τέχνης», самый ранний список которого содержится в рукописи *Par. gr. 2327*, изготовленной писцом Феодором Пелеканосом в 1478 г.<sup>70</sup> Таким образом, в XIV–XV в. некоторые из сочинений этого автора переводились на греческий язык, часть из этих переводов производилась, весьма вероятно, в Южной Италии, — однако спросом в греческой среде пользовались, скорее, те работы доктора, которые представляли универсальный практический интерес, а именно: медицинские и (ал)химические опусы. Участие калабрийского грека в работе над переводом богословских трактатов *РНБ греч. 113* представляется всё же на основании филологического анализа Х. Надаль-и-Канельяса и Д. Венетоса возможным, однако список перевода был создан, несомненно, писцом иного происхождения — выходцем из константинопольской или, что более вероятно, какой-то провинциальной восточной византийской писцовой школы, сохранявшей особенности столичной графики XII, «докрестоносного», века еще два столетия спустя.

3. На страницах кодекса Публичной библиотеки мы имеем редкий образец перевода латинского средневекового текста на греческий язык, отредактированного *западным* книжником. Если вспомнить нехарактерные для греческих рукописей Южной Италии высокое качество пергамента и «правильный» порядок сборки листов, которые мы наблюдаем в петербургском списке, западноевропейские приемы оформления и украшения этого манускрипта, «готический» греческий почерк редактора и, наконец, «куртуазные» иллюстрации читателя, то вывод, кажется, напрашивается сам собой: *РНБ греч. 113* была изготовлена в каком-то *латинском* скриптории Востока<sup>71</sup> под наблюдением западного книжника, ограниченно владевшего греческим языком. В течение почти столетия рукопись оставалась, судя по рисункам в ней, на месте своего производства, в латинской среде, а с конца XV в., как о том свидетельствуют записи ее немногочисленных читателей<sup>72</sup>, перешла к греческим православным владельцам. Эти данные хорошо согласуются с историей латинских королевств континентальной Греции, а также венецианского Крита.

Возможно, последнюю подсказку о происхождении и местонахождении *РНБ греч. 113* (= Coislin 379, Séguier 36) дает история формирования коллекции

---

Marciana. Catalogo della mostra (16 ottobre — 15 novembre 1996), a cura di G. Fiaccadori — P. Eleuteri. Venezia: Il Cardo, 1996. P. XLVII, LXXIII; *Lucà S.* Note per la storia della cultura greca nella Calabria meridionale // Archivio storico per la Calabria e la Lucania. 2007 (2008). Vol. 74. P. 43–101).

<sup>70</sup> Ibid (см.: Catalogue des manuscrits alchimiques grecs. Bruxelles, 1928. Vol. V: 1. Les manuscrits d'Espagne, décrits par C. O. Zuretti. 2. Les manuscrits d'Athènes, décrits par A. Severyns. P. 95–96. *PLP* 2725).

<sup>71</sup> А. Риго считает, что легче всего допустить ее происхождение из каталонских Афин, до 1390 г. остававшихся под каталонским владычеством (*Rigo A.* Textes spirituels occidentaux en grec... P. 233).

<sup>72</sup> См. прим. 50.

греческих рукописей Пьера Сегье, в которую наша рукопись в итоге попала. Известно, что лишь самые первые греческие рукописи были приобретены Сегье в западносредиземноморском регионе. В феврале 1645 г. в Марселе алчный и неразборчивый в средствах государственный канцлер купил 20 манускриптов у корсиканского пирата «лейтенанта Киприани». Среди этих кодексов, номера которых надежно отождествлены<sup>73</sup>, 8 сохранили первоначальные итальянские переплеты<sup>74</sup>, что и заставило археографов Национальной библиотеки Франции думать о происхождении награбленного откуда-то с побережья Тирренского моря<sup>75</sup>. О других случаях «поставок» Пьеру Сегье греческих рукописей из Италии сведений не имеется. Зато хорошо известно, что практически вся коллекция византийских манускриптов (ок. 400 экз.), законным или незаконным путем, перешла к вельможному собирателю от греческого «патера Афанасия», иеромонаха Афанасия Ритора, десять лет охотившегося по заданию французского правительства за рукописями между Константинополем, Кипром, Афоном и Фессалией<sup>76</sup>.

#### References

*Amfilohij (arhim.)* [P. I. Sergievskij-Kazancev]. Opisanie grečeskikh rukopisej XIII–XIV vv. opredelennyh let. M., 1879. T. III. 124, II s., [35] l. faks.

Arnaldi de Villanova tractatus octo in Graecum sermonem versi (Petropolitanus graecus 113) nunc primum editi cura et studio Ioannis Nadal et Cañellas. Graecitatem textus recensente Dionisio Benetos, Universitas Atheniensis doctore. Barcinone: Institut d'Estudis Catalans (Corpus philosophorum Medii Aevi. Scripta spiritualia, 2) MMII, 2002. 446 p.

*Babuin A.* Les illustrations du Petropolitanus graecus 113 // Greeks, Latins, and Intellectual History. 1204–1500 (Bibliotheca 11). Leuven–Paris–Walpole: MA, 2011. P. 235–242 (Annexe).

*Batllori M.* «Θύγατερ, μέλλετε εἰδέναι...». Opusculum Arnaldi de Villanova nundum editum // Miscellanea Melchor de Pobladura. Romae, 1964. Vol. I. P. 215–223.

*Batllori M.* Arnau de Vilanova i l'Arnaldisme. Obra completa. Barcelona, 1994. Vol. III (Biblioteca d'Estudis i Investigacions 20).

*Batllori M.* Arnau de Vilanova. Obres catalanes. Barcelona, 1947. Vol. I: Escrits religiosos. 120 p.

*Batllori M.* Les versions italianes medievals d'obres religioses de Mestre Arnau de Vilanova // Archivio Italiano per la Storia della Pietà. 1951. Vol. 1. P. 395–462.

*Berschin W.* Greek Letters and the Latin Middle Ages. From Jerome to Nicholas of Cusa / Rev. and exp. ed.; Transl. by J. C. Frakes. Washington D. C.: The Catholic University of America Press, 1988. XV, 415 p.

*Betí M.* El text català de la «Informatio Beguinorum vel Lectio Narbonae» d'A. de Vilanova // Festgabe zum 70sten Geburtstag H. Finke. Münster, 1925. S. 189–199.

Bibliothèque nationale. Département des manuscrits. Catalogue de manuscrits grecs. II. Le fonds Coislin / Réd. par R. Devreese. Paris, 1945. 428 p.

*Carosi G. P.* I monasteri di Subiaco (notizie storiche). Subiaco, 1987. 216 p.

<sup>73</sup> Сохранился их инвентарь, составленный по заказу самого Сегье, *BNF, Collection Moreau 849*, ff. 188<sup>v</sup>–193<sup>r</sup> (см.: Bibliothèque nationale. Département des manuscrits. Catalogue de manuscrits grecs. II. Le fonds Coislin / Réd. par R. Devreese. Paris, 1945. P. III, n. 2).

<sup>74</sup> Большинство рукописей Сегье были, как и нынешняя *РНБ греч. 113*, переплетены заново.

<sup>75</sup> *Ibid.* P. III–IV.

<sup>76</sup> В приложении к своей работе «Французские археологические экспедиции в 17 и 18 веках» Анри Омон сгруппировал рукописи Коаленя по владельческим записям монастырей, которым они раньше принадлежали (см.: *Omont H.* Missions archéologiques françaises en Orient au XVII<sup>e</sup> et XVIII<sup>e</sup> siècles. Paris 1902. Vol. II. P. 853). См. также сн. 2.

- Carreras Artau J.* Les obres theològiques d'Arnau de Vilanova // *Analecta Sacra Tarraconensia*. 1936. Vol. 12. P. 1–15.
- Carreras Artau J.* Una versió grega de nou escrits d'Arnau de Vilanova // *Analecta Sacra Tarraconensia*. 1932. Vol. 8. P. 1–8, 127–134.
- Catalogue des manuscrits alchimiques grecs. Bruxelles, 1928. Vol. V: 1. Les manuscrits d'Espagne, décrits par C. O. Zuretti. 2. Les manuscrits d'Athènes, décrits par A. Severyns. VI, 175 p.
- Coulinet A.* L'anonyme de Zuretti, ou L'art sacré et divin de la chrysopée par un anonyme (Les alchimistes grecs 10). Paris, 2000. CXVI, 804 p.
- Exempla Codicum Graecorum Litteris minusculis scriptorum annorumque notis instructorum / Ed. G. Cereteli, S. Sobolevski. M., 1913. Vol. Alterum: Codices Petropolitani. I, 19 p., [58] fax.
- Fiaccadori B.* Umanesimo e Grecità d'Occidente // *I Greci in Occidente. La tradizione filosofica, scientifica e letteraria dalle collezioni della Biblioteca Marciana. Catalogo della mostra (16 ottobre – 15 novembre 1996)*, a cura di G. Fiaccadori – P. Eleuteri. Venezia: Il Cardo, 1996. P. XVII–LXXXV.
- Finke H.* Aus den Tagen Bonifaz VIII. Funde und Forschungen. Münster, 1902. 13 p.
- Fr. Rogeri Bacon opera quaedam hactenus inedita / Ed. J. S. Brewer. London, 1859.
- Frugoni A.* Subiaco Franciscana // *Istituto storico Italiano per il Medio Evo*. 1953. Vol. 65. P. 115–119.
- Granstrem E. E.* Katalog grečeskikh rukopisej leningradskih hraniliš. Vyp. 5. Rukopisi XIII veka // *Vizantijskij vremennik*. 1964. T. XXIV. S. 166–197.
- Hauréau B.* Arnauld de Villeneuve, médecin et chimiste // *Histoire littéraire de la France*. Paris, 1881. T. XXVIII. P. 26–126, 487–490.
- Haven M.* La vie et les oeuvres de maître Arnaud de Villeneuve. Paris, 1896. 192 p.
- Kerov V. L.* Iz istorii Francii i Niderlandov v èpohu Srednevekov'â i rannego Novogo vremena. M., 2000. — 357 s.
- Le Clerk V.* Histoire littéraire de la France. T. XX. Paris., 1842. T. XX.
- Leone Allodi D.* Inventario dei Manoscritti della Biblioteca di Subiaco. Forlì, 1891. — 74 p.
- Lucà S.* Note per la storia della cultura greca nella Calabria meridionale // *Archivio storico per la Calabria e la Lucania*. 2007 (2008). Vol. 74. P. 43–101.
- Manselli R.* La religiosità d'Arnaldo da Vilanova // *Bulletino dell'Istituto Storico per il Medioevo e Archivio Muratoriano*. 1951. Vol. 63. P. 60–76.
- Medvedev I. P.* Dve popravki k Katalogu grečeskikh rukopisej leningradskih hraniliš. I. *GPB, greč. № 113* // *Vizantijskij vremennik*. 1984. T. 45. (1984). S. 211–215.
- Medvedev I. P.* Mistra. Očerki istorii i kul'tury pozdnevizantijskogo goroda. L.: Nauka, 1973. 162 s.
- Mendez y Pelayo M.* Historia de los heterodoxos españoles. 2 ed. Madrid, 1918. T. 3. 572 p.
- Montfaucon B. de.* Bibliotheca Coisliniana, olim Seguieriana. Paris, 1715.
- Murali E. de.* Catalogue des manuscrits grecs de la Bibliothèque Imperiale Publique. SPb., 1864. 104 p.
- Murali E. de.* Catalogus codicum bibliothecae Imperialis publicae graecorum et latinorum. Petropoli, 1840.
- Musto R. G.* Angelo Clareno, O. F. M.: Fourteenth-Century Translator of the Greek Fathers. An Introduction and a Checklist of Manuscripts and Printings of his «Scala Paradisi» // *Archivum Franciscanum Historicum*. 1983. Vol. 76. P. 215–238.
- Nolan E., Hirsch S. A.* The Greek Grammar of Roger Bacon and a Fragment of his Hebrew Grammar. Cambridge, 1902. 212 p.
- Omont H.* Missions archéologiques françaises en Orient au XVIIe et XVIIIe siècles. Paris, 1902. Vol. I–II. 1237 p.
- Petr Dubrovskij (1754–1816) i ego kollekcija / Sost.: N. A. Elagina, O. V. Vasil'eva, I. V. Dacûk. SPb.: Rossijskaja Nacional'naâ biblioteka, 2004.
- Quétif J., Echard J.* Scriptores ordinis praedicatorum. Paris, 1719. T. I.
- Rigo A.* Textes spirituels occidentaux en grec: les oeuvres d'Arnaud de Villeneuve et quelques autres exemples // *Greeks, Latins, and Intellectual History. 1204–1500 (Bibliotheca 11)*. Leuven–Paris–Walpole: MA, 2011. P. 219–242.
- Rubió i Lluch A.* Diplomatar de l'Orient català (1301–1409). Barcelona, 1923. LXV, 801 p.
- Sabbadini R.* Il metodo degli umanisti. Firenze, 1922. 96 p.
- Santi F.* Gli «scripta spiritualia» di Arnau de Vilanova // *Studi Medievali*. 1985. Vol. III (26). P. 995–996, 1003.
- Tocco F.* Due opuscoli inediti di Arnaldo da Vilanova // *Archivio Storico Italiano*. 1886. Vol. 18. P. 459–460.
- Ullman B. L.* The Origin and Development of Humanistic Script. Roma, 1960. 156 p.

*Velmans T.* Le Parisinus grecus 135 et quelques autres peintures de style gothique dans manuscrits grecs à l'époque des Paléologues (Cahiers archéologiques 17). Paris, 1967. P. 209–236.

### Список литературы

- Амфилохий (архим.)* [П. И. Сергиевский-Казанцев] Описание греческих рукописей XIII–XIV вв. определенных лет. М., 1879. Т. III.
- Граистрем Е. Э.* Каталог греческих рукописей ленинградских хранилищ. Вып. 5: Рукописи XIII века // Византийский временник. 1964. Т. XXIV. С. 166–197.
- Керов В. Л.* Из истории Франции и Нидерландов в эпоху Средневековья и раннего Нового времени. М., 2000.
- Медведев И. П.* Мистра. Очерки истории и культуры поздневизантийского города. Л.: Наука, 1973.
- Медведев И. П.* Две поправки к Каталогу греческих рукописей ленинградских хранилищ. I. ГПБ, греч. № 113 // Византийский временник. 1984. Т. 45. С. 211–215.
- Петр Дубровский (1754–1816) и его коллекция / Сост. Н. А. Елагина, О. В. Васильева, И. В. Дацюк. СПб.: Российская Национальная библиотека, 2004.
- Arnaldi de Villanova tractatus octo in Graecum sermonem versi (*Petropolitanus graecus 113*) nunc primum editi cura et studio *Ioannis Nadal et Cañellas*. Graecitatem textus recensente *Dionisio Benetos*, Universitas Atheniensis doctore. Barcinone: Institut d'Estudis Catalans (Corpus philosophorum Medii Aevi. Scripta spiritualia, 2). MMII, 2002.
- Babuin A.* Les illustrations du *Petropolitanus graecus 113* // Greeks, Latins, and Intellectual History. 1204–1500 (*Bibliotheca* 11). Leuven–Paris–Walpole: MA, 2011. P. 235–242 (Annexe).
- Fr. Rogeri Bacon opera quaedam hactenus inedita / Ed. J. S. Brewer. London, 1859.
- Batllori M.* Arnau de Vilanova. Obres catalanes. Barcelona, 1947. Vol. I: Escrits religiosos.
- Batllori M.* Les versions italianes medievals d'obres religioses de Mestre Arnau de Vilanova // Archivio Italiano per la Storia della Pietà. 1951. Vol. 1. P. 395–462.
- Batllori M.* Arnau de Vilanova i l'Arnaldisme. Obra completa. Barcelona, 1994. Vol. III (*Biblioteca d'Estudis i Investigacions* 20).
- Batllori M.* «Θύγατερ, μέλλετε εἰδέναι...» Opusculum Arnaldi de Villanova nundum editum // Miscellanea Melchor de Pobladura. Romae, 1964. Vol. I. P. 215–223.
- Berschin W.* Greek Letters and the Latin Middle Ages. From Jerome to Nicholas of Cusa / Rev. and exp. ed.; transl. J. C. Frakes. Washington D. C.: The Catholic University of America Press, 1988.
- Betí M.* El text catala de la «Informatio Beguinorum vel Lectio Narbonae» d'A. de Vilanova // Festgabe zum 70 sten Geburtstag H. Finke. Münster, 1925. S. 189–199.
- Bibliothèque nationale. Département des manuscrits. Catalogue de manuscrits grecs. II. Le fonds Coislin / Réd. par R. Devreese. Paris, 1945.
- Carosi G. P.* I monasteri di Subiaco (notizie storiche). Subiaco, 1987.
- Carreras Artau J.* Una versió grega de nou escrits d'Arnau de Vilanova // Analecta Sacra Tarraconensia. 1932. Vol. 8. P. 1–8, 127–134.
- Carreras Artau J.* Les obres theologiques d'Arnau de Vilanova // Analecta Sacra Tarraconensia. 1936. Vol. 12. P. 1–15.
- Catalogue des manuscrits alchimiques grecs. Bruxelles, 1928. Vol. V: 1. Les manuscrits d'Espagne, décrits par C. O. Zuretti. 2. Les manuscrits d'Athènes, décrits par A. Severyns.
- Coulinet A.* L'anonyme de Zuretti, ou L'art sacré et divin de la chrysopée par un anonyme (*Les alchimistes grecs* 10). Paris, 2000.
- Exempla Codicum Graecorum Litteris minusculis scriptorum annorumque notis instructorum / Ed. G. Cereteli, S. Sobolevski. M., 1913. Vol. Alterum: Codices Petropolitani.
- Fiaccadori B.* Umanesimo e Grecità d'Occidente // I Greci in Occidente. La tradizione filosofica, scientifica e letteraria dalle collezioni della Biblioteca Marciana. Catalogo della mostra (16 ottobre – 15 novembre 1996), a cura di G. Fiaccadori – P. Eleuteri. Venezia: Il Cardo, 1996. P. XVII–LXXV.
- Finke H.* Aus den Tagen Bonifaz VIII. Funde und Forschungen. Münster, 1902.
- Frugoni A.* Subiaco Francescana // Istituto storico Italiano per il Medio Evo. 1953. Vol. 65. P. 115–119.
- Hauréau B.* Arnauld de Villeneuve, médecin et chimiste // Histoire littéraire de la France. Paris, 1881. T. XXVIII, P. 26–126, 487–490.
- Haven M.* La vie et les oeuvres de maître Arnaud de Villeneuve. Paris, 1896.
- Le Clerck V.* Histoire littéraire de la France. T. XX. Paris, 1842.

- Leone Allodi D.* Inventario dei Manoscritti della Biblioteca di Subiaco. Forlì, 1891.
- Lucà S.* Note per la storia della cultura greca nella Calabria meridionale // Archivio storico per la Calabria e la Lucania. 2007 (2008). Vol. 74. P. 43–101.
- Manselli R.* La religiosità d'Arnaldo da Vilanova // Bulletino dell'Istituto Storico per il Medioevo e Archivio Muratoriano. 1951. Vol. 63. P. 60–76.
- Mendez y Pelayo M.* Historia de los heterodoxos españoles. 2 ed. Madrid, 1918. T. 3.
- Montfaucon B. de.* Bibliotheca Coisliniana, olim Seguieriana. Paris, 1715.
- Muralt E. de.* Catalogus codicum bibliothecae Imperialis publicae graecorum et latinorum. Petropoli, 1840.
- Muralt E. de.* Catalogue des manuscrits grecs de la Bibliothèque Imperiale Publique. SPb., 1864.
- Musto R. G.* Angelo Clareno, O. F. M.: Fourteenth-Century Translator of the Greek Fathers. An Introduction and a Checklist of Manuscripts and Printings of his «Scala Paradisi» // Archivum Franciscanum Historicum. 1983. Vol. 76. P. 215–238.
- Nolan E., Hirsch S.A.* The Greek Grammar of Roger Bacon and a Fragment of his Hebrew Grammar. Cambridge, 1902.
- Omont H.* Missions archéologiques françaises en Orient au XVII<sup>e</sup> et XVIII<sup>e</sup> siècles. Paris, 1902. Vol. I–II.
- Rigo A.* Textes spirituels occidentaux en grec: les oeuvres d'Arnaud de Villeneuve et quelques autres exemples // Greeks, Latins, and Intellectual History. 1204–1500 (*Bibliotheca* 11). Leuven–Paris–Walpole: MA, 2011. P. 219–242.
- Rubió i Lluch A.* Diplomatar de l'Orient català (1301–1409). Barcelona, 1923.
- Quétif J., Echard J.* Scriptores ordinis praedicatorum. Paris, 1719. T. I.
- Sabbadini R.* Il metodo degli umanisti. Firenze, 1922.
- Santi F.* Gli «scripta spiritualia» di Arnau de Vilanova // Studi Medievali. 1985. Vol. III (26). P. 995–996, 1003.
- Tocco F.* Due opuscoli inediti di Arnaldo da Vilanova // Archivio Storico Italiano. 1886. Vol. 18. P. 459–460.
- Ullman B.L.* The Origin and Development of Humanistic Script. Roma, 1960.
- Velmans T.* Le *Parisinus grecus* 135 et quelques autres peintures de style gothique dans manuscrits grecs à l'époque des Paléologues (*Cahiers archéologiques* 17). Paris, 1967. P. 209–236.

**Д. В. Веденеев**

## Инспиратор церковных расколов 1920-х — начала 1930-х гг. на Украине (страницы биографии чекиста Сергея Карина-Даниленко)

Органы государственной безопасности практически на протяжении всего периода советской истории играли особую, активную и нередко зловещую роль в церковно-государственных отношениях. В определенные периоды именно профильные контрразведывательные подразделения ОГПУ–НКВД–НКГБ–МГБ–КГБ выступали ведущим инструментом либо подавления религиозной жизни, незаконных репрессий по отношению к «служителям культа» и верующим различных конфессий, либо жесткого контроля со стороны государства и активного вмешательства в жизнедеятельность религиозной сферы советского общества.

Отметим, однако, что деятельность спецслужб по отношению к церкви в 1943–1953 гг. всё же имела определенную конструктивную специфику, обусловленную особенностями курса политического руководства СССР на заметную либерализацию по отношению к Православной Церкви и некоторым другим конфессиям, признание ее духовно-патриотических заслуг, конъюнктурное использование церкви для достижения задач государственной политики, включая и международные отношения.

На сегодняшний день наряду с масштабной работой, проведенной отечественными исследователями по изучению репрессивной политики советской власти и правящей коммунистической партии, малоизученным аспектом проблемы деятельности спецслужб СССР в области церковно-государственных



отношений является, на наш взгляд, собственно оперативная (контрразведывательная, оперативно-розыскная, информационно-аналитическая) деятельность органов госбезопасности в конфессиональной среде.

Думается, что углубленное изучение (на основе документов самих спецслужб) упомянутых аспектов истории церковно-государственных отношений открывает дополнительные возможности для лучшего научного понимания инструментария богоборческой политики властей и особенностей вынужденного реагирования на нее религиозных общин, механизма обеспечения реализации государственных актов в религиозной сфере, исследования репрессивной политики сталинизма как таковой, дальнейшего изучения истории церкви, религиозной персоналистики, а также истории отечественных спецслужб.

В этом отношении перспективным направлением исследования деятельности советских спецслужб в религиозной сфере представляется изучение служебной биографии руководителей и ведущих сотрудников тех оперативных подразделений «чекистских органов», на которые возлагалась работа «по борьбе с антисоветскими элементами из числа духовенства, церковников и сектантов» (распространенное в свое время определение данного профиля).

Среди них — сотрудник и руководитель антирелигиозного подразделения секретно-оперативного органа ОГПУ в Советской Украине (УССР) в 1920-х — начале 1930-х гг. С. Карин-Даниленко. Об этой неоднозначной фигуре, одном из ключевых персонажей деятельности госбезопасности в конфессиональной среде Украины 1920-х — 1940-х гг. пойдет речь в нашей статье, основанной на материалах личного дела офицера и других архивных документах.

Полковник Сергей Тарасович Карин-Даниленко (1898–1985) считался «живой легендой» органов госбезопасности Украины. «Имеет огромный опыт чекистской работы, лично провел весьма много сложных оперативных дел», отмечали кадровики МГБ УССР на излете его карьеры в 1946 г.<sup>1</sup>

Сергей Карин родился в 1898 г. в селе Высокие Байраки Херсонской губернии (современная Кировоградская область). Как свидетельствуют материалы спецпроверки, отец чекиста был кулаком, имел до 70 десятин земли, конную молотилку, веялку, плуг, нанимал батраков и перепродавал скот. Позднее, как сообщали односельчане С. Карину, его родители умерли от голода в 1933 г., в то время как сын преданно служил в советской внешней разведке<sup>2</sup>.

Интересно, что будущий борец с «украинским буржуазным национализмом» в юности являлся «национально сознательным» украинцем. Обучаясь в 1911–1919 гг. в Елисаветградском коммерческом училище, «принимал участие в украинском нелегальном кружке шовинистического направления», как указывается в документах. «Был безусловно заражен шовинизмом ради спасения “неньки Украины”» — каялся Сергей Тарасович в автобиографии

<sup>1</sup> Отраслевой государственный архив (ОГА) Службы безопасности Украины (СБУ). Ф. 12. Д. 5037. Т. 1. Л. 6 об.

<sup>2</sup> Там же. Т. 1. Л. 38; Т. 3. Л. 30.

от 14 сентября 1923 г.<sup>3</sup> При проверках 1939 и 1944 гг. односельчане Карина показали, что тот «высказывался националистически». Прекрасно владел украинским языком (что в немалой степени помогало ему в агентурно-вербовочной работе) и в период украинизации даже входил в комиссию по «испытанию знания украинского языка» сотрудниками ГПУ УСРР.

Осенью 1920 г. по ложному доносу С. Карина арестовала Елисаветградская уездная ЧК. Видимо, в это время юноша и согласился стать секретным сотрудником (агентом по современным понятиям). С тех пор судьба С. Карина, в 1922 г. прибавившего к собственной фамилии для удобства работы в Украине приставку «Даниленко», уже неотделима от органов госбезопасности.

Уже с первых шагов в контрразведке (1921 г.) он проявил способности к перевоплощению, ролевой игре, внедряясь и «подводя под ликвидацию» (под легендой «участника повстанческого движения» против Советов) подпольные украинские антисоветские формирования «Украинская войсковая организация сечевых стрельцов», «Всеукраинский петлюровский повстанком», «Уманский повстанком», «Народная месть». Кульминацией стало внедрение в Повстанческо-партизанский штаб атамана Ю. Тютюнника при Генштабе армии Украинской Народной Республики в эмиграции, причем польская контрразведка-«дефензива» не сумела разоблачить артистично ведшего ролевую игру агента ЧК. Наградой разведчику стали золотые часы и перевод в центральный аппарат Всеукраинской ЧК как «оказавшего большие услуги секретного сотрудника»<sup>4</sup>. Кадровым сотрудником советской спецслужбы С. Карин-Даниленко числился с 14 августа 1922 г., заняв должность (до 1927 г.) уполномоченного Секретного отдела (СО) Секретно-оперативной части (СОЧ) Главного политического управления (ГПУ) УСРР.

Особую роль в становлении Сергея Даниловича как сотрудника спецслужбы сыграл Валерий Горожанин. Длительное время В. Горожанин служил руководителем секретно-политических подразделений органов госбезопасности Украины и СССР, занимавшихся оперативной разработкой политических и общественных организаций, интеллигенции, «церковной контрреволюции» (до мая 1930 г. — начальник Секретно-оперативной части ГПУ УССР). Результаты агентурно-оперативной работы В. Горожанина по разрушению Православной Церкви были в декабре 1927 г. отмечены довольно редким тогда орденом Красного Знамени<sup>5</sup>.

Приход С. Карина в органы ЧК–ГПУ хронологически совпал с развертыванием системных гонений на церковь. После Гражданской войны преследования

<sup>3</sup> Там же. Т. 3. Л. 25.

<sup>4</sup> См. подробнее: Крепкий «Тютюн» для атамана // Веденеев Д. Украинский фронт в войнах спецслужб: Исторические очерки. К.: К.И.С., 2008. С. 34–55.

<sup>5</sup> О руководящих кадрах секретно-политического подразделения ГПУ УССР см. подробнее: Шаповал Ю.І., Пристайко В.І., Золотарьов В.А. ЧК–ГПУ–НКВД в Україні: особи, факти, документи. К.: Абрис, 1997. С. 139–140; Золотарьов В.А. Секретно-політичний відділ ДПУ УСРР: справи та люди. Х.: Фоліо, 2007.

приняли целенаправленный характер государственной политики — РПЦ считалась «контрреволюционной силой», важнейшим политическим и идеологическим конкурентом, подлежала постепенной ликвидации с применением организационных мероприятий по отделению Церкви от государства, физических репрессий, мощной пропагандистской дискредитации, подрывных агентурно-оперативных мероприятий спецслужбы (ВЧК–ОГПУ). Уже в декабре 1920 г. Ф. Дзержинский писал создателю Всеукраинской ЧК Мартину Лацису: «Церковь разваливается, этому надо помочь, но никоим образом не возродить в обновленной форме. Церковную политику развала должна вести ВЧК, а не кто-либо другой. Лавировать может только ВЧК для единственной цели — разложения попов»<sup>6</sup>.

Борьбу с православием официально отнесли к приоритетным задачам органов госбезопасности. Как наставлял ЦК КП(б)У, органы ГПУ обязаны были «обеспечить полное информирование обо всем, что происходит в среде духовенства, верующих», вести пропагандистскую работу, запугивать духовенство<sup>7</sup>. Чекисты-«религиоведы» действовали напористо, вплоть до того, что их представитель обязательно входил в состав комиссий по вскрытию и «исследованию» святых мощей, тем более что эти богохульные акции (как, например, вскрытие раки с мощами святителя Феодосия Черниговского (февраль 1921 г.)) по официальному признанию, «оказались крайне неудачными», «настроение масс напряженное», «тело было цело», а «врачебная комиссия вынесла тенденциозное постановление» (т. е. невыгодное властям)<sup>8</sup>.

Один из циркуляров спецслужбы цинично рекомендовал стравливать между собой «разные направления, течения, секты, церкви, верования», добиваться взаимной борьбы и дискредитации в стане православия, «чтобы враги топили друг друга»<sup>9</sup>. В 1922 г. начальник 6-го отделения (антирелигиозного) Секретно-Политического отдела ОГПУ СССР Е. Тучков отмечал немалые успехи коллег в деле понижения авторитета (дискредитации) «служителей культа», ибо «отсюда вырастает атеизм»<sup>10</sup>.

Что же касается Украины, то к середине 1920-х гг. в Советской Украине действовали свыше 30 религиозных конфессий и течений. Среди них выделялись:

- **Каноническая Российская Православная Церковь**, Поместный собор которой 29 мая 1918 г. даровал автономный статус Украинской Православной

<sup>6</sup> Архивы Кремля. Политбюро и Церковь. 1922–1925. М.; Новосибирск: РОССПЭН; Сибирский Хронограф, 1997. Кн. 1. С. 9.

<sup>7</sup> Центральный государственный архив общественных объединений Украины (ЦГАООУ). Ф. 1. Оп. 20. Д. 995. Л. 1.

<sup>8</sup> Радянська влада та православна церква на Чернігівщині у 1919–1930 рр. Збірник документів і матеріалів. Чернігів, 2010. С. 308–310.

<sup>9</sup> ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 748. Л. 61.

<sup>10</sup> Архивы Кремля. Политбюро и Церковь. 1922–1925. М.; Новосибирск: РОССПЭН; Сибирский Хронограф, 1998. Кн. 2. С. 360.

Церкви при сохранении ею юрисдикционной связи с Российской Матерью-Церковью. Несмотря на гонения и расколы, отмечал СО ГПУ УССР, «тихоновщина» «остаётся крепко спаянной, материально сильной, как и раньше», «весь религиозно-сознательный элемент — на их стороне». В 1925 г. РПЦ имела в Украине 6453 приходов и 4 819 627 верующих<sup>11</sup>.

- **Обновленческая («Живая») Церковь**, возникшая в 1922 г. в результате раскола РПЦ и при активном содействии органов госбезопасности. Выступала за возврат к «апостольскому христианству», активное участие верующих в церковной жизни, против безбрачия епископата и «засилья монашествующих», упрощение богослужения, его ведение на национальных языках, ликвидацию монастырей и «социальное христианство». Это движение продолжало пользоваться поддержкой властей и ГПУ, выступало в Украине главным раскольническим инструментом. Созданный в мае 1925 г. Синод обновленцев в Украине ежемесячно получал от ГПУ 400 рублей. Обновленчество, по замыслу чекистов, позволяло оттягивать на борьбу с ним силы как РПЦ, так и Украинской автокефальной Церкви. Помощь властей к 1925 г. позволила обновленцам иметь в УСРР 1497 приходов и 921 тыс. верных<sup>12</sup>. В этих условиях лично С. Карин, отмечалось в документах, «провел очень сложную и тонкую работу по укреплению обновленчества на Украине»<sup>13</sup>.
- **Украинская автокефальная Православная Церковь (УАПЦ)**, оформившаяся в октябре 1921 г. на Первом всеукраинском православном соборе УАПЦ. Представляла собой проявление ереси филетеизма (осужденной в 1871 г.), ставившее в церковной жизни политические, национальные и иные мирские мотивы выше канонической жизни церкви по апостольской традиции. Бра-ла начало от Всеукраинской Православной церковной рады (ВПЦР) 1917–1919 гг., координационного органа автокефального движения, который возглавляли М. Мороз и его заместитель, протоиерей Василий Липковский. Иерархи РПЦ дважды запрещали В. Липковского в служении. Епископат УАПЦ, рукоположенный из белого духовенства, и рукоположенные ими безблагодатные иереи получили в народе название «самосвяттов».

Деятели автокефалии публично всячески подчеркивали свое «революционное родство» с советской властью, прямо призывая к расправе с канонической церковью и монашеством: «В связи с тем, что все монастыри на Украине пребывают в руках слуг старого режима и, как гнезда контрреволюции, вредят делу духовного развития украинской людности и возрождению ее Церкви, просить Всеукраинскую Православную Церковную Раду принять все меры перед Советской властью о передаче всех монастырей и принадлежащего им имущества

<sup>11</sup> ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2318. Л. 12; Д. 2006. Л. 83.

<sup>12</sup> ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2318. Л. 4; Д. 2006. Л. 83; *Жилюк С.* «Нова церква». Обновленські ідеї і програми церковного реформування 20-х років ХХ ст. // *Людина і світ.* 2004. № 6. С. 44–48.

<sup>13</sup> ОГА СБУ. Ф. 12. Д. 5037. Т. 1. Л. 23.

в распоряжение Всеукраинской Православной Церковной Рады как народного церковно-революционного органа»<sup>14</sup>.

«Украинское церковное движение пробудило национализм, церковный радикализм и общий общественно-политический подъем. Это движение проецировало украинский национализм на церковно-религиозную сферу...»<sup>15</sup> По сути, это был и политический вызов режиму — среди клира и активистов УАПЦ велика была прослойка активных участников Украинской революции и государственности 1917–1921 гг. Уже в конце 1924 г. глава ГПУ УСРР В. Балицкий отдал распоряжение «очистить липковские ряды от враждебного Советской власти элемента». 25 февраля 1926 г. Политбюро ЦК КП(б)У на закрытом заседании одобрило решение о репрессиях против активистов УАПЦ. По данным ГПУ УСРР, 214 священников УАПЦ являлись в прошлом военными служащими армии УНР, 55 — членами украинских национальных партий, 46 — бывшими царскими офицерами, 22 — белогвардейцами, 17 — жандармами и полицейскими. К февралю 1926 г., по мнению ГПУ, до 60% клира УАПЦ (331 человек) находились на «враждебных позициях», а 70% приходивших вели политическую агитацию<sup>16</sup>.

В 1925 г. в УССР насчитывалось 989 приходов УАПЦ (680 тыс. прихожан). После отстранения (по указаниям ГПУ и через ее агентуру в УАПЦ) В. Липковского и его сторонников от руководства УАПЦ на ее II Всеукраинском церковном соборе в октябре 1927 г., верхушка автокефалов стала полностью подконтрольна чекистам, УАПЦ объединилась с собственными же раскольниками из ДХЦ (см. ниже). 29–30 января 1930 г. 40 «епископов» на Чрезвычайном съезде объявили о роспуске УАПЦ за «контрреволюционную деятельность», объявив В. Липковского «иудохристородавцем»<sup>17</sup>.

- **Действительно-Христовая Церковь (ДХЦ)**, образовавшаяся в 1924 г. путем отделения от УАПЦ (в результате оперативной комбинации ГПУ) амбициозного М. Мороза и нескольких епископов-«самосвятых». Съезд ДХЦ 20–22 октября 1925 г. проходил под контролем ГПУ. Сама организация, отмечали чекисты, «находится целиком под руководством органов ГПУ».
- **Соборно-Епископская Церковь митрополита Феофила (Булдовского) (1925–1936 гг.)**, принявшая наименование «Братское объединение параний Украинской автокефальной Православной церкви» (БОПУПАЦ),

<sup>14</sup> Анисимов В. О «положительном заряде» предательства. К 80-летию собора УАПЦ ([http://www.pip.kiev.ua/lib.php?book=lib/variable/text\\_0008.php&caption=%20#\\_](http://www.pip.kiev.ua/lib.php?book=lib/variable/text_0008.php&caption=%20#_)).

<sup>15</sup> Киридон А. М. «Щоб вороги топили один одного...». Про причини церковних розколів у Радянській Україні. 1920-х років // Людина і світ. 2004. № 6. С. 27.

<sup>16</sup> ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 16. Д. 2; Політичний терор і тероризм в Україні. XIX–XX ст. Історичні нариси. К.: Наукова думка, 2002. С. 305.

<sup>17</sup> Комплекс документов советской спецслужбы о разработке УАПЦ опубликован в журнале: З архівів ВУЧК–ГПУ–НКВД–КГБ. 2005. № 1–2; 2006. № 1–2; см. также: Преловська І. Переслідування та ліквідація УАПЦ (УПЦ) (1921–1938): огляд архівно-кримінальних справ ГДА СБУ та ЦДАГО України // З архівів ВУЧК–ГПУ–НКВД–КГБ. 2009. № 1. С. 26–48.

возникшая также при вмешательстве органов ГПУ путем отделения от канонической РПЦ («лубенский раскол»). С января 1925 г. ГПУ повело «обработку тихоновского епископата» для создания новой группировки для «борьбы с тихоновщиной и липковщиной». К июню 1925 г. С. Карин подготовил трех епископов («инициативную группу»), созвавших «собор» в Лубнах (в нем приняли участие лишь 5 из 27 архиереев РПЦ в Украине)<sup>18</sup>. Раскольнические действия епископа Феофила вызвали резкую отповедь со стороны Священноначалия. Экзарх Украины митрополит Михаил (Ермаков) созвал собор архиереев для суда над Феофилом (Булдовским), который, однако, отказался явиться на его заседания. Суд, в котором приняли участие 13 епископов, проходил заочно в декабре 1924 г. Булдовский и другие деятели «Лубенского раскола» 25 декабря 1924 г. были извержены из сана и отлучены от Церкви. Тем не менее Феофил (Булдовский) и его единомышленники не вняли призыву архиерейского суда и продолжали свою антицерковную деятельность.

Феофил самочинно объявил себя «митрополитом». В конце 1925 г. на основании составленных Полтавским архиепископом Григорием (Лисовским) и викарием Полтавской епархии Прилукским епископом Василием (Зеленцовым) было подготовлено Определение о «главарях лубенского раскола», подписанное 13 украинскими православными архиереями. В Определении лидеры «булдовщины» объявлялись лишенными сана и отлученными от церкви. Определение было утверждено Заместителем патриаршего местоблюстителя митрополитом Сергием (Страгородским). Впоследствии власти советской Украины, убедившись в слабой эффективности «лубенского» и прочих расколов в борьбе с канонической Православной Церковью, перешли к политике борьбы с этими раскольничьими сообществами. В результате антицерковных репрессий число приходов, состоящих под началом Феофила (Булдовского), в 1930-х гг. резко сократилось. Если в 1925 г. имелось 49 приходов БОПУПАЦ (45 тыс. прихожан), то в 1937 г. в Луганске закрыли последний храм «лубенцев»<sup>19</sup>.

- **Украинская Православная Церковь (1930–1936 гг.) митрополита Иоанна (Павловского)**, объединившая остатки УАПЦ после ее самороспуска (с подачи чекистов) и разгрома.

Кроме того, в Советской Украине к 1926 г. насчитывалось 317 приходов Римско-Католической церкви (116 тыс. прихожан, также служивших объектом активной оперативной разработки ГПУ)<sup>20</sup>, 1242 иудейских общины (434 тыс.

<sup>18</sup> ЦГАООУ. Ф.1. Оп. 20. Спр. 2318. Л. 2.

<sup>19</sup> <http://www.uapc.org.ua/ru/news/?newsId=290>

<sup>20</sup> Рубльова Н. 1) Невідома ділянка «антирелігійного фронту»: боротьба владних структур УСРР проти римсько-католицької церкви, 1920-ті роки // З архівів ВУЧК–ГПУ–НКВД–КГБ. 1998. № 1–2. С. 228–243; 2) Антикостольна кампанія в УСРР: причини, інструментарій, перебіг (кінець 20-х — 30-ті рр.) // З архівів ВУЧК–ГПУ–НКВД–КГБ. 1999. № 1–2. С. 388–405.

верующих), лютеран — 38,4 тыс., евангельских христиан — 67,5 тыс., баптистов — 33,2 тыс., адвентистов — 3,3 тыс, меннонитов — 42,8 тыс. В мистических сектах (скопцы, малеванцы, хлысты и др.) состояло свыше 64 тыс. человек. По мнению Секретного отдела ГПУ, где трудился С. Карин-Даниленко, всего в УССР к верующим относилось 40,4 % населения<sup>21</sup>.

К 1922 г. украинские чекисты доложили в ЦК КП(б)У о «полном успехе» проведенной работы по расколу Православной Церкви, что приближало конечную цель — «окончательное разложение духовенства и полный раскол церкви»<sup>22</sup>. Перед 3-й группой Секретного отдела СОЧ ГПУ УСРР, где стал служить С. Карин, стояла задача (как говорится в материалах личного дела), «борьбы с контрреволюционными проявлениями в религиозных группировках». Участок называли весьма сложным, так как репрессивные методы к клиру применялись (пока еще) «с соблюдением максимальной осторожности» во исполнение «ответственной партийной директивы». Перед ГПУ ставилась «задача негласного (т. е. агентурного. — Д. В.) захвата в свои руки религиозных объединений. Работа этих организаций находится под нашим плотным (но негласным) влиянием».

Главным противником считалась Российская Православная Церковь. К 1925 г. в Советской Украине действовало восемь наиболее многочисленных епархий РПЦ во главе с Патриаршим экзархом Украины (с мая 1921 г.) митрополитом Киевским Михаилом. Функционировало 6453 приходов (около 4 млн 820 тыс. прихожан) канонической РПЦ, которую еще называли «старославянской» или «тихоновской», за верностью Патриарху Московскому и Всея Руси Тихону<sup>23</sup>. Под надзор агентуры и уголовное преследование попал и Патриарший экзарх Украины митрополит Михаил (Ермаков, 1862–1929), категорически не признававший «оперативные детища ГПУ» — обновленцев и автокефалов<sup>24</sup>.

Главным же инструментом спецслужб стало инспирирование многочисленных церковных расколов, нестроений и простого стравливания иерархов РПЦ, противопоставления канонической РПЦ автокефальной церкви. Поскольку «тихоновцы» ведут антисоветскую агитацию в «монархическом направлении», обвиняют власть в притеснениях Церкви, подчеркивали чекисты, необходимо основные усилия сосредоточить на разложении РПЦ и УАПЦ и «укреплении за их счет обновленчества»<sup>25</sup>. Напомним, что обновленческий раскол РПЦ, оформившийся при активном содействии ЧК в 1922 г., в Украине принял форму Синодально-Обновленческой Церкви. В 1925 г. ГПУ «даровало» ей «автокефалию» для углубления противостояния с РПЦ, в ней насчитывалось 1497 общин

<sup>21</sup> ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2006. Л. 83.

<sup>22</sup> Там же. Оп. 16. Д. 1450. Л. 1.

<sup>23</sup> Там же. Оп. 20. Д. 2006. Л. 83.

<sup>24</sup> См. материалы архивного уголовного дела на владыку Михаила: ЦГАООУ. Ф. 263. Д. 45504.

<sup>25</sup> ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2318. Л. 1.

обновленцев с 921 тыс. прихожан. Давление властей привело к тому, что в столичном Харькове обновленцы имели 26 храмов, а каноническая РПЦ — один<sup>26</sup>.

Особой заслугой С. Карина-Даниленко считалось достижения контроля и последующего простимулированного чекистами самороспуска УАПЦ. Сводка ГПУ № 37/47 за период с 11 по 18 сентября 1927 г. отмечала: «В октябре в г. Киеве должен состояться Всеукраинский Покровский Собор УАПЦ... органами ГПУ поставлена серьезная задача добиться на Покровском съезде переизбрания митрополита, заменив ЛИПКОВСКОГО более приемлемым для нас кандидатом»<sup>27</sup>. «В этой группировке удалось — без применения репрессий — добиться от Собора добровольного удаления всех столпов контрреволюции, в том числе самого Липковского», отмечали впоследствии начальники Карина.

Контрразведчик прекрасно разбирался в явных и тайных сторонах натуры епископов-«самосвяттов», давая им в отчетах для ЦК лаконичные и уничижительные характеристики. Так, В. Липковский предстает «куркулем по природе», «обыкновенным авантюристом, для которого удовлетворение своих мелких житейских потреб и непомерного честолюбия является альфой и омегой всех его начинаний, ...завтра может быть и врагом Украины, если это может быть полезным для его кармана». Председатель ВПЦР Василий Потюенко — «работает не как религиозный человек, а как украинский шовинист». «Епископ» Нестор (Шараевский) — «любит Малороссию за хороший борщ, колбасу и чудесные песни». Александр (Ярещенко) — «более атеистичен, чем религиозен», «для него церковь не цель, а средство для объединения “самостийных” сил Украины». Юрий (Жевеченко) — просто «атеист» и т. д.<sup>28</sup>

Заметным называли и вклад Карина в «разложение тихоновской церкви» в 1923–1931 гг.<sup>29</sup> Сергей Тарасович, наряду с Председателем ГПУ УССР В. Балицким и В. Горожанином входил в состав Всеукраинской антирелигиозной комиссии (ВАК). Сотрудничал с НКВД УССР, где работал отдел по отделению церкви от государства, эксперты которого составляли доносы в ГПУ, приобщавшиеся затем к уголовным делам на активных функционеров УАПЦ<sup>30</sup>.

Продолжалась и агентурная работа против УАПЦ, наиболее «антисоветски настроенные» ее адепты выслались за пределы Украины. Нередко санкции по отношению к верхушке автокефалистов принимались совместными решениями ВАК при ЦК КП(б)У. Как и в случае с непокорным священством РПЦ, СО ГПУ (согласовав с ВАК) подавал Особому совещанию ГПУ (внесудебный карательный орган) представление на высылку тех или иных активистов УАПЦ за пределы УССР с содержанием в лагерях, поскольку их «дальнейшее

<sup>26</sup> Там же. Л. 17; Д. 2006. Л. 83.

<sup>27</sup> ГПУ против УАПЦ. Методология уничтожения ([http://www.religion.in.ua/zmi/ukrainian\\_zmi/3493-gpu-protiv-uapc-metodologiya-unichtozheniya.html](http://www.religion.in.ua/zmi/ukrainian_zmi/3493-gpu-protiv-uapc-metodologiya-unichtozheniya.html)).

<sup>28</sup> ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2318. Л. 42–44.

<sup>29</sup> ОГА СБУ. Ф. 12. Д. 5037. Т. 3. Л. 78 об.

<sup>30</sup> См. например: З архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ. 2007. № 1. С. 16–17.



пробывание может привести к срыву нашей работы по автокефалам». С. Карин принимал непосредственное участие в оперативной разработке автокефалов, включая и пребывание их в местах предварительного заключения (ДОПРах)<sup>31</sup>.

Постепенно сформировался комплекс оперативных методов, применявшийся органами ГПУ для разложения церковной организации:

- использование самого духовенства для постановки под контроль управления церковной жизнью (в том числе — через вербовку и негласное сотрудничество) под угрозой преследований и репрессий,

- учет и оперативное использование особенностей характера отдельных епископов и иереев, разногласий в церковной среде, гордыни (через поощрения материального и карьерного характера);

- постановка в материальную зависимость (как отмечали чекистские документы, «надеяться на доброжелательное отношение к Советской власти нельзя», поэтому священников надлежит связывать деньгами и другой заинтересованностью — «будет вечный раб ЧК»);

- запугивание слабохарактерных лагерями и тюрьмами.

В служебных документах отмечалось, что С. Карин «тяготится работой по линии “Д”» (т. е. духовенства, видимо, тянулся к «чистой» контрразведывательной деятельности). Тем не менее фактический руководитель «3-й группы» (антирелигиозной) работал против «церковной контрреволюции» в прямом смысле слова на износ — страдавшему «активным туберкулезом обоих легких» чекисту предписывали лечиться в санатории буквально в приказном порядке.

Агентурно-оперативная работа получила весьма высокую оценку в служебных аттестациях. Так, 1 января 1926 г. В. Горожанин следующим образом аттестовал подчиненного: «Уполномоченный группы по духовенству... Из очень немногих работников-чекистов, специалистов по духовным делам, по-видимому, самый лучший. Незаменимые его качества — умение разговаривать с попами и способность к вербовке... Незаменимый специалист в порученной ему области. Горизонт в работе большой и глубокий»<sup>32</sup>. В характеристике за 1929–1930 гг. указывалось, что Карин «имеет большие заслуги по борьбе с церковной контрреволюцией на Украине». «В работе тов. Карина много образцов агентурного совершенства. Был случай, когда в Киев съехалось на совещание около 30 епископов, известных своей контрреволюционной деятельностью. В течение нескольких дней епископы были настолько обработаны, что стали беспрекословно выполнять директивы ГПУ» (видимо, речь шла о съезде епископов УАПЦ)<sup>33</sup>.

Отметим, что агентурная работа «по церковникам» велась планомерно и с размахом. Судя по смете на первое полугодие 1926 г., в ГПУ по РПЦ и «обновленцам» «работало» по 84 секретных сотрудников («сексотов», т. е. тех, кто негласно принимал участие в активных оперативных мероприятиях

<sup>31</sup> З архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ. 2007. № 1. С. 28, 30.

<sup>32</sup> ОГА СБУ. Д. 5037. Т. 1. Л. 23–24.

<sup>33</sup> Там же. Л. 78 об.

и разработках), 66 — по УАПЦ, 36 — по «Собору епископов», 24 — по ДХЦ, 84 — по протестантским конфессиям (всего по УСРР — 378 с месячным окладом 20 руб. каждому). На каждый католический костел полагалось по два сексота. Более того, в руководящих звеньях конфессий вербовались платные осведомители. Наибольшая мзда полагалась отколовшимся (по воле ГПУ) от УАПЦ деятелям ДХЦ — «единственным их стимулом могут быть деньги», откровенно отмечала 3-я группа. Всего ГПУ просило выделить по «церковной линии» на указанный период 81 540 руб.<sup>34</sup>

Фамилия «Карин» нередко встречается в воспоминаниях выживших церковных деятелей того времени в контексте плетущихся ГПУ интриг и подготовки очередных нестроений среди епископата<sup>35</sup>. О нем как о «главном уполномоченном Харьковского ГПУ по религиозным делам» говорили и в связи с инспирацией Соборов УАПЦ<sup>36</sup>.

В 1927 г., очевидно за успехи в сеянии расколов и нестроений в православии, свертывании автокефального движения, Коллегия ОГПУ СССР наградила Сергея Тарасовича именованным «маузером», а в 1932 г. — знаком Почетного чекиста. Тогда же он возглавил 3-е отделение (антицерковное) в Секретном отделе СОЧ ГПУ УССР (уже и по должности став «главным религиоведом» ведомства В. Менжинского в Украине).

К началу 1930-х гг. органы госбезопасности в целом посчитали реализованной свою стратегию агентурно-оперативного подрыва (раскола) православия. Печально сложилась судьба УАПЦ и ее лидеров. На рубеже 1920/1930-х гг. ужесточаются репрессии против ставших политически и оперативно ненужными «самосвятов». По некоторым данным, всего жертвами репрессий стали 34 епископа и до 2000 служителей УАПЦ<sup>37</sup>. 27 ноября 1937 г. после недолгого следствия на основании «показаний» других лиц был расстрелян первый «митрополит» УАПЦ В. Липковский<sup>38</sup>.

С. Карин-Даниленко в начале 1931 г. смог перейти (вслед за В. Горожанином) во внешнюю разведку (Иностранный отдел ГПУ УССР). В 1931–1933 гг. работал в Праге помощником резидента по «разработке украинской контрреволюционной эмиграции». Будучи помощником начальника Иностранного отдела НКВД УССР, принял участие в операции «Академия», закончившейся нейтрализацией двух террористов Российского общевойскового союза, прибывших в СССР для организации покушения против «вождей партии и советского правительства»<sup>39</sup>.

<sup>34</sup> ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2318. Л. 40–41.

<sup>35</sup> Доненко Н., протоиерей. Макарий Кармазин // «Наследники Царства». Симферополь, 2000 (<http://krotov.info/spravki/persons/20person/1937maka.html>).

<sup>36</sup> <http://vestnik-jzr.org.ua/200903-filippovich.html>

<sup>37</sup> Розтальний В. Митрополит-мученик // Голос України. 1992. 19 червня.

<sup>38</sup> См. также биографию В. Липковского: *Зинченко А.Л.* Визволитися вірою. К., 1997.

<sup>39</sup> ОГА СБУ. Ф. 12. Д. 5037. Т. 1. Л. 16, 25.

В 1937 г. С. Карин («задвинутый» начальником Управления пожарной охраны НКВД УССР) был арестован. Выдержал 26 месяцев допросов в Лефортово и Бутырках, никого не оговорил и своей вины не признал, хотя следователи и «били до состояния куска мяса»<sup>40</sup>. Был уволен по инвалидности, однако в 1941 г. добровольцем вызвался участвовать в зафронтовой работе, занимался организацией партизанских отрядов и диверсионных групп, награждался орденом «Знак Почета» и медалями. Дослужился до заместителя начальника 4-го (зафронтового) Управления НКГБ УССР. Руководил Опергруппой по Западной Украине. Выступая под прикрытием должности заместителя представителя в УССР председателя Совета по делам РПЦ при СНК СССР, вел переговоры о примирении с военачальниками УПА, получив орден Красной Звезды.

Именно заместитель начальника контрразведки НКГБ УССР полковник С. Карин выступил непосредственным организатором «самоликвидации» Украинской Греко-Католической Церкви. Как отмечал его начальник, шеф 2-го (контрразведывательного) Управления НКГБ УССР П. Медведев, «в 1945–1946 гг. органами НКГБ–МГБ УССР была проведена серьезная работа по ликвидации греко-католической церкви... являющейся резидентурой Ватикана». При этом С. Карин-Даниленко «разрабатывал планы агентурно-оперативных мероприятий по ликвидации униатской церкви», лично работал с агентурой вплоть до «проведения собора, организационно оформившего разрыв с Ватиканом...». В 1947 г. заслуженного контрразведчика срочно уволили за отказ перейти на преподавательскую работу в Москву<sup>41</sup>. Уже на пенсии выступил автором ряда книг и статей с критикой сотрудничества униатской церкви с Австро-Венгрией и гитлеровскими спецслужбами<sup>42</sup>.

Как видим, успехи С. Карина-Даниленко по «церковной линии» были обусловлены сочетанием личных профессиональных и морально-психологических качеств. Современники и коллеги отмечали его эрудицию, работоспособность, артистичность, коммуникабельность, готовность к оперативному риску и творческому подходу, прекрасное знание религиозной среды и ее деятелей, стремление (насколько это позволяли служебные интересы) проявить гуманное отношение к людям (что сказалось и во время работы в Западной Украине)<sup>43</sup>. Наряду с этим результативность агентурно-оперативных мероприятий обеспечивалась тем, что за оперработником стояли мощь авторитарного, агрессивного-атеистического государства, применявшего массовые физические репрессии против священнослужителей и «церковников» (твердо верующих мирян), обширные

<sup>40</sup> Там же. Л. 40.

<sup>41</sup> Там же. Т. 2. Л. 12.

<sup>42</sup> См. например: *Даниленко С.Т.* Униаты. М.: Политиздат, 1972.

<sup>43</sup> В частности, подробно описал (под псевдонимом) работу и характер С. Карина генерал-майор КГБ УССР В. Шевчук. *Зарічний В.* Лишиться чесним до кінця. Невідомі сторінки однієї чекістської біографії // Робітничка газета. 1989. 29 липня.

возможности спецслужбы с ее тотальным осведомлением и вездесущим агентурным аппаратом, быстро накапливавшей опыт оперативной разработки религиозной среды и управления ею в свете политических директив и идеологической доктрины компартийной верхушки и советской государственности.

### References

- Архивы Кремля. Политбюро и Церковь. 1922–1925. М.; Новосибирск: ROSSPÈN; Sibirskij Hronograf, 1997. Кн. 1.
- Danilenko S. T.* Uniaty. М.: Politizdat, 1972.
- Kiridon A. M.* «Šob vorogi topili odin odnogo...». Pro pričini cerkovnih rozkoliv u Radàns'kij Ukraìni. 1920-h rokiv // Lùdina i svìt. 2004. № 6.
- Політичний терор і тероризм в Україні. НІН–ННХІХ–ХХ ст. Історичні нариси. К.: Naukova dumka, 2002.
- Prelovs'ka I.* Pereslìduvannà ta likvidacià UAPC (UPC) (1921–1938): oglàd arhìvno-kriminal'nih sprav GDA SBU ta CDAGO Ukraìni // Z arhìvìv VUČK–GPU–NKVD–KGB. 2009. № 1. S. 26–48.
- Roztal'nij V.* Mitropolit-mučenik // Golos Ukraìni. 1992. 19 červnà.
- Rubl'ova N.* Antikost'ol'na kampanià v USRR: pričini, ìnstrumentarìj, perebìg (kìnec' 20-h – 30-tì rr.) // Z arhìvìv VUČK–GPU–NKVD–KGB. 1999. № 1–2. S. 388–405.
- Rubl'ova N.* Nevìdoma dlànka «antirelìgijnogo frontu»: borot'ba vladnih struktur USRR proti rims'ko-katolic'koì cerkvi, 1920-tì roki // Z arhìvìv VUČK–GPU–NKVD–KGB. 1998. № 12. S. 228–243.
- Šapoval Ū. I., Pristajko V. I., Zolotar'ov V. A.* ČK–GPU–NKVD v Ukraìni: osobi, fakti, dokumenti. К.: Abris, 1997. S. 139–140.
- Zaričnij V.* Lišitisa česnim do kìncà. Nevìdomì storìnki odnìєї čekìst's'koì biografiì // Robìtniča gazeta. 1989. 29 lipnà.
- Žilùk S.* «Nova cerkva». Obnovlens'kì ìdeì i programi cerkovnogo reformuvannà 20-h rokiv НН ст. // Lùdina i svìt. 2004. № 6. S. 44–48.
- Zinčenko A. L.* Vizvolitisa vìroù. К., 1997.
- Zolotar'ov V. A.* Sekretno-polìtìčnij viđdìl DPU USRR: spravi ta lùdi. Н.: Folio, 2007.

### Список литературы

- Архивы Кремля. Политбюро и Церковь. 1922–1925. М.; Новосибирск: РОССПЭН; Сибирский Хронограф, 1997. Кн. 1.
- Даниленко С. Т.* Униаты. М.: Политиздат, 1972.
- Жилюк С.* «Нова церква». Обновленські ідеї і програми церковного реформування 20-х років ХХ ст. // Людина і світ. 2004. № 6. С. 44–48.
- Зарічний В.* Лишитися чесним до кінця. Невідомі сторінки однієї чекістської біографії // Робітнича газета. 1989. 29 липня.
- Зинченко А. Л.* Визволитися вірою. К., 1997.
- Золотарьов В. А.* Секретно-політичний відділ ДПУ УСРР: справи та люди. Х.: Фоліо, 2007.
- Киридон А. М.* «Щоб вороги топили один одного...» Про причини церковних розколів у Радянській Україні. 1920-х років // Людина і світ. 2004. № 6.
- Політичний терор і тероризм в Україні. ХІХ–ХХ ст. Історичні нариси. К.: Наукова думка, 2002.
- Преловська І.* Переслідування та ліквідація УАПЦ (УПЦ) (1921–1938): огляд архівно-кримінальних справ ГДА СБУ та ЦДАГО України // З архівів ВУЧК–ГПУ–НКВД–КГБ. 2009. № 1. С. 26–48.
- Преловська І.* Переслідування та ліквідація УАПЦ (УПЦ) (1921–1938): огляд архівно-кримінальних справ ГДА СБУ та ЦДАГО України // З архівів ВУЧК–ГПУ–НКВД–КГБ. 2009. № 1. С. 26–48.
- Розтальний В.* Митрополит-мученик // Голос України. 1992. 19 червня.
- Рубльова Н.* Антикостольна кампанія в УСРР: причини, інструментарій, перебіг (кінець 20-х – 30-ті рр.) // З архівів ВУЧК–ГПУ–НКВД–КГБ. 1999. № 1–2. С. 388–405.
- Рубльова Н.* Невідома ділянка «антирелігійного фронту»: боротьба владних структур УСРР проти римсько-католицької церкви, 1920-ті роки // З архівів ВУЧК–ГПУ–НКВД–КГБ. 1998. № 1–2. С. 228–243.
- Шаповал Ю. І., Пристайко В. І., Золотарьов В. А.* ЧК–ГПУ–НКВД в Україні: особи, факти, документи. К.: Абрис, 1997. С. 139–140.

**Б. Б. Дубенцов**

## Основные законы Российской империи 1906 г. как трансфер западного конституционализма: Оценки тренда тогда и теперь<sup>1</sup>

Использование западного конституционализма при разработке текста Основных государственных законов Российской империи в 1905–1906 гг. является установленным в науке фактом. Общеизвестно также, что оценки тех заимствований, которые были сделаны создателями юридических основ российского конституционного строя, предпринимались еще современниками, в первую очередь отечественными высококвалифицированными специалистами-государствоведами. Именно они заложили традицию изучения российских Основных законов, в тех или иных отношениях с которой находились и находятся многочисленные работы авторов последующего времени. Цель данной статьи состоит в том, чтобы сделанные в начале XX в. оценки объема и направленности трансфера, осуществленного из западного конституционализма при создании Основных законов 1906 г., сопоставить с оценками, присутствующими в отечественной литературе через сто лет, в наши дни.

Первые попытки сравнить только что изданные в России конституционные законы с теми, что уже существовали на Западе, предпринимались видными российскими специалистами в небольших по объему брошюрах. Такие

<sup>1</sup> Данная статья подготовлена в рамках проекта «Российские общественные движения и международный контекст: Проблема трансфера западноевропейских практик и политических технологий в эпоху революций начала XX в.», входившего в программу Отделения историко-филологических наук РАН «Нации и государство в мировой истории».

брошюры издавались политическими партиями для широкой читательской аудитории в целях пропаганды своих программных установок. Кадеты осуществили выпуск целой серии под общим названием «Народное право». В ней и вышла брошюра, написанная вскоре после издания законов 20 февраля 1906 г. Г. Ф. Шершеневичем<sup>2</sup>. Известный прежде всего как цивилист, он обращался также к изучению истории государственно-правовых учений и государственного права. В его брошюре разъяснялось, что «самодержавие в большом государстве, при многочисленности потребностей, немислимо» и «превращается в многодержавие чиновников». Бюрократическое «средостение» порождает «полное разобщение власти и народа». Этому пришел конец, так как получило признание «основное конституционное начало» — законодательные полномочия Государственной Думы и Государственного Совета. Но далее Г. Ф. Шершеневич делал оговорку: «Правда, слово “конституция” нигде официально не признается, правда, русская конституция по содержанию стоит ниже всех западноевропейских»<sup>3</sup>. Развернутое обоснование этой оценке не давалось. Акцент делался на доказательстве того факта, что российский царь «стал монархом ограниченным», а следовательно, «уже не в праве восстановить самодержавие». Но тут же отмечалось, что «русская конституция не дает тех гарантий, какие известны Западу: государь не присягает конституции, министры не ответственны перед народом, армия всецело связана присягою с особою монарха»<sup>4</sup>.

Сравнение дуалистической монархии, образцом которой называлась Германия, с парламентарной проводилось явно в пользу последней и завершалось предсказанием неизбежности конфликтов между министрами и Государственной Думой. Главная причина этого, как писал Шершеневич, состоит в том, что несмотря на произошедший переход России к конституционному строю «никакой ответственности министров за закономерность их действий у нас не существует», им по-прежнему будет предоставлена «полная безответственность за всё, совершающееся в государстве». Эта констатация вызвала у автора эмоциональное восклицание: «Для этого не стоит изменять самодержавный строй на конституционный!»<sup>5</sup>

Еще одно отличие российского конституционного законодательства Г. Ф. Шершеневич увидел в бюджетной процедуре: «...существенная разница между конституционным порядком, принятым на Западе, и порядком, уста-

<sup>2</sup> Шершеневич Г. Ф. Конституционная монархия. М.: Типография Г. Лиснера и Д. Собко, 1906. Отсутствие в этой брошюре ссылок на Основные законы позволяет предполагать, что она вышла из печати в конце марта — начале апреля 1906 г.

<sup>3</sup> Там же. С. 7–10.

<sup>4</sup> Там же. С. 12–14.

<sup>5</sup> Там же. С. 20–21, 35–37. Открыто декларируя в качестве программной установки своей партии переход к парламентаризму, Г. Ф. Шершеневич обозначал и практические рамки своей «политической ангажированности»: «Партия чисто конституционная, как партия Народной Свободы, отстаивая идею конституционной монархии, может стоять только на почве реальной политики». См. там же. С. 14.

новленным у нас по закону 20-го февраля, состоит в том, что там утверждение бюджета предоставляется нижней палате, а у нас оно зависит равно как от Государственной Думы, так и от Государственного Совета... Предоставить же Государственному Совету, состоящему сплошь из чиновников, которые живут на жалование, право определять роспись доходов и расходов — это значит нарушить основное начало конституционного государства»<sup>6</sup>. Очевидно, что в брошюре Г. Ф. Шершеневича указания на те начала западного конституционализма, которым не нашлось места в российском законодательстве, служили обоснованию программной цели его партии: осуществить переход от дуалистической монархии к парламентарной. В связи с этим находилось и перечисление недостатков дуалистической системы, главным из которых называлась безответственность министров перед общественным представительством.

Иное отношение к нарождавшейся в России конституционной монархии выразил известный историк, октябрист В. И. Герье. В опубликованной им брошюре была развернута критика кадетских политических деклараций. Со ссылкой на Германию и Пруссию отстаивалось правительственное «право законодательного почина»; наличие верхней палаты в составе представительства признавалось всеобщим для конституционных монархий, а ограничения бюджетных прав Думы оправдывались указанием на то, что «даже на родине парламентаризма в Англии вовсе не существует полного утверждения бюджета»<sup>7</sup>. Дополнительно приводилось подробное описание противостояния прусского ландтага с правительством Бисмарка в 60-х гг. XIX в.: «...роспись в течение ряда лет оставалась не утвержденной, в Пруссии продолжалось взимание налогов и производство расходов». Таким образом, вполне одобрялась ориентация российского законодательства на немецкую юридическую традицию, согласно которой бюджет не являлся законом<sup>8</sup>.

Своих ближайших оппонентов слева В. И. Герье заранее и недвусмысленно подозревал в намерении злоупотреблять в Думе правом запроса, видя в нем средство «для устранения министерства и захвата министерской власти». Такое намерение, подчеркивалось далее, «прикрывается громким словом, но по смыслу весьма неопределенным — *ответственность* министров (курсив автора. — Б. Д.)». На Западе этот термин, писал В. И. Герье, «был на самом деле популярен», но затем «взгляд на значение ответственности министров очень изменился». Право предания министров суду перестало применяться в Англии; «в монархических конституциях ответственность министров в этом смысле оказалась неуместной». Ссылаясь на пример Пруссии, В. И. Герье уверял, что «*атрофия* ответственности министров в сильном государстве весьма понятна (курсив автора. — Б. Д.)» и риторически вопрошал: «И какая же польза может

<sup>6</sup> Там же. С. 37–38.

<sup>7</sup> Герье В. И. О конституции и парламентаризме в России. М.: Типография «Русского Голоса», 1906. С. 15–19.

<sup>8</sup> Там же. С. 20–22. О том, чем завершилось это противостояние, В. И. Герье умалчивал.

быть стране от навязывания монарху министров?» Целью тех, кто добивался установления ответственности министров перед представительством, объявлялся парламентаризм сам по себе, который отождествлялся с партийностью и присущими ей межфракционной борьбой, сделками и соглашениями. Их вред для общества в представлении В. И. Герье был несомненен<sup>9</sup>.

Брошюры Г. Ф. Шершеневича и В. И. Герье обнаруживают сходство между собой в том, что в них о переносе начал западного конституционализма в российское законодательство только упоминалось, причем с явно выраженными политическими целями. Эти цели были представлены как чуть ли не совершенно противоположные. Если в одной брошюре отмечалась неполнота заимствований, сделанных из европейских конституций при составлении российских законов, и обосновывалась необходимость движения к парламентаризму, то в другой со ссылками на европейский опыт доказывались как достаточность дарованной царем конституции, так и ее сходство с конституциями других дуалистических монархий.

Одним из первых, если не самым первым затронул вопрос о соотношении Основных законов 1906 г. с европейскими конституциями, исходя не из партийных, а из чисто академических, учебных задач, профессор Киевского университета С. А. Егiazаров. Его курс лекций был издан студентами в 1906 г.<sup>10</sup> Признавая, что Россия есть «не парламентарная, а дуалистическая конституционная монархия», С. А. Егiazаров отметил отсутствие в российском законодательстве «специальных условий» для пересмотра Основных законов, которые приняты в Пруссии. По поводу царских «указов обычных мер» заявлялось, что они «должны иметь характер так называемых исполнительных распоряжений». Далее без детальных разъяснений заявлялось, что «распорядительная и повелительная власть государя более урезаны, чем аналогичная власть прусского короля»<sup>11</sup>. Предоставление царю полномочий издавать «указы чрезвычайных мер» по ст. 87 признавалось аналогичным полномочиям монархов «большинства континентальных государств», но при этом обращалось внимание на то, что «король» (не сказано, в каком государстве) мог «приостановить даже действие конституций (так в тексте. — Б. Д.)», тогда как в России указы не могли «касаться конституционных прав Государственного Совета и Государственной Думы». Перечисляя многочисленные возможности царя действовать «в порядке верховного управления» в целом ряде сфер, С. А. Егiazаров не предпринимал попыток соотнести их с полномочиями европейских монархов. Он упоминал о принадлежности права амнистии к числу монарших прерогатив «в конституционных монархиях Европы так же, как у нас», дополнив

<sup>9</sup> Герье В. И. О конституции и парламентаризме в России. С. 23–29.

<sup>10</sup> Егiazаров С. А. Лекции по русскому государственному праву. Законодательная власть. Вып. 1. К.: Типография И. И. Чоколова, 1906. Судя по упоминанию в тексте о деятельности I Государственной Думы (см. с. 7), текст курса был написан уже после ее роспуска.

<sup>11</sup> Там же. С. 10



его указанием на то, что «некоторые конституции — австрийская, бельгийская, датская и др., не допускают права амнистии в отношении министров, привлеченных к ответственности»<sup>12</sup>. Перечислив широкие права российского императора в сфере внешней политики, Егиазаров признавал, что «в западноевропейских государствах такими правами монархи не пользуются»<sup>13</sup>. Сопоставление полномочий представительных органов не было проведено. Как видим, первый чисто академический опыт оценки воспроизведения в российском законодательстве элементов западного конституционализма был и неполным, и противоречивым. Егиазаров искал возможность раскрыть черты сходства российских Основных законов с конституциями европейских монархий, но не стремился показать различия по всем разделам государственного права.

Одновременно с курсом лекций С. А. Егиазарова приват-доцент Петербургского университета В. М. Грибовский опубликовал популярный очерк, в котором были обозначены типы конституционных государств и показаны основные тенденции их развития. Уделяя основное внимание выявлению различий между парламентарными и дуалистическими монархиями, В. М. Грибовский сначала раскрыл дуализм монархий в Германии и Пруссии, а затем на основе обзора важнейших положений российских Основных законов пришел к выводу об их однотипности с конституциями упомянутых государств. В качестве главных признаков сходства были указаны назначение царем министров без согласия представительства, ответственность кабинета перед монархом, отсутствие связи между роспуском Думы и судьбой кабинета. «Всё это вместе взятое достаточно обрисовывает свойства министерской власти в России и выясняет дуалистический характер русской конституционной монархии»<sup>14</sup>. Очевидно, В. М. Грибовский не был склонен усматривать в российской конституционной монархии что-то исключительное; по его мнению, «в государственном строе большинства европейских конституционных монархий применяется дуализм, в некоторых отдельных случаях прикрытый внешностью парламентаризма. Такова сила вещей, получающая перевес над теоретическими стремлениями»<sup>15</sup>. Устранившись от выявления различий между дуалистическими монархиями и не обнаруживая своих политических пристрастий, В. М. Грибовский указывал на естественное движение конституционных монархий к парламентаризму, отмечая, что «конституционализм фактически нечувствительно соприкасается с парламентаризмом, пока решительно не затрагивается прерогатива монарха»<sup>16</sup>.

Особое внимание уделял в своем творчестве сопоставлению конституционного законодательства Российской империи с законодательством других

<sup>12</sup> Там же. С. 12.

<sup>13</sup> Там же. С. 15.

<sup>14</sup> *Грибовский В. М.* Настоящее и будущее европейского парламентаризма (общедоступный очерк). СПб.: Типография А. С. Суворина, 1906. С. 12–15.

<sup>15</sup> Там же. С. 23–24.

<sup>16</sup> Там же. С. 31–32.

стран видный государствовед С. А. Котляревский. Им были написаны две книги, в которых такое сопоставление предпринималось. В 1907 г. вышла первая<sup>17</sup>. В ней основу предпринятого «разбора» составляло признание закономерности государственной эволюции, состоящей в том, что «движение в сторону парламентаризма, как и демократизация политического права, вытекает не из чьих-то истинных или ложных убеждений, а из “разума вещей”, — естественных условий развития современного государства»<sup>18</sup>. Первым шагом на пути к парламентаризму служило установление конституционного строя. «То, что отличает конституционное государство, есть осуществляющееся в нем в известных пределах, указанных законодательством, политическое самоопределение нации»<sup>19</sup>. Но все конституционные государства имеют не только черты сходства, но и существенные различия между собой. Сопоставление государственных форм С. А. Котляревский осуществлял с помощью воображаемого ряда, в который их можно поставить по степени приближения к «законченному типу» парламентаризма. На одном конце этого ряда оказывались государства, либо уже прошедшие через века самосовершенствования (как Великобритания или Франция), либо осуществившие всеобъемлющее заимствование чужих достижений в теории и практике государственного строительства (как Австралия, которая квалифицировалась в качестве «законченного типа» парламентского государства). Их, по мысли С. А. Котляревского, отличает «политическое самоопределение нации», совершающееся «с наибольшей интенсивностью там, где представительство основано на всеобщем праве голоса, где рядом с представительством от всего населения имеется представительство от отдельных политических единиц, входящих в состав целого, и где исполнительная власть построена на парламентарном начале»<sup>20</sup>. Само же «парламентарное начало», «сущность парламентаризма», сводится к тому, что «реальная исполнительная власть, ответственная за свои действия, согласована с волей законодательного собрания народных представителей: устанавливается гармония между исполнением закона, так сказать, и самим законом»<sup>21</sup>. Трудно эти слова понять иначе как указание на обязательность формирования исполнительной власти непосредственно представительным органом или с его согласия.

«На противоположном конце ряда, — писал С. А. Котляревский, — стоят государства с представительством высокого ценза (Швеция, Венгрия) и с особенно ограниченной компетенцией парламента (Пруссия, Япония). Очевидно, в эту группу нам приходится отнести и Россию, перешедшую теперь

<sup>17</sup> Котляревский С. А. Конституционное государство. Опыт политико-морфологического разбора. СПб.: Издание Г. Ф. Львовича, 1907 (далее — Котляревский С. А. Конституционное государство).

<sup>18</sup> Там же. С. 212.

<sup>19</sup> Там же. С. 234.

<sup>20</sup> Там же. С. 177.

<sup>21</sup> Там же. С. 189.

к конституционному режиму. Хотя закон 11 декабря 1905 г. значительно расширил избирательное право против закона 6 августа, однако результаты этого расширения существенно парализуются многостепенностью выборов, сословно-классовыми перегородками, отсутствием всеобщего пассивного права... Компетенция же представительства ограниченнее, чем в каком-либо из европейских государств»<sup>22</sup>. Государства, входящие в группу, к которой, по оценке С. А. Котляревского, должна быть причислена Россия, все сходны с ней по важнейшим признакам, это «группа конституционных государств так называемого дуалистического типа. Здесь министерство — исполнительная власть — может не соответствовать определенному большинству народного представительства: оно здесь внепартийное и опирается не на доверие законодательного органа, а на волю главы государства»<sup>23</sup>. Приведя доказательства принадлежности Пруссии к этому типу конституционных государств, Котляревский указывает, что сходны с нею Австрия, немецкие государства, Швеция и Дания, государства Пиренейского и Балканского полуостровов, Япония, и делает важное наблюдение: «Очевидно, политический дуализм свойствен по преимуществу конституциям октроированного типа и не соответствует духу государственного устройства, в основу которого положен принцип народного суверенитета». Повторно отмечается сходство России с указанными государствами: «Очевидно, к этому же типу должна быть отнесена Россия, где права народного представительства так скудно отмерены законом 20 февраля 1906 г. Здесь говорится о праве (чрезвычайно, впрочем, мало действительном) Думы следить за законностью действий министров (Учреждение Государственной Думы, ст. 58), но ничего не говорится о наблюдении за целесообразностью их действий»<sup>24</sup>.

Остановившись на важнейших разделах конституционного законодательства различных стран, С. А. Котляревский отмечал то общее, что было присуще всем монархическим конституциям, включая российскую, — провозглашение прав подданных; двухпалатное построение представительного органа; декларирование безответственности монарха; наличие как у исполнительной власти, так и у представительного органа права законодательной инициативы; участие монарха в законодательстве и наделение его правом созыва и роспуска представительного органа. Вместе с тем обозначались и отличия, присущие российским Основным законам: исключительный почин монарха в деле их пересмотра, ограниченность избирательного права («Положение о Государственной Думе стоит, несомненно, дальше от типа представительства всей нации, чем австрийский избирательный закон»), узость полномочий представительства в бюджетной сфере («этот закон (8 марта 1906 г. — Б. Д.) сводит <...> право народных представителей определять общий ход государственного хозяйства

<sup>22</sup> Там же. С. 178. Очевидно, что труд С. А. Котляревского был написан и издан до государственного переворота 3 июня 1907 г.

<sup>23</sup> Там же. С. 204.

<sup>24</sup> Там же. С. 205–207.

к крайне малому — еще гораздо меньшему, чем в воздействии на законодательство»), необеспеченность права думских запросов во всей его полноте»<sup>25</sup>. Но главная мысль С. А. Котляревского состояла в том, что при внешней схожести большинства конституций в важнейших сферах — провозглашение прав подданных, введение чрезвычайных положений, право монаршего вето и некоторых других — сущностное различие между ними состоит в организации отношений между представительством и исполнительной властью: «Тексты конституций очерчивают приблизительно одинаковую сферу воздействия представительных собраний, <...> главное различие здесь не выражается в этих текстах, — различие, соответствует ли исполнительная власть господствующему большинству представительного собрания»<sup>26</sup>.

Таким образом, даже краткое изложение основных мыслей труда С. А. Котляревского позволяет прийти к выводу, что он доказательно и обоснованно отнес российские Основные законы 1906 г. к числу конституций дуалистических монархий, стоявших лишь в начале своего пути к парламентаризму. Более того, целый ряд наблюдений, сделанных автором, убеждает в том, что воплощение в российском законодательстве начал западного конституционализма было вовсе не механическим, оно было осуществлено путем целенаправленной переработки этих начал в сторону воспроизведения их «самых темных сторон».

Стремление выставить именно их напоказ нарочито проступало в статье К. А. Пажитнова, принадлежавшего к левому лагерю. Он поставил вопрос, который представлялся решенным после 17 октября 1905 г., но «снова вернулся на очередь» после 3 июня 1907 г.: «Что такое конституция и существует ли она в России?». Ответ на этот вопрос предлагалось искать с учетом отказа от немецкой юридической традиции и на основе признания того мнения, что «не всякие основные законы заслуживают названия конституции, а только те из них, которыми устанавливается участие самого народа в определении воли государства». Кроме того, К. А. Пажитнов выдвигал и еще один критерий существования конституции: «Конституция только тогда является конституцией, т. е. обеспечивает господство законности в стране, когда она создает гарантии против ее нарушения». Отсутствие у Основных законов Российской империи таких гарантий объявлялось очевидным фактом и для доказательства этого предлагалось «сопоставить русскую конституцию с другими соответствующего типа, т. е. также пожалованными свыше». Для сопоставления были взяты конституции крупных государств — Австрии, Пруссии, Италии и «французская хартия 1814 г., которая послужила образцом для многих стран». В них имелись обязательства монархов приносить присягу «сохранять ненарушимо конституционные законы». Юридическое значение монаршей клятвы К. А. Пажитнов видел в закреплении ею принципиального различия между «самодержавным

<sup>25</sup> Котляревский С. А. Конституционное государство. С. 49, 110, 166, 226, 171–172.

<sup>26</sup> Там же. С. 176–177; см. также с. 85–89, 212–213, 216–223, 226.

образом правления» и «конституционным строем» — при абсолютизме законы обязательны только для подданных, а при конституции «обязанность подчинения законам распространяется на всех без исключения». В конституциях европейских монархий содержались статьи об участии представительных органов в привлечении к суду министров, а также их подчиненных; в процедуре введения исключительных положений; в утверждении бюджета в качестве закона. Кроме того, обращалось внимание на присутствие в западных конституциях статей о независимости и несменяемости судей. К. А. Пажитнов подчеркивал, что ничего подобного не было в российских Основных законах. Вместе с тем воспроизведению в них статей о законодательных полномочиях Думы и о министерской контрассигнации он придавал большое значение. Изначальное заявление автора о том, что «из всех октроированных русская конституция — самая куцая», подкреплялось указанием на государственный переворот 3 июня и делался вывод: «Лишенная реальных гарантий, русская конституция вместо того, чтобы служить оплотом и защитой граждан, сама оказалась совершенно беззащитной!»<sup>27</sup>. Таким образом, К. А. Пажитнов не столько искал черты сходства российских Основных законов с европейскими конституциями и выявлял заимствования, сколько, напротив, предпочитал указывать на те начала западноевропейского конституционализма, которые остались невостребованными в России при составлении для нее конституции. С этих позиций, вряд ли свободных от политической ангажированности, он одним из первых отметил, что конституционность признана в России «*формально*» (курсив автора. — Б. Д.).

В 1912 г. вышла в свет вторая книга С. А. Котляревского, уже специально посвященная изучению российских Основных законов<sup>28</sup>. В ней прямо ставилась задача отметить «характерные особенности, отличающие наши Основные законы среди других конституций по распределению компетенции между различными государственными органами и прежде всего по компетенции вновь создаваемого народного представительства»<sup>29</sup>. Главное внимание уделялось трем функциям представительных органов — законодательной, бюджетной и контролирующей управление.

Относительно законодательных полномочий представительства С. А. Котляревский отмечал, что вне компетенции Государственной Думы и Государственного Совета остаются военная и военно-морская сферы, церковное управление и служебное законодательство. Как следствие, «установление общих норм предоставляется русской Государственной Думе и Государственному Совету в меньшем объеме, чем это обычно имеет место при конституционном строе

<sup>27</sup> Пажитнов К. А. К вопросу о русской конституции // Образование. 1907. Декабрь. С. 96, 100–108.

<sup>28</sup> Котляревский С. А. Юридические предпосылки русских основных законов. М.: Типография Г. Лисснера и Д. Собко, 1912 (далее — Котляревский С. А. Юридические предпосылки).

<sup>29</sup> Там же. С. 10. Очевидно, что С. А. Котляревский подходил к изучению государственного права России с противоположной позиции по сравнению с С. А. Егизаровым.

относительно законодательных органов»<sup>30</sup>. Оценку компетенции «народного представительства» в сфере законодательства как ограниченной Котляревский обосновывал не только перечислением тех сфер, в которых правила устанавливались монархом единолично, но и обозначением предметов, входивших в сферу его «верховного управления». Прежде всего обращалось внимание на отсутствие всякого участия российского представительного органа в процедуре заключения международных договоров, чего уже не было в большинстве европейских конституций. Именно по этому поводу Котляревский указал: «Русские Основные законы дают праву монарха такую же постановку, что и французская Хартия 1814 г. и ранние конституции второстепенных немецких государств»<sup>31</sup>.

Ст. 15 Основных законов, предоставлявшую единственно монарху полномочия вводить исключительные положения, С. А. Котляревский расценивал как их важное отличие от европейских конституционных актов. Более того, было показано ограничивающее влияние этой статьи, во-первых, на компетенцию представительства в сфере контроля над действиями исполнительной власти: «...признание незакономерности акта в силу *detournement de pouvoir*, которое именно при исключительных положениях легко становится обычным явлением, чуждо нашей судебной-административной практике», поэтому и запросы о незакономерности действий власти, на которые только и имела право Государственная Дума, не могли иметь большого значения. Во-вторых, оно сказывалось даже на законодательной компетенции представительства. Хотя и как бы мимоходом, в подстрочном примечании, но Котляревский отметил: «Пока материальные нормы исключительных положений не установлены в законодательном порядке, в значительной части России могут бездействовать все законы, изданные в порядке ст. 86-й и определяющие права граждан»<sup>32</sup>.

Широкое истолкование судебной власти монарха ст. 23, в которой говорилось «о даровании милостей в случаях особых» им единолично, характеризовалось как совершенно уникальное для государственного права: «Здесь даются совершенно своеобразные правомочия, не встречающие параллелей в западных конституциях». В связи с этим стояло, по мнению С. А. Котляревского, и устранение представительства от участия в восстановлении прав амнистированных лиц, «между тем как даже прусская конституция (ст. 49) требует для аболиции согласия ландтага»<sup>33</sup>.

С. А. Котляревский считал важным участие представительства в осуществлении законодательства, включая пересмотр Основных законов. Однако подчер-

<sup>30</sup> Котляревский С. А. Юридические предпосылки. С. 37 \231\. Здесь и далее в косых скобках даны ссылки на страницы по изданию Котляревский С. А. Конституционное государство. Юридические предпосылки русских Основных законов / Под ред. и с предисл. В. А. Томсинова. М.: Зерцало, 2004.

<sup>31</sup> Там же. С. 38 \232\.

<sup>32</sup> Там же. С. 41–43 \233–235\.

<sup>33</sup> Там же. С. 49 \238\.

квивал, что принадлежность инициативы их изменения исключительно монарху и устранение инициативы представительства «стоят здесь совершенно особняком», не имея аналогов в европейских конституциях. Напротив, предоставление Думе права законодательной инициативы трактовалось как следование современным европейским конституциям, а не французской Хартии 1814 г. и немецким конституциям первой четверти XIX в., в которых это право отрицалось. Указание на то, что думское «право инициативы крайне ограничено и до известной степени нейтрализовано преимущественным правом министра», было снабжено пояснением об упрощении пользования им на практике и повсеместным преобладанием роли правительства в разработке законопроектов. Наличие ст. 87, писал С. А. Котляревский, «достаточно объясняется примером европейских конституционных норм»<sup>34</sup>. Таким образом, отмечались не только отличия Основных законов от европейских конституций, но черты сходства между ними.

Компетенция российского представительства в сфере бюджета, очерченная не Основными законами, а правилами 8 марта 1906 г. и Учреждением Государственной Думы от 20 февраля 1906 г., по мнению С. А. Котляревского, была установлена исходя «из противопоставления закона и бюджета, столь распространенного в немецкой юридической литературе». Его воспроизведение в российском законодательстве 1905–1906 гг. привело к тому, что о бюджете не было упомянуто в Манифесте 17 октября, а Основные законы не получили «вовсе <...> общей статьи, устанавливающей право Думы и Совета рассматривать бюджет. Бюджетные полномочия Думы и Совета как бы предполагаются, но не ясно, в каких пределах». Ссылаясь на французского автора Пьера Шаля (P. Chasles), С. А. Котляревский отмечал: «В этом смысле правила 8-го марта не могут быть сопоставимы с западноевропейскими конституционными и законодательными текстами». Заимствование юридической идеи позволило обойтись без заимствования важнейшего начала конституционализма: «...в огромном большинстве конституций утверждается общее право парламента ежегодно вотировать приходный и расходный бюджет». По этому поводу особо отмечалось: «То же мы встретим и в конституциях строго монархического типа, как прусская»<sup>35</sup>.

Переходя к характеристике предоставленной российскому представительству компетенции в сфере контроля над управлением, С. А. Котляревский прежде всего констатировал повышение востребованности именно этой компетенции в деятельности современных ему государств: «По мере того, как нити законодательной и бюджетной работы всё в большей степени сосредотачиваются в руках правительства, вырастает относительное значение контроля, направленного на закономерность и целесообразность правительственных действий»<sup>36</sup>. Но в Основных законах, как было показано далее, эта тенденция

<sup>34</sup> Там же. С. 52–53, 56–58, 60–61 \239–247\.

<sup>35</sup> Там же. С. 74–79, 86–89 \252–257, 261–264\.

<sup>36</sup> Там же. С. 91 \264\.

учитывалась в иной степени, чем в конституциях европейских государств. Государственная Дума не имела права «возбуждать судебные преследования против министерства — права, принадлежащего большинству западноевропейских представительных собраний». Оно присутствовало не только в конституциях прусской и австрийской, но имелось еще «во французской Хартии 1814 г. (параграф 9)». Дума не могла проводить парламентские расследования, принимать петиции; предоставленное ей право обращаться с вопросами к министрам не предполагало законодательно установленной «обязанности министров и главноуправляющих давать ответы, не говоря уже о том, что признанная неудовлетворительность ответа не влечет за собой никаких дальнейших последствий». Дума была наделена правом запросов, но единственно по поводу незаконных действий министров и других должностных лиц. Относительно «понятия “незаконность”» С. А. Котляревский не преминул повторно отметить, что оно в российской государственной жизни «значительно более узкое, чем в типичном, так сказать, конституционном праве — именно в силу расширения у нас за счет области законодательства — области верховного управления», не говоря уже «об исключительных положениях, где злоупотребление полномочиями власти не дает обычно возможности ссылаться на формальную закономерность». Котляревский подчеркивал, что «в контроле над управлением русское народное представительство остается совещательным, <...> признание с его стороны действий министра незаконными никакого обязательного значения не имеет, никакими юридическими последствиями не сопровождается». На основании всего этого делался вывод: «Ограниченность формулированной здесь компетенции Думы и Совета бросается в глаза, если сопоставить с обычными постановлениями конституций хотя бы дуалистического типа»<sup>37</sup>. Это, подчеркивал Котляревский, и являлось «самым ярким <...> отличием, совершенно выделяющим русские Основные законы из ряда обычных конституций» — «отрицание в них всякой ответственности министров перед народным представительством».

На основании выявленных черт сходства и отличия Основных законов от европейских конституций в трех сферах компетенции представительных органов С. А. Котляревский делал предварительное заключение: «Правомочия Государственной Думы и Государственного Совета значительно менее широки, чем это соответствует типическому конституционному порядку»<sup>38</sup>. Затем им были охарактеризованы другие элементы российского конституционного строя. Отмечалось отсутствие в законе гарантий возобновления занятий Го-

<sup>37</sup> Котляревский С. А. Юридические предпосылки. С. 94–99, 100–103 \267–271\. По поводу Германской конституции делалась оговорка — в ней право интерпелляции не упоминалось, но его признавали параграфы 32 и 33 наказа Рейхстага, причем на практике даже допускались депутатские запросы по поводу целесообразности действий исполнительной власти, что исключалось для депутатов Думы.

<sup>38</sup> Там же. С. 110–111 \276\.



сударственной Думы после ее роспуска царским указом — не было воспроизведено существовавшее в прусской конституции определение конкретных сроков созыва представительства, зато позаимствовано было существовавшее в немецких конституциях первой четверти XIX в. правило, позволявшее отступать от проведения ежегодных сессий представительного органа. А вот незащищенным положение депутатов было в одинаковой степени: как и в Пруссии и Германии, депутаты в России могли подвергаться задержанию во время сессии Думы без согласия представительного органа «при самом совершении преступного деяния или на следующий день»<sup>39</sup>.

Итоговый вывод, которым С. А. Котляревский завершал свой труд, посвященный изучению российских Основных законов, состоял в том, что их сопоставление проведено «по преимуществу с данными тех конституций, которые отличаются ясно выраженным октроированным характером и построены на признании монархического принципа. Но и при таком сопоставлении нормы нашего государственного устройства выделяются своей ограничительной тенденцией в отношении прав представительных учреждений». «Это — вывод, — подчеркивал его автор, — из простого сопоставления конституционных норм, чуждого какой бы то ни было политической оценки: его должны признать одинаково и люди, считающие, что большие права народного представительства не соответствуют историческим потребностям России в данную эпоху, и люди, стремящиеся, по словам председателя первой Государственной Думы, к совершенному осуществлению тех прав, которые истекают из самой природы народного представительства»<sup>40</sup>.

Наблюдения и выводы, содержащиеся в книгах С. А. Котляревского, в том числе указание на сходство Основных законов 1906 г. с французской Хартией 1814 г. и ранними конституциями немецких государств, присутствовали в трудах и других российских государствоведов начала XX в.<sup>41</sup> В целом российская

<sup>39</sup> Там же. С. 114–115, 117, 118 \278–280, 283\.

<sup>40</sup> Там же. С. 128–129 \286–287\. Указание С. А. Котляревским на аполитичность его оценки Основных законов 1906 г. нельзя расценивать как применение расхожего приема, употребляемого именно тогда, когда политические устремления пытаются скрыть. В подстрочном примечании к цитированному выше выводу С. А. Котляревский указывал: «Констатирование отличий Основных законов от типичного конституционного порядка не есть еще политический рецепт для их изменения». Вполне понятным становится смысл этого примечания, если вспомнить, что в 1910–1912 гг., когда создавалась книга «Юридические предпосылки русских Основных законов», ученый пережил «реально произошедший перелом в мировоззрении». Он вышел из состава кадетской партии и ее ЦК в 1912 г., а за два года до этого на страницах «Московского еженедельника» опубликовал статью, в которой назвал необходимыми для представителей конституционного центра такие качества, как «очень трезвый политический реализм, дух умеренности и самоограничения, действительная моральная уступчивость». См.: *Томсинов В. А.* Сергей Андреевич Котляревский (1873–1939). Биографический очерк // Котляревский С. А. Конституционное государство. Юридические предпосылки русских Основных законов / Под ред. и с предисл. В. А. Томсинова. М.: Зерцало, 2004. С. XXX–XXXIV.

<sup>41</sup> *Зороян С. Г.* Становление дуалистической монархии в России (1906 — февраль 1917 г.). СПб.: Знание, 2010. С. 113–114, 125, ссылка 1.

юридическая наука смогла дать научные, а не конъюнктурные оценки направленности переноса в российское государственное право начал западноевропейского конституционализма. В этом особая заслуга принадлежит С. А. Котляревскому, сумевшему в своих книгах и особенно во второй из них исключить из сопоставления российского конституционализма с его западными образцами какие бы то ни было политические устремления, свойственные первым попыткам оценить Основные законы 1906 г. через их сравнение с европейскими конституциями (Г. Ф. Шершеневич, В. И. Герье, К. А. Пажитнов). Государственные реформы 1905–1906 гг. строились путем переноса в российское законодательство важнейших элементов европейского конституционного права своего времени, но перенос этот был ограниченным, благодаря чему в России обеспечивалось сохранение монархического принципа в большей степени, чем в европейских дуалистических монархиях. Вместе с тем В. М. Грибовский указал на ограниченность научного значения сравнительного изучения конституционных актов, не имеющих существенных различий между собой до тех пор, пока не затрагиваются prerogatives монархов. Но несмотря на это его указание, оценка заимствования российским государственным правом положений западноевропейского конституционализма как ограниченного получила признание, причем не только в науке, но и в политике. Именно эта оценка легла в основу концепции, согласно которой российская монархия после 1906 г. стала монархией конституционной, «хотя и наименее развитой в сравнении с другими конституционными монархиями Европы». Изданием Основных законов было положено «начало подлинного конституционализма в России и данная система могла утвердиться в случае правильного курса правящих верхов»<sup>42</sup>. А. Н. Медушевским показано политическое применение данной оценки имплементации западного конституционализма в российское законодательство и отмечено воспроизведение ее в работах научного характера, в том числе у зарубежных авторов. Противоположная политическая позиция, состоявшая в отрицании произошедшего перехода российской государственности на конституционную основу, тоже перешла из партийной публицистики в научную литературу, прежде всего советскую<sup>43</sup>. Центральным в дискуссии ученых, историков и юристов был вопрос относительно определения той формы правления, какую можно признать за третьеиюньской монархией. Вопрос, изучение которого рассматривается в настоящей статье, является его частью, и в постсоветское время, когда возросла актуальность истории российского парламентаризма, стал привлекать к себе растущее внимание, с 2000 г. приобретая в известной степени самостоятельное значение. Какие же оценки заимствования западного конституционализма в российских Основных законах 1906 г. существуют в новейшей отечественной литературе, вышедшей в свет начиная с 2000 г.?

<sup>42</sup> Медушевский А. Н. Демократия и авторитаризм: Российский конституционализм в сравнительной перспективе. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1997. С. 430–431.

<sup>43</sup> Там же. С. 432.

В 2000 г. И. А. Кравец опубликовал книгу «Конституционализм и российская государственность в начале XX в.», названную «учебным пособием». Как и положено изданию такого жанра, книга представляет собой обобщающее исследование, построенное с широким привлечением уже имевшейся литературы, не только новейшей, но и дореволюционной. Прослеживая основные этапы подготовки проекта Основных законов, И. А. Кравец отметил эпизод, когда С. Ю. Витте предложил выполнить сопоставление подготовленного в Государственной канцелярии проекта «с консервативными конституциями»<sup>44</sup>. Воспроизведение западного конституционализма в Основных законах И. А. Кравец оценивает применительно к их важнейшим разделам. Вслед за Н. И. Лазаревским, который в 1908 г. отметил «общую тенденцию (для конституционных государств. — Б. Д.) обеспечивать конституционным законам особую неприкосновенность», И. А. Кравец подчеркнул зависимость этой неприкосновенности «исключительно от усмотрения одного лица — монарха». Вместе с тем он указал на типичность данного способа обеспечения «неприкосновенности Основных законов». Их, как подчеркивает И. А. Кравец, «нельзя считать <...> оригинальным творением русских реформаторов, которые стремились оградить реформированный государственный строй Российской империи от расширения уступок, сделанных монархом под воздействием Первой русской революции. Извлеченный из недр конституционной истории Германии начала XIX века через влияние конституционного опыта Японии, он стал полноправным хранителем русской конституции начала XX века». Там, замечает И. А. Кравец, где абсолютизм шел на уступки под натиском «революционной деятельности масс», как, например, в Баварии, «конституционные формы становились <...> правовым гарантом оставшихся у монарха прерогатив. Поэтому правовые акты именовались монархическими конституциями, если они не столько закрепляли революционные завоевания народа, сколько ограждали сделанные монархической властью уступки от дальнейшего расширения»<sup>45</sup>. Данный вывод подтвержден и оценкой определенных Основными законами отношений между министрами и представительством: «Отличием российской конституции по сравнению с европейскими конституционным актами было отрицание в ней вообще всякой ответственности министров перед законодательными палатами и прежде всего судебной»<sup>46</sup>.

Солидаризируясь с известным и авторитетным исследователем государственных форм и общественной мысли А. Н. Медушевским, И. А. Кравец определяет реформированную российскую государственность как «монархический конституционализм» и отмечает, что «эта разновидность конституционной

<sup>44</sup> Кравец И. А. Конституционализм и российская государственность в начале XX века: Учебное пособие. М.; Новосибирск: ИВЦ «Маркетинг»; ООО «Издательство ЮКЭА», 2000. С. 112–113.

<sup>45</sup> Там же. С. 121.

<sup>46</sup> Там же. С. 328.

монархии первоначально реализовалась в странах Центральной и Восточной Европы, а затем в России и государствах Азии»<sup>47</sup>. Вместе с тем И. А. Кравец далек от отрицания самого факта перехода российской монархии к конституционализму. Его общая оценка заимствования в Российской империи западного опыта состоит в следующем: «Характер содержания и специфика юридической силы Основных законов 1906 года, порядок их пересмотра свидетельствуют, что с юридической точки зрения они сопоставимы с конституциями европейских государств, преимущественно раннего этапа их конституционного развития. У российских Основных законов было много общего с французской Хартией 1814 года, конституциями германских государств первой четверти XIX века»<sup>48</sup>.

В том же 2000 г., когда И. А. Кравец опубликовал свою книгу, вышла из печати и работа В. Г. Кошкидько, жанр которой определен как «научное издание»<sup>49</sup>. В ней тоже широко использовалась дореволюционная юридическая литература и была воспроизведена общепринятая для нее констатация влияния западного конституционализма на Основные законы Российской империи: «...по своему содержанию и своей юридической силе Основные государственные законы вполне соответствовали законам конституционным. Тем более при их разработке широко использовались теория и практика государственного права зарубежных стран и в первую очередь конституционных монархий: Австро-Венгрии, Бельгии, Германии, Японии»<sup>50</sup>. Вместе с тем В. Г. Кошкидько отмечал как само собой разумеющееся, что Основные законы 1906 г. «носили на себе явные следы вынужденности» и «их разработчики постарались сохранить за самодержавием как можно больше позиций в системе государственного управления. И это была нормальная реакция власти, с трудом расстающейся с неограниченными полномочиями». Данная констатация дополнялась воспроизведением мнения С. А. Котляревского: «Нормы нашего государственного устройства выделяются своей ограничительной тенденцией в отношении права представительных учреждений». Но раскрыть эту «ограничительную тенденцию» современный автор, в отличие от дореволюционного ученого, не пытался, довольствуясь определением государственного строя, установившегося в результате конституционных реформ 1905–1906 гг., как дуалистической монархии<sup>51</sup>.

Ее установление в России после 1906 г. не отрицал и О. А. Кудинов, чья монография вышла из печати в том же 2000 г. Однако он при этом отмечал: «Назвать Основные государственные законы в редакции от 23 апреля 1906 г. конституцией в точном смысле этого понятия нельзя, ибо такие основополагающие принципы конституционализма, как народный суверенитет и разделение властей,

<sup>47</sup> Кравец И. А. Конституционализм и российская государственность в начале XX века. С. 314.

<sup>48</sup> Там же. С. 122.

<sup>49</sup> Кошкидько В. Г. Представительная власть в России: формирование и функционирование: научное издание. М.: Университетский гуманитарный лицей, 2000.

<sup>50</sup> Там же. С. 40.

<sup>51</sup> Там же. С. 41–43.

в указанном нормативном акте отсутствовали. Вместо народного суверенитета презюмировался суверенитет монарха». Автор склонен объяснять неполноценность российского конституционализма начала XX в. тем, что «Основные законы <...> были документом компилятивным», а одной из «базовых моделей», использовавшихся при их создании, являлась конституция Германской империи 1871 г., названная «худшей в Европе», «утвердившей недолговечную дуалистическую монархию». По оценке О. А. Кудинова, «для своего времени Основные государственные законы 1906 г. были одним из самых консервативных конституционных актов в мире»<sup>52</sup>. Детального разбора заимствований, впрочем, в монографии не проводилось. Отмечалось лишь сходство избирательного законодательства в России с австро-венгерской куриальной моделью<sup>53</sup>.

Издание книг таких авторов, как И. А. Кравец, В. Г. Кошкидько и О. А. Кудинов, можно считать скорее возвращением к изучению темы о заимствовании западноевропейского конституционного опыта при создании Основных законов Российской империи, чем ее оригинальной разработкой, предпринятой без учета сделанного ранее. В этих трудах сохранялась преемственность с дореволюционной юридической литературой, воспроизводились содержащиеся в ней выводы и оценки. Однако новые сочинения, посвященные этой теме или затрагивающие ее, в том числе диссертации, которым по определению должна быть свойственна новизна выводов и наблюдений, продолжали появляться.

В 2002 г. был напечатан и разослан автореферат диссертации В. В. Виноградова. В нем повторялся один из выводов, имеющих в книге, которую опубликовал И. А. Кравец: «...совокупность прав русского монарха отличалась от типичного объема полномочий европейских конституционных монархов начала XX в. и в большей мере соответствовала их правам по конституциям начала XIX в. во Франции и в германских государствах»<sup>54</sup>. Сопоставляя правила формирования состава Государственного Совета как верхней палаты представительного органа с теми, что имелись в западноевропейских конституциях для верхних палат, В. В. Виноградов нашел их «более демократическими» — они не предусматривали наследственного членства для представителей правящей династии. Общая характеристика российского государственного строя не отличалась оригинальностью: «...российский конституционализм начала XX в. относится к дуалистическому типу конституционализма в форме дуалистической монархии»<sup>55</sup>.

В 2003 г. был разослан автореферат диссертации С. В. Богданова. В нем тоже указывалось на заимствования, сделанные составителями Основных законов из конституций европейских стран, в том числе Франции и Швеции, и делалось

<sup>52</sup> *Кудинов О. А.* Конституционные реформы в России в XIX — начале XX в.: Монография. М.: Изд-во Института молодежи «Социнформ», 2000. С. 45, 51–52.

<sup>53</sup> Там же. С. 61.

<sup>54</sup> *Виноградов В. В.* Становление конституционализма в монархической России: Автореферат дис. ... канд. юр. наук. Волгоград, 2002. С. 21.

<sup>55</sup> Там же.

уже известное в литературе наблюдение: «...важная особенность Думы по сравнению с западноевропейскими представительными органами состояла в значительном ограничении ее бюджетных прав»<sup>56</sup>. Основной вывод, который делает С. В. Богданов, состоит в том, «что формирование и функционирование законодательных органов в России, наряду с использованием зарубежного опыта, происходило в условиях сохранения старых традиций властных отношений. При этом мировая история показывает, что представительные учреждения могут успешно функционировать в странах с различным политическим строем, не только в республиках, но и монархиях. Принципиальное значение имеет вопрос о том, является ли парламент механизмом реального влияния общества на власть. Та роль, которая была предоставлена Думе и Госсовету, оказалась для этого недостаточной»<sup>57</sup>. Данный вывод трудно понять и интерпретировать иначе, нежели как признание автором того, что заимствование начал западного конституционализма было приспособлено к сохранению «старых властных отношений», но вместе с тем было не так уж важно само по себе, поскольку на практике возможно было предоставить органу общественного представительства влиять на власть, даже если это не соответствовало букве конституционного акта. Как известно, надежды на укоренение парламентских практик при сохранении препятствовавших их существованию законодательных установок высказывались в российской научной и публицистической литературе начала XX в. неоднократно.

Теме воспроизведения германских образцов в российском конституционализме уделено важное место в монографии Г. И. Мусихина. Отметив, что задолго до 1905 г. «мотив европейских заимствований достаточно часто звучал среди либерально настроенной бюрократии» в России, автор провел исследование, чтобы сравнить «реальность политического господства в России с “германским вариантом”»<sup>58</sup>. В результате он сформулировал с учетом мнения А. Н. Медушевского обобщающее суждение: «По сути дела в России был воспроизведен монархический конституционный принцип политического господства, выработанный в Германии в ходе ее объединения Бисмарком. Основа этого подхода состояла в выведении монарха и подотчетного ему правительства из-под реального конституционного контроля. Монарх при этом являлся носителем государственного суверенитета, высшим арбитром по любым важнейшим политическим вопросам, а также гарантом самой конституции, которая приобретала в связи с этим характер дарованных сувереном прав и свобод. То есть монархический конституционализм отнюдь не означал конституционную монархию, так как ограничивал не столько всевластие монарха, сколько могущество

<sup>56</sup> Богданов С. В. Национальный и зарубежный опыт в формировании и функционировании Государственной Думы и Государственного совета в начале XX века: Автореферат дис. ... канд. ист. наук. М., 2003. С. 22, 26.

<sup>57</sup> Там же. С. 30–31.

<sup>58</sup> Мусихин Г. И. Власть перед вызовом современности: Сравнительный анализ российского и немецкого опыта конца XVIII — начала XX веков. СПб.: Алетей, 2004. С. 242, 246.

конституции, которая была лишь просвещенным *инструментом* (курсив автора. — Б. Д.) политического господства, а не источником последнего»<sup>59</sup>. Как можно заметить, Г. И. Мусихин, в сущности, отказывается ставить знак равенства между понятиями «монархический конституционализм» и «конституционная монархия», игнорируя устанавливавшиеся в конституционных актах ограничения власти монархов. Вместе с тем ему удалось показать направленность переноса германских принципов построения отношений представительства с монархом на российскую почву — оставить за царем максимальные возможности принимать «важнейшие политические решения» без участия представителей общества и даже без их согласия. При таком подходе, воспроизведенном в России, «представительные органы де-факто были лишь собраниями привилегированных адресатов властного воздействия, а не носителями власти»<sup>60</sup>.

Очень созвучной монографии Г. И. Мусихина по терминологии и выводам оказалась диссертация О. В. Погожевой. Ею, как сказано в автореферате, было проведено изучение конституций целого ряда европейских стран и обращено внимание на ограниченность заимствований, сделанных из них составителями российских Основных законов. Не нашедшие в них воплощения важнейшие положения западноевропейского государственного права отмечены О. В. Погожевой, как, впрочем, и ее предшественниками: возможность изменять конституцию помимо и вопреки воле монарха; судебная ответственность министров перед палатами и т. п. По мнению автора, Основные законы ограничивали права Государственной Думы, зато предоставляли «монарху руководствоваться исключительно собственной волей». «На основании анализа правовых основ отношения императора с законодательными органами России и их сравнения с аналогичными нормами конституционных стран» О. В. Погожева, во-первых, признала, что Основные законы «могут быть сопоставимы с конституциями европейских государств только раннего этапа их конституционного развития», а во-вторых, пришла к выводу, что «в России не смогла установиться конституционная монархия. Скорее, можно вести речь об устойчивой тенденции развития политико-правовой системы государства в этом направлении, выразившейся в создании дуалистической монархии»<sup>61</sup>. Здесь современный автор явно порывает с научной традицией, согласно которой конституционная монархия — более общее понятие, а дуалистическая монархия — одна из двух ее разновидностей.

Вне руслу научной традиции, заложенной еще дореволюционными государствоведами, попытались поместить свою книгу Н. Б. Селунская и Р. Тоштендаль. Она, по их мнению, «представляет новый взгляд на развитие России на завершающем этапе истории самодержавия». Авторы поставили перед собой цель сравнить «Россию с остальной Европой с точки зрения развития формальной

<sup>59</sup> Там же. С. 252.

<sup>60</sup> Там же. С. 269.

<sup>61</sup> Погожева О. В. Монархия как форма правления в Российской империи (историко-правовой аспект): Автореферат дис. ... канд. юр. наук. Ростов-на-Дону, 2004. С. 18–20.

демократии и системы правления». Постановка такой цели, уже ранее многократно предпринимавшаяся в литературе, как признают сами Н. Б. Селунская и Р. Тоштендаль, оправдывается ими, во-первых, указанием на то, что их предшественники чаще проводили сравнение «политической системы России» с английской и французской «на более ранних стадиях их политического развития», тогда как «гораздо реже можно встретить сравнение России периода 1905–1907 гг. с остальными странами Западной Европы того же периода, и особенно с автократическими монархиями Центральной Европы или же со странами севера и юга Западной Европы, позднее вступившими в стадию индустриального развития»<sup>62</sup>. Во-вторых, намерением «выяснить, действительно ли Россия отставала от Западной и Центральной Европы с точки зрения формы правления и развития демократической культуры, как это часто утверждается в литературе»<sup>63</sup>. Сравнение Н. Б. Селунской и Р. Тоштендалем проведено «на двух уровнях: сначала со многими странами Западной Европы, а затем с двумя другими империями Европы — Германией и Австро-Венгрией». Для сравнительного анализа выбрано 11 аспектов, из которых пять составляют основы конституционного строя, включая избирательную систему<sup>64</sup>. Сравнительный анализ, проведенный на первом уровне, позволил авторам сделать вывод о том, что нигде в Европе не было «полной развитой формальной демократии», а поэтому хотя «Россия не была на одном уровне с ведущими странами Европы по показателям демократического развития» и ее в этом отношении опережали «даже менее экономически развитые страны», тем не менее «различия между Россией и странами Западной Европы не были столь существенными и часто преувеличивались». Н. Б. Селунская и Р. Тоштендаль отмечают типичность существования ограниченных полномочий у представительств в европейских конституционных государствах, поэтому, по их мнению, можно говорить, «о соответствии» Государственной Думы «парламентам других стран». Россию отличало «положение главы государства» — «царь не расстался со своей абсолютной властью», тогда как в других странах всевластие монарха было уже «мифом», хотя и тщательно культивируемым<sup>65</sup>.

Итогом сравнения России с Германией и Австро-Венгрией стало утверждение об однотипности политических систем всех трех империй: в них «недостаточность развития формальной демократии и системы правления были очень схожими, иногда до такой степени, что возможно предположить наличие взаимовлияния между ними. Таким образом, реформы 1905–1907 гг. обусловили принадлежность России к «имперской группе» стран, которые отчасти адаптировались к потребностям общества в институтах демократического типа, а отчасти — стремились

<sup>62</sup> Селунская Н. Б., Тоштендаль Р. Зарождение демократической культуры: Россия в начале XX в. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2005. С. 7, 13, 256.

<sup>63</sup> Там же. С. 261.

<sup>64</sup> Там же. С. 256, 260.

<sup>65</sup> Там же. С. 288–289.



использовать «аналогичные методы сохранения монархического правления»<sup>66</sup>. Вместе с тем Н. Б. Селунская и Р. Тоштендаль, основываясь на приведенных ими фактах, отмечали: «Есть основания утверждать, что в России никогда не было конституционной системы правления в собственном смысле слова. Это утверждение может быть продолжено в плане констатации *огромных* (курсив автора. — Б.Д.) различий между Российской империей на последнем этапе ее существования и Германией, Австрией (а также другими монархиями Западной Европы, такими как Бельгия, Нидерланды, Дания и Швеция). Там монарх вынужден был принять некоторые ограничения своей власти в области внутренней политики», в том числе «в назначении министров». Положение царя, «так, как оно было определено в Основных законах, давало ему больше личной власти по сравнению с той, которую имели императоры Германии и Австрии»<sup>67</sup>.

Таким образом, Н. Б. Селунская и Р. Тоштендаль смогли показать, что российская конституционная модель формировалась путем заимствований принципов монархических конституционных актов, принятых в центрально-европейских империях, и наряду с ними Россия формально была сопоставима с другими ограниченными монархиями. Но доказать преувеличенность мнений об относительной отсталости российской модели даже от германской и австро-венгерской им не удалось, их собственные оценки подтверждали тот же вывод.

Уже после того, как должна была выйти из печати книга Н. Б. Селунской и Р. Тоштендаля, был разослан автореферат кандидатской диссертации А. Р. Пустовалова. Он обратился к изучению «идей конституционализма», т. е. истории российской политико-правовой мысли, и тем не менее счел нужным подвергнуть анализу «процесс выработки, обсуждения и принятия юридических актов, составивших правовую основу государственной реформы, вследствие которой возникла система монархического конституционализма в России». Характеристика этой системы дана в автореферате путем сравнения ее с западноевропейскими аналогами: «Характер содержания и специфика юридической силы Основных законов 1906 г., порядок их пересмотра свидетельствуют, что с юридической точки зрения они сопоставимы с конституциями европейских государств преимущественно раннего этапа их конституционного развития. У российских Основных государственных законов 1906 г. было много общего с французской Хартией 1814 г., конституциями германских государств первой четверти XIX века, конституцией Японии 1889 года»<sup>68</sup>. Нетрудно заметить, что заключение А. Р. Пустовалова дословно повторяет вывод, который с учетом результатов изучения Основных законов в дореволюционной литературе сделал И. А. Кравец, причем воспроизведению этого суждения не помешали появившиеся после 2000 г. исследования.

<sup>66</sup> Там же. С. 296–297.

<sup>67</sup> Там же. С. 303–305.

<sup>68</sup> Пустовалов А. Р. Развитие идей конституционализма в русской политико-правовой мысли XIX — начала XX веков: Автореферат дис. ... канд. юр. наук. М., 2006. С. 19–20.

Не пытаясь определить степень полноты и основательности уже достигнутых предшественниками результатов сравнительно-правового анализа Основных законов и западноевропейских конституций, обратился к его очередному осуществлению Р. А. Циунчук. В своей статье, явно имеющей обобщающий характер, он поставил цель «обозначить общее и особенное в думской парламентской модели представительства»<sup>69</sup>. Отметив запоздалость учреждения представительного органа в России путем его октроирования, Р. А. Циунчук последовательно провел сравнение российского законодательства с западноевропейскими конституциями «по нескольким важнейшим типологическим направлениям». Очевидно, был применен подход, использовавшийся дореволюционными государствоведами в своих трудах, на которые ссылается автор. Им обращено внимание прежде всего на то, что Основные законы не заимствовали из актов даже самой ранней эпохи европейского конституционализма «юридических обязательств» монарха их соблюдать. Не были в них включены и присущие европейским конституционным актам полномочия представительных органов инициировать их пересмотр. Р. А. Циунчук указал также на отказ составителей российских Основных законов перенести в них общепринятые в Европе термины «конституция», «палаты», дать «четкие нормативные определения частей общественного представительства».

Считая важнейшим критерием для типологии Государственной Думы избирательную систему, автор обоснованно указывает на тенденцию к расширению избирательных прав населения в западноевропейских государствах на протяжении второй половины XIX — начала XX в. Российская куримальная модель оценивается как следование австрийскому образцу, но дополненному ограничениями, в частности запретом выдвигать выборщиков из другой курии. По оценке Р. А. Циунчука, российская избирательная система «перекликалась с устаревшими избирательными моделями германских государств». Но даже такая модель была регрессивно изменена Положением о выборах 3 июня 1907 г.<sup>70</sup>

Относительно режима работы общественного представительства российское законодательство воспроизводило положения прусской конституции 1850 г. и конституций других государств. Однако заключавшиеся в них четкие правила, указывает автор, в России отсутствовали. Если права депутатов, структура и принципы работы Думы были установлены и на практике менялись «по примеру европейских парламентов», то полномочия, предметы ведения и их объем, по наблюдениям Р. А. Циунчука, далеко не во всем воспроизводили достижения западноевропейского конституционализма. Функционирование Думы «концентрировалось в рамках текущего законодательства и экономико-хозяйственного регулирования», допуская влияние ее на бюджетную политику, но оставляло «вне

<sup>69</sup> Циунчук Р. А. Европейские парламенты и российская Дума начала XX века: сравнительно-правовой анализ // Имперские и национальные модели управления: российский и европейский опыт: Сб. материалов Международной научной конференции / Науч. ред. А. О. Чубарьян. М.: ИВИ РАН, 2007. С. 39.

<sup>70</sup> Там же. С. 40–46.

контроля сбор и расходование значительных средств». В сфере внешней политики российские Основные законы ничего не позаимствовали из европейских конституций, предоставив всю полноту действий монарху и являясь «исключением из правил». По поводу такой особо значимой сферы парламентских полномочий, как «право парламентского контроля за действиями правительства и администрации», отмечено воспроизведение в Российской империи дуалистической модели, при которой «состав министров не обязательно отражал состав парламентского большинства». Вместе с тем признается, что «набор полномочий для контроля за закономерностью действий властей» у палат российского представительства был «минимальный» (о контроле над целесообразностью вообще не упомянуто).

На основании проведенного Р. А. Циунчуком «сравнительно-правового анализа» сформулированы восемь выводов. Среди них — повторение оценки соотношения Основных законов Российской империи с западноевропейскими конституциями, данной еще дореволюционными исследователями: «типологически» Основные законы 1906 г. сближались «с устаревшими к XX веку образцами наиболее консервативных монархических конституций (конституционная Хартия Франции 1814 г. и конституции германских государств начала XIX в., конституционный акт Пруссии 1850 г., конституционные законы Австрии 1867 г.)». С представительными органами Пруссии и Австрии сходным было российское представительство по объему своих полномочий. Указав и на имевшиеся между Основными законами и конституциями западноевропейских дуалистических монархий различия, Р. А. Циунчук в итоге признает, что «думская модель выборного законодательного народного представительства <...> по своей сущности, по формально-юридическим характеристикам вполне могла встать в один ряд с зарубежными парламентами XIX — начала XX века»<sup>71</sup>. Но указать, какое же место в этом ряду может быть отведено думской модели, Р. А. Циунчук, в отличие от С. А. Котляревского, не решился.

В опубликованной в 2008 г. объемной монографии В. Е. Усанова (почти 900 страниц) ее треть занимает раздел под названием «Период практического строительства конституционных и парламентских институтов в начале XX в. (1905–1917 гг.)»<sup>72</sup>. В нем дано описание подготовки государственных реформ 1905–1906 гг., составления Основных законов, деятельности Государственной Думы и Государственного Совета, а также их внутренней организации. Сопоставление российского государственного права с европейскими образцами проведено автором спорадически и в основном воспроизводит суждения дореволюционных государствоведов — чаще Н. И. Лазаревского, а также В. М. Гессена и С. А. Котляревского. По поводу российского избирательного права В. Е. Усанов, ссылаясь на Н. И. Лазаревского, отметил, что «список отрицательных условий в русском избирательном законодательстве отличался от законов других стран большим их числом, “презумпцией виновности и вечным характером большинства лишений

<sup>71</sup> Там же. С. 49–59.

<sup>72</sup> Усанов В. Е. Становление и развитие парламентаризма в России: историко-правовое и критическое исследование: Монография. М.: ООО «Издательство “Элит”», 2008.

избирательных прав»<sup>73</sup>. Характеризуя полномочия Думы, автор указал на ограниченность ее прав в бюджетной сфере по сравнению с нижними палатами европейских представительных органов, на ее «отстранение <...> от внешней политики»; упомянул запрет принимать петиции<sup>74</sup>. Вместе с тем В. Е. Усанов нашел, что «в целом правовой статус депутатов Государственной Думы мало чем отличался от правового статуса депутатов существующих в то время европейских парламентов»<sup>75</sup>. По его мнению, и «внутренняя организация Государственной Думы походила на организацию нижней палаты любого парламента континентальной Европы»<sup>76</sup>. Имевшие место назначения на министерские и иные административные должности думских депутатов, вхождение их в правительственные коллегиальные органы — совещания и комиссии, обобщенно сочтены свидетельствами приобретения Думой возможности влиять на исполнительную власть<sup>77</sup>. В целом В. Е. Усанов ограничился разрозненными упоминаниями о чертах сходства и различия между российским государственным правом и западноевропейским, воздержавшись от общей оценки их соотношения.

Не оказалось общей оценки заимствований российским законодательством начал западного конституционализма в энциклопедической статье В. А. Демина, посвященной Основным государственным законам 1906 г.<sup>78</sup>, чего ее жанр, вероятно, и не требовал. Но автор счел нужным, во-первых, указать на общее сходство Основных законов «с зарубежными конституциями XIX в., особенно с японской, в меньшей степени — с прусской 1849 и австрийской 1861 г.». Во-вторых, им кратко перечислены отличия российского конституционализма от европейского. Отмечено, что предусмотренное Основными законами «положение о полном устранении палат от вопросов внешней политики было свойственно европейским конституциям 1-й четверти XIX в.». Затем показано, что в конституциях европейских монархий второй половины того же столетия — в отличие от российской начала XX в. — уже не предусматривалось наличие у монарха «дополнительных прав», таких как: монопольное обладание учредительной инициативой и установление гарантий против попыток представительства «бороться с правительством путем отклонения бюджета или призыва новобранцев»<sup>79</sup>. Очевидно, что приведенные в энциклопедии сведения ясно указывают, что российский царь после 1906 г. имел полномочия более широкие, нежели те, что принадлежали монархам по европейским конституциям второй половины XIX в.

<sup>73</sup> Усанов В. Е. Становление и развитие парламентаризма в России. С. 255.

<sup>74</sup> Там же. С. 302, 305, 318.

<sup>75</sup> Там же. С. 279.

<sup>76</sup> Там же. С. 418.

<sup>77</sup> Там же. С. 327. Как представляется, такое мнение требует конкретно-исторического обоснования.

<sup>78</sup> Демин В. А. Основные государственные законы // Государственный совет Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М.: РОССПЭН, 2008. С. 192–195.

<sup>79</sup> Там же. С. 193.

Иное мнение по этому вопросу попытался представить С. В. Куликов. В своей статье 2009 г. он предпринял еще один «сравнительный анализ» с целью дать характеристику полномочий монарха, установленных западными конституциями и российскими Основными законами. Не вступая в развернутую полемику со своими предшественниками, уже проводившими такой же «анализ» и предложившими на его основе свои оценки, С. В. Куликов счел возможным декларировать, что «в законодательстве Основные законы закрепляли за царем те же самые права, которые имели и прочие конституционные монархи, как парламентарные, так и дуалистические». Сходными были полномочия российского императора и глав европейских монархий в судебной сфере. Оставаясь на почве фактов, автор не смог приравнять пространство царской власти в сфере управления к тем возможностям, какими по закону пользовались правители империй и королевств на Западе: «...в управлении полномочия самодержца были сравнительно более обширными, иногда в максимальной степени воплощая идею дуалистической монархии». Тем не менее в итоге С. В. Куликов формулирует вполне определенный вывод: «...полномочия самодержца применительно к указанному периоду были в большинстве случаев аналогичны полномочиям его коллег по ремеслу, причем амплитуда колебаний этих полномочий находилась между английской (парламентарной) и германской (дуалистической) моделями, ни в коей мере не знаменуя сохранение абсолютизма, отсутствие конституции или существование “псевдоконституционализма”»<sup>80</sup>.

В том же году, когда вышла статья С. В. Куликова, был разослан автореферат диссертации, посвященной сравнительно-историческому изучению становления парламентаризма в России и Германии. Ее автор, А. В. Бойко, начав с заявления о том, что Государственная Дума представляла собой «первый в российской истории парламент»<sup>81</sup>, явно проигнорировал проводившиеся в российской юридической литературе различия между парламентской и дуалистической монархиями. Тем не менее оба государства — Россия и Германия — были им отнесены к одному типу конституционных монархий. Основываясь на сравнительном анализе законодательства, А. В. Бойко отмечал черты, сходные для обеих: подконтрольность монарху верхних палат, ограниченность средств парламентского контроля — отсутствовало «право выражения вотума недоверия правительству». Различия состояли в отсутствии у Государственной Думы учредительной власти, которой обладал германский рейхстаг; в праве законодательной инициативы: «В Германской империи оно возлагалось на сам парламент, а в России фактически находилось в руках монарха и подчиненного ему правительства».

<sup>80</sup> Куликов С. В. Институт монархической власти в России и странах Европы и Азии в начале XX в.: сравнительный анализ // Диффузия европейских инноваций в Российской империи: Материалы всероссийской научной конференции. Екатеринбург, 10–11 ноября 2009 г. Екатеринбург: ИИиАУрО РАН; Банк культурной информации, 2009. С. 214–219.

<sup>81</sup> Бойко А. В. Становление парламентаризма в России и Германии в конце XIX — начале XX в.: сравнительно-правовой анализ: Автореферат дис. ... канд. юр. наук. Белгород, 2003. С. 3.

поскольку «законодательная инициатива российского парламента была запутана, обставлена такими ограничениями, при которых она теряла значительную долю своего практического значения»<sup>82</sup>. Кроме того, у Государственной Думы «реализация бюджетных прав была обставлена такими условиями, что создавалась бессмысленность отклонения бюджета»; «российское народное представительство <...> законодательно не наделялось» такими средствами парламентского контроля, как «принимать петиции и проводить парламентские расследования»; в Российской империи не были определены конкретные сроки назначения новых выборов после роспуска Думы и начала ее работы в новом составе; меньшей была защищенность думских депутатов и выборных членов Государственного Совета «от произвола монарха»<sup>83</sup>. Что касается избирательных систем, то их сравнение выявило «отставание российского варианта по степени демократизации». Считая, что обе монархии были конституционными, но «не соответствовали их классическому образу (вероятно, имеется в виду образ парламентской монархии. — Б. Д.)», А. В. Бойко вместе с тем пришел к заключению, что «российский парламент так и не смог достичь уровня развития германского аналога. Несмотря на сходство многих законодательных положений, российский вариант отличался большей долей консерватизма. Монархия боролась за идею самодержавной власти и не желала расставаться с властными прерогативами»<sup>84</sup>.

На рубеже 2000-х — 2010-х гг. тема «Российская конституционная монархия в ее сравнении с зарубежными монархическими государствами начала XX в.» оставалась востребованной у историков и юристов. В 2010 г. появились сразу три работы, посвященные ей: монография, статья и автореферат кандидатской диссертации. Увидевшая свет в 2010 г. монография принадлежит перу С. Г. Зорояна. В ней он, в отличие от многих, если не большинства современных авторов, обращавшихся к изучению Основных законов 1906 г., уделил первостепенное внимание разбору мнений своих предшественников, не ограничиваясь простым перечислением их имен. Опираясь на широкий круг исследований, начиная с дореволюционных, С. Г. Зороян дал последовательный анализ законодательства, определившего форму правления российского государства после 1906 г. Вряд ли будет ошибкой полагать, что в результате этого анализа подведен итог дискуссии о том, какая монархия существовала в России после первой революции. В монографии вполне доказано, что это была конституционная дуалистическая монархия. Развернуто обосновывая этот вывод, С. Г. Зороян не обошел вниманием вопрос о сопоставлении Основных законов с европейскими конституциями. Им отмечено, что принадлежность царю исключительного почина в пересмотре Основных законов, какого не имелось у монархов по конституциям таких государств, как Пруссия, Австрия и Болгария, сочеталось с отсутствием гарантий сохранения произошедшего самоограничения самодержавной власти. Кроме того,

<sup>82</sup> Бойко А. В. Становление парламентаризма... С. 9–10, 19.

<sup>83</sup> Там же. С. 13–15.

<sup>84</sup> Там же. С. 21.

вслед за С. А. Котляревским С. Г. Зороян убедительно показал, что в России сравнительно с западными государствами граница между сферой законодательства и сферой «верховного управления» была проведена так, что позволяла трактовать последнюю «расширительно». Благодаря этому «обширная область правообразования сознательно отграничивалась от законодательных учреждений». С учетом этого сделан вывод, что «в целом права российского императора в области законодательства по Основным законам 1906 г. были сконструированы шире, чем аналогичные права у монархов таких стран, как Пруссия, Австрия, Болгария, Япония»<sup>85</sup>. Заимствование из конституций Пруссии и Австрии ст. 87 российских Основных законов было, как отмечает С. Г. Зороян, неполным — отсутствовало конкретное юридическое оформление «главного условия применения данной статьи — наличия чрезвычайных обстоятельств». Отказ составителей Основных законов позаимствовать из прусского и австрийского конституционных актов статьи, которыми устанавливалось обязательное участие представительных органов в заключении государственных займов, также расценен как наделение российского императора большими финансовыми возможностями, «чем те, которыми в этом отношении обладали другие европейские монархи»<sup>86</sup>. Указывая на перенос в российское государственное право института контрассигнатуры, С. Г. Зороян отмечает его особенность: в российских законах «не указывались последствия отсутствия скрепы (министра. — Б. Д.)». Скрепа на актах российского царя «фактически» отсутствовала, а этим «начало подзаконности актов монарха лишалось <...> существенной и необходимой правовой гарантии»<sup>87</sup>.

Ограниченность имплементации начал западноевропейского конституционализма в российское законодательство отмечена С. Г. Зорояном и в отношении права представительства обращаться с запросами к министрам, которое само по себе признается «достаточно эффективным способом контроля над исполнительной властью». На основе сравнения соответствующих статей Прусской конституции и Австрийского конституционного закона с российским законодательством сделан вывод: «Думское право запросов, сформулированное так, что главный акцент делался на его информативную функцию, было уже западноевропейского права интерпелляции»<sup>88</sup>. В целом объем полномочий Государственной Думы, по оценке автора, был «значительно меньше по сравнению с теми, которыми обладали к началу XX в. законодательные палаты таких государств, как Пруссия, Австрия, Япония»<sup>89</sup>.

В заключение С. Г. Зороян выражает свое согласие с тем, что «Основные законы 1906 г. имеют много общих черт с конституционными актами

<sup>85</sup> Зороян С. Г. Становление дуалистической монархии в России (1906 — февраль 1917 г.): Монография. СПб.: Знание, 2010. С. 55–56, 71.

<sup>86</sup> Там же. С. 59, 64.

<sup>87</sup> Там же. С. 68.

<sup>88</sup> Там же. С. 97–98.

<sup>89</sup> Там же. С. 100.

дуалистических монархий» и продолжает: «Действительно, с содержательной стороны они напоминали конституционные акты, характерные для дуалистических монархий XIX в.: были октроированы монархом, определяли его статус, систему органов государственной власти (включая орган народного представительства), их компетенцию, порядок формирования и действия, правовое положение подданных. При этом важно отметить, что Основные законы 1906 г. по ряду моментов были схожи не с современными им европейскими конституциями, а с конституционными актами европейских государств более раннего этапа конституционного развития. Так, общие черты прослеживались между Основными законами 1906 г. и французской Хартией 1814 г., а также конституциями германских государств первой четверти XIX в.»<sup>90</sup>. Таким образом, С. Г. Зороян раскрыл смысл формулы, кочующей из одной работы в другую и гласящей, что Основные законы «сопоставимы» или «могут быть сопоставимы» с западноевропейскими конституциями. Вместе с тем показано, что сопоставимость (или сходство, а также однотипность) двух конституционных актов еще не означает ни их полной идентичности по своей сути, ни отсутствия между ними отличий, в том числе весьма существенных. Всем своим содержанием монография С. Г. Зорояна подтверждает обоснованность той оценки переноса в российское законодательство начал западного конституционализма, которая была дана российскими государствоведами начала XX в.

Одновременно с монографией С. Г. Зорояна вышла еще одна, весьма внушительная по объему (без малого 100 страниц) статья С. В. Куликова, которая, как и предыдущая, была посвящена сопоставлению третьеиюньской монархии с конституционными системами современных ей государств. С. В. Куликов констатирует, что попытки выполнить «сравнительный анализ российской и зарубежной конституционной теории и практики начала XX в.» предпринимались неоднократно еще с дореволюционных времен. Но, по его мнению, и тогда, и теперь существовала и по-прежнему существует «разногласица мнений», поэтому требуется новая попытка выполнить тот же анализ. При этом С. В. Куликов не стал подвергать разбору аргументы и выводы всех своих предшественников, оставив вне поля зрения не только ряд диссертаций, но и книги, в том числе те, которые выпустили И. А. Кравец<sup>91</sup>, О. А. Кудинов и Г. И. Мусихин. Считая, что «подробный сравнительный анализ российской и зарубежной конституционной теории и практики начала XX в. специально до сих пор не проводился», а статья Р. А. Циунчука «является только первым шагом на пути к этому», С. В. Куликов вместе с тем обвинил дореволюционных исследователей всех без разбора в «политической ангажированности», а современных исследователей — в «инерционной приверженности историографическим стереотипам»<sup>92</sup>.

<sup>90</sup> Зороян С. Г. Становление дуалистической монархии в России. С. 124–125.

<sup>91</sup> Между тем в статье С. В. Куликова ссылки на работу этого автора встречаются.

<sup>92</sup> Куликов С. В. Народное представительство Российской империи (1906–1917 гг.) в контексте мирового конституционализма начала XX в.: сравнительный анализ // Таврические



Обосновав таким способом свое право обратиться к изучению того, что и ранее уже неоднократно изучалось, автор предпринял сопоставление конституций 75 государств, опираясь, судя по обилию ссылок, не только на источники, но и на широкий круг государствоведческих работ, по большей части опубликованных в начале XX в. Сопоставление проведено по всем разделам Основных законов и включило в себя оценки избирательного права, характеристику состава палат, их полномочия, prerogative монарха и т. д.

Используя наблюдения и выводы дореволюционных государствоведов, С. В. Куликов стремится показать ограниченность практической реализации всеобщего избирательного права в странах Западной Европы, а российские избирательные законы оценивает несходно со своими предшественниками — Положение о выборах в Думу 11 декабря 1906 г., по его мнению, «фактически ввело всеобщее избирательное право», а закон 3 июня 1907 г. его сохранил. Далее отмечается: «Демократичность III и IV Дум была, во всяком случае, выше среднего»<sup>93</sup>. Впрочем, находится место и упоминаниям о многостепенности и куриальности думских выборов<sup>94</sup>.

Государственный Совет Российской империи отнесен «к меньшинству верхних палат европейских монархий» ввиду того, что он хотя и был «назначимо-выборным», но зато «являлся самой демократической верхней палатой

---

чтения — 2009: Актуальные проблемы истории парламентаризма в России (1906–1917 гг.): Международная научная конференция, С.-Петербург, Таврический дворец, 4 декабря 2009 г. Сборник научных статей / Под ред. А. Б. Николаева. СПб., 2010. С. 11–13 (далее — *Куликов С. В.* Народное представительство).

<sup>93</sup> Там же. С. 18–19. Данная оценка, как упоминает сам С. В. Куликов, позаимствована из книг эмигрантских авторов. В отечественной литературе оно себе поддержки не находит. Например, Н. Г. Королева отмечала, что при рассмотрении изменений в Положение о выборах 6 августа 1905 г. на заседаниях Совета министров в ноябре 1905 г. «был отвергнут <...> “и сам принцип” всеобщего избирательного права» (*Королева Н. Г.* Первая российская революция и царизм: Совет министров России в 1905–1907 гг. М.: Наука, 1982. С. 72). С. А. Белов указывает, что в начале XX в. «большинство стран уже предоставило избирательные права широкому кругу лиц <...>, ввело прямое, равное избирательное право и использовало тайное голосование. <...> выборы в Государственную Думу не были ни всеобщими, ни равными, ни прямыми» (*Белов С. А.* Выборы членов Государственной Думы Российской империи в 1905–1912 гг. // Ленинградский юридический журнал. 2005. № 3 (4). С. 103). Неясно также, как согласовать с мнением С. В. Куликова утверждение такого специалиста по истории Государственной Думы, как И. В. Лукоянов — им кратко обрисовано обсуждение правящими верхами вопроса о введении всеобщего избирательного права, завершившееся отказом от его положительного решения. Далее приведены весьма впечатляющие цифры: по указу 11 декабря 1905 г. «число избирателей <...> составило в среднем 10–15% всех горожан (в Петербурге и Москве эта цифра не превышала 5%)». По словам И. В. Лукоянова, в основе российской избирательной системы «лежал принцип голосования имущества, а не личности. К тому же в начале XX в. всеобщее избирательное право было введено лишь в нескольких странах Европы» (см.: *Лукоянов И. В.* У истоков российского парламентаризма: Историко-документальное издание. СПб.: Лики России, 2003. С. 82–83).

<sup>94</sup> *Куликов С. В.* Народное представительство. С. 24, 26.

сравнительно с верхними палатами большинства монархий»<sup>95</sup>. Ежегодный съезд российского представительства, по мнению С. В. Куликова, вполне гарантировал ст. 98 Основных законов.

Принадлежность инициативы пересмотра Основных законов исключительно царю, которой не располагали главы европейских дуалистических монархий, не обозначена в качестве важного отличия российской конституционной модели, а расценена лишь как средство «обеспечивать конституционным законам особую неприкосновенность». Прерогатива царя вводить военное и исключительные положения уподоблена правам монархов Австрии, Германии, Пруссии, но умалчивается о связи этих прав с полномочиями представительных органов в Австрии и не делается различий между военным и исключительным положениями<sup>96</sup>.

По мнению С. В. Куликова, российские акты конституционного характера не ограничивали полномочия представительства в сфере законодательства, а «закрепляли фактически сложившуюся иностранную практику, основанную на примате правительства <...> в области подготовки законопроектов». Ст. 87, как и у С. А. Котляревского, не квалифицируется как ограничение прав общественного представительства, зато определяется как ограничение власти монарха. К числу ограничений законодательных полномочий царя отнесено отсутствие у него легальных возможностей влиять на ход обсуждения законопроектов в Думе<sup>97</sup>, но при этом ничего не говорится о существовании таких возможностей у монархов в других государствах.

Характеризуя российское бюджетное право, С. В. Куликов обходит молчанием отмеченный в дореволюционной литературе факт отсутствия в Основных законах общей статьи относительно права представительства рассматривать бюджет. По его мнению, «финансовая компетенция Думы полностью соответствовала конституционному праву». Игнорируется и факт отсутствия в Основных законах указаний на годичность бюджета, и сам факт регулирования бюджетного процесса не конституционным актом, а Правилами 8 марта 1906 г., которые к нему не могут быть отнесены. Если С. А. Котляревский утверждал, что «условия займов, согласно статье 118 О.З. (Основных законов. — *Б. Д.*), определяются в порядке верховного управления»<sup>98</sup>, то С. В. Куликов заявляет обратное: «По статье 118 Основных законов, государственные займы разрешались исключительно в законодательном порядке»<sup>99</sup>, и своего расхождения

<sup>95</sup> Куликов С. В. Народное представительство. С. 31.

<sup>96</sup> Там же. С. 42, 53. Вряд ли С. В. Куликову неизвестно, что этому вопросу уделил особое внимание С. А. Котляревский, специально отмечавший отсутствие в российском законодательстве обозначения конкретных условий, при которых могло быть введено исключительное положение. См.: Котляревский С. А. Юридические предпосылки. С. 41–43 \233–234\.

<sup>97</sup> Куликов С. В. Народное представительство. С. 64–65, 69–73.

<sup>98</sup> Котляревский С. А. Юридические предпосылки. С. 258.

<sup>99</sup> Куликов С. В. Народное представительство. С. 89.

с предшественником не объясняет. Зато констатирует, что царское правительство «никогда не управляло на основании бюджета, не одобренного палатами», и из этого заключает: «В этом смысле Дума фактически имела больше полномочий, чем австрийский Рейхсрат или прусский Ландтаг»<sup>100</sup>.

Право представительных органов осуществлять контроль над действиями исполнительной власти С. В. Куликов определяет как «участие палат в управлении (административной деятельности)». Одним из его элементов в европейских конституциях выступало право палат принимать петиции. По мнению С. В. Куликова, отсутствие такого права у Государственной Думы вполне компенсировалось депутатской работой с письмами российских подданных<sup>101</sup>.

Создание представительными органами следственных комиссий, по мнению С. В. Куликова, государствоведы признавали «второстепенным и несущественным». Между тем С. А. Котляревский, у которого позаимствовано выражение «второстепенным», трактовал данный вопрос совсем иначе. Он указывал, что главные средства «контроля за действиями администрации» — это право депутатских запросов и право «возбуждать судебное преследование против министерства», а вот другие средства, которых нет у Думы, можно признать в качестве «второстепенных, но всё же имеющих *большое значение*»<sup>102</sup> (курсив мой. — Б. Д.). Упомянув о том, что российское законодательство не допускало создания в Думе следственных комиссий, С. В. Куликов перечисляет случаи назначения царем комиссий по вопросам, поднятым думцами, в которые они были включены вместе с чиновниками. Такие комиссии предлагается считать «более эффективными, чем чисто думские»<sup>103</sup> (хотя как это можно сделать, если чисто думских следственных комиссий просто не было и сравнивать не с чем?).

По поводу думского права запросов С. В. Куликовым обоснованно, хотя и отнюдь не впервые<sup>104</sup> отмечается стремление российского общественного представительства пользоваться им активно и расширительно, предпринимать попытки подавать запросы не только относительно незакономерности, но и целесообразности действий министров. Высказывается предположение, что «по степени интенсивности предъявления запросов и задавания вопросов Дума опережала многие европейские парламенты, отставая от Италии и Франции»<sup>105</sup>.

<sup>100</sup> Там же. С. 89–90.

<sup>101</sup> Там же. С. 90. Вряд ли можно допустить, что автор не понимает различий между подачей петиции как актом общественно-политической жизни и отправкой письма отдельного избирателя или даже их группы своему депутату, фракции или всему составу Думы.

<sup>102</sup> Котляревский С. А. Юридические предпосылки. С. 266–267.

<sup>103</sup> Куликов С. В. Народное представительство. С. 92–93.

<sup>104</sup> См., например: Лавринович Д. С. Либерально-консервативная оппозиция в России: Формирование и борьба за власть (1912–1917 гг.): Монография. Могилёв: МГУ им. А. А. Кулешова, 2006. С. 66–67.

<sup>105</sup> Там же. С. 94–95. Указание С. А. Котляревского на ущербность права запросов о незакономерности действий исполнительной власти в условиях широкого распространения исключительных положений в Российской империи С. В. Куликовым игнорируется точно

Отсутствие в арсенале Думы такого общепринятого в Европе средства контроля над действиями исполнительной власти, как возбуждение представительным органом судебного преследования министров, С. В. Куликов не мог не признать, но объявляет это средство «не более чем фикцией». Отличие Основных законов в этом отношении не акцентируется, зато описываются предусмотренные законом процедуры привлечения министров к ответственности «за преступные по должности деяния», в которых участие российского представительства сводилось к подаче ходатайства, единожды удовлетворенного царем. Это дополнено сведениями из мемуарных источников о намерении Николая II в конце 1916 г. ввести «судебную ответственность министров»<sup>106</sup>.

Основополагающий вопрос, с учетом ответа на который только и следует характеризовать любую конституционную монархию, — о политической ответственности исполнительной власти перед законодательным органом, С. В. Куликовым ставится и весьма подробно комментируется с позиций выявления различий между дуализмом и парламентаризмом. Из приведенных многочисленных сведений делаются весьма своеобразные выводы. Во-первых, заявлено, что «магистральной дорогой мирового конституционализма начала XX в. был не парламентаризм, а дуализм». В подтверждение этого мнения приводится перечень государств, в которых существовали дуалистические монархии. Во-вторых, солидаризируясь с мнением В. М. Гессена, С. В. Куликов объявляет различия между парламентской и дуалистической монархиями относительно трудными различимыми<sup>107</sup>. Такой подход, вероятно, и позволил обойтись без выяснения конкретных заимствований в законодательстве и политической деятельности российского государства из опыта европейских конституционных монархий. Обоснованное утверждение о том, что «Основные законы 1906 г. ввели дуализм», дополняется указаниями на использование Думой права запросов и права рассмотрения бюджета, перечислением случаев предоставления членам палат российского представительства должностей министров, их заместителей и членства в высших совещательных учреждениях<sup>108</sup>. Этого

так же, как и вопрос об эффективности думского права запросов. Уместно, думается, воспроизвести здесь высказывание одного немецкого историка, приведенное В. И. Герье в его брошюре: «Лучшая заслуга наших ландтагов и рейхстагов в том, чему они помешали, а не в том, что они совершили». См.: *Герье В. И.* Указ. соч. С. 22.

<sup>106</sup> Куликов С. В. Народное представительство. С. 97–98.

<sup>107</sup> Там же. С. 101. Предлагая свой первый вывод, С. В. Куликов умалчивает об уже признанной в литературе тенденции — в Германии и Австро-Венгрии дуализм медленно, но верно двигался в сторону парламентаризма (напр., см.: *Селунская Н. Б., Тоштендаль Р.* Указ. соч. С. 293–295); кроме того, может ли быть признано «магистральной дорогой» то, что именно в начале XX в., в 1917–1919 гг., обнаружило свою историческую обреченность? По поводу второго вывода С. В. Куликова напрашивается его сопоставление с четко сформулированным мнением С. А. Котляревского — см. настоящую статью, с. 227–228, сн. 23 и 26.

<sup>108</sup> К сожалению, важный вопрос о том, в какой мере такие назначения учитывали мнение большинства депутатского корпуса, как и вопрос об отношении царя и его окружения к лозунгу «министерства общественного доверия», обойдены молчанием.

оказывается достаточно, чтобы сделать следующий вывод: «Накануне Февральской революции 1917 г. в России существовала форма правления, переходная от дуализма к парламентаризму»<sup>109</sup>.

В заключение С. В. Куликов останавливается на «временном параметре» проводимого им сопоставления, предпринимая оценку полномочий российского представительства «на момент его появления». Воспроизводя мнение Б. А. Кистяковского, он предлагает признать, что «с открытием <...> в 1906 г. законодательной Думы Россия получила народное представительство, являвшееся одним из самых совершенных по сравнению с любым парламентом любой монархии на момент его создания»<sup>110</sup>. Итоговый вывод статьи состоит в следующем: «...формально или фактически (либо формально и фактически) в одних случаях народное представительство Российской империи было полноценнее среднестатистических парламентов, в других — вполне аналогично им и, во всяком случае, нисколько не ущербнее их». К этому делалось дополнение: «...нельзя согласиться с мнением, согласно которому народное представительство Российской империи как наименее полноценное было типологически близко к европейским парламентам первой половины XIX в., к германским ландтагам или японскому парламенту»<sup>111</sup>.

В автореферате диссертации Е. Л. Сигачевой, разосланном в 2010 г., сказано, что одним из аспектов изучения ею конституционной монархии как формы

<sup>109</sup> Куликов С. В. Народное представительство. С. 105–107. Бросается в глаза расхождение мнений С. В. Куликова и С. Г. Зоряна. Последний показал, что российская монархия не завершила своего превращения в монархию дуалистическую; С. В. Куликов считает возможным говорить о ее движении к парламентаризму. Повторим, что, как известно, о наличии потенции для этого, как и о надеждах на эволюцию российской государственности много писали дореволюционные авторы. Упоминается об этом и в современной обобщающей литературе; см. напр.: Христофоров И. А. От самодержавия к думской монархии // Первая революция в России: взгляд через столетие. М.: Памятники исторической мысли, 2005. С. 412.

<sup>110</sup> Куликов С. В. Народное представительство. С. 107–108. Если даже оставить в стороне вопрос о научной обоснованности подхода, избранного С. В. Куликовым, то очевидно, что им упущен важный аспект сопоставления — речь должна идти о тех представительствах, которые создавались по инициативе монархов и в силу их волеизъявления, т. е. об октроированных конституциях.

<sup>111</sup> Куликов С. В. Народное представительство. С. 108–109. Представляется уместным сравнить выше цитированные мнения С. В. Куликова с тем, что было им опубликовано в 2004 г.: «После издания Основных законов 1906 г. Россия стала конституционно-дуалистической монархией, в которой существовало народное представительство, но вплоть до 1917 г. отсутствовал парламент». И там же отмечалось, что любое столкновение «понятия парламент» «не дает права говорить или писать об истории российского парламентаризма начиная с 1906 г.». См.: Куликов С. В. Государственная Дума Российской империи: политическое измерение ораторских ристаний (1906–1907) // Ораторы России в Государственной Думе (1906–1907 гг.). СПб.: Изд-во САГС; Образование—культура, 2004. Т. 1. С. 7. Еще более определенно по этому поводу высказывался И. В. Лукоянов: «Конечно, в своих правах Дума еще уступала большинству соответствующих институтов европейских стран. Главным отличием было то, что правительство никак не зависело от народных избранников». См.: Лукоянов И. В. Государственная Дума Российской империи: исторический опыт // Ленинградский юридический журнал. 2005. № 3 (4). С. 54.

правления явился «сравнительно-правовой анализ полномочий российского монарха <...> с полномочиями конституционных монархов начала XX в. в Европе». В результате проведенного анализа сделан вывод «об их совпадении в основных чертах». Очевидно, что воспроизведены не только предмет изучения, избранный С. В. Куликовым для его статьи, опубликованной в 2009 г., но и ее основной вывод. Сходно с С. В. Куликовым Е. Л. Сигачева считает, что «полномочия императора по Основным государственным законам Российской империи в редакции от 23 апреля 1906 г. в основном не выходили за рамки полномочий конституционных монархов Европы того времени». Более того, Е. Л. Сигачева не сочла нужным отметить различия между полномочиями глав европейских монархических государств<sup>112</sup>.

Свои попытки сопоставить российские высшие государственные учреждения и законодательство с европейскими конституциями С. В. Куликов продолжил, но уже обратившись к проектам Основных законов 1906 г. Вводя в научный оборот ценные источники, освещающие начальные этапы работы над проектами, он поставил перед собой задачу проследить ход изменений, внесенных в проект П. А. Харитонов (создан в ноябре 1905 г.) Совещением высших чинов Государственной канцелярии в январе 1906 г.<sup>113</sup> При этом С. В. Куликов отмечает наличие или отсутствие тех или иных статей проекта в конституциях европейских стран и Японии. Правда, он воздерживается от указаний на прямое заимствование составителями и редакторами Основных законов конкретных конституционных положений.

Совещание подвергло переработке проект П. А. Харитонов, в котором, по мнению С. В. Куликова, «проводился идеал парламентской монархии»<sup>114</sup>, внося поштатейные изменения. Было устранено право палат российского общественного представительства инициировать пересмотр Основных законов<sup>115</sup>, позаимствованное П. А. Харитоновым, как можно полагать, из прусской конституции. Тем самым предпочтение отдавалось японскому образцу — лишь в Японии по конституции палаты не наделялись учредительной властью<sup>116</sup>.

<sup>112</sup> Сигачева Е. Л. Конституционная монархия как форма правления (историко-правовой и сравнительно-правовой аспекты): Автореферат дис. ... канд. юр. наук. СПб., 2010. С. 6, 18.

<sup>113</sup> Куликов С. В. Неизвестный этап создания первой российской конституции: вокруг и внутри Совещения высших чинов Государственной канцелярии (декабрь 1905 г. — март 1906 г.) // Российская история XIX–XX веков: Государство и общество. События и люди: Сборник статей / Отв. ред Р. Ш. Ганелин. СПб.: Лики России, 2013. С. 103–159 (далее — Куликов С. В. Неизвестный этап). Совещание, чья работа над проектами Основных законов представлена в данной статье С. В. Куликова, состояло из государственного секретаря, его помощника, статс-секретарей всех департаментов и еще двух лиц, являвшихся креатурами дворцового коменданта Д. Ф. Трепова (см. Куликов С. В. Неизвестный этап. С. 113).

<sup>114</sup> Куликов С. В. Неизвестный этап. С. 107.

<sup>115</sup> Там же. С. 121. Проявляя строгую последовательность, Совещание оговорило ограниченность думской инициативы и в другой статье (58) (там же. С. 126).

<sup>116</sup> Котляревский С. А. Юридические предпосылки. С. 239–240.

Затем изъятию подверглось положение, допускавшее общественное представительство к участию в заключении Россией международных договоров<sup>117</sup>. Из статьи, в которой говорилось, что «исходящие от государя императора акты по управлению государством скрепляются подлежащим министром», Совецание удалило последнюю часть фразы: «тем самым принимает на себя за них ответственность»<sup>118</sup> и перенесло упоминание об этом в ст. 66 проекта.

Из главы II было убрано указание о равенстве российских подданных перед законом, вместо этого в ст. 39 устанавливалась обязательность законов «для всех без изъятия российских подданных». Ключевое положение западного конституционализма приобретало российскую специфику, в чем С. В. Куликов видит только улучшение его редакции. Он считает, что Совецание «сузило» право петиций, предоставив подданным обращаться с «ходатайствами» единственно к «правительственным» инстанциям, а не «государственным», к которым можно было отнести и общественное представительство<sup>119</sup>. Очевидно, что здесь имеет место смягчение оценки произведенной перемены — она исключала право, которое, как подчеркивал С. А. Котляревский, «узаконяется не только прусской (ст. 32 и 81), но и японской конституцией (ст. 50)»<sup>120</sup>. Впрочем, эта перемена не имела особого смысла, так как и проект П. А. Харитонова, и проект Совецания равно запрещали палатам российского общественного представительства принимать депутатии, а также «словесные или письменные заявления и просьбы»<sup>121</sup>. Следовать прусскому образцу не предполагалось.

Заимствованное П. А. Харитоновым из западных монархических конституций положение о полномочии монарха досрочно прекращать работу Думы было сохранено, но существовавший в его проекте обязательный четырехмесячный срок проведения новых выборов после роспуска Думы Совецание исключило, сохранив упоминание о созыве Думы в новом составе через шесть месяцев после ее роспуска<sup>122</sup>.

<sup>117</sup> Куликов С. В. Неизвестный этап. С. 121. Среди государств, в законодательстве которых такое право отсутствовало тоже, С. В. Куликов называет и Англию. По этому поводу С. А. Котляревский отмечал, что «большинство европейских конституций требуют для договоров, затрагивающих законодательные и бюджетные права народного представительства, согласия этого последнего» (*Котляревский С. А. Юридические предпосылки*. С. 231). И далее относительно Англии делалась специальная оговорка: «Если в Англии формально заключение международных договоров относится к королевской прерогативе, это не изменяет установившегося правила, по которому договоры указанного типа должны получать санкции парламента» (там же. С. 232, ссылка 3).

<sup>118</sup> Куликов С. В. Неизвестный этап. С. 122, 147. Упомянув об этом, С. В. Куликов делает оговорку: «...что не означало присвоения им безответственности» и указывает на статью 66 (с. 158).

<sup>119</sup> Там же. С. 122–124.

<sup>120</sup> Котляревский С. А. Юридические предпосылки. С. 267, ссылка 2.

<sup>121</sup> Куликов С. В. Неизвестный этап. С. 156.

<sup>122</sup> Там же. С. 125, 153–154.

Если в проекте П. А. Харитонова предусматривалось предоставить палатам делать запросы министрам без указания поводов — т. е. по умолчанию допускались запросы и по поводу незакономерности, и по поводу целесообразности, то Совецание оставило только один повод — незакономерность<sup>123</sup>. Удалена была и статья, предоставлявшая палатам право требовать от министров «сообщения сведений и разъяснений». Вместе с тем были изъяты статьи «о праве палат производить расследования посредством избранных ими комиссий» и «о депутатской неприкосновенности (судебный иммунитет)»<sup>124</sup>.

Сохранив институт ответственности кабинета министров «за общий ход государственного управления», Совецание вслед за П. А. Харитоновым обошло молчанием главный вопрос: перед кем несет ответственность правительство. Сохранение при этом за членами представительства права занимать министерские посты и голосовать вместе с депутатским корпусом С. В. Куликов считает достаточным для того, чтобы увидеть в этом «формальные предпосылки для образования парламентского кабинета» и сделать весьма далеко идущий вывод: «Следовательно, проект новых Основных законов по-прежнему подразумевал установление парламентарной системы, т. е. политической ответственности министров перед палатами». Но тут же приводится факт исключения из полномочий представительства права привлекать министров к ответственности<sup>125</sup>. Тем не менее общая оценка автором направленности произведенных Совецанием исправлений харитоновского проекта состоит в том, что проект стал «более умеренным, однако идеал парламентарной монархии продолжал оставаться краеугольным камнем новых Основных законов»<sup>126</sup>.

Внесение изменений в проект П. А. Харитонова Совецанием *in corpore* не стало окончанием работы над ним. По измененному проекту высшими чинами Государственной канцелярии по отдельности были сделаны замечания. Некоторые из них прямо относились к заимствованиям из западного конституционализма. По поводу ст. 56 проекта (будущей 87) С. В. Куликов вслед за В. С. Дякиным отмечает, что предложение по ее усовершенствованию сужало применение чрезвычайно-указного законодательства, тогда как прусская и австрийская конституции предоставляли монархам для этого более широкие

<sup>123</sup> Там же. С. 126, 156. С. В. Куликов считает, что благодаря отмеченному выше исправлению «народное представительство получало большую свободу при избрании повода для интерpellации». Бросается в глаза категорическое расхождение такой интерpellации с мнением С. А. Котляревского (см. *Котляревский С. А.* Юридические предпосылки. С. 267–268). Выше уже отмечалось, что С. А. Котляревский демонстрировал сужение думского права запросов сравнением с конституциями Пруссии и Австрии, а также указывал на эфемерность права запроса о незакономерности действий исполнительной власти при распространенности исключительных положений.

<sup>124</sup> *Куликов С. В.* Неизвестный этап, С. 127, 156–158.

<sup>125</sup> Там же. С. 128, 158–159.

<sup>126</sup> Там же. С. 128. Данный вывод С. В. Куликова трудно не признать совершенно произвольным и явно идущим вразрез с содержанием его же текста.



возможности. Указание на желательность устранить из статьи о свободе собраний право российских подданных их проводить «под открытым небом» квалифицируется как внесение ограничений, которые «полностью соответствовали западноевропейской конституционной традиции»<sup>127</sup>. Однако не учитывается, что и в проекте П. А. Харитонова, и в проекте Совещания осуществление свободы собраний обуславливалось законом, т. е. исключалось прямое действие соответствующей статьи применительно к любым собраниям, а в прусской конституции говорилось единственно о подчинении проведения собраний под открытым небом «законам о предварительном их разрешении правительственной властью». Иными словами, проект российских Основных законов в установлении пространства свободы собраний был шагом назад по сравнению с конституцией прусской дуалистической монархии.

Особое значение следует придавать настойчивому стремлению А. Ф. Трепова удалить из статьи об ответственности министров оставленную в ней Совещанием фразу о контрассигнации. Мнение А. Ф. Трепова, как приводит его С. В. Куликов, состояло в том, что признание за министрами ответственности «за скрепленные их подписью указы и иные акты, от государя исходящие», «будет истолковано в смысле ответственности министров перед Думой за правильное составление указов и актов». Сам же А. Ф. Трепов совершенно недвусмысленно требовал исходить из противоположного толкования: «Они (министры. — *Б.Д.*) перед государем ответственны по общему закону относительно скрепы, так что особого [закона] для сей оговорки не нужно»<sup>128</sup>.

Заключительный этап переработки проекта Основных законов состоял в отборе государственным секретарем Ю. А. Иксулем и его товарищем П. А. Харитоновым (автором первоначального текста, того самого, который характеризуется С. В. Куликовым как «идеал парламентарной монархии») тех изменений из числа предложенных отдельными членами Совещания, которые подлежали внесению в проект. В процессе этого отбора ограничения права монарха распускать Думу свелись к минимуму; была ужесточена формулировка запрета Думе принимать петиции, фраза о контрассигнации — в полном соответствии с настояниями А. Ф. Трепова — удалена. Производились ли эти изменения с учетом западноевропейских образцов, остается неизвестным, но их осуществление, в том числе «уступка Трепову по вопросу об обусловленности ответственности контрассигнацией» не могли, по уверению С. В. Куликова, «существенно поколебать идеал парламентарной монархии, положенный в основание

<sup>127</sup> Куликов С. В. Неизвестный этап. С. 131–133. Вряд ли можно безоговорочно относить ограничения свободы собраний к «западноевропейской конституционной традиции» в целом. Это очевидная традиция дозированного предоставления политических свобод, свойственная октроированным конституциям дуалистических монархий, в которых, как указано Г. И. Мусихиным, народный суверенитет подменяется суверенитетом монарха. См.: Мусихин Г. И. Власть перед вызовом современности: Сравнительный анализ российского и немецкого опыта конца XVIII — начала XX века. СПб.: Алетейя, 2004. С. 252.

<sup>128</sup> Цит. по: Куликов С. В. Неизвестный этап. С. 134.

проектировавшейся конституции, поскольку Икскуль и Харитонов сохранили в ней все те статьи, которые создавали формальные предпосылки для воплощения этого идеала»<sup>129</sup>. Между тем приведенные в статье факты свидетельствуют против позиции ее автора — очевидно, что на всех этапах работы Совещания над проектом П. А. Харитонова шло усиление тех его сущностных черт, которые, еще более резко обозначившись на заключительном этапе составления Основных законов, стали в конце концов определяющими для российского государственного строя после 1906 г. Уместно повторить здесь итоговую характеристику, данную ему С. А. Котляревским в 1912 г.: «...русский государственный строй является совершенно дуалистическим в смысле противоположности парламентаризму и вообще недопущения в какой бы то ни было степени начал политической ответственности. Дуалистический отпечаток в нем выражен явственнее, чем в таком классическом образце этого типа, как прусская конституция, — не говоря уже об австрийской. <...> Если власть управления совершенно изъята из ведения Думы и совета, то в законодательстве роль правительства остается не только фактически руководящей, но и юридически преобладающей. <...> Всё это перемещает центр тяжести государственного механизма с представительства на правительство, ответственное лишь перед верховной властью»<sup>130</sup>. Искать в этой характеристике какие-то неясности или двусмысленности было бы совершенно напрасно. С. В. Куликов собрал и представил в своей статье убедительные свидетельства того, что составители проекта Основных законов на определенном этапе их подготовки и стремились как раз к тому, чтобы в итоге выдающийся российский государствовед имел все основания дать российскому государственному праву именно ту характеристику, какую он ему дал, включая оценку его сопоставления с европейскими конституциями дуалистических монархий.

Итак, предпринятое сопоставление тех оценок объема и направленности трансфера западного конституционализма в Основных законах 1906 г., которые были даны специалистами в начале XX в., с теми, что имеются в современной отечественной литературе, позволяет прийти к выводу о том, что еще в первых работах, вышедших начиная с 2000 г., были воспроизведены утверждения дореволюционных юристов об ограниченности (большей «консервативности») российских государственных законов в сравнении с западноевропейскими. Как показано в трудах и дореволюционных государствоведов, и современных авторов, создатели Основных законов придали им структуру уже существовавших в Европе конституционных актов, но последовательно провели в них то, что

<sup>129</sup> Куликов С. В. Неизвестный этап. С. 136–138. Цитированное выше заключение С. В. Куликова явно нуждалось бы в важном авторском уточнении: проект Основных законов уже имел положенный в его основание «идеал» или всего лишь допускал его достижение в неопределенном будущем по силе имевшихся в нем предпосылок для совершенствования учреждавшейся дуалистической монархии?

<sup>130</sup> Котляревский С. А. Юридические предпосылки. С. 275–276.

принято было называть «монархическим принципом» — обеспечение приоритета монарха перед общественным представительством, чем правительство выводилось из-под парламентского контроля. В результате российское конституционное законодательство не достигло уровня образцов европейского дуалистического конституционализма второй половины XIX — начала XX в. и в ряде своих элементов следовало как образцу конституциям начала XIX в. Иными словами, российская абсолютная монархия, становясь дуалистической, не захотела встать вровень по степени конституционного развития с однотипными ей монархиями Центральной Европы, оказавшись отсталой по сравнению с ними<sup>131</sup>. Эта направленность трансфера была воспроизведена в большинстве работ, появившихся начиная с 2000 г., и получила в некоторых из них одно, но важное и вполне обоснованное дополнение: избирательное заимствование в российском законодательстве начал западного конституционализма было порождено стремлением российских реформаторов 1905–1906 гг. воспроизвести германский тип господства и в максимально возможной степени обеспечить царю, а с ним и его правительству сохранение прежних приемов управления и безответственной власти. Концепция, включающая в себя данные выводы и основанная на признании юридического оформления российской монархии как монархии конституционной, должна считаться общепризнанной. Отрицание перехода российской государственности в конституционную *форму* вряд ли уже может иметь за собой сколько-нибудь значительную поддержку в научной среде. Вместе с тем нельзя признать обоснованным возвращение в научный дискурс предпринимавшихся еще в 1990-х гг.<sup>132</sup> попыток представить Основные законы вполне идентичными европейским конституциям начала XX в. и ради этого допустить затушевывание или игнорирование уже давно выявленных различий между ними, пренебрегать установленными в науке фактами. Сомнительна польза от искусственного сохранения «разноголосицы мнений» там, где для нее нет почвы.

Было бы напрасно искать в современной литературе, посвященной вопросу о соотношении российских и западноевропейских конституционных актов, примеры использования иных источников, кроме законодательства и подготовительных материалов к нему, и иных методов, кроме «сравнительно-правового анализа». Вряд ли будет реалистично полагать, что обращение к этим же источникам и методам позволяло в недавнем прошлом (как это имело место в литературе 2000–2010 гг.) и позволит в будущем избежать дословных или почти дословных повторений одних и тех же наблюдений и выводов, а значит, включает в себе возможности расширить круг имеющихся сведений по вопросу

<sup>131</sup> Эта оценка направленности заимствований из западного конституционализма, сделанных в ходе российских государственных реформ 1905–1906 гг., подтверждена в работах таких ученых, как И. А. Кравец, О. В. Погожева, Н. Б. Селунская и Р. Тоштендаль, А. В. Бойко, Р. А. Циунчук, С. Г. Зороян. Именно она, по мнению автора настоящей статьи, в полной мере соответствует свидетельствам источников и фактам, а потому только и может быть принята в науке.

<sup>132</sup> См.: Зороян С. Г. Становление дуалистической монархии в России. С. 39.

о переносе в Основные законы 1906 г. начал западного конституционализма. Не кажется преувеличенной оценка состояния историографии по этому вопросу как отсутствие прогресса<sup>133</sup>. Приходится (подобно Р. А. Циунчуку<sup>134</sup>) констатировать, что проделанный в отечественной литературе начиная с 2000 г. поиск вариативных оценок соотношения российского конституционализма с западным лишь в незначительной степени сопровождался обретением добавленного знания. Дальнейшее его продолжение представляется излишним.

### References

- Belov S. A.* Vybory členov Gosudarstvennoj Dumi Rossijskoj imperii v 1905–1912 gg. // Leningradskij ūridičeskij žurnal. 2005. № 3 (4). P. 98–107.
- Bogdanov S. V.* Nacional'nyj i zarubežnyj opyt v formirovanii i funkcionirovanii Gosudarstvennoj Dumi i Gosudarstvennogo Soveta v načale XX veka: Avtoreferat dis. ... kand. ist. nauk. M., 2003.
- Bojko A. V.* Stanovlenie parlamentarizma v Rossii i Germanii v konce XIX — načale XX v.: sravnitel'no-pravovoj analiz: Avtoreferat dis. ... kand. ūr. nauk. Belgorod, 2003.
- Ciuñčuk R. A.* Evropejskie parlamenti i rossijskaâ Duma načala XX veka: sravnitel'no-pravovoj analiz // Imperskie i nacional'nye modeli upravleniâ: rossijskij i evropejskij opyt: Sb. materialov Meždunarodnoj naučnoj konferencii / Nauč. red. A. O. Čubar'ân. M.: IVI RAN, 2007. S. 39–59.
- Demin V. A.* Osnovnye gosudarstvennye zakony // Gosudarstvennyj sovet Rossijskoj imperii: 1906–1917: Ènciklopediâ. M.: ROSSPEN, 2008. S. 192–195.
- Egjazarov S. A.* Lekcii po russkomu gosudarstvennomu pravu. Zakonodatel'naâ vlast'. Kiev: Tipografîa I. I. Čokolova, 1906. Vyp. 1.
- Ger'e V. I.* O konstitucii i parlamentarizme v Rossii. M.: Tipografîa «Russkogo Golosa», 1906.
- Gribovskij V. M.* Nastoâšee i budušee evropejskogo parlamentarizma (obšedostupnyj očerk). SPb.: Tipografîa A. S. Suvorina, 1906.
- Hristoforov I. A.* Ot samoderžavîa k dumskoj monarhii // Pervaâ revolûciâ v Rossii: vzglâd čerez stolie. M.: Pamâtniki istoričeskoj mysli, 2005. S. 393–456.
- Koroleva N. G.* Pervaâ rossijskaâ revolûciâ i carizm: Sovet ministrov Rossii v 1905–1907 gg. M.: Nauka, 1982.
- Koškid'ko V. G.* Predstavitel'naâ vlast' v Rossii: formirovanie i funkcionirovanie: naučnoe izdanie. M.: Universitetskij gumanitarnyj licej, 2000.
- Kotlârevskij S. A.* Konstitucionnoe gosudarstvo. Opyt politiko-morfologičeskogo razbora. SPb.: Izdanie G. F. Lvoviča, 1907.
- Kotlârevskij S. A.* Ūridičeskie predposylki russkih osnovnyh zakonov. M.: Tipografîa G. Lissnera i D. Sobko, 1912.
- Kravec I. A.* Konstitucionalizm i rossijskaâ gosudarstvennost' v načale XX veka: Učebnoe posobie. M.; Novosibirsk: IVC «Marketing»; OOO «Izdatel'stvo ŪKĖA», 2000.
- Kudinov O. A.* Konstitucionnye reformy v Rossii v XIX — načale XX v.: Monografîa. M.: Izd-vo Instituta molodeži «Socinform», 2000.
- Kulikov S. V.* Gosudarstvennaâ Duma Rossijskoj imperii: političeskoe izmerenie oratorskih ristanij (1906–1907) // Oratory Rossii v Gosudarstvennoj Dume (1906–1907 gg.). SPb.: Izd-vo SAGS; Obrazovanie-kul'tura, 2004. T. 1. S. 5–24.
- Kulikov S. V.* Institut monarhičeskoj vlasti v Rossii i stranah Evropy i Azii v načale XX v.: sravnitel'nyj analiz // Diffuziâ evropejskih innovacij v Rossijskoj imperii. Materialy vserossijskoj naučnoj konferencii. Ekaterinburg, 10–11 noâbrâ 2009 g. Ekaterinburg: IIIAŪrO RAN; Bank kul'turnoj informacii, 2009. S. 212–219.

<sup>133</sup> Эту оценку нельзя распространить на монографию С. Г. Зорояна, имеющую несомненное историографическое значение.

<sup>134</sup> Р. А. Циунчук обоснованно назвал дискуссию «о том, можно ли считать Думу парламентом», «теряющей научную продуктивность». См.: *Циунчук Р. А.* Европейские парламенты и российская Дума начала XX века: сравнительно-правовой анализ // Имперские и национальные модели управления: российский и европейский опыт. Сб. материалов Международной научной конференции / Науч. ред. А. О. Чубарьян. М.: ИВИ РАН, 2007. С. 39.

*Kulikov S. V.* Narodnoe predstavitel'stvo Rossijskoj imperii (1906–1917 gg.) v kontekste mirovogo konstitucionalizma načala XX v.: sravnitel'nyj analiz // Tavričeskie čtenîâ — 2009: Aktual'nye problemy istorii parlamentarizma v Rossii (1906–1917 gg.): Meždunarodnââ naučnaâ konferenciâ, S.-Peterburg, Tavričeskij dvorec, 4 dekabrâ 2009 g. Sbornik naučnyh statej / Pod red. A. B. Nikolaeva. SPb, 2010. S. 11–108.

*Kulikov S. V.* Neizvestnyj êtap sozdaniâ pervoj rossijskoj konstitucii: vokrug i vnutri Sovešaniâ vyšših činov Gosudarstvennoj kancelârii (dekabr' 1905 g. — mart 1906 g.) // Rossijskaâ istoriâ XIX–XX vekov: Gosudarstvo i obščestvo. Sobytiâ i lûdi: Sbornik statej / Otv. red. R. Š. Ganelin. SPb.: Liki Rossii, 2013. S. 102–159.

*Lavrinovič D. S.* Liberal'no-konservativnââ oppoziciâ v Rossii: Formirovanie i bor'ba za vlast' (1912–1917 gg.): Monografiâ. Mogilev: MGU im. A. A. Kulešova, 2006.

*Lukoânov I. V.* U istokov rossijskogo parlamentarizma: Istoriko-dokumental'noe izdanie. SPb.: Liki Rossii, 2003.

*Medušeuskij A. N.* Demokratiâ i avtoritarizm: Rossijskij konstitucionalizm v sravnitel'noj perspektive. M.: ROSSPÈN, 1997.

*Musihin G. I.* Vlast' pered vyzovom sovremennosti: Sravnitel'nyj analiz rossijskogo i nemeckogo opyta konca XVIII — načala XX veka. SPb.: Aletejâ, 2004.

*Pažitnov K. A.* K voprosu o russskoj konstitucii // Obrazovanie. 1907. Dekabr'. S. 96–108.

*Pogoževa O. V.* Monarhiâ kak forma pravleniâ v Rossijskoj imperii (istoriko-pravovoj aspekt): Avtoreferat dis. ... kand. ūr. nauk. Rostov-na-Donu, 2004.

*Pustovalov A. R.* Razvitie idej konstitucionalizma v russskoj politiko-pravovoj mysli XIX — načala XX veka: Avtoreferat dis. ... kand. ūr. nauk. M., 2006.

*Selunskââ N. B., Toštendal' R.* Zaroždenie demokratičeskoj kul'tury: Rossiâ v načale XX v. M.: ROSSPÈN, 2005.

*Šeršenevič G. F.* Konstitucionnââ monarhiâ. M.: Tipografiâ G. Lissnera i D. Sobko, 1906.

*Šigačeva E. L.* Konstitucionnââ monarhiâ kak forma pravleniâ (istoriko-pravovoj i sravnitel'no-pravovoj aspekty): Avtoreferat dis. ... kand. ūr. nauk. SPb., 2010.

*Tomsinov V. A.* Sergej Andreevič Kotlârevskij (1873–1939). Biografičeskij očerk // Kotlârevskij S. A. Konstitucionnoe gosudarstvo. Ūridičeskie predposylki russskih Osnovnyh zakonov / Pod red. i s predisl. V. A. Tomsinova. M.: Zercalo, 2004. S. VII–L.

*Usanov V. E.* Stanovlenie i razvitie parlamentarizma v Rossii: istoriko-pravovoe i kritičeskoe issledovanie: Monografiâ. M.: Èlit, 2008.

*Vinogradov V. V.* Stanovlenie konstitucionalizma v monarhičeskoj Rossii: Avtoreferat dis. ... kand. ūr. nauk. Volgograd, 2002.

*Zoroân S. G.* Stanovlenie dualističeskoj monarhii v Rossii (1906 — fevral' 1917 g.). SPb.: Znanie, 2010.

### Список литературы

*Белов С. А.* Выборы членов Государственной Думы Российской империи в 1905–1912 гг. // Ленинградский юридический журнал. 2005. № 3 (4). С. 98–107.

*Богданов С. В.* Национальный и зарубежный опыт в формировании и функционировании Государственной Думы и Государственного Совета в начале XX века: Автореферат дис. ... канд. ист. наук. М., 2003.

*Бойко А. В.* Становление парламентаризма в России и Германии в конце XIX — начале XX в.: сравнительно-правовой анализ: Автореферат дис. ... канд. юр. наук. Белгород, 2003.

*Виноградов В. В.* Становление конституционализма в монархической России: Автореферат дис. ... канд. юр. наук. Волгоград, 2002.

*Герье В. И.* О конституции и парламентаризме в России. М.: Типография «Русского Голоса», 1906.

*Грибовский В. М.* Настоящее и будущее европейского парламентаризма (общедоступный очерк). СПб.: Типография А. С. Суворина, 1906.

*Демин В. А.* Основные государственные законы // Государственный совет Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М.: РОССПÈН, 2008. С. 192–195.

*Егiazаров С. А.* Лекции по русскому государственному праву. Законодательная власть. Киев: Типография И. И. Чоколова, 1906. Вып. 1.

*Зороян С. Г.* Становление дуалистической монархии в России (1906 — февраль 1917 г.). СПб.: Знание, 2010.

*Королева Н. Г.* Первая российская революция и царизм: Совет министров России в 1905–1907 гг. М.: Наука, 1982.

*Котляревский С. А.* Конституционное государство. Опыт политико-морфологического разбора. СПб.: Издание Г. Ф. Львовича, 1907.

*Котляревский С. А.* Юридические предпосылки русских основных законов. М.: Типография Г. Лисснера и Д. Собко, 1912.

*Кошкидько В. Г.* Представительная власть в России: формирование и функционирование: Научное издание. М.: Университетский гуманитарный лицей, 2000.

*Кравец И. А.* Конституционализм и российская государственность в начале XX века: Учебное пособие. М.; Новосибирск: ИВЦ «Маркетинг»; ООО «Издательство ЮКЭА», 2000.

*Кудинов О. А.* Конституционные реформы в России в XIX — начале XX в.: Монография. М.: Изд-во Института молодежи «Социформ», 2000.

*Куликов С. В.* Государственная Дума Российской империи: политическое измерение ораторских ристаний (1906–1907) // Ораторы России в Государственной Думе (1906–1907 гг.). СПб.: Изд-во САГС; Образование–культура, 2004. Т. 1. С. 5–24.

*Куликов С. В.* Институт монархической власти в России и странах Европы и Азии в начале XX в.: сравнительный анализ // Диффузия европейских инноваций в Российской империи: Материалы всероссийской научной конференции. Екатеринбург, 10–11 ноября 2009 г. Екатеринбург: ИИиАУрО РАН; Банк культурной информации, 2009. С. 212–219.

*Куликов С. В.* Народное представительство Российской империи (1906–1917 гг.) в контексте мирового конституционализма начала XX в.: сравнительный анализ // Таврические чтения — 2009: Актуальные проблемы истории парламентаризма в России (1906–1917 гг.). Международная научная конференция, С.-Петербург, Таврический дворец, 4 декабря 2009 г. Сборник научных статей / Под ред. А. Б. Николаева. СПб., 2010. С. 11–108.

*Куликов С. В.* Неизвестный этап создания первой российской конституции: вокруг и внутри Совещания высших чинов Государственной канцелярии (декабрь 1905 г. — март 1906 г.) // Российская история XIX–XX веков: Государство и общество. События и люди: Сборник статей / Отв. ред Р. Ш. Ганелин. СПб.: Лики России, 2013. С. 102–159.

*Лавринович Д. С.* Либерально-консервативная оппозиция в России: Формирование и борьба за власть (1912–1917 гг.): Монография. Могилев: МГУ им. А. А. Кулешова, 2006.

*Лукоянов И. В.* У истоков российского парламентаризма: Историко-документальное издание. СПб.: Лики России, 2003.

*Медушевский А. Н.* Демократия и авторитаризм: Российский конституционализм в сравнительной перспективе. М.: РОССПЭН, 1997.

*Мусихин Г. И.* Власть перед вызовом современности: Сравнительный анализ российского и немецкого опыта конца XVIII — начала XX века. СПб.: Алетейя, 2004.

*Пажитнов К. А.* К вопросу о русской конституции // Образование. 1907. Декабрь. С. 96–108.

*Погожева О. В.* Монархия как форма правления в Российской империи (историко-правовой аспект). Автореферат дис. ... канд. юр. наук. Ростов-на-Дону, 2004.

*Пустовалов А. Р.* Развитие идей конституционализма в русской политико-правовой мысли XIX — начала XX века: Автореферат дис. ... канд. юр. наук. М., 2006.

*Селунская Н. Б., Тоштендаль Р.* Зарождение демократической культуры: Россия в начале XX в. М.: РОССПЭН, 2005.

*Сигачева Е. Л.* Конституционная монархия как форма правления (историко-правовой и сравнительно-правовой аспекты): Автореферат дис. ... канд. юр. наук. СПб., 2010.

*Томсинов В. А.* Сергей Андреевич Котляревский (1873–1939). Биографический очерк // Котляревский С. А. Конституционное государство. Юридические предпосылки русских Основных законов / Под ред. и с предисл. В. А. Томсинова. М.: Изд-во «Зерцало», 2004. С. VII–L.

*Усанов В. Е.* Становление и развитие парламентаризма в России: историко-правовое и критическое исследование: Монография. М.: Элит, 2008.

*Христофоров И. А.* От самодержавия к думской монархии // Первая революция в России: взгляд через столетие. М.: Памятники исторической мысли, 2005. С. 393–456.

*Цируцук Р. А.* Европейские парламенты и российская Дума начала XX века: сравнительно-правовой анализ // Имперские и национальные модели управления: российский и европейский опыт. Сб. материалов Международной научной конференции / Науч. ред. А. О. Чубарьян. М.: ИВИ РАН, 2007. С. 39–59.

*Шершеневич Г. Ф.* Конституционная монархия. М.: Типография Г. Лисснера и Д. Собко, 1906.

## Ю. Н. Беспятых

### О терминах «дворяне» и «шляхта» в России при Петре I (К полемике по поводу грамотности и происхождения А. Д. Меншикова)

Главный редактор издательства «Большая Российская энциклопедия» С. Л. Кравец в недавних газетных и телеинтервью сообщил: согласно подсчетам, каждая ошибка, допущенная в энциклопедии, повторяется в других научно-справочных и прочих публикациях, материалах СМИ 70 тысяч раз<sup>1</sup>.

Новость оглушительная. Затруднительно предположить, насколько та или иная авторская оплошность тиражируется в интернете, не говоря уже о неотвратимой цепной реакции в общественном мнении. Собственно, ошибка потенциально вполне может обрести силу общеизвестного факта. Опасность подобного промаха, будь то опечатка, обмолвка или добросовестное заблуждение, непредсказуемо велика, поскольку его способность к самовоспроизведению едва ли удастся осмыслить.

Под впечатлением изложенного вернусь к довольно давней полемике, чтобы оценить слова, написанные в рецензии на мою книгу о выдающемся государственном и военном деятеле А. Д. Меншикове<sup>2</sup> по поводу документа (за 1698 г.), в котором он назван дворянином<sup>3</sup>:

<sup>1</sup> См. напр.: <http://izvestia.ru> Энциклопедист—Известия; см. также: <http://www.peoples.ru/state/citizen/kravets/>; [http://www.e1.ru/news/spool/news\\_id-286608.html](http://www.e1.ru/news/spool/news_id-286608.html) (Последние обращения 26 марта 2015 г.)

<sup>2</sup> *Беспятых Ю. Н.* Александр Данилович Меншиков: Мифы и реальность. СПб., 2005.

<sup>3</sup> Там же. С. 123.

«Напомню, прежде всего: тогда дворянином называли человека, служившего при царском дворе. Иначе говоря, слово „дворянин“ имело совсем иное значение, чем то, которое оно приобрело позже. При Петре дворян в современном понимании слова называли шляхтой»<sup>4</sup>.

Выдержанный в острополюемичном ключе текст рецензии не сопровождается справочным аппаратом, а стало быть, читатель лишен возможности проверить как эти, так и прочие изложенные в ней сведения. Между тем всё в цитате недостоверно, подтвердить сказанное нечем (вот почему нет ссылок). Подумалось: текст, вышедший из-под пера автора, который слывет сведущим в истории Петровской эпохи, к тому же опубликованный большим тиражом на страницах весьма авторитетного научно-популярного журнала, неизбежно вселил ложное знание в умы очень многих читателей.

Цитированные слова Н. И. Павленко стали единственными, которые я обратил вниманием в ответе<sup>5</sup> рецензенту, поскольку они лишь вскользь затрагивают тему полемики, к тому же их разбор не позволял мне уместиться в заданный объем<sup>6</sup>.

<sup>4</sup> Павленко Н. И. Был ли А. Д. Меншиков грамотным? // Наука и жизнь. 2005. № 3. С. 74. — Общий смысл этих фраз доступен, но вместе с тем многое в них сказано невразумительно. Многоопытный автор затуманил свои суждения невнятными словами, исключающими возможность однозначного восприятия. «Тогда» — это когда? В 1698 г.? Что означает «позже»? Все-таки — когда же? «Современный» всегда толкуется двояко, а в текстах о прошлом неприемлем, так как с необходимостью требует управления: современный кому, чему. Безличный оборот «называли» свидетельствует о том, что написавший его не в ладах с русским языком, поскольку не объясняет главного: кто же именно называл. Подобная языковая неряшливость слабо увязывается с этикой научной дискуссии, а стало быть, со способностью ее вести. Собственно, рецензий две: ранее Н. И. Павленко неоднократно откликнулся в районной газете на мою журнальную статью (*Беспярых Ю. Н.* «...По письмам собственных наших рук...» // Югра. 2004. № 8. С. 81–86; № 9. С. 71–75); *Павленко Н. И.* Был ли А. Д. Меншиков грамотным? // Жизнь Югры. 2005. 8 февраля. № 9 (9540). С. 5. — Этот текст, выложенный в интернете по меньшей мере на двух десятках сайтов, густо окрашен (как и рецензия на книгу) назидательно-покровительственными интонациями. Мой ответ профессору опубликован в том же издании: *Беспярых Ю. Н.* А. Д. Меншиков был грамотен! // Жизнь Югры. 2005. 18 марта. № 19 (9550). С. 5.

<sup>5</sup> *Беспярых Ю. Н.* Как ваше слово отзовется? О рецензии Н. И. Павленко (Наука и жизнь. 2005. № 3. С. 69–75) на мою книгу «Александр Данилович Меншиков: Мифы и реальность» // Меншиковские чтения — 2006: Материалы чтений. СПб., 2006. С. 105–124.

<sup>6</sup> Ответ я заключил так (несколько сокращаю здесь свои выводы): «Рецензия заполнена фразами, призванными ввести в заблуждение неискущенного читателя. Помимо отвлеченных и необязательных <...> рассуждений Н. И. Павленко не предложил никакой встречной аргументации по существу обсуждаемых вопросов. Он опустил всё значимое в моих основанных на источниках доводах, после чего назвал их „абсолютно неубедительными“. В рецензии <...> как мы выше видели, всё либо заведомо неверно, либо по меньшей мере уязвимо, а моя аргументация по тому или иному поводу трактована произвольно <...> Собственно, содержание монографии, в которой использовано свыше четырехсот наименований (добавлю здесь: источников и литературы на семи европейских языках. — Ю. Б.), „работающих“ на раскрытие темы, так и осталось неясным <...> Мои наблюдения либо искажены до неузнаваемости, либо преподнесены в манере, каковую в науке <...> справедливо называют намеренным оглушением выкладок оппонента <...>



Кстати сказать, Н. И. Павленко не удовлетворился журнальной публикацией: полный текст рецензии все эти годы неизменно присутствует в интернете на нескольких — за десяток, пожалуй, поручусь — сайтах. В информационном поле перевес моего критика весьма и весьма убедителен, а стало быть, тем беспощадней он расправился с собственной исследовательской репутацией. Мне же спор изначально был скучен, поскольку знаю: способами, свободными от профессиональных приличий, отрицать установленное, конечно, можно, но надолго не получится. Посему и незачем заботиться о конечном результате столь своеобразной полемики.

Итак, Н. И. Павленко, не отыскавший действительных слабостей в моих историковедческих наблюдениях, написал отзывы, преисполненные лукавства с явственным привкусом высокомерия. Я же, вполне удовлетворенный самоубийственными рецензиями, спустя три года принял предложение главного редактора издательства «Историческая иллюстрация» о повторной публикации книги, не ощущая потребности что-либо в ней изменить, лишь дополнил документальными фактами, вновь обнаруженными за минувшее с 2005 г. время<sup>7</sup>.

Однако возобновить дискуссию в свете высказывания С. Л. Кравца побуждает важность темы, имеющей прямое отношение к общей истории российского дворянства.

Оговорюсь: поначалу буду говорить об известном, даже очевидном. Разумеется, поступаю так вынужденно, ведь полемику надлежит вести предметно и сопровождая излагаемые сведения ссылками на источники и литературу.

Итак, Н. И. Павленко сформулировал первую мысль: «дворянин» означает «придворный», тем самым определив всех российских дворян (речь же идет, должно быть, об исходе XVII столетия) в придворную службу<sup>8</sup>. Сей тезис был бы отчасти справедлив применительно к XIII–XIV вв.<sup>9</sup>, однако мой критик отрицает существование провинциального (городового, уездного) дворянства в начальные годы самостоятельного правления Петра I. Между тем данное утверждение прямо противоречит всем трудам о развитии поместной системы землевладения в Русском государстве вплоть по XVII в. и далее. Заодно,

---

Надеюсь, читатель раскроет, положив рядом, монографию и рецензию <...> и хотя бы выборочно, в любых местах сравнит их содержание, дабы прийти к самостоятельным выводам» (Там же. С. 120).

<sup>7</sup> *Беспятых Ю. Н.* Александр Данилович Меншиков: Мифы и реальность. Изд. 2-е, доп. СПб., 2008.

<sup>8</sup> По поводу московских чинов и придворного штата советую критику заглянуть (помимо литературы, показанной в примеч. 10) в монографию: *Седов П. В.* Закат Московского царства: Царский двор конца XVII века. СПб., 2006, а также в статью: *Захаров А. В.* «Государев двор» и «царедворцы» Петра I: Проблемы терминологии и реконструкции службы // *Правящие элиты и дворянство России во время и после петровских реформ (1682–1750)* / Отв. сост.: Н. Н. Петрухинцев, Л. Эррен. М., 2013. С. 10–44.

<sup>9</sup> О становлении поместной системы см. в обобщающей статье: *Буганов В. И.* Российское дворянство // *Вопросы истории.* 1994. № 1. С. 30–31.

дабы не повторять одну и ту же ссылку, сообщу рецензенту, что применительно к тому времени значение термина «дворянин» (но, конечно, не термина «дворянство»), вопреки второму заявлению Н. И. Павленко, в сути своей вполне согласуется с нынешним, привычным нам: дворяне-помещики уже столетиями постоянно жили на необъятных пространствах страны<sup>10</sup>.

За ненадобностью не вдаваясь в хорошо изученную общую проблематику исторических судеб отечественного дворянства, ниже комментирую только цитированные слова рецензии, сопровождая выкладки необходимым (минимальным) справочным аппаратом.

Н. И. Павленко было бы небесполезно заглянуть, скажем, в статью А. А. Селина<sup>11</sup>. Сошлюсь также на два документа, один из которых охватывает перечень российских уездов и волостей с показанием в них численности дворян по состоянию на 1632 и 1651 гг.<sup>12</sup> Подсчетами установлено, что в первом из названных году взрослых дворян по всей стране было приблизительно 50 тыс., во втором приблизительно 72 тыс. «Объединяя столичное и уездное дворянства, получим около 55 тыс. чел. м. п. в 1632 г. и около 80 тыс. чел. м. п. — в 1651 г.»<sup>13</sup>. Другой документ перечисляет провинциальных служилых людей и среди них дворян в городах и уездах по состоянию на 1651-й же год<sup>14</sup>.

<sup>10</sup> См. прежде всего: *Романович-Славатинский А. В.* Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права: Свод материала и приуготовительные этюды для исторического исследования. СПб., 1870. С. 2–5, 20, 21, 26, 58–59, 116–124, 128, 143–144, 145–147, 153, 158, 166, 181–183, 184–185, 187, 402–408; *Порай-Кошиц И. А.* Очерк истории русского дворянства от половины IX до конца XVIII века: 862–1796. СПб., 1874. С. 119–136, 140, 141, 142–153, 160–161; *Яблочков М. Т.* История дворянского сословия в России. СПб., 1876. С. 330–334, 341–416; *Павлов-Сильванский Н. П.* Государевы служилые люди: Происхождение русского дворянства. СПб., 1898. С. 253–286; *Евреинов Г. А.* Прошлое и настоящее значение русского дворянства. СПб., 1898. С. 51–73; *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права. Киев; СПб., 1900. С. 250–252; *Богословский М. М.* 1) Областная реформа Петра Великого: Провинция 1719–27 гг. М., 1902. — См. хотя бы с. 109–110; 2) Исследования по истории местного управления при Петре Великом // Журнал Министерства народного просвещения. 1903. Ч. СССXXXIX. Сентябрь. — См. хотя бы с. 141–142; *Милоков П. Н.* Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб., 1905. — Ограничусь здесь ссылкой на статистику со сведениями о дворовладении сибирского дворянства: с. 200, примеч. 4; *Дьяконов М. А.* Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. СПб., 1908. С. 265–275; *Буганов В. И.* Российское дворянство. С. 30–33.

<sup>11</sup> *Селин А. А.* Нетные и естные списки дворян и детей боярских северо-западных уездов 1602 г. // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2011. № 3. С. 102–103.

<sup>12</sup> Численность, состав и размещение служилого уездного дворянства в 1632 и 1651 гг. (взрослые мужчины) // *Водарский Я. Е.* Численность, состав и размещение дворянства в первой половине XVII в. // Дворянство России и его крепостные крестьяне: XVII — первая половина XVIII в. / Сост.: Я. Е. Водарский, О. А. Шватченко; отв. ред. Е. И. Индова. М., 1989. Табл. 2. С. 123–126.

<sup>13</sup> Там же. С. 129.

<sup>14</sup> «Сметный список» военных сил России 1651 г. // Там же. С. 9–15, 17, 26, 27, 29. — Перечень охватывает Европейскую Россию и Сибирь, учитывая также детей боярских,

Отошлю моего критика к монографии О. А. Шватченко, где ему (критику) понравится глава V («Вотчинное землевладение провинциальных служилых людей в 40–70-х годах XVII в.»)<sup>15</sup>, а затем к очередному труду этого исследователя, где стоит обратить внимание хотя бы на гл. 1 («Вотчинная система земельных магнатов, царедворцев и шляхетства России в 1705–1717 годах»)<sup>16</sup>. Службу провинциального дворянства в первой половине XVII в. изучил В. Н. Козляков<sup>17</sup>; в целом же жизнь отечественных дворян вне Москвы на протяжении столетия освещена в капитальной монографии Т. А. Лаптевой<sup>18</sup>.

Емкая характеристика места дворян в общественной и административной жизни российской провинции принадлежит В. О. Ключевскому: «В XVII в. дворянство в составе областных миров стояло довольно уединенно: сомкнувшись в уездные корпорации, оно имело очень мало связи с другими классами и оказывало слабое действие на ход местного управления <...> Петр открыл дворянству более широкое и прямое участие в местной администрации и этим органически ввел сословие в систему местного земского управления. Указом 10 марта 1702 г. при уездных воеводах учреждены были дворянские советы по выбору уездных дворянских обществ»<sup>19</sup>.

Расселенность по государству весьма многочисленных провинциальных дворян-землевладельцев теперь для широкого читателя очевидна.

Обсуждаемое (первое из трех) заявление Н. И. Павленко не имеет ничего общего и с его собственными убеждениями. Он сам как нельзя более ясно пишет: «Дворяне служили и в XVII в. Но тогда эта служба носила эпизодический характер: обычно весной, когда появлялся подножный корм для лошадей, царь призывал дворян в поместную конницу <...> Наступала зима, военные действия прекращались, и дворяне возвращались в свои усадьбы, чтобы четыре–шесть месяцев провести в полной безопасности и беспечной жизни <...> В ходе создания регулярной армии и флота, а также новых правительственных учреждений

---

не имевших тогда дворянского статуса, и служилых людей, относившихся к другим социальным группам.

<sup>15</sup> Шватченко О. А. Светские феодальные вотчины в России во второй половине XVII века: (Историко-географический очерк). М., 1996. С. 171–212.

<sup>16</sup> Шватченко О. А. Светские феодальные вотчины в России в эпоху Петра I. М., 2002. — См. хотя бы с. 23–76.

<sup>17</sup> Козляков В. Н. Служилый «город» Московского государства XVII века: (От Смуты до Соборного уложения). Ярославль, 2000.

<sup>18</sup> Лаптева Т. А. Провинциальное дворянство России в XVII веке. М., 2010.

<sup>19</sup> Ключевский В. О. История сословий в России: Курс, читанный в Московском университете в 1886 году. Изд. 3-е. Пг., 1918. С. 225. — Упомянут документ, название которого здесь уместно привести: 1702 г., марта 10. — Именный, данный Судному приказу. — Об отмене в городах губных старост и сыщиков и об определении в приказы дворян по выборам, в больших городах по четыре, а в малых по два дворянина для заседания в приказных избах вместе с воеводами и решения всяких дел по общим приговорам // Полное собрание законов Российской империи с 1649 года (далее — ПСЗ). СПб., 1830. Т. IV. № 1900. С. 189–190.

характер службы дворян существенно изменился. Праздную жизнь в усадьбах заменила полная опасностей служба в полках и на кораблях <...> Барское хозяйство оставалось без личного надзора <...> Отсюда стремление многих дворян уклониться от службы, где-либо отсидеться — в лесу или у родственников: на то время, когда в усадьбу прибывал курьер либо воинская команда, чтобы доставить укрывавшегося недоросля в полк»<sup>20</sup>.

В одной из двух монографий, вышедших из-под пера Н. И. Павленко, есть обширные сведения о выдающемся русском предпринимателе Н. Д. Демидове (1656–1725), за неоценимый вклад в становление и развитие отечественной промышленности возведенном Петром I в дворянское достоинство<sup>21</sup>. Счасть горнозаводчика придворным не получится: «Исключительное положение, занятое Никитой Демидовым, привело к пожалованию его в дворяне. Бывший тульский кузнец и оружейный мастер, затем комиссар на уральских заводах становится потомственным нижегородским дворянином»<sup>22</sup>.

В другом труде моего рецензента читаю: «...для выявления служебной годности и привлечения к дворян к службе организовывались дворянские смотры, периодически проводившиеся царем»<sup>23</sup>. Здесь, правда, опять ошибки, ведь Петр повелевал съехаться отнюдь не только для того, о чем сказано<sup>24</sup>. На самом деле он в 1704 г. затребовал в столицу всех дворянских недорослей, начиная с десятилетнего возраста; в 1705 г. получили приказ быть в столице все московские дворяне и придворные чины; в 1711 и 1712 гг. государь смотрел в Петербурге не состоявших на службе дворян и дворянских недорослей и определял взрослых к тому или иному делу, детей 10–15 лет — к учебе, а в 1713-м не прибывшим на смотр велел явиться: наиболее состоятельным в Петербург и менее зажиточным в Москву. Последний смотр Петром (всем царедворцам и дворянам — служилым и отставным) состоялся в 1721–1722 гг. На сей раз монарх за дальностью освободил от явки сибирское и астраханское дворянство<sup>25</sup>.

В изданном творчестве моего критика найдется еще сколько угодно сведений о провинциальном дворянстве при Петре I; мысль же, подобная

<sup>20</sup> Павленко Н. И. Петр Первый и его время. Книга для учащихся средних и старших классов. М., 1989. С. 120.

<sup>21</sup> Павленко Н. И. История металлургии в России XVIII века: Заводы и заводовладельцы. М., 1962. С. 496; Там же. Именной указатель. С. 542.

<sup>22</sup> Кафенгауз Б. Б. История хозяйства Демидовых в XVIII–XIX вв.: Опыт исследования по истории уральской металлургии. М.; Л., 1949. Т. I. С. 163.

<sup>23</sup> Павленко Н. И. У истоков российской бюрократии // Вопросы истории. 1989. № 12. С. 12.

<sup>24</sup> Тщетно пытаюсь примириться со специфическим словоупотреблением, не возьму в толк, какой смысл вложен в слово «периодически», способное ввести читателей в заблуждение. Ведь «периодический» — это «закономерно возвращающийся, наступающий через определенные промежутки времени», а «периодически» — наречие от него (Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1939. Т. III: П–Ряшка. Стб. 229).

<sup>25</sup> Яблочков М. Т. История дворянского сословия в России. С. 352–362; Павлов-Сильванский Н. П. Государевы служилые люди... С. 280–282.

обсуждаемой здесь (дворянин есть придворный), не проглядывает нигде. Ничего похожего на нее нет и в академическом сборнике, ответственным редактором которого выступил сам Н. И. Павленко. Кстати, согласно одному из авторов книги, «к началу XVIII в. число служилых дворян в государстве не превышало 16 тыс. чел.»<sup>26</sup>, со ссылкой на Я. Е. Водарского<sup>27</sup>. Правда, Е. И. Индова немного не дочитала, поскольку этот итог был неполным; несколько ниже Я. Е. Водарский определил: «...в начале XVIII в. в России было всего около 30 тыс. феодалов дворян»<sup>28</sup>. Позднее тот же исследователь подсчитал: по состоянию на 1721 г. «всего дворян — глав семей — насчитывалось <...> около 50 тыс. чел., а общая численность дворянства составляла около 150 тыс. чел.»<sup>29</sup>.

О провинциальных дворянах в начальные годы XVIII столетия читаем в другом академическом сборнике, ответственным редактором которого опять-таки значится мой рецензент<sup>30</sup>; применительно же к XVII в. — в учебном пособии для ВУЗов, изданном под его редакцией<sup>31</sup>.

Словом, налицо странность, неподвластная здравому смыслу: мой критик сформулировал тезисы (речь пока о первых двух), попирающие и то, что писал сам, и то, что ответственно редактировал, а заодно результаты исследований всех изучавших тему предшественников. Но если взгляды самого Н. И. Павленко укладываются в традиционный историографический пейзаж, то обсуждаемые здесь его утверждения являют собой не что иное, как чрезвычайно отважное и столь же небезобидное лукавство.

Остается осмыслить мотивы, побудившие почтенного автора пойти на это.

Ларчик открывается просто: профессор обиделся. Если кто-то покусился на беспрекословность утверждаемой им на протяжении долгих десятилетий неграмотности А. Д. Меншикова, то, разумеется, опасную ересь надобно немедленно любыми способами истребить, дабы не расплодилась по белу свету. Посему обе рецензии построены на оригинальном принципе — с порога отвергая мои

<sup>26</sup> *Индова Е. И.* К вопросу о дворянской собственности в России в поздний феодальный период // Дворянство и крепостной строй в России XVI–XVIII вв.: Сборник статей, посвященный памяти Алексея Андреевича Новосельского / Отв. ред. Н. И. Павленко. М., 1975. С. 275. — По всей статье, как и в большинстве других статей сборника, много ценных сведений о провинциальном дворянстве XV — первой четверти XVIII в.

<sup>27</sup> *Водарский Я. Е.* Служилое дворянство в России в конце XVII — начале XVIII в. // Вопросы военной истории России: XVIII и первая половина XIX веков. М., 1969. С. 234.

<sup>28</sup> Там же. С. 237.

<sup>29</sup> *Водарский Я. Е.* Население России в конце XVII — начале XVIII века: (Численность, социально-классовый состав, размещение). М., 1977. С. 65.

<sup>30</sup> Полагаю достаточным сослаться на одну только статью: *Голикова Н. Б.* К истории Астраханского восстания 1705–1706 гг.: (Социальная политика и органы управления восставших) // Россия в период реформ Петра I / Отв. ред. Н. И. Павленко. М., 1973. — См., напр., с. 254, 255, 257. — Упомяну еще: *Фаизова И. В.* «Манифест о вольности» и служба дворянства в XVIII столетии / Отв. ред. Н. И. Павленко. М., 1999. См., напр., с. 35.

<sup>31</sup> *Павленко Н. И., Кобрин В. Б., Федоров В. А.* История СССР с древнейших времен до 1861 года / Под ред. Н. И. Павленко. М., 1989. См., напр., с. 207–208.

источниковедческие наблюдения и умозаключения, Н. И. Павленко изобрел возражения вплоть до фантастических (в смысле их корректности и правдоподобности), не печалась ни о читателях, ни о собственной репутации. Те же мои выкладки, против которых не удалось найти формулировок, попросту обойдены вниманием.

Когда и этого мало, в ход идет незатейливый (иного эпитета не подберу) подлог: «...Ю. Н. Беспярых ссылается на свидетельство камер-юнкера Ф. В. Берхгольца, записавшего в своем „Дневнике“: „...князь Меншиков читал о производстве по армии...“»<sup>32</sup>. Конец цитаты. Из нее не видно, что за текст где-то кому-то оглашал Александр Данилович. Н. И. Павленко резонно заключает: мог зачитывать и не сам.

Резонно, если не знать полной цитаты, прозвучавшей в моих статье и книге: «...князь Меншиков читал о производствах по армии, а великий адмирал по флоту. После них сенатский обер-секретарь прочел о награждениях и повышениях министрам, бывшим на мирном конгрессе, и многим другим заслуженным лицам»<sup>33</sup>.

Гольштинский придворный написал это, подробно освещая торжества 22 октября 1721 г. по случаю заключения Ништадтского мира, завершившего Северную войну. Перед множеством людей, собравшихся праздновать грандиозный триумф России, А. Д. Меншиков как генерал-фельдмаршал и президент Военной коллегии, а за ним по своим ведомствам генерал-адмирал, президент Адмиралтейств-коллегии Ф. М. Апраксин и обер-секретарь Сената А. Я. Щукин зачитали весьма пространные перечни сухопутных и морских военнослужащих и гражданских лиц, в ознаменование великой победы над Швецией произведенных в очередные чины.

<sup>32</sup> Павленко Н. И. Был ли А. Д. Меншиков грамотным? // Жизнь Югры. С. 5.

<sup>33</sup> См.: *Беспярых Ю. Н.* 1) А. Д. Меншиков был грамотен! // Жизнь Югры. 2005. 18 марта. № 19 (9550). С. 5; 2) Александр Данилович Меншиков... 2005. С. 24–25. — Цитировано по кн.: *Берхголец Ф. В.* Дневник камер-юнкера Ф. В. Берхгольца / Пер. с нем. И. Ф. Аммо-на. М., 1902. Ч. 1. С. 136. — Перепечатано (по русскому изданию 1858–1860 гг. в том же переводе): *Берхголец Ф. В.* Дневник камер-юнкера Фридриха Вильгельма Берхгольца // Неистовый реформатор / Сост.: А. Либерман, В. П. Наумов; послесловие, указатель имен, глоссарий В. П. Наумова. М., 2000. С. 227. — Это известие слишком важно, чтобы можно было довериться переводу. В немецком оригинале (его орфографию сохраняю): «...wurden vom Fürst Mentschikof die Avancemens bey der Armeem, und vom Großadmiral die von der Flotte angekündigt, worauf denn auch noch durch der Obersecretair des Senats einige Gratificationen und Avancemens angekündigt wurden, nemlich für die Minister, welche den Frieden geschlossen, und für andere meritirte Personen mehr» (*Bergholz F. W.* Fridrich Wilhelm von Bergholz, Großfürstlichen Oberkammerherrns, Tagebuch, welches er in Rußland von 1721 bis 1725 als holsteinischer Kammerjunger gefüret hat: Erster Theil, von 1721 // Magazin für die neue Historie und Geographie, angeleget von D. Anton Friderich Büsching... Halle, 1785. Theil XIX. S. 144). Допущенные в переводе смысловые неточности не имеют отношения к А. Д. Меншикову: вместо «министрам, бывшим на мирном конгрессе» точнее было бы перевести: «а именно министрам, заключившим мир»; в оригинале отсутствует слово «многим» применительно к другим гражданским лицам.

Наблюдения немца подтверждает официальная реляция об этих торжествах, опубликованная Сенатом 1 ноября 1721 г.: «Потом объявлено от его светлости князя Меншикова яко генерал-фельдмаршала и от генерал-адмирала графа Апраксина повышения чинов многим<sup>34</sup> заслуженным особам — как морским флагманам и обер-офицерам, так и сухопутным генералитету и штаб- и обер-офицерам; а после того сказываны от обер-секретаря сенатского награждения и чины министрам полномочным, чрез которых в Нейштате мирной заключен трактат; також и другим персонам за службы их, також отпущение вин и долгов объявлено. Потом сели за столы кушать, за которыми с тысячу персон обоого пола было, понеже все знатные служители духовнаго и морскаго чина при том присутствовали»<sup>35</sup>.

К обсуждению вопроса о чтении у меня есть причина в скором времени вернуться; тогда и сообщу о трактовке рецензентом других фактов, это умение светлейшего князя устанавливающих. Что же до владения А. Д. Меншиковым навыками письма, то Н. И. Павленко сокрушается: «...вот незадача: человек с такими обширными познаниями не оставил потомкам ни одного автографа (кроме подписи)...»<sup>36</sup>. Между тем в моих статье и книге помещена подборка автографов А. Д. Меншикова и среди них факсимильно воспроизведенная еще Н. Г. Устряловым фраза: «Александрко Меншиков челомъ бьетъ»<sup>37</sup> (без «ъ» в конце фамилии). Об этом мой критик делится такими соображениями: «Автограф „Александр по Меншиков челомъ бьетъ“ нехарактерен для скорописи начала XVIII в., это скорее упражнение в рисовании букв. Тому свидетельство бессмысленное дополнение „по“ к слову „Александр“»<sup>38</sup>.

Историк (по его собственным словам, «десятки лет изучавший архивные источники», «основательно перелопативший архивный фонд Меншикова»<sup>39</sup>) оказался не в состоянии прочесть написанное аккуратным, крупным почерком и явно адресованное царю, поскольку с пусть и необычным, но уменьшительным «Александрко». И это отнюдь не скоропись.

Мой рецензент предпочел не заметить воспроизведенную на той же странице другую обнаруженную Н. Г. Устряловым запись (скорописью, 1702 г.), несомненно, вышедшую из-под руки будущего светлейшего князя: «Александрку

<sup>34</sup> В тексте: «многих».

<sup>35</sup> Цитирую по перепечатанному фрагменту: 1721 г., октября 22. — Акт поднесения государю царю Петру I титула императора Всероссийскаго и наименования Великаго и Отца Отечества // ПСЗ. СПб., 1830. Т. VI. № 3840. С. 447, примеч.\* со с. 446.

<sup>36</sup> Павленко Н. И. Был ли А. Д. Меншиков грамотным? // Наука и жизнь. С. 73.

<sup>37</sup> Подписи Александра Меншикова // Устрялов Н. Г. Карты, планы и снимки к четвертому тому «Истории царствования Петра Великого». СПб., 1863. 16: № 2. С. 16–17. — См. об этом и других автографах: Беспятых Ю. Н. Александр Данилович Меншиков... 2005. С. 34–36.

<sup>38</sup> Павленко Н. И. Был ли А. Д. Меншиков грамотным? // Жизнь Югры. С. 5.

<sup>39</sup> Там же; Павленко Н. И. Был ли А. Д. Меншиков грамотным? // Наука и жизнь. С. 73.

Меншикову сто восемьдесят рублевъ. Александръ Меншиковъ принялъ», как и еще двух<sup>40</sup>.

Н. И. Павленко не знает свидетельства об умении писать, давно обнаруженного Г. В. Есиповым (к слову, поистине добросовестным биографом светлейшего князя). Будущие жена и свояченица — Д. М. и В. М. Арсеньевы — отвечали пребывавшему в Воронеже адресату: «Радость, наш государь милостивый, батюшка Александр Данилович!.. И не сподобились видеть тебя, света своего, только о сем порадовались, что увидели письмо руки твоей. Дашка да Варька челом бьем»<sup>41</sup>. Не назвали бы «письмом руки твоей» послание, лишь, допустим, подписанное корреспондентом. В этом случае было бы: «за рукой твоей».

Помимо показанной выше в примечании 6 «абсолютной необедительности» моих наблюдений Н. И. Павленко щедро одаривает читателей другими неотразимыми заклинаниями: я (Ю. Б.) «верен своим приемам интерпретации источника в угодном себе направлении», мои «доказательства<sup>42</sup> настолько необедительны, что их неловко и опровергать», у меня нет «ни тени сомнения», я «толкую в угоду своей навязчивой идее», «принимаю на веру», утверждаю то-то и то-то «вопреки существующему в истории мнению»<sup>43</sup>, и прочими столь же деликатными любезностями. Цитируемые мною подлинные, устанавливающие истину документы «вызывают сомнения», «не вызывают доверия», «вызывают подозрения»; сведения «не убеждают», они «насколько мутны, что принимать их всерьез нет оснований»<sup>44</sup>, и т. п. Сколько-нибудь разумные контраргументы отсутствуют, что я и показал в обоих ответах.

Третье из цитированных в самом начале настоящей статьи заявлений Н. И. Павленко («при Петре дворян в современном понимании слова называли шляхтой») тоже несправедливо. Дабы в этом удостоверился и мой оппонент, предлагаю результаты просмотра официальной документации, помещенной в «Полном собрании законов Российской империи с 1649 года». Приняты следующие хронологические рамки: нижняя граница — переворот 8 августа—7 сентября 1689 г., завершившийся заточением в подмосковный Новодевичий монастырь регентши царевны Софьи Алексеевны и началом самостоятельного правления Петра I с его матерью Натальей Кирилловной (Нарышкиной)<sup>45</sup>;

<sup>40</sup> *Беспярых Ю. Н.* Александр Данилович Меншиков... 2005. С. 36.

<sup>41</sup> *Есипов Г. В.* Князь Александр Данилович Меншиков // Русский архив. 1875. Кн. 2. Вып. 7. С. 237.

<sup>42</sup> Для справки: в историческом исследовании (если автор совестлив) не бывает доказательств. Доказывают, чья вера (религия) лучше, поскольку истина недоступна. Историк же — устанавливает, в противном случае он не вправе позиционировать себя таковым.

<sup>43</sup> Смысл этой загадочной формулировки постичь не могу.

<sup>44</sup> *Павленко Н. И.* 1) Был ли А. Д. Меншиков грамотным? // Жизнь Югры. С. 5; 2) Был ли А. Д. Меншиков грамотным? // Наука и жизнь. С. 71, 72, 74.

<sup>45</sup> См.: *Лавров А. С.* Регентство царевны Софьи: Служилое общество и борьба за власть



верхняя — крах карьеры А. Д. Меншикова<sup>46</sup>, после кончины монарха-реформатора (28 января 1725 г.) фактически правившего Российской империей в царствование Екатерины I Алексеевны (умерла 6 мая 1727 г.) и затем до постигшей его опалы (8 сентября 1727 г., а прежде светлейший князь месяц тяжело болел) при отроке-императоре Петре II Алексеевиче. Это тома III–VII ПСЗ за 1689–1727 гг., охватывающие именные и сенатские указы; трактаты, конвенции, капитуляции; уставы, регламенты; жалованные грамоты, инструкции, наказы должностным лицам, и проч., — всего 3892 (№ 1328–5219 на 4115 страницах). Сплошным просмотром пяти томов выявлено, что искомые термины встречаются в приблизительно трех с половиной сотнях документов. (Под вынесенными в заголовок моей статьи терминами повсеместно понимаю «дворян» и «шляхту», как значится в рецензии, и производные от них.) Неоднократные, а порой многократные повторы этих слов на одной и той же странице документа за ненадобностью не учитывались, помимо специально оговоренных случаев.

Сначала изложу результаты наблюдений применительно к территориям вне великорусских. Для удобства читателей далее в ссылках на ПСЗ показываю годы полужирным шрифтом, даты курсивом.

Шляхтой документы именуют дворянство (рыцарство) Речи Посполитой (польско-литовское)<sup>47</sup>, шведское<sup>48</sup> и немецких земель в целом<sup>49</sup>, в том числе гамбургское<sup>50</sup>, данцигское<sup>51</sup>, мекленбург-шверинское<sup>52</sup>, а также австрийское<sup>53</sup>, швейцарское (женевское)<sup>54</sup>, валахское («волошского народа», «волошское»)<sup>55</sup>, грузинское<sup>56</sup>. Уроженец города Рагуза (ныне г. Дубровник в хорватской Далмации) Савва Лукич Владиславич-Рагузинский — «иллирийский шляхтич»<sup>57</sup>.

---

в верхах Русского государства в 1682–1689 гг. М., 1999. С. 157–190; *Хьюз Л.* Царевна Софья / Пер. с англ. и науч. ред. С. В. Лобачева. СПб., 2001. С. 277–301.

<sup>46</sup> Павленко Н. И. Меншиков: Полудержавный властелин. М., 1999. С. 245.

<sup>47</sup> ПСЗ. Т. IV. **1704 г.**, августа 19/30. № 1991. С. 266; **1707 г.**, марта 30. № 2145. С. 376, 377; Т. VII. **1724 г.**, января 14. № 4415. С. 202; турецкий сановник «господин Александр от шляхетского рода Шкарлатова»: Т. IV. **1700 г.**, июля 3. № 1804. С. 67. — Шкарлат (Szkarlát) — польско-украинская фамилия.

<sup>48</sup> Там же. Т. VI. **1721 г.**, апрель. № 3778. С. 385.

<sup>49</sup> Там же. Т. IV. **1710 г.**, июля 4. № 2279. С. 519.

<sup>50</sup> Там же. Т. V. **1713 г.**, декабря 11. № 2752. С. 75.

<sup>51</sup> Там же. **1714 г.**, апреля 30. № 2802. С. 100.

<sup>52</sup> Там же. **1716 г.**, апреля 7/18. № 3007. С. 456.

<sup>53</sup> Там же. Т. III. **1689 г.**, октября 2. № 1351. С. 39.

<sup>54</sup> Там же. **1693 г.**, апреля 25. № 1466. С. 156.

<sup>55</sup> Там же. Т. IV. **1707 г.**, марта 30. № 2145. С. 379; апреля 20. № 2148. С. 379; **1711 г.**, апреля 15. № 2347. С. 660, 662. — Валахия — историческая область, ныне в южной части Румынии.

<sup>56</sup> Там же. Т. VII. **1724 г.**, ноября 23. № 4603. С. 373.

<sup>57</sup> Там же. Т. IV. **1703 г.**, июля 6. № 1936. С. 222; **1705 г.**, апреля 2. № 2044. С. 301, 302; **1707 г.**, декабря 18. № 2178. С. 398.

Представителей привилегированного сословия в немецком курфюршестве Бранденбург документ на исходе XVII в. назвал дворянами<sup>58</sup>. Однажды упомянуты дворяне терские<sup>59</sup> (то есть живущие по реке Терек на Северном Кавказе).

Благородное сословие завоеванных Россией в 1704–1710 гг. шведских прибалтийских провинций Лифляндия и Эстляндия с островом Эзелем (ныне эстонский Сааремаа) официальные документы ПСЗ называют шляхтой (иногда синонимично также рыцарством) — лифляндской (также отдельно: рижской, дерптской, нарвской) и эстляндской (также отдельно: ревальской, перновской)<sup>60</sup>. Впервые дерптское шляхетство названо только «дворянством» под 14 июля 1704 г.<sup>61</sup> Позднее в одном и том же документе наряду с многократно повторяемыми применительно к лифляндцам и эстляндцам «шляхта, шляхетство» присутствуют как синонимы «дворяне», «дворянство»<sup>62</sup>.

Шляхетством же именуется соответствующее сословие еще одной возвращенной по условиям русско-шведского Ништадтского мирного трактата, завершившего Северную войну 1700–1721 гг. под российскую корону провинции — Ингерманландии (Ижорской земли), которая ранее была уступлена Россией по русско-шведскому Столбовскому мирному договору 1617 г., а также отторгнутого от королевства Выборгского уезда<sup>63</sup>.

«Смоленская область имела в русской истории межеумочный характер <...> В начале XV века она теряет самостоятельность, подпав под власть Литвы, и с тех пор переходит из рук в руки. В начале XVI века она переходит под власть Москвы, в начале XVII делается опять достоянием Польши и наконец в половине XVII века присоединяется уже навсегда к Московскому государству»<sup>64</sup>.

<sup>58</sup> Там же. Т. III. **1699 г.**, марта 11. № 1680. С. 604, 606.

<sup>59</sup> Там же. Т. VII. **1726 г.**, июня 22. № 4911. С. 668.

<sup>60</sup> Там же. Т. IV. **1710 г.**, июля 4. № 2277. С. 503, 511, 512, 519, 521, 522, 523, 524, 525, 526, 532; августа 12. № 2286. С. 537, 538, 539, 540, 541; августа 16. № 2287. С. 544, 545; сентября 29. № 2297. С. 556, 558 (в издании опечатка: с. 568), 559; сентября 29. № 2298. С. 560, 561, 563, 565, 566; сентября 29. № 2299. С. 568–575, 578–580, 579, 580; **1712 г.**, марта 1. № 2495. С. 810; марта 1. № 2496. С. 810, 811, 813, 814, 816, 817; марта 13. № 2501. С. 819; Т. V. **1713 г.**, октября 14. № 2723. С. 62; ноября 28. № 2742. С. 72; Т. VI. **1721 г.**, августа 30. № 3819. С. 425; октября 16. № 3835. С. 441; Т. VII. **1723 г.**, июня 19. № 4251. С. 84; сентября 3. № 4309. С. 119; **1724 г.**, января 17. № 4419. С. 204; февраля 8. № 4464. С. 254; августа 6. № 4541. С. 332; сентября 30. № 4573. С. 350; декабря 4. № 4612. С. 383, 384; **1725 г.**, мая 14. № 4720. С. 476; мая 31. № 4723. С. 502 (в издании опечатка: с. 512); июля 1. № 4743. С. 512, 515; августа 17. № 4763. С. 529, 530; сентября 22. № 4779. С. 536, 537; сентября 24. № 4782. С. 537, 538; декабря 22. № 4817. С. 557, 558; **1726 г.**, мая 17. № 4884. С. 649, 650; июля 13. № 4924. С. 676.

<sup>61</sup> Там же. Т. IV. **1704 г.**, июля 14. № 1985. С. 261.

<sup>62</sup> Там же. **1710 г.**: июля 4. № 2277. С. 542; сентября 29. № 2298. С. 562; сентября 29. № 2299. С. 567; сентября 30. № 2301. С. 575–577; октября 12. № 2304. С. 578–580; **1712 г.**, марта 1. № 2496. С. 814; Т. VII. **1723 г.**, сентября 30. № 4315. С. 126.

<sup>63</sup> Там же. Т. VII. **1724 г.**, января 17. № 4419. С. 204.

<sup>64</sup> Богословский М. М. Смоленское шляхетство в XVIII веке // Журнал Министерства народного просвещения. 1899. Ч. CCCXXII. Март. С. 27.

Последнее предложение сообщает о русско-польской войне 1609–1618 гг., в результате которой смоленские земли с городами Смоленск, Рославль, Дорогобуж, Белая (ныне г. Белый в Тверской обл.), Невель отошли под власть Речи Посполитой, а после войны с нею 1654–1667 гг. были возвращены в Россию; в титулатуре Петра присутствует «Великое княжество Смоленское». Его представители благородного сословия в официальной документации почти всегда именуется согласно польско-литовской традиции: смоленская (иногда также по уездам княжества — смоленская, рославльская («рославская»), бельская, дорогобужская) шляхта<sup>65</sup> (однажды синонимично с этим прозвучало: смоленские «дворяне»<sup>66</sup>). Так же документы называют благородное сословие находившегося в составе Речи Посполитой города Полоцка<sup>67</sup> (ныне в Витебской области Беларуси). Дважды упомянуты шляхтичи-малороссы, то есть, по-видимому, жившие на территории Гетманщины<sup>68</sup>, и однажды встречаем термин «дворяне» Киевской губернии<sup>69</sup>.

Таким образом, в просмотренной официальной документации шляхетством обычно именуется все упомянутые европейские благородные сословия (но подданные крымского хана — «породные люди»<sup>70</sup>).

Применительно к великороссам термин «шляхетство» впервые прозвучал в именном указе Петра от 16 января 1712 г.<sup>71</sup>: «Объявить шляхетским тысячи домам...»; «...шляхетству дворы и земли...»; «Сказать всему шляхетству, чтоб каждой дворянин во всяких случаях (какой бы фамилии не<sup>72</sup> был) почесть и первое место давал каждому офицеру, и службу почитать и писаться токмо офицером, а шляхетству (которые не в офицерах) только то писать, куда разве посланы будут...»<sup>73</sup>. Здесь же упомянуты «дворянские дети» и «молодые дворяне»<sup>74</sup>.

<sup>65</sup> Там же. Т. III. **1689 г.**, июля 27. № 1343. С. 23; **1693 г.**, без даты. № 1478. С. 170, 171; **1696 г.**, февраля 6. № 1539. С. 225; **1697 г.**, генваря 22. № 1566. С. 272; **1698 г.**, апреля 5. № 1627. С. 447; **августа 25.** № 1640. С. 458; Т. IV. **1700 г.**, февраля 6 (очевидная опечатка в дате, поскольку предыдущий документ датирован 28-м февраля, а последующий 1-м марта). № 1772. С. 17; **1701 г.**, декабря 30. № 1886. С. 181; Т. V. **1713 г.**, мая 29. № 2684. С. 35; **июля 15.** № 2696. С. 46; Т. VII. **1723 г.**, октября 23. № 4334. С. 138; **1724 г.**, июня 2. № 4520. С. 296; **1726 г.**, июля 12. № 4918. С. 672; **сентября 26.** № 4958. С. 697.

<sup>66</sup> Там же. Т. IV. **1701 г.**, августа 26. № 1867. С. 172.

<sup>67</sup> Там же. Т. VII. **1725 г.**, апреля 7. № 4690. С. 443; **1726 г.**, апреля 1. № 4865. С. 599.

<sup>68</sup> Там же. Т. IV. **1701 г.**, августа 26. № 1867. С. 172; Т. VI. **1722 г.**, мая 16. № 4010. С. 682.

<sup>69</sup> Там же. Т. VII. **1723 г.**, апреля 29. № 4200. С. 52.

<sup>70</sup> Там же. Т. III. **1691 г.**, февраля 27. № 1435. С. 124.

<sup>71</sup> Это отмечено в литературе, см., напр.: Романович-Славатинский А. В. Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права... С. 3; Порай-Кошиц И. А. Очерк истории русского дворянства... С. 120, 213, примеч. 434. Павлов-Сильванский Н. П. Государевы служилые люди... С. 258, 260, 261, примеч.\*

<sup>72</sup> Так в документе.

<sup>73</sup> ПСЗ. Т. IV. **1712 г.**, генваря 16. № 2467. С. 778, 779.

<sup>74</sup> Там же. С. 779.

«В указе о единонаследии 1714 г. Петр I заменил характерные для XVII в. перечисления множества чиновных кругов безличным обращением: „тем, которые“»<sup>75</sup>. Добавлю, что в конце документа царь всё же однажды написал «дворянския фамилии»<sup>76</sup>, имея в виду представителей всех групп будущего единого сословия.

Позднее в одних документах встречаем только «шляхетство» (редко: «шляхетство»), «шляхетские дети», «шляхетские маетности», «шляхетские вотчины», «шляхетные лошади», «шляхетские списки»<sup>77</sup>, а во многих других вперемежку с ними — также «дворянин» и производные от него<sup>78</sup>.

Таким образом, «шляхетство» и прилагательные от него применительно к великорусскому привилегированному сословию в изученной официальной документации ПСЗ повсеместно употреблены только как собирательная категория, на время заменившая собой общий термин «дворянство». Прав Н. П. Павлов-Сильванский: «Каждый член шляхетства не назывался, однако, шляхтичем, но дворянином»<sup>79</sup>. Термин «шляхта», на котором настаивает Н. И. Павленко, отсутствует; «шляхтич» за петровское время тоже не обнаружен<sup>80</sup>.

<sup>75</sup> Захаров А. В. «Государев двор» и «царедворцы» Петра I... С. 38.

<sup>76</sup> ПСЗ. Т. V. 1714 г., марта 23. № 2789. С. 94.

<sup>77</sup> Там же. Т. V. 1715 г., марта 30. № 3006. С. 203; 1719 г., январь. № 3294. С. 628; мая 11. № 5370. С. 698, 699; ноября 16. № 3452. С. 753; Т. VI. 1720 г., августа 23. № 3631. С. 231, 232; августа 24. № 3632. С. 233; октября 29. № 3669. С. 252; марта 7. № 3757. С. 369; октября 16. № 3835. С. 441; октября 19. № 3837. С. 442; декабря 23. № 3869. С. 467; 1721 г., мая 8. № 3780. С. 387; июля 6. № 3803. С. 406, 407; 1722 г., января 11. № 3874. С. 478; апреля 12. № 3962. С. 649; апреля 14. № 3967. С. 654; октября 22. № 4114. С. 784; Т. VII. 1723 г., мая 14. № 4224. С. 64; мая 28. № 4236. С. 71.; июня 5. № 4242. С. 76; сентября 3. № 4295. С. 109, 110; сентября 23. № 4309. С. 119; сентября 30. № 4317. С. 127; октября 17. № 4326. С. 133; декабря 3. № 4378. С. 171; 1724 г., февраля 5. № 4458. С. 250; марта 10. № 4675. С. 434; 1725 г., апреля 22. № 4700. С. 457; 1726 г., января 14. № 4822. С. 562, 563; марта 14. № 4856. С. 588; апреля 1. № 4865. С. 645; апреля 22. № 4873. С. 645; 1727 г., февраля 24. № 5016. С. 743; марта 20. № 5043. С. 768.

<sup>78</sup> Там же. Т. V. 1713 г., марта 4. № 2650. С. 18, 19; Т. VI. 1721 г., января 16. № 3708. С. 295, 300, 304; с. 306, 308–309; марта 29. № 3766. С. 373; августа 30. № 3820. С. 431; ноября 19. № 3854. С. 455, 456, 457; 1722 г., февраля 5. № 3896. С. 497, 498, 499; февраля 5. № 3901. С. 505, 506, 507; Т. VII. 1723 г., января 19. № 4145. С. 11, 12; марта 7. № 4180. С. 29; 1724 г., января 5. № 4406. С. 197, 198; января 31. № 4449. С. 226; 1725 г., января 27. № 4641. С. 409; июня 3. № 4899. С. 658; 1727 г., февраля 24. № 5017. С. 744, 747.

<sup>79</sup> Павлов-Сильванский Н. П. Государевы служилые люди... С. 258.

<sup>80</sup> Однажды он встретился ровно через четыре месяца после кончины Петра в «Пунктах о вотчинных делах» от 28 мая 1725 г., подписанных императрицей Екатериной I Алексеевной (и развивающих положения петровского именного указа «О порядке наследования в движимых и недвижимых имуществах»). Резолюция 2 государыни на пункт 7 доклада («После последней в роду у мужа, которой прозвище примет, недвижимого имения не отнимать»), вышедшего из Правительствующего Сената, звучит так: «И буде та замужняя или девка, вышед замуж, умрут бездетны, то недвижимого у мужей их, буде она была за офицером или за шляхтичем, не отнимать, понеже они прозвание другой

В следующих документах о великороссах только (помимо показанных выше упоминаний): дворянин, дворяне (думные, московские, выборные, провинциальные, городовые, уездные, отставные); дворяне духовных властей (патриаршие, архиерейские, синодальные); адъективация от них: дворянский, дворянское, дворянские дети (либо: недоросли); дворянство<sup>81</sup>.

фамилии на себя приняли для того недвижимого имения». В этом документе дважды встречается термин «дворянские фамилии» (1725 г., *мая* 28. — Пункты о вотчинных делах // ПСЗ. Т. VII. № 4722. С. 484). Документ также содержит на нумерованных страницах схематически исполненные «Поколенные росписи к указу 1725, мая 28-го», разрывающие основной текст. На схеме № 11 об этом сказано в частности: «Меньшая девка зговорила замуж, и жених, офицер или шляхтич, принимает фамилию отца ее» (Там же. Пагинации нет).

<sup>81</sup> ПСЗ. Т. III. **1689 г.**, *январь*. № 1333. С. 11; *марта* 12. № 1336. С. 15; *марта* 20. № 1338. С. 18; *июня* 25. № 1342. С. 21; *июля* 27. № 1343. С. 23, 24, 26–29; *августа* 11. № 1344. С. 30; *октября* 1. № 1350. С. 36–38; *октября* 29. № 1357. С. 44; **1690 г.**, *марта* 21. № 1366. С. 54; *марта* 29. № 1367. С. 55; *апреля* 7. № 1369. С. 58, 60, 62; *апреля* 11. № 1371. С. 63, 64; *мая* 14. № 1374. С. 67; *октября* 6. № 1385. С. 82, 83; [без даты.] № 1391. С. 87; **1691 г.**, *марта* 24. № 1396. С. 91; *октябрь*. № 1419. С. 116; **1692 г.**, *марта* 1. № 1436. С. 125; *июня* 6. № 1439. С. 128 (в издании опечатка: с. 182); *июня* 17. № 1440. С. 129; *июля* 9. № 1442. С. 130; *ноября* 13. № 1453. С. 145; **1693 г.**, *февраля* 16. № 1461. С. 151; *марта* 27. № 1462. С. 152; *апреля* 20. № 1465. С. 154, 155; *декабря* 10. № 1477. С. 169, 170; **1694 г.**, *января* 8. № 1479. С. 171; *октября* 2. № 1496. С. 181–183; *декабря* 19. № 1502. С. 186, 187, 194; **1695 г.**, *января* 20. № 1503. С. 195; *февраля* 15. № 1504. С. 196; *февраля* 16. № 1505. С. 197; *февраля* 18. № 1506. С. 198; *марта* 10. № 1507. С. 198; *ноября* 27. № 1521. С. 210; *декабря* 25. № 1524. С. 212, 213; *декабря* 26. № 1525. С. 213; **1696 г.**, *января* 2. № 1530. С. 216; *января* 29. № 1536. С. 220, 221; *февраля* 2. № 1537. С. 223; *февраля* 6. № 1539. С. 225; *октября* 3. № 1549. С. 262; *октября* 10. № 1550. С. 262; *ноября* 22. № 1554. С. 264; *ноября* 22. № 1555. С. 265; *ноября* 30. № 1558. С. 266; *декабря* 18. № 1561. С. 270; **1697 г.**, *января* 22. № 1566. С. 272; *января* 26. № 1568. С. 273; *февраля* 25. № 1574. С. 280; *марта* 4. № 1575. С. 280; *марта* 31. № 1579. С. 284–287, 292, 294; *мая* 14. № 1585. С. 308; *сентября* 1. № 1594. С. 337, 340, 344–346, 348, 352, 361; *декабря* 5. № 1605. С. 410; **1698 г.**, *февраля* 9. № 1617. С. 427, 428; *февраля* 23. № 1619. С. 432; *марта* 3. № 1622. С. 437; *апреля* 19. № 1630. С. 450; *июля* 19. № 1638. С. 457; *август*. № 1645. С. 475; *октября* 13. № 1650. С. 485–489; *ноября* 23. № 1656. С. 525; *ноября* 30. № 1657. С. 525; *декабря* 4. № 1658. С. 525; **1699 г.**, *января* 12. № 1669. С. 532; *марта* 11. № 1680. С. 608; *марта* 15. № 1681. С. 610, 611; *марта* 16. № 1682. С. 611; *июня* 29. № 1689. С. 634; *июля* 11. № 1692. С. 639; *октября* 31. № 1711. С. 656, 664; *декабря* 6. № 1729. С. 677; *декабря* 28. № 1738. С. 683, 684; Т. IV. **1700 г.**, *января* 4. № 1741. С. [1.]; *февраля* 18. № 1766. С. 15; *мая* 23. № 1782. С. 23; *мая* 24. № 1787. С. 25; *мая* 30. № 1792. С. 29, 31; *августа* 19. № 1811. С. 75; *ноября* 2. № 1815. С. 80; *декабря* 16. № 1818. С. 88; **1701 г.**, *января* 31. № 1834. С. 139; *февраля* 21. № 1836. С. 150, 152; *апреля* 9. № 1849. С. 163; *июля* 4. № 1863. С. 174; *августа* 7. № 1864. С. 171; *августа* 26. № 1867. С. 172, 173; *сентября* 22. № 1869. С. 173; *ноября* 2. № 1874. С. 175; *ноября* 7. № 1877. С. 176; [без даты.] № 1887. С. 182; **1702 г.**, *марта* 10. № 1900. С. 189, 190; *марта* 19. № 1929. С. 216; *мая* 17. № 1913. С. 197; *июля* 4. № 1915. С. 198; **1703 г.**, *марта* 19. № 1929. С. 216; *июля* 3. № 1935. С. 222; *июля* 19. № 1938. С. 223; *октября* 1. № 1944. С. 225; *ноября* 12. № 1947. С. 227; **1704 г.**, *января* 7. № 1954. С. 230, 231; *января* 9 (в моем экземпляре тома дата от руки исправлена по опечатке). № 1956. С. 237; *января* 22. № 1960. С. 241, 242; *января* 31. № 1965. С. 244, 245; *февраля* 9. № 1968. С. 247; *марта* 6. № 1973. С. 253, 254; *апреля* 8. № 1978. С. 256; *октября* 28. № 1996. С. 271; *ноября* 14. № 1998. С. 272; **1705 г.**, *января* 19. № 2018. С. 284; *февраля* 20. № 2036. С. 292; *мая* 25. № 2052. С. 307; *июня* 1. № 2056. С. 308; *августа* 30. № 2069. С. 314; *сентября* 15.

Причину переноса Петром термина «шляхетство» на великорусскую почву первым из исследователей объяснил в 1776 г. Г.Ф. Миллер: «В старину и до Петра Великого не было в российском языке такого слова, которое бы значило то, что мы ныне *дворянин* и *дворянство* называем. Также и на других славенских языках такого слова нет. Польское *шляхтич* и *шляхетство* заимствовано от немецкаго *Geschlecht*. На то же походит преж сего в употреблении бывшее слово *родословные люди*, значущее людей признаннаго знатнаго произ-

№ 2072. С. 316; *октября 22*. № 2077. С. 324, 325; **1706 г.**, *февраля 1*. № 2090. С. 336; *февраля 1*. № 2091. С. 338, 339; *апреля 11*. № 2101. С. 346, 347; *мая 16*. № 2107. С. 350; *июня 11*. № 2111. С. 352; *июня 13*. № 2112. С. 352, 353; *июля 29*. № 2114. С. 353; *августа 24*. № 2118. С. 355; *декабря 30*. № 2130. С. 362; **1707 г.**, *января 27*. № 2136. С. 367; *июня 7*. № 2150. С. 381, 382; *декабря 19*. № 2179. С. 399; *декабря 19*. № 2181. С. 400; **1708 г.**, *марта 21*. № 2194. С. 407; *апреля 23*. № 2197. С. 410; *сентября 30*. № 2207. С. 421; **1709 г.**, *ноября 29*. № 2239. С. 465; **1710 г.**, *марта 6*. № 2257. С. 479; *апрель*. № 2267. С. 485, 492; *августа 24*. № 2289. С. 546, 548; *сентября 5*. № 2291. С. 548; *ноября 17*. № 2309. С. 583; *ноября 30*. № 2310. С. 583; **1711 г.**, *марта 1*. № 2330. С. 643; *марта 2*. № 2330. С. 643; *марта 13*. № 2337. С. 648; *марта 16*. № 2340. С. 649; *мая 24*. № 2362. С. 679; **1712 г.**, *февраля 15*. № 2485. С. 805; *февраля 23*. № 2492. С. 808; *февраля 21*. № 2494. С. 809; *марта 5*. № 2497. С. 817; *апреля 17*. № 2519. С. 830; *мая 15*. № 2522. С. 831; *августа 4*. № 2563. С. 854; *августа 20*. № 2576. С. 859; [без даты.] № 2618. С. 881; Т. V. **1713 г.**, *января 13*. № 2627. С. 3; *апреля 4*. № 2662. С. 22; *апреля 13*. № 2663. С. 22, 23; *мая 12*. № 2679. С. 32; *мая 29*. № 2684. С. 35; *июня 1*. № 2685. С. 35; *июля 11*. № 2695. С. 46; **1714 г.**, *января 20*. № 2762. С. 78; *февраля 4*. № 2771. С. 82; *февраля 26*. № 2775. С. 84, 85; *февраля 27*. № 2778. С. 86; *февраля 28*. № 2779. С. 86; *марта 17*. № 2788. С. 90; *марта 23*. № 2789. С. 94; *апреля 14*. № 2796. С. 97; *августа 12*. № 2839. С. 122; *сентября 26*. № 2845. С. 125; **1715 г.**, *марта 15*. № 2894. С. 151, 152 (в издании опечатка: с. 149); *июля 19*. № 2925. С. 164; *декабря 28*. № 2971. С. 187; **1716 г.**, *января 18*. № 2979. С. 189; *марта 2*. № 2999. С. 201; *апреля 7/18*. № 3007. С. 454; **1717 г.**, *января 3*. № 3058. С. 484; *февраля 11*. № 3067. С. 489; **1718 г.**, *ноября 26*. № 3246. С. 598; **1719 г.**, *января 1*. № 3265. С. 607; *мая 8*. № 3366. С. 697; *августа 25*. № 3419. С. 731; *октября 29*. № 3443. С. 746; *ноября 6*. № 3447. С. 751, 752; Т. VI. **1720 г.**, *января 16*. № 3490. С. 118, 119; *марта 14*. № 3548. С. 169, 171; *апреля 6*. № 3564. С. 178; *апреля 30*. № 3575. С. 187, 188; *мая 27*. № 3593. С. 201; *июня 16*. № 3600. С. 205; *сентября 23*. № 3647. С. 241; **1721 г.**, *января 9*. № 3703. С. 289, 290; *января 25*. № 3718. С. 334; *января 27*. № 3720. С. 347; *июня 2*. № 3793. С. 398, 400; *июля 5*. № 3802. С. 405, 406; *июля 30*. № 3810. С. 411, 412; *августа 21*. № 3816. С. 419; *сентября 8*. № 3825. С. 434; *октября 19*. № 3836. С. 441; *ноября 10*. № 3845. С. 452; **1722 г.**, *января 12*. № 3877. С. 479; *января 17*. № 3878. С. 480; *января 19*. № 3886. С. 484; *февраля 5*. № 3897. С. 499, 500; *февраля 20*. № 3909. С. 512; *марта 12*. № 3917. С. 515; *марта 16*. № 3920. С. 516; *апреля 4*. № 3926. С. 521; *апреля 13*. № 3966. С. 653; *апреля 27*. № 3978. С. 661; *мая 10*. № 3999. С. 675; *июня 1*. № 4023. С. 715; *июня 9*. № 4032. С. 753; *июля 31*. № 4066. С. 754; *сентябрь*. № 4101. С. 779; *октября 24*. № 4117. С. 789; Т. VII. **1723 г.**, *мая 14*. № 4222. С. 63; *сентября 27*. № 4312. С. 121, 124; *октября 23*. № 4332. С. 136, 137; *ноября 5*. № 4342. С. 145; *ноября 8*. № 4348. С. 152; *декабря 9*. № 4388. С. 185; **1724 г.**, *июня 26*. № 4533. С. 312; *июня 26*. № 4534. С. 320; *июня 26*. № 4535. С. 326; *июня 26*. № 4536. С. 328; *августа 3*. № 4539. С. 331; *сентября 21*. № 4570. С. 349; *декабря 21*. № 4620. С. 386; **1725 г.**, *марта 1*. № 4670. С. 428; *апреля 7*. № 4690. С. 443; *апреля 20*. № 4698. С. 451; *июля 5*. № 4746. С. 518 (в издании опечатка: с. 818); *июля 7*. № 4750. С. 522; *сентября 22*. № 4780. С. 537; *ноября 12*. № 4801. С. 551; **1726 г.**, *января 14*. № 4820. С. 560, 560–561; *марта 30*. № 4863. С. 597, 598; *мая 13*. № 4878. С. 648; *августа 22*. № 4950. С. 693, 694; *октября 31*. № 4975. С. 706; *ноября 8*. № 4977. С. 709; **1727 г.**, *марта 23*. № 5049. С. 771; *июня 21*. № 5106. С. 814, 815; *августа 14*. № 5138. С. 835, 836; *ноября 22*. № 5201. С. 899, 899–900, 900.

хождения, коих поколенные росписи указом государевым собраны были в хранящуюся при Розряде *родословную книгу*. Напротив того, *неродословными* назывались те, коих роды в родословной книге не написаны. Однакож сие не так разумелось, яко бы *неродословные* были не дворяне. Разность только та, что роды их, или фамилии, ниже родов *родословных* почитались.

Когда общаго звания для дворян не было, то дворянство состояло из разных чинов или степеней, в которые государи жаловали, по коим из чину в чин происходили, и по оным чинам назывались и службу отправляли. В том числе были и дворяне — чин невысокой и не наследственной. Из дворян жаловались в *стольники*, иногда и в *бояре*. Не стерпел бы тогда боярин, естли б ему сказали, что он дворянин. Но как при Петре Великом старые чины и обряды были оставлены, то введено слово *дворянин* за общее звание всех, которые в старых чинах находились, что почти и необходимо нужно было, потому что государь жаловал в чины и не из дворян, и не можно б было сказать, что такой имрек не из дворян, естли бы такого слова не было. А когда без общаго такого слова обойтись не было можно, то слово *дворянин* весьма было к тому прилично. Оно значило по прежним обрядам человека придворнаго, которой хотя никакой особенной должности при дворе не исправлял, но всегда свободной ко двору доступ имел и в церемониальные случаи для умножения великолетия придворнаго являться должен был. Из всех чинов был он многолюднее»<sup>82</sup>.

Позднейшие исследователи разделяют предложенное Г. Ф. Миллером объяснение заимствования Петром польско-литовского термина «шляхетство»<sup>83</sup> как инструмента, облегчавшего постепенное слияние (по Л. Эррену — консолидацию<sup>84</sup>) в единое дворянское сословие вышних московских придворных чинов (бояре, окольные, кравчие, думные дворяне, думные дьяки, постельничие и спальники, стольники, стряпчие, жильцы, дьяки, подьячие и др.), а также нескольких внутрисословных групп (князья, бояре (провинциальные), дворяне (московские, выборные, провинциальные — городские, уездные), духовных властей (патриаршие, синодальные, архиерейские), дети боярские и др.). Правда, основной мотив объединения таким общим названием, крылся, полагаю,

<sup>82</sup> Миллер Г. Ф. Известие о дворянех [Российских] // Миллер Г. Ф. Сочинения по истории России: Избранное / Сост., вст. ст. А. Б. Каменского; прим. А. Б. Каменского, О. М. Медушевской. М., 1996. С. 180–181. — Первое издание труда: Миллер Ф[едор] И[ванович] (Герхард Фридрих). Известие о дворянх российских: О их древнем происхождении; о старинных чинах и какия их были должности при государях царях и великих князьях; о выборе доказательств на дворянство; о родословной книге; о владении деревень; о службе предков и собственной, и о дипломах. СПб., 1790. С. 2–4.

<sup>83</sup> См., напр.: Порай-Кошиц И. А. Очерк истории русского дворянства... С. 141; Павлов-Сильванский Н. П. Государевы служилые люди... С. 258; Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. С. 250–251.

<sup>84</sup> Эррен Л. Российское дворянство первой половины XVIII века на службе и в поместье / Пер. [с нем.] Б. А. Максимова // Дворянство, власть и общество в провинциальной России XVIII века. М., 2012. С. 51–88.

не в «пристрастии Петра к иноземным терминам»<sup>85</sup>, а в том, что значение слова «шляхетство» было знакомо и привычно верхним социальным слоям российского общества. Это, кстати, можно понять из цитированного текста Г. Ф. Миллера. Соглашусь с А. В. Захаровым: «В 1712 г. правительство искусственно вводит термин „шляхетство“ для обозначения множества служилых чинов. Видимо, не случайно год начала перемещения столицы в Санкт-Петербург становится последним годом в целой эпохе именования старых чинов „московскими“ <...> К тому же значение термина только отчасти было заимствовано из европейской социально-политической практики — Петр I учел лишь широкий контекст социальной интеграции при использовании выражения „шляхетство“»<sup>86</sup>.

Термин «дворянство» применительно к великороссам появился в именном указе от 16 января 1721 г., состоящем из одного предложения, — пожалуй, самом лаконичном документе, изданном в III–VII томах ПСЗ: «Все обер-офицеры, которые произошли не из дворянства, оные, и их дети, и их потомки суть дворяне, и надлежит им дать патенты на дворянство»<sup>87</sup>. Тем самым, как давно известно в науке, царь установил порядок, согласно которому человек, достигший первого офицерского чина (в ту пору — фендрика), получал потомственное дворянство.

Есть впечатление, что Петр и в этом указе, и в позднейших документах стремился избавиться от иностранного термина, поскольку его усилиями дворянство уже складывалось в единое, сплошное сословие. Через год монарх-реформатор опубликовал основополагающую «Табель о рангах всех чинов воинских, статских и придворных...»<sup>88</sup> с приложенными к ней разъясняющими «пунктами», в которых слова «дворянство», «дворянин», «дворяне», «дворянское достоинство», «дворянские дети» повторены не менее 18 раз (11 на одной только с. 492). Термина «шляхетство» в документе нет совсем и даже иноземное привилегированное сословие на с. 493 названо «чужестранным дворянством»<sup>89</sup>.

Показательно, что спустя еще почти два года, в 1724 г., в «Высочайших резолюциях на докладе Военной коллегии» на ее вопрос, «каким образом знатное *шляхетство* считать, по дворовому ли числу ото ста дворов и выше, или по Регламенту о рангах до которого класса», император ответил: «Знатное *дворянство* по годности считать»<sup>90</sup> (курсив мой), т. е., похоже, ненавязчиво поправил автора доклада.

Берусь предположить, что комплекс документов ПСЗ, на которые здесь ссылаюсь, позволяет произвести также другие наблюдения о соотношении терминов «дворянство» и «шляхетство» во всей совокупности их семантических

<sup>85</sup> Павлов-Сильванский Н. П. Государевы служилые люди... С. 258.

<sup>86</sup> Захаров А. В. «Государев двор» и «царедворцы» Петра I... С. 36, 37.

<sup>87</sup> ПСЗ. Т. VI. 1721 г., *генваря 16*. № 3705. Именной, данный Сенату. — О выдаче обер-офицерам на дворянство патентов. С. 290.

<sup>88</sup> Там же. 1722 г., *генваря 24*. № 3890. С. 486–493.

<sup>89</sup> Там же. С. 490–493.

<sup>90</sup> Там же. Т. VII. 1724 г., *ноября 11*. № 4589. С. 360, 361, 362.



полей, которую они покрывают как категории собирательные<sup>91</sup>. Свою же сегодняшнюю задачу усматриваю лишь в том, чтобы по возможности предостеречь широкого читателя от излишней доверчивости к печатному слову, особенно если оно не сопровождается должными ссылками на источники сведений. Помимо прочего, Н. И. Павленко оказал сомнительную услугу уважаемому журналу «Наука и жизнь», наверняка понесшему предсказуемые репутационные потери после публикации моего ответа на обновленную им рецензию.

### References

*Bergholz F. W.* Fridrich Wilhelm von Bergholz, Großfürstlichen Oberkammerherrns, Tagebuch, welches er in Russland von 1721 bis 1725 als holsteinischer Kammerjunker gefüehret hat: Erster Theil, von 1721 // Magazin für die neue Historie und Geographie, angeleget von D. Anton Friderich Büsching... Halle, 1785. Theil XIX. — *Perevod: Berhgoł'c F. W.* Dnevnik kamer-yunkera F. W. Berhgoł'ca / Per. s nem. I. F. Ammona. M., 1902. Ch. 1. Perepechatano (po russkomu izdaniyu 1858–1860 gg. v tom zhe perevode): *Berhgoł'c F. W.* Dnevnik kamer-yunkera Fridriha Wil'gel'ma Berhgoł'ca // Neistovyy reformator / Sost.: A. Libermana, V. P. Naumova; posl., uk. im., glos. V. P. Naumova. M., 2000.

*Bespyatyh Yu. N.* «...Po pismam sobstvennyh nashih ruk...» // Yugra. 2004. № 8. S. 81–86; № 9. S. 71–75.

*Bespyatyh Yu. N.* A. D. Menshikov byl gramoten! // Zhizn' Yugry. 2005. 18 marta. № 19 (9550). S. 5.

*Bespyatyh Yu. N.* Aleksandr Danilovich Menshikov: Mify i real'nost'. SPb., 2005.

*Bespyatyh Yu. N.* Aleksandr Danilovich Menshikov: Mify i real'nost'. Izd. 2-e, dop. SPb., 2008.

*Bespyatyh Yu. N.* Kak vashe slovo otzovetsya? O recenzii N. I. Pavlenko (Nauka i zhizn'). 2005. № 3. S. 69–75) na moyu knigu «Aleksandr Danilovich Menshikov: Mify i real'nost'» // Menshikovskie chteniya — 2006: Materialy chtenij. SPb., 2006. S. 105–124.

*Bogoslovskij M. M.* Issledovaniya po istorii mestnogo upravleniya pri Petre Velikom // Zhurnal Ministerstva narodnogo prosvshcheniya. 1903. Ch. CCCXXXXIX. Sentyabr'. S. 45–144.

*Bogoslovskij M. M.* Oblastnaya reforma Petra Velikogo: Provinciya 1719–27 gg. M., 1902.

*Bogoslovskij M. M.* Smolenskoe shlyahetstvo v XVIII veke // Zhurnal Ministerstva narodnogo prosvshcheniya. 1899. Ch. CCCXXII. Mart. S. 25–61.

*Buganov V. I.* Rossijskoe dvoryanstvo // Voprosy istorii. 1994. № 1. S. 29–41.

*D'yakonov M. A.* Oчерки obshchestvennogo i gosudarstvennogo stroya Drevnej Rusi. SPb., 1908.

*Erren L.* Rossijskoe dvoryanstvo pervoj poloviny XVIII veka na sluzhbe i v pomest'e / Per. [s nem.] B. A. Maksimova // Dvoryanstvo, vlast' i obshchestvo v provincial'noj Rossii XVIII veka. M., 2012. S. 51–88.

*Yeveinov G. A.* Proshloe i nastoyashchee znachenie russkogo dvoryanstva. SPb., 1898.

*Faizova I. V.* «Manifest o vol'nosti» i sluzhba dvoryanstva v XVIII stoletii / Otv. red. N. I. Pavlenko. M., 1999.

*Golikova N. B.* K istorii Astrahanskogo vosstaniya 1705–1706 gg. (Social'naya politika i organy upravleniya vosstavshih) // Rossiya v period reform Petra I / Otv. red. N. I. Pavlenko. M., 1973. S. 249–288.

[http://izvestia.ru/Enciklopedist-Izvestiya; sm. takzhe: http://www.peoples.ru/state/citizen/kravets/;](http://izvestia.ru/Enciklopedist-Izvestiya; sm. takzhe: http://www.peoples.ru/state/citizen/kravets/)  
[http://www.e1.ru/news/spool/news\\_id-286608.html](http://www.e1.ru/news/spool/news_id-286608.html).

*H'yuz L.* Carevna Sof'ya / Per. s angl., nauch. red. S. V. Lobacheva. SPb., 2001.

*Indova Ye. I.* K voprosu o dvoryanskoj sobstvennosti v Rossii v pozdnij feodal'nyj period // Dvoryanstvo i krepostnoj stroj v Rossii XVI–XVIII vv.: Sbornik statej, posvyashchennyj pamyati Alekseya Andreevicha Novosel'skogo / Otv. red. N. I. Pavlenko. M., 1975. S. 272–292.

<sup>91</sup> К слову сказать, меня застал врасплох один из основных выводов О. М. Карамышева, согласно которому «в результате анализа и сопоставления актов первой четверти XVIII в. ставится под сомнение прочно утвердившееся в научной литературе мнение о тождественности понятий „дворянство“ и „шляхетство“ в нормативно-правовых актах периода правления Императора Петра Великого. Термин „шляхетство“ применялся в законодательстве для обозначения всего высшего привилегированного служилого сословия, а термин „дворянство“ — для обозначения только его „верхней части“» (*Карамышев О. М.* Законодательные основы формирования дворянского сословия Российской Империи: Автореф. дис. ... канд. юр. наук. СПб., 1998. С. 8).

- Kafengauz B. B.* Istoriya hozyajstva Demidovyh v XVIII–XIX vv.: Opyt issledovaniya po istorii ural'skoj metallurgii. M.; L., 1949. T. I.
- Karamyshev O. M.* Zakonodatel'nye osnovy formirovaniya dvoryanskogo sosloviya Rossijskoj Imperii: Avtoref. dis. ... kand. jur. nauk. SPb., 1998.
- Klyuchevskij V. O.* Istoriya soslovij v Rossii: Kurs, chitannyj v Moskovskom universitete v 1886 godu. Izd. 3-e. Pg., 1918.
- Kozlyakov V. N.* Sluzhilyj «gorod» Moskovskogo gosudarstva XVII veka: (Ot Smuty do Sobornogo ulozheniya). Yaroslavl', 2000.
- Lapteva T. A.* Provincial'noe dvoryanstvo Rossii v XVII veke. M., 2010.
- Lavrov A. S.* Regentstvo carevny Sofii: Sluzhiloe obshchestvo i bor'ba za vlast' v verhah Russkogo gosudarstva v 1682–1689 gg. M., 1999.
- Miller G. F.* Izvestie o dvoryanekh [Rossijskih] // *Miller G. F.* Sochineniya po istorii Rossii: Izbrannoe / Sost., vst. st. A. B. Kamenskogo; prim. A. B. Kamenskogo, O. M. Medushevskoj. M., 1996. S. 180–225. — Pervoe izdanie: *Miller [edor] [vanovich] (Gerhard Fridrih)*. Izvestie o dvoryanah rossijskih: O ih drevnem proizhozhdenii; o starinnyh chinah i kakiya ih byli dolzhnosti pri gosudaryah caryah i velikih knyaz'yah; o vybore dokazatel'stv na dvoryanstvo; o rodoslovnoj knige; o vladenii dereven'; o sluzhbe predkov i sobstvennoj, i o diplomah. SPb., 1790.
- Milyukov P. N.* Gosudarstvennoe hozyajstvo Rossii v pervoj chetverti XVIII stoletiya i reforma Petra Velikogo. SPb., 1905.
- Pavlenko N. I.* Byl li A. D. Menshikov gramotnym? // *Nauka i zhizn'*. 2005. № 3. S. 69–75.
- Pavlenko N. I.* Byl li A. D. Menshikov gramotnym? // *Zhizn' Yugry*. 2005. 8 fevralya. № 9 (9540). S. 5.
- Pavlenko N. I.* Istoriya metallurgii v Rossii XVIII veka: Zavody i zavodovladel'cy. M., 1962.
- Pavlenko N. I.* Menshikov: Poludержavnij vlastelin. M., 1999.
- Pavlenko N. I.* Petr Pervyj i ego vremya. M., 1989.
- Pavlenko N. I.* U istokov russijskoj byurokratii // *Voprosy istorii*. 1989. № 12. S. 3–17.
- Pavlenko N. I., Kobrin V. B., Fedorov V. A.* Istoriya SSSR s drevnejshih vremen do 1861 goda / Pod red. N. I. Pavlenko. M., 1989.
- Pavlov-Sil'vanskij N. P.* Gosudarevy sluzhilye lyudi: Proiskhozhdenie russkogo dvoryanstva. SPb., 1898.
- Podpisi Aleksandra Menshikova // *Ustryalov N. G.* Karty, plany i snimki k chetvertomu tomu «Istorii carstvovaniya Petra Velikogo». SPb., 1863. 16. № 2. S. 16–17.
- Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii s 1649 goda. SPb., 1830. T. III–VII.
- Poraj-Koshic I. A.* Ocherk istorii russkogo dvoryanstva ot poloviny IX do konca XVIII veka: 862–1796. SPb., 1874.
- Romanovich-Slavatinskij A. V.* Dvoryanstvo v Rossii ot nachala XVIII veka do otmeny krepostnogo prava: Svod materiala i priugotovitel'nye ehtyudy dlya istoricheskogo issledovaniya. SPb., 1870.
- Sedov P. V.* Zakat Moskovskogo carstva: Carskij dvor konca XVII veka. SPb., 2006.
- Selin A. A.* Netnye i estnye spiski dvoryan i detej boyarskih severo-zapadnyh uezdov 1602 g. // *Drevnyaya Rus': Voprosy medievistiki*. 2011. № 3. S. 102–103.
- Shvatchenko O. A.* Svetskie feodal'nye votchiny v Rossii v ehpohu Petra I. M., 2002.
- Shvatchenko O. A.* Svetskie feodal'nye votchiny v Rossii vo vtoroj polovine XVII veka: (Istoriko-geograficheskij ocherk). M., 1996.
- Tolkovyj slovar' russkogoazyka / Pod red. D. N. Ushakova. M., 1939. T. III: P–Ryashka.
- Vladimirskij-Budanov M. F.* Obzor istorii russkogo prava. Kiev; SPb., 1900.
- Vodarskij Ya. E.* Chislennost', sostav i razmeshchenie dvoryanstva v pervoj polovine XVII v. // *Dvoryanstvo Rossii i ego krepostnye krest'yane: XVII — pervaya polovina XVIII v.* / Sost.: Ya. E. Vodarskij, O. A. Shvatchenko; otv. red. Ye. I. Indova. M., 1989.
- Vodarskij Ya. E.* Naselenie Rossii v konce XVII — nachale XVIII veka: (Chislennost', soslovno-klassovyj sostav, razmeshchenie). M., 1977.
- Vodarskij Ya. E.* Sluzhiloe dvoryanstvo v Rossii v konce XVII — nachale XVIII v. // *Voprosy voennoj istorii Rossii: XVIII i pervaya polovina XIX vekov*. M., 1969. S. 233–238.
- Yablochkov M. T.* Istoriya dvoryanskogo sosloviya v Rossii. SPb., 1876.
- Zaharov A. V.* «Gosudarev dvor» i «caredvorcy» Petra I: Problemy terminologii i rekonstrukcii sluzhby // *Pravyashchie elity i dvoryanstvo Rossii vo vremya i posle petrovskih reform (1682–1750)* / Otv. sost.: N. N. Petruhincev, L. Erren. M., 2013. S. 10–44.

**Список источников и литературы**

- Беспятых Ю. Н.* А. Д. Меншиков был грамотен! // Жизнь Югры. 2005. 18 марта. № 19 (9550). С. 5.
- Беспятых Ю. Н.* Александр Данилович Меншиков: Мифы и реальность. СПб., 2005.
- Беспятых Ю. Н.* Александр Данилович Меншиков: Мифы и реальность. Изд. 2-е, доп. СПб., 2008.
- Беспятых Ю. Н.* Как ваше слово отзовется?: О рецензии Н. И. Павленко (Наука и жизнь. 2005. № 3. С. 69–75) на мою книгу «Александр Данилович Меншиков: Мифы и реальность» // Меншиковские чтения — 2006: Материалы чтений. СПб., 2006. С. 105–124.
- Беспятых Ю. Н.* «...По писмам собственных наших рук...» // Югра. 2004. № 8. С. 81–86; № 9. С. 71–75.
- Богословский М. М.* Исследования по истории местного управления при Петре Великом // Журнал Министерства народного просвещения. 1903. Ч. СССXXXXIX. Сентябрь. С. 45–144.
- Богословский М. М.* Областная реформа Петра Великого: Провинция 1719–27 гг. М., 1902.
- Богословский М. М.* Смоленское шляхетство в XVIII веке // Журнал Министерства народного просвещения. 1899. Ч. СССXXII. Март. С. 25–61.
- Буганов В. И.* Российское дворянство // Вопросы истории. 1994. № 1. С. 29–41.
- Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права. Киев; СПб., 1900.
- Водарский Я. Е.* Население России в конце XVII — начале XVIII века: (Численность, сословно-классовый состав, размещение). М., 1977.
- Водарский Я. Е.* Служилое дворянство в России в конце XVII — начале XVIII в. // Вопросы военной истории России: XVIII и первая половина XIX веков. М., 1969. С. 233–238.
- Водарский Я. Е.* Численность, состав и размещение дворянства в первой половине XVII в. // Дворянство России и его крепостные крестьяне: XVII — первая половина XVIII в. / Сост.: Я. Е. Водарский, О. А. Шватченко; отв. ред. Е. И. Индова. М., 1989.
- Голикова Н. Б.* К истории Астраханского восстания 1705–1706 гг. (Социальная политика и органы управления восставших) // Россия в период реформ Петра I / Отв. ред. Н. И. Павленко. М., 1973. С. 249–288.
- Дьяконов М. А.* Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. СПб., 1908.
- Еврешин Г. А.* Прошлое и настоящее значение русского дворянства. СПб., 1898.
- Захаров А. В.* «Государев двор» и «царедворцы» Петра I: Проблемы терминологии и реконструкции службы // Правящие элиты и дворянство России во время и после петровских реформ (1682–1750) / Отв. сост.: Н. Н. Петрухинцев, Л. Эррен. М., 2013. С. 10–44.
- Индова Е. И.* К вопросу о дворянской собственности в России в поздний феодальный период // Дворянство и крепостной строй в России XVI–XVIII вв.: Сборник статей, посвященный памяти Алексея Андреевича Новосельского / Отв. ред. Н. И. Павленко. М., 1975. С. 272–292.
- Карамышев О. М.* Законодательные основы формирования дворянского сословия Российской империи: Автореф. дис. ... канд. юр. наук. СПб., 1998.
- Кафенгауз Б. Б.* История хозяйства Демидовых в XVIII–XIX вв.: Опыт исследования по истории уральской металлургии. М.; Л., 1949. Т. I.
- Ключевский В. О.* История сословий в России: Курс, читанный в Московском университете в 1886 году. Изд. 3-е. Пг., 1918.
- Козляков В. Н.* Служилый «город» Московского государства XVII века: (От Смуты до Соборного уложения). Ярославль, 2000.
- Лавров А. С.* Регентство царевны Софьи: Служилое общество и борьба за власть в верхах Русского государства в 1682–1689 гг. М., 1999.
- Лаптева Т. А.* Провинциальное дворянство России в XVII веке. М., 2010.
- Миллер Г. Ф.* Известие о дворянах [Российских] // Миллер Г. Ф. Сочинения по истории России: Избранное / Сост., вст. ст. А. Б. Каменского; примеч. А. Б. Каменского и О. М. Медушевской. М., 1996. С. 180–225. — Первое издание: Миллер Ф[едор] И[ванович] (Герхард Фридрих). Известие о дворянах российских: О их древнем происхождении; о старинных чинах и какия их были должности при государях царях и великих князях; о выборе доказательств на дворянство; о родословной книге; о владении деревень; о службе предков и собственной, и о дипломах. СПб., 1790.
- Миллюков П. Н.* Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб., 1905.
- Павленко Н. И.* Был ли А. Д. Меншиков грамотным? // Жизнь Югры. 2005. 8 февраля. № 9 (9540). С. 5.
- Павленко Н. И.* Был ли А. Д. Меншиков грамотным? // Наука и жизнь. 2005. № 3. С. 69–75.
- Павленко Н. И.* История металлургии в России XVIII века: Заводы и заводладельцы. М., 1962.
- Павленко Н. И.* Меншиков: Полудержавный властелин. М., 1999.

Павленко Н. И. Петр Первый и его время. М., 1989.

Павленко Н. И. У истоков российской бюрократии // Вопросы истории. 1989. № 12. С. 3–17.

Павленко Н. И., Кобрин В. Б., Федоров В. А. История СССР с древнейших времен до 1861 года / Под ред. Н. И. Павленко. М., 1989.

Павлов-Сильванский Н. П. Государевы служилые люди: Происхождение русского дворянства. СПб., 1898.

Подписи Александра Меншикова // Устрялов Н. Г. Карты, планы и снимки к четвертому тому «Истории царствования Петра Великого». СПб., 1863. 16: № 2. С. 16–17.

Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. СПб., 1830. Т. III–VII.

Порай-Кошиц И. А. Очерк истории русского дворянства от половины IX до конца XVIII века: 862–1796. СПб., 1874.

Романович-Славатинский А. В. Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права: Свод материала и приуготовительные этюды для исторического исследования. СПб., 1870.

Седов П. В. Закат Московского царства: Царский двор конца XVII века. СПб., 2006.

Селин А. А. Нетные и естные списки дворян и детей боярских северо-западных уездов 1602 г. // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2011. № 3. С. 102–103.

Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1939. Т. III: П–Ряшка.

Фаизова И. В. «Манифест о вольности» и служба дворянства в XVIII столетии / Отв. ред. Н. И. Павленко. М., 1999.

Хьюз Л. Царевна Софья / Пер. с англ., науч. ред. С. В. Лобачева. СПб., 2001.

Численность, состав и размещение служилого уездного дворянства в 1632 и 1651 гг. (взрослые мужчины) // Водарский Я. Е. Численность, состав и размещение дворянства в первой половине XVII в. // Дворянство России и его крепостные крестьяне: XVII – первая половина XVIII в. / Сост.: Я. Е. Водарский, О. А. Шватченко; отв. ред. Е. И. Индова. М., 1989.

Шватченко О. А. Светские феодальные вотчины в России в эпоху Петра I. М., 2002.

Шватченко О. А. Светские феодальные вотчины в России во второй половине XVII века: (Историко-географический очерк). М., 1996.

Эррен Л. Российское дворянство первой половины XVIII века на службе и в поместье / Пер. [с нем.] Б. А. Максимова // Дворянство, власть и общество в провинциальной России XVIII века. М., 2012. С. 51–88.

Яблочков М. Т. История дворянского сословия в России. СПб., 1876.

Bergholz F. W. Fridrich Wilhelm von Bergholz, Großfürstlichen Oberkammerherrns, Tagebuch, welches er in Rußland von 1721 bis 1725 als holsteinischer Kammerjunker geführt hat: Erster Theil, von 1721 // Magazin für die neue Historie und Geographie, angeleget von D. Anton Friderich Büsching<...> Halle, 1785. Theil XIX. — Берхгольц Ф. В. Дневник камер-юнкера Ф. В. Берхгольца / Пер. с нем. И. Ф. Аммона. М., 1902. Ч. 1. Перепечатано (по русскому изданию 1858–1860 гг. в том же переводе): Берхгольц Ф. В. Дневник камер-юнкера Фридриха Вильгельма Берхгольца // Неистовый реформатор / Сост.: А. Либерман, В. П. Наумов; посл., ук. им., глос. В. П. Наумова. М., 2000.

<http://izvestia.ru> Энциклопедист—Известия; см. также: <http://www.peoples.ru/state/citizen/kravets/>; [http://www.e1.ru/news/spool/news\\_id-286608.html](http://www.e1.ru/news/spool/news_id-286608.html).

# Лайла Нордквист

## Несколько челобитных из Новгородского оккупационного архива

### Введение

В Государственном архиве Швеции в Стокгольме хранится собрание документов, известное под именем Новгородского оккупационного архива и относящееся к 1611–1617 гг. Оно содержит документы управления Новгородом и Новгородской землей, составленные в соответствии с принятыми в то время в России нормами гражданской администрации. Это старейший из немногих сравнительно хорошо сохранившихся до наших дней архивов городской администрации. В июле 1611 г. в ходе вмешательства Швеции во внутренние дела Московского государства шведский военачальник Якоб Делагарди занял Новгород и заключил соглашение с новгородцами о переходе города под протекцию шведской короны. По прошествии шести лет оккупации Новгород вновь отошел к Московскому государству по Столбовскому миру, заключенному в 1617 г. Оставляя город после подписания мирного договора, Делагарди вывез городской архив сперва в Эстонию, а оттуда в Швецию, где он со временем оказался в Государственном архиве. Весьма вероятно, что это спасло его от уничтожения в одном из пожаров, которым подвергались русские архивы в XVII в.

### Исторический срез

В период Великой Смуты Швеция предпринимала попытки подчинить Россию своему влиянию, прежде всего в соперничестве с Польшей. В Москве было несколько претендентов на власть, среди них — боярин кн. Василий Шуйский,

некоторое время занимавший московский престол. В 1608 г. командование экспедиционным корпусом, который первоначально был сформирован в помощь царю Василию Шуйскому против его противника Лжедмитрия II, было поручено Якобу Делагарди. Потерпев поражение под Москвой в битве с поляками в 1610 г., шведское войско вынуждено было уйти из центральных областей России. Царь Василий Шуйский был свергнут и впоследствии умер в польском плену. Получив подкрепления от шведского короля Карла IX и стремясь принудить русских к соблюдению заключенных соглашений, Якоб Делагарди 16 июля 1611 г. взял Новгород. Занятию города шведами предшествовали переговоры с участием ряда сторон, среди которых особая роль принадлежала новгородскому дворянству. В условиях царившего в государстве беспорядка оно видело преимущества в стабильности и протекции, которые могли принести с собой шведы. В обмен на это новгородцы приняли на себя содержание шведского войска. Некоторые русские историки предпочитают ныне говорить скорее о политическом альянсе между Новгородом и Швецией, нежели об оккупации<sup>1</sup>. Управление Новгородом, включая суд, находилось в ведении двух воевод — шведского, Якоба Делагарди, и русского, кн. Ивана Никитича Большого Одоевского.

После взятия города был заключен договор, по которому Новгород с обширными прилегающими к нему землями переходил под протекцию шведского короля Карла IX. В октябре 1611 г. король скончался, и новгородские дворяне провозгласили молодого шведского принца Карла Филиппа, приходившегося младшим братом новому королю Густаву Адольфу, великим князем в Новгороде. Предполагалось, что ему предстоит стать царем всея Руси. Несмотря на нападения со стороны поляков, литовцев и казаков, шведы удерживали Новгород в течение шести лет. Бремя содержания шведского войска, ставшее особенно тяжелым в последние годы, лежало на населении города и прилежащих земель, тем самым ухудшая и без того очень трудные условия жизни<sup>2</sup>. За этот период численность населения в самом городе сократилась примерно с 10 до 2 тыс. человек<sup>3</sup>. Сообщалось об ужасных условиях, царивших в городе, о чем сохранились, в частности, свидетельства голландских послов, побывавших в Новгородской земле в 1615–1616 гг. после участия в заключении мира с Россией в деревне Столбово<sup>4</sup>.

<sup>1</sup> Селин А.А. Новгородское общество эпохи Смуты. СПб., 2008. С. 693–695.

<sup>2</sup> О налогообложении новгородских земель в период шведской оккупации см.: Дмитриева З.В. Налоги и повинности крестьян новгородских пятин в «смутное время» (1611–1617) // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2014 год. Самара, 2015. С. 38–47.

<sup>3</sup> Löfstrand E. Sverigebild och Rysslandsbild i Ockupationsarkivet från Novgorod. Artikel, producerad för Riksarkivet, 1997.

<sup>4</sup> En holländsk beskicknings resor i Ryssland, Finland och Sverige 1615–1616. Översatta och utgivna av Sune Hildebrand (Anthonis Goeteeris' journal över den holländska beskickningens resa till de svensk-ryska fredsunderhandlingarna i Diderina 1615–1616). Stockholm.

## Новгородский оккупационный архив<sup>5</sup>

Как по своей форме, так и по содержанию архив состоит из двух частей, или серий. Первую часть (Серия 1) составляют 143 книги или тетради. Сюда входят, в частности, дозорные, отдельные и отписные книги, засевные и ужинные, приходо-расходные, а также отчетные документы различных служб — Таможенной избы, Денежного двора, трех новгородских кабаков (винные и пивные книги) и др. Множество кормовых книг свидетельствует об обеспечении шведской администрации за счет местного населения.

Вторая часть архива (Серия 2) включает 368 свитков — столбцов — различной длины. Свитки разнообразны по содержанию, но основную массу составляют документы о наделении землей (28%), челобитные (25%), сведения о сборах хлеба, денег и вещевого довольствия на содержание шведского войска (14%)<sup>6</sup>.

В целом объем архива оценивается примерно в 30 000 страниц, из которых почти 7000 в свитках.

Это типичный для своего времени архив, отражающий делопроизводство, осуществлявшееся русскими приказными людьми. Город располагал хорошо развитой администрацией, в состав которой входили приказы, ведавшие различными сферами управления с их иерархией приказных людей во главе с начальниками канцелярий — дьяками. Каких-либо дипломатических и политических документов в архиве нет; нет в нем и документов, касающихся системы управления собственно городом.

Архив позволяет составить картину повседневной жизни администрации в русском городе этого времени. Подьячие составляли подробные отчеты по всем упомянутым выше областям управления вплоть до конца охватываемого архивом периода. Но, как это явствует из документов, происходило это в чрезвычайных условиях<sup>7</sup>.

## Стокгольмские протокольные книги (tänkeböcker): сравнение

Администрация в Новгороде была более развитой, чем в городах Швеции того же периода. В Новгороде был целый ряд приказов, ведавших различными по своему характеру делами, и сложившаяся бюрократическая структура. Как в приказах, так и вне их было множество писцов — тогдашних канцелярских

<sup>5</sup> Riksharhiv (Sweden). Novgorod Occupational Archives (далее — RA.NOA).

<sup>6</sup> *Löfstrand E., Nordquist L.* Accounts of the Occupied City. Catalogue of the Novgorod Occupation Archives 1611–1617. Ser. 1. Stockholm, 2005; Ser. 2. Stockholm, 2009; *Selin A.A., Dmitrieva Z.V.* Klassificering av revisionsböcker från Novgorod-området 1611–1615 // *Novgorodiana Stockholmiensia* / Sc. eds. G. Kovalenko, E. Löfstrand. Issue 19. Stockholm: Stockholms universitet, 2012. P. 64–71.

<sup>7</sup> *Löfstrand E., Nordquist L.* Accounts of an Occupied City.

чиновников. В деревнях и на площадях работали так называемые площадные подьячие. Книги разного рода, содержащие составлявшиеся ими документы, свидетельствуют о высоком уровне специализации.

Книг, содержащих законы или положения о городском управлении, в архиве нет. Что касается Серии 2, то в ней есть три свитка, дающих представление о выборном органе, называвшемся Земской избой, или Земским двором. Это было собрание представителей разных слоев общества. В этих свитках рассматриваются вопросы правосудия и справедливости в связи со сбором денег на выплату жалования солдатам (свитки 165, 177 и 198).

В порядке сравнения можно упомянуть Стокгольм XVII в., где городской магистрат осуществлял функции управления и был высшей юридической инстанцией. Здесь городской писец регистрировал в хронологическом порядке все дела, поступающие на рассмотрение магистрата, в так называемых протокольных книгах. Это могли быть дела об уголовных преступлениях, изменении отношений собственности, городской застройке, социальном обеспечении, жалобы от населения и др. Лица, обвиненные в совершении преступлений, равно как и стороны в спорах по гражданским делам, должны были предстать перед магистратом. Заслушав стороны, магистрат выносил свое решение. Существовали и некоторые другие — немногочисленные — виды книг, в частности дозорные книги и книги о сборе налогов. Опираясь на данные налоговых книг, историки полагают, что численность населения Стокгольма в конце XVI в. составляла 6–7 тыс. человек.

Город Стокгольм представлял собой самоуправляемую административную единицу, тогда как в ведении новгородской администрации находился не только город, но и обширные прилегающие земли — новгородские пятины. Многочисленные дозорные книги, сохранившиеся в Оккупационном архиве, содержат сведения о тех, кто владел и обрабатывал землю в Новгородской земле. Подобные документы, описывающие имущество жителей, в протокольных архивах Стокгольма касаются только городской недвижимости<sup>8</sup>.

## Отличительные особенности русских челобитных

Обращение частных лиц в вышестоящие властные инстанции посредством прошений — челобитных — было обычной практикой и в Западной Европе этого времени.

В России этот жанр занял промежуточное положение между документом официальным и частно-деловым. Официальным он был в том смысле, что все такие обращения к властям должны были подаваться на высочайшее имя. Кроме того, их официальный характер заключался в том, что это были документы юридического содержания либо такие, на основании которых властные

<sup>8</sup> Stockholms stads tänkeböcker från år 1592, Utgivna av Stockholms stadsarkiv, Del. VII 1608–1613, Redigerad av Nils Staf. Stockholm, 1964.



органы принимали те или иные решения. Эти решения записывались прямо на челобитных.

В то же время челобитные носили частный характер, поскольку отражали интересы конкретного индивида или же отношения между отдельными членами общества. Они имели отчетливо выраженную социальную функцию и отражали все аспекты повседневной жизни людей.

Челобитные, как правило, не подписывались. Из них также не вытекает, кем они составлены — самим ли челобитчиком или писцом. Челобитные не датированы, однако год и дату в некоторых случаях можно узнать из казусной части, где челобитчик излагал обстоятельства дела. Документы этого рода могли составляться площадными подьячими, разного рода дьячками, нижними чинами (старостами), целовальниками и др.

Челобитные имели и эмоционально-экспрессивную функцию, выражавшуюся в стремлении автора вызвать у адресата сострадание или желание оказать ему помощь. Это находило отражение в структуре и выборе устойчивых и обязательных формул, шаблонов и клише, выражениях почтения и формах обращения<sup>9</sup>.

Челобитные служили средством коммуникации между индивидом и властью, между маленьким человеком в его трудных обстоятельствах и властными органами с их стремлением к контролю, но также и к пониманию. Исходным пунктом было отношение, в котором челобитчик и адресат находились друг к другу. Характер этого отношения до известной степени определял выбор средств выражения.

## Форма челобитной

Челобитная отличалась предустановленной формой, напоминая своего рода бланк, который следовало заполнить. В случае удовлетворения прошения выигрывали обе стороны: челобитчик приобретал необходимые средства для жизни, а город — гражданина, способного и впредь функционировать в обществе.

Закрепленность структуры, ее, так сказать, формулярность, свидетельствует о давнем традиционном характере и устойчивости жанра челобитной. Ее структура с течением времени оставалась почти неизменной. Эта форма была легко узнаваема и хорошо известна коммуникантам, позволяя им непосредственно сосредоточиться на содержании<sup>10</sup>.

В структуре челобитных рассматриваемого периода выделяются три основные части:

А. Заголовок: начальный протокол документа

1. Указание на адресата

2. Челобитье

<sup>9</sup> Волков С. С. Лексика русских челобитных XVII века. Л., 1974.

<sup>10</sup> Moser M. Formelhaftes in der russischen Geschäftssprache bis zu Peter dem Grossen (Urkunden, Briefe, Publizistik) // Österreichische Osthefte. Zeitschrift für Mittel-, Ost-, und Südosteuropaforschung. Jahrgang 39. Wien, 1997.

3. Данные об адресанте

Б. Основная часть:

а) казусная часть, где излагаются обстоятельства дела

б) изложение просьбы

В. Концовка: конечный протокол документа

## Язык

Уже в период раннего Средневековья в Новгороде сложилась культура письменности и создавалось множество письменных документов. Язык административных актов Московского государства — деловой язык — на протяжении XVI в. постепенно приобретал характер языковой нормы, распространявшейся и на периферийные города царства. Деловой язык употреблялся в приказном делопроизводстве, для составления юридических документов и текстов законов, но также и в разнообразных «вестях», переписке между городами, в частной переписке<sup>11</sup>.

Приказной язык документов архива — это нелитературный письменный язык, в котором преобладает простое предложение. При этом он сходен с витиеватым языком законодательных актов с обычным для него паратакисом — нанизыванием простых предложений. Они связываются преимущественно посредством сочинительных союзов *и*, *а* и *да*. Подчинительные связи хотя и встречаются, но лишь ограниченно. Употребление прилагательных необычно, за исключением устойчивых формул. Этот язык бесстилен, но однороден и удовлетворяет определенным потребностям<sup>12</sup>.

## Челобитные в Оккупационном архиве

Около 1700 листов Серии 2 архива, содержащей почти 7000 листов, составляют челобитные. Их можно разделить по характеру дел. Так, подачей челобитной всегда открывались дела, связанные с наделением землей. В архиве хранится множество, предположительно несколько сот челобитных, поданных отдельными лицами, и коллективных петиций. Положительные решения по делу либо отметки о рассмотрении дела записывались непосредственно на оборотах челобитных. Челобитные подавались на высочайшее имя, но решения о принятии мер по жалобам и прошениям принимались начальниками приказов, дьяками.

Челобитные представляют собой источник, содержащий сведения о повседневной жизни новгородцев и касаются самых разных ее сторон. Речь может идти о возмещении за лошадь, убитую на поле боя, жалобах на несправедливые

<sup>11</sup> Волков С. С. Лексика русских челобитных XVII века. Л., 1974.

<sup>12</sup> Pennington A. E. Grigorij Kotosixin. O Rossii v carstvovanie Alekseja Mixajlovica: Text and Commentary. Oxford, 1980.

поборы, оплате товаров, изъятых властями, невыдаче жалования, прощении о принятии на службу, выделении средств на восстановление и освящение церкви, разрешении на выход за городские ворота, чтобы собрать скошенное сено, и о многом другом.

Из рассказов челобитчиков можно иногда косвенным образом почерпнуть сведения об актуальных политических и военных событиях (челобитные № 7 и 9).

В челобитных, за исключением церковных, нередко формулы, выражающие жалкое положение просителя с целью оказать эмоциональное давление на адресата. Они встречаются и в других собраниях русских челобитных, но здесь они в переизбытке и порой принимают эмоциональные формы. Примером может служить челобитная № 11, в которой псковский выходец Грязной Иванов просит принять его на службу при одном из приказов, «чтоб яз, волочяся меж двор, в конец не погиб и голодную смертью не умер».

## Формы титульного обращения

По своему оформлению челобитные в Новгородском архиве следуют русской традиции. Но они выделяются из нее особыми формами обращения к властям предержавшим<sup>13</sup>. Речь идет об обязательных формах титулования. Челобитные подавались не на имя русского царя, а на имя короля Карла IX, Густава II Адольфа, великого князя Карла Филиппа или высших новгородских чинов — Якоба Делагарди или его русского соправителя кн. Ивана Никитича Большого Одоевского. Встречаются и краткие формы обращений, включающих упоминание Московского государства: «Московское и Новгородское государства».

Весьма вероятно, что существовали шаблоны обращений, которыми пользовались писцы. Тем не менее при перечислении земель, подвластных Карлу IX и Густаву II Адольфу, встречается разнобой. Не исключено, что писцам трудно было заметить ошибки в длинных перечнях чужеземных слов, которые к тому же некому было проверить. Такое положение дел объясняется, по видимому, тем, что эти документы создавались в необычной, чрезвычайной ситуации. При более нормальных условиях формы титулования в русских челобитных отличались устойчивостью, и отклонения от них не допускались<sup>14</sup>.

## Кто подавал челобитные властям?

Насколько можно судить, самые большие группы челобитчиков представлены служилой знатью, посадскими и церковниками. Встречаются и прошения вдов о вспомоществовании. Что касается представителей церкви, то это

<sup>13</sup> Eng T. Det svenska väldet. Ett konglomerat av uttrycksformer och begrepp från Vasa till Bernadotte. Uppsala, 2001.

<sup>14</sup> Памятники деловой письменности XVII века. Владимирский край. М., 1984.

священники, монахи и монашки, которые чаще всего просят не за себя, а для своей церкви или монастыря. Надо полагать, что власти отбирали прошения тех лиц и представителей некоторых групп, от которых можно было ожидать общественной пользы. Таким оказывалось предпочтение путем выдачи им денежных сумм, принятия на службу в приказы или каким-либо другим образом<sup>15</sup>.

Особую группу челобитчиков представляют лица разного рода занятий и ремесел, таких как веревочник, хмелевик, плотник, железник, пищик, кузнец, лесовик, продавец рыбы, пушкарь, охотник. В этой категории нередко попадают коллективные челобитные, в которых представители разных профессий жалуются на неуплату за поставленные товары и услуги.

Еще одну категорию составляют лица, добывающиеся службы в приказах. Весьма обычны прошения о месте посыльного или гонца при Поместном приказе (челобитные № 10 и 11).

Землевладельцы обращаются с прошениями о пропуске своих работников за городские ворота для посева и жатвы (челобитные № 3, 4 и 5).

Несомненно, остро необходима помощь властей была и людям из низших слоев общества — крестьянам, находившимся в тяжелом положении. Однако среди адресантов челобитных они не представлены. Об их участи дают некоторое представление дозорные книги. Здесь на языке приказной бюрократии сухо перечисляются факты: опустевшие деревни, люди, убитые или бежавшие в леса. Беднейшее население в этих обстоятельствах не имело своего голоса.

## Несколько слов в заключение

Как ни парадоксально это звучит, у войн бывают и положительные побочные эффекты. Пример тому — Новгородский оккупационный архив. Уцелевший словно чудом, он позволяет нам составить яркую картину жизни города и его обитателей. Сохранившиеся в архиве разнообразные книги сообщают нам точные фактические данные по многим ее аспектам. Челобитные же предоставляют нам самые живые и непосредственные, «неотфильтрованные» сведения — свидетельства очевидцев, представляющих разные слои общества.

<sup>15</sup> Селин А.А. Документы начала XVII века Новгородского оккупационного архива и других коллекций как источник для просопографии служивых людей // Стокгольмская Новгородика. Stockholm Slavic Papers. Стокгольм, 2012.

**Челобитные**<sup>16</sup>

Челобитная № 1

**1616 г. сентября. — Челобитная старца Аркажского монастыря Ионы шведскому королю Густаву II Адольфу о попытке новгородских пятиконецких старост включить в посадское тягло двор монастырского бобыля Собинки Дмитриева, переданный ему по распоряжению новгородских властей для ухода за государевыми лебедями**

Велеможному и высокороженному князю и государю, государю Густафу Адольфу Карлусовичю Свицкому, Гоцкому, Вендейскому избранному королю и отчинному князю и великому князю Финские земли и арцуху Эстерские и Весмерлянские земли<sup>17</sup> бьет челом Успенья Пречистые Богородицы Оркажа монастыря старец Иона.

В прошлом, государь, во 124-м году о Николине дни Вешнем взяли, государь, Оркажа монастыря бобылка Собинку Дмитриева неволею к твоим государевым лебедем кормити и беречи, и двор, государь, лебедем отвели в Славне на Загородной. И тот, государь, бобылек у лебедей был неотступно и твою государеву службу служил. А тягло, государь, тот Собинка нам в монастырь всякие тягла и в салдацкие денги и по сию пору. И нынеча, государь, староста Нечай Болшаков хочет того нашего Оркажа монастыря бобылка Собинку с посацкими людьми в новгородское тягло приписать своим насильем, а сказывает: ты, де, жевешь во грацком дворе. И отнимает, государь, у Пречистой Богородицы того бобылка бес твоего государева королевского ведома своим насильем. А тот, государь, бобылек старинной Оркажа монастыря, а во грацком тягле не бывал, а двор, государь, дан для твоих государевых лебедей, не для Собинки бобыля.

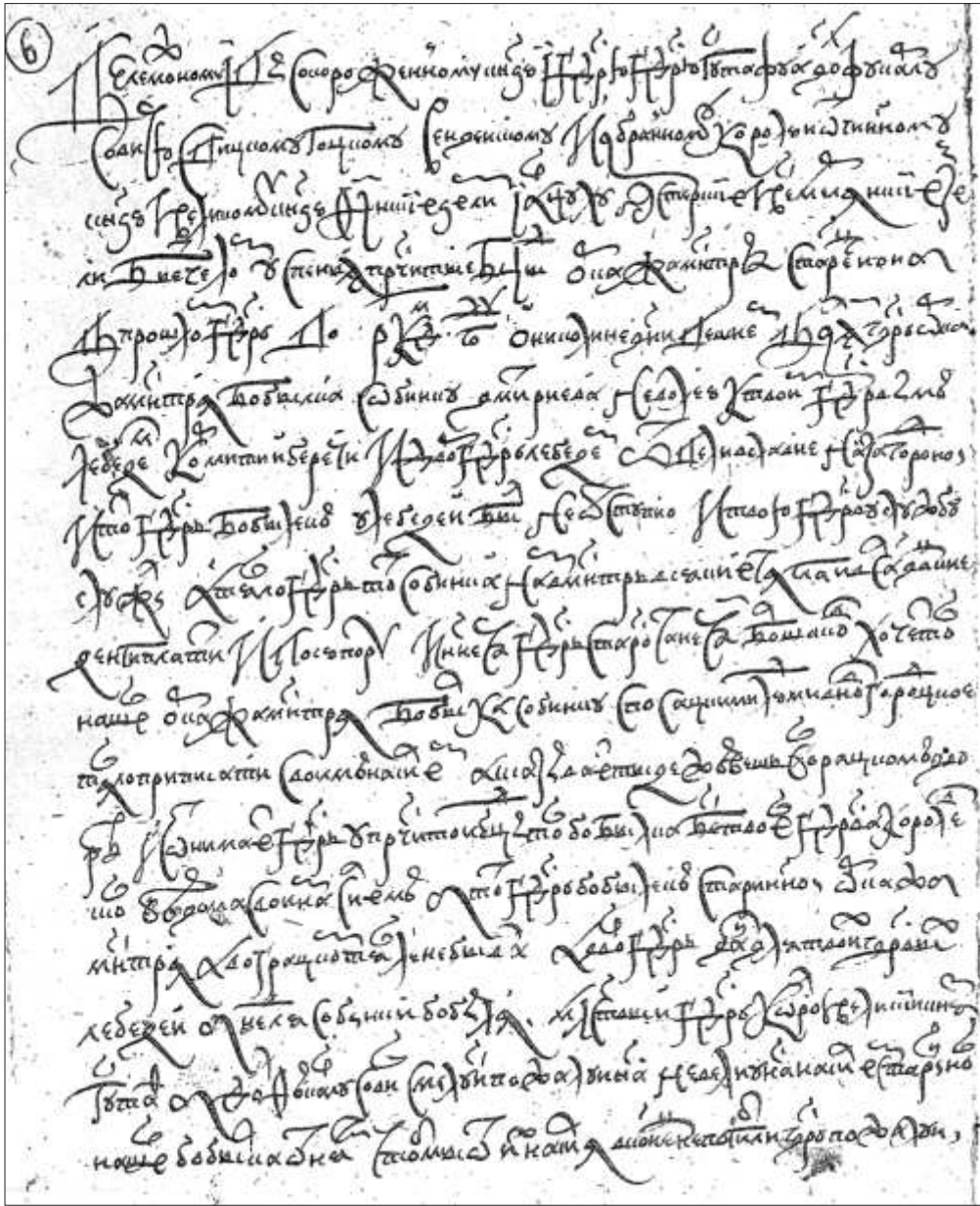
Милостивый государь, король и великий князь Густаф Адольф Карлусович, смилуйся, пожалуй нас, не веди у нас насильем старинного нашего бобылка отняти, чтоб мы от их насилья в конец не погибли. Государь, пожалуй!

*На обороте другим почерком:* 125-го сентября в <...><sup>18</sup> день ноугородским пятиконецким старостам Томилу Пристальцову да Третьяку Молокову с товарищи. По сей челобитной Собинке в том дворе жити не велети, потому что ему тот двор дан был для государева лебединого обиходу, а ныне на государеве обиходе лебедей нет. А коли на государеве обиходе вперед лебеди

<sup>16</sup> Тексты челобитных подготовлены к печати в соответствии с правилами издания русских документов XVII в. (Правила издания исторических документов в СССР. М., 1990). Датировка документов проведена А. А. Селиным.

<sup>17</sup> Титул короля Густава II Адольфа звучал как «король шведский, готский и вендский, герцог Эстляндский и Вестанландский». Благодарим А. В. Толстикова за любезную консультацию.

<sup>18</sup> Дата не указана, оставлено место.



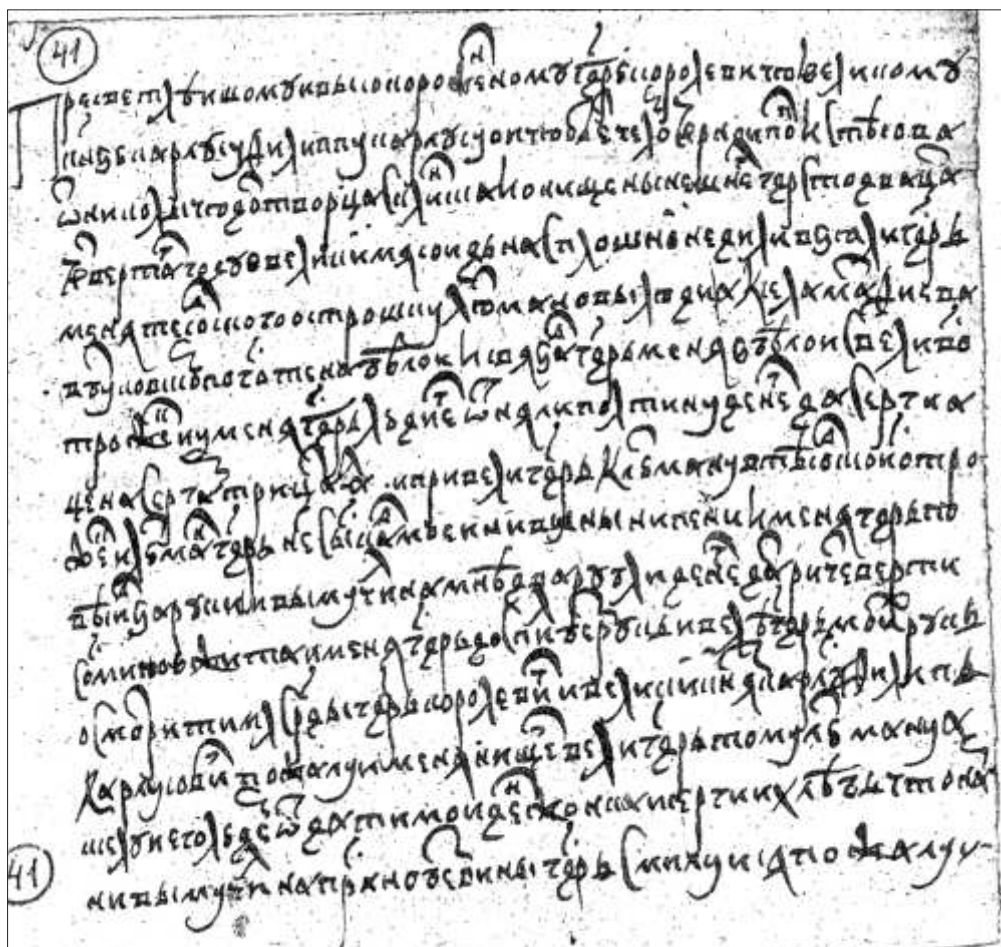
Петербургский исторический журнал № 2 (2015)

будут, и ему в те поры и двор дадут. Да и в тягло его с ноугородцкими посадцкими людьми не приписывать, потому что он живет в бобылех за Аркажем монастырем и тягло всякое и салдацкие денги платит в монастырь по сю пору.

RA. NOA. Serie 2: 38. Л. 6. [Подлинник.] 22×16

Челобитная № 2

1616 г. не ранее 27 января<sup>19</sup>. — Челобитная черного священника Никольского Клинского монастыря Ионы шведскому принцу Карлу Филиппу с просьбой освидетельствовать его раны и возратить имущество, отобранное людьми шведского лейтенанта Акселя Матсона



Пресветлейшому и высокороженному государю королевичю и великому князю Карлусу Филиппу Карлусовичю. Бьет челом черной поп ис Тесова от Николы Чюдотворца с Клинска Ионища.

Нынешнего, государь, сто дватцать четвертаго году в Великий мясоед на сплошной недели взяли, государь, меня Тесовского острошку лютмановы

<sup>19</sup> Челобитная написана после Сплошной (Всеядной) недели Великого Мясоеда 1615/16 г. 10-я неделя перед Пасхой в 1615/16 г. по юлианскому календарю — между 20 и 26 января.

люди Аксела Матфиева в Бутковском погосте на Белой. И связав, государь, меня в Белой, свели в острожек. И у меня, государь, люди его отняли полтину денег да серги, а цена сергам тридцать алтын. И привели, государь, к лютману в Тесовской острожек. И лютман, государь, не сыскав моей ни вины, ни пени, и меня, государь, повесив за руки, и вымучил на мне два рубли денег да три четверти с осминою жита. И меня, государь, доспил<sup>20</sup> без рук. И веле, государь, моих рук осмотрити.

Милосерды государь королевич и великий князь Карлус Филип Карлусович, пожалуй меня нищего, вели, государь, тому лютману Акселу и его людем отдати мои денжонка, и серги, и хлеб, что на мни вымучил напрасно без вины. Государь, смилуйся, пожалуй!

RA. NOA. Serie 2: 40. Л. 41. [Подлинник.] 15,5×14,5

Челобитная № 3

**[1616 августа]<sup>21</sup>. — Челобитная игумена Антониева монастыря Павла шведскому королю Густаву II Адольфу с просьбой разрешить пропуск своих жнецов через Славенскую заставу**

Велеможному и высокороженно<sup>22</sup> князю и государю Густаву Адольфу Карлосовичю Свицкому, Гоцкому, Вендейскому, избраному королю и вотчиному князю и великому князю Финские земли<sup>23</sup> и арцсуху Эстерские и Звяшмерленские земли бьет челом Рожества Пречистые Богородицы и великого Антонья Римлянина Антоньева монастыря игумен Павел з братьею.

На Бронничю<sup>24</sup>, государь, на пустоши в Загорицах, на пустоши, где бывало монастырское село, рожь сияна. И та, государы, рожь поспеваает жать. Государь вельможный король Густав Адольф Карлосович, покажи милость, вели, государь, монастырского нщего<sup>25</sup> служку Ермолку Михайлова да пятеро жнецов: Первушку Тимфиева з женою, да дивку Опроску, да жонку Федосьицу, да мальчика Васку, и с монастырским запасишком в судне на Славенской заставе пропустите. И того, государь, служку и впредь вели пропускати в горот и з города для монастырских нуж. Государь, смилуйся!

*На обороте другим почерком:* К сей челобитной игумен Павел руку приложил.

*На обороте в верхней части листа третьем почерком:* Велеть пропускать.

RA. NOA. Serie 2: 42. Л. 8. [Подлинник.] 17×16

<sup>20</sup> Доспети — сделать, привести в какое-либо состояние.

<sup>21</sup> Челобитная датирована по нахождению в едином комплексе с другими подобными документами, относящимися к августу 1616 г.

<sup>22</sup> Так в ркп.

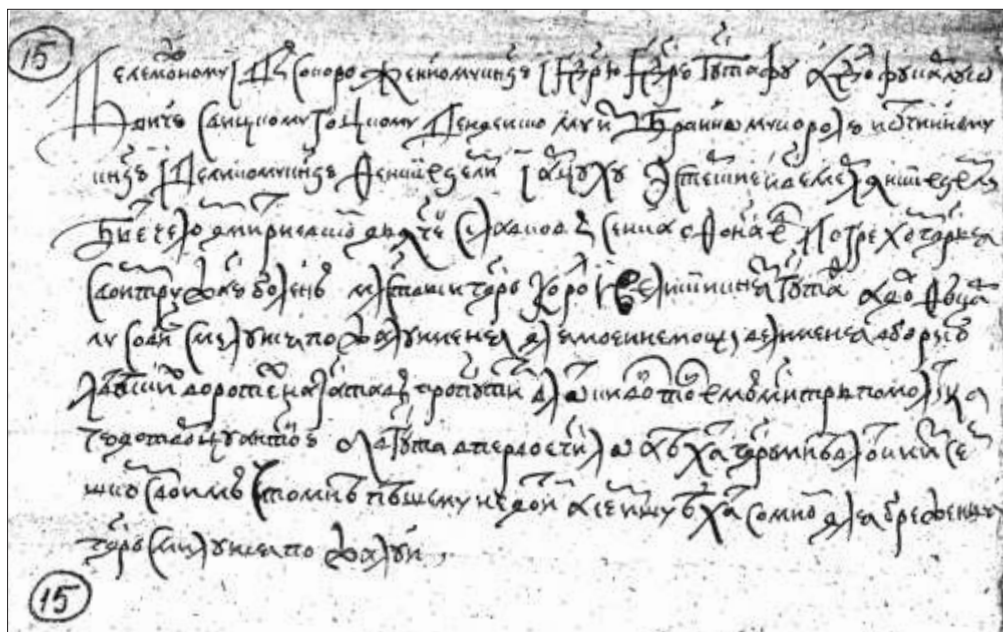
<sup>23</sup> В ркп: зем.

<sup>24</sup> В ркп Брончю.

<sup>25</sup> Так в ркп.



[1616 г. августа не позднее 1]<sup>26</sup>. — Челобитная дьячка церкви св. Дмитрия со Славковы улицы Сенки Афанасьева шведскому королю Густаву II Адольфу с просьбой пропустить его через Борисоглебские ворота на богомолье в Антоньев монастырь



Велеможному и высокороженному князю и государю, государю Густаву Адольфу Карлусовичю Свицкому, Гоцкому, Вендейскому избранному королю и отчинному князю и великому князю Финские земли и арцуху Эстерские и Весмерлянские земли бьет челом дмитриевской дьячек с Славковы Сенка Офонасьев.

По грехом, государь, я своим тружаюсь, болен.

Милостивый государь король и великий князь Густаф Адольф Карлусович, смилуйся, пожалуй меня для моей немощи, вели меня в Борисоглебских воротех на заставах пропустить в лотки в Антоньев монастырь помолитца чудотворцу Антонию августа в первое число. А ехать, государь, мне в лотки и з семейшком своим, что мне пешему не дойти, а семейшу ехать со мной для береженья. Государь смилуйся, пожалуй!

*На обороте другим почерком:* Вяжского монастыря игумен Генадей руку приложил.

<sup>26</sup> Челобитная датирована по нахождению в едином комплексе с другими подобными документами, относящимися к августу 1616 г.; 1 августа упоминается в тексте документа.

*На обороте в верхней части листа третьем почерком:* Велеть пропустить. Да с ним бы в Онтонов<sup>27</sup> ехал с караулы Иван Бестужей для береженья.

RA. NOA. Serie 2: 42. Л. 15. [Подлинник.] 16,3×11

Челобитная № 5

**[1616 г. августа]<sup>28</sup>. — Челобитная Василия Тихонова сына Аврамова шведскому королю Густаву II Адольфу с просьбой пропустить через Словенскую заставу Степана Палицына с косцами для сенокоса на Городище**

Велеможному и высокороженному князю и государю, государю Густаву Адольфу Карлосовичю Свицкому, Готцкому, Вендейскому избранному королю и отчинному князю и великому князю Финские земли и арцуху Эстерские и Вяшмерленские земли бьет челом Васка Аврамов.

Государь велеможный король Густав Адольф Карлосович, вели, государь, для сенокосу на Славенской заставе в воротех пропустити Степана Палицына, а порука по нем я, Васка. Да с ним дву человек косцов да протодьяконова косца Гришку да с ними лошадь. А косить, государь, им на городище за Волховцом. Государь, смилуйся!

*На обороте другим почерком:* По Степане Палицыне Василей порука и руку приложил.

RA. NOA. Serie 2: 42. Л. 14. [Подлинник.] 16,5×13

Челобитная № 6

**[1612 г. февраля ранее 12]<sup>29</sup>. — Челобитная новгородских посадских людей плотников Куземки и Васки Клементьевых новгородским воеводам Я. П. Делгарди и кн. И. Н. Большому Одоевскому с просьбой о выдаче жалованья за поденную работу на пущечном дворе**

Велеможного и высокороженного князя и государя короля Карла Девятого Свитцкого, Готцкого, Вендейского и иных<sup>30</sup>, его королевского величества боярину и большому ратному воеводе Якову Пунтосовичю Делегарде волному господину во Ехколме, и в Колке, и в Рунсе, да Московского и Новгородского государства боярину и воеводе князю Ивану Никитичю Большому Одоевскому бьют челом сироты ваши тяглые посацкие люди плотники Куземка да Васка Клементьевы с товарищи, шесть человек.

<sup>27</sup> В ркп. Онтов.

<sup>28</sup> Основание датировки: все челобитные о пропуске через какие-либо ворота из Новгорода связаны с 1615/16 г., с жатвой, т. е. не ранее августа 1616 г.

<sup>29</sup> Основание датировки: все документы стлб 71, где находится публикуемая челобитная, относятся к концу 1611 — началу 1612 г., в начале 1612 г. в Новгороде еще не было известно о смерти Карла IX.

<sup>30</sup> Титул Карла IX звучал так: «Карл, король Свейский, Готский, Вендский, финнов, карелов, лопарей в северных землях, каянцев и эстов в Лифляндии».

Тягло, государи, мы всякое и подати всякие платим и службы грацкие служим. И ныне, государь, взял нас, сирот ваших, городничей Федор Змиев на ваше государево дело на пушечной двор х копейному делу. И мы, государь, делаем, на дворе заперты. А женишка наши з голоду помирают и в податех на правеже стоят. А нам, государь, за дело вашего жалованья из казны денег найму не дают. А преже, государь, сего мы ваше государево дело делали, и нам ваше жалованье денги из казны поденно давали из земской избы.

Государи бояря, покажите милость, пожалуйте нас бедных, велите им дати нам свое жалованье за дело поденной наем, сколько вы, государи, пожалуете, чтоб мы без вашей милости в конец не погибли и голодом не померли. Государи бояря, смилуйтесь!

*На обороте другим почерком:* Написать роспись, сколко делали.

*RA. NOA. Serie 2: 71. Л. 40. [Подлинник.] 15,5×18,5*

Челобитная № 7

**[1612 г. январь–февраль]<sup>31</sup>. — Челобитная стариц Петропавловского монастыря из Загородского конца новгородским воеводам Я. П. Делагарди и кн. И. Н. Большому Одоевскому с просьбой выделить средства на освящение монастырского храма Петра и Павла, разоренного при штурме города**

Велеможного и высокорожденного князя и государя короля Карла Девятого Свитцкого, Готцкого, Вендейского, Корилского, Лопьского и иных его королевского величества боярину большому, ратному воеводе Якову Пунтосовичю Делагарде, волному господину в Холме<sup>32</sup>, и в Колке, в Рунсе и Московского и Великого Новгорода Русисского государства боярину и воеводе князю Ивану Никитичю Большому Одоевскому.

Бьют челом и плачуются нищии твои государевы богомолицы, убогии розоренные старицы из девечья монастыря из Загородья Петра и Павла старица Анникия, старица Матрена, старица Параскевище, и все сестры. Храм божий Петр и Павел розорен с неметцкого розоренья, и теперич без пенья стоит, и престол воздвегнут и антимиис.

Государе великие бояре и воеводы Яков Пунтосович и князь Иван Никитич, покажите милость, пожалуйте, государе, нас нищих, дайте на освящение храму, чим вам Хрестос известит, чтоб нам храм божий осветити. Государе, смилуйтесь, пожалуйти!

*На обороте другим почерком:* Дати полтина на освящение храму.

*RA. NOA. Serie 2: 71. Л. 42. [Подлинник]*

<sup>31</sup> Основание датировки: все документы стлб 71, где находится публикуемая челобитная, относятся к концу 1611 — началу 1612 г.

<sup>32</sup> Так в ркп.

## Челобитная № 8

**[1612 г. январь–февраль]. — Челобитная подъячего Кости Хамантова новгородским воеводам Я. П. Делагарди и И. Н. Большому Одоевскому с просьбой выдать ему вторую половину жалованья за прошлый 1610/11 г.**

Велеможного и высокорожденного князя и государя короля Карла Свицкого, Готцкого, Вендейского, Финского, Корелского, Лопского, в Северной стране Каянского, Эстерского в Лифлянтах короля и его королевского величества боярину и воеводе Якову Пунтосовичю Делагарде, вольному господину в Ехколме, и в Колке, в Рунсие и Московского и Новгородцкого государства боярину и воеводе князю Ивану Никитичю Большому Одоевскому бьет челом Костя Хамантов.

Подъячим, государи, всем другую половину жалованья на прошлой на 119-й год дали сполна. А я, государи, в те поры в Новегороде не был, залежал в деревни болен. И мне, государи, другие половины жалованья дву рублев по ся мест не давал<sup>33</sup>. И будучи, государи, мне у дела, прокормитца нечим.

Милость, государи, покажите, помилуйте, велите мне другую половину моего окладу два рубли на прошлой на 119-й год дати, чтоб мне, будучи у государевых дел, з голоду не помереть. Государи, смилуйте, пожалуйте!

*На обороте другим почерком: Дати рубль.*

*RA. NOA. Serie 2: 71. Л. 49. [Подлинник]*

## Челобитная № 9

**[1612 г. январь–февраль]<sup>34</sup>. — Челобитная Степана Неустроева, казачьего есаула приказа Тимофея Шарова, новгородским воеводам Я. П. Делагарди и кн. И. Н. Большому Одоевскому о принятии его на службу и даче жалованья за рану, полученную при штурме Новгорода шведами**

Королевского величества и Московского и Новгородцкого государства боярину большому и ратному воеводе Якову Пунтосовичю Делегарде вольному господину в Ехколме, и в Колке, и в Рунсе да боярину и воеводе князю Ивану Микитичю Большому Одоевскому бьет челом есоул Тимофеевского приказа Шарову Степанко Неустроев.

Был, государи, ранен в новгородцком розгроме, а нынеча, государи, Бог меня изцелил, и государева служба мни служити мочно. Покажите, государи, милость, великии бояря Яков Пунтосович и князь Иван Микитич, пожалуйте меня государевым жалованьем, как, вам государе, Бог известит, как бы мни мочно на государеву службу поднятца. А прежняя, государи, моя служба была, и я, государи, той всей службы отбыл в новгородцкое взятие, ограблен донага.

<sup>33</sup> *Так в ркп.*

<sup>34</sup> Основание датировки: все документы стлб 71, где находится публикуемая челобитная, относятся к концу 1611 — началу 1612 г.

Государя, смилуйтесь!

*На обороте другим почерком:* Выписати, как прежде было.

RA. NOA. Serie 2: 71. Л. 55. [Подлинник.] 20×17

Челобитная № 10

**[Не ранее 1611 г. июля 16 — не позднее 1612 октября 26]<sup>35</sup>. — Челобитная старорусского подьячего Ивана Плутугина новгородским воеводам Я. П. Делегарди и кн. И. Н. Большому Одоевскому о назначении в рассылочные подьячие в Разряд или в Поместный приказ**

Королевского величества Новгородского государства боярину и большому ратному воеводе Якову Пунтосовичю Делегарду и боярину и воеводе князю Ивану Никитичю Большому Одоевскому бьет челом бывшее старорусское житнишне подьячишко Ивашко Плутугин.

В прошлом, государя, в 117-м году в сентябре прибежал я ис Старые Русы в Великий Новгород от воров и от литовских людей душою да телом. И в Великом Новгороде при князе Михаиле Васильевиче в осаде сидел. И с осадновою, государя, времени и по ся мест волочюсь меж двор, и волочась, в конец осиротел.

Милость покажите, государя великие бояре Яков Пунтосовичь, князь Иван Никитичь, пожалуйста меня для моей бедности, велите мне быть в Великом Новгороде в Розряде и в Поместном приказе в рассылочных подьячейшках, чтобы я, волочась, и досталь в конец не погиб. Государя великие бояре, смилуйтесь, пожалуйста!

*На обороте другим почерком:* Взять порука крепкая.

RA. NOA. Serie 2: 174. Л. 5. [Подлинник.] 17×15,5

Челобитная № 11

**[1613 г. не ранее августа–сентября]<sup>36</sup>. — Челобитная Авдотьи, вдовы новокрещеного татарина Мартьяна (Мартына) Семенова, убитого под Тихвином, шведскому принцу Карлу Филиппу о даче жалованья на «прожиток»**

Пресветлейшему и великороженному государю королевичю и великому князю Карлусу Филиппу Карлусовичю бьет челом новокрещенова Мартьянова женишко Семенова Овденьеца.

Мужа, государь, моего Мартына на твоей государеве службе под Тихвиною воровские люди убили. А я, сирота твоя, осталась с сиротами сама третья, нага, пити и ести ничего.

<sup>35</sup> Датировка основана на дате захвата Новгорода шведскими войсками во главе с Я. П. Делегарди 16 июля 1611 г. (нижняя дата), верхняя определена упоминанием И. Плутугина уже в качестве действующего подьячего (Приходо-расходные книги. 1612/13 // RA, NOA. Serie 1: 104. С. 5).

<sup>36</sup> Датировка основана на событиях под Тихвинным монастырем августа–сентября 1613 г., о которых говорится в челобитной.

Государь королевичь и великий князь Карлус Филип Карлусовичь, пожалуй меня свою сироту з детишками своим государевым жалованьем, как тебе, государю, Бог известит, чтоб я з детишками голодом не померла. Государь, смилуйся!

*На обороте другим почерком:* Выписати.

RA. NOA. Serie 2: 201. Л. 13. [Подлинник.] 16,5×12,5 (13)

Челобитная № 12

**[Около февраля 1613 г.]<sup>37</sup>. — Челобитная псковича Грязного Иванова новгородским воеводам Я. П. Делагарди и кн. И. Н. Большому Одоевскому о принятии на службу в рассылочные подьячие Поместного приказа**

Королевского величества и Навгородцкого государства боярину и большому ратному воеводе Иякову Пунтосовичю Делегарде, боярину и воеводе князю Ивану Никитичю Большому Одоевскому бьет челом псковский выходец рассыльщик Грязнуха Иванов.

Вышел, государи, яз изо Пскова на королевское имя к вам, великим боярам. И нынеча, государи, яз волочюся меж двор и помираю голодною смертию.

Милосердые государи бояре и воеводы Яков Пунтосович, и князь Иван Никитич, пожалуйте меня, велите, государи, мне быти у своего боярского дела в Поместной избе в рассылочных подьячих, чтоб яз, волочаяся меж двор, вконец не погиб и голодною смертию не умер. Государи бояре, смилуйтесь!

*На обороте другим почерком:* Взяти порука, велети быть в росысылочных<sup>38</sup>.

RA. NOA. Serie 2: 174. Л. 65. [Подлинник.] 19,5×16,5

#### References

*Dmitrieva Z. V.* Nalogi i povinnosti krest'ân novgorodskih pâtin v «smutnoe vremâ» (1611–1617) // *Ežegodnik po agrarnoj istorii Vostočnoj Evropy*. 2014 god. Samara, 2015. S. 38–47.

*Eng T.* Det svenska väldet. Ett konglomerat av uttrycksformer och begrepp från Vasa till Bernadotte. Uppsala, 2001.

*Löfstrand E.* Sverigebild och Rysslandsbild i Ockupationsarkivet från Novgorod. Artikel, producerad för Riksarkivet, 1997.

*Löfstrand E., Nordquist L.* Accounts of the Occupied City. Catalogue of the Novgorod Occupation Archives 1611–1617. Serie 1: Stockholm, 2005; Serie 2: Stockholm, 2009.

*Moser M.* Formelhaftes in der russischen Geschäftssprache bis zu Peter dem Grossen (Urkunden, Briefe, Publizistik) // *Österreichische Osthefte*. Zeitschrift für Mittel-, Ost-, und Südosteuropaforschung. Jahrgang 39. Wien, 1997.

*Pennington A. E.* Grigorij Kotosixin. O Rossii v carstvovanie Alekseja Mixajlovica. Text and Commentary. Oxford, 1980.

Pravila izdaniâ istoričeskikh dokumentov v SSSR. M., 1990.

*Selin A. A.* Novgorodskoe obšestvo èpohi Smuty. SPb., 2008.

*Selin A. A., Dmitrieva Z. V.* Klassificering av revisionsböcker från Novgorod-området 1611–1615 // *Novgorodiana Stockholmiensia* / Eds. G. Kovalenko, E. Löfstrand. Issue 19. Stockholm: Stockholms universitet, 2012. P. 64–71.

<sup>37</sup> Датировка основана на дате взятия поручной записи по Г. Иванову о службе в рассылочных подьячих (Поручная записка по Хрисанфе Иванову Грязном о бытии в государеве поместной избе посылочным подьячим. 1613. 17.02 // RA. NOA. Serie 2: 174. Л. 43).

<sup>38</sup> Так в ркп.

*Selin A.A.* Dokumenty načala XVII veka Novgorodskogo okkupacionnogo arhiva i drugih kolekcij kak istočnik dlâ prosopografii služilyh lûdej // Stokgol'mskaâ Novgorodika. Stockholm Slavic Papers. Stokgol'm, 2012.

Stockholms stads tänkeböcker från år 1592. Redigerad av Nils Staf. Del VII 1608–1613. Utgivna av Stockholms stadsarkiv. Stockholm, 1964.

*Volkov S.S.* Leksika russkih čelobitnyh XVII veka. L., 1974.

#### **Список литературы**

*Волков С. С.* Лексика русских челобитных XVII века. Л., 1974.

*Дмитриева З. В.* Налоги и повинности крестьян новгородских пятин в «смутное время» (1611–1617) // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2014 год. Самара, 2015. С. 38–47.

Памятники деловой письменности XVII века. Владимирский край. М., 1984.

Правила издания исторических документов в СССР. М., 1990.

*Селин А. А.* Новгородское общество эпохи Смуты. СПб., 2008.

*Селин А. А.* Документы начала XVII века Новгородского оккупационного архива и других коллекций как источник для просопографии служилых людей // Стокгольмская Новгородика. Stockholm Slavic Papers. Стокгольм, 2012.

*Eng T.* Det svenska väldet. Ett konglomerat av uttrycksformer och begrepp från Vasa till Bernadotte. Uppsala, 2001.

*Löfstrand E.* Sverigebild och Rysslandsbild i Ockupationsarkivet från Novgorod. Artikel, producerad för Riksarkivet, 1997.

*Löfstrand E., Nordquist L.* Accounts of the Occupied City. Catalogue of the Novgorod Occupation Archives 1611–1617. Serie 1: Stockholm, 2005; Serie 2: Stockholm, 2009.

*Moser M.* Formelhaftes in der russischen Geschäftssprache bis zu Peter dem Grossen (Urkunden, Briefe, Publizistik) // Österreichische Osthefte. Zeitschrift für Mittel-, Ost-, und Südosteuropaforschung, Jahrgang 39. Wien, 1997.

*Pennington A. E.* Grigorij Kotosixin. O Rossii v carstvovanie Alekseja Mixajloviča. Text and Commentary. Oxford, 1980.

*Selin A.A., Dmitrieva Z.V.* Klassificering av revisionsböcker från Novgorod-området 1611–1615 // Novgorodiana Stockholmiensia / Eds. G. Kovalenko, E. Löfstrand. Issue 19. Stockholm: Stockholms universitet, 2012. P. 64–71.

Stockholms stads tänkeböcker från år 1592. Redigerad av Nils Staf. Del VII 1608–1613. Utgivna av Stockholms stadsarkiv. Stockholm, 1964.

## А. В. Ганин

### «Старый Генштаб... по-прежнему крайне отрицательно относится к нам»

#### Новые документы о борьбе выпускников ускоренных курсов Николаевской военной академии за свои права в Красной армии<sup>1</sup>

Ускоренная подготовка кадров на курсах военного времени Императорской Николаевской военной академии, осуществлявшаяся в 1916–1919 гг., кардинально поменяла облик корпорации генштабистов, пополнив его своего рода генштабистами военного времени (курсовиками), прошедшими сокращенное обучение<sup>2</sup>. Отношение к ним со стороны выпускников академии мирного периода было достаточно сложным, что нередко приводило к острым конфликтам и противоречиям. В таком состоянии нараставшего внутреннего раскола корпус офицеров Генерального штаба подошел к Гражданской войне, обострившей и многие другие противоречия.

Отход от прежней жесткой субординации, предопределявшейся упраздненными чинами и проникновение курсовиков на высокие посты в Красной армии укрепили корпоративный дух выпускников курсов и подготовили почву для

<sup>1</sup> Исследование осуществлено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках проекта № 14–31–01258a2 «Русский офицерский корпус на изломе эпох (1914–1922 гг.)».

<sup>2</sup> Подробнее о курсовиках, уровне их подготовки и отношении к ним со стороны старшего поколения генштабистов см.: *Ганин А. В.* «Недоноски»? Выпускники ускоренных курсов Императорской Николаевской военной академии в годы Первой мировой войны // *Родина*. 2014. № 8. С. 62–66.



их коллективной борьбы за свое положение в новой армии. Вопрос этот уже достаточно подробно изучен<sup>3</sup>, однако новые документальные свидетельства позволяют уточнить и детализировать прежние представления.

В личном фонде выпускника ускоренных курсов 2-й очереди Военной академии бывшего штабс-капитана В. М. Цейтлина из собрания Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи в Санкт-Петербурге сохранились ценнейшие документальные свидетельства о борьбе выпускников курсов за свои права. Цейтлин был одним из активистов выпуска, поэтому бывшие однокашники направляли ему такого рода документы. Более того, первый документ касался служебных перипетий самого Цейтлина.

Документ этот именуется «Открытым письмом причисленным к Генеральному штабу выпуска 1917 года», датирован 20 мая 1918 г. и относится к эпохе зарождения РККА до ее вовлечения в широкомасштабную Гражданскую войну. В то время взаимоотношения между курсовиками и представителями довоенных выпусков академии еще не устоялись, что порождало конфликты и недоразумения. Один из таких конфликтов на почве неприязни двух различных групп генштабистов, возникший в штабе Рязанского отряда завесы между помощником военного руководителя отряда бывшим генералом П. В. Чеснаковым и выпускниками курсов 2-й очереди Н. Я. Забегаловым, А. В. Кирпичниковым, А. П. Панкратьевым, С. К. Сидоровниным и В. М. Цейтлиным, описывается в открытом письме.

Отметим, что Кирпичников и Сидоровнин в штабе Рязанского отряда занимали должности для особых поручений, а Забегалов, Панкратьев и Цейтлин значились начальниками отделений<sup>4</sup>.

Истоки инцидента восходят ко времени полевой поездки военспецов по рекогносцировке позиций для обороны железнодорожных узлов рязанского района, проходившей под руководством бывшего генерала С. М. Шейдемана 27 апреля — 4 мая 1918 г. По итогам поездки был составлен краткий доклад военному руководителю Московского района. В ответ 8 мая было получено предписание представить через неделю план оборудования позиций со сметой. Однако для этого требовалось провести новую рекогносцировку, причем намечена она была позднее требуемых сроков выполнения задания.

Выполненная Цейтлиным работа не устроила помощника военрука бывшего генерала П. В. Чеснакова, который даже не взял доклад и потребовал его переделать. Возмущенный Цейтлин это сделать отказался. В результате было решено отчислить его от должности. История так бы и осталась заурядным конфликтом, если бы товарищи Цейтлина по службе и по академии не вступились за него. Ими было подготовлено открытое письмо к своему выпуску, в котором подробно описан инцидент.

<sup>3</sup> Ганин А. В. «Мозг армии» в период «Русской Смуты»: Статьи и документы. М., 2013. С. 33–66.

<sup>4</sup> Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 488. Оп. 1. Д. 79. Л. 115; Ф. 25863. Оп. 1. Д. 36. Л. 28.

В документе давалась уничтожающая характеристика помощнику военрука Рязанского отряда Чеснакову, которые некорректно вел себя по отношению к курсовикам, не верил в успех создания Красной армии и, вполне возможно, был саботажником. Последующие события подтвердили справедливость подозрений. Чеснаков осенью 1918 г. уволился из РККА, а позднее бежал к белым и уже в 1919–1920 гг. служил в антибольшевистских формированиях на Юге России. В конце документа делался вывод о том, что во главе РККА среди старых спецов присутствуют рутинеры, травящие генштабовскую молодежь. Документ подписали Забегалов, Кирпичников, Панкратьев и Сидоровнин. Интересно, что последний, как и генерал Чеснаков, также позднее бежал из Советской России и далее служил в белом лагере. Цейтлин как заинтересованное лицо документ, естественно, не подписывал. В 1919 г. Забегалов и Панкратьев были арестованы в связи с делом Полевого штаба Реввоенсовета республики (РВСР) в рамках ликвидации неформального корпоративного объединения бывших курсовиков 2-й очереди, однако вскоре вышли на свободу.

Сам факт появления открытого коллективного письма группы военспецов с критикой старого Генштаба вполне характеризует атмосферу той эпохи, изменившей представления о границах возможного даже у кадровых боевых офицеров, какими были молодые выпускники курсов академии. Фактически это был публичный донос на представителя старого Генштаба. Попади такой документ в руки чекистов, бывший генерал Чеснаков вполне мог попасть под маховик репрессий, особенно с учетом того, что в 1918 г. с подозреваемыми в контрреволюции не церемонились.

Подобные письма в дальнейшем стали одним из основных методов борьбы курсовиков за свои права. В то время серьезное наказание следовало и за куда более безобидные поступки бывших офицеров, которым новые власти обоснованно не доверяли. Нельзя забывать и про стихийную, и про организованную волны антиофицерского террора, прокатившиеся по стране в 1918 г. Даже будучи обращенным к товарищам, такое письмо могло возбуждать подозрения и опасения. Коллективные письма работали и в отношении начальства из военспецов. Однако последующие попытки курсовиков давить коллективным мнением не только на бывших офицеров, но и на большевистское руководство закончились для подписантов коллективных петиций плачевно. В 1919 г. целая группа курсовиков подверглась арестам, а о корпоративизме выпускников курсов академии 2-й очереди пришлось забыть. Как показывает второй документ, только на некоторое время.

До сих пор не было известно о том, что курсовики вынужденно продолжали бороться за свой статус в командном составе РККА и после Гражданской войны. Ныне вводимые в научный оборот данные свидетельствуют, что их борьба не завершилась летом 1919 г. в результате арестов лидера выпуска ускоренных курсов 2-й очереди Г.И. Теодори и позднее группы его соратников по делу Полевого штаба РВСР. Казалось бы, аресты пресекли деятельность слушателей по созданию параллельных штабам РККА неформальных структур взаимодействия. Однако обнаруженные свидетельства расширяют

хронологические рамки борьбы курсовиков, выводя их за временные пределы широкомасштабной Гражданской войны.

Второй публикуемый документ 1924 г. свидетельствует о том, что служебный статус курсовиков всё еще подвергался сомнениям со стороны военно-политического руководства. Это, в свою очередь, как и прежде, порождало ответную реакцию в форме коллективных писем курсовиков в свою защиту, укрепления корпоративной самоорганизации и взаимовыручки.

Обеспокоенность курсовиков вызвала речь главного начальника военно-учебных заведений Д. А. Петровского на всесоюзном совещании по территориальному формированию в марте 1924 г. в связи с его предложением пересмотреть список лиц с высшим общим военным образованием. Замячила давно забытая угроза возвращения к дореволюционному бюрократическому подходу в отношении курсовиков. Тогда их пытались считать временной заменой в условиях дефицита кадров, предлагая продолжить обучение после войны.

Предложение Петровского было очевидным недоразумением, поскольку противоречило изданным в 1918 г. в РККА приказам о причислении и переводе курсовиков в Генштаб. Противоречило оно и той важнейшей роли, которую сыграли курсовики в создании Красной армии. Кроме того, предложение почему-то не касалось других ускоренных выпусков.

Заявление породило обширное коллективное письмо курсовиков, в котором были подробно описаны заслуги выпуска перед Советской Россией и Красной армией. Курсовики обратились в Штаб РККА за разъяснениями. Помощник начальника Штаба РККА М. Н. Тухачевский заверил их в том, что служебный статус не изменится.

Публикуемые документы представляют несомненный интерес как с точки зрения истории корпоративной борьбы курсовиков, так и в отношении истории Красной армии и ее командного состава. Интересно, что второй документ подписали в большинстве своем прежние активисты выпуска, известные по борьбе периода 1918–1919 гг. В целом же к середине 1920-х гг. курсовики утратили прежнее положение и уже не играли такой важной роли в советском военном строительстве, как в 1918–1919 гг. Документы публикуются в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации при сохранении стилистических особенностей оригинала.

Документ № 1

### **Открытое письмо. Причисленным к Генеральному штабу выпуска 1917 года**

Считаем своим долгом довести до сведения всех причисленных к Генштабу выпуска 1917 года нижеследующее:

С 27 апреля по 4 мая 1918 г. была совершена полевая поездка по рекогносцировке позиций для оборон жел[езно]дорож[ных] узлов Рязанского района. Руководил поездкой военный руководитель отряда Шейдеман, участвовали причисленные к Генштабу Кирпичников, Цейтлин, Сидоровнин.

В штабе не имелось карт крупнее 10-версток, и потому целью этой поездки было выбрать на местности линию обороны, чтобы в следующую поездку уже с участием артиллериста и инженера произвести детальную рекогносцировку намеченных линий. Таким образом поездка эта имела характер предварительный, подготовительный и не предполагалось даже представлять отдельных письменных отчетов каждым из участников. Военному же руководителю Московского района был составлен доклад с общей краткой характеристикой выбранных линий обороны с указанием их на 10-верстной карте.

8 мая было получено от военрук[а] московского предписание представить к 15 мая план оборудования позиций и смету инженерных работ. Чтобы исполнить это предписание, необходимо было произвести тщательную рекогносцировку позиций, каковая и назначена на 19–20 мая.

Помощник военного руководителя бывший генерал Чесноков приказал причисленным к Генштабу Кирпичникову и Сидоровнину (Цейтлин в это время был в отпуску) составить схемы позиций в масштабе одна верста в дюйме с указанием на них таких деталей позиции, как наблюдательные артиллерийские пункты, проволочные заграждения, фланкирующие построения и т. п., и описание позиций по составленной им программе. При обсуждении этого вопроса Чеснокову докладывали, что произведшие рекогносцировки не могли представить схем с такой детализацией, это не входило ни в их задачи, ни времени для этого не было дано. Однако он подтвердил свое приказание, мотивируя его необходимостью исполнить предписание и хоть что-нибудь представить.

Выполняя это приказание, Кирпичников делал копировку с 10-верстной карты, Сидоровнин копировал двухверстную уездную карту. Обоим им пришлось пополнять копировки по памяти. Словом, получилась работа для отбывания номеров, ничем не оправдываемая и вредная для дела.

18 мая Цейтлин прибыл из отпуска. Чесноков и от него потребовал такой же работы. Тогда Цейтлин подал Чеснокову письменный доклад о рекогносцировке позиции. Чесноков, не взяв доклада, приказал переделать его по образцу делаемых Кирпичниковым и Сидоровниным. Цейтлин переделывать свой доклад отказался. Тогда Чесноков в резкой форме заявил ему, что сегодня же он будет отчислен от должности. В этот же день Чесноков доложил об этом военному руководителю и решено отчислить Цейтлина от должности.

В этом инциденте, свидетелями которого были Кирпичников и Сидоровнин, виноваты и Чесноков, и Цейтлин. Чесноков виноват в предъявлении неправильного требования — переделать доклад, даже не прочитав его, Цейтлин в том, что не нашел из этого положения другого выхода, как категорический отказ.

Чтобы не возникло обвинений против Цейтлина в неисполнении приказа, считаем долгом довести до сведения всех причисленных к Генштабу выпуска 1917 г., что такое Чесноков, и как он себя поставил в штабе. Чесноков явился в штаб Рязанского отряда в начале апреля, когда начальника штаба еще не было, и его должность исполнял причисленный к Генштабу Забегалов. В первых же днях он заявил, что военрук Шейдеман — это корнет по душе

и характеру и, как следствие, ничьих распоряжений, кроме его, Чеснокова, как ближайшего начальника за отсутствием начальника штаба, не исполнять (заявлено причисленному к Генштабу Сидоровнину). В успех формирования армии совершенно не верит, открыто заявляет, что, может, через год или два удастся сформировать дивизию, да и то едва ли. В сношениях с советами и комиссарами считает необходимым засорять мозги (его подлинное выражение), иначе дело делать нельзя. В отношении к причисленным к Генштабу крайне некорректен, называя их не кадровыми офицерами Генштаба, понюхавшими академии и проч. Трения на почве его некорректности начались с самого начала пребывания в штабе и не с одним Цейтлиным. Инциденты были с Забегаловым и Сидоровниным. Последние выдержали его некорректность, только не желая обострять и без того натянутые с ним отношения.

После инцидента с Цейтлиным мы решили просить начальника штаба Андерса (всего неделю в штабе):

1) Ликвидировать инцидент домашним путем, т[ак] к[ак] считаем его следствием некорректности Чеснокова, проявленной не раз раньше, и его отрицательного отношения к причисленным к Генштабу и

2) Положить предел выходкам Чеснокова по отношению к нам, для чего принять меры, чтобы приказания получались нам через начальника штаба, а не лично от Чеснокова.

По обоим пунктам начальник штаба нам отказал, обещав только поговорить с Чесноковым, чтобы он не задевал нашей академии (Андерс — бывший начальник штаба дивизии, которой командовал Чесноков).

Всё вышеизложенное достаточно ясно показывает, что старый Генштаб в лице многих своих представителей, в данном случае Чеснокова, по-прежнему крайне отрицательно относится к нам, причисленным, и что Цейтлин — лишь новая жертва такого отношения. Это особенно больно делается, когда ясно видишь, что Чесноковы, не веря в создание новой армии, всё же неизвестно по каким причинам пошли в нее и по-прежнему краеугольным камнем работы считают отписку, отбывание номера.

20 мая 1918 г.

гор. Рязань

Штаб Рязанского отряда

Причисленные к Генеральному штабу Н. Забегалов, С. Сидоровнин, А. Кирпичников, А. Панкратьев<sup>5</sup>

<sup>5</sup> К документу приклеена вырезка из газеты с приказом народного комиссариата по военным делам (по личному составу) № 18 от 5 сентября 1918 г., в котором указано, что С. М. Шейдеман назначается начальником 1-й пехотной Рязанской дивизии с 02.09.1918, а помощник военного руководителя Рязанского отряда П. В. Чеснаков увольняется от службы по болезни с 02.09.1918. Также В. М. Цейтлин карандашом дописал данные о последующих судьбах участников инцидента. Шейдеман — «умер от тифа в Бутырке. Арестован за участие в карат[ельной] экспедиции 1905 года»; Чеснаков — «расстрелян, как взятый в плен, изменивший (ранее перебежал к белым)»; Забегалов — «Увуз

Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (АВИМАИВиВС). Ф. 13р. Оп. 1. Д. 11. Л. 24–25.  
[Подлинник. Машинопись. Подписи чернилами]

Документ № 2

**Выяснение со стороны группы лиц выпуска из Военной академии 1917 года вопроса, связанного с их образованием по речи Главначвуза т. Петровского Д. А. на Всесоюзном совещании по тер[риториальному] формированию<sup>6</sup>**

На Всесоюзном совещании по тер[риториальному] формированию главначвуз т. Петровский Д. А. заявил, что содержание списка лиц с высшим военным образованием не соответствует по существу действительности и предположено, например, из него изъять целиком выпуск Военной академии 1917 года как неудовлетворяющего за неполнотой<sup>7</sup> прохождения курса Военной академии.

Считая, что подобное необоснованное заявление, сделанное на совещании ответственных представителей Красной армии, может породить несоответствующие фактическому положению вещей выводы и дискредитировать выпуск 1917 г., из рядов коего и в настоящий момент есть лица, занимающие весьма ответственные должности в Красной армии и, кстати сказать, некоторые из них были даже в президиуме данного совещания, мы, нижеподписавшиеся, выпуска 1917 года, находим необходимым рассеять создавшееся недоразумение выявлением истинного положения названного выпуска на основе фактического материала.

Лица выпуска 1917 г., кадровые офицеры старой армии, пробывшие предварительно (до академии) в строю от 5 до 8 лет, в 1914 г. выдержали письменные вступительные экзамены в Военную академию.

Возникшая мировая война понудила прекратить деятельность Военной академии и вернуть офицеров в свои части, с которыми им пришлось выступить немедленно на фронт и пройти боевой стаж в строю на должностях от командиров рот, эскадронов, старшего офицера арт. батареи, до командиров полков и арт. дивизионов включительно.

Украины»; Сидоровнин — «не знаю где»; Кирпичников — «пом. наштатуркфронта»; Панкратьев — «штаб М.В.О.». На первой странице документа: вход № 86. 20.12.48 г. Печать: Музей связи ВКАС. Инв. № Va-472. В действительности П. В. Чеснаков умер в эмиграции в 1948 г. ВКАС — Военная Краснознаменная академия связи им. С. М. Буденного.

<sup>6</sup> Прилагается вырезка из газеты «Красная звезда» № 85 за 1924 г. «К сведению окончивших Воен. академию»: «Группа военных работников, окончивших Военную академию в 1917 году, в связи с сомнением, возникшим у них по вопросу о специальном их учете как лиц с высшим военным образованием, обратилась за разъяснением в Штаб РККА. Из беседы с помощником начальника Штаба РККА тов. Тухачевским выяснилось, что эта категория лиц будет оставаться на специальном учете лиц с военным образованием и **никакой разницы** в отношении прохождения службы между этими работниками и окончившими академию в мирное время не будет». На документе надпись: Вход. № 87. 20.12.48 г. Печать: Музей связи ВКАС. Инв. № Va-473.

<sup>7</sup> В документе ошибочно — «неполностью».

1 марта 1916 года за недостатком в армии офицеров Генерального штаба, особенно в момент формирования второочередных корпусов, все названные офицеры были призваны занять должности офицеров Генерального штаба в штабах дивизий, корпусов и армий и, таким образом, принять непосредственное участие в сложной работе по формированию и в боевых операциях в дивизионном, корпусном и армейском масштабах; все они получили от непосредственного начальства — лиц Генерального штаба, отличные отзывы о выполняемой работе по службе Генерального штаба.

По проекту, одобренному военным министром и начальником штаба Верховного главнокомандующего, с 1 августа 1916 года должна была быть открыта Военная академия и означенные офицеры должны были быть командированы в нее для прохождения курса.

Фронт в лице главнокомандующих категорически запротестовал против откомандирования названных офицеров в академию, считая невозможным их замещение кем-либо в штабах до того момента, когда могут быть подготовлены соответствующие заместители, для коих и были открыты краткосрочные курсы при Военной академии.

Лишь в начале января 1917 г. была открыта Военная академия для офицеров выпуска 1917 г.

Младший курс был закончен полностью 1 июня 1917 г., после чего офицеры были откомандированы обратно в штабы на свои должности для участия в боевых операциях вместо положенных съемок и летних занятий с обозначенным противником.

В начале октября 1917 г. выпуск опять был призван в академию для прохождения старшего курса, каковой был закончен в середине марта 1918 года, причем для прохождения старшего курса был произведен отбор из окончивших младший курс лиц по боевому опыту и не приняты на старший курс лица с недостаточным боевым стажем.

Оставалось закончить дополнительный курс, т. е. выполнить темы, к каковой работе выпуск и рассчитывал приступить, когда по требованию советского правительства ввиду разрыва Брестских переговоров и за отсутствием в тот момент офицеров Генерального штаба прежних выпусков было предложено выпуску 1917 года закончить занятия в академии и принять назначения для формирования Западной и Северной завесы, штаба Московского района и на Кавказ; при этом выпуску постановлением конференции от 3 марта 1918 г.<sup>8</sup> было выдано свидетельство об окончании полного курса 2-х классов Николаевской военной академии с правом на ученый знак и причисление к Генеральному штабу.

С этого момента началась без счета рабочих часов тяжелая и ответственная работа в процессе создания Красной армии и в боевых операциях последней на различных фронтах Гражданской войны, в большинстве на весьма ответственных постах.

<sup>8</sup> В документе ошибочно «1919 г.».

Как известно, отзывы о работе со стороны не только непосредственного начальства, а включительно до наркомвоен[а] тов. Л. Д. Троцкого о лицах выпуска 1917 г. были более чем хорошие (приложение — приказ № 21, опубликованный в книге Л. Д. Троцкого «Как вооружалась революция», с. 150<sup>9</sup>).

Несколько ранее приказом № 22 по Генеральному штабу от 23 марта 1918 г. выпуск был причислен к Генеральному штабу, а приказом Всероссийского главного штаба (по корпусу Генерального штаба) 27 июня 1918 г. № 18<sup>10</sup> (утвержденному Л. Д. Троцким) переведен на условиях и правах выпусков 1915 и 1916 годов, объявленных в приказе по Генеральному штабу 14 августа 1916 г. № 14, — в Генеральный штаб.

Опуская в настоящем докладе те или иные заслуги выпуска 1917 г. в строительстве Красной армии и в успехах последней на всех боевых фронтах, кои сыграли не последнюю роль в деле благополучного подхода к мирной жизни Советской России, а касаясь лишь его права по полученному высшему образованию стать совершенно равноценным всем выпускам Военной академии, что и является целью настоящего доклада, необходимо отметить нижеследующее:

Программа Николаевской военной академии мирного времени имела учебных часов:

младш. курс 6 мес. по 24 дня = 144 дн. по 6 ч. в день = 864 час.

старш. курс —//— = 864 час.

Итого 1728 учебных часов

Программа курса выпуска 1917 года:

младш. курс 4 1/2 мес. по 24 дня — 108 дн. по 8 час. в день — 864 учебн. час.

старш. курс 5 1/2 мес. по 24 дня — 132 дн. по 8 час. в день — 1056 учебн. час.

Общее число 1920 учебных часов.

Таким образом, совершенно явствует, что выпуск 1917 г. при прохождении двух классов Военной академии не только равен, но превысил числом учебных часов занятия Военной академии мирного времени. Если же к этому добавить, что при прохождении курса выпуском 1917 г. были выброшены из программы — верховая езда, проходившаяся каждым на фронте, вычерчивание топографических знаков, фортификационных и прочих чертежей и схем, ситуационное черчение и т. п. как балласт, отнимавший в старое время совершенно не продуктивно учебные часы, то преобладание учебных часов будет еще нагляднее.

<sup>9</sup> «В полученных мной донесениях указывается, что многие молодые генштабы (т. е. офицеры Генерального штаба последних выпусков) в недавних боях на Восточном фронте сражались геройски. Считаю долгом своим довести об этом до сведения всей страны. Стало быть, старое кадровое офицерство выделило из себя не одних изменников и тушинских перелетов, которые продают себя поочередно каждой из воюющих сторон. Среди молодых “генштабов” немало таких, которых революция связала с рабочим народом и Советской властью. Честь им и место. Изменники будут раздавлены, а молодые генштабы будут призваны строить Рабочую и Крестьянскую армию возрожденной России» (Троцкий Л. Д. Как вооружалась революция (на военной работе). Т. 1: Тысяча девятьсот восемнадцатый год. М., 1923. С. 150).

<sup>10</sup> Подчеркнуто синим карандашом.



Получившийся же излишек учебных часов был использован на заслушивание слушателями нечитанных до войны в академии курсов с соответствующими выводами по опыту мировой войны, а именно: авиации, последним достижениям инженерного искусства, газовых средств борьбы, маскировке, связи, разведке, контрразведке, позиционной войне и военной история мировой войны (разрядка документа. — А. Г.).

Что же касается как бы незаконченных работ выпуска по темам дополнительного курса, то этот пробел, так же как летние полевые занятия и съемки, были с лихвою отработаны выпуском за период нахождения его на фронте империалистической войны, а позднее Гражданской, путем описания соответствующих боевых районов на фронте, многочисленных рекогносцировок в боевой обстановке, оперативных и организационных докладов (по службе Генерального штаба) по своим должностям, а также и своими выступлениями в военно-научной печати (разрядка документа. — А. Г.).

Мало этого, строевой стаж мирного времени от 6 до 8 лет, боевой стаж в строю и штабной стаж по службе Генерального штаба, в том и другом случае на ответственных постах в армии перед началом занятий в академии, поставили военную ценность выпуска в исключительные условия и обновленная профессура академии того времени путем привлечения лучших сил с большим боевым опытом фронта совершенно ясно это подчеркивала, заявляя, что этот выпуск исключительный и пребывание его в академии должно иметь целью лишь систематизацию знаний, боевому же опыту его может тогда позавидовать и сама профессура (разрядка документа. — А. Г.). Кстати, некоторые представители коей строили свои курсы на докладах слушателей из опыта войны, по задаваемым им темам.

Всё изложенное было подтверждено бывшим начальником академии профессором А. И. Андогским<sup>11</sup> наркомвоену Л. Д. Троцкому в июне 1918 г. при подписании приказа о переводе выпуска в Генеральный штаб.

В настоящий момент лицами выпуска 1917 г. занимают должности в Красной армии на действительной службе:

наштафронтов<sup>12</sup> — 1,

наштармов<sup>13</sup> — 2,

наштакоров<sup>14</sup> — 2,

наштаокров<sup>15</sup> — 2,

наштадивов<sup>16</sup> — 4,

<sup>11</sup> В документе ошибочно «А. Н. Андогским».

<sup>12</sup> Начальник штаба фронта.

<sup>13</sup> Начальник штаба армии.

<sup>14</sup> Начальник штаба корпуса.

<sup>15</sup> Начальник штаба округа.

<sup>16</sup> Начальник штаба дивизии.

помнаштаокров<sup>17</sup> — 2,  
 начальников частей Штаба РККА — 4,  
 то же округа — 3,  
 начальников отделений округа — 2,  
 По ГУВУЗу<sup>18</sup>:  
 преподавателей — 2,  
 начальников высших школ — 2,  
 пом[ощников] нач[альников] высших школ — 2.  
 главных руководителей и преподавателей высших школ — 4,  
 начальников школ — 3,  
 пом[ощников] нач[альников] школ — 4,  
 нач[альников] учебных отделов — 1,  
 помощников — 2,  
 преподавателей школ — 7,  
 старших инспекторов окрвузов<sup>19</sup> — 2 и  
 ГУВУЗа — 1,  
 начвосо<sup>20</sup> округа — 1.

Как видно из приведенных должностей, занимаемых в настоящее время лицами выпуска 1917 г., последний и по сие время ведет большую работу по строительству и боевой подготовке Красной армии, неся на своих плечах не только службу на командных постах, но и выполняя военно-научную работу путем чтения лекций и участием в военной печати своими научными трудами; поэтому на основе всего изложенного было бы противоестественным для внутреннего существа выпуска согласиться с высказанным (см. стенограмму) положением тов. Петровского и совершенно справедливым в общих интересах военного дела Красной армии признать, что:

вопрос о выпуске 1917 г. окончательно решен приказом Всероссийскому главному штабу (по корпусу Генерального штаба) 27 июня 1918 г. № 18, утвержденному наркомвоен[ом] Л. Д. Троцким, а потому и возникновение пересмотра вопроса о нем является явным и решительно ни на чем не обоснованным недоразумением, совершенно недопустимым в условиях службы Красной армии (разрядка документа. — А.Г.).

Б. Скворцов, Варфоломеев, В. Трофимов, Боголепов, Майгур, Дубинин, В. Цейтлин, В. Максимов, В. Стульба, Г. И. Теодори, Стасевич, [4 подписи неразборчиво]

*АВИМАИВиВС. Ф. 13р. Оп. 1. Д. 11. Л. 27–30.  
 [Подлинник. Машинопись. Подписи чернилами]*

<sup>17</sup> Помощник начальника штаба округа.

<sup>18</sup> ГУВУЗ — Главное управление военно-учебных заведений.

<sup>19</sup> Окружных военно-учебных заведений.

<sup>20</sup> Начальник военных сообщений.

**References**

*Ganin A. V.* «Mozg armii» v period «Russkoj Smuty»: Stat'i i dokumenty. M., 2013.

*Ganin A. V.* «Nedonoski»? Vypuskniki uskorenyh kursov Imperatorskoj Nikolaevskoj voennoj akademii v gody Pervoj mirovoj vojny // *Rodina*. 2014. № 8. S. 62–66.

*Trockij L. D.* Kak vooružalas' revolúciâ (na voennoj rabote). T. 1: Tysâča devât'sot vosemnadcatyj god. M., 1923.

**Список литературы**

*Ганин А. В.* «Мозг армии» в период «Русской Смуты»: Статьи и документы. М., 2013.

*Ганин А. В.* «Недоноски»? Выпускники ускоренных курсов Императорской Николаевской военной академии в годы Первой мировой войны // *Родина*. 2014. № 8. С. 62–66.

*Троцкий Л. Д.* Как вооружалась революция (на военной работе). Т. 1: Тысяча девятьсот восемнадцатый год. М., 1923.

## А. Н. Чистиков

### ЛОИИ и Великая Отечественная война

В середине 1980-х гг. старший научный сотрудник (бывший многолетний ученый секретарь) Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР (ныне Санкт-Петербургский институт истории РАН) Дмитрий Иванович Петрикеев подготовил обширную справку по истории института от момента его образования в 1936 г. до 1984 г. включительно. Этот труд готовился, по-видимому, к 50-летию ЛОИИ, но по каким-то причинам не увидел свет. Рукописный и машинописный варианты справки отложились в личном фонде Д. И. Петрикеева в Научно-историческом архиве СПбИИ РАН. Машинописный вариант является более полным и уточненным по сравнению с рукописным экземпляром, однако раздел, посвященный истории института в годы Великой Отечественной войны и публикуемый ниже, имеется лишь в рукописи.

#### **Ленинградское отделение Института истории АН СССР в годы Великой Отечественной войны<sup>1</sup>**

В годы Великой Отечественной войны сотрудники ЛОИИ отдавали все свои силы делу защиты Родины. Воинами Красной Армии стали Б. М. Кочаков<sup>2</sup>, Г. Е. Кочин<sup>3</sup>, У. А. Шустер<sup>4</sup>, С. Л. Утченко<sup>5</sup> (докторант) и другие. С первых дней войны ученые развернули большую агитационно-пропагандистскую работу. В короткий срок подготовили брошюры для Политиздата и других издательств о героическом прошлом народов СССР, о борьбе свободолюбивых народов за свою независимость академики Н. С. Державин<sup>6</sup> и Е. В. Тарле<sup>7</sup>, профессора С. Н. Валк<sup>8</sup>, О. Л. Вайнштейн<sup>9</sup>, С. И. Ковалев<sup>10</sup>, А. И. Молок<sup>11</sup>, А. В. Предтеченский<sup>12</sup>, И. И. Смирнов<sup>13</sup> и другие сотрудники ЛОИИ. Почти ежедневно выступали они с лекциями и докладами в воинских частях и на предприятиях города.

В трудных условиях блокады Ленинграда продолжалась, хотя и в меньших масштабах, чем до войны, научная жизнь отделения, на заседаниях ученого совета обсуждались результаты научных исследований, защищались диссертации.

Многие сотрудники отделения участвовали в строительстве оборонительных сооружений под Ленинградом, в очистке городских улиц весной 1942 г.

Летом 1942 г. большая часть сотрудников была эвакуирована в различные города страны — Ташкент, Алма-Ату, Казань, Саратов, Елабугу. В осажденном Ленинграде умерли от голода 24 сотрудника ЛОИИ, среди них были видные историки: академик С. А. Жебелев<sup>14</sup>, С. А. Аннинский<sup>15</sup>, Н. Ф. Лавров<sup>16</sup>, Н. С. Чаев<sup>17</sup> и другие.

В неимоверно сложных условиях вражеской блокады огромную работу по сохранению ценного архива ЛОИИ и его библиотеки проделали ст. научный сотрудник К. Н. Сербина<sup>18</sup>, мл. научный сотрудник М. И. Стеблин-Каменская<sup>19</sup> и зав. библиотекой Н. Н. Полянская<sup>20</sup>. Фонды архива и библиотеки были перемещены в цоколь здания Библиотеки АН СССР, потребовалось немало сил, чтобы привести их там в порядок, составить топографический указатель. Уполномоченной ЛОИИ по Ленинграду в первое время была М. И. Стеблин-Каменская, она скончалась 20 марта 1943 г., уполномоченной стала К. Н. Сербина. Вдвоем с Н. Н. Полянской при некоторой помощи временных работников они сберегли архив и библиотеку. В 1943 г. специальная комиссия провела четыре проверки состояния фондов и признала его вполне удовлетворительным. В отчете за 1943 г. К. Н. Сербина пишет, что часть материала пострадала от пожара, возникшего 1 августа, были приняты меры к приведению в порядок этих материалов. Заслуги К. Н. Сербиной, работавшей в Ленинграде в течение всего периода блокады, отмечены орденом Красной Звезды и медалями.

Ученые, находившиеся в эвакуации, продолжали работу над исследованиями по некоторым ранее запланированным темам и вновь выдвинутым во время войны и эвакуации. Трудности были исключительными. Сотрудники были разбросаны по нескольким городам страны. Небольшая группа находилась в Казани, в ее составе был и заведующий ЛОИИ М. В. Левченко<sup>21</sup>. Осуществлять руководство группами, находящимися за сотни километров, ему было весьма сложно. Самой большой по численности была ташкентская группа, в нее входили главным образом специалисты по истории СССР. Они объединились с московской частью Института истории, находящейся тоже в Ташкенте. О трудностях, которые испытывала эта группа, сказано в отчете ЛОИИ за 1944 г.: «Пребывание в Ташкенте не дало возможности находившимся там сотрудникам в должной степени развернуть работу по основным темам отделения — “История Ленинграда”, “Русская Правда”, “Известия византийских писателей о народах СССР” и др., т[ак] к[ак] книжные собрания Ташкента и его библиотеки не могли обеспечить выполнение этих работ необходимой литературой. Не говоря уже о том, что в Ташкенте не было никаких

материалов, необходимых при написании «Истории Ленинграда». Чрезвычайно неблагоприятны были и те бытовые условия, в которых пришлось жить работникам Ленинградского отделения Института истории. В Ташкенте это условия жизни в общежитии». В отчете указаны также трудности сотрудников, живших в Москве и Ленинграде.

При всех трудностях и лишениях, при разбросанности коллектива работали ученые в годы войны напряженно и плодотворно. Ташкентская группа с конца 1942 г. приступила к работе по подготовке III тома «Истории Узбекистана» (советский период). Как отмечено в отчете ЛОИИ за 1943 год, это была наиболее крупная по объему и сложная по выполнению работа. К концу 1943 г. она была закончена. При этом специалисты по истории СССР периода феодализма и периода капитализма успешно справились с написанием глав по истории Узбекистана в послеоктябрьский период. Ш. М. Левин<sup>22</sup> написал главу «Подготовка и проведение Великой Октябрьской социалистической революции в Узбекистане», С. Н. Валк — главу «Гражданская война в Узбекистане», Р. М. Тонкова<sup>23</sup> — главу «Народное хозяйство Узбекистана во II-й пятилетке». И. П. Петрушевский<sup>24</sup> подготовил главы по культуре Узбекистана по всем периодам и редактировал главы, написанные ташкентскими историками.

Вторым объектом работы ташкентской группы был коллективный труд по истории русской культуры. В его подготовке участвовали И. И. Смирнов, С. Н. Валк, А. В. Предтеченский.

С марта 1944 г. в Ташкенте была начата работа по созданию многотомной истории Ленинграда. В первом варианте были подготовлены главы «Основание Петербурга» (А. В. Предтеченский), «Быт и люди петровского Петербурга», часть раздела «Просвещение и наука» (Ш. М. Левин). Е. И. Бочкарева<sup>25</sup> и Р. М. Тонкова составили библиографию по истории Петербурга XVIII в. Общее руководство работой по истории Ленинграда в то время было поручено акад. Е. В. Тарле. Однако интенсивно развернулась эта работа уже в послевоенные годы.

В 1944 г. возобновилась работа и над подготовкой II тома «Правды Русской» — дополнение комментария, историографическое введение. Ее вели Б. А. Романов<sup>26</sup>, В. Г. Гейман<sup>27</sup> и С. Н. Валк (историография).

По истории СССР готовился ряд монографических исследований: «Внутренняя политика России в XV–XVI вв.» (В. Г. Гейман), «Политическая история Московского государства в первой половине XVI в.» (И. И. Смирнов), «Тихвинский посад» (К. Н. Сербина) и другие. Вышла в Ленинградском издании Госполитиздата книга И. И. Смирнова «Иван Грозный».

В области всеобщей истории особенно плодотворно в течение всей войны работал, находясь в основном в Казани, акад. Е. В. Тарле. Об этом ярко свидетельствует его отчет за 1942 год (автограф в соответствующем деле фонда ЛОИИ в ЛО Архива АН СССР). Интересно привести его полный текст.

### *Отчет о деятельности акад. Е. В. Тарле в 1942 году*

В течение 1942 г. из печати вышел и поступил в продажу (в Военно-морском издательстве) I том исследования «Крымская война» 726 печатн. страниц. Вполне закончен и сдан в печать II том этой работы, доводящий изложение до конца (до подписания Парижского мира). Во втором томе страниц машинописи: 780. В 1942 г. вышли брошюры: 1) «Гитлеровщина и наполеоновская эпоха»; 2) «Тевтонские рыцари и их наследники»; 3) книжка «Нахимов» (дополненное 2-е издание); ряд статей исторического и политического содержания в газете «Правда», «Пропагандист» и др.

Прочел по заданию Бюро агитации и пропаганды Академии наук ряд лекций на исторические и международно-политические темы в Казани, Москве, Свердловске, Челябинске, Перми-Молотове, Ярославле, Иваново областном, Златоусте, Нижнетагильских заводах, в военных частях.

Приглашен тов. Александровым быть редактором отдела всеобщей истории в предназначенном в издании<sup>28</sup> «Кратком политическом словаре». Написал по особому заданию (не входившую в первоначальный план) главу о «Приемах дипломатии в прошлом и настоящем» для II тома «Истории дипломатии», глава (около 4 печ. листов) сдана В. П. Потемкину<sup>29</sup>.

Написал «Историческая наука в СССР за 25 лет: Новая история» и редактировал всё издание («Историч. наука в СССР за 25 лет»).

Акад. Е. Тарле

О предположенной работе в 1943 г.:

1) Предполагаю вести исследовательскую работу по теме: «Русская дипломатия от конца Крымской войны до 1919 года».

2) Буду редактировать отдел всеобщей истории в «Кратком политическом словаре», издаваемом Партиздатом.

Е. Тарле

Все годы войны для Е. В. Тарле прошли в такой же напряженной работе.

О. Л. Вайнштейн (Саратов) опубликовал брошюру «Гитлеровская Германия в 1942 г.» — Саратовский Облгиз, подготовил материал по теме «Идеологические истоки гитлеризма» и статью «Советская медиэвистика за 25 лет» для опубликования за рубежом (заказ Антифашистского комитета). Работал над монографией «История Тридцатилетней войны».

А. И. Молок (Саратов) опубликовал брошюру «Из истории борьбы с интервентами во время Французской революции».

И. И. Любименко<sup>30</sup> (Казань) работала над монографией «Англо-русские отношения во второй половине XVIII века».

Академик Н. С. Державин (Казань), наряду с продолжением работы над фундаментальным трудом «История Болгарии», подготовил и опубликовал

книгу «Фашизм — злейший враг славянства», монографию «Болгарский и русский народы в их племенных и культурно-исторических связях и взаимоотношениях», брошюру «Героическая борьба народов Чехословакии с немецкими варварами» и большое количество статей в различных периодических изданиях. Вел активную общественную работу в Антифашистском комитете советских ученых, являясь его председателем, во Всеславянском комитете в качестве его члена, в Совете АН СССР по научно-технической пропаганде в соответствующем бюро при казанской группе Президиума Академии наук СССР.

Л. В. Разумовская<sup>31</sup> продолжала работу над монографией «Очерк истории прибалтийских славян».

Византинисты, находясь в Казани, продолжали работу по темам, начатым перед войной. М. В. Левченко наряду с заведыванием ЛОИИ прочитал в Казанском университете спецкурс по истории Византии, подготовил книгу «Миф о германской непобедимости и русская армия в Первой мировой войне» для Политиздата и ряд статей для периодических изданий. Систематически выступал с лекциями и докладами в Казанском лектории АН СССР, на предприятиях и в госпиталях.

Е. Э. Липшиц<sup>32</sup> продолжала работу над монографией «Византийская культура IX века» и подготовила брошюру «Борьба югославского народа за свободу».

Н. С. Лебедев<sup>33</sup> разрабатывал тему «Византия и монголы» (XIII век).

По античной истории продолжалась работа над исследованиями, предусмотренными довоенным планом: «Боспор Киммерийский» (Д. П. Каллистов<sup>34</sup>), «Делосско-афинский морской союз» (С. Я. Лурье<sup>35</sup>). Кроме того, С. Я. Лурье завершил подготовку к печати двух книг: «Архимед» и «Очерки по истории античной науки».

Научная и общественно-политическая деятельность ученых Ленинградского отделения Института истории в годы Великой Отечественной войны, как и всех советских людей, характеризовалась самоотверженностью, стойкостью в преодолении трудностей, стремлением внести свой посильный вклад в победу над врагом.

*НИАСПБИИ РАН. Ф. 323. Оп. 1. Д. 18. Л. 6–10 об. [Автограф]*

#### References

- Alekseev-Popov V. S.* Osip L'vovich Vajnshtejn // Francuzskij ezhegodnik. 1980. M., 1982. S. 238–241.  
*Alpatova V. D.* Obzor fondov uchenyh-istorikov, pogibshih vo vremya blokady Leningrada (Po materialam Arhiva LOII SSSR AN SSSR) // Arheograficheskij ezhegodnik za 1973 g. M., 1974. S. 242–254.  
*Valk S. N.* Inna Ivanovna Lyubimenko // Trudy LOII. M.; L., 1960. Vyp. 2. S. 483–487.  
*Vovina-Lebedeva V. G.* Istoriko-Arheograficheskij institut I Leningradskoe otdelenie instituta istorii v 1930-h gg. // Iz istorii LOII. SPb., 2015. S. 6–67.  
 Elena Emmanuilovna Lipshic: Nekrolog // Vizantijskij vremennik. 1992. Vyp. 53 (78). S. 216–219.  
*Kaganovich B. S.* Evgenij Viktorovich Tarle. Istorik i vremya. SPb., 2014.  
*Knyazev G. A.* Dni velikih ispytanij. Dnevnik 1941–1945. SPb., 2009.  
*Kol'cov A. V.* Leningradskie uchrezhdeniya Akademii nauk SSSR v 1934–1945 gg. SPb., 1997.  
*Korolyuk V. D.* Lyubov' Vyacheslavovna Razumovskaya // Sovetskoe slavyanovedenie. 1970. № 1. S. 133–144.  
 Pamyati M. V. Levchenko // Vizantijskij vremennik. 1956. Vyp. 8. S. 3–6.  
 Pamyati Sergeya L'vovicha Utchenko // Vestnik drevnej istorii. 1976. № 3. S. 3–5.



*Paneyah V. M.* Tvorchestvo I sud'ba istorika: Boris Aleksandrovich Romanov. SPb., 2000.

Professor Sergej Ivanovich Kovalev: Nekrolog // Vestnik drevnej istorii. 1960. № 4. S. 240.

Rossijskaya biograficheskaya enciklopediya «Velikaya Rossiya». T. 14: Biograficheskij slovar' sotrudnikov Biblioteki Rossijskoj akademii nauk. Kn. 2. SPb., 2014. S. 594.

*Chizhova-Oreus N. N.* Obzor lichnogo fonda A. A. Predtechenskogo // Arheograficheskij ezhegodnik za 1973 g. M., 1974. S. 255–262.

### Примечания:

<sup>1</sup> Текст Д. И. Петрикеева.

<sup>2</sup> Кочаков Борис Михайлович (07.03.1906, с. Комарово Пермской губ. — 1965), историк, популяризатор науки, канд. ист. наук. В 1924–1928 учился в Саратовском государственном университете, позднее — на историко-лингвистическом отделении ЛГУ, которое окончил в 1930. В 1930–1934 — научный сотрудник Ленинградского отделения Центрального исторического архива. С 1934 по 1942 младший, затем старший научный сотрудник сначала Историко-археографического института, потом ЛОИИ. Одновременно преподавал в ЛГУ, Педагогическом институте им. М. Н. Покровского и др. В 1942–1945 — курсант, преподаватель истории ВКП(б) стрелково-пулеметных курсов младших лейтенантов Ленинградского фронта; в 1945–1946 — преподаватель на курсах усовершенствования офицеров; в 1946 — старший преподаватель, зам. начальника кафедры истории СССР в Высшем военно-педагогическом институте им. М. И. Калинина. С 25 ноября 1946 зачислен в ЛОИИ на должность старшего научного сотрудника (по совместительству). После демобилизации из армии с июня 1950 младший, затем старший научный сотрудник ЛОИИ, заведующий секцией истории советского общества. С 28 апреля 1952 по 1 февраля 1953 в.и.о. заведующего ЛОИИ. В связи с упразднением ЛОИИ в марте 1953 переведен в сектор истории СССР периода социализма в Институт истории АН СССР в Москву. В 1946–1947, 1953–1961 преподавал на историческом факультете ЛГУ (НИАСПБИИ РАН. Ф. СПБИИ РАН. Оп. 2. Ч. I. Д. 21).

<sup>3</sup> Кочин Георгий Евгеньевич (05.01.1897, д. Курьяниха Вологодской губ. — ?), историк, канд. ист. наук. В 1925 окончил факультет общественных наук ЛГУ. В 1916–1918 — юнкер, младший офицер, прапорщик русской армии. В апреле–сентябре 1918 статистик-экономист Вологодского городского продовольственного комитета. В 1919–1926 — служба в Красной Армии. С 1927 по 1928 счетовод-статистик транспортного потребительского общества Октябрьской железной дороги (Ленинград). В 1928–1931 — преподаватель в школе и на рабфаке Горного и Технологического институтов. С 1931 научный сотрудник Историко-Археографического института, затем ЛОИИ. Участник советско-финляндской войны. С сентября 1940 по август 1941 старший научный сотрудник ЛОИИ. Сентябрь 1941 — август 1944 — на Ленинградском и 3-м Прибалтийском фронтах «в должностях строевого штабного офицера», затем до декабря 1945 старший преподаватель в 1-м Ленинградском пехотном военном училище. С 19 декабря 1945 по 15 июня 1963 — старший научный сотрудник ЛОИИ (НИАСПБИИ РАН. Ф. СПБИИ РАН. Оп. 2. Ч. II. Д. 23).

<sup>4</sup> Шустер Ура Абрамович (13(26).11.1907, Одесса — 27.02.1997, Петербург), историк, д-р ист. наук. В 1929 окончил историко-этнологический факультет МГУ. Работал научным сотрудником в Институте Маркса-Энгельса, ученым секретарем в Центральном музее народоведения. После окончания аспирантуры в 1933 был зачислен научным сотрудником в Институт славяноведения в Ленинграде, а после его закрытия в 1934 перешел в Историко-археографический институт. С 1936 в ЛОИИ старший научный сотрудник, ученый секретарь (1938–1940). Участник Великой Отечественной войны. В марте 1946 вернулся в ЛОИИ на должность старшего научного сотрудника, за исключением 1946 — начала 1948, когда он вновь работал ученым секретарем Института. В 1950 постановлением Президиума АН СССР переведен на работу в Ленинградскую группу Института славяноведения АН СССР. В апреле 1960 вернулся в ЛОИИ, где работал до ноября 1978. Одновременно в 1937–1941, 1946–1951 преподавал в ЛГУ (НИАСПБИИ РАН. Ф. СПБИИ РАН. Оп. 2. Ч. II. Д. 180).

- <sup>5</sup> Утченко Сергей Львович (01(14).12.1908, Петербург — 02.05.1976, Москва), историк античности, д-р ист. наук, профессор. В 1938 окончил исторический факультет Ленинградского государственного университета. В 1925 работал учеником наборщика в берлинской типографии «Буква». С 1926 по 1930 — подручный механик ленинградского завода «Метприбор». С декабря 1932 по август 1933 — зав. сектором пропаганды Ленинградского горкома ВЛКСМ. С сентября 1938 — старший преподаватель, доцент исторического факультета ЛГУ. Докторант ЛОИИ. Участник Великой Отечественной войны. В 1946–1949 — ученый секретарь Отделения истории и философии АН СССР, в 1949–1953 — зам. директора Института истории АН СССР, одновременно с 1950 зав. сектором древней истории. Преподавал в МГУ, Государственном педагогическом институте им. В. И. Ленина, заведовал кафедрой всеобщей истории в Государственном историко-архивном институте (Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (далее — ПФА РАН). Ф. 133. Оп. 3. Д. 113; Памяти Сергея Львовича Утченко // Вестник древней истории. 1976. № 3. С. 3–5).
- <sup>6</sup> Державин Николай Севастьянович (03(15).12.1877, с. Преслав Таврической губ. — 26.02.1953, Ленинград), филолог, славяновед, академик АН СССР. В 1900 окончил Нежинский историко-филологический институт князя Безбородко. В 1900–1922 преподавал в гимназиях Батуми, Тифлиса, Петербурга/Петрограда. С 1912 и до конца жизни работал в Петербургском/Ленинградском университете приват-доцентом, деканом, заведующим кафедрами, в 1922–1925 являлся его ректором. С 1924 по 1929 заместитель директора ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, затем по 1931 заведующий Славянским отделением библиотеки и ее консультант. В 1922–1933 директор Института литератур и языков народов Востока и Запада в Ленинграде. В 1939 зачислен старшим научным сотрудником в ЛОИИ, где он возглавил Группу славяноведения, которая, вероятно, работала до конца войны. С 1943 заведующий кафедрой славянской филологии МГУ, а с конца 1944 одновременно начальник кафедры славянских языков Военного института иностранных языков. В июне 1950 утвержден заведующим Ленинградской группой Института славяноведения АН СССР (ПФА РАН). Ф. 827. Оп. 2. Д. 45, 60, 66).
- <sup>7</sup> Тарле Евгений Викторович (27.10(08.11).1874, Киев — 06.01.1955, Москва), историк, академик АН СССР. В 1896 окончил историко-филологический факультет Киевского университета. В 1903–1930, 1933–1949 приват-доцент, профессор Санкт-Петербургского (Ленинградского) университета, одновременно преподавал на Высших женских (Бестужевских) курсах, в Психоневрологическом институте, курсах Лесгафта, Высших коммерческих курсах. С 1913 по 1918 профессор Юрьевского университета. В 1930 арестован по «академическому делу», выслан в 1931 в Алма-Ату, в 1933 возвратился в Ленинград. С 1 апреля 1937 по апрель 1953 сотрудник ЛОИИ, с 1943 преподавал в МГУ и Институте международных отношений (*Каганович Б. С.* Евгений Викторович Тарле. Историк и время. СПб., 2014; НИАСПБ ИИ РАН. Ф. СПбИИ РАН. Оп. 2. Ч. I. Д. 24).
- <sup>8</sup> Валк Сигизмунд Натанович (01(13).12.1887, Вильно — 05.02.1975, Ленинград), историк, археограф, д-р ист. наук, профессор. В 1913 окончил историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета. В 1914 заведующий отделом русской истории в редакции энциклопедического словаря «Гранат», в 1916–1917 на военной службе, в 1918–1926 старший архивист Централхива, одновременно с 1921 по 1924 преподавал в Педагогическом институте им. А. И. Герцена и Археологическом институте, с 1923 по 1975 в Ленинградском государственном университете. С 1925 по 1928 состоял консультантом архива в Институте Ленина при ЦК ВКП(б). С 1932 старший научный сотрудник Института книги, документа и письма АН СССР, а после слияния его с Институтом истории старший научный сотрудник ЛОИИ (с 1 июня 1972 по 5 февраля 1975 — старший научный сотрудник-консультант). В 1938–1939 являлся заместителем директора Института истории по Ленинградскому отделению (заведующим ЛОИИ). С 1955 руководил сектором истории СССР (группой истории СССР периода капитализма) (НИАСПБ ИИ РАН. Ф. СПбИИ РАН. Оп. 2. Ч. II. Д. 151).

- <sup>9</sup> Вайнштейн Осип Львович (24.11(06.12).1894, Бендеры Бессарабской губ. — 27.07.1980, Ленинград), историк-медиевист, д-р ист. наук, профессор. В 1919 окончил историко-филологический факультет Новороссийского (позднее Одесского) университета. В 1920–1935 — преподаватель, доцент, профессор Одесского университета, в 1935–1951 профессор, зав. кафедрой истории средних веков ЛГУ. Одновременно с сентября 1938 по январь 1949 старший научный сотрудник ЛОИИ. С 1951 по 1955 профессор Киргизского университета (г. Фрунзе). С сентября 1955 по декабрь 1973 старший научный сотрудник, руководитель Группы всеобщей истории ЛОИИ, старший научный сотрудник-консультант (с 1970 г.) (НИАСПБИИ РАН. Ф. СПБИИ РАН. Оп. 2. Ч. II. Д. 118; *Алексеев-Попов В. С.* Осип Львович Вайнштейн // *Французский ежегодник.* 1980. М., 1982. С. 238–241).
- <sup>10</sup> Ковалев Сергей Иванович (13(25).09.1886, с. Большой Куганак Уфимской губ. — 12.11.1960, Ленинград), историк античности, д-р ист. наук, профессор. В 1922 окончил факультет общественных наук Петроградского университета. С осени 1920 по 1938 преподавал в Военно-политической академии им. Н. Г. Толмачева (позднее им. В. И. Ленина). Одновременно с 1924 работал в ЛГУ (по 1958), преподавал в Педагогическом институте им. А. И. Герцена, Коммунистическом университете им. И. В. Сталина. В 1930–1936 работал в Государственной академии истории материальной культуры, занимал должность директора Института истории древнего мира. С 1 мая 1936 старший научный сотрудник ЛОИИ. В июне 1938 арестован и освобожден в январе 1940 в связи с прекращением дела. В 1942–1943 профессор Воронежского университета и в 1942–1944 профессор Учительского института, размещенных в Елабуге. С 15 июня 1945 по 31 мая 1950 вновь в ЛОИИ на должности старшего научного сотрудника. В 1956–1960 директор Музея истории религии и атеизма (ПФА РАН. Ф. 133. Оп. 3. Д. 162; Профессор Сергей Иванович Ковалев [Некролог] // *Вестник древней истории.* 1960. № 4. С. 240).
- <sup>11</sup> Молок Александр Иванович (12(24).10.1898, Петербург — 25.09.1977, Москва), историк, д-р ист. наук, профессор. В 1922 окончил факультет общественных наук Петроградского университета. В 1919–1922 библиотекарь, библинструктор в политотделах Красной Армии (Петроград). В 1923–1951 преподавал в ЛГУ, одновременно в 1920-е доцент Педагогического института им. А. И. Герцена, Коммунистического политико-просветительного института им. Н. К. Крупской, старший научный сотрудник Института истории РАНИОН. В 1929–1936 — старший научный сотрудник Института истории Ленинградского отделения Комакадемии. С 1 апреля 1936 по 31 августа 1951 старший научный сотрудник ЛОИИ. В 1942–1944 профессор Педагогического института в Саратове. В 1951–1960 — старший научный сотрудник Института истории АН СССР. С 1956 до 1970 — профессор Московского государственного педагогического института им. В. И. Ленина (ПФА РАН. Ф. 133. Оп. 3. Д. 172).
- <sup>12</sup> Предтеченский Анатолий Васильевич (26.10(08.11).1893, г. Конск Радомской губ. — 29.04.1966, Ленинград), историк, д-р ист. наук, профессор. В 1924 окончил Ленинградский университет. В 1918–1919 — преподаватель в высшем начальном училище г. Миасса. В 1919–1920 секретарь комиссии по изучению племенного состояния населения Сибири в томском Институте исследования Сибири. В 1920–1930-е преподавал в Морском техникуме, Военно-морском училище им. М. В. Фрунзе, в Ленинградском областном педагогическом институте им. А. С. Бубнова, на рабфаке Машиностроительного института. В 1934–1936 научный сотрудник I разряда, ученый специалист Историко-археографического института. С 1 августа 1936 старший научный сотрудник ЛОИИ. В 1942–1944 преподавал в Ташкентском пединституте. Уволен из ЛОИИ 21 апреля 1953 в связи с закрытием отделения. В 1953–1963 зав. сектором в Ленинградском отделении Института истории естествознания и техники АН СССР, одновременно с 1937 по 1963 профессор в ЛГУ (ПФА РАН. Ф. 133. Оп. 3. Д. 178; *Чижова-Ореус Н. Н.* Обзор личного фонда А. В. Предтеченского // *Археографический ежегодник за 1973 г.* М., 1974. С. 255–257).
- <sup>13</sup> Смирнов Иван Иванович (05(18).03.1909, Иваново-Вознесенск — 14.05.1965, Ленинград), историк, д-р ист. наук, профессор. В 1930 окончил Вятский педагогический институт. После окончания аспирантуры ГАИМК работал в академии, а с 1938 по 1965

старший научный сотрудник ЛОИИ. Участник Великой Отечественной войны. Преподавал на историческом факультете ЛГУ в 1936–1941, 1947–1956 гг.

- <sup>14</sup> Жебелев Сергей Александрович (10(22).09.1867, Петербург — 27.12.1941, Ленинград), специалист в области античной истории, эпиграфики, археологии и классической филологии, д-р ист. наук, д-р филолог. наук, академик АН СССР. В 1890 окончил историко-филологический факультет Петербургского университета. В 1890–1903 преподаватель в Училище рисования Штиглица. В 1894–1905 профессор Академии художеств. В 1899–1927 профессор Петербургского (Ленинградского) университета, одновременно в 1919 — ректор университета. Один из основателей и сотрудник (с 1919 по 1937) Государственной академии истории материальной культуры. С 10 декабря 1938 старший научный сотрудник ЛОИИ. С 1 января 1941 переведен из ЛОИИ руководителем сектора древней истории в Институт истории. В октябре–декабре 1941 руководитель Комиссии Президиума АН СССР по делам ленинградских учреждений. 18 декабря 1941 был назначен исполняющим обязанности заведующего ЛОИИ (ПФА РАН. Ф. 133. Оп. 3. Д. 90, Д. 152; *Кольцов А.В.* Ленинградские учреждения Академии наук СССР в 1934–1945 гг. СПб., 1997. С. 99).
- <sup>15</sup> Аннинский Сергей Александрович (13(25).10.1891, г. Сызрань Симбирской губ. — февраль 1942 (или февраль 1943)), архивист, историк, палеограф, канд. ист. наук. В 1913 окончил Санкт-Петербургский историко-филологический институт по отделению русского и древних языков. С 1913 по 1920 преподавал в петербургских/петроградских гимназиях. В 1918–1929 работал в Центрархиве помощником архивиста, архивистом, старшим архивистом, заведующим отделом, старшим инспектором, инспектором; одновременно в 1922–1924 преподавал историю Запада в окружной Военно-Политической школе им. Ф. Энгельса в Ленинграде. В 1930 ученый хранитель в Рукописном отделении БАН, а с января 1931 по март 1932 ученый хранитель Музея письма, документа и книги АН СССР. С марта 1932 по конец октября 1935 ученый специалист Института книги, документа и письма, откуда был переведен на ту же должность в Историко-археографический институт. С 1936 старший научный сотрудник ЛОИИ, с 19 января 1937 ученый хранитель секции «История Западной Европы» архивохранилища ЛОИИ (ПФА РАН. Ф. 133. Оп. 3. Д. 20, 77; *Князев Г.А.* Дни великих испытаний. Дневники 1941–1945. СПб., 2009. С. 700).
- <sup>16</sup> Лавров Николай Федорович (24.11(07.12).1891, Череповец — январь 1942, Ленинград), историк, архивист, канд. ист. наук. В 1916 окончил историко-филологический факультет Петроградского университета. В 1918–1919 научный сотрудник Самарского, затем Сибирского отделения Книжной Палаты. В 1920–1921 научный сотрудник Самарского губархива. С 1921 по 1924 инструктор Центрархива РСФСР, в 1924–1928 архивист Ленинградского отделения Центрархива, далее — по 1934 — инспектор, научный сотрудник, редактор Ленгубархива. С 1934 научный сотрудник I разряда, ученый специалист Историко-археографического института, с 1936 по январь 1942 ученый специалист, старший научный сотрудник ЛОИИ, одновременно с 1937 доцент исторического факультета ЛГУ (*Алтатова В.Д.* Обзор фондов ученых-историков, погибших во время блокады Ленинграда (По материалам Архива ЛОИИ СССР АН СССР) // Археографический ежегодник за 1973 г. М., 1974. С. 246; *Вовина-Лебедева В.Г.* Историко-Археографический институт и Ленинградское отделение института истории в 1930-х гг. // Из истории ЛОИИ. СПб., 2015. С. 45–49. См. также: ПФА РАН. Ф. 133. Оп. 3. Д. 43, 99).
- <sup>17</sup> Чаев Николай Сергеевич (20.06.1897, Петербург — 27.02.1942, Ленинград), историк-архивист, археограф, канд. ист. наук. В 1924 окончил факультет общественных наук ЛГУ. В 1916–1920 помощник заведующего отделом заключения договоров Государственной электростанции в Петрограде, в 1920–1922 помощник режиссера, артист Государственного передвижного театра им. Гайдубурова. С 1924 по 1927 архивист Ленинградского центрального исторического архива. С сентября 1927 по июль 1936 научный сотрудник, ученый специалист сначала Археографической комиссии АН СССР, затем Историко-археографического института. В 1934–1936 заведовал архивом ИАИ, одновременно с 1935 преподавал в различных учреждениях: ЛИФЛИ, ЛГУ, Институте народов Севера, ГАИМК. В 1930 подвергался аресту. С 1 августа 1936 старший научный сотрудник

- ЛОИИ. До начала 1939 являлся ученым хранителем Русского отдела Архива ЛОИИ. С сентября 1938 и.о. профессора по кафедре истории СССР исторического факультета ЛГУ (*Аллатова В. Д.* Обзор фондов ученых-историков, погибших во время блокады Ленинграда (По материалам Архива ЛОИИ СССР АН СССР) // *Археографический ежегодник за 1973 г. М., 1974. С. 250; ПФА РАН. Ф. 133. Оп. 3. Д. 116*).
- <sup>18</sup> Сербина Ксения Николаевна (17(30).12.1903, г. Скопин Рязанской губ. — 09.09.1990, Ленинград), историк, д-р ист. наук. В 1926 окончила исторический факультет Ленинградского государственного университета. С 1927 научный сотрудник Историко-археографической комиссии АН СССР, затем младший научный сотрудник Историко-археографического института АН СССР, в 1936–1938 — старший научный сотрудник ЛОИИ, в мае–ноябре 1938 находилась в заключении, с марта 1939 по март 1943 старший научный сотрудник ЛОИИ, с марта 1943 по ноябрь 1944 уполномоченный ЛОИИ. За спасение архива и библиотеки награждена орденом Красной Звезды в 1945. С ноября 1944 по ноябрь 1945 зам. заведующего ЛОИИ, затем — до марта 1947 вр.и.о. заведующего, потом до октября 1951 зам. заведующего. С октября 1951 по август 1956 старший научный сотрудник, с августа 1956 по январь 1958 заведующий сектором истории СССР, затем до апреля 1979 старший научный сотрудник и далее до февраля 1982 старший научный сотрудник-консультант. В 1970-е заведовала Архивом ЛОИИ (НИАСПБИИ РАН. Ф. СПБИИ РАН. Оп. 2. Ч. II. Д. 221).
- <sup>19</sup> Стеблин-Каменская Мария Ивановна (09.07.1894, Петербург — 20.03.1943, Ленинград), историк. В 1921 окончила Петроградский университет. С 1914 по 1920 — сестра милосердия в Подвижном госпитале Всероссийского союза городов, различных медицинских учреждениях Петрограда и Украины. С конца 1920 по сентябрь 1934 воспитатель, руководитель в детских домах, детских очагах и других детских учреждениях Украины и Ленинграда. Летом 1924 заведующая экскурсионной базой в Никитском ботаническом саду в Крыму. С 16 сентября 1934 научный сотрудник II разряда в Историко-археографическом институте, с августа 1936 (?) младший научный сотрудник ЛОИИ. С 12 июля 1942 уполномоченная ЛОИИ в Ленинграде (*Аллатова В. Д.* Обзор фондов ученых-историков, погибших во время блокады Ленинграда (По материалам Архива ЛОИИ СССР АН СССР) // *Археографический ежегодник за 1973 г. М., 1974. С. 249–250; ПФА РАН. Ф. 133. Оп. 3. Д. 51, 145*).
- <sup>20</sup> Полянская Надежда Николаевна (21.08.1889, Петербург — ?), библиотекарь. В 1909 окончила словесно-исторический факультет Петербургского женского педагогического института Ведомства учреждений императрицы Марии. В 1918–1921 председатель губернского правления Союза работников просвещения в Тюмени, затем занималась преподавательской деятельностью, была воспитателем в детском доме, заведующей и директором школ. В БАН СССР с 1941 по 1957 с перерывом с октября по декабрь 1941, когда была уволена по сокращению штатов. В филиале БАН при ЛОИИ начинала с библиотекаря I разряда, с января 1942 старший библиотекарь, с января 1945 заведующая библиотекой, с октября 1956 главный библиотекарь. В июне 1947 утверждена в звании младшего научного сотрудника (*Российская биографическая энциклопедия «Великая Россия»*. Т. 14. Биографический словарь сотрудников Библиотеки Российской академии наук. Кн. 2. СПб., 2014. С. 594).
- <sup>21</sup> Левченко Митрофан Васильевич (23.11.1890, г. Мирополье Курской губ. — 22.01.1955, Ленинград), историк-византист, педагог, д-р ист. наук, профессор. В 1915 окончил Нежинский историко-филологический институт князя Безбородко. В 1915–1916 преподаватель в мужской гимназии г. Курска. В 1916–1918 прикомандирован к Петроградскому университету для подготовки к профессуре. В 1918–1929 работал в г. Суджа Курской губ. преподавателем в учительской семинарии, членом коллегии и зав. отделом народного образования уисполкома, директором Педагогического училища. В 1929–1932 аспирант Ленинградского историко-лингвистического института. С 1933 по 1938 старший научный сотрудник Государственной академии истории материальной культуры. С 1 октября 1939 старший научный сотрудник ЛОИИ. В сентябре–декабре 1940 и.о. заведующего, в декабре 1940 — августе 1944 заведующий ЛОИИ. Одновременно с сентября 1938 по ноябрь 1941 и.о. профессора на истфаке ЛГУ. В мае 1942 — мае 1943 профессор

- и зав. кафедрой всеобщей истории в Казанском университете, с ноября 1943 по сентябрь 1944 декан истфака Среднеазиатского государственного университета (Ташкент). С сентября 1944 старший научный сотрудник и руководитель византийской группы в ЛОИИ, одновременно с ноября 1944 профессор, зав. кафедрой средних веков истфака ЛГУ (НИАСПБ ИИ РАН. Ф. СПб ИИ РАН. Оп. 2. Ч. I. Д. 22; Памяти М. В. Левченко // Византийский временник. 1956. Вып. 8. С. 3–6).
- <sup>22</sup> Левин Шнеер Менделевич (01.10.1897, местечко Дагда Витебской губ. — 28.07.1969, Ленинград), историк, д-р ист. наук. В 1923 окончил социально-историческое отделение гуманитарного факультета Петроградского педагогического института им. А. И. Герцена. В 1920-е — начале 1930-х работал в Историко-революционном архиве, издательствах «Былое», Ленигиз, политкаторжан. С сентября 1934 ученый специалист Историко-археографического института, с 1 августа 1936 по 28 июля 1969 старший научный сотрудник ЛОИИ (НИАСПБ ИИ РАН. Ф. СПб ИИ РАН. Оп. 2. Ч. II. Д. 87).
- <sup>23</sup> Тонкова Раиса Михайловна (06.09.1889–1970 (?), Киев), книговед, библиограф, канд. филол. наук. В 1913 окончила словесно-историческое отделение Петербургского женского педагогического института. В 1913–1915 преподавала в училище св. Анны. В 1922–1926 — на службе в Комиссии по улучшению быта ученых, затем в Секции научных работников профсоюза работников просвещения РСФСР. С 1926 по 1932 — в штате ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. С 1932 по 1935 младший научный сотрудник Института книги, документа, письма АН СССР, с января 1936 по 1953 старший научный сотрудник ЛОИИ. В 1953–1955 зам. директора БАН (*Гринченко Н. А.* Тонкова (Сухова, Сухова-Тонкова) Раиса Михайловна // Сотрудники РНБ — деятели науки и культуры. Биографический словарь. Т. 2 ([http://www.nlr.ru/nlr\\_history/persons/info.php?id=746](http://www.nlr.ru/nlr_history/persons/info.php?id=746) — дата обращения: 17.04.2015)).
- <sup>24</sup> Петрушевский Илья Павлович (10(22).06.1898–1977, Ленинград), историк-востоковед, д-р ист. наук, профессор. В 1926 окончил историко-филологические факультеты Харьковского и Бакинского университетов. В 1926–1931 работал в Баку. В 1933–1936 преподавал в Тбилисском университете. В 1936–1941 работал в ЛОИИ, преподавал в Ленинградском областном педагогическом институте им. А. С. Бубнова. Во время Великой Отечественной войны преподавал в Баку и Ташкенте. В 1945–1947 — сотрудник ЛО Института востоковедения АН СССР, с 1947 — профессор ЛГУ, в 1950–1954, 1961–1977 зав кафедрой истории стран Ближнего Востока восточного факультета ЛГУ, в 1956–1959 руководил Группой иранистов ЛО Института востоковедения АН СССР (<http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1501534>, дата обращения — 17.04.2015).
- <sup>25</sup> Бочкарева Екатерина Ивановна (ноябрь 1899 — ?), историк, канд. ист. наук. В 1931 окончила Институт красной профессуры по отделению истории СССР. В 1918–1922 работала в Темниковском уезде и Тамбовском губкоме, в 1922–1923 — в райкоме Новосибирска, в 1923–1925 — инструктор аппарата Московского комитета ВКП(б). После окончания Института красной профессуры работала в Партиздате, Ленинградском комитете партии, заместителем начальника политотдела МТС в Азово-Черноморье. В 1936–1938 преподавала и заведовала кафедрами в Ленинградском комвузе им. И. В. Сталина, затем в Институте повышения квалификации инженеров-экономистов в Ленинграде. С ноября 1938 младший научный сотрудник и парторганизатор ЛОИИ, затем старший научный сотрудник и секретарь парторганизации Института. В октябре–декабре 1941 заместитель заведующего и исполняющая обязанности заведующего ЛОИИ. Уволилась из Института в июле 1946 (ПФА РАН. Ф. 133. Оп. 3. Д. 152).
- <sup>26</sup> Романов Борис Александрович (29.01(10.02).1889, Петербург — 18.07.1957, Ленинград), историк, д-р ист. наук, профессор. В 1912 окончил историко-филологический факультет Петербургского университета. В 1912–1919 — преподаватель истории в петербургских гимназиях, Смольном институте, курсах для раненых, на Первых пехотных командных курсах Красной Армии. С 1919 по 1927 ассистент, доцент Петроградского (Ленинградского) университета. С 1918 по 1929 старший архивист, зав. отделом в Ленинградском отделении Центрального исторического архива, одновременно в 1921–1929 научный

- сотрудник, действительный член Исторического научно-исследовательского института при Университете, потом Института истории РАНИОН, затем Института марксизма. В 1929–1930 ученый секретарь историко-бытового отдела Русского музея. В 1930 арестован по «академическому делу». Освобожден в марте 1933. С 1934 по 1941 работал по договорам с Институтом истории, Институтом истории материальной культуры, Институтом языка и мышления АН СССР. В июле 1941 – апреле 1944 – старший научный сотрудник Института истории материальной культуры. С 1 мая 1944 по 17 июля 1957 – старший научный сотрудник ЛОИИ. С августа 1944 профессор ЛГУ (*Панеях В. М.* Творчество и судьба историка: Борис Александрович Романов. СПб., 2000; НИАСПБИИ РАН. Ф. СПБИИ РАН. Оп. 2. Ч. I. Д. 64).
- <sup>27</sup> Гейман Василий Георгиевич (14.11.1887, г. Темир-хан-Шура, Дагестанская обл. – 1965, Ленинград), историк, палеограф, археограф, источниковед, канд. ист. наук. В 1911 окончил юридический факультет Петербургского университета. В годы учебы в университете работал служащим Государственного банка, в 1911–1918 был делопроизводителем, с перерывом на 1914–1917 – на службу в армии вольноопределяющимся Павловского полка. С 1918 по 1937 в Государственной публичной библиотеке в должности библиотекаря, главного библиотекаря Рукописного отделения. С 1925 по 1936 совместитель, сотрудник по договору, затем – с 1934 – штатный сотрудник Историко-археографического института. С 1936 до 1 декабря 1951 сотрудник ЛОИИ, одновременно с 1945 по 1963 вновь сотрудник Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (*Дворецкая Н. А.* Гейман Василий Георгиевич // *Сотрудники РНБ – деятели науки и культуры. Биографический словарь. Т. 2* ([http://www.nlr.ru/nlr\\_history/persons/info.php?id=746](http://www.nlr.ru/nlr_history/persons/info.php?id=746), дата обращения – 17.04.2015)).
- <sup>28</sup> Так в тексте. – А. Ч.
- <sup>29</sup> Потемкин Владимир Петрович (07(19).10.1877, Тверь – 23.02.1946, Москва), историк, советский государственный и партийный деятель, академик АН СССР (1943). В 1899 окончил историко-филологический факультет Московского университета. Участник Гражданской войны, с 1922 по 1940 на дипломатической работе. В 1940–1946 – нарком просвещения РСФСР, создатель и с 1943 президент Академии педагогических наук РСФСР (<http://www.isaran.ru/?guid=A7371461-9091-A9B2-9F90-63E25F6E8845&q=ru/person>, дата обращения – 17.04.2015).
- <sup>30</sup> Любименко Инна Ивановна (6(18).04.1878, Петербург – 15.01.1959, Ленинград), историк, архивист, д-р ист. наук. В 1904 окончила историко-филологический факультет Высших женских (Бестужевских) курсов. В 1916–1920 иностранный корреспондент и переводчик в Ботаническом саду Петрограда, в 1921–1926 архивист Ленинградского отделения Центрархива. Далее – «научная работа по договору», а с 1932 по 1936 ученый специалист Института истории науки и техники. В 1936–1942 старший научный сотрудник Архива РАН, с 15 марта 1942 по 30 июня 1952 старший научный сотрудник ЛОИИ (*Валк С. Н.* Инна Ивановна Любименко // *Труды ЛОИИ. М.–Л., 1960. Вып. 2. С. 483–487; ПФА РАН. Ф. 133. Оп. 3. Д. 170*).
- <sup>31</sup> Разумовская Любовь Вячеславовна (15.07.1897, г. Бельск Гродненской губ. – 21.09.1969, Ленинград), филолог, историк-медиевист, д-р ист. наук. В 1918 окончила Высшие женские курсы в Казани. С 1924 до 1935 в штате БАН СССР, одновременно с 1929 по 1932 доцент Педагогического института им. А. И. Герцена. С марта 1935 младший научный сотрудник в Институте книги, документа и письма, с начала 1936 научный сотрудник ЛОИИ, одновременно в 1934–1940 преподаватель истфака ЛГУ. Летом 1941 эвакуировалась в Ташкент, где в 1941–1942, 1944–1945 преподавала на истфаке Среднеазиатского государственного университета. В мае 1942 восстановлена в ЛОИИ и работала здесь старшим научным сотрудником до лета 1950, когда постановлением Президиума АН СССР была переведена в Ленинградскую группу (позднее – отделение) Института славяноведения АН СССР. С 1968 на пенсии (Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 1137 (Л. В. Разумовская). Ед. хр. 6. Л. 1; Ед. хр. 10. Л. 1; Ед. хр. 18. Л. 1–6; *Королюк В. Д.* Любовь Вячеславовна Разумовская // *Советское славяноведение. 1970. № 1. С. 133–134*).

- <sup>32</sup> Липшиц Елена Эммануиловна (09.05.1901, Киев — 22.04.1990, Ленинград), историк-византист, д-р ист. наук. В 1923 окончила Киевский археологический институт, в 1930 — Ленинградский государственный институт истории искусств. С 1935 старший научный сотрудник по кафедре средних веков в Государственной академии истории материальной культуры, с 1938 доцент исторического факультета ЛГУ. В 1938—1974 старший научный сотрудник ЛОИИ, с 1974 по 1990 старший научный сотрудник-консультант ЛОИИ (Елена Эммануиловна Липшиц: Некролог // Византийский временник. 1992. Вып. 53 (78). С. 216—219).
- <sup>33</sup> Лебедев Николай Степанович (04.02.1893, Петербург — 26.08.1959, Ленинград), историк-византист, библиограф, канд. ист. наук. В 1925 окончил факультет общественных наук ЛГУ. В 1908—1918 — конторщик технической конторы «Стерн», канцелярский служащий Горного департамента Министерства торговли и промышленности, конторщик Союза кооперативов. С 1918 по 1926 — зав. лабораторным хозяйством и книжным складом Института рыбного хозяйства Наркомзема. Одновременно в 1920-е зав. массовыми библиотеками разных учреждений: Дома просвещения РКСМ, на заводе им. Козицкого и др. С 1927 по 1930 — зав. библиотекой клуба Центрального района Союза рабочих металлистов. С мая 1930 до июня 1941 работал в научных и вузовских библиотеках: научным сотрудником в фундаментальной библиотеке Сельскохозяйственной академии им. В.И. Ленина, зав. библиотекой Ленинградского института инженеров промышленного строительства, начальником библиотеки Высшего военно-морского инженерно-строительного училища. В 1939—1957 (с перерывом на 1941—1944) преподаватель, зам. декана, декан Ленинградского коммунистического политико-просветительного (позднее Библиотечного) института им. Н.К. Крупской. С июня 1941 младший, с мая 1943 до июня 1949 старший научный сотрудник ЛОИИ. С 1 июня 1943 по 1 октября 1946 ученый секретарь ЛОИИ (ПФА РАН. Ф. 133. Оп. 3. Д. 167; *Аргутинская Н.К.* Николай Степанович Лебедев // Сотрудники РНБ — деятели науки и культуры. Биографический словарь. Т. 3 ([http://www.nlr.ru/nlr\\_history/persons/info.php?id=937](http://www.nlr.ru/nlr_history/persons/info.php?id=937), дата обращения — 17.04.2015)).
- <sup>34</sup> Каллистов Дмитрий Павлович (18.01.1904, Варшава — 02.03.1973, Ленинград), историк античности, переводчик, д-р ист. наук, профессор. В 1924 окончил факультет общественных наук, а в 1927 (экстерном) — факультет советского права Ленинградского государственного университета. Работал лектором и помощником юрисконсульта в профсоюзных организациях Ленинграда. В 1928 репрессирован. В 1934—1937 — аспирант Института истории материальной культуры. С июня 1938 по март 1973 — старший научный сотрудник ЛОИИ (в мае 1953 — июле 1955 старший научный сотрудник Ленинградского отделения Института истории материальной культуры АН СССР). Профессор кафедры истории Древней Греции и Рима исторического факультета (НИАСПБИИ РАН. Ф. СПбИИ РАН. Оп. 2. Ч. II. Д. 121).
- <sup>35</sup> Лурье Соломон Яковлевич (27.12.1890(08.01.1891), Могилев — 30.10.1964, Львов), историк античности, филолог-эллинист, д-р ист. наук, д-р филолог. наук. В 1913 окончил историко-филологический факультет Петербургского университета. С 1917 в Архиве революции. С 1917 (с перерывами) по 1949 — приват-доцент, доцент, профессор ЛГУ. Одновременно в 1918—1920 профессор Самарского университета, 1921—1923 профессор Первого высшего педагогического института. С 1929 преподаватель в ленинградских техникумах и Институте гражданского воздушного флота. В 1932—1935 старший научный специалист Института истории науки и техники АН СССР. В 1937—1941 работал в ЛОИИ, с октября 1941 по декабрь 1942 профессор Иркутского университета. С января 1943 по 1949 старший научный сотрудник ЛОИИ. В 1949 младший научный сотрудник Комиссии по истории естествознания и техники АН СССР. В 1950—1953 работал в Одесском институте иностранных языков, с 1953 по 1964 профессор Львовского университета (<http://bioslovhist.history.spbu.ru/component/fabrik/details/1/1271.html>, дата обращения — 17.04.2015).



**Список литературы**

- Алексеев-Попов В. С.* Осип Львович Вайнштейн // Французский ежегодник. 1980. М., 1982. С. 238–241.
- Алпатова В. Д.* Обзор фондов ученых-историков, погибших во время блокады Ленинграда (По материалам Архива ЛОИИ СССР АН СССР) // Археографический ежегодник за 1973 г. М., 1974. С. 242–254.
- Валк С. Н.* Инна Ивановна Любименко // Труды ЛОИИ. М.; Л., 1960. Вып. 2. С. 483–487.
- Вовина-Лебедева В. Г.* Историко-Археографический институт и Ленинградское отделение института истории в 1930-х гг. // Из истории ЛОИИ. СПб., 2015. С. 6–67.
- Елена Эммануиловна Липшиц; Некролог // Византийский временник. 1992. Вып. 53 (78). С. 216–219.
- Каганович Б. С.* Евгений Викторович Тарле. Историк и время. СПб., 2014.
- Князев Г. А.* Дни великих испытаний. Дневники 1941–1945. СПб., 2009.
- Кольцов А. В.* Ленинградские учреждения Академии наук СССР в 1934–1945 гг. СПб., 1997.
- Королюк В. Д.* Любовь Вячеславовна Разумовская // Советское славяноведение. 1970. № 1. С. 133–134.
- Памяти М. В. Левченко // Византийский временник. 1956. Вып. 8. С. 3–6.
- Памяти Сергея Львовича Утченко // Вестник древней истории. 1976. № 3. С. 3–5.
- Панеях В. М.* Творчество и судьба историка: Борис Александрович Романов. СПб., 2000.
- Профессор Сергей Иванович Ковалев: Некролог // Вестник древней истории. 1960. № 4. С. 240.
- Российская биографическая энциклопедия «Великая Россия». Т. 14. Биографический словарь сотрудников Библиотеки Российской академии наук. Кн. 2. СПб., 2014. С. 594.
- Чижова-Ореус Н. Н.* Обзор личного фонда А. В. Предтеченского // Археографический ежегодник за 1973 г. М., 1974. С. 255–262.

## И. В. Савицкий

### К биографии Сергея Николаевича Казнакова<sup>1</sup>

Интерес историков к личности своих научных предшественников всегда был объясним несколькими основными факторами. С одной стороны, это изучение методики работы в конкретной научной области, помогающее самому исследователю использовать дополнительные приемы в изучении материала. С другой стороны, это научный архив предшественников, подчас просто кладезь информации по интересующим историка темам. Вполне естественно, что при таких подходах наибольший интерес всегда представляли научные биографии и архивы известных исследователей, внесших заметный вклад в развитие научного знания. Например, среди генеалогов по понятным причинам пристальное внимание вызывает наследие академика Н. П. Лихачева, основателя Историко-родословного общества в Москве Л. М. Савёлова и других патриархов отечественной генеалогии. В данном же материале мне бы хотелось проанализировать исследовательский почерк «среднего» научного звена генеалогов. В эту группу можно отнести лиц, достаточно профессионально владеющих исследовательской методикой своего времени, однако не сделавших генеалогию главным делом своей жизни, сочетавших ее со многими другими научными занятиями.

Наиболее подходящим объектом для подобных исследований является действительный шталмейстер Высочайшего Двора Сергей Николаевич Казнаков (1863–1930). Благодаря активной научной и общественной деятельности он оставил богатое собрание документов, ныне распределенное по нескольким

<sup>1</sup> Работа выполнена при поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности.

архивохранилищам. Прежде всего это фонд Казнаковых в РГИА (№ 948), насчитывающий 388 дел (самому Сергею Николаевичу первоначально принадлежало менее половины документов). К ним относятся материалы по генеалогии рода (включая материнскую линию С. Н. Казнакова — Неклюдовых), документы о службе родственников С. Н. Казнакова (в том числе о деятельности отца — флигель-адъютанта Николая Геннадьевича, деда — генерал-майора Геннадия Геннадьевича, брата — путешественника Александра Николаевича), а также материалы о деятельности С. Н. Казнакова в качестве чиновника Министерства иностранных дел, касающиеся внешней политики Российской империи в Юго-Восточной Европе. Стоит отметить, что составителей описей этого фонда можно с полным правом причислить к исследователям генеалогии Казнаковых, так как структура описи представляет собой почти готовое генеалогическое древо.

Другим местом хранения документов С. Н. Казнакова является Институт русской литературы (Пушкинский Дом). Они собраны в фонде № 424 и включают материалы, относящиеся к лицейским годам жизни Казнакова (похвальные листы, формуляры, реферативные сочинения и др.), его работе над известным Русским биографическим словарем и организации музейных выставок. Наконец, относительно небольшой объем документов собран в архиве Санкт-Петербургского института истории РАН (фонд 188), содержащем богатый эпистолярный архив Казнакова и его работы, посвященные генеалогии Нелидовых и искусствоведению.

Таким образом, сохранившиеся документы позволяют разносторонне рассмотреть деятельность Сергея Николаевича Казнакова, более признанного в отечественной науке в качестве искусствоведа и биографа. Публикации последних двадцати лет вывели эту скромную по историческим меркам фигуру из тени, так и не дав общего взгляда на ее творческую биографию. При этом перед автором стоит цель выявить наиболее типические черты деятельности С. Н. Казнакова, присущие генеалогам предреволюционного периода.

Одной из первых черт, сближающих поколение генеалогов конца XIX — начала XX в., является их достаточно знатное происхождение. Род Казнаковых (в старину — Кознаковых) был известен в Московском государстве с XVI в. Наиболее полно их родословие было изучено и опубликовано В. В. Руммелем и В. В. Голубцовым, а также П. П. фон Винклером<sup>2</sup>. По преданию, предок рода — Василий Кознакович — был выходцем из Золотой Орды, однако прямую генеалогическую схему авторы смогли провести только от Ермолая Кознакова, жившего в конце XVI в. Сам Сергей Николаевич, относившийся к X поколению от Ермолая, родился в семье известного чиновника того времени — Николая Геннадьевича Казнакова (1823–1885) — Киевского военного губернатора, впоследствии генерал-губернатора Западной Сибири,

<sup>2</sup> Руммель В. В., Голубцов В. В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. Т. 1. СПб., 1886. С. 345–350; Т. 2. СПб., 1887. С. 854 (примечания); фон Винклер П. П. Родословия русского дворянства. Дворяне Казнаковы. СПб., 1895.

генерала-адъютанта и члена Государственного Совета<sup>3</sup>. Вполне естественно, что семья имела не только богатый архив, но и портретную галерею, представлявшие хорошую тренировочную площадку для начинающего генеалога. Более того, в семейной библиотеке, постоянно пополнявшейся и насчитывающей более 800 томов редких книг, можно было найти весь «джентльменский набор» уважающего себя генеалога того времени: издания П. В. Долгорукова, А. Б. Лобанова-Ростовского, В. В. Руммеля и многих других авторов<sup>4</sup>.

Благодаря семейному воспитанию Сергей Николаевич с отличием закончил Императорский Александровский лицей и получил возможность работать в Министерстве иностранных дел, несколько лет руководимом известным генеалогом князем А. Б. Лобановым-Ростовским (с которым у Казнакова была общая область генеалогических интересов — биография Е. И. Нелидовой).

Как видим, с формальной точки зрения С. Н. Казнакова было нельзя назвать профессиональным генеалогом. Его интересы отличались большой широтой и включали в себя изучение антиквариата, фалеристики, живописи, миниатюры, гравюры и многих других сфер. Но изучение родословных наложило отпечаток на стиль практически всей его работы. Вот как, например, он описывает происхождение кушетки из красной кожи, принадлежавшей Екатерине II, «на которой императрица Мария Федоровна разрешилась от бремени будущим императором Александром I»: «Кушетка эта находилась на чердаке в имении Воин, Орловской губернии, принадлежавшем Ивану Петровичу Новосильцову. <...> От И. П. Новосильцова имение Воин перешло к его племяннице, Зинаиде Николаевне Нечаевой, рожденной княжне Вяземской, которая и подарила мне эту кушетку. Привезена она была в Воин Марией Савишной Перекусихиной, когда она приезжала в Воин к своей племяннице Торсуковой, бывшей замужем за Петром Ивановичем Новосильцовым, дедом Ивана Петровича Новосильцова»<sup>5</sup>. Трудно сказать, можно ли по этому фрагменту судить о его авторе как о знатоке антиквариата, но как о прирожденном генеалогe — вполне.

Примечательно, что генеалогией собственного рода С. Н. Казнаков практически не занимался. Работу по сбору сведений об отдельных его представителях Казнаков доверил П. Н. Столпянскому, составившему для заказчика более 113 именных карточек и продававшему их по 50 копеек за штуку<sup>6</sup>.

<sup>3</sup> О деятельности С. Н. Казакова и членов его семьи см. также: *Кубочкин С. Н.* Генерал Казнаков — просветитель Тюмени // Лукич. Тюмень, 2002. № 2. С. 168–179; *Савицкий И. В.* Сергей Николаевич Казнаков: обзор источников к биографии // *Историография источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин: Материалы XXII Международной научной конференции.* Москва, 28–30 января 2010 г. М., 2010. С. 334–336.

<sup>4</sup> Краткое описание книг, гравированных портретов и эстампов, миниатюр и медалей Екатерининской эпохи из собрания С. Н. Казнакова. СПб., 1903. С. 1–2.

<sup>5</sup> Опись предметам, завещаемым в музей Старого Петербурга 1919 г. // Рукописный отдел ИРЛИ. Ф. 424. Д. 37. Л. 1–3.

<sup>6</sup> Архив Санкт-Петербургского института истории РАН (далее — Архив СПбИИ РАН). Ф. 188. Оп. 1. Д. 129. Л. 57–58.

Чтобы понять почерк исследователя, необходимо определить источниковую базу его работ. Можно констатировать, что С. Н. Казнаков использовал прежде всего источники личного происхождения, т.е. мемуары, дневники и переписку изучаемых лиц. Такое мнение складывается из изучения его Алфавитного указателя биографико-библиографических сведений, представляющего собой общую тетрадь красного цвета с золотым теснением и содержащего в основном ссылки на мемуарную литературу<sup>7</sup>. Такое самоограничение способствовало достаточно широкому, но неглубокому изучению генеалогии известных родов. По-видимому, Казнаков не стремился углублять свое знание, довольствуясь уже вышедшими к тому времени материалами. Зато в его руках находились сведения о новейших изменениях в известных семьях, что и можно было назвать «исследовательской нишей» Сергей Николаевича.

Разумеется, здесь исследователю пригодились и постоянные личные контакты с представителями интересующих его фамилий. Имея репутацию светского льва, он был завсегдатаем наиболее популярных петербургских салонов. В архиве Сергея Николаевича заботливо сохранились эпиграммы на него, датированные 1909 г.:

Как горазд Сергей дразнить  
И немилостью казнить!  
Но все любят Казнакова.  
Друга верного такого  
Этим дамам не сыскать;  
Его принято ласкать,  
Все капризы исполнять!

Но скажу Вам, Казнаков  
Не для всех друзей таков.  
А для дамского кружка,  
Где вращается он вечно,  
Его слава велика,  
Принят там весьма сердечно.  
И в оракулы его  
Производят одного.

Но особый интерес, доходивший до фанатизма, С. Н. Казнаков испытывал к эпистолярному наследию. В его архиве сохранился большой комплекс входящей корреспонденции, среди которой встречаются письма дипломатов С. Ю. Витте, В. Н. Ламздорфа, М. И. Терещенко (с семьей которого у Казнаковых были весьма доверительные отношения), историка К. Валишевского (они встретились в Париже в 1910 г.), мецената С. П. Дягилева, директора Эрмитажа А. А. Васильчикова и других известных личностей того периода. Сохранились также конверты от писем императрицы Марии Федоровны. Можно сказать, что создатель архива занимался целенаправленным сбором писем от известных людей, в том числе провоцируя их на переписку посылкой своих книг в подарок. Но тяга к письмам отразилась и на его искусствоведческих публикациях. Например, в последний предвоенный год вышла интереснейшая

<sup>7</sup> Архив СПбИИ РАН. Ф. 188. Оп. 1. Д. 9.

<sup>8</sup> Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 948. Оп. 1. Д. 257. Л. 5 об., 12 об.

работа С. Н. Казнакова, посвященная так называемым пакетовым табакеркам — непременным атрибутам великосветского этикета, имевшим внешний вид запечатанного сургучом конверта<sup>9</sup>. Хотя тематика книги была далека от генеалогии, в ее написании безошибочно угадывается рука генеалога и биографа: издание содержит большой список кратких биографий, описание окружения Елизаветы Петровны и этикета XVIII в. Автор полностью погружает читателя в атмосферу изучаемой эпохи. Примечательно, что значительная часть описанных табакерок находилась в собственном собрании автора. В связи с последующими событиями в стране эта работа сохраняет большую научную ценность до сих пор.

Немудрено, что в столичных салонах С. Н. Казнаков был больше известен как искусствовед. Этому способствовало и его активное участие в подготовке выставок, посвященных дворянской бытовой культуре XVIII в. Так, одновременно с бароном Н. Н. Врангелем он участвовал в подготовке выставки «Ломоносов и Елизаветинское время» в Екатерининском (Круглом) зале Академии художеств в 1912 г<sup>10</sup>. Кроме того, он изредка занимался скупкой собраний у наследников умерших коллекционеров. В частности, благодаря ему в Российский Императорский музей им. Александра III в Москве было передано собрание фарфора В. П. Скарятиной<sup>11</sup>.

Помимо научных исследований, С. Н. Казнаков проявил себя и как патриот. В его скромном петербургском доме, находившемся рядом с Зимним дворцом на улице Миллионной, 9, в 1914–1917 гг. был открыт лазарет для раненых русских офицеров под покровительством великой княгини Марии Павловны<sup>12</sup>.

Однако это была скорее внешняя сторона общественной деятельности Сергея Николаевича. Значительно больше времени занимали его историко-биографические исследования. В начале 1900-х гг. через А. А. Голумбиевского он был привлечен к работе над Русским биографическим словарем. По-видимому, С. Н. Казнаков выступал как консультант при составлении около двух десятков биографий известных российских деятелей XVIII–XIX вв., предоставляя сведения о представителях родов Гагариных, Демидовых, Шаховских и многих других<sup>13</sup>. Это видно из сохранившихся писем Голумбиевского. К сожалению, ответных писем Казнакова в этом фонде практически не сохранилось.

Попутно С. Н. Казнаков, подтверждая репутацию светского льва, не отказывал себе в собирании разного рода слухов. В его бумагах сохранились записи об убийстве Григория Распутина, чему якобы был несказанно рад император Николай II, и подготовке переворота великим князем Дмитрием Павловичем —

<sup>9</sup> *Казнаков С. Н.* Пакетовые табакерки Императорского фарфорового завода. СПб., 1913. 199 с. Книга оформлена художниками Г. И. Нарбутом и В. Я. Чемберсом.

<sup>10</sup> Рукописный отдел ИРЛИ. Ф. 424. Д. 37. Л. 13–14; там же. Д. 45.

<sup>11</sup> Рукописный отдел ИРЛИ. Ф. 424. Д. 44. Л. 7.

<sup>12</sup> РГИА. Ф. 948. Оп. 1. Д. 178, 179, 199, 214; Рукописный отдел ИРЛИ. Ф. 424. Д. 51.

<sup>13</sup> Рукописный отдел ИРЛИ. Ф. 424. Д. 14.

одним из участников данного убийства<sup>14</sup>. Интереснейшие на первый взгляд материалы были записаны со слов подруг известной при Дворе актрисы Марианны Дерфельден, имевшей репутацию распространительницы «грязных» сплетен про императорскую семью и временно арестованной по делу Распутина. Вероятно, под статью ей были и подруги. Эти записи иллюстрируют собой все субъективные особенности источников личного происхождения и являются если не прямой фальсификацией, то по крайней мере сильным преувеличением отдельных аспектов описываемых событий. Они не нашли отражения в творчестве Казнакова, лишь записавшего дополнительно свою беседу с Феликсом Юсуповым осенью 1917 г.

Спектр общественных занятий Сергея Николаевича был действительно необычайно широк. Он являлся членом Русского географического общества, Общества ревнителей исторического просвещения, Тульской архивной комиссии, Совета Русского музея императора Александра III и даже Всероссийского аэроклуба. В марте 1914 г. С. Н. Казнаков стал действительным членом Русского исторического общества, причем он был принят одновременно с князем Н. В. Голицыным и известным русским историком А. С. Лаппо-Данилевским. Свое внимание в Обществе Казнаков сосредоточил на археографических поисках. Он принимал участие в работе Съезда представителей губернских ученых архивных комиссий в мае 1914 г., вместе с известным генеалогом К. А. Губастовым работал в комиссии для поиска документов по истории Восточного вопроса и освобождению славян от турецкого ига (это совпадало и с его интересами в МИДе)<sup>15</sup>. Возможно, подобная работа могла способствовать углублению научных поисков Казнакова, однако, к сожалению, долго трудиться на этом поприще ему не пришлось.

1917 г. стал критическим в развитии отечественной генеалогии. Октябрьские события привели к разрыву прежних человеческих отношений, значительному уничтожению материальной базы исследований и фактическому запрету целого ряда научных сфер, в том числе и генеалогии. Сохранившиеся документы позволяют анализировать поведение С. Н. Казнакова в первое время сначала анархистского, а затем и большевистского дебоша, его отношение к новой власти.

Конечно, ни о какой активной общественной деятельности речь идти не могла. Дворянскую интеллигенцию беспокоили две актуальнейших проблемы — сохранение жизни близким людям и спасение еще не разоренных коллекций и архивов. Практически сразу после Февральской революции в Кронштадте был расстрелян матросами контр-адмирал Российского флота Александр Григорьевич Бутаков — муж родной сестры С. Н. Казнакова Ольги Николаевны. Осенью репрессии прошли по руководству и рядовым членам Русского

<sup>14</sup> РГИА. Ф. 948. Оп. 1. Д. 180. Опубликовано: «Свидание должно быть обставлено тайной...» / Публ. Б. Гальпериной // Источник. 1993. № 3. С. 22–28.

<sup>15</sup> Рукописный отдел ИРЛИ. Ф. 424. Д. 47–49.

генеалогического общества, многие его члены (в частности К. А. Губастов) скончались от голода и тяжелых условий жизни. Волна арестов и обысков прошла среди петроградских антикваров. В день большевистского переворота, 25 октября, сам Казнаков тоже был арестован в солдатском клубе Павловского полка, но вскоре отпущен. В такой ситуации оставшиеся в живых носители «старой культуры» пытались помочь друг другу как могли. Есть подозрения, что Казнаков был причастен к переходу через границу под именем матроса Титова бывшего министра иностранных дел Временного правительства М. И. Терещенко. В эпистолярном архиве Сергея Николаевича сохранились не только письма Терещенко из Петропавловской крепости, но и его телеграмма о приезде на границу<sup>16</sup>. Если эта гипотеза окажется верна, она может потянуть за собой ряд других схожих сведений, показывая Казнакова как одного из организаторов «коридора» в Европу.

Однако и самому Сергею Николаевичу требовалась помощь. Он находился без средств к существованию (местный комитет бедноты даже выдал бывшему шталмейстеру свидетельство на право приобретения бинтов и других предметов первой необходимости), не имел постоянной работы и был вынужден пользоваться услугами иностранного Красного Креста (неужели лазарет в его доме продолжал работать?). И всё же старые связи сыграли свою роль: некоторое время после революции С. Н. Казнаков, видимо, работал в Русском музее на улице Инженерной, 4<sup>17</sup>, одновременно являясь ассистентом Историко-художественного отдела Эрмитажа. В мае 1921 г. с подачи Л. Н. Перетца он был утвержден сверхштатным научным сотрудником Пушкинского Дома без предоставления содержания<sup>18</sup>. В списках внештатных сотрудников Пушкинского Дома, сохранившихся в Петербургском филиале архива РАН на Университетской набережной, его фамилия встречается в документах за 1921–1924 гг.<sup>19</sup> Однако уже в апрельском списке за 1924 г. его фамилия была вычеркнута<sup>20</sup>.

20 мая 1919 г. С. Н. Казнаков в составе большой группы людей (в которой оказался и известный генеалог А. А. Сиверс) был задержан при посещении Датского Красного Креста на улице Садовой, 9 и несколько дней провел под арестом. При этом подозрение чекистов вызвала прежде всего профессия Казнакова — историк. В фонде РГИА сохранился его дневник, служивший автору отдушиной в период вынужденного заточения. «Пишу и не замечаю, как время проходит. Если, чего доброго, окажусь на Шпалерной, то буду в отдельной камере, с кроватью, иметь белье, возможность мыться; если позволят, как всем, иметь книги, посылки из дома, читать и писать, думаю, что просуше-

<sup>16</sup> Архив СПбИИ РАН. Ф. 188. Оп. 1. Д. 129. Л. 64–68.

<sup>17</sup> Там же. Л. 70–71.

<sup>18</sup> Рукописный отдел ИРЛИ. Ф. 424. Д. 25.

<sup>19</sup> ПФА РАН. Ф. 150 (Пушкинский Дом). Оп. 1. Д. 1. Л. 94 об.; там же. Д. 9. Л. 75.

<sup>20</sup> ПФА РАН. Ф. 150. Оп. 1. Д. 4. Л. 108.



ствую сносно»<sup>21</sup>. Но несмотря на внешнее смирение, сквозь строчки дневника всё же прорывается весьма конкретное отношение автора к новой власти. «У дверей внутри и снаружи стоят вооруженные “коммунисты” — очень типичные, молодые, со скотским выражением лица, отупелым, совершенно бессмысленным взглядом. Просто жалко их: что происходит в их глупых башках?»<sup>22</sup> Эти строки очень созвучны настроению дворянской интеллигенции того времени.

Видимо, этот случай не оставил у С. Н. Казнакова никаких иллюзий о возможности сохранения своих коллекций в частных руках. С 1919 г. он начинает их передачу в фонды государственных хранилищ. Прежде всего это коснулось антикварной мебели, частично переданной в музей Старого Петербурга и в Государственный Эрмитаж. В Эрмитаже оказалась и портретная галерея Казнаковых, насчитывающая 52 произведения (в том числе 12 портретов самих Казнаковых)<sup>23</sup>. Скорее всего, упомянутые передачи были не единственными: в домашней коллекции историка и искусствоведа еще в начале XX в. значилось более 300 гравюр, заказывавшихся в основном у европейских антикваров, собрание миниатюрных портретов русских государей на эмали, слоновой кости, пергаменте, перламутре и золоте, богатая нумизматическая коллекция, содержащая почти все медали периода царствования Екатерины II<sup>24</sup>.

И тем не менее С. Н. Казнаков был не намерен прекращать свою научную деятельность. Еще до революции им была подготовлена рукопись «Архив Е. И. Нелидовой (1796–1828 гг.)» с приложением 20 писем Нелидовой и императрицы Марии Федоровны. Осенью 1920 г. в Рукописный отдел Пушкинского Дома поступили бумаги архива из села Дубровицы, принадлежавшего ранее князьям Голицыным и перешедшего позднее к князьям Васильчиковым. В нем находилось около 130 писем Нелидовой к Марии Федоровне и другим лицам. С. Н. Казнаков получил к ним доступ с помощью Б. Л. Модзалевского. Более того, вскоре хранителем Гатчинского дворца-музея В. К. Макаровым был случайно найден ящик с 401 письмом Нелидовой, из которого 61 до того времени не было известно Казнакову. В итоге работа над рукописью была продолжена и заняла около 30 папок и тетрадей небольшого объема, составленных по хронологическому принципу<sup>25</sup>.

<sup>21</sup> РГИА. Ф. 948. Оп. 1. Д. 181. Л. 10 об. Примечательно, что «миновать» Шпалерную улицу Казнакову всё же не удалось: в 1920-е гг. он проживал в доме № 6, кв. 4 по улице Войнова.

<sup>22</sup> РГИА. Ф. 948. Оп. 1. Д. 181. Л. 5 об. — 6. Опубликовано: *Скурлов В. В., Рупасов А. И.* Дневник арестованного Чрезвычайной комиссией при посещении Датского Красного Креста С. Н. Казнакова во время содержания его под стражей с 20 по 24 мая 1919 г. // Петербургский исторический журнал. 2014. № 3. С. 249–274.

<sup>23</sup> Рукописный отдел ИРЛИ. Ф. 424. Д. 37. Л. 19–20 и др.

<sup>24</sup> Краткое описание книг, гравированных портретов и эстампов, миниатюр и медалей Екатерининской эпохи... С. 3–6.

<sup>25</sup> Архив СПбИИ РАН. Ф. 188. Оп. 1. Д. 41, 42.

Издать ее в Советской России не представлялось возможным, и 11 октября 1924 г. Сергей Николаевич подал прошение на отправку рукописи за границу для ее перевода на немецкий язык и публикации. За основу был взят текст, написанный, видимо, до 1917 г. В нем сиреневыми чернилами были сделаны различные исправления и дополнения. Они касались не только политических нюансов, поэтому можно предположить, что правка сделана самим автором. Что же не устроило его в старом тексте? Прежде всего, были сняты многие сетования на послереволюционные порядки. Так, накрест зачеркнута фраза о том, что личность одного из авторов документов «могла бы быть без особого труда установлена в другое, более легкое для архивных изысканий время». Между тем другая фраза была изменена в противоположную сторону: «Остается только пожелать, чтобы со временем удалось найти в архиве Собственной его Императорского Величества библиотеки в Зимнем дворце (зачеркнуто. — И. С.) письма императрицы Марии Федоровны к Е. И. Нелидовой за 1825–26 гг., если они не подверглись уничтожению (дописано автором. — И. С.)»<sup>26</sup>.

С другой стороны, после исправлений стиль текста стал гораздо суше. Были вычеркнуты многие эмоциональные реплики автора, не носившие политического характера. Так, вместо словосочетания «православное богопочитание» было написано просто «православие», зато оставлено выражение «христианское благочестие». Можно предположить, что политические катаклизмы наложили серьезный отпечаток на личность исследователя, хотя светский лоск члена высшего общества продолжал чувствоваться в его поведении.

В архивах сохранились черновики и к другим рукописям, так и не увидевшим свет. Например, «Книжки о белом фарфоре», писавшейся предположительно в 1918–1919 гг., подготовительные материалы к статье «Русские граверы-любители XVIII века», собиравшиеся в течение 10 лет вплоть до 1917 г.<sup>27</sup> К сожалению, в тот момент эти работы остались невостребованными.

В середине 1920-х гг. Сергею Николаевичу пришлось покинуть Россию. Он скончался 19 апреля 1930 г. и был похоронен под Парижем на знаменитом кладбище Сент-Женевьев-де-Буа вместе с младшим братом, известным путешественником Александром Николаевичем Казнаковым (1871–1933)<sup>28</sup>.

Таким образом завершился жизненный путь историка, искусствоведа и дипломата С. Н. Казнакова. Безусловно, его имя не упоминается в списке известных исследователей, однако именно на плечи этого слоя энтузиастов лег огромный пласт черновой работы (в частности при подготовке Русского биографического словаря). В их задачи вошло не только собирание исследо-

<sup>26</sup> Архив СПбИИ РАН. Ф. 188. Оп. 1. Д. 14. Л. 11, 116.

<sup>27</sup> РГИА. Ф. 948. Оп. 1. Д. 183, 184.

<sup>28</sup> *Grezine I. Inventaire nominatif des sépultures russes du cimetière du Sainte-Geneviève-des-Bois.* Paris, 1995. P. 162.

вательского материала, укрепление связей между специалистами, но и сохранение этого культурного наследия в послереволюционные годы. Потеря части источникового материала, оперирование принципиально иным научным и бытовым лексиконом делают изучение деятельности этих исследователей актуальным и в наши дни.

#### References

*Grezine I.* Inventaire nominatif des sépultures russes du cimetière du Sainte-Geneviève-des-Bois. Paris, 1995. P. 162.

*Kaznakov S.N.* Paketovye tabakerki Imperatorskogo farforovogo zavoda. SPb., 1913.

Kratkoe opisaniye knig, gravirovannykh portretov i estampov, miniatyur i medalei Ekaterininskoi epohi iz sobraniya S.N. Kaznakova. SPb., 1903.

*Kubochkin S.N.* General Kaznakov — prosvetitel' Tyumeni // Lukich. Tyumen', 2002. № 2. P. 168–179.

*Rummel V. V., Golubtsov V. V.* Rodoslovnyy sbornik russkikh dvoryanskikh familii. T. 1. SPb., 1886. P. 345–350; T. 2. SPb., 1887. P. 854.

*Saviitskii I. V.* Sergei Nikolaevich Kaznakov: obzor istochnikov k biografii // Istoriografiya istochnikovedeniya i vspomogatelnykh istoricheskikh distsiplin: Materialy XXII Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. M., 2010. P. 334–336.

*Skurlov V. V., Rupasov A. I.* Dnevnik arestovannogo Chrezvychainoi komissiei pri poseshenii Datskogo Krasnogo Kresta S.N. Kaznakova vo vremya sodержaniya ego pod strazhei s 20 po 24 maya 1919 g. // Peterburgskii istoricheskii zhurnal. 2014. № 3. P. 249–274.

«Svidanie dolzhno byt' obstavleno тайной...» / Publ. B. Galperinoi // Istochnik. 1993. № 3. P. 22–28.

*fon Vinkler P. P.* Rodosloviya russkogo dvoryanstva. Dvoryane Kaznakovy. SPb., 1895.

#### Список литературы

*Казнаков С. Н.* Пакетовые табакерки Императорского фарфорового завода. СПб., 1913.

Краткое описание книг, гравированных портретов и эстампов, миниатюр и медалей Екатерининской эпохи из собрания С. Н. Казнакова. СПб., 1903.

*Кубочкин С. Н.* Генерал Казнаков — просветитель Тюмени // Лукич. Тюмень, 2002. № 2. С. 168–179.

*Руммель В. В., Голубцов В. В.* Родословный сборник русских дворянских фамилий. Т. 1. СПб., 1886. С. 345–350; Т. 2. СПб., 1887. С. 854.

*Савицкий И. В.* Сергей Николаевич Казнаков: обзор источников к биографии // Историография источникововедения и вспомогательных исторических дисциплин: Материалы XXII Международной научной конференции. Москва, 28–30 января 2010 г. М., 2010. С. 334–336.

«Свидание должно быть обставлено тайной...» / Публ. Б. Гальпериной // Источник. 1993. № 3. С. 22–28.

*Скурлов В. В., Рупасов А. И.* Дневник арестованного Чрезвычайной комиссией при посещении Датского Красного Креста С. Н. Казнакова во время содержания его под стражей с 20 по 24 мая 1919 г. // Петербургский исторический журнал. 2014. № 3. С. 249–274.

*фон Винклер П. П.* Родословия русского дворянства. Дворяне Казнаковы. СПб., 1895.

*Grezine I.* Inventaire nominatif des sépultures russes du cimetière du Sainte-Geneviève-des-Bois. Paris, 1995.

**В. В. Носков**

## Невеликая Французская революция

**По поводу статьи Д. Ю. Бовыкина «Французская революция XVIII в. в школьных учебниках России» (Французский ежегодник 2014. М., 2014)<sup>1</sup>**

Чтение этой, безусловно, интересной статьи вызывает противоречивые чувства. С одной стороны, автор подметил несколько очевидных ошибок, попавших на страницы школьных учебников, за что его можно только поблагодарить. С другой, манера и тональность, в которой Д. Ю. Бовыкин проводит свой анализ, далеко не во всем соответствует нормам профессиональной, да и чисто человеческой этики. Несколько ошибок подмечено им и в учебнике, написанном автором этих строк в соавторстве с Т. П. Андреевской, однако наш уважаемый критик не потрудился разобраться, кто именно их допустил, бросив тень на признанного специалиста в области методики преподавания истории. Ответственность за указанные им недостатки лежат исключительно на мне как на авторе основного текста учебника, Татьяна Павловна подготовила методический аппарат, что при желании было нетрудно установить. Профессиональные историки прекрасно знают, кто есть кто среди авторов учебников, менее профессиональные могут навести справки в интернете. Сами по себе утверждения типа

---

<sup>1</sup> Этот текст предназначался для публикации в «Вопросах истории», поскольку поднятые здесь вопросы представляют интерес для всей нашей профессиональной корпорации. Однако мой ответ на статью Д. Ю. Бовыкина не прошел московскую цензуру, поэтому был передан для публикации в журнал, свободный от цензурных ограничений.

«В. В. Носков и Т. П. Андреевская пишут...» вызывают недоумение. Неужели Д. Ю. Бовыкин думает, что соавторы работают в четыре руки, сидя за одним компьютером?

Большие сомнения вызывает также склонность рецензента к групповому цитированию, когда он выдергивает цитату из одного конкретного учебника, но в ссылке на нее указывает еще несколько других, возводя таким образом напраслину на их авторов и вводя в заблуждение читателя. При этом рецензент не брезгает и элементарной подменой понятий, заменяя, например, упоминаемый мною «класс предпринимателей в целом» более удобными для него «предпринимателями-капиталистами» (с. 343). Понятие «капиталист» используется мною совершенно в другом контексте и вне связи с генезисом понятия «буржуазия». Попутно наш рецензент требует от авторов школьных учебников разъяснить ему, «где и когда именно проходит граница, за которой бюргер превращается в капиталиста». Было бы лучше, если бы Д. Ю. Бовыкин указал здесь источник, где содержится тот ясный и определенный ответ на этот вопрос, который он хочет услышать. Если тайна сия введена ему самому, почему он не поделится ею со своими коллегами? На указанной здесь же странице нашего учебника отсутствует приписываемое нам утверждение, что во Французской революции победила «именно буржуазия». В связи с этим хотелось бы посоветовать рецензенту читать учебники полностью, а не выдергивать из них цитаты, весьма приблизительно соответствующие его критическому замыслу. Моя позиция относительно буржуазного характера революций раннего нового времени абсолютно четко выражена в соответствующих параграфах, посвященных всем этим революциям, начиная с Нидерландской и заканчивая Американской. Определение «буржуазная» с необходимыми оговорками употребляется только в связи с первой из них и во введении к разделу по истории XVIII в. Но оно не используется в параграфах, посвященных всем остальным революциям, включая Французскую.

В чем суть претензий рецензента по поводу «феодальных отношений» — совершенно непонятно, при этом, приводя их определение из другого учебника (какого — тоже неясно, с. 344), он снова подверстывает в сноске наш учебник, в котором ничего подобного не говорится. На следующей странице рецензент демонстрирует, что он явно не в ладах с элементарной логикой. В его утверждении, подкрепленном ссылкой на наш учебник, говорится, что в нем «подчеркнуто именно всевластие монарха», хотя в приведенной следом цитате нет подтверждения этому обвинению. Власть короля называется там «почти абсолютной», причем в тексте поясняется, в чем заключалось это «почти». Обратим внимание, что «почти» — это далеко не «всевластие». Об «абсолютной монархии» говорится не от имени автора учебника, а с использованием безличного глагола «называют». Но ведь ее действительно так называют, вне зависимости от того, существовал ли «абсолютизм» в реальной истории или нет. Понятие

«абсолютизм» вообще не используется на страницах нашего учебника, даже при характеристике правления Филиппа II в Испании. Кроме того, приведенный пример относится к эпохе Людовика XIV, поэтому остается непонятным, зачем рецензент использовал его, рассуждая о Французской революции.

На с. 346 рецензент сетует, что ему «очень сложно понять», какие причины Французской революции «действительно важны, а какие лишь дополняют общую картину». Частичное объяснение этой непонятливости, можно, очевидно, найти в том обстоятельстве, что ему не совсем ясен смысл самого понятия «причины», ибо они определяют ход исторических событий, а не «дополняют картину». Приводимая здесь же сноска снова оказывается не в тему, поскольку наш рецензент отсылает читателя к разделу «Франция накануне революции», в котором характеризуется обстановка в стране накануне великих потрясений, но об их причинах речь не ведется. Что касается численности депутатов Учредительного собрания 1789 г. (с. 349–350), то дело не в точных цифрах, а в их порядке. Приводимые авторами учебников цифры, действительно заимствованные из обобщающих работ по истории Французской революции, дают общее представление о численном составе Собрания, а запоминать их и в самом деле незачем.

Рецензент указывает на неточность, допущенную в нашем учебнике по поводу «Марсельезы», но остается верен себе, некорректно интерпретируя цитату (с. 350–351). Он привязывает мое (а не наше с Т. П. Андреевской) высказывание к июлю 1792 г., хотя в действительности в тексте говорится о событиях, происходивших после объявления войны Австрии с апреля по июль («В ходе этих событий...»). Песня действительно была написана в апреле 1792 г., но Руже де Лиль сочинил вовсе не «Марсельезу», а боевой марш Рейнской армии, который получил свое всемирно известное название уже после того, как марсельцы принесли его в Париж. Упомянув на с. 351 о Якобинском клубе, рецензент утверждает: «У В. В. Носкова и Т. П. Андреевской ни состав клуба, ни его политическая ориентация не проясняются». В данном случае он предусмотрительно избегает отсылки к учебнику, но если обратиться к его тексту, можно убедиться, что и это утверждение не совсем соответствует действительности.

Другой вопрос, что эти, как и многие другие, сюжеты освещаются не так подробно, как хотелось бы, но такого рода претензии рецензент предъявляет не по адресу. Взявшись обсуждать школьные учебники, он в каждой строке своего сочинения демонстрирует полное непонимание жанра и незнание технологии их написания. Обвинять авторов учебников в том, что они не рассказали о том-то или о сем-то, совершенно бессмысленно, поскольку они по рукам и ногам связаны объемом учебника, его структурой и подробно расписанным стандартом школьного исторического образования, а также требованиями издательских редакторов, методистов и учителей писать как можно проще и короче, не вдаваясь в подробности. Каждый же критик требует, чтобы для него подробно расписали именно то, что интересно лично ему, не считаясь ни с об-

щим замыслом учебника, ни с другими вполне реальными ограничителями. Не совсем честно также обвинение авторов в использовании эпитета «Великая» при характеристике Французской революции, ведь они были вынуждены руководствоваться образовательными стандартами, действовавшими на момент написания учебников. Как только Французская революция утратила свое «величие» в директивных документах, архаичная формулировка стала исчезать и из школьных учебников. Она отсутствует, в частности, и в рукописи нового издания нашего учебника. Критикуя издавна утвердившееся в отечественной историографии название революции, наш рецензент проявляет наивную непоследовательность, продолжая использовать для ее обозначения марксистскую формулировку «Французская революция XVIII в.». Зарубежная историография никогда не использовала указание на век для маркировки революции, называя ее просто Французской (*Revolution française, French Revolution*). Поэтому совет опираться и на «отечественную, и зарубежную историографию» наш рецензент должен адресовать в первую очередь самому себе. Дело в том, что Французская революция была единственной и неповторимой в истории. Революции, происходившие во Франции на протяжении XIX в., имели свои индивидуальные названия, поэтому перепутать их невозможно.

Смысл некоторых претензий рецензента остается неясным, поскольку, приводя в критическом контексте цитаты из учебников, он не поясняет, что именно его не устраивает и как нужно трактовать те или иные вопросы. На с. 354 наш рецензент утверждает, что В. В. Носков и Т. П. Андреевская лично переименовали картину «Осада Лиона» в «Разрушение Лиона». Интересно, инкриминируется ли нам предварительный сговор или только добросовестное заблуждение? Неужели столь большой специалист по школьным учебникам не подозревает, что иллюстрации к ним подбирают отнюдь не авторы текста? Не таким простым, как представляется рецензенту, оказывается и вопрос о Конституции 1795 г. (с. 355). Всеобщего избирательного права в современном смысле слова во Франции тогда действительно не существовало. Но предыдущая Конституция 1793 г. провозгласила его в понятиях своего времени: как всеобщее избирательное право для мужчин начиная с 21 года. Именно поэтому творцам термидорианской конституции пришлось вводить некоторые цензовые ограничения для избирателей. Что касается нуворишей, то в учебнике дается не прямая цитата из соответствующей статьи Конституции, в которой это обиходное понятие не могло употребляться, а излагается ее смысл. Сама же статья гласила: «Французский народ равным образом провозглашает как гарантию общественного доверия, что после легального отчуждения национальных имуществ, каково бы ни было их происхождение, законный покупатель не может быть лишен этого имущества».

Очень забавно, что из всех авторов школьных учебников высокого звания «профессиональных историков» наш рецензент достаивает только двоих — своих действительно авторитетных московских коллег, О. В. Дмитриеву

и А. В. Ревякина. Как говорится, без комментариев... Интересно только, какими критериями руководствовался при этом доцент Бовыкин? И достаточно ли хорошо он знает современную историографию, чтобы брать на себя роль верховного арбитра и ранжировать своих коллег по степени профессионализма? Может быть, не только авторам учебников, но и их критику необходимо вспомнить, что «ведь есть статьи, монографии». Криком души звучит призыв рецензента использовать при написании школьных учебников «вузовские учебники, наконец». В связи с этим возникает другой вопрос: а достаточно ли хорошо он знаком с содержанием современных вузовских учебников и какие именно из них он предлагает взять за образец? К сожалению, вузовские учебники отличаются от школьных только объемом, но не точностью содержания. В заключение хотелось бы пожелать нашему рецензенту вдохновлять авторов учебников не только критикой, но и личным примером, и собственными трудами показать, как можно избежать всех отмеченных им недостатков. Однако с тем опытом участия в написании обобщающих трудов во всемирной истории, который имеется у нашего рецензента, ему стоило бы вести себя несколько скромнее. Подводя итоги, можно заключить, что невнимательное прочтение учебников, некорректное цитирование, недобросовестная интерпретация их содержания, недостаточная компетентность рецензента в отдельных вопросах и маловразумительная формулировка им собственной позиции привели к тому, что благой изначально замысел воплотился в жизнь не самым удачным образом. А за указания на имеющиеся ошибки — большое ему спасибо.

*P. S.* Хотелось бы знать, как оценивают статью Д. Ю. Бовыкина авторы других учебников? Думаю, что их мнение было бы интересно многим читателям журнала.



## Аннотации

### **А. А. Андреев. Российско-хивинские отношения в конце XVII — начале XVIII в.**

#### **Декларативная «шерть» или реальное подданство?**

Данная статья посвящена нескольким посольствам из Хивинского ханства в Россию в конце XVII — начале XVIII в., в частности наиболее важному из них — посольству Достекбека Бехадура. Прибыв изначально ко двору главы Приказа Казанского дворца и доставив грамоту от хивинского правителя Шах-Нияза, он тем самым обозначил множество вопросов, которые по сей день имеют дискуссионный характер. В статье была предпринята попытка перевести оригинал грамоты на русский язык. При повторном переводе не совпадают пункты с первоначальным переводом в Посольском приказе. Дополнительные пять пунктов вызывают сомнение относительно желания хивинского ханства вступить в вассальную зависимость от России. При этом некоторые формулировки обращения от хана позволяют говорить о так называемом «союзе и шерти», принятом среди представителей династии джучидов, т.е. всех тех, кто в той или иной степени имел родство с Джучи-ханом, сыном Чингис-хана, таковыми являлись и хивинские ханы. Сравнивая подобные вассальные отношения «союза и шерти» Крымского ханства с Османской империей с «подданством» хивинского ханства, мы видим со стороны последнего в лучшем случае декларацию о намерениях, нежели действительно классический вариант подчинения сюзерену, принятого в странах Ближнего Востока и Средней Азии, о чем ярко свидетельствуют последовавшие далее трагические события, связанные в частности с гибелью миссии Александра Бековича Черкасского.

**Ключевые слова:** Россия, Хивинское ханство, миссия Александра Черкасского, Средняя Азия, международные отношения.

### **Е. А. Андреева. Хендрик Крюйс, магазин «Ява» и голландские плитки во дворце Меншикова**

Статья рассказывает о выходце из голландской деревни Фризенвейн Хендрике Крюйсе, семья которого, начиная с прадеда, вела торговые дела в Петербурге. Хендрик прибыл на берега Невы в 16 лет, долго работал в фирме родственников, а потом основал собственную фирму «Ява». Хендрик Крюйс знаменит тем, что познакомил россиян с какао, объездил всю Россию и все основные события своей жизни тщательно фиксировал в дневнике. Именно фирма Хендрика Крюйса, торговавшего помимо какао, кофе и чая еще знаменитыми голландскими фаянсовыми изделиями, получила заказ Первого Кадетского корпуса на поставку расписных фаянсовых плиток для реставрации исторических помещений — «комнат Меншикова». В настоящем исследовании подробно излагается история заказа, доставки и отделки помещений этими плитками. Кроме того, повествуется о том, что из себя представлял этот отделочный материал, дается его история, говорится, когда он появился в России и в частности во дворце Меншикова, ставшем позднее Кадетским корпусом. Дается анализ голландских плиток, которыми отделаны помещения дворца Меншикова. Кроме того, в статье подробно изучается вопрос о том, какие мануфактуры могли выполнить заказ плиток для Кадетского корпуса и приводятся доказательства того, что сделанный ранее в литературе вывод о том, что эти плитки были сделаны в Харлингене на мануфактуре Tjallingii, не имеет под собой доказательной базы.

**Ключевые слова:** Хендрик Крюйс, дворец Меншикова, Петербург, реставрация, торговля, фаянс.

### **Т. В. Андреева. Николай I и финляндский вопрос. 1830–1831 гг.**

Статья посвящена анализу ситуации, сложившейся вокруг финляндского вопроса в 1830–1831 гг. Основное внимание уделено выявлению социально-политических причин, изучению событий европейской жизни и явлений истории Великого княжества Финляндского, которые повлекли актуализацию финляндской политики самодержавия в начале 1830-х гг. В центре — вопрос о том, какими мотивами руководствовался Николай I, в столь сложный для России момент обращая особое внимание на Финляндию. В статье продемонстрировано, что европейские потрясения 1830 г. и развернувшаяся в связи с ними «информационная война» заставили верховную власть выдвинуть на первый план задачи охранения основ существующей имперской системы. Изучена практика контрпропагандистского противодействия идейной интервенции Запада и показаны механизмы целевого воздействия на общественное мнение Европы и Финляндии. В качестве основного источника использована

«Статья о Финляндии 1831 г. с поправками Николая I», созданная по инициативе императора и прошедшая высочайшую цензуру, в которой нашли отражение процессы формирования идеологического противостояния Западу.

**Ключевые слова:** Великое княжество Финляндское, Российская империя, Николай I, Р. Х. Ребиндер, А. А. Закревский, А. Х. Бенкендорф, революции во Франции и Бельгии, Польское восстание, лейб-гвардии Финский стрелковый батальон, А. Рамзай.

### **И. Е. Барькина. Из записок графа Д. Н. Толстого: особенности государственного управления 1820-х — 1860-х гг.**

Статья посвящена ключевым моментам внутренней политики Российской империи второй и третьей четверти XIX в., представленным в записках графа Д. Н. Толстого. Он был типичным чиновником царствования Николая I, однако пик его служебной карьеры пришелся на период активного законотворчества царствования Александра II. Государственная деятельность Д. Н. Толстого была связана с Комиссией прошений, службой в Царстве Польском и Прибалтийском крае, управлением центральными губерниями и, наконец, Министерством внутренних дел. Его поприщем стала административная деятельность. Д. Н. Толстой принадлежал к поколению непрофессиональных бюрократов, которое опытным путем постигало сложности государственной службы. По своим взглядам он был классическим консерватором, неохотно принимавшим либеральные преобразования 1860-х гг. Тем не менее ему пришлось принять участие в разработке полицейской реформы 1862 г. Толстой входил в число близких сотрудников П. А. Валуева, министр делился с ним мыслями о программе действий и привлекал к выполнению ответственных поручений. Д. Н. Толстой неоднократно принимался за написание мемуаров, но они остались в виде разрозненных записок, опубликованных журналом «Русский архив». В поле зрения историков оказался один из фрагментов записок, однако все воспоминания Толстого заслуживают внимания. Эти записки не только отражают мировоззрение представителя родовитого помещного дворянства, но и воссоздают работу центральных органов власти и местной администрации в период разработки и осуществления великих реформ. В исторической памяти фигура Д. Н. Толстого оказалась в тени его племянника Д. А. Толстого, на формирование взглядов и чиновничью карьеру которого он оказал большое влияние.

**Ключевые слова:** внутренняя политика, самодержавие, государственное управление, правительственный конституционализм, реформы, Российская империя, Министерство внутренних дел, бюрократия, мемуары, губернаторы, конфессиональная политика, полиция исполнительная.

**Ю. Н. Беспятых. О терминах «дворяне» и «шляхта» в России при Петре I (К полемике по поводу грамотности и происхождения А. Д. Меншикова)**

По словам главного редактора издательства «Большая Российская энциклопедия» С. Л. Кравца, ошибка, вкраившаяся в энциклопедию, повторяется в других научно-справочных и прочих публикациях, материалах СМИ 70 тыс. раз. Автор настоящей статьи, предположив, что неточности, допущенные в многотиражном научно-популярном журнале, тоже с неизбежностью вселяют ложное знание в умы многих читателей, возобновил полемику о грамотности и происхождении А. Д. Меншикова — выдающегося государственного и военного деятеля, ближайшего сотрудника Петра I. Речь главным образом идет об утверждениях профессора Н. И. Павленко применительно к самому концу XVII в., обнародованных в журнале «Наука и жизнь»: «Напомню, прежде всего: тогда дворянином называли человека, служившего при царском дворе. Иначе говоря, слово “дворянин” имело совсем иное значение, чем то, которое оно приобрело позже. При Петре дворян в современном понимании слова называли шляхтой». В статье обоснована ошибочность этих тезисов и показано, что они, судя по прежним трудам Н. И. Павленко, противоречат его собственным убеждениям. Установлена, далее, несостоятельность аргументов, выдвигаемых профессором в защиту положений о полной неграмотности А. Д. Меншикова.

**Ключевые слова:** источниковедение, А. Д. Меншиков, Петр I, дворянство, шляхта, грамотность, Н. И. Павленко.

**Д. В. Веденеев. Инспирирование церковных расколов 1920-х — начала 1930-х гг. на Украине (страницы биографии чекиста Сергея Карина-Даниленко)**

В статье на основе ранее засекреченных документов советских органов государственной безопасности освещаются организация, формы и методы деятельности Государственного политического управления (ГПУ) Украинской ССР, направленной на притеснения и преследование церкви путем внесения искусственных расколов и нестроений. Исследуется роль в этом процессе ведущего сотрудника, затем — руководителя «антирелигиозного» подразделения Секретно-политического управления ГПУ УССР С. Карина-Даниленко. Рассматривается состояние основных религиозных конфессий в Советской Украине в 1920-х — начале 1930-х гг. Исследуется комплекс оперативных методов, применявшийся органами ГПУ для разложения конфессиональной среды республики. Освещается стратегия агентурно-оперативного подрыва (раскола)

православия Украины. В частности, говорится о главном инструменте спецслужб — инспирировании многочисленных церковных расколов, нестроений и простого стравливания иерархов Российской Православной церкви (РПЦ) и «обновленчества», противопоставлении канонической РПЦ Украинской автокефальной церкви.

Успехи С. Карина-Даниленко по «церковной линии» были обусловлены сочетанием личных профессиональных и морально-психологических качеств. Современники и коллеги отмечали его эрудицию, работоспособность, артистичность, коммуникабельность, готовность к оперативному риску и творческому подходу, прекрасное знание религиозной среды и ее деятелей. Автор приходит к выводу о том, что результативность агентурно-оперативных мероприятий обеспечивалась тем, что за результативным оперработником стояли мощь авторитарного, агрессивно-атеистического государства, применявшего массовые физические репрессии против священнослужителей и «церковников» (твердо верующих мирян), обширные возможности спецслужбы с ее тотальным осведомлением и вездесущим агентурным аппаратом, быстро накапливавшей опыт оперативной разработки религиозной среды в свете политических директив и идеологической доктрины компартийной верхушки.

**Ключевые слова:** Православная Церковь, преследование религии в СССР, церковные расколы, политические репрессии, органы государственной безопасности СССР.

### **В. А. Веретенко. Религиозное воспитание детей в дворянских семьях России во второй половине XIX — начале XX в.**

В статье анализируются особенности религиозного воспитания детей в христианских дворянских семьях России в пореформенный период. Несмотря на проявляемый в современной исторической науке интерес к проблемам истории детства, данная тема до сих пор не становилась предметом самостоятельного научно-исторического исследования. Автор обращает внимание на деятельность родителей, воспитателей и прислуги по ознакомлению детей с христианской обрядностью, усвоению ими церковного календаря, знаний молитв и текстов Св. Писания. Исследуются возможности по приобщению детей к догматической и эмоционально-духовной сторонам вероучения. Особое внимание уделяется практике соблюдения в дворянских семьях постов, вопросам организации и характера проведения религиозных праздников, знанию детьми молитв, а также проблеме посещения храмов юными дворянами и дворянками. В статье показано, что религиозное воспитание в семьях российских дворян во второй половине XIX — начале XX в. либо вообще не занимало воспитателей, являясь лишь одной, и при этом далеко не главной составной частью

процесса подготовки дворянских детей к школе, либо носило весьма формальный, внешний характер. Отмечено, что значительно бóльшую, чем родители, роль в эмоционально-нравственной стороне веры играли прислуга и воспитатели (наставники). В результате накануне поступления в школу большинство детей российских дворян были своего рода «стихийно верующими», со следующими присущими им характеристиками — наличием веры в сверхъестественное; опытом (в большинстве случаев) посещения церкви и участия, или хотя бы наблюдения, за молитвенной практикой; знанием, но при очень выборочном соблюдении, религиозного календаря; высокой информированностью о содержании Библии, но при отношении к этому содержанию как к учебному предмету.

**Ключевые слова:** пореформенная Россия, религиозное воспитание, дворянская семья, церковь, родители, воспитатели, дети, молитва, обряд, пост, христианские праздники.

### **А. В. Ганин. «Старый Генштаб... по-прежнему крайне отрицательно относится к нам».**

#### **Новые документы о борьбе выпускников ускоренных курсов Николаевской военной академии за свои права в Красной армии**

В статье публикуются новые документы о корпоративизме выпускников ускоренных курсов Николаевской военной академии из фондов Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. Документы представляют несомненный интерес как с точки зрения истории корпоративной борьбы курсовиков, так и в отношении истории Красной армии и ее командного состава. Отход от прежней жесткой субординации, предопределявшейся упраздненными чинами, проникновение курсовиков на высокие посты в Красной армии укрепили корпоративный дух выпускников курсов и подготовили почву для их коллективной борьбы за свое положение в новой армии. В личном фонде выпускника ускоренных курсов 2-й очереди Военной академии, бывшего штабс-капитана В. М. Цейтлина из собрания Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи в Санкт-Петербурге сохранились ценнейшие документальные свидетельства о борьбе выпускников курсов за свои права. Цейтлин был одним из активистов выпуска, поэтому бывшие однокашники направляли ему такого рода документы. Открытые коллективные письма военспецов с критикой порядков РККА вполне характеризуют атмосферу той эпохи, изменившей представления о границах возможного даже у кадровых боевых офицеров, какими были молодые выпускники курсов академии. Однако попытки курсовиков давить коллективным мнением не только на бывших офицеров, но и на большевистское руководство закончились для подписантов коллективных петиций плачевно. В 1919 г. целая группа

курсников подверглась арестам. Новые проявления корпоративной солидарности военспецов прослеживаются уже по окончании широкомасштабной Гражданской войны.

**Ключевые слова:** Николаевская военная академия, ускоренные курсы, Генштаб, корпоративизм.

### **А. Е. Карначёв. РНБ греч. 113: перевод сочинений Арнальдо де Вилланова на греческий язык, выполненный на латинском Востоке в XIV столетии**

Статья посвящена рассмотрению кодикологических особенностей единственного списка перевода религиозно-мистических сочинений каталонского медика Арнольда из Виллановы (ок. 1240–1311) на греческий язык, хранящегося ныне в Российской национальной библиотеке. Обилие западноевропейских черт в оформлении рукописи, а также присутствие на ее полях латинских глосс, отражающих процесс сличения текста перевода с оригиналом, и греческих вставок в тексте, выполненных негреческой рукой, заставляет предположить происхождение рукописи из латинского скриптория. Делается попытка локализовать список в регионе, подчиненном влиянию латинских королевств Востока XIII–XIV вв.

**Ключевые слова:** палеография, кодикология, текстология, средневековый перевод, глоссы, маргиналии, Арнольд из Виллановы, мистицизм, Анджело Кларено, минориты, иоахимиты, бегины.

### **Н. М. Корнева, М. Ю. Крапивин. Следственное дело сотрудников Ленинградского центрального исторического архива (март–август 1929 г.)**

Согласно Декрету от 1 июня 1918 г., архивы высших и центральных учреждений и ведомств Российской империи образовали Единый государственный архивный фонд (ЕГАФ). Архив Святейшего Правительствующего Синода Русской церкви вошел в состав 2-го Петроградского отделения IV секции (с 1923 г. — Историко-культурной секции) ЕГАФ. Управляющим 2-го отделения был назначен К. Я. Здравомыслов, его помощником — Н. В. Туберозов. В мае 1925 г. на базе местных отделений секций ЕГАФ был образован Ленинградский центральный исторический архив (с 23 марта 1929 г. — Ленинградское отделение Центрального исторического архива РСФСР).

В начале 1929 г. в органы правопорядка поступает информация, что бывший Синодальный архив разворовывается, а украденные материалы продаются частным лицам и организациям. Расследование уголовных обвинений в адрес

сотрудников весной 1929 г. было поручено органам ОГПУ. Многие эпизоды в ходе следствия документального подтверждения не нашли. Тем не менее персональная ответственность за пропажу части документов была возложена на руководителей бывшего архива Синода. Сознательное приведение Синодального архива в «хаотичное» состояние создавало, по мнению чекистов, благоприятные условия для хищений.

Вместе с тем в тексте обвинительного заключения органы ОГПУ делали акцент на политических аспектах обвинения в адрес сотрудников архива (саботаж и вредительство). Следствие сочло доказанным, что Здравомыслов и Туберозов использовали свое должностное положение во вред советской власти, всемерно препятствуя борьбе пролетарского государства с церковными структурами за освобождение трудящихся от религиозного влияния. В соответствии со статьей 58–10 Уголовного кодекса 20 ноября 1929 г. Здравомыслов и Туберозов были лишены права проживания в пяти крупнейших городах СССР (Москве, Ленинграде, Киеве, Харькове, Одессе) сроком на три года. В статье излагаются подробности уголовного дела сотрудников Ленинградского центрального исторического архива (март–август 1929 г.).

**Ключевые слова:** Архив Святейшего Правительствующего Синода Русской церкви; Ленинградский центральный исторический архив; хищение архивных документов с последующей продажей украденного частным лицам и организациям, политические обвинения сотрудников архива (саботаж и вредительство).

### **А. А. Непомнящий. Академик Крачковский и кримоведение 20-х гг. XX в.: две малоизвестные командировки**

На основе архивных документов личного фонда Игнатия Крачковского из Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук (писем, отчетов, дневников) и документов Государственного дворца-музея тюрко-татарской культуры в Бахчисарае восстановлены научные контакты известного ориенталиста с крымскими учеными-историками, крупными музейными работниками О.-Н. А. Акчокраклы, У. А. Боданинским, С. Б. Ефетовым, И. Н. Лемановым, А. И. Маркевичем, П. Я. Чепуриной, Б. В. Чобанзаде, Н. Л. Эрнстом и др. Первая поездка Крачковского в Крым в 1924 г. была предпринята по приглашению Крымского университета им. товарища М. В. Фрунзе. Больше, чем чтение лекций на Восточном отделении провинциального вуза, Крачковского интересовали арабские рукописи, сохранившиеся в крымских книжных, музейных и частных собраниях. Академик предпринял изучение рукописей в фондах Государственного дворца-музея тюрко-татарской культуры в Бахчисарае и караимской библиотеки Карай-



битиклиги в Евпатории. Рассматривается версия о том, что перевоз этого уникального книжного собрания из Евпатории в Ленинград санкционировал И. Ю. Крачковский. Вторая командировка в 1929 г. была санкционирована Академией наук СССР. Основное внимание академика привлекли надписи, выявленные в результате раскопок 20-х гг. XX в. в Старом Крыму. Найденные там памятники поместили в специально созданное хранилище, где образовалось более сотни экспонатов, которые изучались. Сложившиеся в ходе поездок научные и личные контакты оказали заметное влияние на дальнейшее развитие крымоведения.

**Ключевые слова:** И. Ю. Крачковский, У. А. Боданинский, А. И. Маркевич, крымоведение, востоковедение, Крымский университет, караимы, крымские татары.

### **Лайла Нордквист. Несколько челобитных из Новгородского оккупационного архива**

В 1611–1617 гг. Новгород и прилегающие территории находились под шведской оккупацией, но управление осуществлялось как шведским военачальником Якобом Делагарди, так и русским воеводой Иваном Никитичем Большим Одоевским. Отложившиеся в Государственном архиве Швеции документы так называемого Новгородского оккупационного архива состоят примерно из 30 000 страниц и разделены на две серии. Серия I состоит из 143 книг или тетрадей (около 23 000 страниц); серия II — из 368 свитков — столбцов разной длины (около 7000 страниц). После заключения в 1617 г. Столбовского мирного договора архивы были вывезены в Швецию.

На протяжении лет оккупации властям были поданы несколько сот челобитных от отдельных лиц и групп лиц. В данном случае публикуется двенадцать челобитных. Они отражают характер взаимоотношений граждан и власти. Челобитные служили средством коммуникации между частными лицами и государственными институтами. Они имели довольно жестко фиксированную структуру, формат, учитывали как политические реалии, так и язык канцелярии, отражали сложную обстановку в городе. Челобитные хотя и были написаны в традиционном русском формате, однако авторы в них не обращались к русскому царю, они адресовали свои обращения королю Швеции или младшему брату короля Густава II Адольфа Карлу Филиппу.

**Ключевые слова:** Якоб Делагарди, архивы, повседневная жизнь, дьяк, Столбовский мирный договор, Смутное время, челобитные.

## **А. П. Павлов. Из истории родового княжеского землевладения в XVII в. (судьба родовых вотчин князей Ростовских)**

Статья посвящена изучению эволюции родового землевладения князей Ростовских в первой половине XVII в. Автор показал, что серьезный урон родовому землевладению князей Ростовских был нанесен в годы опричнины Ивана Грозного. К концу XVI в. они владели лишь незначительными остатками родовых вотчин в Ростовском уезде. В первой половине XVII в. князья Ростовские старались сохранить и вернуть родовые вотчины в Ростовском уезде. Однако вернуть утраченные в годы опричнины родовые вотчины было непросто. Со времени опричных конфискаций княжеских вотчин (1565 г.) до начала царствования Михаила Федоровича Романова прошло более 40 лет, и по закону потомки утрачивали права на их возвращение. В первый год царствования Михаила Романова (в 1613 г.) князьям Владимиру Ивановичу и Петру Владимировичу Бахтеяровым-Ростовским была пожалована бывшая родовая вотчина князей Бахтеяровых в Ростовском уезде, но они получили ее в качестве особого государева пожалования за особые заслуги. С другой стороны, попытки князя Михаила Михайловича Темкина-Ростовского вернуть утраченную в опричнину родовую вотчину князей Темкиных были признаны незаконными. Автор пришел к выводу о том, что к середине XVII в. после неудачной попытки князей Темкиных-Ростовских вернуть себе часть бывших родовых вотчин и после перехода вотчин князей Бахтеяровых-Ростовских и Приимковых-Ростовских в руки представителей других родов родовое вотчинное землевладение князей Ростовского дома в Ростовском уезде полностью прекратило свое существование.

**Ключевые слова:** землевладение, князья Ростовские, вотчина, родовые земли, опричнина, писцовые книги, акты, село, деревня, право наследования, право выкупа.

## **И. С. Ратьковский. Белые репрессии в Оренбуржье в период Гражданской войны в России в 1917–1919 гг.**

В статье раскрываются особенности белых репрессий в период Гражданской войны на территориях оренбургского казачьего войска. Показывается роль в этих репрессиях оренбургского атамана генерала А. И. Дутова, который часто бравировал своим личным участием в них. Статья приводит свидетельства взаимосвязи белого террора и военных действий. Особенностью белого террора на оренбургских территориях также являлись репрессии против красного казачества, а также дисциплинарные репрессии, хотя в основном они затронули городские слои населения. Сами репрессии в регионе носили массовый характер и сыграли свою роль в поражении Белого движения в регионе.

**Ключевые слова:** А. И. Дутов, Гражданская война в России, смертная казнь, белый террор, Оренбург, Оренбургское казачье войско.

**А. И. Рупасов. «В кругах германского правительства статья вызвала переполох».****Дело Кайсарова–Шварсалона, 1932 г.**

Политическое руководство Советского Союза в 1920–1930-х гг. было постоянно озабочено контролем над публикациями по внешнеполитическим проблемам в средствах массовой информации. Дефицит квалифицированных журналистских кадров, стремление политического руководства скрыть истинные цели внешнеполитических акций и собственную нерешительность или слабость, а также отказ предоставить народному комиссариату иностранных дел реальные возможности для предварительной цензуры статей по международным проблемам создавали почву для появления в печати материалов, не совпадающих по своему содержанию с официальной позицией. Случаев появления таких статей было довольно много. Попытки народного комиссариата иностранных дел исправить ситуацию оказывались неудачны. Однако именно публикация статьи «Военная мощь Германии» в одной ленинградской газете в августе 1932 г. повлекла исключительно резкую реакцию Политбюро ЦК ВКП(б). Появление статьи в тот момент было неуместным, так как именно тогда советское руководство пыталось противостоять наметившимся изменениям в политике кабинета Франца фон Папена. Главными виновниками публикации статьи были признаны инженер Кайсаров и исполнявший обязанности заведующего отделом иностранной информации в «Вечерней красной газете» Шварсалон. В результате следствия, которое было проведено в Ленинграде Государственным политическим управлением, в большинстве советских печатных изданий были либо закрыты отделы международной информации, либо резко сокращено количество сотрудников.

**Ключевые слова:** Германия, СССР, Франция, Кайсаров, Шварсалон, ОГПУ, Политбюро ЦК ВКП(б), международные отношения.

**И. В. Савицкий. К биографии Сергея Николаевича Казнакова**

Статья посвящена творческой деятельности чиновника Министерства иностранных дел Российской империи, шталмейстера Императорского Двора Сергея Казнакова (1863–1930) — историка, генеалога и искусствоведа. Материал основан на фондах четырех архивов Санкт-Петербурга — Российского государственного исторического архива, Рукописного отдела Института русской литературы (Пушкинский Дом), Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук (РАН) и Санкт-Петербургского филиала архива РАН.

Цель данной статьи — анализ отдельных аспектов жизни С. Н. Казнакова и его творчества как типичного представителя группы историков-любителей,

не сделавших историю своей официальной профессией. Это не мешало им стать собирателями данных об эпохе, которую пришлось создавать против своей воли.

В статье дан обзор научной деятельности С. Н. Казнакова, анализ его общественных связей и сохранившегося архивного наследия. Отдельное внимание уделено приспособлению ученого к условиям жизни после революции 1917 г. и его отношению к большевизму.

**Ключевые слова:** Сергей Казнаков, революция 1917 г., генеалогия, Григорий Распутин, эмиграция, историк, архивоведение.

### **А. Н. Чистиков. ЛОИИ и Великая Отечественная война**

Данная публикация посвящена истории Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук в годы Великой Отечественной войны и представляет собой часть обширной справки по истории института с 1936 по 1984 г., подготовленной сотрудником института Д. И. Петрикеевым и хранящейся в его личном фонде Научно-исторического архива СПбИИ РАН. На основе архивных материалов автор показал активную работу, которую вели сотрудники института в осажденном Ленинграде и в эвакуации, в частности в Казани и Ташкенте. Справка содержит ранее не публиковавшийся отчет академика Е. В. Тарле о его работе в 1942 г. Публикация снабжена комментарием, содержащим подробные биографические данные обо всех лицах, упоминающихся в справке.

**Ключевые слова:** история СССР, Великая Отечественная война, блокада, Ленинград, Казань, Ташкент, ЛОИИ АН СССР, Д. И. Петрикеев, биографии сотрудников ЛОИИ СССР АН СССР, Научно-исторический архив СПбИИ РАН.

### **М. В. Шкаровский. Русский Свято-Пантелеимоновский монастырь на Афоне в первые годы после окончания Первой мировой войны (1919–1924)**

Статья посвящена тяжелому и в значительной степени переломному периоду в истории русского Свято-Пантелеимоновского монастыря (Руссика) — одной из 20 главных обителей Святой Горы Афон — 1919–1924 гг., когда время расцвета и бурного развития монастыря сменилось его кризисом и постепенным угасанием, поставившим под угрозу само существование обители. В 2016 г. будет отмечаться тысячелетие русского присутствия на Афоне. В этой связи интерес историков и широкой общественности привлекают разные периоды его истории, из которых 1919–1924 гг. являются наименее изученными. Лишь недавно были систематизированы для научного изучения документы архива

Свято-Пантелеимоновского монастыря, которые и стали главной источниковой базой при написании статьи.

После Октябрьской революции и начавшейся в 1918 г. в России Гражданской войны русское афонское монашество оказалось отрезано от родины. При этом значительная часть оставшихся после начала Первой мировой войны и революционных событий в России афонских монахов подверглась репрессиям. В начале 1920-х гг. Свято-Пантелеимоновский монастырь лишился всех своих подворий и другой недвижимости в России, в частности московское, одесское, ростовское, таганрогское и петроградское подворья были потеряны в 1922–1923 гг. из-за их закрытия или захвата обновленцами. Испытывая значительные материальные затруднения, обитель была вынуждена продавать церковную утварь, облачения, иконы, хозяйственный инвентарь. Одновременно пришли в упадок монастырские мастерские и промыслы. В 1920 г. из-за отсутствия средств прекратилась типографская деятельность. Были проданы некоторые принадлежавшие Свято-Пантелеимоновской обители суда, а также часть собрания рукописей монастырской библиотеки. Из-за болезней и недостатка продовольствия значительно сократилось число монахов.

Своеобразным рубежом в истории русских обителей Афона стала выработка 10 мая 1924 г. специальной комиссией «Уставной хартии Святой Горы Афонской» (известной как «Новый канонизм»). После того, как братия Руссика отказалась подписать этот документ, ее положение ухудшилось. До середины 1925 г. один из корпусов монастыря занимали греческие солдаты. В конце 1924 — начале 1925 г. русские обители Афона лишились своих метохов (имений) в Греции, реквизируемых греческим правительством. Гонения на Московский патриархат не позволяли его руководству уделять должное внимание зарубежным обителям. Однако Русская Православная церковь за границей чем дальше, тем больше начала оказывать поддержку своим соотечественникам на Афоне. В частности, туда неоднократно приезжал Первоиерарх Зарубежной Русской церкви митрополит Антоний (Храповицкий), постепенно усилилось паломничество российских эмигрантов. Это позволило Свято-Пантелеимоновскому монастырю выстоять и даже стало одной из причин его нового духовного подъема в 1930-х гг.

**Ключевые слова:** Русский Свято-Пантелеимоновский монастырь, Афон, Московский патриархат, Зарубежная Русская церковь.

## Abstracts

### **A. A. Andreev. Russo-Khivan relations in the late 17<sup>th</sup> — early 18<sup>th</sup> century. Declarative «schert'» or real citizenship?**

Current paper is devoted to several embassies from the Khiva Khanate to Russia in the end of 17<sup>th</sup> — the beginning of the 18<sup>th</sup> centuries. Particularly to the most important of them — embassy of Dostekbeg Behadur. When he arrived to the count of the Head of the Prikaz Kazanskogo Dvorca (department which was responsible for relations with oriental kingdoms near Russian borders) and gave a letter from the ruler of Khiva, and left us with many questions, some of them still no have answers. In current paper, we tried to translate his letter into Russian again and to compare our translation with the original. After translation, we saw that some points are not the same like in original document in Farsi. In first Russian variant were two points, which were not in the original Farsi texts. Particularly point about «desire of vassalage». However, in the original Farsi text we could see some terms, which are close to the famous terms of vassalage in the nomadic world since Chinghis Khan times. By comparing the same vassalage relations Crimean Khans with Ottoman Empire in that case, we see only «declaration of good intentions» instead of real vassalage. Next events in this region, especially tragic death of Alexander Bekovich Cherkasskiy proved it.

**Key words:** Khiva Khanate, Russia, Alexander Bekovich Cherkasskiy, borders, original treatment.

### **E. A. Andreeva. Hendrik Kruijs, store Java and Dutch tiles in the Menshikov Palace**

The article talks about comes from Dutch village Fresenvein Hendrik Kruijs, whose family, beginning with great-grandfather, led a trading business in St Petersburg. Hendrik arrived on the banks of the Neva in 16 years; a long time worked in the company of relatives, and then founded his own firm «Java». Hendrik Kruijs famous acquainted Russians with cocoa, has traveled all over Russia and all the major events of his life is

carefully recorded in the diary. It is firm of Hendrik Kruijs, trading in addition to cocoa, coffee and tea more famous Dutch faience products, received the order of the First Cadet corps for the supply of painted faience tiles for restoration of the historic areas «rooms Menshikov». The present study details the history of the order, delivery and decoration of these tiles. Moreover, it is narrated that were the finishing material, given his history, States that, when he appeared in Russia and, particularly, in the Palace of Menshikov, who subsequently became a Cadet corps. The analysis of Dutch tiles, which finished in the premises of the Menshikov Palace. In addition, the article examined the question of what the factory could fulfill the order of the tiles for the Cadet corps and provides evidence of what has been done previously in the literature, the conclusion that these tiles were made in Harlingen at the manufactory Tjallingii, has no evidence base.

**Key words:** Hendrik Kruijs, Fresenvein, St Petersburg, Menshikov Palace, restoration, manufactory.

### **T. V. Andreeva. Nicholas I and the Finnish question. 1830–1831**

This article analyzes the situation around Finnish question in 1830–1831 focuses on the identification of socio-political reasons, the study of European life events and phenomena of the Grand Duchy of Finland, which has entailed the updating of the Finnish policy of the autocracy in the early 1830s. In the center — the question was the motivation of Nicholas I, in such a difficult for Russia moment focusing on Finland. The article demonstrates that the European upheavals of 1830 and unfolded in connection with them «information war» made the Supreme authority of the first to put forward the task of defending the foundations of the existing Imperial system. Studied the practice of counter the ideological intervention of the West and showed the mechanisms to operate with target public opinion in Europe and Finland. As the main source of the used «Article about Finland 1831 amendment of Nicholas I», created on the initiative of the Emperor and held the highest censorship, which is reflected in the processes of formation of ideological opposition to the West.

**Key words:** Grand Duchy of Finland, Russian Empire, Nicholas I, R. H. Reh-binder, A. A. Zakrevsky, A. H. Benkendorf, revolutions in France and Belgium, the Polish uprising, the Life-guards Finnish rifle battalion, A. Ramsay.

### **I. E. Barykina. The Notes of count D. N. Tolstoy: Features of public administration 1820s — 1860s**

Article focuses on key aspects of the internal policy of the Russian Empire in the second and third quarter of the 19<sup>th</sup> c., presented in the memoirs of Count D.N. Tolstoy. He was a typical officer of the reign of Nicholas I, but the peak of his career came in the period of active lawmaking reign of Alexander II. State activity D.N. Tolstoy

was connected with the Commission petitions, service in the Polish Kingdom and the Baltic region, control of the central provinces, and finally, the Ministry of the Interior. He was engaged in administrative activities. D.N. Tolstoy belonged to the generation of non-professional bureaucracy that empirically came upon the complexity of the civil service. In his views, he was a classic conservative, reluctant to accept the liberal reforms of the 1860s. However, he had to take part in the development of police reform in 1862. Tolstoy was one of the closest collaborators of P. A. Valuev, the minister shared with him his thoughts about the program and the actions required to perform critical assignments.

D.N. Tolstoy repeatedly taken for writing memoirs, but they remained in the form of separate notes, published by the magazine «Russian archive». In the view of historians proved one of the fragments of notes, but all the memories of Tolstoy deserve attention. These notes are not only reflect the worldview representative hereditary landed gentry, but also recreate the work of the central government and the local administration during the development and implementation of great reforms.

In the historical memory the figure D.N. Tolstoy was in the shadow of his nephew, D. A. Tolstoy, whose views on the formation and bureaucratic career he had affected greatly.

**Key words:** internal policy, the autocracy, government, government constitutionalism, reform, the Russian Empire, the Interior Ministry, the bureaucracy, memoirs, governors, confessional politics, the police executive.

### **Yu. N. Bespyatykh. About the terms «dvoryane» and «shlyakhta» in Russia under Peter I (To polemic concerning A. D. Menshikov's literacy and origin)**

According to the editor-in-chief of «The Great Russian Encyclopedia» Publishing House S. L. Kravets, the mistake which occurred in the encyclopedia is repeated in other scientific, reference, and other publications, mass media materials 70 thousand times. The author of the present article, having assumed that the inaccuracies allowed in the high circulation popular scientific magazine with inevitability install false knowledge in minds of many readers as well, resumed polemic about A. D. Menshikov's literacy and origin who was an outstanding state and military figure, the most close associate with Peter I. The article chiefly criticizes professor N. I. Pavlenko's statements concerning the very end of the 17<sup>th</sup> century published in the magazine «Nauka i Zhisn'» («Science and Life»): «I will remind, first of all: then “dvoryanin” was the word used to name a person serving at the Czar's court. In other words, “dvoryanin” had absolutely other meaning, something which it got later. Under Peter ‘dvoryane’ in modern understanding of the word were called ‘shlyakhta’». In the article, the inaccuracy of these theses is proved and it is shown that they judging by former works of N. I. Pavlenko, contradict his own belief. Insolvency



of the arguments, which are put forward by professor in proof of full illiteracy of A. D. Menshikov is further established.

**Key words:** source study, A. D. Menshikov, Peter I, dvoryanstvo, shlyakhta, literacy, N. I. Pavlenko.

### **A. N. Chistikov. LOII and the Great Patriotic War**

This unpublished paper is devoted to the history of Saint-Petersburg Institute of History of Russian Academy of Sciences (the former Leningrad Branch of Institute of History of Academy of Science of the USSR) in the Great Patriotic War. This paper is the small part of the detailed review that describes the history of the Institute from 1936 to 1984. The author of the review is former senior scientific fellow of institute Dmitry Petrikeev. This review was not published and it is contained in fund «D. I. Petrikeev» in the Scientific-Historical Archive of SPbIH RAS. Based on unpublished documents author analyses the real and active study of Institute scientific fellows in besieged Leningrad and in rearward Kazan' and Tashkent. The paper contains unpublished academician Tarle report about his study in 1942. As appendix to the paper this publication contains list of persons with the detailed biographic data.

**Key words:** history of the USSR, the Great Patriotic War, blockade, Leningrad, Kazan', Tashkent, LBIH AS USSR, D. I. Petrikeev, biographies of scientists of LBIH AS USSR, the Scientific-Historical Archive of SPbIH RAS.

### **A. V. Ganin. «The former General staff... remain extremely negative attitude to us». New documents on the struggle of graduates of accelerated courses Nikolaev military Academy for their rights in the red army**

The article publishes new documents on corporative spirit of the graduates of accelerated courses of Nikolas military academy from the collection of the Military historical Museum of artillery, engineer and signal corps. The documents are of great interest both from the point of view of the corporative history of the struggle of graduates, and the history of the Red army and its commanders. A departure from previous rigid hierarchy with abolished ranks, the penetration of graduates on high ranks in the Red army have strengthened the team spirit of graduates of the courses and prepared the ground for their collective struggle for their position in the new army. In the personal collection of the graduate of courses of the 2<sup>nd</sup> stage of the Military academy former captain V.M. Tseitlin from the collection of the Military historical Museum of artillery, engineer and signal corps in St Petersburg remained the most valuable documentary evidence of the struggle of the alumni for their rights. Tseitlin was one of the activists among the alumni, so former classmates sent him

such documents. Open collective letters by military experts criticizing the order in the Red army completely characterize the atmosphere of the era that changed the views on possible limits of behavior even among the cadre officers, to whom belonged young graduates of the academy. However, the attempts of alumni to push with the help of collective opinion, not only on former officers, but also on the Bolshevik leadership ended despondently. In 1919, a group of alumni was arrested. New manifestations of corporate solidarity of the military experts are traced at the end of large-scale Civil war only.

**Key words:** Nicolas military academy, accelerated courses, General staff, corporate spirit.

### **A. E. Karnachov. *Ms. NLR gr. 113: the 14<sup>th</sup> century Greek translation of the treatises by Arnaldo de Villanova (c. 1240–1311) made in the Latin East***

An article aims to show some codicological peculiarities of the unique manuscript, containing the Greek translation of several religious treaties of mystical genre, composed by the famous Catalan physician Arnaldo de Villanova (c. 1240–1311), now at the National Library of Russia, St Petersburg. A great amount of Western treats in the production and the lay-out of the manuscript, both with the Latin marginal glosses, corresponding to its original, and Greek emendations in text, inserted by some non-Greek scribe, make it possible to assume that the codex was written in a Latin scriptorium. A certain effort is made by the author to localize the manuscript within the borders submitted to the influence of the Latin kingdoms in the Greek East of the 13<sup>th</sup>–14<sup>th</sup> c.

**Key words:** palaeography, codicology, textology, medieval translation, glosses, marginalia, Arnaldo de Villanova, mystics, Angelo da Clareno, fraticelli, Joachimites, beguines.

### **N. M. Korneva, M. Y. Krapivin. Criminal case of staff of the Leningrad Central historical archive (March–August, 1929)**

According to the Decree of June 1, 1918 archives of the highest and central establishments and departments of the Russian Empire formed the Uniform State Archive Fund (USAF). The archive of the Holy Ruling Synod of the Russian church was a part of the 2<sup>nd</sup> Petrograd office of the IV section (since 1923 – Historical and cultural section) EGAF. K. Ya. Zdravomyslov was appointed the managing director of the 2<sup>nd</sup> office, his assistant – N. V. Tuberozov. In May, 1925 on the basis of local offices of sections EGAF the Leningrad central historical archive was formed (since March 23, 1929 – the Leningrad office of the Central historical archive RSFSR).

At the beginning of 1929 information comes to law enforcement bodies that the former Synod archive is plundered, and the stolen materials are on sale to individuals and the organizations. Investigation of criminal charges to employees in the spring of 1929 was entrusted to bodies of OGPU. Many episodes during the investigation didn't find documentary confirmation. Nevertheless, personal responsibility for loss of part of documents was conferred on heads of the former archive of the Synod. Conscious reduction of Synod archive in a «chaotic» state created, according to security officers, favorable conditions for plunders.

At the same time, in the text of the indictment bodies of OGPU placed emphasis on political aspects of charge to the staff of archive (sabotage and wrecking). The consequence took for granted that Zdravomyslov and Tuberozov used the official capacity to the detriment of the Soviet power, in every possible way interfering with fight of the proletarian state against church structures for release of workers from religious influence. According to article 58–10 of the Criminal code on November 20, 1929 Zdravomyslov and Tuberozov were deprived of the right of residence in five largest cities of the USSR (Moscow, Leningrad, Kiev, Kharkov, Odessa) for a period of three years. In article details of criminal case of staff of the Leningrad central historical archive are stated (March–August, 1929).

**Key words:** Archive of the Holy Ruling Synod of the Russian church; Leningrad central historical archive; plunder of archival documents with the subsequent sale stolen to individuals and the organizations, political charges of staff of archive (sabotage and wrecking).

### **A. A. Nepomnyashchy. Academician Krachkovsky and studying of the crimea 20s of 20<sup>th</sup> century: two little-known travel**

On the basis of archival documents from the personal fund of Ignatyi Krachkovsky of the St Petersburg branch of the Archive of the Russian academy of sciences (letters, reports, diaries) and documents of the State palace-museum Turko-Tatar culture in Bakhchisarai restored scientific contacts of the famous orientalist with Crimean historians, a major museum workers O.-N. A. Akchokrakle, W. A. Bodanisky, S. B. Efetov, I. N. Lamanov, A. I. Markevich, P. J. Chepurnoy, B. V. Choban-zade, N. L. Ernst, and others. First trip Krachkovsky in the Crimea in 1924 was undertaken at the invitation of the Crimean University named after comrade Frunze. More than lectures on the Eastern branch of the provincial University, Krachkovsky was interested in Arabic manuscripts, deposited in the Crimean bookstore, museum and private collections. Academician took up the study of manuscripts in the collections of national Palace Museum Turko-Tatar culture in Crimea and Karaite library Karai-bitikligi in Evpatoria. Considered the version that I. Y. Krachkovsky sanctioned the transportation of this unique book

collection from Evpatoria to Leningrad. Second trip in 1929, was sanctioned by the Academy of sciences of the USSR. The main focus of academician attracted inscriptions found in the excavations of the 20s of 20<sup>th</sup> century in the Old Crimea. The monuments were placed in a specially designed storage unit where it was formed over hundreds of exhibits that were studied. Established during the visits, scientific and personal contacts had a significant influence on the further development of studying of the Crimea.

**Key words:** I. Y. Krachkovsky, W. A. Bodaninsky, A. I. Markevich, studying of the Crimea, Oriental studies, Crimean University, Karaites, Crimean Tatars.

### Laila Nordqvist. Some petitions from the Novgorod Occupation Archives

The Archives of the Chancellery of the Voevoda of Novgorod constitute a large part of the local administration of Novgorod primarily of the years 1611–1617. During these years, the city and its surrounding region was under Swedish occupation, but had a common Swedish and Russian rule consisting of the Swedish voevoda, Jacob De la Gardie, and his Russian counterpart, Ivan Nikitich Bolshoy Odoyevsky. The Archives consist of some 30,000 pages of text divided into two Series. Series I consists of 143 books and quires (some 23,000 pages); Series II of 368 rolls (some 7,000 pages). After the Peace of Stolbova in 1617, the Archives were taken to Sweden and are preserved in the National Archives of Sweden in Stockholm.

The historical background is given to Sweden's interference in Russia's affairs in that time, called the «Time of Troubles». Throughout the years of occupation, several hundreds of petitions were submitted to the authorities by individuals or collectives. In the article, twelve petitions from the Archives are published. They are examples of citizens in society who had a right to hand in a request or a complaint and whom the authorities had selected to support with a sum of money or in some other way. A description is given of the petition as a means of communication between the individual citizen and the authorities. The fixed structure, the format, is emphasized, as is the chancellery language, reflecting the difficult situation in the city in a direct and outspoken way. The petitions are written in the traditional Russian format, but are not addressed to a Russian tsar. Instead, they are generally addressed to the King of Sweden or to Karlus Filipp, younger brother of the King Gustaf II Adolf. This address makes the petitions unique.

**Key words:** Jacob De la Gardie, archives, day-to-day life, secretary (diak), notary (sqiair clerk), Stolbovo Treaty, Time of Troubles, petition.

**A. P. Pavlov. From the history of old family lands of the Rostov princes in the 17<sup>th</sup> century (the fate of the patrimonial estates of the princes of Rostov)**

The article is devoted to the study of the history of the old family lands of the Rostov princes of the first half of the 17<sup>th</sup> century. The author showed that the Oprichnina had caused serious damage to old family lands of the Rostov princes. At the end of the 16<sup>th</sup> century, the Rostov princes had only minor remnants of the old family lands in the Rostov district. In the first half of the 17<sup>th</sup> century, the Rostov princes tried to save and return the old family lands in the Rostov district. However, the return of the old family lands, which were lost during the Oprichnina, was not easy. Between the confiscation of princely estates during the Oprichnina (1565) and the time of the reign of Mikhail Fedorovich Romanov has passed more than 40 years and descendants have lost the right to their return. At the beginning of the reign of Mikhail Romanov Princes V. I. and P. V. Bahteyarovs-Rostovskies got the old family land of princes Bahteyarovs in the Rostov which they lost in the Oprichnina. These lands were given to them not as the old family land but as a reward for their service to the State. On the other hand, the attempts of Prince Mikhail Mikhailovich Temkin-Rostovsky to return the old family lands of princes Temkins which they had lost during the Oprichnina were deemed illegal. The author concluded that the old family lands of the Rostov princes in the Rostov district completely ceased to exist before the mid-17<sup>th</sup> century.

**Key words:** Rostov princes, votchina, the old family lands, Oprichnina, the cadastres, the acts, selo, derevnya, the right to inherit, the right of redemption.

**I. S. Ratkovsky. White repressions in Orenburg in the period of Civil War in Russia 1917–1919**

In the article reveals the features of White repressions in the period of Civil War on the territories of the Orenburg Cossac Army. The article displays the role in repressions of Cossac ataman A. I. Dutov, which often paraded his personal involvement in them. The article brings the evidences of correlation of White terror and military operations. One of features of White terror in Orenburg territories were repressions against Red Cossacs as well as disciplinary repressions, though disciplinary repressions affected mostly urban citizenry. Repressions in this region were practiced on a wide scale and played a role in White movement defeat in the region.

**Key words:** Alexander Dutov, Russian Civil War, death penalty, White Terror, Orenburg, The Orenburg Cossack Host.

### **A. I. Rupasov. «In the circles of the German government the article has caused a stir». Case Kaisarov — Schvarsalon, 1932**

The political leadership of the Soviet Union in the 1920s–1930s was constantly concerned with the control of publications on foreign policy problems in the media. The shortage of qualified journalist staff, the desire of the political leadership to hide the true purposes of foreign policy actions and their own indecision or weakness, as well as the deprivation of the People's Commissariat of Foreign Affairs of the real opportunities for prior censorship of articles on international issues — it's all paved the way for the appearance in print of materials which do not coincide in content with the official position. Such articles appeared from time to time in the press. The attempts of the People's Commissariat of Foreign Affairs to improve the situation have been unsuccessful. However, it is the publication of the article «The Military power of Germany» in a Leningrad newspaper in August 1932 led to extremely sharp reaction of the Politburo of the CPSU(b). The article's appearance at that moment was inappropriate because it was then that the Soviet leadership tried to resist the emerging changes in policy of the Cabinet of Franz von Papen. Engineer Kaisarov and acting head of the Department of foreign information in the «Evening Red Newspaper» Schvarsalon was proclaimed as the main culprits of the publication. As a result of the investigation, which was conducted in Leningrad State political administration (OGPU), in most Soviet Newspapers have been either shut down the departments of international information, or sharply reduced the number of its employees.

**Key words:** Germany, USSR, France, Kaisarov, Schvarsalon, the OGPU, the Politburo of the CPSU(b), international relations.

### **I. V. Savitskii. For the biography of Sergei Kaznakov**

The article is dedicated to the works of an official of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Empire, a stall master of the Imperial Court Sergei Kaznakov (1863–1930), a historian, genealogist, and fine art expert. The material is based on four archives of St Petersburg: The Russian State Historical Archive, the Manuscript Division of the Russian Literature Institute (the Pushkin House), St Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences (RAS), and St Petersburg Branch of the Archives of RAS.

The purpose of the article is to analyze certain aspects of Sergei Kaznakov's personal life and works, since he was a typical representative of a group of amateur historians, whose official job was not within the field of the science of history. This did not prevent them from becoming the concentrate of data about the era, which had to be created against their will.

The article gives an overview of the scientific works of Kaznakov, the analysis of his public relations, and archival heritage. Special attention is paid to the adaptation

of the scientist to the conditions after the revolution of 1917 and its relation to Bolshevism.

**Key words:** Sergei Kaznakov, the revolution of 1917, genealogy, Grigory Rasputin, emigration, historian, archival studies.

### **M. V. Schkarovskii. Russian St Panteleimon monastery on Mount Athos in the early years after the end of the World War I (1919–1924)**

In the article author analyses difficult and in many respects critical period in the history of the Russian St. Panteleimon monastery (Russik), one of 20 main monasteries of Mount Athos, when the period of prosperity and rapid development of the monastery changed into its crisis and gradual extinction, threatening the very existence of the monastery. In 2016 it will be celebrated the Millennium of the Russian presence on Mount Athos. In this regard, attention of historians and general public is attracted to different epochs of its history, of which time period of 1919–1924 is the least examined. The documents of the archive of the St Panteleimon monastery, which became the main source base for the article, have been systematized and prepared for the scientific study quite recently.

After the October revolution and onset of the Civil war in 1918 Russian Athonite monasticism was cut off from the Motherland. A substantial part of Athonite monks, who remained after the World War I and the revolutionary events in Russia, were subjected to repressions. In the early 1920s, the St Panteleimon monastery was deprived of all his estates and other real estate in Russia, in particular Moscow, Odessa, Rostov, Taganrog and Petrograd town churches have been lost in 1922–1923 because of their close or capture by the Renovationists.

Due to significant financial difficulties, the monastery had to sell the Church plate, vestments, icons, household equipment. At the same time the monastic workshops and crafts fell into decay. The printing activity stopped in 1920 owing to lack of funds. Some boats belonged to the St. Panteleimon cloister were sold as well as a part of the collection of manuscripts of the monastery library. The number of monks significantly reduced because of diseases and lack of food.

The elaboration of the «Statutory Charter of the Holy Mountain Athos» (known as «New canonism») by the special Committee on May 10, 1924 was a kind of a milestone in the history of the Russian Athonite monasteries. The situation worsened after the community of Russik refusal to sign the document. Until mid-1925 one of the buildings of the monastery was occupied by Greek soldiers. In late 1924 – early 1925, the Russian monastery of Mount Athos lost its metochi (estates) in Greece requisitioned by the Greek government.

The persecution of the Moscow Patriarchate did not allow its leadership to pay proper attention to foreign monasteries. However, the Russian Orthodox Church

Outside of Russia began to support their compatriots on Mount Athos more and more. In particular, there were often visits of the First Hierarch of the Russian Church Outside of Russia, Metropolitan Anthony (Khrapovitsky) and the pilgrimage of the Russian emigrants gradually increased. This allowed St Panteleimon monastery to withstand and became one of the reasons of its new spiritual elation in the 1930s.

**Key words:** the Russian St Panteleimon monastery, Athos, the Moscow Patriarchate, the Russian Orthodox Church Outside of Russia.

### **D. V. Vedeneev. The inspirer of the church splits of the 1920s – the beginning of the 1930s in Ukraine (the pages of the biography of «chekist» Sergiy Karin-Danylenko)**

On the basis of previously classified documents of the Soviet state security bodies covered organization, forms and methods of work of the State Political Directorate (GPU) of the Ukrainian SSR, aimed at harassment and persecution of the Church by making artificial divisions and of strife. We investigate the role in this process-leading employee, then – the head of «anti-religious» divisions secret-political management of the GPU of the Ukrainian SSR S. Karina-Danilenko.

The state of the major religions in the Soviet Ukraine in the 1920s – early 1930s. We study the set of operational methods used by the GPU for the decomposition of confessional environment of the country. Highlights the strategy of agent and operational undermining (split) of Orthodoxy in Ukraine. In particular, it refers to the main instrument of the security services – inspiring numerous schisms, of strife and a simple bleed hierarchs of the Russian Orthodox Church (ROC) and «Renovationism» opposition ROC canonical Ukrainian Autocephalous Church.

The article notes that the success S. Karina-Danilenko by «church line» were due to a combination of personal and professional moral and psychological qualities. Contemporaries and colleagues noted his erudition, hard work, artistry, communication skills, willingness to operational risk and creativity, excellent knowledge of the environment and its religious leaders. The author concludes that the effectiveness of agent and operational activities ensured by the fact that for effective operatives were authoritarian power, aggressively atheistic state, apply massive physical repression of the clergy and the «clergy» (firmly faithful laity), extensive capabilities with its security services total awareness and ubiquitous secret-service unit, quickly gaining experience rapid development of the religious environment and its management in the light of the political guidelines and ideological doctrine communist party elite.

**Key words:** Orthodox Church, the persecution of religion in the USSR, the church schism, political repression, the public security organs of the USSR.



## **V. A. Veremenko. Religious education of children in the Russian noble families in the second half of 19<sup>th</sup> — early 20<sup>th</sup> centuries**

The article analyzes the features of the religious education of children in the Christian noble families of Russia in the post-reform period. Despite the interest in the problems of the history of childhood manifested in modern historical science, this issue has not yet been the subject of an independent scientific and historical research.

The author draws attention to the work of parents, educators and domestics to acquaint children with Christian rites, the Church calendar, and to give them knowledge of prayers and texts of Holy Scripture. The possibilities for introducing children to the dogmatic, emotional and spiritual sides of the creeds are explored. Special attention is paid to problems of the noble families' attitude to the fasting, the organization and the nature of the religious holidays, children's knowledge of prayers, as well as the problem of visiting the churches by young noblemen and noblewomen.

Religious education in the families of Russian nobility in the second half of 19<sup>th</sup> and early 20<sup>th</sup> century either was not carried out by educators, being just one small part of the process of preparing noble children to school, or was very formal. It is noted that servants and teachers (mentors) played much greater role than the parents in the emotional and moral side of faith. As a result, before entering school the majority of children of the Russian nobles were a kind of «spontaneously believers», with the following characteristics: belief in the supernatural; experience of going to Church and participation (in most cases) or at least observation of prayer practices, and knowledge of religious calendar (but with a very selective observance); high awareness of the content of the Bible, but with the regard to this content, as school subject.

**Key words:** post-reform Russia, religious education, noble family, Church, parents, educators, children, prayer, ritual, fasting, Christian holidays.

## Сведения об авторах

**Андреев Артем Алексеевич**, к.и.н., младший научный сотрудник отдела «Дворец Меншикова» Государственного Эрмитажа, доцент факультета международных отношений и социальных наук, научный сотрудник Института истории Санкт-Петербургского государственного университета.

E-mail: gal7gas@yandex.ru

**Андреева Екатерина Александровна**, к.и.н., старший научный сотрудник Государственного Эрмитажа.

E-mail: eandreeva@yandex.ru

**Андреева Татьяна Васильевна**, д.и.н., ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН.

E-mail: ta-a.andreeva2014@yandex.ru

**Барыкина Инна Евгеньевна**, к.и.н., доцент кафедры социального образования Санкт-Петербургской академии постдипломного педагогического образования, докторант-соискатель отдела Новой истории России СПб ИИ РАН.

E-mail: ibarykina@mail.ru

**Беспярых Юрий Николаевич**, д.и.н., ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН.

E-mail: ybespyatykh@yandex.ru

**Веденеев Дмитрий Валерьевич**, д.и.н., профессор, заведующий отделом военной истории Национального НИИ украиноведения и всемирной истории (Киев).

E-mail: nndiuv.org.ua

**Веремченко Валентина Александровна**, д.и.н., зав. кафедрой истории Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина.

E-mail: opinion@atlant.ru

**Ганин Андрей Владиславович**, д.и.н., старший научный сотрудник Института славяноведения РАН, редактор отдела военной истории российского исторического журнала «Родина» (Москва).

E-mail: andrey\_ganin@mail.ru

**Дубенцов Борис Борисович**, к.и.н., доцент, старший научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук.

E-mail: bntsv@rambler.ru

**Карначёв Александр Евгеньевич**, младший научный сотрудник Отдела рукописей Библиотеки Российской академии наук, аспирант Санкт-Петербургского института истории РАН.

E-mail: karnachov72@mail.ru

**Корнева Н. М.**, к.и.н., доцент Санкт-Петербургского государственного университета, главный специалист Российского государственного исторического архива.

E-mail: nadezhdakorneva@mail.ru

**Крапивин Михаил Юрьевич**, д.и.н., профессор Санкт-Петербургского государственного университета.

E-mail: mihailkrapivin61@yandex.ru

**Непомнящий Андрей Анатольевич**, д.и.н., профессор, заведующий кафедрой исторического регионоведения и краеведения Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского.

E-mail: aan@home.cris.net

**Нордквист Лайла**, архивист, университет Упсалы.

E-mail: aselin@hse.ru

**Носков Владимир Витальевич**, д.и.н., профессор, заведующий отделом всеобщей истории Санкт-Петербургского института истории РАН.

E-mail: vvnoskov@yahoo.com

**Павлов Андрей Павлович**, д.и.н., ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН, профессор Санкт-Петербургского государственного университета.

E-mail: pavlov\_ar@mail.ru

**Ратьковский Илья Сергеевич**, к.и.н., доцент кафедры новейшей истории Института истории Санкт-Петербургского государственного университета.

E-mail: Il-67@yandex.ru

**Рупасов Александр Иванович**, д.и.н., ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук.

E-mail: rupasov\_ai@mail.ru

**Савицкий Иван Владимирович**, к.и.н., доцент кафедры отечественной истории Петрозаводского государственного университета.

E-mail: sawiz@onego.ru

**Чистиков Александр Николаевич**, заместитель директора по научной работе Санкт-Петербургского института истории РАН.

E-mail: tchistikov@yandex.ru

**Шкаровский Михаил Витальевич**, д.и.н., главный архивист Центрального государственного архива Санкт-Петербурга.

E-mail: shkarovs@mail.ru

## Contacts of authors

**Andreev Artyom Alekseevich**, Ph. D., Research Fellow in Department «Menshikov's Palace» of State Hermitage, Assistant Professor of the Department of International Relations, St Petersburg State University.

E-mail: gal7gas@yandex.ru

**Andreeva Ekaterina Aleksandrovna**, Senior Research Fellow, the State Hermitage.  
E-mail: eandreeva@yandex.ru

**Andreeva Tatiana Vasilievna**, Doctor of Sciences (History), St Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences, major scientist.

E-mail: ta-a.andreeva2014@yandex

**Barykina Inna**, Ph. D. in History, Assistant Professor of the Department of Social Education of the St. Petersburg Academy of Postgraduate Pedagogical Education.  
E-mail: ibarykina@mail.ru

**Bespyatykh Yurii Nikolayevich**, Doctor of History, leading researcher of the St Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences.

E-mail: ybespyatykh@yandex.ru

**Chistikov Aleksandr Nikolaevich**, Doctor of Sciences (History), Deputy Director, St Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences.

E-mail: tchistikov@yandex.ru

**Dubenzov Boris Borisovich**, Ph.D., Senior Research Fellow, Assistant Professor, St.-Petersburg Institute of History, Russian academy of sciences.

E-mail: bntsv@rambler.ru

**Ganin Andrey Vladislavovich**, Dr. Habil., Senior Research Fellow, Institute of Slavic Studies Russian Academy of Sciences, editor of the military history department Russian Historical Journal «Rodina» (Moscow).

E-mail: andrey\_ganin@mail.ru

**Karnachev Alexander Yevgen'evich**, research fellow of the Manuscript department, Library of the Russian Academy of Sciences, post-graduate student of the St Petersburg Institute of History.

E-mail: karnachov72@mail.ru

**Korneva N.M.**, Ph. D., Associate Professor, St Petersburg State University; senior specialist, Russian State Historical Archive.

E-mail: nadezhdakorneva@mail.ru

**Krapivin Michail Yurjevich**, Doctor of Sciences (History), Professor, St Petersburg State University.

E-mail: mihailkrapivin61@yandex.ru

**Nepomnyashchy Andrew Anatolievich**, Doctor of Sciences (History), Professor, head of the department of historical regional studies and the lore studies of the Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky.

E-mail: aan@home.cris.net

**Nordqvist Laila**, archivist, University of Uppsala.

E-mail: aselin@hse.ru

**Noskov Vladimir Vitaljevich**, Doctor of Sciences (History), Professor, head of the Department of General history, St Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences.

E-mail: vvnoskov@yahoo.com

**Pavlov Andrey Pavlovich**, Doctor of Sciences (History), leading research fellow in St Petersburg Institute of History Russian academy of Sciences, Professor, St Petersburg State University.

E-mail: pavlov\_ap@mail.ru

**Ratkovsky Ilya Sergeevich**, Ph. D. in History, Associate Professor, St Petersburg State University.

E-mail: Il-67@yandex.ru

**Rupasov Aleksandr Ivanovich**, Doctor of Sciences (History), leading research fellow, St Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences.

E-mail: rupasov\_ai@mail.ru

**Schkarovskii Mikhail Vitalievich**, Doctor of Sciences (History), chief archivist at the Central state archive of St Petersburg.

E-mail: shkarovs@mail.ru

**Vedeneev Dmitriy Valerjevich**, Ph. D., professor, head of the Department of military history, National research Institute of Ukrainian studies and world history.

E-mail: nndiuvi.org.ua

**Veremenko Valentina Aleksandrovna**, Doctor of Sciences (History), Head of History Department, Pushkin Leningrad State University.

E-mail: opinion@atlant.ru

# Требования к публикации статей и материалов

• Принимаются к рассмотрению оригинальные, ранее не публиковавшиеся тексты на русском и английском языках, объемом не более 1 а. л. (для аспирантов — не более 0,5 а. л.). Объем публикуемых документов и рецензий не должен превышать 0,5 а. л. Тексты представляются в электронном и распечатанном виде (шрифт текста Times New Roman, 14 кеглем, сноски — 10 кеглем).

• Обязательным является указание фамилии, имени и отчества (на русском и английском языках), места работы или учебы в аспирантуре/докторантуре, учебного звания и степени, адреса электронной почты и номера контактного телефона.

• Текст должен быть снабжен аннотацией на русском и английском языках (не менее 200–300 слов), перечнем ключевых слов (10–15), указанием индекса УДК (универсальной десятичной классификации), который приводится над фамилией автора слева.

• Сноски к тексту — постраничные, нумерация сквозная по всему тексту. Текст не должен быть форматирован, нельзя использовать автоматические переносы слов. В конце текста должен быть представлен транслитерированный (в латинице) список использованной литературы.

• Иллюстрации принимаются только черно-белые, в форматах tif и jpg, с разрешением не менее 300 dpi.

• Ответственность за точность цитат, приводимых фактов, имен собственных, географических названий лежит на авторах материалов, так же как и за то, что в них отсутствует упоминание сведений, не подлежащих открытой публикации.

• Статьи, поступившие в редакцию, регистрируются. Решение о публикации / отказе в публикации / направлении рукописи на доработку принимается ответственным редактором и сообщается автору в срок до 60 дней.

• Все поступившие в редакцию материалы подлежат предварительной оценке редакционной коллегией или ответственным редактором на предмет соответствия установленным формальным требованиям, а также на предмет отсутствия в рукописи неправомерного заимствования текста, иллюстраций, таблиц и пр.

• Все материалы, не отклоненные в результате предварительной проверки, подлежат обязательному независимому научному рецензированию без указания фамилии автора. Научное рецензирование может осуществляться любыми специалистами, в том числе и членами редакционной коллегии.

• До публикации материалов рецензенты и члены редакционной коллегии не вправе использовать рецензируемые материалы или ссылаться на них.

• Авторы должны подписать с редакцией журнала лицензионный договор на право использования научного произведения в «Петербургском историческом журнале».

# Издательство «Нестор-История» с 2003 года на рынке интеллектуальной литературы

**Мы осуществляем весь цикл предпечатной подготовки:**

- Набор текста
- Литературное редактирование
- Корректура
- Изготовление оригинал-макета любой степени сложности

**Наличие собственной типографии**

**позволяет минимизировать затраты на изготовление тиража книги**

**Издательство помогает своим авторам  
реализовать тираж через книготорговые организации**

*Наши партнеры в Санкт-Петербурге:*

- Санкт-Петербургский государственный университет
- Институт истории материальной культуры Российской Академии наук
- Социологический институт Российской Академии наук
- Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова Российской Академии наук (Санкт-Петербургский филиал)
- Санкт-Петербургский экономико-математический институт Российской Академии наук
- Санкт-Петербургский институт истории Российской Академии наук
- Институт восточных рукописей Российской Академии наук
- Санкт-Петербургский филиал архива Российской Академии наук
- Институт лингвистических исследований Российской Академии наук
- Институт русской литературы Российской Академии наук (Пушкинский Дом)
- Санкт-Петербургский научный центр Российской Академии наук
- Северо-Западный институт управления – филиал РАНХиГС при Президенте РФ
- Санкт-Петербургский Институт океанологии им. П.П. Ширшова Российской Академии наук (СПбФ ИО РАН)
- Академический университет – научно-образовательный центр нанотехнологий Российской Академии наук
- Международный банковский институт (АНО ВПО «МБИ») и другие организации

*Наши партнеры в Москве:*

- Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
- Государственный центральный театральный музей им. А.А. Бахрушина
- Государственный музей А.С. Пушкина
- Политехнический музей
- Институт славяноведения Российской Академии наук
- Институт археологии Российской Академии наук
- Институт проблем рынка Российской Академии наук
- Институт экономики Российской Академии наук
- Институт общей генетики Российской Академии наук
- Институт Европы Российской Академии наук
- Институт российской истории Российской Академии наук
- Институт географии Российской Академии наук
- Институт содержания и методов обучения Российской академии образования
- Психологический институт Российской академии образования
- Государственный институт искусствознания
- Государственный музыкально-педагогический институт им. М.М. Ипполитова-Иванова
- Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства Российской академии архитектуры и строительных наук
- Московский государственный университет тонких химических технологий им. М.В. Ломоносова
- Академия сферы социальных отношений и другие организации

Обращайтесь к нам по телефонам:

Санкт-Петербург  
+ 7(812)235 15 86

Москва  
+7 (499)755 96 25

или

через форму обратной связи на нашем сайте [nestorbook.ru](http://nestorbook.ru)

**Все книги издательства «Нестор-История»**

можно приобрести по адресу:

Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, д. 7, тел. +7(965)048-04-28

Москва, ул. 1-я Брестская, д. 62, 3-й этаж, тел. +7(499)755-96-25

(100 м от станции метро «Белорусская-Кольцевая»)

или заказать:

[www.nestorbook.ru](http://www.nestorbook.ru)

По вопросам оптовой торговли обращайтесь:

Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, д. 7, тел. 8-965-048-04-28

ТД «Гуманитарная Академия», тел. (812)430-99-21, [www.humak.ru](http://www.humak.ru)

